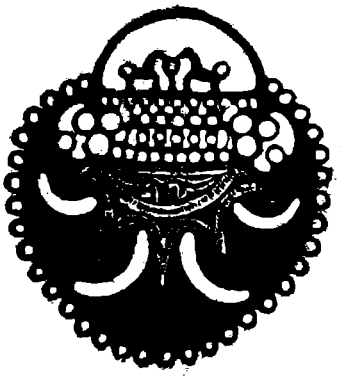
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



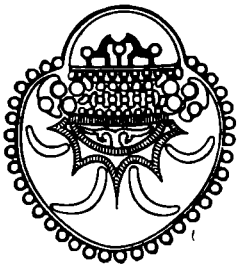
2

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19, тел. В 6-94-45

Журнал выходит 4 раза в год

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-05209 Подписано к печати 3/IV 1963 г. Тираж 2000 экз. Зак. 1627
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 9,25 Печ. л. 25,34 +4 вкл. Уч.-изд. л. 28,0

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва. Шубинский пер., 10

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КИСЕЛЕВА

8 ноября 1962 г. в Москве на 58-м году жизни, после тяжелой болезни, скончался член-корреспондент Академии наук СССР, доктор исторических наук, профессор Сергей Владимирович Киселев. В полном расцвете творческих сил смерть оборвала жизнь одного из виднейших советских историков и археологов. С его именем связаны лучшие достижения по древней и средневековой истории народов нашей страны. Свыше ста печатных трудов отражают многогранность научных интересов С. В. Киселева. Его исследования в области археологии, древней и средневековой истории народов Южной Сибири и Центральной Азии, разработка им проблемы древнемонгольского города получили широкую известность не только в отечественной, но и в мировой науке.

С. В. Киселев родился 17 июля 1905 г. в с. Мытищи Московской области. После окончания средней школы в Москве он поступил в 1923 г. в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова на историко-археологическое отделение. По окончании его в 1926 г. Сергей Владимирович был направлен университетом в аспирантуру Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. В 1930 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Минусинский неометалл» и начал работать в секторе археологии Института археологии и искусствознания.

С 1932 г. Сергей Владимирович работал в Москве в Отделении Государственной академии истории материальной культуры (МОГАИМК) сначала старшим научным сотрудником, позднее — действительным членом академии. С 1937 г., после реорганизации МОГАИМК в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР, и до последних дней своей жизни Сергей Владимирович был связан своей научно-исследовательской работой с научным коллективом этого Института, преобразованного в настоящее время в Институт археологии АН СССР.

Уже в аспирантские годы С. В. Киселев обладал огромной эрудицией, прекрасно зная все отделы археологии и владея общеисторической литературой по истории древнего мира и средних веков Западной Европы и СССР. Это отразилось в его известной статье «Поселение» (1928 г.), оказавшей большое влияние на развитие советской археологии. Он дал там общий очерк истории разных типов поселения с каменного века до средневековья, сделал обильные и оригинальные исторические выводы. Это один из первых опытов применения марксистско-ленинской методологии в археологии.

Круг научных интересов С. В. Киселева определился еще в годы аспирантуры. В 1928 г. на скромные средства, накопленные из аспирантской стипендии, Сергей Владимирович провел свои первые археологические исследования в Сибири. Раскопки оказались очень удачными, и

начинающий исследователь передал Минусинскому музею большую коллекцию. В 1929 г. появляются его первые печатные статьи, посвященные полевым исследованиям в Южной Сибири (Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г.). С этих лет разработка проблем по истории народов Сибири занимает видное место в исследованиях С. В. Киселева. Ежегодно, совместно с Л. А. Евтюховой, Сергей Владимирович проводил большие археологические раскопки. Работая на Алтае, в Хакассии, Туве, в Центральном Казахстане и Забайкалье, С. В. Киселев одновременно изучал богатые археологические фонды музейных собраний Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и других областей.

Как результат своих первых исследований Сергей Владимирович опубликовывает ряд крупных работ, освещающих различные вопросы по древней и средневековой истории Южной Сибири: «Тагарская культура», «Разложение рода и феодализм на Енисее», «Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба», «Афанасьевские курганы у с. Сыды и Теси», «Карасукские могилы на Алтае» и другие.

Начиная с 1930 г. С. В. Киселев много лет руководил Саяно-Алтайской экспедицией (ИИМК АН СССР, ГИМ и местных научных организаций). Исследуя древности Алтая, Сергей Владимирович с большим успехом производил раскопки многочисленных разновременных памятников от бронзового века до средневековья. Особенно интересные материалы дали курганы майэмирской культуры и пазырыкского времени у с. Пщехта и погребение Ак-Кюна в Курайской степи. На вещах, сопровождавших это погребение, были обнаружены древнетюркские надписи, которые Сергею Владмировичу удалось прочесть [1].

В 1936—1938 гг. раскопками экспедиции в Хакасской автономной области, на Уйбатском чаа-тасе, в Таштыкских родовых усыпальницах была собрана целая портретная галерея погребальных масок, запечатлевших черты древних обитателей этого края. В 1939—1940 гг. экспедицией были сделаны блестящие открытия погребений древнехакасской знати во время раскопок ставшего впоследствии широко известным чаа-таса у с. Копёны.

Обнаруженные этими раскопками материалы по-новому осветили расцвет высокой культуры кыргызского (хакасского) народа, который, по словам Сергея Владимировича, «...вместе с другими народами степи создавал шедевры реалистического искусства, строил первое в Сибири государство, пользовался первой для Северной Азии письменностью» [2].

В 1941, 1945—1946 гг. Саяно-Алтайская экспедиция сделала интереснейшие открытия дворцового здания древнекитайской архитектуры начала нашей эры близ г. Абакана.

Эти многолетние археологические исследования позволили С. В. Киселеву совершенно по-новому показать слабо изученные до Великой Октябрьской социалистической революции периоды древней и средневековой истории Южной Сибири и Центральной Азии. Результаты этих многочисленных исследований были обобщены С. В. Киселевым в ряде крупных трудов. Среди последних прежде всего следует назвать защищенную в 1946 г. докторскую диссертацию «Древняя история Южной Сибири», опубликованную в 1949 г. и удостоенную Ломоносовской премии, а в 1950 г.— Государственной премии. В этой книге С. В. Киселев, опираясь на разнообразные археологические материалы, характеризовал древние периоды — неолит, афанасьевскую, карасукскую, тагарскую эпохи, гунно-сарматское время и эпоху сложения древнетюркских госу-

---

[1] С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941.

[2] С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова. Чаа-тас у с. Копёны. Тр. ГИМ, вып. XI, 1940, стр. 54.

дарств V—X вв. н. э. на Алтае и в Хакассии у енисейских кыргызов. Впервые в исторической науке монография С. В. Киселева всесторонне осветила историю населения Южной Сибири на протяжении огромного хронологического периода — от каменного века до создания и расцвета средневековых государств. Наряду с использованием богатейших археологических материалов, в книге широко привлечены все другие виды исторических источников. Всё это позволило на основе марксистско-ленинской методологии создать фундаментальный труд по истории народов СССР, широко осветить важнейшие этапы исторического развития народов Южной Сибири, показать своеобразный путь сложения классового общества кочевых и полукочевых племен, происхождение этих племен, их тесные связи с народами сопредельных областей Восточной Европы, Центральной Азии, Ирана, Китая. В 1950 г. вышло второе издание этой книги.

В последующие годы (1954—1956 гг.) С. В. Киселев отдает свои силы изучению Большого Салбыкского кургана (в Хакасской автономной области), датированного IV—III вв. до н. э. и принадлежащего тагарской культуре. Небывалые по масштабам полевые работы приводят к вскрытию полностью этого колоссального кургана, в котором обнаружен всего один семейный склеп. Этот факт заставляет полагать, что общественные отношения в тагарскую эпоху были более сложными, чем это представлялось до раскопок больших тагарских курганов.

Наряду с исследованиями истории народов Южной Сибири, второй крупной проблемой, занимавшей С. В. Киселева, явилась проблема древнемонгольского города.

В 1946 г. Сергей Владимирович совершает научную командировку в Монгольскую Народную Республику с целью изучения археологических материалов для подготовительных работ по составлению академического издания «Истории МНР». Изучение археологических собраний в музеях МНР показало, что для полной картины исторического развития монгольского народа отсутствуют памятники по ряду важнейших этапов истории МНР, многие же освещены археологически еще весьма слабо. В связи с этим С. В. Киселев выдвигает новую задачу — проведение полевых работ на территории Монголии с целью датировки важнейших памятников, создания археологической периодизации древностей, без чего невозможна дальнейшая исследовательская работа по древней и средневековой истории МНР. Особое внимание С. В. Киселева привлекли материалы, собранные в Монголии по древней городской культуре. Многочисленные развалины городов, начиная с уйгурского периода, помогли Сергею Владимировичу изучить проблему древнего города в Монголии и привели к выводу, что «...исследование городов и городищ — это одна из основных задач изучения истории Центральной Азии»[3]. С. В. Киселев в течение 1948—1949 гг. руководил Монгольской историко-этнографической экспедицией АН СССР и Комитета наук МНР, в которой участвовали как советские, так и монгольские ученые. Большие раскопки экспедиция провела на месте столицы уйгурского ханства Хара-Балгас, на левом берегу р. Орхон. Здесь были открыты остатки дворцовых зданий и многоэтажной цитадели, городских кварталов, заселенных ремесленниками. Также уйгурским, но уже XI в., оказался исследованный экспедицией древний город Хадасан.

Особенно интересны обильные материалы, добытые раскопками развалин столицы Чингизидов Кара-Корума на р. Орхон, около древнего монастыря Эрдени-Цзу. Здесь экспедиция обнаружила и исследовала остатки величественного дворца Угэдея и городские кварталы, отмеченные следами деятельности многочисленных ремесленников.

---

[3] С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, 2, стр. 101.

Быстрое накопление новых фактов позволило С. В. Киселеву представить древнюю и средневековую историю Монгольской Народной Республики в новом свете, причем в ней можно различить больше прогрессивных явлений, чем это представлялось еще сравнительно недавно. В своем докладе «Древние города Монголии», прочитанном на отчетной сессии Отделения исторических наук АН СССР в 1956 г., С. В. Киселев пришел к выводу, что наряду с кочевничеством в Монголии издавна существовала оседлость и развивалась городская жизнь. Продолжая разработку проблемы древнемонгольского города, С. В. Киселев и его ученики научными силами Монгольской экспедиции ИИМК АН СССР перенесли раскопки на территорию Забайкалья — в Тувинскую автономную область и Читинскую область. Интереснейшие раскопки были поставлены на Хирхиринском городище — крупном городском центре Северо-восточной Монголии и на его некрополе, относящемся к XIII—XIV вв. Эти раскопки, писал Сергей Владимирович, дали возможность «...увидеть и здесь всю глубину экономических и социальных различий монгольского общества, уже бывшего классовым на первых этапах развития древнемонгольского государства» [4].

Это очень важно и потому, что показывает глубокую социально-экономическую обусловленность развития в ту эпоху городов и городской жизни — тех сторон истории древнемонгольского феодализма, которые еще недавно оставались за пределами внимания историков государства Чингизидов.

Особенно обширные исследования были осуществлены экспедицией в 1947—1958 гг. близ с. Кондуй в Читинской области. Здесь был раскопан грандиозный дворец одного из древнемонгольских феодалов XIV в. Всеми своими чертами кондуйский комплекс зданий и особенно дворец весьма близок к знаменитому дворцу в Кара-Коруме. Дворец, крытый поливной черепицей, был украшен поливными рельефами. В центре здания находился многоколонный зал; на внешней галерее стояли каменные скульптуры.

Исследование проблемы древнемонгольского города явилось для С. В. Киселева органическим продолжением его многолетних работ в Южной Сибири, позволивших раскрыть общие закономерности исторического развития народов Центральной Азии. Исследования в Сибири обусловили постановку С. В. Киселевым этой проблемы и выдвижение им тезиса о существовании древнемонгольских городов, о значительной роли их в процессе становления классового общества и государства древних монголов. Разработка Сергеем Владимировичем проблемы древнемонгольского города резко изменила общие представления о древнемонгольском феодализме, которому раньше приписывался чисто кочевнический характер.

В течение многих лет С. В. Киселев положил немало сил для установления дружеских научных связей с археологами МНР, для создания I тома «Истории Монгольской Народной Республики». Он был и редактором I тома МНР, и автором раздела «Первобытнообщинный строй». К 40-летию Монгольской Народной Республики под редакцией С. В. Киселева в 1962 г. вышел «Монгольский археологический сборник», отражающий совместную дружную работу монгольских и советских археологов. Работа эта продолжается и теперь советскими и монгольскими учеными, главным образом учениками С. В. Киселева. Они работают на территории МНР, в Забайкалье и Тувинской АССР. Важнейшим вопросом монгольской исторической науки по-прежнему остается изучение проблемы города в древней и средневековой истории МНР.

---

[4] С. В. Киселев. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье. СА, 1961, 4, стр. 127.

Результаты больших исследований по этой проблеме обобщены С. В. Киселевым в книге «Древнемонгольские города», включающей основные результаты раскопок Хирхиринского города, городища Дён-Терек, Кара-Корума, «Кондуйского городка». Разделы этой коллективной работы написаны самим Сергеем Владимировичем и постоянно работавшими вместе с ним Л. А. Евтюховой, Н. Я. Мерпертом, Л. Р. Кызласовым и В. П. Левашевой. Этот труд был закончен С. В. Киселевым накануне постигшей его смертельной болезни и в ближайшее время выйдет в свет.

Третья проблема, увлекавшая Сергея Владимировича на протяжении многих лет его творческой жизни,— это проблема истории древнего Китая и взаимоотношения древнекитайских культур с культурами бронзового века на территории СССР. Проблема эта была им широко затронута еще в монографии «Древняя история Южной Сибири» и продолжала в дальнейшем занимать видное место в его исследованиях.

В 1950 г. С. В. Киселев совершает большую научную поездку в Китайскую Народную Республику, где изучает музейные собрания и читает лекции о работах советских археологов и о советской исторической науке в гг. Пекине, Тяньдзине, Нанкине, Шанхае, Аньяне, Синьфу. Эти лекции изданы в 1950 г. в Пекине на китайском языке.

В связи с изучением древних городов Монголии, Сибири и Дальнего Востока, во время пребывания в Китае С. В. Киселев уделяет особое внимание памятникам архитектуры древнего Китая и специально изучает образцы древней черепицы, в результате чего появляется его интереснейшее исследование «Из истории китайской черепицы».

Он возвращается к этой теме и позднее после вторичной своей поездки в Китайскую Народную Республику в 1959 г., когда, проработав богатые археологические коллекции в музейных собраниях в Харбине, Чаньчуне, Шэньяне, Чжэнчжоу, Лояне и других городах, пишет статью «О древней черепице в музеях КНР».

Во время вторичной поездки в Китай С. В. Киселев много работал над археологическими коллекциями периода неолита и бронзы Китая. Изучив эти коллекции, он опубликовал обзорную статью «Неолит и бронзовый век Китая», в которой с особым вниманием подвергает научному анализу те древние памятники, которые свидетельствуют о постоянстве связей древнего Китая с Сибирью и Средней Азией. В этой статье С. В. Киселев не только дает систематизацию памятников неолита, бронзы и раннего железа, но показывает и «единство и преемственность культуры, спаявшей огромную территорию, а также те связи, которые издревле развивались между Китаем и соседними странами. Эти связи взаимно обогащали их высшими достижениями техники и культуры и содействовали тому подъему, который был достигнут в раннем железном веке в Китае, Средней Азии, в Южной Сибири и в Центральной Азии[5].

Тогда же С. В. Киселев публикует на китайском языке две статьи «Новые данные о жизни городов в районе Забайкалья и Южной Сибири» и «Связь между бронзовой культурой на территории СССР и культурой Шан в Китае»[6].

Кроме названных проблем Сергей Владимирович плодотворно работал над историей неолитических племен Европы, Средней и Северной Азии в V—IV тысячелетиях до н. э., над вопросами культуры племен скотоводов и земледельцев Азии в период неолита, над историей племен Европы и Азии во II тысячелетии до н. э. Все эти его исследования вошли отдельными главами в I том «Всемирной истории», одним из редакторов которого он являлся.

В последние годы своей жизни С. В. Киселев начал работу над большим трудом «Бронзовый век Старого Света». Он задумал на основа-

[5] С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, 4, стр. 266.

[6] Журнал «Каогу», 1960, 2 (на китайском языке).

нии обширных материалов Европы, Азии и Африки дать историческое обобщение по одному из важнейших периодов древнейшей истории человечества. Именно в связи с этим исследованием он осуществил в мае 1962 г. свою интереснейшую поездку на остров Кипр и в Грецию, где ему удалось познакомиться с коллекциями эпохи бронзы Средиземноморья. К сожалению, этот последний труд остался незавершенным.

Кроме научно-исследовательской работы С. В. Киселев занимался и преподавательской деятельностью. С 1939 г., т. е. двадцать три года, он состоял профессором кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Студенты-археологи особенно любили читавшийся им курс «Бронзовый век»; их привлекали содержавшиеся в этом курсе широкие исторические обобщения. Прекрасно владея археологической литературой на разных языках, С. В. Киселев включал в свои лекции материалы СССР, Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока. В этом курсе, больше чем во всех других, студенты учились систематике культур. Множество типологических сопоставлений, охватывавших все территории от Атлантического до Тихого океана, помогали освоить методику археологической науки. По материалам раскопок в Кноссе и Мари воссоздавались интересные реконструкции быта. Изречения древневосточных мудрецов и поэтов, умело вставленные в лекции, увлекали слушателей. С неизменным мастерством С. В. Киселев читал также спецкурсы по археологии Сибири и Китая, а иногда и общий курс археологии на первом курсе. Некоторые археологи, ныне приобретшие научное имя, вошли в науку, занимаясь в его специальном семинаре.

Широко известна научно-организационная деятельность Сергея Владимировича. С 1929 по 1938 г. он работал в Государственном историческом музее в Москве в отделе раннего феодализма. Ряд лет (1945—1951 гг.) он был заместителем директора Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Института археологии), с 1951 г. и по день смерти — заведовал сектором неолита и бронзы этого Института. Обладая большими организационными способностями, С. В. Киселев с 1950 по 1954 г. занимал должность ученого секретаря Президиума АН СССР. Около десяти лет он состоял членом бюро ОИ АН СССР.

Будучи широко эрудированным ученым, С. В. Киселев с 1949 г. и до последних дней состоял главным редактором «Вестника древней истории» — органа Института истории АН СССР, активно содействуя развитию этой области советской исторической науки. Член КПСС с 1949 г., С. В. Киселев уделял немало сил и внимания партийной деятельности. Несколько лет подряд он руководил работой семинара по марксистско-ленинской теории для научных сотрудников ИА АН СССР.

В 1953 г. С. В. Киселев был избран членом-корреспондентом АН СССР. Государственная премия за труд «Древняя история Южной Сибири» и высокие правительственные награды — ордена Ленина в 1954 г. и Знак Почета — являются заслуженной оценкой научной и общественной деятельности С. В. Киселева.

В лице Сергея Вадимировича Киселева мы потеряли не только виднейшего советского археолога, но и прекрасно эрудированного историка. В решении сложных археологических проблем историчность всегда являлась характерной чертой его исследований.

Смерть рано унесла от нас С. В. Киселева — талантливого, разностороннего, полного творческих сил ученого. Все, что он сделал, навсегда останется среди лучших достижений советской науки. Всем, знавшим Сергея Владимировича, никогда не забыть его полный энергии и жизнерадостности образ, образ ученого большого дарования, всю свою творческую жизнь отдавшего развитию советской археологии.

Т. С. Пассек

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ С. В. КИСЕЛЕВА*

1. Археологические раскопки близ ст. Икша и на р. Уче Московской губ. в 1927 г. «Московский краевед», 1928, 4.
2. Литейная форма из Сибири. ТСА РАНИОН, 3, М., 1928.
3. Поселение. Труды секции теории и методологии (социологической) ИАИ РАНИОН. 2, М., 1928.
4. Тагарская культура. ТСА РАНИОН, 4, М., 1928.
5. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова, т. 6, 2, Минусинск, 1929.
6. Материалы для археологической карты Московской губ. «Московский краевед», 1929, 2 (в соавторстве с А. Ф. Дубыниным).
7. Новые методы археологии. ИМ, 14, 1929 (в соавторстве с А. В. Арциховским и др.).
8. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. Сб. «Техника обработки камня и металла». М., 1930.
9. Разложение рода и феодализма на Енисее. Л., 1933.
10. К истории восстания смердов 1071 г. ПИМК, № 7—8, 1933 (в соавторстве с А. В. Арциховским).
11. Семантика орнамента карасукских стел. Сб. «Из истории докапиталистических формаций». М.— Л., 1933.
12. Белый и Земляной город (по материалам Комиссии по Метрострою). ПИДО, 5, 1934 (в соавторстве с Н. Г. Тарасовым).
13. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакассии. СЭ, 1935, 4—5.
14. Из работ Алтайской экспедиции Гос. исторического музея в 1934 г. СЭ, 1935, 1.
15. Маски из древнейших чаа-тас. Известия Гос. музея им. Н. М. Мартьянова. Минусинск, 1935, 1.
16. Работы на строительстве Московского метрополитена. I участок. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., I, М.— Л., 1935.
17. Кузнецовские курганы. СА, 1936, 1.
18. Остатки Белого и Земляного городов на Арбатском радиусе. По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936.
19. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. СА, 1936, 1.
20. Старинные одежды, найденные на метро. По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936.
21. «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси. СА, 1937, 2.
22. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. СА, 1937, 3.
23. Мельницы в средние века. Сб. «Ремесла и промыслы IX—X вв.». М., 1937 (в соавторстве с Л. А. Евтюховой).
24. Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1936 г. ВДИ, 1937, 1.
25. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакассии летом 1936 г. СА, 1937, 4.
26. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1937 г. ВДИ, 1938, 2.
27. Советская археология Сибири периода металла. ВДИ, 1938, 1.
28. Карта монгольских завоеваний XIII в. Приложение к кн. В. Ян. Чингис-хан. М., 1939.
29. Чингис-хан и завоевания XIII века. Вступительная статья в кн. В. Ян. Чингис-хан.
30. Кыргызы. В кн. История СССР, ч. 3—4, М., 1939.
31. Неизданные надписи енисейских кыргызов. ВДИ, 1939, 3.
32. Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. ВДИ, 1939, 4 (в соавторстве с Л. А. Евтюховой).
33. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. ВДИ, 1939, 1.
34. Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ. КСИИМК, III, 1940 (в соавторстве с Л. А. Евтюховой).
35. Находка античных и византийских монет на Алтае. ВДИ, 1940, 3—4.
36. Чаа-тас у села Копёны. Сб. статей по археологии СССР. Тр. ГИМ, XI, 1940 (в соавторстве с Л. А. Евтюховой).
37. Рецензия. А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1940, ВДИ, 1940, 2.
38. Рецензия. КСИИМК, I, II, 1939; КСИИМК, III, 1940; ВДИ, 1940, 2.
39. Рецензия. В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939. ВДИ, 1940, 2.
40. Курайская степь и Старо-Бардинский район, 1935 г. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941.
41. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, XVI, 1941 (в соавторстве с Л. А. Евтюховой).
42. Хакасская автономная область, 1936 г. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941.
43. Рецензия. А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, 9, 1940; ВДИ, 1941, 1.
44. Рецензия. КСИИМК, IV, V, VI, VII, 1940; ВДИ, 1941, 1.
45. Рецензия. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. 1, Тбилиси, 1941. ИЖ, 1942, 5.
46. 25 лет советской археологии. Сб. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.— Л., 1942.

---

* Составлен Г. Е. Грюнберг.

47. Два военных года советской археологии. ВАН СССР, 1943, 9—10.
48. 25 лет советской археологии (К юбилею Института истории материальной культуры). ВАН СССР, 1944, 9.
49. Бронза. Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945.
50. Кавказ и Закавказье. Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945. (В соавторстве с Б. Б. Пиотровским).
51. Сибирь. Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945. (В соавторстве с Г. П. Сосновским).
52. Археологические экспедиции ИИМК АН СССР в 1945 г. ВДИ, 1946, 2.
53. Общество и государство енисейских кыргызов в VI—X веках. ИАН СССР. Серия ист. и фил., 1946, 3, № 1.
54. Открытия памятников эпохи бронзы в СССР за 25 лет. КСИИМК, 1946, XIII.
55. Работа в области археологии Института истории материальной культуры АН СССР (по плану 1946—1950 гг.). ВДИ, 1946, 2.
56. Рецензия. А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.— Л., 1946. ВДИ, 1947, 1.
57. Рецензия. КСИИМК, X, 1941; ВДИ, 1946, 1.
58. Рецензия. А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943. КСИИМК, в. XII, 1946.
59. Рецензия. С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана. Ташкент, 1943, ВДИ, 1946, 1.
60. Рецензия. Сб. «Трипільска культура», 1, Київ, 1940. ВДИ, 1946, 1.
61. Рецензия. Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940. КСИИМК, XII, 1946. (В соавторстве с В. Н. Чернецовым).
62. Алтай в скифское время (Майэмирская культура). ВДИ, 1947, 2.
63. Археологическая поездка в Монголию. КСИИМК, XXI, 1947.
64. Дмитрий Николаевич Анучин — археолог. Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. М.— Л., 1947, 1.
65. Древнехакасский «эль».— Зап. Хакасск. НИИЯЛИ, Абакан, 1947, 1.
66. Древняя история Южной Сибири (Автореферат докт. дисс.). ДИСИФ МГУ, М., 1947, 5.
67. Из истории торговли енисейских кыргыз.— КСИИМК, XVI, 1947.
68. Монголия в древности. ИАН СССР. Серия ист. и фил., 1947, 4, № 4.
69. Рецензия. КСИИМК, X, 1941. Сб.: Советская этнография, М.— Л., 1947, вып. 6—7.
70. К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири. ВДИ, 1948, 1.
71. Рецензия. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л., 1947. ВДИ, 1948, 3.
72. Древняя история Южной Сибири. МИА, 1949, 9.
73. Лугавская стоянка. КСИИМК, XXV, 1949.
74. Письменность енисейских кыргыз. КСИИМК, XXV, 1949.
75. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, XXVI, 1949. (В соавторстве с Л. А. Евтюховой).
76. Рецензия. В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II, Л., 1947. КСИИМК, XXVIII, 1949.
77. Из древней истории Срединной Азии. ДИСИФ МГУ. М., 1950, вып. 9.
78. Работы советских археологов. Пекин, 1950 (На китайском яз.).
79. Советская историческая наука. Пекин, 1950 (На китайском яз.).
80. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд., М. 1951.
81. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951.
82. Вопросы археологии первобытного общества. КСИИМК, XXXVI, 1951.
83. Советская археология в первое послевоенное пятилетие. ИАН СССР. Серия ист. и фил., 1951, 8, № 3.
    Советская археология в первом послевоенном пятилетии. Тезисы докладов на сессии Отделения ист. и филос. и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951.
85. Рецензия. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. ВДИ, 1951, 3.
86. Советская археология в первое послевоенное пятилетие. КСИИМК, XLIV, 1952.
87. Задачи советской археологии. Тезисы сессии Отделения ист. и фил. и пленума ИИМК. М., 1953 (Гектографированное изд.).
88. Китай. Археологический очерк. БСЭ, 1953, т. 21; Археологический очерк. сб. «Китай», М., 1954.
89. О недостатках и новых задачах в изучении бронзового века. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953.
90. Программа курса «Бронзовый век». М., 1954.
91. Первобытно-общинный строй. История Монгольской Народной Республики. М., 1954.
92. Предисловие. Очерки «По следам древних культур», 3, М., 1954.
93. Рецензия. А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954. ВДИ, 1955, 1.
94. Китай и Сибирь в бронзовом веке. Тезисы докладов ИФ МГУ, М., 1955.
95. Земледельческие племена Европы. Всемирная история. М., 1955, I (в соавторстве с А. П. Окладниковым).
96. Неолитические племена Европы, Средней и Северной Азии в V—IV тысячелетиях до н. э. Всемирная история, I.
97. Племена Европы и Азии во II тысячелетии до н. э. Всемирная история, I.

98. Племена скотоводов и земледельцев Азии в период энеолита. Всемирная история, I.
99. Доклад о древних городах Монголии на заседании Отд. ист. наук АН СССР 29 мая 1956 г. ВАН СССР, 1956, 10.
100. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археол. исследований 1955 года. М.— Л., 1956.
101. Племена Сибири и Казахстана. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй... М., 1956.
102. Древние города Монголии. СА, 1957, 2.
103. Древние города Монголии. Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме ИИМК, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 г., М., 1957.
104. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, 1957, 4.
105. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества (По поводу статьи Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека»). СА, 1957, 1 (В соавторстве с О. Н. Бадером и др.).
106. Совещание историков Монгольской Народной Республики, Китайской Народной Республики и Советского Союза в Улан-Баторе. ВИ, 1957, 2 (В соавторстве с И. Я. Златкиным).
107. Древние города Забайкалья. СА, 1958. 4.
108. Южная Сибирь в VII—IX вв. Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы... III—IX вв. М., 1958.
109. Рецензия. М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. (МИА, 48, 1956). СА, 1958, 1.
110. Из истории китайской черепицы. СА, 1959, 3.
111. Из работ Монгольской археологической экспедиции Института материальной культуры АН СССР. Монгольский сборник. М., 1959.
112. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, 4.
113. Новые данные о жизни городов в районе Забайкалья и Южной Сибири. «Каогу», 1960, 2 (На китайском языке).
114. Связь между бронзовой культурой на территории СССР и культурой Шан в Китае. «Каогу», 1960, 2.
115. О древней черепице в музеях Китайской Народной Республики. СА, 1960, 3.
116. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье. СА, 1961, 4.
117. Древнемонгольский город Хирхира. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. Института археологии АН СССР... М., 1961.
118. Бронзовый век. СИЭ, 2, 1962.
119. Каменная черепаха, «бежавшая» из Каракорума. Монгольский археологический сборник. М., 1962.
120. Некоторые вопросы истории первобытного общества. КСИА АН СССР, 88, 1962.
121. К изучению минусинских каменных изваяний. Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию, М., 1962.
122. Древнемонгольский город на реке Хирхира. Коллективная монография «Древнемонгольские города» (под редакцией, с предисловием и заключением С. В. Киселева) (печатается).
123. К истории Каракорума (в соавторстве с Н. Я. Мерпертом). Там же.
124. Дворец Каракорума. Там же.
125. Ремесленно-торговые кварталы Каракорума. Там же.
126. Дворец в Кондуе. Там же.

И. И. АРТЕМЕНКО

СРЕДНЕДНЕПРОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Для проблемы этногенеза восточных славян и балтов важнейшей задачей археологических исследований на территории Восточной Европы является изучение племенных групп III—II тысячелетий до н. э. В этой связи большой интерес представляют памятники бронзового века Верхнего и северных районов Среднего Поднепровья, известные в археологической литературе под названием среднеднепровской культуры. Несмотря на то, что раскопки памятников среднеднепровской культуры были начаты еще в 50-х годах XIX в., в археологической литературе эта культура до сих пор не получила должного освещения.

1

Первые раскопки курганов с погребениями среднеднепровской культуры были проведены Я. Я. Волошинским в 1854 г. у с. Иванковичи (бывш. с. Янковичи) Васильковского района Киевской области [1, рис. 13, *1*, *3—5*, *7*, *9*][1]. В 1874 г. погребения среднеднепровской культуры были исследованы Д. Я. Самоквасовым, Л. К. Ивановским и В. Б. Антоновичем у с. Гатное Киевского района [1, стр. 38; 2], в 1887 г.— Д. Я. Самоквасовым у с. Рыжановка Звенигородского района Черкасской области [3], в 1897 г.— В. В. Хвойко у с. Стретовка Ржищевского района Киевской области [1, стр. 35—37; 4], а в 1901—1903 гг.— А. Быдловским у сел. Долинка (бывш. с. Яцковицы), Новосёлки, Ивахны Монастырищенского района Черкасской области и у с. Подвысокое Оратовского района Винницкой области [5, 6].

Особенно большой интерес представляют материалы из раскопок курганов в бывшем Каневском уезде Киевской губернии, произведенных Н. Е. Бранденбургом в 1888—1902 гг. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга издан Н. В. Печенкиным в 1908 г. [7]. Однако инвентарь погребений до сих пор не опубликован[2]. Н. Е. Бранденбург неправильно датировал эти погребения началом нашей эры [8].

В бассейне Десны погребения среднеднепровской культуры в дореволюционный период были обнаружены близ с. Брасово Локотьского района [1, стр. 46; 9, 10], близ с. Дятьковичи Жуковского района [11] и у с. Речицы Брянского района [10, табл. XXII, *2*] Брянской области. Все эти раскопки носили случайный характер.

В 1914 г. В. А. Городцов впервые выделил среди культур бронзового века Восточной Европы приднепровскую культуру [12], которую в 1927 г. назвал среднеднепровской [13]. По В. А. Городцову, для среднеднепровской культуры «...руководящими бытовыми предметами служат:

[1] Материалы хранятся в ГИМ, инв. № 78607/1028.
[2] Материал хранится в Гос. Эрмитаже.

1) сплошь орнаментированные блоковидные глиняные сосуды... 2) бронзовые трехугольные кинжальчики, утолщенные в середине... и каменные клиновидные топоры, отполированные по лезвию... К составу инвентаря этой культуры, по-видимому, следует отнести и все найденные в Среднем Приднепровье бронзовые серпы со штифтиком для скрепления с рукояткой лигурийского типа...» [13, стр. 616—617]. Как уже отмечал А. Я. Брюсов [14], эта характеристика среднеднепровской культуры не может в настоящее время считаться верной.

В довоенные годы раскопки памятников среднеднепровской культуры на территории Украины не производились. На территории Белоруссии в результате многолетних археологических разведок, произведенных в 1924—1932 гг. под руководством А. Н. Лявданского, К. М. Поликарповича, А. Д. Коваленя, Л. С. Шутова и В. Р. Тарасенко, было обследовано большое число памятников среднеднепровской культуры, но ни один не подвергался раскопкам. На основании только подъемного материала К. М. Поликарпович неправильно относил памятники среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья к днепро-деснинской стадии фатьяновской культуры [15].

Систематическое изучение памятников среднеднепровской культуры началось только в послевоенные годы. В результате раскопок М. В. Воеводского в 1947 г. на неолитической стоянке Мыс Очкинский, расположенной между селами Очкино и Боровичи Знобь-Новгородского района Сумской области [16], В. В. Кропоткина в 1948 и 1954 гг. [17] и М. Е. Фосс в 1954 г. курганов и поселения в урочище Белынец, напротив с. Подлужье Жуковского района Брянской области; Е. Г. Галановой в 1954 г. на неолитической стоянке в урочище Стрелица близ с. Рудня Шлягинская Ветковского района Гомельской области [3] были исследованы поселения, курганные и грунтовые погребения среднеднепровской культуры. Погребения среднеднепровской культуры были обнаружены также во время земляных работ близ г. Брянска в урочище Куракин Бор [4], у пос. Белые Берега Брянского района [18], близ с. Велятичи Борисовского района Минской области [19] и в с. Большая Зимница Славгородского района Могилевской области [5].

Первой и единственной обобщающей работой по среднеднепровской культуре является статья Т. С. Пассек «К вопросу о среднеднепровской культуре», напечатанная в 1947 г. [1]. Однако основные положения этой статьи уже устарели и нуждаются в пересмотре.

В 1955 г. А. Гейслер опубликовал далеко не полную сводку памятников среднеднепровской культуры [20]. Отдельные вопросы истории племен среднеднепровской культуры освещены в работах А. Я. Брюсова [14], М. Е. Фосс [21], П. Н. Третьякова [22], В. Н. Даниленко [23] и др.

Располагая только перечисленным материалом, невозможно было надлежащим образом поставить изучение среднеднепровской культуры. Требовались новые полевые исследования и, в первую очередь, исследования поселений и могильников среднеднепровской культуры на неизученной территории верхнего Днепра.

В 1956—1957 гг. Белорусским отрядом Института археологии АН СССР под руководством автора обследовано 10 неолитических стоянок и 49 поселений эпохи бронзы [24], а также произведены раскопки поселений среднеднепровской культуры в урочищах Завалье Иванское, Борок Семиновский и погребений на неолитической стоянке в урочище Сосонка [25] у с. Лучин Рогачевского района Гомельской области. В 1958 г.

---

[3] Материал не опубликован. Хранится в секторе археологии ИИ Академии наук БССР и в Гомельском областном краеведческом музее.

[4] Материал не опубликован. Хранится в Брянском краеведческом музее.

[5] Материал не опубликован. Хранится в Могилевском областном краеведческом музее.

произведены раскопки поселения у с. Малые Роги Жлобинского района Гомельской области [26], в 1959 г. в урочище Ксёндзова Гора близ г. Быхова Могилевской области [27] и в 1959—1962 гг.— курганного могильника близ с. Ходосовичи Рогачевского района Гомельской области[6]. Кроме того, раскопано семь поздненеолитических стоянок[7].

Новые полевые исследования позволили уточнить ряд вопросов и поставили задачу систематизации всего накопленного материала по среднеднепровской культуре. Несмотря на неполноту и некоторую односторонность известных в настоящее время археологических источников, их все же можно признать достаточными для постановки некоторых общих вопросов.

2

Памятники среднеднепровской культуры известны на территории Винницкой (Оратовский район), Черкасской, Киевской, Черниговской и Сумской областей Украинской ССР, Гомельской, Могилевской и Минской областей Белорусской ССР, Смоленской, Брянской и Орловской (Кромский район) областей РСФСР (рис. 1).

Распространенные на этой обширной территории памятники среднеднепровской культуры не одновременны, поэтому прежде всего необходимо установить их относительную хронологию.

Первую попытку классификации памятников среднеднепровской культуры предприняла Т. С. Пассек, разделив их на территории Среднего Поднепровья на две группы: 1) типа Стретовки и 2) типа Гатного. По ее мнению, обе группы тесно друг с другом связаны, но хронологически, вероятно, относятся к двум различным периодам: стретовская к более раннему, а гатнинская — к более позднему» [1, стр. 35]. На территории Верхнего Поднепровья Т. С. Пассек выделила третью группу памятников среднеднепровской культуры — днепро-деснинскую. Т. С. Пассек считает, что среди находок днепро-деснинской группы «...безусловно имеются и более ранние, и более поздние группы памятников, соответствующие курганам типа Стретовки и типа Гатного...» [1, стр. 51].

Классификация Т. С. Пассек в настоящее время может быть уточнена и дополнена. Так, в своей работе она лишь упоминает о раскопках Н. Е. Бранденбурга, не останавливаясь на их рассмотрении; не были привлечены ею также и некоторые погребения из раскопок А. Быдловского[8].

Для установления относительной периодизации памятников среднеднепровской культуры значительный интерес представляют стратиграфические наблюдения в курганах эпохи бронзы, раскопанных Н. Е. Бранденбургом, А. Быдловским и В. Б. Антоновичем. Наиболее показательны и заслуживают внимания в этом отношении следующие факты:

1. В курганах № 220 [7, стр. 27—29] и 310 [7, стр. 17—19] у с. Зеленки Старченковского района, № 237 у с. Кагарлык [7, стр. 8—9], № 286 у с. Бурты [7, стр. 74—76], № 322 [7, стр. 51] и 413 [7, стр. 53—54] у с. Забара основными были погребения в скорченном положении на спине, принадлежащие ямной культуре, в насыпи же и на древнем горизонте в тех же курганах, главным образом в полах их, были обнаружены погребения, в которых скелеты лежали на спине в вытянутом положении. В

---

[6] Материалы хранятся в Гомельском областном краеведческом музее.

[7] Материалы хранятся в Могилевском и Гомельском музеях.

[8] Следует также отметить, что при выделении памятников позднего этапа среднеднепровской культуры (типа Гатного по Т. С. Пассек) сосуды ямной культуры из погребений в кург. № 41, 55 и 56 у с. Долинка (бывш. с. Яцковицы) описаны Т. С. Пассек как найденные совместно с сосудами среднеднепровской культуры в одних погребениях [1, стр. 40—41]. В действительности же сосуды ямной и среднеднепровской культур найдены в одних курганах, но в разных погребениях, и поэтому не могут быть отнесены к одному комплексу [6].

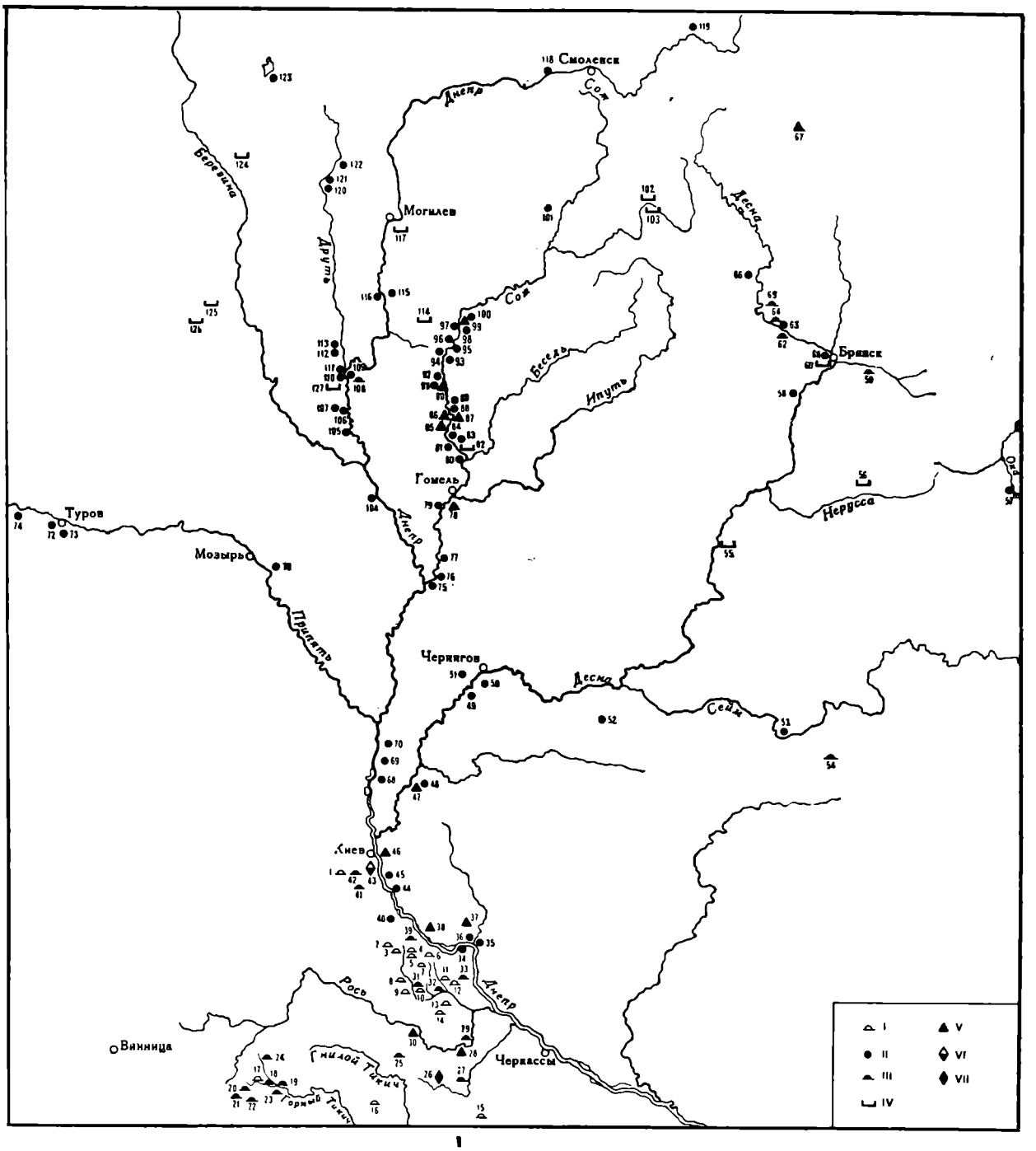


Рис. 1. Карта распространения памятников среднеднепровской культуры

Памятники раннего этапа: *I* — курган. *1* — Гатное, *2* — Гороховатка, *3—4* — Кагарлык, *5* — Бурты, *6* — Забара, *7* — Драчи, *8* — Липовец, *9—10* — Зеленки, *11* — Шандра, *12* — Казаровка, *13* — Беркозовка, *14* — Яновка, *15* — Мокиевка, *16* — Рыжановка, *17* — Долинка. Памятники позднего этапа: *II* — поселение, *III* — курган, *IV* — грунтовое погребение, *V* — глиняные сосуды и каменные топоры, *VI* — клад металлических предметов, *VII* — металлические предметы (случайные находки). *18* — Долинка, *19* — Шулаки, *20* — Новосёлки, *21* — Подвысокое, *22* — Корытное, *23* — Ивахны, *24* — Дубровка, *25* — Медвин, *26* —Сухины, *27* — Будкивка, *28* — Деренковец, *29* — Нетеребки, *30* — Хировка, *31* — Зеленки, *32* — Масловка, *33* — Гришенцы, *34* — Трахтемиров, *35* — Козинцы, *36* — Андруши, *37* — Гречаники, *38* — Софиевка, *39* — Стретовка, *40* — Украинка, *41* — Иванковичи, *42* — Гатное, *43* — Киев, *44* — Бортничи, *45* — Вишенки, *46* — хут. Красный, *47—48* — Евминки, *49* — Золотинки, *50* — Анисов, *51* — Ст. Белоус, *52* — Бахмач, *53* — Волынцево, *54* — Речки, *55* — Мыс Очкинский, *56* — Брасово, *57* — Лужки, *58* — Лопушь, *59* — Белые Берега, *60* — Куракин Бор, *61* — Черепеньки, *62* — Речица, *63—64* — Белынец, *65* — Дятьковичи, *66* — Владимировка, *67* — Шаврики, *68* — Чернин, *69* — Новосёлки на Днепре, *70* — Ошитки, *71* — Юровичи, *72* — Казаргац, *73* — Слепцы, *74* — Велемичи, *75* — Сусловка, *76* — Клубовка, *77* — Ст. Паперня, *78* — Беседки, *79* — Любны, *80* — Юрковичи, уроч. Наддача, *81* — Шерстин, *82* — Стрелица, *83* — Чечуровка, *84* — Ухов, *85* — Липовый Брод, *86* — Кокавня, *87* — Городовка, *88* — Оношки, *89* — Залесье, *90—91* — Гренск, *92* — Сапожки, уроч. Колодник, *93* — Струмень, *94* — Студенец, *95* — Прыбар, *96* — Костюковка, *97* — Гайшин, *98—99* — Сосновая Грива, *100* — Баширино Поле, *101* — Мстиславль, *102* — Печкуры, *103* — Столпники, *104* — Речица, *105* — Проскурни, *106* — Малые Роги, *107* — Солоное, *108* — Ходосовичи, *109* — Борок Семиновский, *110* — Иванское, *111* — Завалье, *112* — Костюшово, *113* — Коласы, *114* — Большая Зимница, *115* — Быхов, *116* — Ксёндзова Гора, *117* — Могилёв, *118* — Катынь, *119* — Неквасино, *120* — Заречье, *121* — Лубяны, *122* — Малая Арава, *123* — Лавки, *124* — Велятичи, *125* — Гарожа, *126* — Ставище, *127* — Сосонка

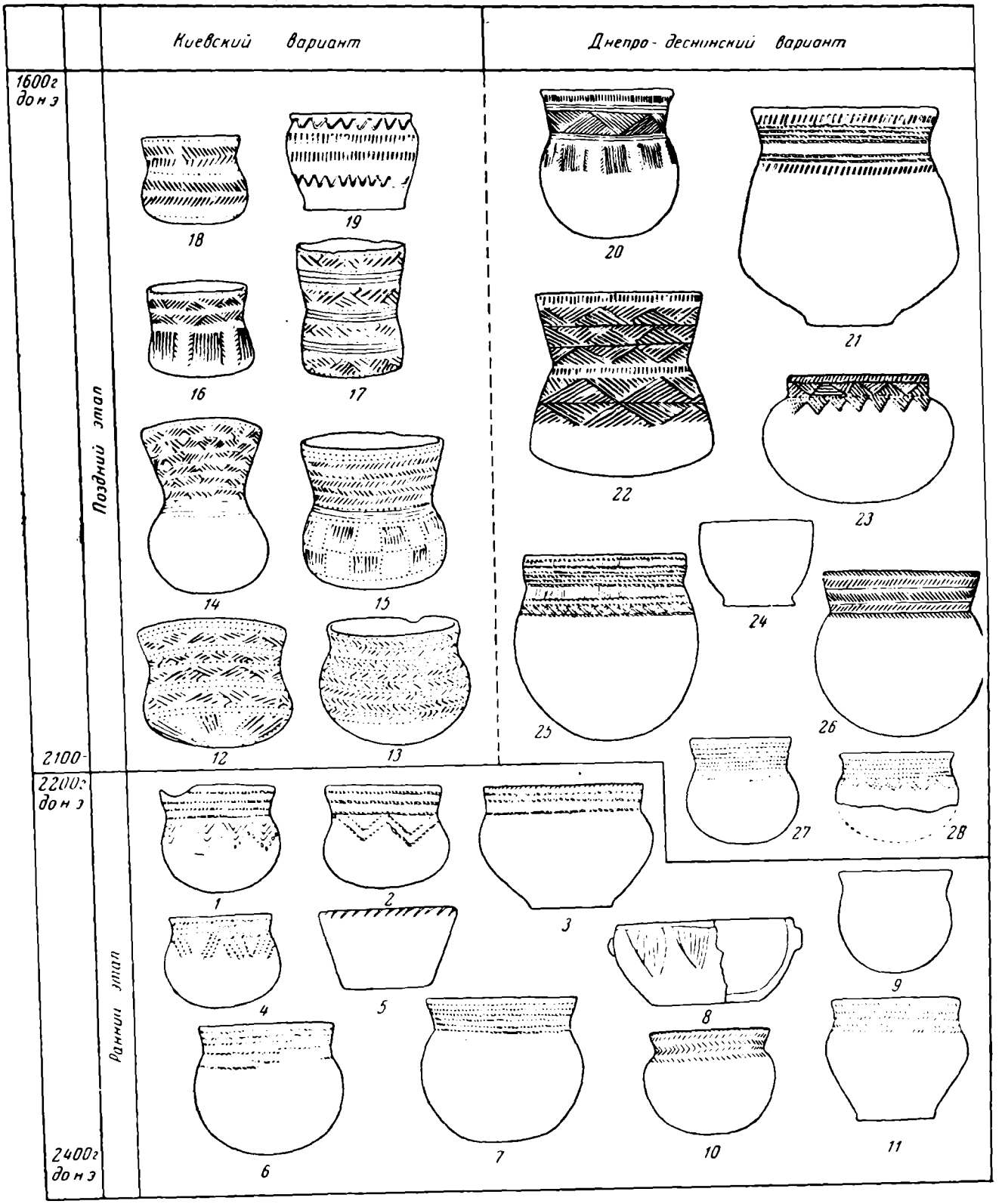


Рис. 2. Керамика среднеднепровской культуры

1 — Забары, кург. № 322, погр. № 2; *2* — Беркозовка, кург. № 380, погр. № 1; *3* — Зеленки, кург. № 220, погр. № 3; *4* — Беркозовка, кург. № 380, погр. № 2; *5* — Бурты, кург. № 286, погр. № 9; *6* — Кагарлык, кург. № 238, погр. № 11; *7* — Зеленки, кург. № 220, погр. № 6; *8* — Зеленки, кург. № 220, погр. № 5; *9* — Зеленки, кург. № 309, погр. № 2; *10* — Забары, кург. № 413, погр. № 3; *11* — Зеленки, кург. № 343, погр. № 4; *12* — Долинка, кург. № 41; *13* — Шулаки; *14* — Стретовка; *15* — Дубровка; *16—17* — Иванковичи; *18* — Долинка, кург. № 55; *19* — Масловка; *20* — Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. № 11, погр. № 1; *21* — Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. № 10, погр. № 2; *22* — Ходосовичи, уроч. Палик, погр. № 3; *23* — Белынец; *24* — Ходосовичи, уроч. Палик, погр. № 1; *25* — Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. № 4; *26* — Белынец; *27* — Белые Берега; *28* — Белынец

этих последних погребениях найдены каменные сверленые топоры и глиняные лепные сосуды, в форме и орнаменте которых наблюдаются более ранние черты, чем в керамике типа Стретовки и Гатного (по Т. С. Пассек). Погребения этого типа мы считаем возможным выделить в ранний этап среднеднепровской культуры.

2. В курганах № 43 и 44 у с. Долинка [6, стр. 16], а также № 6 у с. Гатное [2], где основными были погребения выделенного нами раннего этапа среднеднепровской культуры, обнаружены впускные погребения с керамикой типа Гатного, которые мы выделяем в поздний этап среднеднепровской культуры.

Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений в курганах и анализа керамики в настоящее время представляется возможным по-новому классифицировать памятники среднеднепровской культуры, разделив их на два этапа — ранний и поздний. Памятники типа Стретовки и Гатного, а также днепро-деснинскую группу памятников (по Т. С. Пассек) мы считаем возможным отнести к позднему этапу среднеднепровской культуры. Причем памятники типа Стретовки и Гатного, по-видимому, одновременны и составляют киевскую группу или киевский вариант, а днепро-деснинская группа памятников составляет днепро-деснинский вариант позднего этапа среднеднепровской культуры.

3

Ранний этап среднеднепровской культуры в настоящее время может быть рассмотрен только по погребальным памятникам, известным по раскопкам Д. Я. Самоквасова, В. Б. Антоновича и Л. И. Ивановского у с. Гатное Киевского района [2], Д. Я. Самоквасова у с. Рыжановка Звенигородского района [3], А. Быдловского у с. Долинка Монастырищенского района Черкасской области [6][9], Н. Е. Бранденбурга у селений Гороховатка [7][10], Кагарлык [7][11], Бурты [7][12] и Забара [7][13] Кагарлыкского района, у селений Зеленки [7][14], Яновка [7][15], Беркозовка [7][16] и Липовец [7][17] Старченковского района, у с. Шандра [28, стр. 177, кург. № 30] Ржищевского района Киевской области, у с. Казаровка [28, кург. № 31] Каневского района и у с. Мокиевка Смелянского района Черкасской области [7, стр. 129, кург. № 457, погр. № 2].

К раннему этапу среднеднепровской культуры можно отнести также сосуды, происходящие из случайных раскопок курганов у селений Шандра [1, рис. 10, *1*][18] и Драчи [29] Ржищевского района Киевской области и сосуд из коллекции Б. И. Ханенко, найденный в пределах Киевской области [30].

Таким образом, погребения раннего этапа среднеднепровской культуры известны из 17 пунктов, расположенных на Правобережье Днепра, на территории Киевской и Черкасской областей (рис. 1).

Курганов, насыпанных собственно над погребениями раннего этапа среднеднепровской культуры, известно очень мало, так как в это время для захоронения умерших использовались курганы, насыпанные племе-

---

[9] Стр. 10, кург. № 28; стр. 13, кург. № 35; стр. 14, кург. № 40; стр. 16, кург. № 42—44.

[10] Стр. 83, кург. № 282, погр. № 6.

[11] Стр. 5—7, кург. № 235, погр. № 3 и 6; стр. 8—9, кург. № 237, погр. № 8, 9 и 11.

[12] Стр. 74—76, кург. № 286, погр. № 5—9; кург. № 290, погр. № 6.

[13] Стр. 51, кург. № 322, погр. № 2; кург. № 413, погр. № 3, 6 и 7.

[14] Стр. 17, кург. № 220, погр. № 3, 5—7; стр. 27, кург. № 309, погр. № 2; стр. 27—28, кург. № 310, погр. № 12 и 14; стр. 35—36, кург. № 343, погр. № 2, 4, 5 и 8.

[15] Стр. 96—97, кург. № 361, погр. № 2, 4, 5 и 8.

[16] Стр. 99, кург. № 380, погр. № 1, 2 и 4.

[17] Стр. 81, кург. № 266, погр. № 5.

[18] Сосуд хранится в Киевском историческом музее, инв. № 673—10972.

нами ямной культуры. Захоронения производились в полах курганов и в ямах, выкопанных в материке, на древнем горизонте и в насыпи. Могильные ямы прямоугольной формы с прямыми или округлыми углами. Длина могил — 1,8—2,2 *м*, ширина — 1—1,2 *м*, глубина не превышает 1,5 *м*. Ямы перекрывались деревянным накатником. На дне могил заметны следы дерева и остатки подстилки из камыша.

Обряд погребения — трупоположение. Как правило, скелеты лежат вытянуто на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела. В погребениях встречается красная краска. Ориентировка погребений разнообразная. Из имеющихся у нас сведений по 42 погребениям, головой на запад лежали 14 погребений, на юг — 9, на север — 9, на северо-запад — 1, юго-запад — 1, юго-восток — 3 и на восток — 5 погребений. В могилах преобладают одиночные захоронения, но встречаются также коллективные захоронения взрослых или взрослых с детьми (Гатное, кург. № 6).

Инвентарь погребений раннего этапа сравнительно бедный. Он состоит из керамики и каменных сверленых топоров. Керамика раннего этапа представлена тонкостенными глиняными лепными сосудами красновато-коричневого, желтого и темно-серого цвета. В тесте — примесь песка. Сосуды обжигались, вероятно, на костре, поэтому обжиг их неравномерный, часто дающий темные пятна на поверхности. На внутренней, а иногда и на наружной поверхности имеются следы тонкой штриховки от сглаживания, по-видимому, травой. По форме сосудов керамику из погребений раннего этапа можно разделить на три группы — горшки, миски и чашки. Наиболее характерной формой являются горшки с шаровидным туловом, невысокой прямой отогнутой наружу шейкой и круглым или уплощенным дном, украшенные только в верхней части отпечатками веревочки и нарезными линиями, образующими горизонтальные ряды, елочные композиции и опущенные вниз вершиной заштрихованные треугольники[19] (рис. 2, *1, 2, 4, 6, 7, 10*). Этот тип сосудов, видоизменяясь, приобретает те отличительные черты, которыми характеризуется керамика позднего этапа среднеднепровской культуры. Существенное значение в образовании форм керамики позднего этапа имеет удлинение шейки при сохранении шаровидности тулова. Усложняется также и орнамент на сосудах позднего этапа.

Второй тип горшков представлен открытыми плоскодонными сосудами с округлыми плечиками и короткой, слегка отогнутой наружу шейкой[20]. Орнамент, расположенный только по шейке, состоит из горизонтальных рядов отпечатков веревочки и коротких насечек, образующих «елочку» (рис. 2, *3*, *11*). Горшки этого типа появились, по-видимому, в конце раннего этапа среднеднепровской культуры. Об этом свидетельствуют сосуды из погребений в кург. № 220 у с. Зеленки, где, кроме горшков первого (рис. 3, *4*) и второго (рис. 3, *1*) типа, в погр. 7 был найден колоколовидный сплошь орнаментированный сосуд (рис. 3, *3*), форма и орнамент которого характерны уже для керамики позднего этапа среднеднепровской культуры.

Интересна плоскодонная миска из погр. № 5 кург. № 220 у с. Зеленки с выпуклыми стенками, загнутым внутрь краем и двумя небольшими выпуклинами. Нарезной орнамент образует под краем горизонтальную

---

[19] Сосуды из погребений: у с. Зеленки — кург. № 220, погр. № 6; кург. № 309, погр. № 2, ГЭ, инв. № 202; у с. Кагарлык — кург. № 237, погр. № 11, ГЭ, инв. № 200/3; у с. Забара — кург. № 322, погр. № 2; кург. № 413, погр. № 3, ГЭ, инв. № 204; у с. Беркозовка — кург. № 380, погр. № 1, 2, ГЭ, инв. № 210; у с. Бурты — кург. № 286, погр. № 7, ГЭ, инв. № 203/2; у с. Яновка — кург. № 361, погр. № 2, ГЭ, инв. № 208/1 и др.

[20] Сосуды из погребений: у с. Зеленки — кург. № 220, погр. № 3; кург. № 310, погр. № 12; кург. № 343, погр. № 4, ГЭ, инв. № 202; у с. Кагарлык — кург. № 235, погр. № 13, ГЭ, инв. № 200/1.

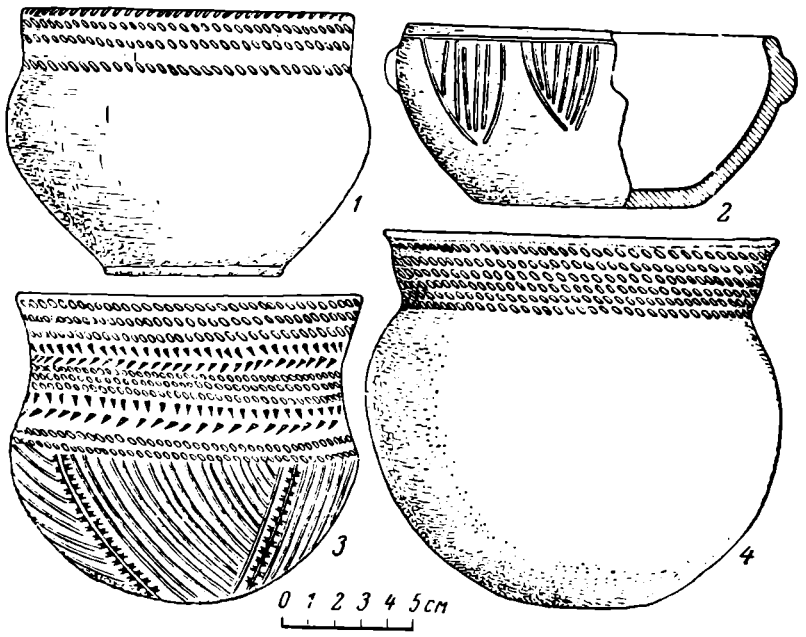


Рис. 3. Керамика из погребений в кургане № 220 у с. Зеленки

1 — погр. № 3; *2* — погр. № 5; *3* — погр. № 7; *4* — погр. № 6

линию, ниже которой — ряд заштрихованных треугольников вершиной вниз (рис. 3, *2*).

Чаша найдена в погр. № 9 кург. № 286 у с. Бурты. Она плоскодонна, с расходящимися вверх стенками, орнаментированными у верхнего края косыми насечками (рис. 2, *5*).

Каменные просверленные топоры из погребений раннего этапа по форме можно разделить на три типа — клиновидный, ромбический и обушковый (рис. 4, *1—4*). Клиновидный треугольный топор найден в кург. № 6 у с. Гатное [2 а]. Ромбические топоры известны из погр. № 3 кург. № 413 у с. Забара, погр. № 8 кург. № 343 у с. Зеленки и из насыпи кург. № 302 близ селений Яновка и Онацки. Топоры из селений Забара и Зеленки — со свисающей лезвийной и обушковой частями и круглым в плане обушком. Близки к ромбическим и топоры из погр. № 6 кург. № 286 у с. Бурты и из насыпи кург. № 13 у с. Зеленки. Последний топор — со слегка вогнутой нижней стороной и рельефно подчеркнутыми продольными гранями верхней и нижней сторон. Обушковые топоры со слегка свисающими лезвийной и обушковой частями и намечающейся лопастью найдены в погр. № 5 кург. №266 у с. Липовец [21] и в кург. № 3 у с. Рыжановка [3].

4

Памятники позднего этапа среднеднепровской культуры, известные из 110 пунктов, представлены поселениями, курганными и грунтовыми могильниками, а также отдельными местонахождениями керамики, каменных и металлических предметов. Картографирование их позволяет говорить о том, что на позднем этапе население среднеднепровской культуры занимало значительно бóльшую территорию, чем ранее. Если памятники раннего этапа известны только на Правобережье Днепра, на территории Киевской и Черкасской областей, то памятники позднего этапа исследованы на территории пяти областей Украинской ССР, трех областей Белорусской ССР и трех (Смоленской, Брянской и Орловской) областей РСФСР (см. рис. 1).

[21] ГЭ, инв. № 201/2.

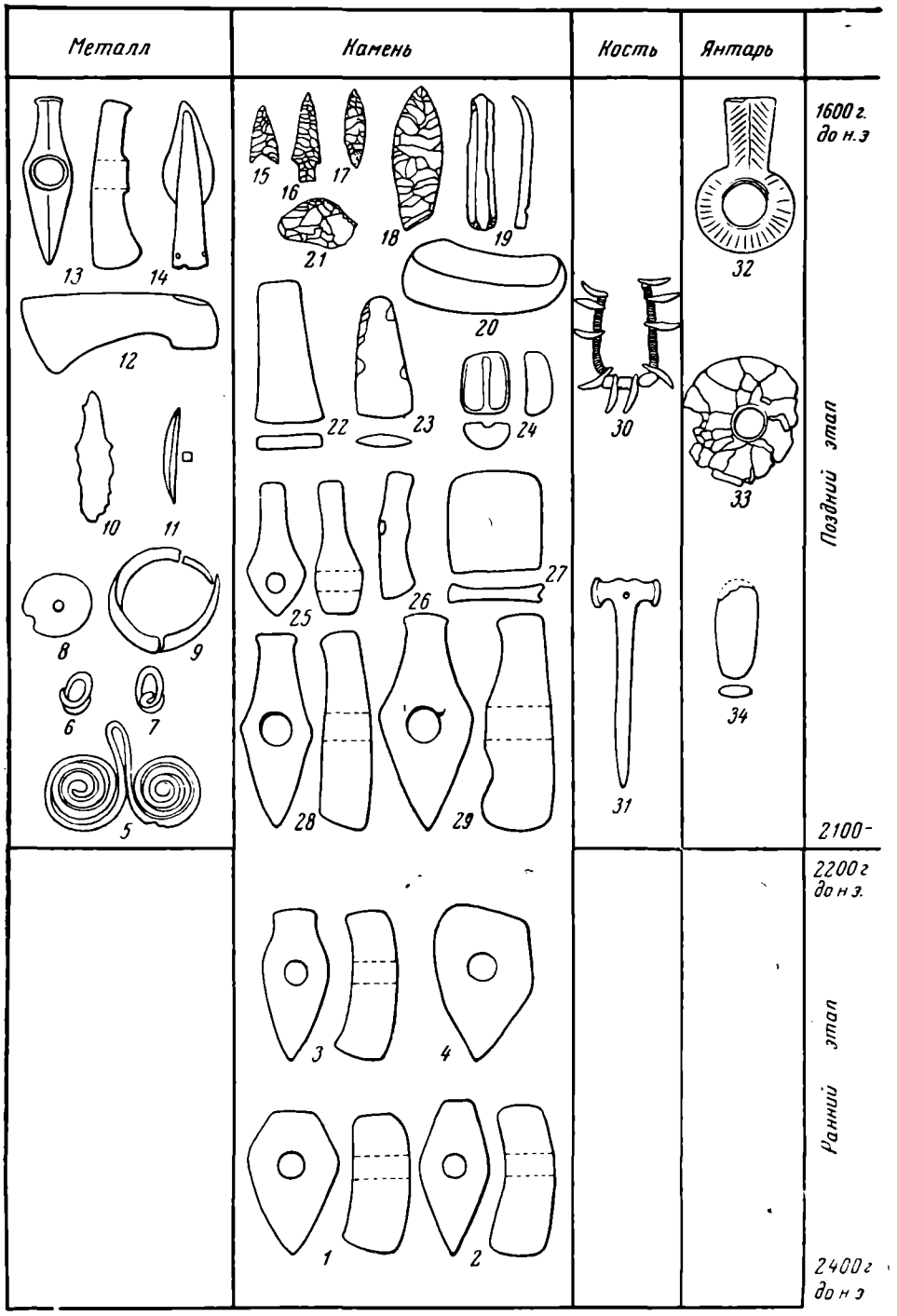


Рис. 4. Инвентарь среднеднепровской культуры

1—Бурты, кург. № 286, погр. № 6; *2* — Забары, кург. № 413, погр. № 3; *3*—Липовец, кург. № 266, погр. № 5; *4* — Гатное, кург. № 6; *5* — Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. №11, погр. № 1; *6*—*7*—Долинка, кург. № 61; *8* — Ивахны, кург. № 72; *9*—*10* — Стрелица; *11*—*12* — Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. № 10, погр. № 2; *13*—*15*, *28*, *32* — Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. № 11, погр. № 1; *16* — Ходосовичи, оз. Дедное, кург. № 1, погр. № 1; *17*, *19*, *21*, *22*, *27* — Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. № 10, погр. № 2; *18* — Ходосовичи, оз. Хорошово; *20* — Луги; *23* — Стрелица; *24*—Иванковичи; *25* — Стретовка; *26* — Долинка, кург. № 29; *29* — Стрелица; *30* — Новосёлки, кург. № 22; *31* — Новосёлки, кург. № 26; *33* — Стрелица; *34* — Печкуры

Поселения позднего этапа известны из 60 пунктов. Расположены они обычно в пойме реки на песчаных дюнах или останцах, реже — по краю боровой террасы и на высоких мысах, вдающихся в пойму. Раскопки произведены на шести поселениях — в урочищах Завальле, Иванское и Борок Семиновский, у с. Лучин Рогачевского района,

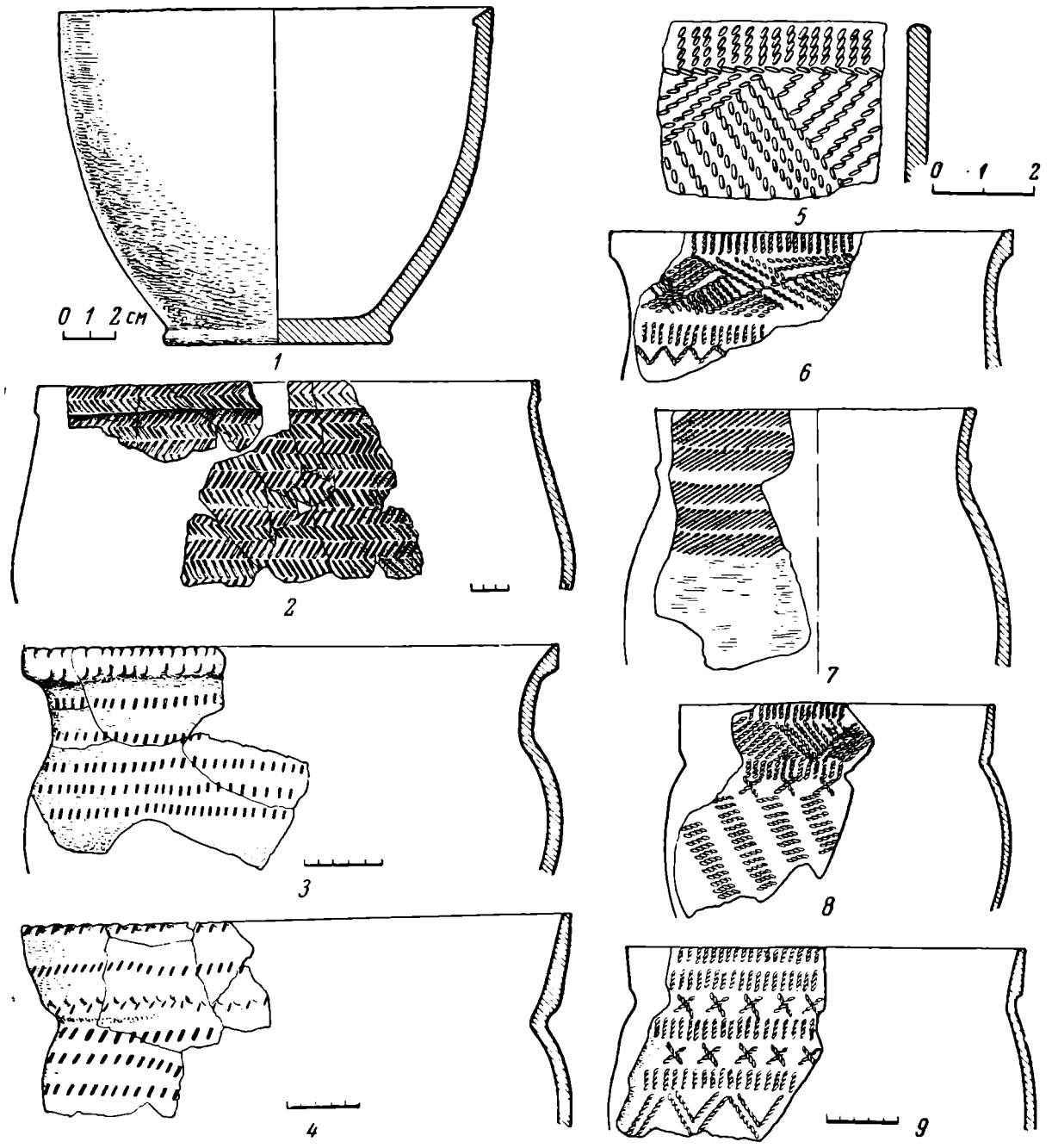


Рис. 5. Керамика с поселений позднего этапа среднеднепровской культуры
1 — Малые Роги; *2—4* — Лучин, уроч. Завальле; *5—9* — Ксёндзова Гора

у с. Малые Роги Жлобинского района Гомельской области, в урочище Ксёндзова Гора у г. Быхова Могилевской области, в урочище Белынец, напротив с. Подлужье Жуковского района Брянской области.

Толщина культурного слоя поселений — 30—35 *м*. На поселениях Ксёндзова Гора и Завальле обнаружены остатки наземных жилищ с очагами, выложенными из камней. К сожалению, по сохранившимся остаткам определить форму и размеры жилищ не представляется возможным. Культурные слои поселений содержат керамику и кремневые орудия, представленные скребками на отщепах, скреблами, ножами, клиновидными топорами, наконечниками стрел, дротиков и копий. На поселении Ксёндзова Гора найден также обломок зернотерки и каменные растиральники шаровидной формы.

Керамика поселений по форме сосудов и технике их обработки разделяется на три группы. Керамика первой группы встречается только на поселениях. Она представлена толстостенными (0,8—0,9 *см*) плоскодонными сосудами с округлым туловом и прямой, отогнутой наружу шейкой. Поверхность сосудов красновато- и серовато-коричневого цвета. Тесто сильно песчанистое, с примесью мелкого кварца. Обжиг неравномерный, часто дающий темные пятна на поверхности. Стенки сосудов носят на себе следы тонкой штриховки. Орнамент, покрывающий только верхнюю часть сосудов, состоит из отпечатков веревочки, линейного и зубчатого штампа, палочки, обмотанной ниткой или тонкой веревочкой, и нарезных линий, образующих заштрихованные треугольники, елочные композиции, горизонтальные и диагональные ряды (рис. 5, *2—4*, *6—9*).

Ко второй группе керамики, встречающейся как на поселениях, так и в погребениях, относятся плоскодонные сосуды баночной формы (чаши) желтого и серого цвета, с примесью песка и кварца в глине. Стенки носят следы сглаживания; орнамента на них нет (рис. 5, *1*).

Керамика третьей группы по форме и технике обработки значительно отличается от керамики первой группы. Она представлена тонкостенными (0,4—0,5 *см*) круглодонными и плоскодонными сосудами с шаровидным туловом и высокой прямой, отогнутой наружу шейкой. Поверхности сосудов хорошо заглажены, желтого и серого цвета. Тесто плотное, с примесью песка. Орнамент, расположенный только в верхней части сосудов, так же как и на керамике первой группы, состоит из отпечатков веревочки и нарезных линий, образующих горизонтальные ряды и соприкасающиеся сторонами заштрихованные треугольники (рис.5, *5*). Керамика третьей группы на поселениях встречается в небольшом количестве и характерна для погребений позднего этапа среднеднепровской культуры.

Погребения позднего этапа среднеднепровской культуры, известные в 34 пунктах, представлены курганными и грунтовыми захоронениями с трупоположениями и трупосожжениями.

Курганные погребения с трупоположениями известны из раскопок Я. Я. Волошинского у с. Иванковичи (бывш. с. Янковичи) Васильковского района, В. Щербаковского у с. Гречаники Переяслав-Хмельницкого района, Н. Е. Бранденбурга между селениями Бурты и Зеленки [7][22], у с. Зеленки [7][23], между селениями Краснополкой и Кагарлыком [7][24], а также из раскопок Д. Я. Самоквасова, Л. К. Ивановского и В. Б. Антоновича у с. Гатное (кург. № 5, 6) Киевской области. А. Быдловским раскопано 28 курганов у селений Новоселки[25], Долинка [6][26], Ивахны [6, кург. № 72] Монастырищенского района Черкасской области и у с. Подвысокое [6, кург. № 74—76] Оратовского района Винницкой области, в которых обнаружены погребения с трупоположениями.

Значительный интерес представляют материалы из раскопок В. В. Кропоткиным девяти курганов в урочище Белынец и И. И. Артеменко 18 курганов близ с. Ходосовичи Рогачевского района Гомельской области. В 1959 г. один курган был раскопан В. Д. Дяденко у с. Речки Белопольского района Сумской области[27].

Курганные погребения с трупоположениями известны также из случайных раскопок у с. Дубровка [1, рис. 11, *4*] Тетиевского района, у с. Медвин [1, рис. 11, *1—2*] Богуславского района, у с. Масловка[28] Старченковского района Киевской области, у с. Шуляки [1, рис. 12, *1—2*] Жаш-

---

[22] Стр. 74, кург. № 279, погр. № 1 и 2.
[23] Стр. 21, кург. № 296, погр. № 4, ГЭ, инв. № 202/6.
[24] Стр. 46, кург. № 275, погр. № 3.
[25] Кург. № 10 [5]; кург. № 22, 24, 26 [6].
[26] Кург. № 28—30, 32—34, 37—39, 41, 43, 44, 48, 50, 54—56, 60, 63—66.
[27] Материал хранится в ИА АН УССР.
[28] Сосуд хранится в ИА АН УССР.

ковского района, у с. Будкивка[29] Городищенского района, у с. Гришенцы [1, рис. 10, *3*] Каневского района, у с. Нетеребки [1, 13, *2* и *6*][30] Корсунь-Шевченковского района Черкасской области и у пос. Белые Берега Брянской области.

Таким образом, в настоящее время в 22 пунктах известно около 70 курганов, в которых были обнаружены погребения с трупоположениями позднего этапа среднеднепровской культуры. Они расположены на плато, в пойме или по краю надпойменной террасы, в одиночку и группами. Насыпи курганов имеют круглую в плане форму, с хорошо выраженными склонами. Высота насыпей — от 0,45 до 3 *м*, диаметр — от 12 до 30 *м*. В курганах у с. Ходосовичи прослежена двух- и трехкратная досыпка насыпей[31]. В некоторых курганах Белынецкого и Ходосовичского могильников первоначальная насыпь кургана окружалась рвом, земля из которого выбрасывалась на подошву насыпи. Наименьший диаметр первоначальной насыпи составлял 6 *м*, наибольший — 15 *м*. Наиболее распространены подкурганные захоронения в ямах, выкопанных в материке, но обнаружены также захоронения в насыпи и на горизонте. В могилах под курганной насыпью находилось от одного до четырех погребений. Могильные ямы овальной и прямоугольной формы с округлыми углами имели в длину 2—2,2 *м*, ширину 1,2 *м*, глубину от 0,5 до 2 *м*. В одном случае (кург. № 11, погр. № 1 в урочище Мошка близ с. Ходосовичи) длина могилы составляла 3,9 *м*, ширина 2,2 *м*, глубина 1,9 *м*. Прослежены следы перекрытия могильных ям деревянным накатником. В курганах Ходосовичского и Белынецкого могильников поверх деревянного накатника насыпалась зола. В кург. № 10 близ с. Ходосовичи и в кургане у с. Речки прослежены остатки деревянных сооружений (навесов или срубов?) над могильными ямами. Необходимо отметить еще одну важную черту погребального обряда, существовавшего у населения среднеднепровской культуры. В курганах (№ 5, 10 и 11) Ходосовичского и Белынецкого (№ 9) могильников почва на уровне древнего горизонта была сильно обожжена. Удалось проследить, что вначале раскладывались костры и обжигалась земля, а потом только выкапывалась могильная яма. В этих курганах выкид из могильных ям перекрывал обожженную почву. Во многих курганах на уровне древнего горизонта были обнаружены кострища, некоторые из них, кроме золы и углей, содержали обожженные речные раковины и кости домашних (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади) и диких (лося, кабана и бобра) животных. Эти кострища, вероятно, представляют собой остатки тризны. На дне могил прослежены остатки дерева, а также подстилки из бересты и камыша. Постоянной чертой погребального обряда является подсыпка дна могилы золой. В некоторых курганах на дне могил прослеживалась красная краска (охра), а в кург. № 24 и 60 у с. Долинка красной краской были окрашены скелеты.

Красная краска, погребальные костры, подсыпка дна могилы золой и захоронения на слое золы связаны, вероятно, с культом огня и его очистительной силы. С этим культом, по-видимому, связан и обряд трупосожжения, существовавший у населения среднеднепровской культуры наряду с обрядом трупоположения.

Для курганных погребений с трупоположениями типичны одиночные захоронения и положение погребенного на левом или на правом боку с согнутыми ногами. Только в кург. № 60 у с. Долинка скелет лежал на спине в вытянутом положении, характерном для погребений раннего этапа, но с керамикой позднего этапа среднеднепровской культуры.

---

[29] Материал хранится в Корсунь-Шевченковском музее.

[30] В ИА АН УССР хранится еще один сосуд из с. Нетеребки, происходящий из случайно раскопанного кургана в 1956 г.

[31] Кург. № 10 в уроч. Мошка, курган в уроч. Палик, кург. № 1 и 3 в уроч. Сергеева Грива

Ориентировка погребений позволяет разделить их на две территориальные группы, соответствующие, по-видимому, двум локальным вариантам памятников позднего этапа среднеднепровской культуры. Так, для северных районов Среднего Поднепровья преобладает ориентировка погребенных головой на запад, а для Верхнего Поднепровья — на север и юг.

Курганные погребения с трупоположениями сопровождались разнообразным инвентарем, свидетельствующим о высоком уровне развития племен среднеднепровской культуры. Количество инвентаря в отдельных курганах и даже в отдельных погребениях одного кургана разное. Важно отметить, что наряду с рядовыми погребениями без инвентаря или со сравнительно бедным инвентарем встречены мужские погребения с богатым инвентарем, свидетельствующие о росте имущественной дифференциации у племен среднеднепровской культуры. Особенно выделяется богатством инвентаря погр. № 1 кург. № 11 в урочище Мошка близ с. Ходосовичи, в котором найдены: глиняный сосуд, медные топор, наконечник копья и две очковидные подвески, четыре кремневых ножа, клиновидный топор, 27 наконечников стрел и 53 отщепа кремня, полировальная плита, сверленый боевой топор, обломок топора, янтарная подвеска, костяная проколка и три куска капа (нарост на дереве), употреблявшегося, вероятно, как трут для получения огня [32]. Весь этот комплекс свидетельствует о том, что погребенный занимал при жизни особое положение в роде или племени.

Курганы с трупосожжениями еще недостаточно исследованы. Они известны у с. Речицы Жуковского района Брянской области, в Белынецком могильнике и у с. Стретовка Киевской области. При раскопках В. В. Хвойко у Стретовки в 1897 г. под насыпью кургана, на древнем горизонте найдена зола и пережженные кости, среди которых стояли ровным кругом семь сосудов, и между каждыми двумя сосудами лежал каменный предмет: два кремневых клиновидных топора, три каменных сверленых топора и один кремневый треугольный наконечник стрелы с черешком. В одном сосуде было несколько обломков обожженных костей, а во втором — кремневый отщеп, который мог служить ножом [4]. В кург. № 9 Белынецкого могильника обнаружено два погребения с трупосожжением. Одно из них (погр. № 3) находилось в насыпи кургана, второе (погр. № 2) — в мелкой материковой могиле. На дне могилы погр. № 2 было обнаружено частичное трупосожжение (сохранились остатки черепа и длинных трубчатых костей), прослежены следы охры. Скелет ориентирован головой на юго-восток. Трупосожжение произведено, вероятно, на месте.

Следующий тип погребений позднего этапа — грунтовые захоронения с трупоположениями — известен из восьми пунктов. Они были случайно обнаружены во время земляных работ у селений Столпники и Печкуры Рославльского района Смоленской области, у совхоза «Вейна» близ г. Могилева, у с. Велятичи Борисовского района Минской области, у селений Гарожа и Ставище Осиповичского района, в с. Большая Зимница Славгородского района Могилевской области и близ с. Брасово Локотьского района Брянской области. О положении и ориентировке скелетов сведений нет. Известно лишь, что в Брасовском могильнике скелеты лежали на спине в скорченном положении.

Грунтовые погребения с трупосожжениями обнаружены при раскопках неолитических стоянок Мыс Очкинский, Стрелица, Сосонка и у оз. Хоршово. На стоянке Мыс Очкинский захоронение совершено в одной большой могильной яме глубиной 1,1 *м*. В урочище Сосонка и у оз. Хоршово погребения залегали в культурном слое стоянок, причем могильные ямы не прослежены. На стоянке Стрелица исследовано шесть по-

[32] Материалы хранятся в Гомельском областном краеведческом музее.

гребений. Могильные ямы удлиненно-овальной формы (длина 1,8 *м*, ширина 0, 8 *м*), ориентированные по длине с юга на север и юго-востока на северо-запад, прорезали культурный слой стоянки и углублялись в материк на 0,3—0,5 *м*. В могилах найдены кальцинированные кости, зубы человека, глиняные лепные сосуды, янтарная подвеска, кремневые, каменные и металлические (медные) предметы [33].

Курганные и грунтовые погребения с трупоположениями и трупосожжениями особых группировок не образуют, погребальный инвентарь их однообразен.

Это свидетельствует об одновременности существования отмеченных способов погребений на позднем этапе среднеднепровской культуры. Инвентарь погребений позднего этапа состоит из посуды, каменных и медных орудий труда, оружия и украшений.

Посуда вылеплена от руки. Сосуды изготовлялись из глины с примесью мелкозернистого песка и кварца. По форме и назначению можно выделить четыре группы сосудов.

К первой группе относятся горшки различной формы, которые можно разделить на пять типов. Первый тип — горшки с шаровидным туловом, круглым или уплощенным дном и высокой отогнутой наружу шейкой [34]. Форма сосудов этого типа является результатом переживания и дальнейшего развития основной формы керамики раннего этапа среднеднепровской культуры (рис. 2, *13*, *20*, *26—28*).

Второй тип представлен сосудами с удлиненно-округлым туловом, круглым или плоским дном и хорошо выраженной короткой, отогнутой наружу шейкой [35] (рис. 2, *21*, *25*). К третьему типу относятся сосуды колоколовидной формы, с угловатыми, низко расположенными плечиками и широкими краями прямой, отогнутой наружу шейки [36]. Дно круглое или плоское, слабо выраженное, небольшого диаметра (рис. 2, *12*, *15*, *16*, *22*). Четвертый тип представлен сосудами с шаровидным туловом и короткой, слегка отогнутой наружу шейкой [37] (рис. 2, *23*).

На горшках первого, второго и четвертого типа орнамент расположен только в верхней части сосудов, а на горшках третьего типа — по всей поверхности, а иногда и на дне. Он состоит из отпечатков веревочки, линейного штампа и нарезных линий, образующих горизонтальные ряды, заштрихованные треугольники, елочные композиции и группы нарезных линий, окаймленных мелкими углублениями.

К пятому типу относятся открытые плоскодонные сосуды с короткой прямой отогнутой наружу шейкой и округлыми плечиками, орнаментированные отпечатками веревочки, линейного штампа и нарезными линиями или без орнамента [38].

---

[33] В уроч. Беседки близ г. Гомеля, в уроч. Кокавня близ. с. Бердыж, у с. Городовка Чечерского района Гомельской области, в уроч. Сосновая Грива близ с. Старая Каменка Славгородского района Могилевской области, в уроч. Липовый Брод у с. Вороновка Гомельской области, в уроч. Куракин Бор в г. Брянске, у с. Евминки Остерского района Черниговской области, у хут. Красного Киевского района и у с. Софиевки Бориспольского района Киевской области найдены целые сосуды позднего этапа среднеднепровской культуры, происходящие, вероятно, из разрушенных грунтовых погребений.

[34] Стрелица, погр. № 1; Белынец, кург. № 4; кург. № 9, погр. № 1; Беседки, Сосновая Грива, Столпники, Мыс Очкинский; Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. № 10, погр. № 1 и 4; кург. № 11, погр. № 1; оз. Дедное, кург. № 1, погр. № 1.

[35] Брасово, Кокавня, Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. № 4; оз. Дедное, кург. № 1, погр. № 1; кург. № 1, погр. № 2, в уроч. Сергеева Грива; Долинка, кург. № 44.

[36] Долинка, кург. № 41, 55, 56, 60; Зеленки, кург. № 296, погр. № 4; Медвин, Гатное, кург. № 5 и 6; Дубровка, Шуляки, Янковичи, Нетеребки, Ходосовичи, уроч. Мошка, кург. № 1.

[37] Брасово, Белынец, кург. № 16; Куракин Бор.

[38] Ходосовичи, курган в уроч. Палик, погр. № 1; кург. № 1, погр. № 1 в уроч. Сергеева Грива; Долинка, кург. № 50, 60; Подвысокое, Липовый Брод, Гарожа.

Вторая группа керамики представлена плоскодонными сосудами баночной формы, с расширяющимися кверху прямыми стенками[39] (рис. 2, *19* и *24*). Сосуды этого типа являются продолжением развития керамики раннего этапа. Они встречаются на поселениях и в погребениях позднего этапа среднеднепровской культуры.

К третьей группе относятся круглодонные сосуды с прямыми стенками, без шейки или с намечающейся шейкой, орнаментированные отпечатками веревочки и нарезными линиями[40].

Четвертая группа керамики представлена плоскодонными сосудами цилиндрической формы (бокаловидные), орнаментированными заштрихованными треугольниками (Янковичи) (рис. 2, *17*).

Кремневый инвентарь состоит из ножей, наконечников стрел, копий, клиновидных топоров и скребков.

Каменные сверленые топоры представлены тремя основными типами: обушковый, лопастный и ладьевидный. Наиболее распространены обушковые топоры, которые можно разделить на короткообушковые, длиннообушковые и узкообушковые. В значительно меньшем количестве встречаются лопастные топоры. Ладьевидные топоры известны лишь в нескольких экземплярах и, по-видимому, не характерны для среднеднепровской культуры. Областью их распространения являются южные районы Швеции и Финляндии, а также Юго-Восточная Прибалтика.

Полировка каменных, кремневых и костяных предметов производилась на массивных прямоугольной или овальной формы плитах из коричневато-красного песчаника.

В погребениях позднего этапа найдены подвески из зубов животных[41] и пронизи из трубчатых костей с винтообразной нарезкой (рис. 4, *30*). Подобные пронизи характерны для памятников раннего этапа катакомбной культуры и указывают на связи населения среднеднепровской и катакомбной культур. О связях между племенами среднеднепровской и катакомбной культур говорят также молоточкообразные костяные булавки из кург. № 26 у с. Новоселки и кург. № 72 у с. Ивахны, песчаниковые формочки или выпрямители древков стрел из кургана у с. Иванковичи, а также некоторые типы керамики.

Подвески из янтаря известны трех типов (рис. 4, *32—34*). Это удлиненно-овальные подвески (могильник Печкуры), подвеска в виде плоского кружка с большим отверстием в центре (могильник Стрелица) и трапециевидная пластинка, соединенная с плоским кружком, имеющим в центре большое отверстие (могильник в урочище Мошка). Подвески изготовлены из прибалтийского янтаря и свидетельствуют о культурных связях населения среднеднепровской культуры с племенами Прибалтики. Наиболее близкие аналогии нашим подвескам известны на Курской Косе [31]. Янтарные подвески удлиненно-овальной формы и в виде плоского кружка с отверстием в центре в большом количестве встречаются в памятниках второй половины III и начала II тысячелетия до н. э. Литвы [32], Финляндии [33]; они характерны для культуры шаровидных амфор.

Изделия из металла представлены в погребениях медными шильями, ножом, топорами, наконечником копья, очковидными привесками, височными кольцами и браслетом.

Шилья четырехугольной формы с заостренными концами найдены в погр. № 2 кург. № 10 в урочище Мошка (рис. 4, *11*) и в погр. № 3 кургана в урочище Палик близ с. Ходосовичи. Медный нож листовидной формы с черешком из могильника Стрелица (рис. 4, *10*) можно сравнивать с ножами катакомбной и северокавказской культур.

---

[39] Ходосовичи, уроч. Палик, погр. № 1; Стрелица, погр. № 4; Долинка, кург. № 38.

[40] Софиевка, хут. Красный, Шаврики, Мыс Очкинский, Белынец, кург. № 16.

[41] Кург. № 24 у с. Новосёлки и кург. № 30 у с. Долинка.

Медные топоры представлены тремя экземплярами. Вислообушный литой топор из погр. № 2 кург. № 10 в урочище Мошка близ с. Ходосовичи (рис. 4, *12*) принадлежит к типу кавказских топоров, датирующихся Б. А. Куфтиным [34] и В. И. Марковиным [35][42] первой половиной II тысячелетия до н. э. Близкий по форме, но меньших размеров топор известен из случайных находок Н. Е. Бранденбурга в Киевской области[43].

Втульчатый литой топор из погр. № 1 кург. № 11 в урочище Мошка имеет ладьевидную форму с почти прямой лобной плоскостью (рис. 4, *13*). В памятниках эпохи бронзы аналогии нашему топору не известны. Из случайных находок близкий по форме топор имеется в коллекции В. И. Заусайлова [36]. Особенно близкие аналогии нашему топору мы находим в каменных ладьевидных топорах.

Наконечник копья происходит из погр. № 1 кург. № 11 в урочище Мошка. Перо листовидной формы, втулка круглая литая, на конце имеется два отверстия для прикрепления к древку (рис. 4, *14*). (Аналогичный наконечник копья известен из случайных находок близ с. Сухины Киевской области[44]). В культурах эпохи бронзы, синхронных среднеднепровской культуре, наконечники копий этого типа нам не известны. В археологической литературе подобные копья принято датировать концом II тысячелетия до н. э. Судя по совместной находке с медными очковидными привесками, янтарной подвеской, каменными предметами и с сосудом среднеднепровской культуры, наконечник копья из могильника Мошка может быть отнесен к началу II тысячелетия до н. э.

Очковидные привески (2 экз.) найдены в погр. № 1 кург. № 11 в урочище Мошка. Они были скручены из медной прямоугольной в сечении проволоки, а затем раскованы (рис. 4, *5*). На территории Советского Союза единственной аналогией им является привеска из погр. № 2 Карабудахкентского могильника Дагестанской АССР, которое Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов датируют началом II тысячелетия до н. э. [37]. Аналогичные очковидные привески известны в Моравии и Силезии в слоях, относящихся ко второму периоду Дунайских культур [38], в надтисанской культуре Польши — 2300—2000 гг. до н. э. [39], а также в памятниках раннеметаллической эпохи Передней Азии [40] и Европы [41]. Таким образом, появившись в III тысячелетии до н. э., очковидные привески этого типа бытовали, по-видимому, до середины II тысячелетия до н. э. С середины II тысячелетия до н. э. в памятниках эпохи бронзы Восточной и Западной Европы широко распространяются очковидные привески из круглой в сечении бронзовой, серебряной или золотой проволоки. Они доживают до начала I тысячелетия до н. э.

Браслет с суживающимися, заходящими друг за друга концами из тонкой, прямоугольной в сечении медной пластинки (рис. 4, *9*) найден в погр. № 4 могильника Стрелица. Близкий по форме медный браслет известен из Краснохуторского могильника [42], который датируется концом III тысячелетия до н. э. Два браслета аналогичной формы, но больших размеров, найденные в кладе в Стеблевке (бывш. Стубло) на Волыни вместе с изделиями унетицкого типа [43], датируются первой половиной II тысячелетия до н. э.

Два медных височных кольца с расширяющимися концами, свернутых в полтора оборота, из кург. № 60 у с. Долинка (рис. 4, *6—7*) имеют аналогии на Кавказе, в Закавказье, в древнейших слоях Трои (Троя II), на Крите и в Греции. Можно предполагать, что височные кольца этого типа попали на территорию среднеднепровской культуры непосредственно от племен катакомбной культуры, имевших тесные связи с Кавказом.

---

[42] Пользуясь случаем, выражаю В. И. Марковину благодарность за ценные сведения о находках металлических предметов эпохи бронзы на Кавказе.

[43] ГЭ, инв. № 201/3.

[44] ГЭ, инв. № 214.

Височное кольцо из круглой в сечении медной проволоки в полтора оборота найдено в погр. № 4, кург. № 10 в урочище Мошка. Аналогичные височные кольца известны в памятниках ямной, катакомбной и фатьяновской культур.

Предмет	Место находки	Элементы									
		Cu	Pb	Sn	Fe	Ag	Sb	Bi	Ac	Au	Ni
Нож	Стрелица, погр. 2	Осн.	Сл.	0,001	Сл.	0,03	0,003	?	0,37	—	0,006
Браслет	Стрелица, погр. 4	Осн.	—	—	Сл.	0,07	—	—	—	—	—
Топор вислообушный	Ходосовичи, кург. № 10, погр. № 2	Осн.	Сл.	0,002	Сл.	0,003	0,02	0,001	0,75	—	0,01
Шило	Там же	Осн.	0,001	—	Сл.	0,1	—	—	—	—	Сл.
Наконечник копья	Ходосовичи, кург. № 11, погр. № 1	Осн.	0,004	?	0,025	0,025	—	Сл.	2,70	—	0,009
Топор втульчатый	Там же	Осн.	—	—	Сл. сл.	0,04	—	—	0,14	—	0,008
Очковидная подвеска (целая)	»	Осн.	—	—	0,002	0,02	0,06	?	1,0	—	0,006
Очковидная подвеска (обломок)	»	Осн.	?	—	Сл.	0,035	0,06	Сл.	1,25	—	0,03
Шило	Курган в уроч. Палик, погр. № 3	Осн.	0,003	0,001	Сл.	0,003	0,01	0,003	0,32	0,003	0,04

В кург. № 72 у с. Новоселки (рис. 4, *8*) и в кург. № 5 у с. Гатное найдены медные круглые бляхи с небольшим отверстием в центре. Аналогичные бляхи известны на Кавказе и в катакомбной культуре.

Результаты спектрального анализа металлических предметов из могильников Стрелица и Ходосовичи[45] позволяют разделить их на две группы. К первой группе относится шило из погр. № 2 кург. № 10 в урочище Мошка и браслет из могильника Стрелица. Эти предметы изготовлены из меди с незначительной примесью серебра и свинца. Химический состав этих предметов указывает на изготовление их из металла западного происхождения. Вторая группа представлена преобладающим числом предметов, изготовленных из медно-мышьяковистого сплава с незначительной примесью сурьмы, свинца, серебра и никеля. Химический состав металлических предметов второй группы позволяет говорить об изготовлении их из металла кавказского происхождения (см. таблицу). Такие предметы, как вислообушный топор, шило из урочища Палик, очковидные привески и нож, как по форме так и по химическому составу имеют прямые аналогии в изделиях северокавказской культуры первой половины II тысячелетия до н. э. и, вероятно, доставлены на верхний Днепр в готовом виде. Другие предметы (втульчатый топор и наконечник копья), изготовленные из металла кавказского происхождения, на Кавказе и в других культурах эпохи бронзы, синхронных среднеднепровской культуре, аналогий не имеют. Можно предполагать, что эти предметы изготовлены из кавказского сырья населением среднеднепровской культуры, хотя прямых данных о существовании здесь металлургии у нас нет.

[45] Анализ произведен в кабинете спектрального анализа лаборатории ИА АН СССР ст. лаборантом Е. Н. Черных.

5

Среднеднепровская культура выделена на основании определенных форм посуды и ее орнаментации, определенных форм орудий и деталей погребального обряда, распространенных на территории Верхнего и северных районов Среднего Поднепровья в ограниченный промежуток времени. Племена среднеднепровской культуры представляли собой единую этническую общность, которую можно рассматривать как группу родственных племен, находившихся в тесном общении друг с другом На раннем этапе они занимали сравнительно небольшую территорию Правобережья северных районов Среднего Поднепровья. Территориальные особенности в инвентаре погребений не прослеживаются.

На позднем этапе территория среднеднепровской культуры значительно расширилась, она включала в себя не только северные районы Среднего Поднепровья, но и обширную область Верхнего Поднепровья. На территории распространения памятников позднего этапа, на основании различий в некоторых формах и орнаментации керамики, а также в деталях погребального обряда, при наличии общих признаков для всей территории, удается наметить два территориальных варианта — киевский и днепро-деснинский [46].

Памятники киевского варианта известны к югу от Киева, на территории Киевской и Черкасской областей, а памятники днепро-деснинского варианта занимают обширную территорию Верхнего Поднепровья к северу от Киева. На территории киевского варианта преобладают сосуды колоколовидной формы, а на территории днепро-деснинского — сосуды с шаровидным туловом и высокой отогнутой наружу шейкой. Для сосудов позднего этапа наиболее характерен орнамент из горизонтальных рядов заштрихованных треугольников. На сосудах киевского варианта ряды треугольников разделены мелкими углублениями, а на сосудах днепро-деснинского варианта — горизонтальными нарезными линиями или отпечатками веревочки (рис. 2). Кроме того, одним из существенных признаков, позволяющих выделить территориальные варианты позднего этапа среднеднепровской культуры, является ориентировка погребений. Так, в погребениях киевского варианта преобладает западная ориентировка, а в днепро-деснинском варианте — северная и южная.

6

Об образе жизни населения среднеднепровской культуры сведения в археологической литературе отсутствуют. Материалы исследований последних лет позволяют предполагать, что основой хозяйства племен среднеднепровской культуры являлись скотоводство и земледелие. О занятии скотоводством свидетельствуют находки костей домашних животных в кургане в урочище Палик и в погр. № 1 кург. № 1 у оз. Дедного близ. с. Ходосовичи. Стадо состояло из мелкого и крупного рогатого скота, лошадей и свиней.

О занятии земледелием говорят обломки зернотерок с поселения Ксёндзова Гора и из кург. № 10 близ. с. Ходосовичи, каменная мотыга из кург. № 39 у с. Долинка, а также отпечатки выгоревших зерен пшеницы на сосудах из погребений у с. Долинка. Многочисленные кремневые топоры, по-видимому, свидетельствуют о подсечно-огневой системе земледелия.

Определенную роль в хозяйстве племен среднеднепровской культуры играли охота и рыболовство. В урочище Палик, в погр. № 1 кург. № 1 у оз. Дедного близ с. Ходосовичи и в кург. № 39 у с. Долинка найдены

---

[46] В дальнейшем днепро-деснинский вариант, вероятно, можно будет разделить на два варианта — верхнеднепровский и деснинский. В настоящее время для такого разделения еще нет достаточных оснований.

кости диких животных — оленя, лося, кабана и бобра,— являвшихся объектом охоты.

Племена среднеднепровской культуры имели широкие связи с соседними и отдаленными племенами. Для позднего этапа особенно хорошо прослеживаются связи с племенами Прибалтики, катакомбной культуры и через последних — с населением Северного Кавказа. О связях между племенами среднеднепровской и волынской мегалитической культур свидетельствуют находки шаровидных амфор (Речица и Гришанцы), а также сходство в элементах орнамента керамики этих культур. О контакте с населением киево-софиевской группы памятников позднего триполья свидетельствует появление в среднеднепровской культуре обряда погребения с трупосожжением, а у населения киево-софиевской группы — орнамента из отпечатков веревочки на посуде.

На связи между племенами среднеднепровской культуры и населением культуры шнуровой керамики Западной Подолии и Волыни указывает клад медных украшений, найденный в 1905 г. в Киеве [44] [47]. Бокаловидный сосуд с небольшими ручками-ушками у края венчика с веревочным орнаментом из раскопок В. Щербаковского у с. Гречаники также находит прямые аналогии в культурах шнуровой керамики Западной Подолии и Волыни, а также Польши.

Значительный интерес представляет вопрос о связях племен среднеднепровской и фатьяновской культур. В археологической литературе уже отмечалось сходство некоторых форм и элементов орнамента сосудов среднеднепровской и фатьяновской культур. Это сходство М. Е. Фосс объясняет генетическими связями между ними и приходит к выводу о расселении среднеднепровских племен в область, получившую наименование «фатьяновской» [21].

Не останавливаясь на рассмотрении этого вопроса, мы склонны считать более вероятной точку зрения В. А. Городцова, который объяснял сходство в керамике среднеднепровской и фатьяновской культур лишь добрососедскими отношениями и связями [12].

Общественный строй среднеднепровских племен реконструируется как первобытнообщинный с развитыми патриархально-родовыми отношениями и, по-видимому, начавшейся имущественной дифференциацией. Об этом свидетельствуют богатые и бедные погребения в одном могильнике и даже в одном кургане.

7

Датировка среднеднепровской культуры представляет определенные трудности, так как в погребениях раннего этапа датирующие вещи не найдены. Начало и конец раннего этапа среднеднепровской культуры определяются приблизительно на основании следующих стратиграфических наблюдений:

1. На территории распространения памятников раннего этапа известны памятники трипольской культуры этапа В/II, которые Т. С. Пассек датирует первой половиной III тысячелетия до н. э. [45].

2. На трипольских поселениях этапа В/II — на Кирилловской улице в Киеве и Веремье [46], Триполье [47] и Владимировке [48] исследованы курганы, насыпанные над погребениями ямной культуры, свидетельствующие о вторжении населения ямной культуры на трипольскую территорию. Это вторжение произошло, вероятно, около середины III тысячелетия до н. э.

3. Учитывая, что погребения раннего этапа среднеднепровской культуры впущены обычно в насыпь курганов ямной культуры, его начало, по-видимому, можно датировать приблизительно 2400 г. до н. э.

---

[47] Вещи из клада хранятся в Киевском историческом музее, инв. № 32878—32882.

4. Конец раннего этапа может быть определен по нижней дате позднего этапа среднеднепровской культуры, которая на основании инвентаря погребений и аналогий в керамике «культур боевых топоров» Средней Европы (датирующихся по C^{14} временем 2485±320 гг. до н. э. и 2245±120 гг. до н. э.) [49] может быть отнесена к концу III тысячелетия до н. э., или к 2100—2200 гг. до н. э.

5. Среднеднепровскую культуру сменила сосницкая культура, начало которой на основании аналогий в керамике комаровской и тшинецкой культур может быть отнесено к середине II тысячелетия до н. э. [25].

Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений и анализа инвентаря среднеднепровскую культуру можно датировать второй половиной III — первой половиной II тысячелетия до н. э. Ранний этап ее датируется приблизительно 2400—2100—2200 гг. до н. э., поздний — 2100—2200—1600 гг. до н. э.

8

Вопрос о происхождении среднеднепровской культуры является частью наиболее сложной проблемы — проблемы происхождения «культур шнуровой керамики» или «культур боевых топоров». Состояние этой проблемы освещено в одной из последних работ А. Я. Брюсова [50], поэтому в настоящей статье мы рассмотрим точки зрения отдельных исследователей, высказавшихся по вопросу происхождения только среднеднепровской культуры.

В. А. Городцов считал, что среднеднепровская культура является как бы «колонией» одной из среднеевропейских культур [13]. Действительно, среднеднепровская культура входит в состав обширной культурно-исторической области распространения «культур шнуровой керамики» или «культур боевых топоров», но сложение этой культуры происходило в Среднем Поднепровье значительно раньше, чем сложение «культур боевых топоров» Средней Европы, поэтому «колонией» одной из среднеевропейских культур она не могла быть. С «культурами боевых топоров» Средней Европы можно синхронизировать только поздний этап среднеднепровской культуры.

По мнению Т. С. Пассек, среднеднепровская культура является закономерным результатом дальнейшего развития трипольских племен в Поднепровье [1, стр. 50]. А. Я. Брюсов уже отмечал, что трипольская культура, совершенно чуждая по формам вещей среднеднепровской культуре, не могла быть основой ее возникновения [14, 51]. Соглашаясь с А. Я. Брюсовым, мы все же склонны считать, что население, оставившее памятники киево-софиевской группы позднего триполья, принимало какое-то участие в формировании среднеднепровской культуры.

Значительный интерес представляет гипотеза В. Н. Даниленко о том, что культуры шнуровой керамики степей Восточной Европы являются более древними, чем культуры шнуровой керамики среднеевропейского типа [52]. В. Н. Даниленко предполагает, что на рубеже III—II тысячелетий до н. э.[48] степное население продвинулось долиной Днепра на север и запад, что в конечном итоге привело к сложению культуры шнуровой керамики на Волыни и в Западной Подолии, среднеднепровской культуры и московского ядра фатьяновской культуры [23]. Рассматривая процесс сложения среднеднепровской культуры, В. Н. Даниленко считает, что сначала возникли памятники днепро-деснинской группы, которые он выделяет в днепро-деснинскую культуру, а от них — памятники среднеднепровской культуры типа Стретовки [23]. С этим мнением

[48] Археологический материал свидетельствует о том, что это движение происходило не на рубеже III и II тысячелетий до н. э., а около середины III тысячелетия до н. э.

В. Н. Даниленко мы не можем согласиться, так как памятники днепро-деснинской группы и памятники типа Стретовки (и типа Гатного) одновременны и относятся к позднему этапу среднеднепровской культуры.

Кроме того, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет говорить о том, что памятники днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры появились на территории Верхнего Поднепровья в результате расселения племен среднеднепровской культуры с Среднего Поднепровья, а не наоборот, как считает В. Н. Даниленко.

Т. Б. Попова, на основании якобы совместной находки в одних погребениях в курганах у с. Долинка (бывш. с. Яцковицы) яйцевидных сосудов ямного типа и колоколовидных сосудов среднеднепровской культуры, предполагает, что катакомбная и среднеднепровская культуры произошли от разных вариантов ямной культуры [53]. Предположение Т. Б. Поповой представляет значительный интерес, но с обоснованием его мы не можем согласиться, так как в данном случае Т. Б. Попова повторила неточность, допущенную Т. С. Пассек при классификации материалов среднеднепровской культуры.

Приведенные выше гипотезы не решают этого вопроса, так как ни одна из них не имеет достаточно убедительного обоснования.

Прежде всего, необходимо определить район возникновения среднеднепровской культуры. На территории Верхнего Поднепровья почти все известные в настоящее время поселения и могильники этой культуры расположены на неолитических поселениях. Повсюду совершенно отчетливо устанавливается последовательность во времени существования неолитических поселений, а затем, по оставлении их,— поселений и захоронений, принадлежавших племенам среднеднепровской культуры. Неолитическая керамика по форме сосудов, технике их изготовления и орнаментике резко отличается от керамики среднеднепровской культуры (рис. 6). Это дает нам основание говорить об отсутствии культурной общности между населением среднеднепровской культуры и местными неолитическими племенами и рассматривать население среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья как пришлое. Отсутствие на территории Верхнего Поднепровья памятников раннего этапа среднеднепровской культуры не позволяет включать эту территорию в район возникновения среднеднепровской культуры. Решение вопроса о происхождении среднеднепровской культуры необходимо искать в северных районах Среднего Поднепровья, на территории распространения памятников раннего этапа этой культуры. Здесь им предшествуют памятники ямной культуры, которые представляют собой вариант этой культуры, отличающийся устойчивой западной ориентировкой погребений. Территориально обе культуры совпадают. Сходен и погребальный обряд той и другой культуры.

Захоронения среднеднепровской культуры совершены в подкурганных ямах, устройство которых полностью повторяет устройство погребальных камер ямной культуры. Это те же прямоугольные, с округленными углами, или овальные могилы, перекрытые сверху деревянным накатником из толстых бревен или плах. Для обеих культур типична и ориентировка покойников головой на запад, хотя в положении покойников наблюдаются различия. В погребениях ямной культуры покойники лежат на спине с согнутыми в коленях ногами, а в погребениях раннего этапа среднеднепровской культуры — на спине в вытянутом положении. Сейчас пока трудно объяснить причину изменений в положении покойников. Тем больший интерес представляют погребения Брасовского могильника среднеднепровской культуры, в которых покойники были положены по обряду ямной культуры, но с инвентарем среднеднепровской культуры. В среднеднепровской культуре сохранились и другие черты погребального обряда ямной культуры: посыпка дна могилы и покой-

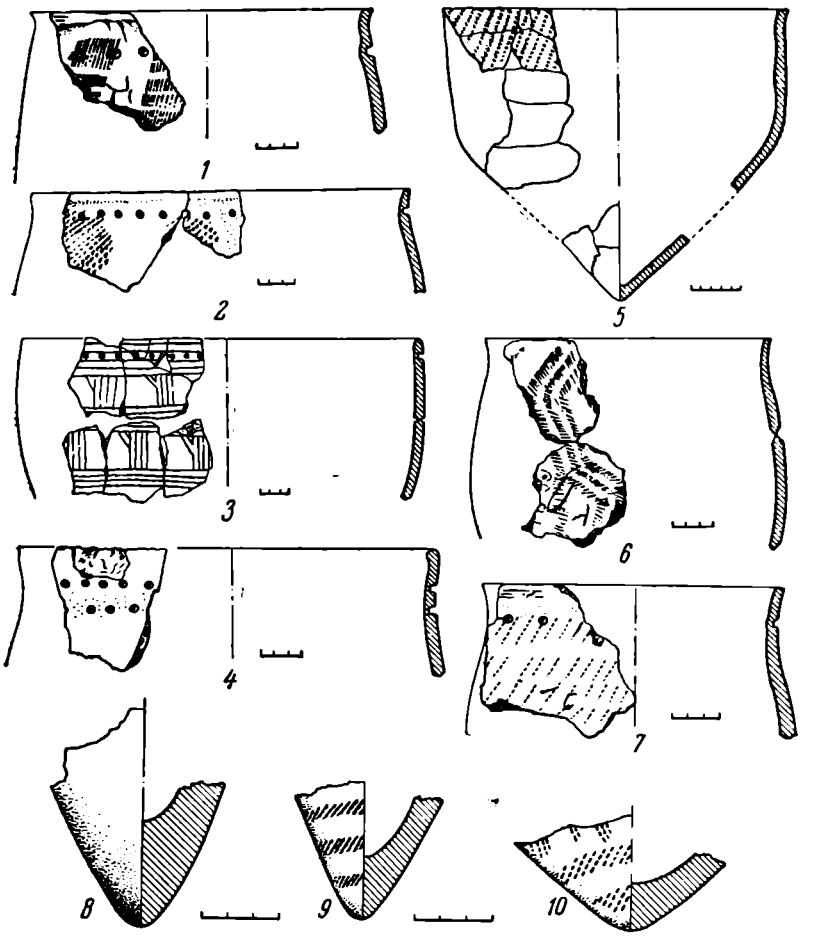


Рис. 6. Керамика с неолитических поселений Верхнего Поднепровья
1—4, 7—10 — Лучин, уроч. Борок Семиновский; *5—6* — Лучин, уроч. Сосонка

ника красной краской, присутствие в могилах и в насыпи кургана углей и золы, обкладка дна могилы камышом или берестой. Для ямной и среднеднепровской культур характерен также обычай окружать первоначальную насыпь кургана рвом. Ни в одной другой культуре III— первой половины II тысячелетия до н. э. мы не наблюдаем этого обычая. Лишь с середины II тысячелетия до н. э. он повторяется в абашевской культуре.

Близость ямной и среднеднепровской культур прослеживается и в керамике. Основная форма керамики раннего этапа среднеднепровской культуры — круглодонные сосуды с отчетливо выделенными плечиками и невысокой отогнутой наружу шейкой — появилась, по-видимому, в результате дальнейшего развития форм керамики ямной культуры. Орнаментальные мотивы на керамике среднеднепровской культуры, состоящие из горизонтальных рядов, соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников, а также треугольников с опущенной вниз вершиной находят себе аналогии в керамике ямной культуры (рис. 7).

Таким образом, на основании анализа погребального обряда и керамики ямной и среднеднепровской культур можно предполагать, что основные черты среднеднепровской культуры сложились на основе предшествовавшей ей ямной культуры. Дальнейшее формирование среднеднепровской культуры происходило, вероятно, при взаимодействии ее с катакомбной и волынской мегалитической культурами, а также с киево-софиевской группой памятников позднего триполья.

Памятники среднеднепровской, а также предшествовавших и синхронных ей культур раскрывают перед нами сложную картину исторических событий, происходивших на территории Верхнего и северных районов Среднего Поднепровья в III — первой половине II тысячелетия до н. э.

До начала III тысячелетия до н. э. территория Верхнего и северных районов Среднего Поднепровья была занята неолитическими культурами с различными вариантами гребенчатой или гребенчато-накольчатой (по Д. Я. Телегину) керамики, племена которых занимались охотой и рыболовством.

В начале III тысячелетия до н. э. на правобережье Среднего Поднепровья продвинулись с запада до Днепра племена трипольской культуры и вытеснили местное неолитическое население. Вероятно, около середины III тысячелетия до н. э. часть населения ямной культуры, продвигаясь вверх по Днепру, вторглась на Правобережье, на территорию, занятую трипольцами. В результате этого вторжения население ямной культуры прочно закрепилось на Правобережье среднего Днепра, а трипольские племена оказались разобщенными. Основная часть трипольцев вынуждена была потесниться на запад, вторая часть — на се-

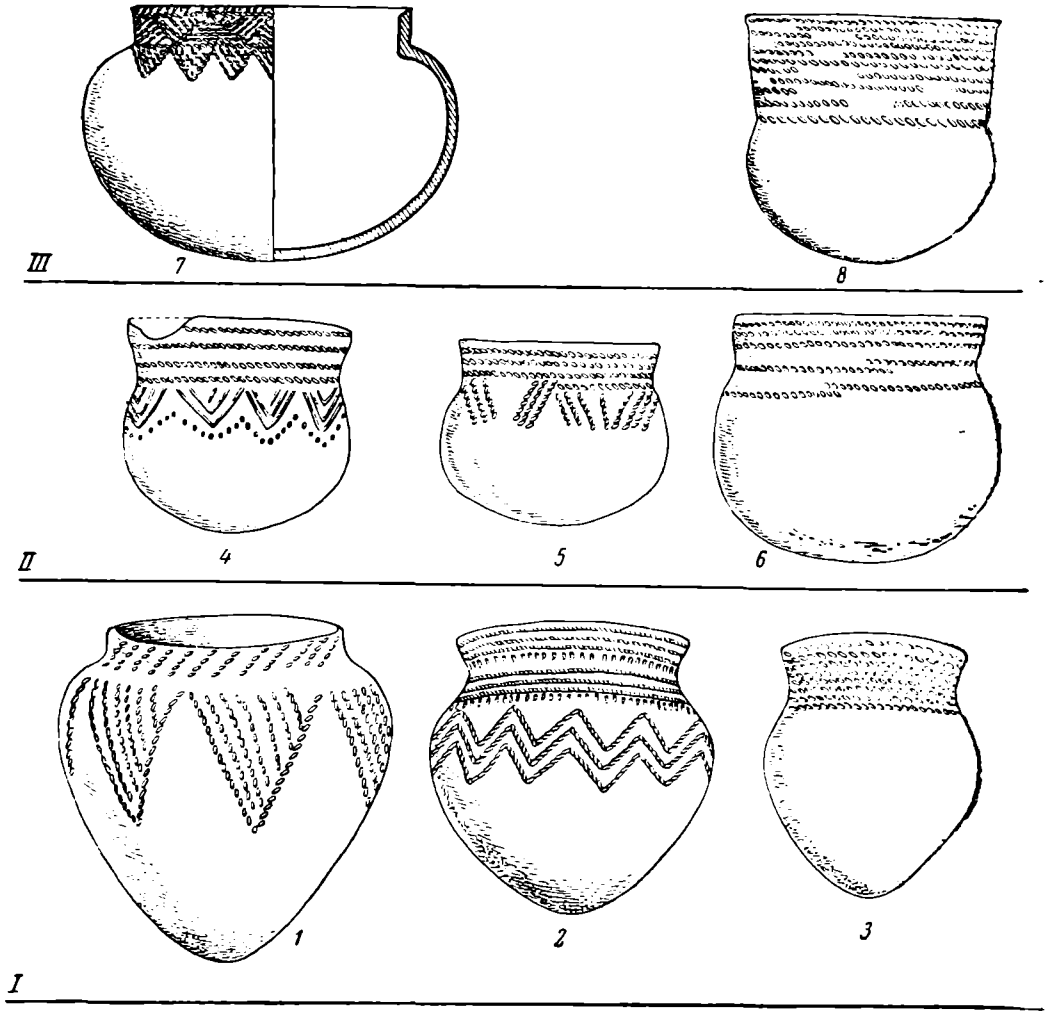


Рис. 7. Керамика ямной и среднеднепровской культур

I — Керамика ямной культуры: *1* — Смела; *2* — Долинка, кург. № 41; *3* — Долинка, кург. № 55. *II* — Керамика раннего этапа среднеднепровской культуры: *4* — Забары, кург. № 322, погр. № 2; *5* — Беркозовка, кург. № 380, погр. № 2; *6* — Кагарлык, кург. № 237, погр. № 11. *III* — Керамика позднего этапа среднеднепровской культуры: *7—8* — Белынец

веро-запад, третья — на северо-восток. В результате отрыва от основной трипольской территории на северо-западе образовалась группа трипольских памятников, выделенная Т. С. Пассек в городский этап позднего триполья, а на северо-востоке — киево-софиевская группа памятников позднего триполья.

Можно предполагать, что во второй половине III тысячелетия до н. э. на основе среднеднепровского варианта ямной культуры на Правобережье северных районов Среднего Поднепровья сложилась среднеднепровская культура. Ее формирование происходило, вероятно, под непосредственным воздействием племен волынской мегалитической и катакомбной культур, а также населения киево-софиевской группы памятников позднего триполья.

На территории Верхнего Поднепровья до конца III тысячелетия до н. э. продолжала развиваться культура неолитических племен с гребенчатой керамикой.

В конце III тысячелетия до н. э. племена среднеднепровской культуры перешли на левый берег Днепра, заняли территорию киево-софиевской группы позднего триполья и, продвигаясь вверх по Днепру и его притокам (Десне, Сожу и Припяти), вторглись на территорию неолитических племен Верхнего Поднепровья.

Что же заставило племена среднеднепровской культуры расселиться на обширной территории Верхнего Поднепровья? А. Я. Брюсов считает, что племена трипольской культуры, продвигаясь с запада на восток, достигли среднего Днепра и вытеснили из этих районов часть населения среднеднепровской и волынской мегалитической культур [14, 50]. С этим мнением мы не можем согласиться, так как расселение племен трипольской культуры на восток, к Днепру, происходило на этапе Б/II, который датируется Т. С. Пассек первой половиной III тысячелетия до н. э., а начало расселения племен среднеднепровской культуры относится к концу III тысячелетия до н. э. Объяснение причины расселения племен среднеднепровской культуры дает открытый К. Марксом закон о давлении излишков населения на производительные силы [54], имеющий большое значение для понимания внутренних закономерностей развития первобытного общества, а также причин передвижения древних племен. Рост численности населения и увеличение поголовья скота вынуждали племена среднеднепровской культуры расширять занятую ими территорию. Благодаря своему культурному превосходству скотоводческо-земледельческие племена среднеднепровской культуры относительно легко могли занять территорию Верхнего Поднепровья и ассимилировать местное неолитическое население, занимавшееся охотой и рыболовством.

В середине II тысячелетия до н. э. на основе среднеднепровской культуры сложилась сосницкая культура, близкая тшинецкой и комаровской культурам.

Значительный интерес представляет вопрос об этнической принадлежности племен среднеднепровской культуры. В археологической и исторической литературе утвердилась поддерживаемая почти всеми археологами и лингвистами точка зрения о том, что племена «культур шнуровой керамики» или «культур боевых топоров», составной частью которых являлись и племена среднеднепровской культуры, представляли собой одну из групп древних индоевропейцев — предков славян, балтов и германцев.

Литература

1. Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 42—44.
2. Тр. III АС, I. Киев, 1878, стр. LXXX; Атлас рисунков к III АС, Киев, 1878, Табл. XV.
3. ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 58, рис. 24.
4. Х. Вовк. Знахідки у могилах між Верем'єм і Стретівкою і біля Трипілля. Матеріали українсько-руської етнольогії. III, Львів, 1900, стр. 1—3, рис. 1—4.

5. Al. Bydlowski. Mogily w Nowosiolce. «Swiatowit», V, 1904.
6. Al. Bydlowski. Mogily w Jackowicy. «Swiatowit», VI, 1905.
7. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908.
8. Н. Е. Бранденбург. Об аборигенах Киевского края. Тр. XI АС, I, 1901.
9. А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в средней и северной России. ЗРАО, VII, 1, СПб., 1905, стр. 73, рис. 8.
10. Т. С. Пассек, Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. ТСА РАНИОН, IV, М., 1928, табл. XXII, рис. 1.
11. Результаты раскопок, произведенных в Брянском уезде Орловской губернии летом 1901 г. членом Орловской архивной комиссии С. А. Чуевым. ТОУАК за 1901—1902 гг. Орел, 1903, стр. 5—7; ДАК, 1903, 90, Материал не сохранился.
12. В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского исторического музея за 1914 г., М., 1915, стр. 165.
13. В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР, БСЭ, VII, М., 1927, стр. 610—626.
14. А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 215—216.
15. К: Палікарповіч. Археолёгічныя нататкі. (Хроніка). Працы БАН, III, Мінск, 1932, стр. 248.
16. М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 22—26, рис. 8; И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский, КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 130—140.
17. В. В. Кропоткин. Белынецкие курганы и стоянка. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 52—66; его же. Новые исследования Белынецких курганов. КСИИМК, 75, **1959, стр. 103—113.**
18. В. А. Падин. Археологические находки. «Брянский рабочий» от 26 августа 1955 г., № 168 (9342); СА, 1957, 4, стр. 284.
19. А. Г. Митрофанов. «Червонная Змена» от 18 апреля 1954 г., № 77 (4173), p. *1, 2.*
20. A. Häusler. Die kulturellen und wirtschaftlichen Beziehungen der Bevölkerungsgruppen Mittelrusslands am Ende der jüngeren Steinzeit. Wiss. Z. Martin-Luther-Univ. Halle-Wittenberg. Jahrgang V, вып. 1, Halle — Saale, 1955, стр. 69 сл.
21. М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР, МИА, 29, 1952, стр. 183—187.
22. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1952.
23. В. Н. Даниленко. К вопросу о месте киевотрипольской культуры в этногенетическом процессе. КСИА АН УССР, 2, 1953, стр. 81—83.
24. И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья, КСИИМК, 78, 1960, стр. 34—42.
25. И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной Горе. СА, 1961, 2.
26. И. И. Артеменко. Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 г. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 67.
27. И. И. Артеменко. Поселение среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья. КСИА АН СССР, 88, 1962.
28. Н. Бранденбург. Выписки из журнала раскопок курганов, со скелетами в скорченном положении. Тр. XI АС, М., 1901.
29. ЗОРСА, VII, 1, стр. 151—153.
30. Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья. 1, Киев, 1899, стр. 12, табл. V, рис. 12.
31. R. Klebs. Der Bernsteinschmuk der Steinzeit. Beiträge zur Naturkunde Preussens, herausgegeben von der phisikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg, 5, 1882, табл. IV и VIII.
32. J. Puzinas. Naujausiu proistoriniu tyrinejimu Duomenys. Kaunas, 1938, табл. V.
33. Äyräpää. Die Verbreitung des Bernsteins im kamm-keramischen Gebiet. SMIA, XLV, Helsinki, 1945, стр. 11, рис. 3—5.
34. Б. А. Куфтин. К вопросу о древних корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, XII-B, 1944, стр. 305, рис. 8, *5.*
35. В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.), МИА, 93, 1960, стр. 94.
36. A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. Helsingfors, 1916, табл. 11, *9.*
37. Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент. МИА, 68, 1958, стр. 167—168.
38. Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 153—154.
39. J. Kostrzewski. Weilkopolska w pradziejach. Warczawa — Wroclaw, 1955, стр. 37—38, рис. 58.
40. F. Schmidt. Excavation at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, табл. I, IV.
41. D. Popescu. Die frühe und mittle Bronzezeit in Siebenbürgen. Bucureşti, 1944, стр. 59, рис. 17.
42. В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Червонохутірський могильник мідного віку з трупоспаленням. АП, VI, Київ, 1956, табл. I, 13.
43. V. Antoniewicz. Der in Stubło in Wolhynien aufgefundene Bronzeschatz. ESA, IV, 1929, стр. 137, рис. 4—5.
44. Т. Г. Мовша. Медные украшения из Киева. КСИИМК, 70, 1957, стр. 94—93.

45. Т. С. Пассек. Взаимоотношения культур Западной и Восточной Европы в период неолита. Доклад на Ученом совете ИА АН СССР 27 октября 1961 г.
46. В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI АС, I, стр. 762, 783, 786.
47. Н. Беляшевский. Раскопки у м. Триполья Каневского у. АЛЮР, I, январь 1899 г., Киев, стр. 8—9.
48. Т. С. Пассек. Трипольское поселение Владимировка. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 50—51.
49. R. Pittioni. Die Bedeutung der Radiokarbonaten für die Urgeschichte. Anz. Öster. Akad. Wiss. Philos.-histor. Kl., Wien, 1957, стр. 246—247.
50. А. Р. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, 3.
51. A. J. Brjussov. Geschichte der neolitischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin, 1957, стр. 267.
52. В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики. КСИА АН УССР, 4, 1955, стр. 126—128.
53. Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 128.
54. К. Маркс. Вынужденная эмиграция. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. М., 1952, стр. 333.

Е. Е. КУЗЬМИНА

ДРЕВНЕЙШАЯ ФИГУРКА ВЕРБЛЮДА ИЗ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОБЛЕМА ДОМЕСТИКАЦИИ БАКТРИАНОВ

Статуэтка, изображающая двугорбого верблюда, найденная в 1960 г. Еленовским отрядом Оренбургской экспедиции, является уникальным образцом андроновской пластики. Она слеплена от руки из глины розовато-коричневого цвета и имеет длину 6,5 *см* при высоте 4,2 *см*.

Фигурка изображает стоящего верблюда с двумя горбами и свисающей у шеи длинной гривой, характерной для этого вида животных. Туловище в сечении овальное, ноги круглые, голова, к сожалению, обломана. Находка была сделана на пос. Ушкатты Ограда II в Домбаровском районе Оренбургской области, на глубине 0,35 *м*, внутри большого жилища типа полуземлянки, стенки которой были укреплены каменными плитами. Фигурка лежала in situ около небольшого отопительного или, может быть, культового очага.

По керамике и другим находкам основной слой этого поселения датируется алакульским этапом андроновской культуры, т. е. первой половиной II тысячелетия до н. э. [1].

Эта интересная находка позволяет снова вернуться к вопросу о месте и времени одомашнения двугорбых верблюдов-бактрианов. Вопрос этот, несомненно, имеет большое значение, поскольку в хозяйстве полукочевых андроновских племен, живших в степи в засушливую суббореальную эпоху, это животное должно было играть существенную роль как на ранних этапах развития культуры, когда лошадь была еще недостаточно освоена под верх, так и в более позднее время, когда можно предполагать оживление межплеменных сношений и большие перемещения отдельных этнических групп. Между тем вопрос о доместикации верблюда, «этого важнейшего фактора в истории Азии», по словам В. Олбрайта [2], пока остается спорным. Известно, что прародиной верблюдов была Америка [3], откуда они распространились через Китай в Индию, Сибирь, Юго-Восточную Европу и Среднюю и Переднюю Азию, где найдены кости ископаемых видов. Ареал распространения верблюдов непрерывно сокращался с запада на восток, начиная с плиоцена [4], и в настоящее время дикий верблюд Пржевальского сохранился только в Синцзяне, в песках Такла-Макан, в районе оз. Лобнор к северу от Алтын-Тага и в Заалайской части пустыни Гоби [5—6]. Дальнейшая история развития верблюдов является предметом длительных и оживленных споров. Если одни исследователи, как например М. Хильцгаймер, полагают, что древнейшим видом были одногорбые верблюды, а двугорбые развились из одногорбых уже после одомашнения последних в Месопотамии [7], то другие считают, что уже ископаемые виды — camelus Knoblochi и camelus probactrianus, найденные на территории Сибири [8, 9], Казахстана [10—11], Средней

Азии [12], Поволжья [13] и Восточной Европы [14], могут рассматриваться как родственники и предки двугорбого верблюда-бактриана. Существует и третье мнение, отрицающее возможность решения этого вопроса в настоящее время [15].

Интересно, что ареал распространения современных двугорбых верблюдов почти точно совпадает с ареалом распространения диких ископаемых camelus probactrianus и охватывает территорию евразийских степей между 40 и 50° с. ш. [16—18]. Сравнительное изучение остеологического материала привело проф. С. Н. Боголюбского к выводу, что родину современных двугорбых верблюдов следует искать именно в этой зоне [12]. К этому же мнению склоняются и многие другие исследователи. Окончательное решение проблемы затруднялось отсутствием промежуточных звеньев — доказательств существования двугорбого верблюда на данной территории в период между палеолитом и современностью. В руках исследователей, занимающихся историей доместикации одногорбых верблюдов-дромедаров, имеется в настоящее время уже обширный и разнообразный материал: свидетельства письменных источников от ассирийских анналов [19] до Библии [20], наскальные изображения от эпохи мезолита в Джебел аль-Тубейк [21] до рисунков в Тель-Халафе [22], статуэтки одногорбых верблюдов, найденные на Крите [12, стр. 32], в Лагаше, Уре [23—24], Джубедле [25], в Египте времени Древнего царства [26—27] и изображения одногорбых верблюдов в монументальном искусстве [28—29]. В то же время относительно двугорбых верблюдов ученые располагают пока довольно скудными данными. Древнейшее упоминание двугорбого верблюда содержится в надписи Тиглат-Палласара I (1116—1090 гг. до н. э.) из Куюнджика, в надписи Ассурнасирпала I (1047—1029 гг. до н. э.), затем в анналах Салманасара III, Ашурнасирпала, Шамши-Адата V и Саргона II [19, 30]. Изображения двугорбых верблюдов появляются в Ассирии в начале I тысячелетия до н. э.— на Черном обелиске в Нимруде, на рельефе Балаватских ворот [31], на Куюнджикском рельефе с изображением ассирийского военного лагеря [32—34], а также на печатях эпохи Салманасара III (859—825 гг. до н. э.) [35]. Исходя из времени появления двугорбого верблюда на этих ассирийских памятниках, некоторые ученые, например Ш. Притцвальд, относили время приручения двугорбого верблюда именно к X в. до н. э. [36]. Однако археологические материалы позволяют утверждать, что двугорбый верблюд был одомашнен задолго до I тысячелетия до н. э. и не в Месопотамии, как считал Хильцгаймер, а в восточной части евразийских степей. Древнейшие кости двугорбого верблюда-бактриана были встречены в фауне Шах-Тепе, в III слое, относящемся к 3000—2500 гг. до н. э. [37—39][1]. По мнению Амшлера, этот верблюд был несомненно домашним. Другим пунктом находок костей двугорбого, также домашнего верблюда является верхний слой северного холма Анау в Южной Туркмении [41]. Кроме того, на раннеземледельческом поселении Кара-Тепе были найдены фигурки, изображающие как одногорбых, так и двугорбых верблюдов[2].

Следовательно, земледельческие племена, жившие на периферии области культур крашеной керамики и находившиеся в контакте со степными народами, знали двугорбого верблюда уже в середине III тысячелетия до н. э. Однако, по мнению В. Амшлера, исследовавшего остеологический материал Шах-Тепе, двугорбый верблюд появился здесь в

---

[1] Изображение двугорбых верблюдов есть в росписях сосудов Сиалка III, но там представлены главным образом дикие, а не домашние виды животных, следовательно, сиалковские росписи свидетельствуют не об одомашнении верблюда, а лишь о распространении его в древнем Иране [40].

[2] Приношу благодарность А. А. Марущенко, ознакомившему меня с этими находками.

результате заимствования у северо-восточных туркестанских степных племен [38][3].

Новыми данными, подкрепляющими предположение о доместикации двугорбых верблюдов в евразийских степях, являются находки костей рассматриваемых животных на поселениях степных культур. Кости домашнего верблюда-бактриана были найдены на трех андроновских поселениях Казахстана: в Алексеевке на Тоболе [48], на поселении Ата-Су в Центральном Казахстане, датируемом исследователями XV в. до н. э. [49], и на поселении Усть-Нарым в Восточном Казахстане, отнесенном С. С. Черниковым к XV—XIII вв. до н. э. [50]. Четвертой находкой, доказывающей знакомство андроновцев с этим животным, является рассматриваемая нами статуэтка из Зауралья.

Ареал распространения верблюдов во второй половине II тысячелетия до н. э. охватывал не только Казахстан и Приуралье, но и Минусинскую котловину, поскольку кости верблюда были найдены на двух памятниках карасукской культуры — в Георгиевской и на Ильинской горе [51]. По мнению Херманса, кости двугорбого верблюда были встречены также в Афанасьеве [52][4]. Что касается территории распространения срубной культуры, то здесь мне известна только одна находка на позднесрубном поселении у г. Воронежа, которое по керамике и металлическим изделиям имеет связь с памятниками Нижнего Поволжья и Приуралья. Это позволяет предполагать, что верблюд здесь появился в результате заимствования у андроновцев [53]. Перечисленные находки, хотя и немногочисленные ввиду слабой изученности андроновских поселений, все же с несомненностью доказывают, что двугорбый верблюд был известен андроновским племенам уже с середины II тысячелетия до н. э.

Появление бактрианов в Ассирии в начале I тысячелетия до н. э., вероятно, следует связать с продвижением на соседние с Ассирией территории иранских племен. Об этом движении свидетельствуют некоторые находки бронзовых изделий, типичных для евразийских позднебронзовых степных культур, на территории Кавказа, Туркмении и собственно Ирана, а также появление именно в это время в ассирийских анналах имен богов арийского пантеона [54]. В этой связи интересно, что ассирийская традиция эпохи Салманасара II связывает происхождение бактрианов с северо-восточными иранскими племенами [19, 55]. В раннеассирийских документах двугорбый верблюд называется семитским словом, означающим дромедара — gammâlu, но с указанием, что он с двумя горбами. Позднее появился термин для двугорбого верблюда — udru, восходящий к иранскому названию uštra, что еще раз подтверждает гипотезу об иранском происхождении двугорбых верблюдов в Ассирии. Проведенное С. Н. Боголюбским, вслед за Г. Риттером и И. Кове, исследование названий верблюдов у разных народов показывает, что, по-видимому, имелось два центра приручения верблюдов. Первый из них — Аравия, центральная часть которой по-арабски называется «мать верблюдов», откуда распространился одногорбый верблюд, называющийся по-семитски gamale. Это название перешло в другие семитские языки, древнеегипетский, вавилонский, а также в европейские (через греческий и латинский). Кроме того, к семитскому корню восходят названия вер-

---

[3] Мы не будем касаться вопроса о распространении верблюда в Индии, поскольку против утверждения Д. Маршалла о наличии костей верблюда-дромедара в Мохенджо-Даро [42] выступил В. Амшлер [43]. Так же спорен вопрос о том, является ли верблюдом животное, изображенное на проушном топоре из Кхураба, который датируется серединой II тысячелетия до н. э. [44] и рассматривается Д. Гордоном и Р. Максуэллом как оружие пришедших в Индию из северных степей ариев [45]. Несомненно, что ведические арийцы хорошо знали и высоко ценили двугорбых верблюдов, поскольку эти животные многократно упоминаются в древнеиндийской литературе [46—47].

[4] Иетмар отрицает присутствие верблюдов как в афанасьевской, так и в андроновской культурах. По-видимому, новые находки остались ему неизвестны.

блюда в ряде кавказских языков — в грузинском, сванском, мегрельском. Интересно отметить, что на Кавказе найдены кости главным образом одногорбых дромедаров [56] (в кургане позднебронзовой эпохи у Калакента [57]), так же как и их изображения (на сосуде из кургана у Кировабада, в Ирпуни и Тейшебаини [58—60]). Следовательно, верблюд на Кавказ проник из Передней Азии[5]. Другое название верблюда, применяющееся только к бактриану, uštra — арийское и распространено во всех иранских языках и, может быть, в санскрите.

Местом обитания этих арийских племен в эпоху бронзы, по мнению огромного большинства как лингвистов, так и археологов, являлись евразийские степи. Таким образом, культура этих племен, по всей вероятности, связывается с андроновскими и родственными им памятниками степной бронзы, где, как мы уже указывали, в последнее время были сделаны находки костей бактрианов и одно изображение. Интересно, что в тюркских языках более древнее, по-видимому, название верблюдов, заимствованное из иранских языков (air), позволяет предполагать, что тюрки получили верблюда от иранцев; наряду с ним существует тюркское слово tövö [12, стр. 38]. Из тюркского заимствованы названия бактрианов в угро-финские и китайский языки. Распространение домашних верблюдов в Китае относится уже к очень позднему времени — не ранее эпохи Чжоу (IV в. до н. э.), главным образом к ханьскому периоду [61, 62]. Интересно, что китайская традиция многократно говорит о том, что двугорбый верблюд был одомашнен на далеком северо-западе, и связывает его прародину то со страной, лежащей к западу от Ордоса, то с Ферганой, то с белыми гуннами [12, стр. 15; 61, стр. 24; 63, стр. 269], т. е. с областями, в древности, возможно, населенными восточноиранскими племенами и близкими к рассматриваемой нами территории.

Таким образом, новые находки костей верблюда на памятниках андроновской культуры и сопоставление письменных ассирийских и китайских данных, а также анализ названия верблюда у разных народов позволяют прийти к выводу, что двугорбый верблюд, по всей вероятности, был одомашнен ираноязычными племенами, жившими на территории среднеазиатских степей и Казахстана, а также, возможно, и Южной Сибири.

В более позднее время — в I тысячелетии до н. э.— начале I тысячелетия н. э. разведение двугорбых верблюдов в Сибири продолжалось. Граница их распространения здесь, видимо, продвигалась все дальше на восток, о чем свидетельствуют изображения двугорбых верблюдов на сибирских писаницах (особенно на Писаной горе) [64] тагарского и более позднего времени [51], а также находки ископаемых костей [52, 64] и статуэток верблюдов [51, 65—69].

Сибирские кочевники, как уже указывалось, приводят бактрианов в IV—III вв. до н. э. в Китай. В I тысячелетии до н. э. двугорбый верблюд был одним из распространеннейших домашних животных Средней Азии. Кости этого животного найдены при раскопках поселений в слоях городища Каунчи в Согде [70], на поселениях Топрак-Кала и Шемаха-Кала в Хорезме [71—72] и др. Известны и многочисленные изображения верблюдов в Хорезме и особенно в Бактрии, славившейся своими двугорбыми верблюдами, которые, по всей вероятности, были здесь культовыми животными [73]. Двугорбые верблюды изображаются на бактрийских монетах; они входят в состав дани, приносимой ахеменидам многими среднеазиатскими и другими иранскими племенами (арийцами, арахозянами, парфянами и бактрийцами), что изображено на рельфах дворца Дария I

---

[5] Двугорбые верблюды на Кавказе были, вероятно, весьма немногочисленны и появились только в I тысячелетии до н. э. Они известны в стране Мусри на территории современной Армении, где существовало армянское, восходящее к арийскому их название.

в Персеполе [74][6]. Верблюд широко применяется в Иране и Парфии как военное животное (у Шапура, например, в войске имелось 25 000 верблюдов).

Как в скифскую, так и в сарматскую эпоху двугорбые верблюды продолжали применяться в Казахстане и Приуралье. В раскопанном Б. Н. Граковым кургане савроматской культуры Блюменфельд А 12 найдена костяная бляшка с изображением лежащего верблюда, по определению О. А. Кривцовой-Граковой [75; 48, стр. 101]; в кургане VI в. до н. э. под Соль-Илецком К. Ф. Смирновым найдены две прекрасные бронзовые бляшки, рисующие борьбу двух двугорбых верблюдов[7]; у Актюбинска найдена бронзовая бляшка с изображением двугорбого верблюда [76]. На позднесарматском городище «Чудаки» в Челябинской области К. В. Сальниковым найдены кости домашнего двугорбого верблюда [77].

Что касается европейских степей Союза к западу от Волги, т. е. территории собственно Скифии, то здесь, как и в эпоху бронзы, верблюд, по-видимому, не был распространен. Мне известна только одна находка костей этого животного, относящаяся к V—III вв. до н. э., на поселении Каменские Кучугуры на Днепре. По мнению В. И. Цалкина, верблюд в Скифии не принадлежал к числу местных животных, и появление его связано с транзитной торговлей [78].

Картина резко меняется в сарматскую эпоху. От этого времени на территории восточноевропейских степей известны изображения верблюдов — два круглых бронзовых кольца с фигурками двугорбых верблюдов из кургана I—II вв. у с. Б. Дмитриевка в Саратовской губ. [79—80], бронзовая пряжка с изображением лежащего верблюда из погр. № 6 кург. № 2 у хут. Веселого на р. Маныче (II в. до н. э.) [81]. Кости верблюда являются обычной находкой в слоях римского времени в городах Северного Причерноморья (в Неаполе Скифском, Пантикапее, Илурате, Фанагории, Танаисе, Ольвии [78, стр. 101—104, 107]). В. И. Цалкин полагает, что распространение двугорбых верблюдов в городах Северного Причерноморья связано с расширением торговли, которую вели эти города. Не отрицая значения данного фактора, все же не следует ли связать появление двугорбых верблюдов с приходом сюда именно в эту эпоху сарматских племен из Заволжья? Особенно обращает на себя внимание тот факт, что по проценту костей двугорбых верблюдов среди городов Причерноморья резко выделяется Танаис (46 костей против одной-двух в других городах), население которого, судя как по данным письменных источников и эпиграфики, так и по археологическим материалам, было очень сильно сарматизовано.

Применение верблюда во все эпохи, надо полагать, оставалось одинаково. Главную роль он играл как транспортное животное при перекочевках и транзитной торговле. Согласно ассирийским анналам, на двугорбых верблюдах в IX в. до н. э. доставлялся сердолик из далекой Индии в страну Хиндану, находившуюся на среднем течении р. Евфрат [55]. Некоторое значение имело и применение верблюжьей шерсти для изготовления одежд, не уступавшей по качеству, по словам Элиана, даже милетской [82]. Указание на использование верблюжьей шерсти для изготовления одежд содержится также в одном из древнейших яштов Авесты — Бехрам-Яште [83]. Кроме того, в ассирийской, ахеменидской и парфянской армиях верблюды использовались как военные животные, своим видом приводившие в смятение конницу врагов.

Немецкий ученый Притцвальд, подходивший к вопросу о доместикации животных с точки зрения их применения в религиозных целях, пола-

---

[6] Среди случайных находок ахеменидской эпохи в Хамадане имеется золотая фигурка скачущего двугорбого верблюда [40, табл. 135e].

[7] Приношу глубокую благодарность К. Ф. Смирнову, сообщившему мне об этой находке.

гал, что верблюд никогда не был культовым животным [36]. Это положение может быть справедливо в отношении одногорбых верблюдов у семитских народов. Однако двугорбый верблюд у восточных иранцев почитался с глубокой древности. В Авесте, где нашла отражение древняя мифология иранских племен, верблюд является одним из самых высокочтимых животных. Авеста знает оба вида верблюдов: «Двух видов верблюд сотворен для чистых, один водится только в горах [8], другой только в равнинах..., а тот горный верблюд с двумя белыми ушами есть глава всех верблюдов, как Гавомарда — первый в коленях человечества» [84]. Почитаемым является только двугорбый верблюд.

Верблюд в Авесте упоминается многократно и в перечне животных занимает место вслед за лошадью и перед коровой [85] [9]. Лошадь и верблюд — наиболее почитаемые животные арийцев. В древности именно они давали возможность полукочевым восточноиранским племенам быстро передвигаться и совершать набеги на оседлое земледельческое население Ирана. В Авесте верблюду даются такие эпитеты, как «злой», «сильнейший», «обладающий наибольшей силой и мощью среди всех самцов телесного мира»; в другом месте верблюд сравнивается с мощным правителем [83]. О той роли, которую играл верблюд как в хозяйстве, так и в мифологии восточных иранцев, свидетельствует то, с какой настойчивостью просит Заратуштра у Ахурамазды дать ему обещанного верблюда [86]. Отзвуком древнего культа верблюда являются и многочисленные имена, в состав которых входит uštra, аналогичные по своему социально-религиозному значению именам с asp (лошадь [87]), в том числе и имя самого Заратуштры («владеющий позолоченным верблюдом») [88] и его сподвижника Фрашауштра [54, стр. 385].

Верблюд является одним из воплощений Веретрагны (позднейший Бахрам-Варахран) — бога победы и грозы, сильнейшего из язатов — младших богов иранского пантеона, родственного общеарийскому Индре [89, 90]. В Бехрам-Яште, относящемся к древнейшим частям Авесты, описано, как Веретрагна предстал перед Заратуштрой в образе верблюда.

Таким образом, у восточных иранцев верблюд почитался с глубокой древности. С образом верблюда связывалось представление о святости и знатности, о чем свидетельствует и китайская литературная традиция. В Китае многократно в разные эпохи повторялась легенда, по которой на западной родине верблюдов (в стране к западу от Хотана; ее отождествляют то с Бактрией, то с Ферганой) на горе стояла каменная статуя верблюда, с которой стекала очистительная вода [61, стр. 269]. Указания на связь верблюда с культом дождя и воды проходят красной нитью через всю китайскую поэзию [10].

Начиная с эпохи Чжоу, а особенно в ханьское время, в западных провинциях Китая под влиянием кочевников распространяются жезлы с изображением верблюда, являющиеся символом власти и праведности [61, стр. 275].

Все эти факты позволяют утверждать, что у племен, приручивших двугорбого верблюда, существовал древний культ этого животного, а

---

[8] Речь, несомненно, идет о двугорбых верблюдах, применявшихся в горах Центральной Азии.

[9] Интересен состав стада в Авесте: лошадь, верблюд, корова являются главными животными, овца и козел известны, свинья не упоминается ни разу. В позднебронзовую эпоху такой же состав стада и преобладание крупного рогатого скота над мелким известны только в памятниках степных культур Средней Азии и Казахстана; на Кавказе и в Иране издревле известна свинья, а мелкий рогатый скот играет значительно большую роль. Не является ли это еще одним штрихом для доказательства среднеазиатского происхождения Авесты?

[10] Не исходит ли этот культ из иранского источника, ведь в Иране верблюд связывается с богом грозы Веретрагной?

его многочисленным изображениям придавался символический смысл. Именно так, по-видимому, и следует рассматривать фигурку с Ушкатты. На ее стилистическом анализе мы не будем останавливаться, так как она крайне примитивна и схематична, а наиболее выразительная ее часть — голова животного — обломана. Отсутствие в известных до сих пор памятниках андроновской культуры каких-либо образцов пластики делает попытку такого анализа в настоящее время почти невозможной.

По общему стилю изображения (если о нем можно говорить) ближайшую аналогию рассматриваемой фигурке составляет статуэтка коня, найденная на поселении Тазабагъябской культуры в Хорезме[11]. Ушкаттинский верблюд напоминает изображения животных юго-восточного мира. Интересно, что в Иране, Туркмении и в других центрах земледельческих культур Средней Азии животные изображались всегда стоя, в статичной позе. Эта же особенность присуща как ушкаттинскому верблюду, так и хорезмийской лошадке. Наоборот, приводившиеся нами изображения двугорбых верблюдов от Сибири до Дона, относящиеся к скифской и сарматской эпохам[12], представляют обычно это животное или лежащим, или находящимся в движении, что вообще характерно для скифо-сарматского звериного стиля.

Литература

1. Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КСИА АН СССР, 88, 1962, стр. 84—92.
2. W. Albright. Archaeology and the Religion of Israel. Baltimore, 1946, стр. 132.
3. В. И. Громов. О нижней границе четвертичного периода. Сб. «Материалы по четвертичному периоду», 2, М.— Л., 1950, стр. 25.
4. В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. М.— Л., 1948, стр. 436.
5. Я. И. Хавесон. Дикие и домашние формы верблюдовых, 1, М.— Л., 1940, стр. 117.
6. И. И. Соколов. Копытные звери. Фауна СССР, Млекопитающие, 1, вып. 3, М.— Л., 1959; ЗИ АН СССР, новая серия, 71, стр. 109—112, рис. 21.
7. M. Hilzheimer. Natürliche Rassengeschichte der Haustiere. Berlin, 1926, стр. 217—219.
8. Ю. А. Орлов. Ископаемые верблюды Старого света. «Природа», 1928, 3.
9. Ю. А. Орлов. Некоторые данные о третичных и послетретичных отложениях северной окраины Киргизской горной страны. Изв. ГГУ, 1930, 10.
10. Ю. А. Орлов. Об остатках ископаемого верблюда из Акмолинской губернии. Докл. АН СССР, 1927.
11. К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, VII, Алма-Ата, 1959, стр. 5.
12. С. Н. Боголюбский. Происхождение верблюдов. Алма-Ата, 1929, стр. 14, 15.
13. A. Nehring. Über einen fossilen Kamel-Schädel (Camelus Knoblochi) von Sarepta an der Volga. Sitzungsber. Ges. naturforsch. Freunde zu Berlin, 1901, стр. 137—144.
14. H. Stefanescu. Le chameau fossile de Romanie. Anuarulu Museului de Geologia si de Palaeontologia. Bucuresti, 1895.
15. R. Walz. Neue Untersuchungen zum Domestikationsproblem der altweltlichen Cameliden. ZDMG, 104, 1954, стр. 45—87.
16. G. Ritter. Die geographische Verbreitung des Kamels in der Alten Welt. Die Erdkunde, XIII, VIII, Berlin, 1847, стр. 653—696.
17. T. Schiffers. Kamele. «Kosmos», 45, 1949, стр. 390.
18. O. Lehmann. Das Kamel, seine geographische Verbreitung und die Bedingungen seiner Vorkommens. Z. wiss. Geogr., VIII, 1891, стр. 138—141.
19. D. D. Luckenbill. Ancient Records of Assiria and Babylonia. Chicago, 1, 1927.
20. Библия. Книга Бытия, гл. 24; Судьи, 6, 5.
21. A. Horsefield. Journey to Kilwah. Geogr. J., CII, 1943, рис. 71—77.
22. M. von Oppenheim. Tell Halaf. Berlin, 1943, стр. 136, рис. 140.
23. A. Pohl. Nochmals das Kamel in Mesopotamien, «Orientalia», XIX, 1950, стр. 251—253.
24. S. H. Horn. The Camel in the Near East during the III—II millenium B. C. «Orientalia», XIX, 1950, стр. 251.

[11] Приношу благодарность М. А. Итиной, ознакомившей меня с этой находкой.
[12] Кроме бронзовых колец из Поволжья.

25. P. Montet. Byblos et l'Egypt. Paris. 1928, 179, стр. 91; P. Hitty. History of Syria. London, 1951, стр. 52—53.
26. G. Caton-Tompson. The Camel in Dinastic Egypt. «Man», 34, 1934.
27. J. P. Free. Abraham's Camel, JNES, III, стр. 183—199.
28. R. Walz. Zum Problem des Zeitpunkts der Domestication der altweltichen Cameliden. ZDMG, 101, 1951.
29. A. Salonen. Hippologia Accadica, Helsinki, 1956, стр. 85—87.
30. B. Meissner. Akklimatisationsversuche Mesopotamischer Fürsten. «Assiriologische Studien», V, Leipzig, 1911, стр. 12.
31. E. Douglas van Buren. The Fauna of Ancient Mesopotamia as represented in art. «Analecta Orientalia», 18, Rome, 1939, стр. 36.
32. N. Falkner. Die Reliefs der assirischen Könige. «Archiv für Orientforschung», XVIII, Graz, 1952.
33. A. Keller. Tiere der classischen Altertums. Berlin, 1887, стр. 22.
34. H. Schäfer, W. Andrae. Die Kunst des Alten Orients. Berlin, 1925, стр. 540.
35. Б. Гафуров. История таджикского народа. М., 1955, стр. 36.
36. F. S. von Pritzwald. Die Klassengeschichte der Wirtschaftstiere für die Geschichte der Menschheit. Jena, 1924, стр. 259—267.
37. W. Amschler. Tierreste der Ausgrabungen von dem grossen Königshügel Shah-Tepe in Nordiran. «Sino-Swedish Expedition». Publication 9, VII, Archaelogy, 4, Stockholm, 1939, стр. 80, 122.
38. T. Arne. Excavations at Shah-Tepe. Iran. Stockholm, 1945, стр. 325, 326.
39. G. Childe. L'Orient prehistorique. Paris, 1935, стр. 254.
40. Van den Berghe. Archaeologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, стр. 131, рис. 40,14.
41. U. Duerst. Animal Remains from the Excavations at Anau, Exploration in Turkestan. II, Washington, 1908, стр. 383, 384.
42. D. Marschall. Mohenjo-Daro and the Indus Civilisation. London, 1931, I, стр. V, 27, 28; II, стр. 660.
43. W. Amschler, F. Heinz. Zur Kenntnis der Frühgeschichtlichen Tierwelt Südwestasiens. «Anthropos», 29, 5/6, 1934, стр. 873.
44. R. Maxwell. Hyslop, Note on a Shaft — Hóle Axe-pick from Khurab, Makran. «Irag.», XVII, 1955, табл. 2.
45. D. Gordon. The Prehistoric Background of Indian Culture. Bombay, 1958, стр. 78.
46. Законы Ману, перевод С. Д. Эльмановича. СПб., 1913, III, 162; IV, 115, 120; V, 8; VIII, 296.
47. Г. Ф. Ильин. Древнеиндийский эпос Махабхарата. М., 1961.
48. О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 101—102.
49. К. А. Акишев, Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, А. Х. Маргулан. Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 г. ИАН КазССР, 1956, 3, стр. 105.
50. С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 64.
51. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 141; табл. XXI, *14*.
52. H. Jettmar. Zu den Anfängen der Rentiersucht. «Anthropos», 1952, 47, 5, 6, стр. 760.
53. Г. В. Подгаецкий. Воронежская область, «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М., 1941, стр. 160.
54. И. М. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1956, примечание 1.
55. Н. Б. Янковская. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. ВДИ, 1956, 1, стр. 40.
56. А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, 6, 1911, стр. 157—165.
57. Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 103. В книге название camelus bactrianus употребляется по недоразумению, так как речь идет все время об одногорбых верблюдах dromedarius.
58. И. М. Лосева. Раскопки цитадели урартского города Ирпуни. КСИИМК, 58, 1955, стр. 51—52.
59. С. К. Даль. Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского города Тейшебаини. Изв. АН АрмССР, 1952, 1, стр. 75.
60. Б. Б. Пиотровский. Урарту. Ереван, 1944, стр. 212.
61. E. Schafer. The camel in China down to the Mongol Dynasty. Sinologica. II, 4, 1950, Basel, стр. 275; 269.
62. J. M. de Groot. Chinische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin — Leipzig, 1926, стр. 24, 38, 95.
63. H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler, Helsingfors, 1931, рис. 73, 77, 84, 89.
64. Н. А. Чернюк. Телембинский срубовый могильник и очаг древней металлургии, Уч. зап. Читинского ГПИ, 4, Чита, 1959, стр. 356.
65. Б. Э. Петри. Доисторические кузнецы в Прибайкалье. Чита, 1923.
66. Б. Э. Петри. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск, 1928, стр. 53—54, рис. 41.
67. С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, вып. 2, Л., 1929, табл. 1, рис. 101.
68. F. K. Martin. L'âge du bronze. Stockholm, 1893, табл. 30, *17*, *19*; табл. 29, *16*.
69. М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА, 78, 1960, рис. 2—6.

70. В. И. Громова. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. В кн.: Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепа. Ташкент, 1940, стр. 56—57.
71. В. И. Цалкин. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. Тр. ХАЭЭ, I, М., 1952, стр. 234.
72. В. И. Цалкин. Предварительные результаты определения костей из раскопок Мадау-депе. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 460. Вид верблюда в Мадау (Туркмения, начало I тысячелетия до н. э.) не определен.
73. М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.), МИА, 37, 1953, стр. 266.
74. E. Schmidt, Persepolis, I. Chicago, 1953, табл. 19, 30, 33, 39, 41.
75. B. N. Grakov. Monuments de la culture scithique entre le Volga et les monts Oural. ESA, III, 1928, Helsinki, стр. 43, 44, рис. 22, *23*.
76. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
77. К. В. Сальников. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. СА, IX, 1947.
78. В. И. Цалкин. История скотоводства в Северном Причерноморье. МИА, 53, 1960, стр. 51.
79. ЗРАО, VIII, вып. 1, 2. Новая серия, СПб., 1896. Саратовская губ., стр. 143.
80. Е. К. Максимов. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка, Саратовской области, СА, 1957, 4, рис. 3—4.
81. М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, 1949, XI, стр. 315, рис. 18.
82. Клавдий Элиан. О животных. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1948, 2, стр. 226.
83. Е. Э. Бертельс. Отрывки из Авесты. Сб. «Восток», М.— Л., 1924, кн. 4.
84. Бундахишна, 14.
85. Ясна, 44, 18; Яшт, 14, 12, 13; Вендидат, 7, 42; 22, 2—3.
86. И. Алиев. История Мидии. Баку, 1960, стр. 22.
87. F. Justi, Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
88. G. Hüsing. Der Name Zarathuštra. «Orientalische Literaturzeitung», 1905, VIII, стр. 112—115.
89. Е. Э. Бертельс. Новые данные по изучению Авесты. Уч. зап. ИВ АН СССР, III, 1951, стр. 269.
90. F. Spiegel. Avesta und Veda. Berlin, 1863, стр. 231—269.

В. Р. БУКИН

ВОЗНИКНОВЕНИЕ САДОВОДСТВА

Вопрос о том, как зарождалось садоводство, интересует представителей многих специальностей. В его разработке заинтересованы археологи, палеоботаники, садоводы, а также специалисты по зеленому строительству, поскольку решение этой проблемы проливает свет на предпосылки возникновения садово-паркового искусства.

О начальных этапах развития культурных растений упоминают в своих работах такие крупнейшие исследователи, как Ч. Дарвин [1], А. Декандоль [2], Н. И. Вавилов [3], В. Л. Комаров [4]. Однако проблема происхождения садоводства решалась ими только в общем плане, наряду с происхождением культурных растений. А между тем в возникновении садовых культур есть своя специфика, во многом отличная как от возникновения культурных растений вообще, так и декоративного садоводства в частности.

Большую помощь здесь могут оказать археологические и этнографические материалы, а также литературные источники: сообщения древних писателей, тексты законов древнейших государств Востока (Ассирия, Вавилон, Египет и др.), легенды и, наконец, памятники изобразительного искусства.

Возникновение садовых культур тесным образом связано с началом оседлой жизни, заложившей основы для земледелия. С переходом от собирательства растений к их культурному возделыванию была совершена революция в развитии экономики и хозяйственной жизни древнего человека. Покончив с так называемой «присваивающей» экономикой, человек овладел мощным рычагом, опираясь на который, он получал возможность дальнейшего развития своей материальной и духовной культуры, приводящей непосредственно к эпохе цивилизации.

Растениеводы датируют первые шаги земледелия эпохой палеолита [3, стр. 72], археологи же, опираясь на материал раскопок, относят начало земледельческих культур к более позднему времени — раннему неолиту (7—8 тысяч лет до н. э.) [5]. Последняя датировка является более вероятной и подкрепляется многими фактическими данными [6—8]. Первоначальное земледелие не знало искусственной обработки земли и базировалось на почвах, не требующих специального удобрения и искусственного орошения. Только на сравнительно высокой ступени развития земледелия человек включает в сферу своего действия и менее плодородные участки земли, отдаленные от источников воды.

Появление садоводства теснейшим образом связано с развитием одной из форм первобытного земледелия — огородничества. Ф. Энгельс [9] вместе с Л. Морганом предполагал, что земледелие возникает первоначально в форме огородничества, для которого характерно возделывание растений непосредственно на территории древнейших поселений.

Однако данные археологии и этнографии, собранные за последние 50 лет, убедительно свидетельствуют, что огородничество не являлось изначальной формой земледелия и что ему предшествовали более ранние формы полеводства, еще не знакомого с применением орудий обработки почвы. Так, при раскопках Иерихона, который по праву признается наиболее древним из городов, поскольку его стены были сложены из камня еще в эпоху докерамического неолита [10], в нижнем слое поселения, относящегося к VI тысячелетию до н. э., было найдено много каменных серпов, зернотерок и других земледельческих орудий, но совершенно не обнаружено каких-либо орудий для обработки почв [11].

Это обстоятельство указывает на наличие системы земледелия без первоначальной обработки почвы, что в условиях плодородной долины Иерихона является вполне вероятным. Косвенным образом это может говорить и об отсутствии здесь огородов и связанных с ними садовых культур, так как огородничество, даже самое примитивное, невозможно без орудий для выкапывания или пересадки клубней, рыхления почвы и т. д. Доказано также, что первоначально огороды располагались не в самом поселении, а в некотором удалении от него. У папуасов, например, огороды находились, как правило, в лесу, в нескольких километрах от деревни [12]. Процесс обработки земли в огороде и используемые при этом орудия из палок подробно описаны Н. Н. Миклухо-Маклаем [13].

Возникновению садоводства и огородничества предшествует длительный этап использования человеком диких древесных и травянистых растений. В этом и только в этом смысле правильно утверждение Гаманна и Гердера о том, что садоводство древнее земледелия [14]. В этом плане нам кажется справедливой и точка зрения В. Л. Комарова, который пишет: «Садовые хозяйства... столь же древни, как и полевые культуры. Вероятно, они даже древнее. Окультивировать плодовые деревья легче, чем хлебные злаки, для этого надо меньше изобретательности и меньше труда. В широколиственных лесах южной Европы и умеренного теплого пояса Азии в период появления человека росло немало плодовых деревьев с вполне съедобными плодами. Стоило пересадить их ближе к дому, или расчистить вокруг них лес, и количество плодов возрастало, обеспечивая семью человека от голода» [4, стр. 166]. Вполне правильная в отношении использования доземледельческих форм диких растений эта точка зрения утрачивает свое значение в применении к садоводству в собственном смысле этого слова.

Длительный период использования человеком диких растений подготовил их культивирование. В Египте в местечке Вади-Кена К. Сэндфорд нашел ствол и ветви тамариска довольно крупных размеров, которые наполовину превратились в каменный уголь. Он относит их к концу четвертичного периода [15]. Для древнего Египта культура тамариска чрезвычайно характерна. Образцы тамариска встречаются в раскопках от неолитического до эллинистического и римского периодов [16]. В XI династии перед храмом Ментухотепа в Дейль-Эль-Бахри, как доказал Х. Уинлок, существовала роща тамарисковых деревьев [17].

В отложениях позднего плейстоцена оазиса Харга английские исследователи Е. Гарднер и К. Кетон-Томпсон обнаружили косточки дикого финика (Phoenix Sulvestris). Археологически находки косточек финика датируются началом верхнего палеолита [18]. Финиковая пальма (Phoenix dactulifera) разводится в Египте с очень ранних времен. Ее изображения можно встретить в росписях и рельефах стен гробниц, например в гробницах XVIII династии в Фивах [16]. Иногда она применялась в качестве строительного материала для покрытия крыш, как это было в одной из гробниц II или III династии в Саккара [19].

В результате многовекового опыта человек стал не только использовать дикорастущие деревья, не меняя их природы, но с помощью обра-

ботки, внесения удобрений и постоянного ухода начал добиваться от них бóльших результатов. Искусственный отбор, совершаемый в целом ряде случаев даже бессознательно, явился одной из основных причин повышения урожайности. Все эти методы, вероятно, применялись еще задолго до того, как у человека появился сад, расположенный на территории поселения. В противном случае человек продолжал бы использовать дикорастущие растения в том виде, как они есть в лесах и поймах рек и не имел стимула приблизить их к своему жилищу.

Поскольку то были только первые попытки культивирования растений, то ясно, что различие между «дикими» и «культурными» в это время было почти незначительным. Между дикими, охраняемыми и вполне культивированными видами могло существовать множество градаций [20]. Однако начавшись, этот процесс быстро прогрессировал и в сравнительно короткие сроки захватил большинство используемых в диких условиях растений — как травянистые, так и древесные культуры.

Зачаточные формы культивирования, выражавшиеся в охране или улучшении биологических условий жизни диких деревьев, распространяются и на фруктовые деревья. В швейцарских свайных поселениях были обнаружены яблоки двух разновидностей: мелкие, являвшиеся, по-видимому, дикими, и более крупные, вероятно, уже культивированные [21]. Такое соотношение сортов яблок было обнаружено и в неолитическом поселении Альвастра (Швеция [22]). Следующая таблица показывает колебания в диаметрах двух сортов яблок:

	Альвастра	Робенгаузен
Мелкие дикие яблоки	22,4 × 20,5 *мм*	18,27 × 15,24 *мм*
Более крупные яблоки	32,4 × 28,30 »	36 × 29,32 »

На этом основании было высказано предположение, что за некоторыми деревьями был установлен специальный уход и, возможно, они даже были пересажены. По мнению Пэрена, аналогичный процесс наблюдался в лесных областях Европы в раннее средневековье [23].

У меланезийцев, где земледелие составляет одну из важных основ хозяйственной жизни, большое место занимает культура плодовых деревьев — кокосовой пальмы, хлебного дерева, саговой пальмы, банана. Все эти растения, за исключением саговой пальмы, принадлежат к числу культурных и в диком состоянии не встречаются. Учитывая чрезвычайно низкий уровень развития техники производства и хозяйственного инвентаря, применяемого меланезийцами в земледелии, приходится поражаться большому количеству разновидностей и сортов полезных растений, которые становятся понятными только при условии применения сознательного отбора, имевшего место в течение многих веков.

Знание видов или форм растений является обязательным для каждого меланезийца. Р. Паркинсон, много лет проживший среди туземного населения островов, пишет: «В знании растений они пристыдят европейцев. С величайшей точностью называют они несколько сот видов растений и различают многочисленные разновидности. Так, например, жители северо-восточной части полуострова Газель знают более семидесяти разных сортов банана, хотя отличительные признаки их настолько тонки, что даже опытный ботаник не заметит их, если не обратить на них его внимания» [24].

У зулусов Африки культивировались из зерновых — просо, из овощных — тыквы разных сортов, дыни, таро, ямс, брюква. Выращивая культурные растения, зулусы в то же время широко использовали много съедобных видов дикорастущих растений [25]. Среди них особое место

занимают плодовые деревья, которые зулусы не разводили специально. Как описывает А. Т. Брайант, в одном местечке на побережье росла одинокая группа бананов, неизвестно кем посаженных и кому принадлежащих. Позднее эта небольшая рощица была объявлена королевским заповедником местного вождя [25, стр. 201].

Такие первые полуестественные и полуискусственные сады были привязаны не к месту поселения человека, а к месту их собственного произрастания, что указывает на первоначальный этап использования диких растений и их постепенное, длящееся веками превращение в культурные. Но удаленность первых исторически известных садов, огородов и полей от места жилья человека, на первых порах обусловленная чисто природными географическими условиями, получает затем социальное обоснование.

Н. Н. Миклухо-Маклай, описывая земледелие папуасов, указывает, что только немногие из их плантаций находятся вблизи деревень, большинство же обычно скрыто в лесу в целях защиты от врагов [13, стр. 73]. На последующих этапах развития первобытно-общинного строя последний фактор, по-видимому, является решающим, хотя он и связан с большими затруднениями в использовании плантаций. Их приходится ежедневно охранять от набегов стад диких обезьян, налетов больших стай птиц, выставляя постоянную охрану. Кроме того, получаемые с плантации продукты питания приходится ежедневно приносить домой для потребления [13, стр. 75]. Плантация является общественной собственностью родового коллектива. Каждая плантация делится между несколькими семьями, которые занимаются ее обработкой и получают с нее плоды. Иногда деревня владеет несколькими плантациями, закрепленными за отдельными группами семей.

Обращает на себя внимание порядок размещения растений на плантации, говорящий о строго определенной и продуманной системе. Ямс папуасы сажают правильными рядами, тщательно ухаживают за всходами и заботливо выпалывают сорняки. Стеблям дают виться вокруг втыкаемых рядом высоких палок [12]. Подобный порядок размещения растений, не встречающийся в природе, является показателем искусственного отбора, осуществляемого родовой общиной. За растениями, расположенными в таком порядке, легче ухаживать, выпалывая сорняки и создавая необходимые условия развития.

При наличии искусственной системы орошения, известной, например, у народов Полинезии [12, стр. 582], правильное размещение посадок стимулировалось системой местоположения колодцев и каналов, вокруг которых и группировалась растительность. Описывая сад Алкиноя, Гомер упоминает два источника, один из которых растекался по саду, орошая его [27]. Наличие орошения способствовало правильности размещения растений, созданию наиболее целесообразных условий их биологического существования. Этот момент в дальнейшем своем развитии в значительной мере окажет влияние на всю планировку сада, станет существенным фактором превращения сада в прогулочный сад или парк.

Фольклорные материалы позволяют отнести возникновение сада к очень древним временам доклассового общества. В шумерском эпосе «Дильмун» в начале поэмы описывается древнее время, когда в Дильмуне не было зла и несчастий: «...волк не похищал ягнят... для зверей еще не было силков, для птиц небесных не было западней...; свою дочь родители не отдавали еще в город (в рабство), не говорили еще „вырыли канал...“. В это чудесное время богиня Нинелла обратилась к своему отцу Энки с просьбой напоить город сладкой водой и сделать его гаванью земли. «Тогда были сделаны каналы и пруды, поля и луга взрастили злаки в окрестностях города и сделался Дильмун гаванью земли».

В сказании явно выступают черты первобытного родового общества в зрелую эпоху его развития. На основании того, что здесь инициатива

проведения каналов и начала земледелия принадлежит богине Нинелле, Н. М. Никольский считает, что сказание восходит к эпохе матриархата [26]. Последний же археологически соответствует развитому неолиту.

Мощным рычагом развития садоводства послужило возникновение и укрепление классового общества и государства. Земледелие к этому времени достигло настолько высокого уровня развития, что могло давать добавочный продукт, который и явился фактором формирования города, превращения крупных селений в города, сосредоточившие в себе всю административно-управленческую власть.

В связи с ростом населения города, зачастую значительно удаленного от сельскохозяйственных районов, возникает потребность максимального приближения сельскохозяйственных продуктов питания к городу, являющемуся не только массовым потребителем, но и крупнейшим торговым центром. Возле городов, непосредственно на их окраинах, складываются крупные плодовые сады, обеспечивающие горожан свежими плодами. Вместе с ростом торговли, путешествий, облегчается задача культурного обмена, перенимания опыта выращивания сельскохозяйственных культур, акклиматизации новых растений, вывезенных из других, нередко весьма отдаленных стран. Садовое хозяйство становится предметом заботы государства, охраняющего насаждения, распределяющего участки земли, руководящего строительством грандиозных оросительных систем, от которых зависит процветание сельского хозяйства.

Древнейшие государства Ближнего и Среднего Востока убедительно характеризуют этот этап бурного развития садоводства. В государстве древнего Шумера согласно архива г. Ура садоводство практикуется уже в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. В письменности этого времени встречается знак в виде двух деревьев на берегу водоема или канала, изображающий садовую плантацию, а также знак, изображающий финиковую пальму [28].

Хозяйственное значение этих садов прекрасно иллюстрирует древнейшее литературное произведение — басня о споре тамариска с финиковой пальмой, в котором пальма похваляется тем, что из нее делают утварь для царского стола, а тамариск называет себя «отцом земледельца», материалом для изготовления мотыг, с помощью которых открывают канал и орошают поля [29].

Финиковые плантации в г. Шуруппаке (современ. Фары) упоминаются в 2800—2700 г. до н. э. При этом пальмы используются не только как плодоносящие деревья, но и как строительный материал. Виноградники здесь существовали и раньше. А столетием позднее встречаются прямые указания на существование садовых плантаций, говорится о садовниках [28, стр. 107—108]. В легенде о рождении Саргона I, основателя династии Аккада, подчеркивается, что он был садовником, прежде чем стал царем. Заботы Саргона о садоводстве подробно описаны в деловых и исторических текстах [30].

Наряду с садоводством в Двуречье было широко развито огородничество. Плодовый сад обычно непосредственно связан с огородом. Огородные культуры выращивались на грядах, расположенных в тени деревьев. Сады находились в непосредственной близости возле городов, занимали лучшие участки земли, примыкающие к ирригационным каналам. Пригородные садовые участки были невелики по размерам, но ценность их была значительно выше ценности таких же участков поля.

Естественно, что владельцами садовых участков могли быть только представители имущих классов. Сады сдавались в аренду, так же, как и поля, но арендная плата за сад была вчетверо выше арендной платы за поле. Большое значение садов, особенно выгодных финиковых рощ, в Вавилонии отмечено законодательством Хаммурапи [30, стр. 31]. Плиний отмечает, что древние заботились о выращивании и сохранении де-

ревьев и в законах двенадцати таблиц за порубку чужого дерева предусмотрен штраф в размере двадцати пяти ассов [42, стр. 214].

Передняя Азия является родиной многих плодовых деревьев, разводимых там с древнейших времен. Исторические документы свидетельствуют о расцвете садоводства в древних странах Месопотамии и в горных районах. Наличие постоянных культурных связей между странами сделало возможным обмен достижениями в культуре садоводства, передачу успехов одного района другому. Эти связи и вытекающий из них обмен опытом были настолько обширны, что сейчас уже трудно установить точную родину того или иного культурного растения.

Согласно ассирийскому преданию, в начале III тысячелетия до н. э. царь Саргон Древний, совершив поход в Каппадокию, вывез оттуда два сорта смоковниц, виноградную лозу, розу и другие растения. Тексты рассказывают и о более поздних попытках акклиматизировать растения. В садах Ниневии Синахериб разводил плодовые деревья и растения, вывезенные из других стран. Он даже отмечал, что некоторые из них растут здесь лучше, чем на своей родине [31, стр. 142].

В Закавказье садоводство существовало задолго до прихода сюда урартов. В урартскую эпоху здесь происходит только расширение садов. Наиболее древние несомненные следы садоводства обнаружены в Азербайджане при раскопках Ханлара (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) [32]. Урарты кроме садов насаждали целые рощи деревьев. В надписи у озера Кешишгель говорится об устройстве «виноградника, рощи посевов и сада» [31, стр. 143].

В древнем Египте огороды и сады располагались не только в пригородной зоне, но и в черте города. При городских домах крупных египетских вельмож и чиновников имелись сады и огороды. Большую роль среди плодовых культур играли оливковые деревья, из которых египтянам было известно два сорта. Наиболее раннее упоминание олив относится к периоду Древнего Царства (3400—2400 г. до н. э.). В это же время упоминаются и виноградники. Так, в наиболее древнем из египетских текстов, надписи Метена, говорится об устройстве виноградника в двести локтей (52 $м^2$) [30, стр. 157].

В древнем Египте изображения деревьев часто встречаются на стенах храмов и гробниц, в росписях стен, потолков и полов в дворцах и зажиточных домах, на предметах прикладного искусства. К сожалению, они исполнены в настолько условной манере, что можно с трудом определить только некоторые породы деревьев. Среди них мы видим виноград, финиковую пальму, дум-пальму, тутовую смоковницу, тамариск, акацию, розу. Многие из указанных пород использовались не только в качестве плодоносящих, но и прочных строительных материалов, а также как декоративные деревья и кустарники. Акация, например, широко использовалась в оформлении египетских садов и в то же время являлась ценным строительным материалом. В древних надписях сообщается, что акацию в эпоху VI династии привозили из Хатнуба (Средний Египет) и Вивата (Нубия) [33], где она применялась для изготовления лодок и военных кораблей (Брэстед [33, 1907, стр. 229, 283]). Об использовании акации в строительстве кораблей упоминают Геродот [34] и Феофраст [35]. Акация и сейчас используется в Египте для тех же целей.

На европейском материке садоводство появилось в относительно позднее время. Если в Азии и Африке зачатки его относятся к IV—III тысячелетиям до н. э., то первые сведения о земледелии и садоводстве в Европе имеются с конца II — начала I тысячелетия до н. э. Крупнейший знаток европейских археологических культур Г. Кларк утверждает: «При рассмотрении ранней истории земледелия в доисторической Европе следует прежде всего помнить, что основные приемы и все материальное оборудование ведут свое происхождение из стран Древнего Востока

и укоренилось в Европе прежде всего в восточной части средиземноморской зоны» [36].

Насколько справедливо утверждение о том, что средиземноморская зона всей восточной части Европы является древнейшим центром появления земледелия в Европе, настолько же проблематично мнение о заимствовании приемов и техники обработки земли с Востока. Первые этапы земледелия в Европе [37; 26, IX, 109] были, вероятно, совершенно аналогичны тем, которые наблюдались на Востоке, ограничиваясь использованием земли без всякой предварительной обработки. Тем более это должно касаться культивирования растений, зависящих прежде всего от природных условий данной, определенной местности.

В гомеровский период, объединяющий XII—IX вв. до н. э., Греция представляла собой страну, основу экономической жизни которой составляли земледелие и скотоводство, связанные с обработкой полей. Наряду с зерновыми культурами (пшеница, ячмень и полба) большое развитие и распространение получили виноградарство, культура оливы, садоводство и огородничество. Выращивалось несколько сортов винограда, о чем говорят эпитеты «светлое» и «темное», применяемые для характеристики различных сортов вина. В садах разводились яблони, гранаты, груши, маслины, смоковницы.

За большими домами знатных людей находились богатые сады, обведенные высокой оградой. В них было:

> «Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
> Яблонь и груш, и гранат, плодами обильных»
>
> [27, VII, 114—115].

Непосредственно за плодовым садом располагался виноградник и далее огород, с которого «овощ и вкусная зелень весь год собирались обильно» [27, VII, 128]. Характерно, что в этом описании Гомера плодовый сад, огород и виноградник дифференцируются. Значит и в практической жизни эта специализация уже свершилась, и каждый участок стал играть определенную специфическую роль, характерную только для него одного. Со временем прогресс в садоводстве привел к специализации отдельных культур.

С VIII—VI вв. до н. э. наибольшую роль начинает играть культура маслины, которая в гомеровский период была развита очень мало. Все большее распространение она получает в Аттике, где оливковое масло становится важным предметом экспорта. Законодательством Афин поощрялось культивирование маслины [38]. Оливковые рощи, рассеянные по всей Аттике, принадлежали как государству, так и частным гражданам. Они находились под постоянным наблюдением ареопага, который командировал особых надзирателей за сбором олив и выделкой масла для богини Афины, считавшейся покровительницей оливководства. Надзиратели в то же время были обязаны доносить в ареопаг о лицах, срубавших священные деревья. Государство занималось не только охраной садов, но и регулированием оливководства законодательными мероприятиями. Так, еще ко времени Солона восходит закон, по которому расстояние между двумя оливковыми деревьями строго регламентировалось и должно было составлять не меньше девяти футов. При Писистрате афиняне при поощрении государства и под его контролем засаживают Аттику оливами, прежде в ней отсутствовавшими [38, стр. 238].

Забота государства о развитии оливководства была обусловлена тем, что эта культура играла огромную роль в хозяйственной жизни страны, затрагивала в одинаковой мере интересы повседневной жизни всех греков. Оливковое масло являлось одним из важнейших продуктов питания, использовалось для освещения домов и храмов, находило применение в парфюмерии и, наконец, предназначалось для культовых целей. В то же время оно было одним из главных предметов греческого экспорта.

Культура оливы была сосредоточена главным образом в менее плодородных областях Греции. Наряду с оливами здесь усиленно разводился виноград. Последний выращивался преимущественно в садах мелкого и среднего крестьянства. Посадка новых олив была мало рентабельной экономически, так как первый урожай они давали только через 16—18 лет. Виноград же, не требуя столь тщательного ухода, давал плоды значительно раньше. В арендных договорах V в. до н. э. в качестве одного из условий использования арендуемой земли часто упоминается посадка оливы и винограда. Лучшие виноградные вина производились на островах Хиосе, Лесбосе, Косе, Родосе, Фасосе. Вино экспортировалось в страны Причерноморья, Египет, Италию.

В числе садовых культур большое распространение имел также гранат. Гранат, наряду с виноградом, часто упоминался в мифологии, служил одним из атрибутов богов. Деметру постоянно изображали держащей в руке мак или гранат, или то и другое вместе [39]. Статуя Афины Победы в Афинах изображена со шлемом в правой руке и гранатом в левой. В Олимпии имелась статуя атлета Милона, жреца Геры [40], держащего в руках гранат. Плод граната ярко красного цвета являлся знаком крови; его зерна служили для изготовления красителя [41].

Садоводство в Греции было развито главным образом в менее плодородных областях, а в таких районах как Беотия, Фессалия, Элида, Лаконика, Арголида, Мессения преобладало земледелие.

Вместе с развитием садов формируется и наука о садах. Сведения о ее существовании в Греции фрагментарны и немногочисленны. Ученика Аристотеля — Феофраста, написавшего «Исследование о растениях» в девяти книгах, по праву называют «отцом ботаники». Наибольшее развитие эта наука получает в древнем Риме, оставившем массу произведений, посвященных сельскому хозяйству и в том числе садоводству. Но основы ее были заложены в Греции. Так, Плиний в «Естественной истории» приводит рассказ о Демокрите, который, будучи передовым ученым-философом своего времени, понимал связь между небесными и земными явлениями и по восходу плеяд предусмотрел будущий неурожай и связанную с ним дороговизну оливкового масла [42].

Больших успехов достигло садоводство в Боспорском государстве. Одному из боспорских городов было даже присвоено название Кепы (сады), что, видимо, было обусловлено обилием садов в городе или его окрестностях [43]. Интересны сведения о садоводстве в Боспоре, сообщаемые Теофрастом. По его словам «на Олимпе много лавра, а мирта вовсе нет. А в Понте вокруг Пантикапея нет ни того, ни другого, хотя живущие там стремятся выращивать эти растения и прибегают ко всевозможным способам, чтобы иметь их для культовых нужд. Смоковниц там много и они большие, также и гранаты, если их со всех сторон защищают (от зимних холодов); груш и яблонь очень много, и притом самых разнообразных и хороших (сортов)» [35, IV, 5, 3].

Как видно из приведенного сообщения, в Боспоре с успехом выращивались разные фруктовые деревья. Преодолевая климатические трудности, земледельцы разрабатывают множество приемов для охраны деревьев. Поразительно разнообразие видов и сортов плодовых деревьев. В раскопках Мирмекия в культурном слое V в. до н. э. обнаружены косточки алычи — плода, сходного со сливой [44]. В широкой мере здесь было развито и виноградарство, о чем свидетельствуют монеты некоторых городов Боспора, избравших в качестве эмблемы изображения виноградной грозди. Такие изображения есть на монетах Нимфея конца V в. до н. э., Фанагории III в. до н. э. [43, стр. 103].

Таким образом, к VI—V в. до н. э. садоводство в странах Причерноморья и средиземноморского бассейна получает широчайшее развитие и достигает эпохи расцвета. Тысячелетняя практика человека по возделыванию растений, начавшись с использования дикорастущих, привела

к созданию многих культурных видов. Садовые плантации, расположенные первоначально на месте естественного произрастания растений, вместе с прогрессом социальной организации перемещались ближе к поселениям; наконец, сады возникают в окрестностях города и самом городе, при домах горожан.

Утилитарная роль садов, удовлетворяющих потребности населения в питании, а позднее в парфюмерии и культовой практике, приводит к тому, что они занимают одно из важнейших мест в хозяйственной жизни и становятся предметом постоянной заботы человека. Правильно посаженные ряды деревьев и кустарников, протекающие через сад каналы, расположение которых обусловлено задачей наиболее целесообразной организации труда, со временем пробуждают к себе и эстетическое отношение. Сад становится не только местом труда, но и площадкой отдыха после трудового дня, забав и увеселений, связанных с празднованием торжественных дней урожая и других календарных дат, культовых церемоний и т. д. С этим связан позднейший процесс возникновения и развития декоративных садов и собственно парков.

Литература

1. Ч. Дарвин. Изменения животных и растений под влиянием одомашнивания. М., 1948.
2. А. Декандоль. Местопроисхождение возделываемых растений. СПб., 1885.
3. Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции, вып. 2, XVI, М.— Л., 1926, стр. 72.
4. В. Л. Комаров. Происхождение культурных растений. М.— Л., 1938.
5. К. Флюксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Тр. ИИНТ АН, вып. 2, 1934.
6. Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах. СА, 1959, 4.
7. Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области. «Хлопковое дело», 1924, 3—4.
8. С. А. Мелик-Саркисян. Муганская степь. СПб., 1897.
9. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, М., 1961, стр. 160—161.
10. Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 65
11. К. Кенуон. Digging up Jericho. London, 1957.
12. Этнографические очерки. «Народы Австралии и Океании». М., 1956, стр. 395, 582.
13. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., III, ч. 1, М.— Л., 1951, стр. 73—75.
14. И. Г. Гердер. Избр. соч., М.— Л., 1959, стр. 214.
15. K. S. Sandford. The Pliocene and Pleistocene Deposits of Wadi Qenä. QJGS, 1929, LXXXV, стр. 509.
16. А. Лукас. Материалы и ремесленное производство Древнего Египта. М., 1958, стр. 669.
17. H. E. Winlock. Excavations at Deir el Bahri. BMMA, 1922, XVII, December 11.
18. J. Caton-Thompson and E. W. Gardner. The Prehistorie Geography of Khärgan Oasis. GJ, 1932, LXXX, стр. 384.
19. J. E. Quibell. Excavations at Saqqara. Le Caire, 1912—1914, стр. 21.
20. I. Brockman-Jeroch. Die altesten Nutzt und Kulturpflanzen. Vierteljahrschrift des Naturforsch. Ges. in Zürich, Jg. 62, 1917, стр. 85.
21. O. Heer. Die Pflanzen der Pfalbauten. Zürich, 1866.
22. O. Frödin. En svenks palbyggnad fran stendldern. Fornvänner, 1910, стр. 65—70.
23. C. Parain. The Evolution of Agricultural Technique. The Cambridge Econom. Hist. of Europe, I, 1941. Cambridge, стр. 157.
24. R. Parkinson. 30 jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907, стр. 791.
25. А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, стр. 176—177, 201.
26. Н. М. Никольский. Культура древней Вавилонии. Минск, 1959, стр. 68.
27. Гомер. Одиссея. М., 1953, песнь VII, 129—130.
28. А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.— Л., 1956, стр. 40—41.
29. E. Ebeling. Keilschrift texte aus Assur religiösen Inhalts. Leipsig, 1917, 145, стр 11.
30. И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер. Очерки по истории техники древнего Востока. М.— Л., 1940, стр. 32.
31. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, М., 1959, стр. 142.
32. Я. И. Гуммель. К проблеме археоботаники Закавказья, 1. Сообщения Груз. фил. АН СССР, 1, № 10, 1940, стр. 745.

33. J. H. Breasted. Ancient Resords of Egypt. I, IV. Chicago, 1906, 1907, стр. 323—324.
34. Геродот. История в девяти книгах, 1, М., 1888, 2, 96.
35. Theophrasti. Eresii opera quae supersunt omnia. Ex recogn. Flid. Wimmer, Lips., Teubn., 1854—1862, IV, 1, 2, 8.
36. Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 108.
37. В. А. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ч. 1. ВДИ, 1947, 4.
38. Древняя Греция. М., 1956, стр. 161.
39. W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, II, 1884—1937, стр. 1342—1343, 1345.
40. Павсаний. Описание Эллады, II. М.— Л., 1940.
41. Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, стр. 215.
42. Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. М., 1957, стр. 312—313.
43. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 102.
44. К. Фляксбергер. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, 1940, VIII, стр. 118.

Г. А. КОШЕЛЕНКО

ПАРФЯНСКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ

Среди историков Парфии долгое время господствовали схемы Е. Герцфельда [1], принижавшие значение парфянской эпохи и парфянской культуры, сводившие ее к неумелой компиляции эллинской культуры и отрицавшие преемственность между культурой Парфии и Сасанидов, что наложило свой отпечаток и на историю военного дела Парфии.

Еще совсем недавно виднейший авторитет в области иранистики А. Кристенсен утверждал, что парфяне не знали искусства полиоркетики и фортификации [2].

Только широкое развитие археологических работ в коренных районах Парфии (Южный Туркменистан), осуществленное в последние годы советскими археологами (в первую очередь — Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедицией под руководством проф. М. Е. Массона), позволило вновь поставить вопрос о характере и специфических особенностях парфянской системы фортификации.

При исследовании фортификации Парфии, так же как и при исследовании иных областей материальной и духовной культуры этого государственного объединения, мы должны учитывать, что Парфия, превратившись во II в. до н. э. в мировую державу, распространила свою власть на обширные территории Ближнего Востока, завоевав ряд областей с весьма древними культурными традициями. Установление власти Парфии, проникновение парфянского ираноязычного населения в эти районы накладывало известный отпечаток на их культуру, но все же определяющими оставались древние, идущие из глубины веков культурные традиции.

Внутри парфянской державы ясно различаются отдельные этнокультурные области.

В данной работе мы считаем необходимым начать исследование с Парфиены и тесно с ней связанной этнически и культурно Маргианы. Эти районы, бывшие коренными районами обитания парфян, колыбелью парфянской державы, были и в дальнейшем опорой всех антиромано-фильских группировок, где творчески развивалась глубоко местная, оригинальная культура, оказавшаяся способной воспринять и переработать и эллинские культурные веяния.

Фортификация в коренных парфянских землях представлена многочисленными, но еще недостаточно исследованными памятниками. Это укрепленные города и государственные крепости на границе культурных земель, небольшие хорошо защищенные замки и, наконец, мощные стены, ограничивающие весь Мервский оазис.

Важнейшее место в системе обороны коренных районов Парфии занимали города (рис. 1, *1*). Это Новая Ниса, Койне-Кала у Гяурса (пред-

полагаемый Сирок в дорожнике Исидора Харакского [3]), Мерв. Несмотря на значительные различия в размерах городов (площадь Мерва —380 *га*, Новой Нисы —12 *га*, Сирока — около 4 *га*), в них строго выдерживается единый принцип трехчастного деления: арк, собственно город и полусельская округа [4]. Каждому элементу отвечает свой пояс

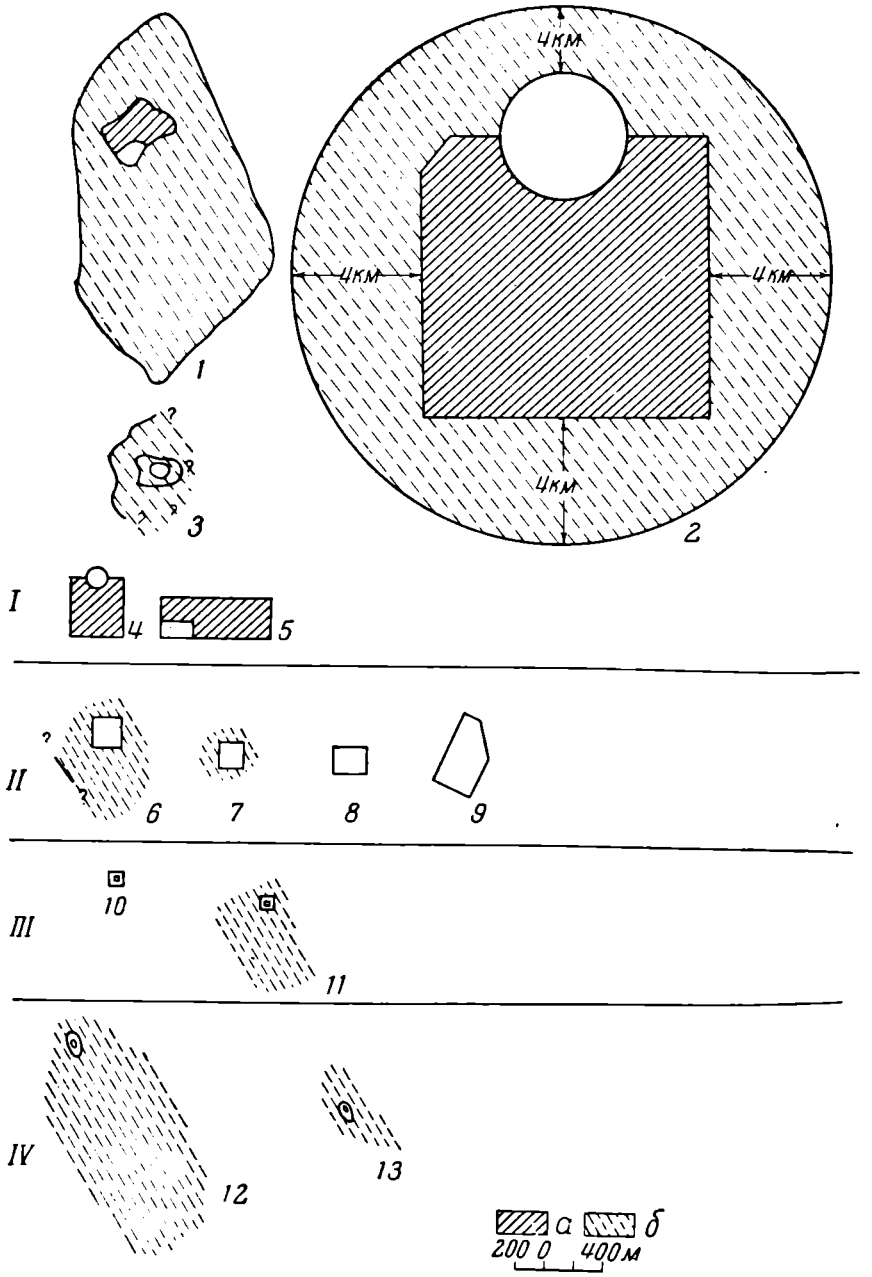


Рис. 1. Типы укрепленных поселений коренных районов Парфии

I—IV — типы укрепленных поселений; *а* — городская застройка, *б*—свободная застройка. *1* — Новая Ниса, *2* — Мерв, *3* — Сирок, *4* —Кырк-Тепе, *5* — Дэв-Кала, *6*—Чигалык; *7*— Дурнали, *8*—Чильбурдж, *9* — Старая Ниса, *10* — Акча-Тепе, *11* — Гебеклы, *12* — Джин-Тепе, *13* — Такырджа-Тепе

обороны, иногда сопряженный с другими (Мерв, Новая Ниса), иногда совершенно самостоятельный.

Возникшие на месте архаических поселений[1] [4,5], они частично сохраняли еще некоторые черты, роднящие их с городищами эпохи перехода к классовому обществу (Элькен-Тепе, Султан-Дешт). Отражением

[1] Контур стен Сирока, видимо, также свидетельствует о его допарфянском происхождении.

этой близости к архаическим поселениям является неправильный внешний контур городской застройки, закрепленный возведением стен в парфянское время.

Первой линией обороны является стена или вал, ограничивающий полусельскую округу города. Он охватывает довольно обширную территорию (так, площадь округи Мерва равна приблизительно 6000 *га*, Нисы —300 *га*, территория округи Сирока не может быть установлена

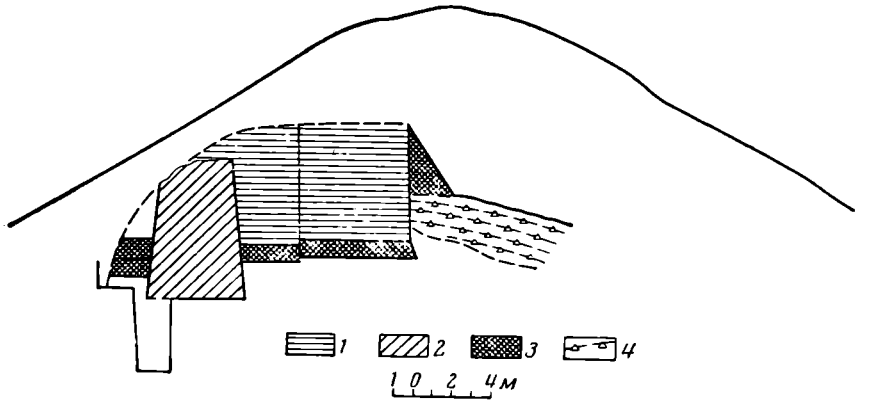


Рис. 2. Разрез стены Гяура-Калы (старый Мерв)

1 — стена и башня парфянского времени, *2* — стена селевкидского времени, *3* — пахса, *4* — слой разрушения

сейчас, так как значительная часть ее занята современным Гяурсом). Пригород Новой Нисы окружала пахсовая стена. Ширина ее у основания 8,5 *м*, высота сохранившейся части свыше 2 *м*. На высоте около 2 *м* от основания с внутренней стороны стены имеется значительный уступ. Местами под пахсой заметен слой (толщиной 30—50 *см*) подсыпки из камня [6].

Стена вокруг городской округи Мерва — Гилякин-Чильбурдж была сооружена из пахсы (высота блоков 70—80 *см*) и выведена прямо на поверхность земли. Первоначальная ширина ее была, видимо, 6—7 *м*; в настоящее время в оплыве она имеет ширину свыше 20 *м* и возвышается над современным уровнем земли не более чем на 3 *м* [7]. Название Чильбурдж (сорокабашенный), вероятно, указывает на то, что в древности над стеной возвышались башни [4, стр. 43]. Значительная толщина стены заставляет думать, что она не только являлась защитой от набегов небольших шаек разбойников, но выполняла и важные военно-стратегические функции — служила первой линией обороны, которая могла остановить или задержать на время врага. Пока на главной линии обороны — городских стенах — шла подготовка к бою, жители пригорода скрывались в городе, закрыв городские ворота.

Вторая линия обороны — городские стены — известна нам только по одному разрезу, сделанному в стенах Мерва. Эта стена сооружена так, что более ранняя (селевкидская) стена была взята спереди и сзади как бы в футляр и надстроена в высоту (рис. 2). Внизу толщина стены была не менее 10 *м*. Стена сложена из сырцового кирпича размером 40 × × 40 × 10 *см*. Передняя грань ее вертикальная, лежит на пахсовом цоколе, подстилаемом слоем разрушения от стены селевкидского времени. Верхнюю часть стены венчали зубцы, видимо аналогичные тем, которые известны в Нисе. Оборона стен не была пассивной, как это предполагали до раскопок, стены фланкировались прямоугольными башнями, сложенными также из сырцового кирпича на пахсовом цоколе. В отличие от пахсового цоколя стен, где передняя грань вертикальна, пахсовый цоколь башни сооружен с небольшим подносом. Трудно сказать, была ли башня сплошная и оборона осуществлялась только с верхней

площадки, через зубцы, или имела внутреннее помещение. Нам кажется более вероятным последнее предположение. Были прослежены следы ремонта башни. После того, как верхние части упали, образовав слой 2,5 *м* разрушения у башни, она была усилена пахсовой подушкой, имеющей подкос. Можно предполагать, что башни Гяур-Калы сасанидского времени строились непосредственно над остатками башен парфянского времени. Если это так, то башни Гяур-Калы в парфянскую эпоху располагались довольно часто, на расстоянии около 40 *м* одна от другой (меньшем, чем полет стрелы), обеспечивая эффективную защиту куртин путем стрельбы во фланг атакующим. Видимо, основная масса квалифицированных воинов занимала башни, а менее квалифицированная часть обороняющихся — стены. В городе было четверо ворот: западные, южные и восточные в середине соответствующих стен Гяур-Калы, северные в непосредственной близости от стен арка — Эрк-Калы.

Гораздо хуже известны стены Новой Нисы. В парфянскую эпоху по периметру город обвели мощной крепостной стеной, фланкированной частыми прямоугольным башнями. Материалом служил сырцовый кирпич обычного парфянского размера, в нижних частях использовались комбинации сырцовых кладок и пахсы. Стена сохраняла свое значение вплоть до XVIII в., подвергаясь на протяжении веков неоднократным ремонтам и переделкам [8].

Последним рубежом обороны в городах служила цитадель (арк). В Мерве это была Эрк-Кала. Ее мощные стены, возвышавшиеся над стенами Гяур-Калы, обеспечивали защиту этой последней твердыни. Высота стен достигает 20 *м*, они очень круты. Основной материал, из которого сложены стены,— сырцовый кирпич (размер 39—45 × 10—14 *см*). Стена имела башни, возвышавшиеся над ней, но не выступавшие за ее линию. Единственные крепостные ворота обращены внутрь города [4, стр. 39]. К ним вел довольно крутой пандус, шедший вверх с востока на запад и упиравшийся в укрепления, защищавшие ворота [9]. Фланкировал ворота мощный укрепленный дворец, возвышавшийся и над гребнем стен Эрк-Калы. В центре цитадели на искусственном холме возвышался замок-арсенал, здесь же поблизости находились и печи для обжига керамических ядер.

Столь же показателен и характер укреплений Новой Нисы, где цитадель занимала южную часть города. Для нее был использован естественный холм [4, стр. 31], на котором возвышались стены, укрепленные выступающими вперед башнями. Местом соединения стен цитадели и города также служили мощные башни [10]. Внутри цитадели обнаружены остатки больших зернохранилищ, какого-то административного учреждения и жилища богачей [4, стр. 31]. Цитадель служила не только последней линией обороны города против внешних врагов, но и выполняла социальную функцию — защиту имущих от угнетенных масс внутри самого города. Трехчленное деление парфянского города очень ярко отражало социальную структуру городского поселения Парфиены и Маргианы. Цитадель с жилищами знати, казармами для солдат, арсеналами служила не только последней опорой в случае успешного внешнего нападения, но и опорой власти господствующего слоя.

Город с развитой внутренней застройкой, ремесленными кварталами, храмами, развитой системой городского хозяйства в то же время оставался тесно связанным с земледельческой округой. В пределах этой округи располагались, видимо, не только загородные виллы знати, но и участки земель, принадлежащих горожанам. Земледелие было не менее важным занятием для значительной части населения, чем ремесло и торговля.

К этому первому типу укрепленных поселений, общему для коренных земель Парфии, близки также города Кырк-Тепе и Дэв-Кала (рис. 1, *4,5*). Главным отличием их от основного типа является отсут-

ствие внешней линии обороны, которая должна была защищать полусельскую округу, окружающую собственно город. Но необходимо учитывать, что оба эти поселения находятся в зоне усиленной распашки земель, причем в районе Кырк-Тепе распашке подвергаются не только земли вокруг городища, но и само оно, и даже его цитадель. При разведках 1961 г. в направлении на северо-восток от северо-восточного угла крепости Дэв-Кала на расстоянии до 500 *м* встречалась по распаханной почве парфянская керамика, может быть, свидетельствовавшая о бывшей здесь некогда полусельской округе города. Надо также учитывать, что жизнь на поселении Кырк-Тепе продолжалась очень недолго [11], и, вероятно, полусельская округа со своей особой оборонительной полосой не успела сложиться.

Город Кырк-Тепе своей планировкой очень напоминает Мерв [4, стр. 41]. Линия городских укреплений состоит из квадрата (305 × 305 *м*) сырцовых стен, построенных на массивном глинобитном цоколе из сырцового кирпича размером 40 × 40 × 10 *см*. Башни (свыше 40) расположены очень часто, никаких деталей их конструкций из-за плохой сохранности определить не удалось. Ворота защищаются более мощными башнями. При зачистке Д. Дурдыеву удалось определить ширину одной из них — 3,7 *м*; боковые стены предвратных укреплений прослежены на 10 *м* [11, стр. 126].

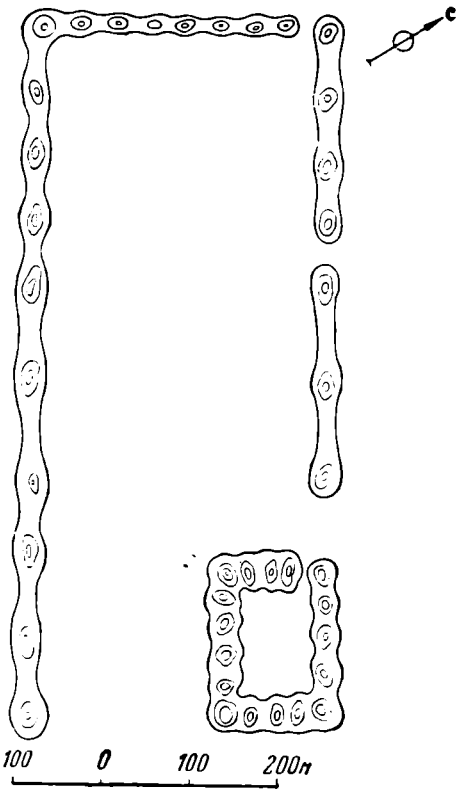


Рис. 3. Укрепления города Дэв-Кала

Цитадель города представляла собой кольцо диаметром 60 *м* со следами многочисленных башен; расположение ее по отношению к городу аналогично расположению цитадели древнего Мерва — Эрк-Калы. Цитадель имеет одни ворота, выходящие в город, защищенные сложным предвратным укреплением. Дэв-Кала представляет собой прямоугольник, длина стен которого 800 и 350 *м*. Здесь так же, как и в остальных рассмотренных нами парфянских городах, один из углов города занимает цитадель с одними воротами, ведущими в нее из города (рис. 3).

В отличие от перечисленных нами городов, арк Дэв-Калы прямоугольный. Вероятно, именно этот город стал прототипом обычной в сасанидское время системы укреплений, когда один из углов прямоугольника города занимала прямоугольная же цитадель (Геок-Тепе Б. Алийского района, Куруклы и др.). Для городских стен характерно очень частое расположение башен. Северные ворота города располагались, по-видимому, в непосредственной близости от арка, под его защитой,— прием, достаточно широко распространенный в парфянской фортификации. Оплывы башен арка значительно выше, чем оплывы башен собственно города, и, видимо, были мощнее их. Внутри городских стен заметны следы развитого ремесленного производства.

Следующим (II) хорошо выделяемым типом укреплений в коренных районах Парфии является тип государственной крепости. Примеры подобного рода укреплений нам хорошо известны благодаря исследованиям городищ Чичанлык, Дурнали, Чильбурдж.

Особенности этого типа укреплений следующие: правильность контура стен, свидетельствующая не о стихийном росте города, позднее окруженного по границам застройки городской стеной (как в Новой Нисе и Сироке), а о сознательном планировании строительства; незначительная застроенность внутренней части, указывающая на специфическое назначение укрепления — лагеря государственных войск, охраняющих границу. Иногда вокруг крепости возникали поселения (Чичанлык, Дурнали), иногда — нет (Чильбурдж). Чичанлык-Тепе — почти квадратная крепость (сторона около 200 *м*), фланкированная мощными квадратными башнями; три стены ее (северную, западную, восточную) усиливают четыре башни. С восточной стороны расположены ворота, укрепленные выступающей вперед Г-образной стеной, создающей большие затруднения для прорыва врага. Стена и башни сложены из сырцового кирпича размером 40 × 42 × 14 *см*. Оплывы былых строений сосредоточены только вдоль стен, оставляя свободным обширное центральное пространство. Несомненно, крепость несла сугубо военные функции, заключая казармы и обширную внутреннюю эспланаду, на которой, может быть, стояли шатры, складывались запасы фуража, содержались кони и проводились строевые учения [4, стр. 46]. В этом фортификационном сооружении ярко заметны черты, отделяющие его от укрепленных городов. Сравнительно небольшое число гарнизона (каков бы он ни был, число его не могло сравниться с количеством защитников города, когда в случае осады бралось за оружие все мужское свободное население) компенсировалось усилением активности обороны. Это достигалось, в первую очередь, усилением роли башен. Мощные угловые башни, далеко выступающие вперед, были главными узлами обороны. Уменьшение числа башен по каждому фасу стены (особенно ярко это заметно по сравнению с Кырк-Тепе, где расстояние между башнями всего 18—20 *м*) также повышало роль каждой отдельной башни, в отличие от городов, где важную роль в обороне продолжали играть стены. Усовершенствование системы защиты ворот, особенно заметное при сравнении с воротами Кырк-Тепе, также усиливало оборонительные качества крепости.

Разведки 1961 г. показали, что вокруг крепости, и особенно на юго-запад от нее, выросло обширное поселение. В этой же части удалось проследить остатки внешнего пахсового вала. Усиленная распашка, видимо, полностью уничтожила его следы в остальных частях городища.

Очень интересен другой памятник этого типа — Дурнали. Эта крепость почти прямоугольна. Размеры длинных стен четырехугольника 183 и 173 *м*, коротких — 160 и 150 *м* [4, стр. 47].

Основу обороны крепости, как и в Чичанлык-Тепе, составляют башни. Особенно интересно устройство угловых башен. Выступая далеко за линию стен, они представляли собой настоящие мощные форты, обстрел с которых должен был парализовать атаки противника. Башни, как это показали расчистки 1961 г., сложены из сырцового кирпича. Особенно интересна северо-западная башня, выступающая за линию стен на 4,25 и 5 *м*. Башня, как и все остальные, конструктивно не связана со стеной. Этот прием (настоятельно рекомендуемый Витрувием) обеспечивал сохранение башни в случае неравномерной осадки стены. Нижняя часть этой башни, как, видимо, и остальных, сплошная; кладка начиналась с древнего уровня полевой земли, причем на землю наносился сначала толстый слой жидкой глины, в которую укладывался нижний ряд кирпичей. Помещения внутри башен были многоэтажными. Узкие бойницы имели прямые, а не скошенные стороны выемки амбразуры, чем резко уменьшалось поле поражения атакующего противника. Для ослабления этого недостатка бойницы верхнего этажа были расположены посреди простенков нижнего, перекрывая тем самым мертвое поле нижних бойниц. На протяжении долгого времени существования

крепости некоторые башни были изнутри заложены и оборона осуществлялась только с верхних площадок башен из-за зубцов. Особо надо отметить очень мощную башню, скорее даже бастион, прикрывавший единственные южные ворота крепости.

Стены сложены комбинированно, в основании их — род высокого цоколя, сложенного из двух рядов пахсы. Высота каждого ряда — 1 *м*, наклон рядов по 16 *см* на один погонный метр высоты. Далее следует отвесная кладка из квадратного сырцового кирпича размерами 40 × 42 × 14 *см*.

Начиная от уровня платформы толщина стен невелика — 1,20 *см*. Снаружи они раскренованы широкими пилястрами, в каждой пилястре и разделяющем их простенке устроено по бойнице [4, стр. 48]. Г. А. Пугаченкова предполагает наличие еще одного этажа обороны — верхней оборонительной площадки, ныне не сохранившейся, покоившейся на каких-то сводчатых субструкциях или просто деревянных консолях, заделанных в кладку стен [4, стр. 49].

Как нам представляется в результате разведок 1961 г., вряд ли это предположение верно. Малая толщина стены не допускает существование встроенных конструкций, а характер оплыва говорит против возможности существования каких-либо сводчатых субструкций. Видимо, стены были невысоки, имели только один ярус обороны, чем резко повышалась оборонительная роль башен.

Внутреннее пространство крепости также не было застроено. Вокруг крепости располагалось городское поселение довольно значительных размеров, но стены его не обнаружены [8, 12].

Те же самые принципы обороны заметны и в укреплениях другой парфянской крепости — Чильбурдж. Таким образом, особенности второго типа укреплений коренных земель Парфии связаны с их функциональным назначением: это государственные крепости, чаще всего на окраинах культурных земель, занятые, видимо, не очень многочисленными гарнизонами. Основу обороны их составляют многоэтажные башни, далеко выдвинутые вперед. Сравнительно небольшая толщина стены указывает на перенесение центра тяжести обороны со стены в башню. Характерно наличие огромных башен-бастионов в наиболее угрожаемых местах, небольшое число ворот, обычно очень хорошо защищенных. Показательно почти полное отсутствие застройки внутри крепостей, свидетельствующее об отсутствии гражданского населения внутри стен [2]. Поселения, если они возникают, располагаются за пределами городских стен и иногда защищаются своей собственной стеной.

Хорошо заметно, что эти крепости строились в расчете на отсутствие осадных машин у кочевников или на то, что их трудно было бы доставить через пески. Интересным приемом является гипертрофированное вытягивание узкой стены вверх, оправданное только в том случае, если у атакующих действительно нет осадных машин, но могут иметься штурмовые лестницы.

Примыкает к этому типу и крепость Старая Ниса [8, 13, 14]. Она возведена на геологическом останце, подрубленные края которого служили как бы мощной платформой для строительства стен и башен. Характерно, что кладка стены выполнена с откосом, достигающим 75°. Общее число башен 44, они выступают за гладь стен на 3 *м*, ширина их 4—4,5 *м*, среднее расстояние между ними 25—30 *м*. Углы защищены огромными башнями, скорее бастионами, северный, наиболее угрожаемый фланг укреплен более мощными башнями, расположенными на более коротком расстоянии друг от друга. Один из углов крепости защищен

---

[2] В этом отношении их можно сравнить с римскими укреплениями сирийского лимеса.

двумя башнями, смыкающимися в виде «ласточкина хвоста» (довольно архаический прием). Особое внимание уделяется защите ворот, к которым ведум пологие пандусы, находящиеся на всем своем протяжении под ударами со стены, а сами ворота защищаются мощными башнями.

Несмотря на специфичность задач, ставящихся перед Старой Нисой, эта крепость близка остальным государственным крепостям (Чичанлык, Дурнали, Чильбурдж). В ней также основой обороны являются не стены, а башни, заметно стремление как можно тщательнее укрепить ворота, число которых сведено к минимуму.

Близок этому типу и следующий (III), представленный укреплениями Гёбеклы и Акча-Тепе (рис. 1, *10, 11*).

Наиболее интересным нам представляется Гёбеклы — прямоугольник с длиной сторон 120 × 110 *м*. При сравнительно небольших размерах крепость укреплена необычайно сильно. Хорошо заметны мощные башни-бастионы, защищающие углы крепости, в южной части заметны остатки двух огромных башен, фланкировавших ворота, на остальных сторонах также различимы остатки башен. Стены и башни сложены из типичного парфянского кирпича размером 42 × 42 × 12 *см*. Сохранившаяся высота стен 12—13 *м*, ширина сохранившейся части стены поверху 2,8 *м*. В центре крепости огромный бугор высотою 17,6 *м* — остатки жилья правителя.

Вокруг стен заметны следы городской застройки и хорошо развитого ремесленного производства. Чрезвычайно близок Гёбеклы и Акча-Тепе, также сравнительно небольших размеров (100 × 120 *м*), со стенами, фланкированными прямоугольными башнями. Наиболее мощной является юго-восточная башня, под прикрытием которой располагаются ворота. Посреди крепости — прямоугольная платформа главного здания. Вокруг крепости простираются остатки былой застройки в радиусе от 300—400 до 700 *м* [4, стр. 45].

Эти два укрепления имеют характер несколько отличный от основного типа государственных крепостей. Судя по значительным размерам центрального здания, в этих небольших по размерам, но сильно укрепленных крепостях располагались резиденции каких-либо крупных магистратов или местных правителей. Учитывая пограничное положение Гёбеклы на границе с пустыней, мы считаем возможным предположить, что здесь располагался чиновник, ведавший сношениями с кочевыми племенами, в известной мере аналогичный по своим функциям арабарху, резиденцией которого был Дура-Европос.

Последним типом городского поселения является поселение типа Джин-Тепе и Такырджа-Тепе (рис. 1, *12, 13*). Это довольно обширные поселения (размеры Джин-Тепе 2 × 1,5 *км*), с ясно выраженным ремесленным характером и свободной планировкой. Они лишены обводных стен, только в центре возвышается бугор — видимо, остаток небольшой цитадели или укрепленного дома правителя города.

Свободная планировка поселения, когда каждый квартал окружен незастроенным участком, занятым, видимо, садами и огородами, в сочетании с очень сильно развитым ремесленным производством, создает впечатление переходного характера этих поселений от сельских к городским.

Особое место в системе укреплений Маргианы занимает стена, окружавшая весь Мервский оазис и построенная Антиохом Сотером [15]. Длина этой стены составляла, по словам Страбона, 1500 стадий (230—250 *км*). Стена выполнена из пахсы, ее толщина 5,2 *м* [16]. Помимо защиты от песков стена выполняла и известные оборонительные функции. Поскольку всю ее занять гарнизонами было нельзя, по-видимому, на довольно значительном расстоянии один от другого располагались посты, сигнализировавшие о приближении опасности.

При сравнении системы укреплений коренных районов Парфии особого внимания заслуживает значительная близость их к системам укреплений Хорезма (хотя в общем укрепления Хорезма производят впечатление бо́льшей архаичности) и особенно Бактрии (Колаи-Мир, Кей-Кобадшах, Мунчак-Тепе, Беграм) [17—20].

Парфянские завоевания, особенно при Митридате I (171—138/7 гг. до н. э.) отдали под власть Аршакидов обширные территории Ближнего Востока. При изучении истории парфянской фортификации в этих районах нужно иметь в виду, что парфяне столкнулись с очень стойкой местной традицией двоякого происхождения: с одной стороны, это древневосточная месопотамская традиция, нашедшая свое выражение в укреплениях таких городов, как Вавилон, и, с другой,— сравнительно недавняя греческая, принесенная завоеванием Александра Македонского и нашедшая свое выражение в многочисленных городах, построенных Селевкидами (таких как Дура-Европос и Селевкия на Тигре).

Поэтому при изучении укреплений этих городов надо постоянно иметь в виду, что в своей основе это укрепления предшествующих эпох и парфянам могут принадлежать только отдельные добавления.

В парфянскую эпоху продолжали существовать многие из древневосточных городов (Вавилон, Урук, Ашшур, Ниппур). К сожалению, знание последнего периода их жизни — парфянского — очень недостаточно.

Наибольшее внимание, естественно, привлекает Вавилон. Вопреки распространенному мнению, можно считать установленным, что город в селевкидское и парфянское время еще продолжал существовать, хотя жизнь в нем постепенно замирала. Об этом свидетельствуют упоминания античных авторов [21, 22], найденные там греческие надписи [23], подтверждается это и последними раскопками города [24], в частности открытием античного театра [25]. Город существовал и в сасанидское время, даже в эпоху первых халифов жизнь там еще теплилась [26].

Свидетельства античных авторов не оставляют сомнения в том, что город в эту эпоху подвергался осадам [21] и мог их выдерживать, что было возможно лишь в том случае, если городские укрепления поддерживались хотя бы в относительном порядке.

Известные нам городские укрепления Вавилона восходят к эпохе Ново-Вавилонского царства [27], и их устройство в общем в значительной мере согласуется с тем, что пишет Геродот [28]. Основная линия укреплений состояла из трех рядов стен, сложенных из сырцового кирпича и скрепленных асфальтом. Все три линии стен снабжены выступающими вперед башнями. Оригинально устройство третьей линии обороны, где чередуются башни, выступающие вперед и почти не выступающие. Очень сильно укреплены ворота [27, табл. 26]. Особо был укреплен центральный дворцово-храмовый массив города. Линии стен идут по прямой, размеры куртин между башнями невелики — 18—20 *м*. Углы выделены особо мощными башнями. Поразительна близость укреплений Вавилона и Суз этого времени [29]. Никаких серьезных ремонтов, переделок и перестроек в парфянское время мы не знаем (рис. 4).

Укрепления Вавилона являются типичным примером старой месопотамской традиции фортификации [30]. Разночтения в описаниях античных авторов относительно числа стен Вавилона этой эпохи [15, XVI, т. 5; 28, I, 180], может быть, объясняются тем, что передняя (более слабая) стена в парфянское время уже рухнула и в описаниях не учитывалась.

Больше интереса представляют греческие города. К сожалению, системы обороны Селевкии на Тигре мы не знаем совершенно. Та линия стен, которая Е. Герцфельдом [31] относилась к Селевкии, оказалась принадлежащей Ктезифону, да и сама его реконструкция, основанная

на осмотрах и зачистках, без раскопок оказалась в корне неверной [32]. Лучше известны укрепления Дура-Европос, как их первоначальное состояние, так и перестройки в парфянскую эпоху. Общая оценка принципов фортификации, положенных в основу укреплений Дура-Европос, была самой разноречивой. Ф. Кюмон считал, что укрепления Дура-Европос являются классической иллюстрацией труда Филона Византийского [33]. Д. Ван Берхем видел в них классический пример слияния эллинских и месопотамских традиций в фортификации [30, стр. 269—270]. Г. А. Пугаченкова находила сильные влияния коренных районов Парфии [4, стр. 9]. М. И. Ростовцев считал, что ничего принципиально нового парфяне в укрепления города не внесли [34]. К счастью, детальнейшее исследование городских укреплений Дура-Европос, проведенное Ренаром [33, стр. 23—24], Гипкинсом [35] и особенно фон Герканом [36], представляет обширный материал для решения вопроса о том, какие принципы были положены в основу при строительстве укреплений Дура-Европос, какие изменения произошли в них в парфянское время и чем они вызваны.

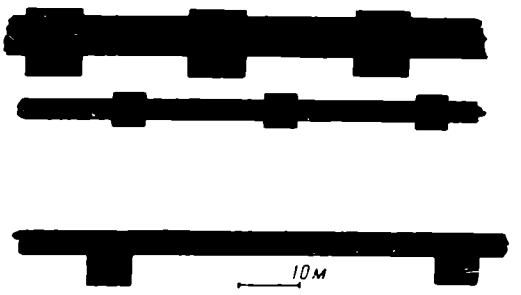


Рис. 4. Участок городских стен Вавилона

Дура-Европос расположена на правом берегу Евфрата. Местоположение города очень выгодно с военной точки зрения. Два крутых обрывистых оврага (вади), идущих перпендикулярно руслу реки, отгораживают кусок плато, на котором и располагается город. Учитывая, что с востока город защищает обрывистый берег Евфрата, а с севера и юга — овраги, доступной для нападения остается одна — западная сторона города. Стены в своем первоначальном состоянии защищали город со всех четырех сторон (сейчас восточная стена обрушилась в Евфрат). Внутри города, в его восточной части, отделенной от основного массива небольшим оврагом, возвышалась цитадель, значительная часть которой также обрушилась в реку.

Протяженность стены, ограничивавшей город с запада — 950, с юга — 950, с севера — 550, с востока — 900 м [33, стр. 3]. Укрепления, видимо, были заложены около 300 г. до н. э. или позднее [36, стр. 21], но во всяком случае задолго до парфянского завоевания города. В эллинистическую эпоху город был укреплен следующим образом: западная стена состояла из каменного цоколя и основного тела, сложенного из сырцового кирпича. Тот же принцип использовался и при строительстве башен (цоколь — каменный, верхние части — сырцовые). Толщина стены, судя по толщине цоколя, была равна 3,15 *м*, длина прясла 55 *м*. Размеры башен примерно равны 10,5×10,5 *м*. Толщина трех наружных стен башен равнялась 2,60 *м*, а внутренней стены — 2,10 *м*. Башни выступали за линию стен на половину своей длины. Исключением являлась только башня 14 (угловая), длина которой равна 14,5 *м*, это было сделано для усиления данного пункта обороны. Высота цоколя равна 1,25—1,40 *м*, на $^2/_5$ цоколь был опущен в землю, нижний ряд его кладки лежал на материковой скале. Цоколь башен достигал высоты 2,05—2,23 *м*. Кладка скреплялась гипсовым раствором. В эллинистическое же время была начата постройка главных городских ворот. Южная и северная стены города были целиком сделаны из сырцового кирпича, линия стен здесь следовала направлению краев оврагов, башни располагались в местах поворотов. Восточная стена, видимо также целиком сырцовая, не имела башен вообще.

После захвата города парфянами (около 140 г. до н. э.) начались большие строительные работы; в первую очередь это коснулось цитадели. Ранее цитадель рассматривалась как первое эллинистическое сооружение города. Гопкинс впервые высказал предположение, а фон-Геркан доказал, что строительство цитадели приходится на раннепарфянское время [36, стр. 23—24].

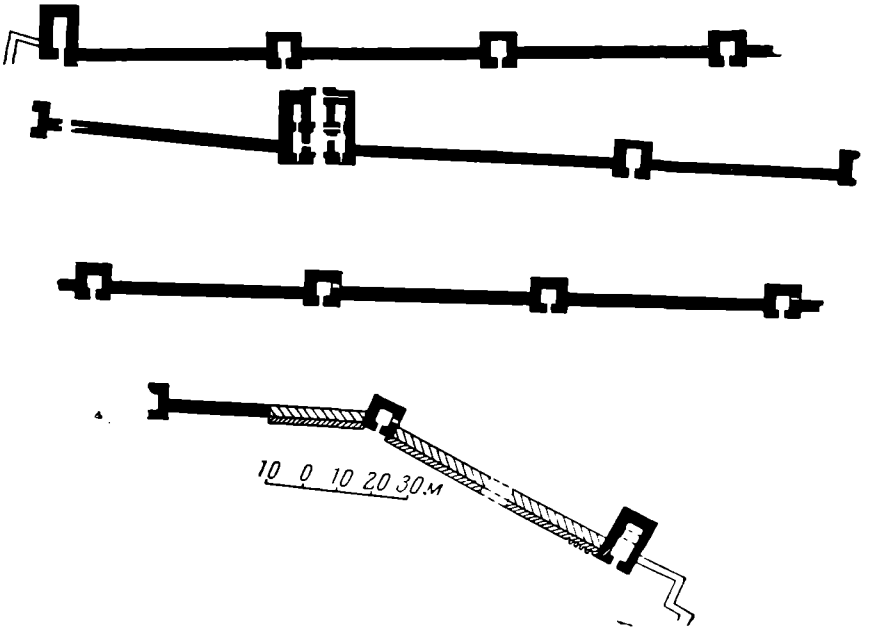


Рис 5. Западный фас стен Дура-Европос

Цитадель имела сравнительно нетолстые стены (толщиною 2,5 *м*), но они строились гораздо более высокими, чем стены города, видимо несколько выше были и башни цитадели. Первоочередное строительство цитадели с бараками для парфянского гарнизона очень показательно. Оно полностью согласуется с тем, что мы знаем о политической жизни города в это время и о враждебных отношениях греческого населения города к завоевателям-парфянам [37]. Примерно после 100 лет парфянского владычества положение меняется. Между правящей группой города и центральной властью установились отношения взаимозаинтересованности, правительство получило бóльшую уверенность в лойяльности населения города. В связи с этим, особенно учитывая усилившуюся угрозу римских вторжений, центр тяжести оборонного строительства был перенесен на укрепление обвода стен города.

Прежде всего были перестроены башни. Верхние сырцовые части башен были уничтожены и заменены каменными, причем одна из башен (*1*), защищающая северо-западный угол, была переделана по типу башни *14* — передняя стена ее сломана и башня удлинена на 5 *м*. Была закончена постройка главных ворот, а старые ворота возле башни *17* заделаны. Началась замена сырцовой кладки стен камнем. Стены были переделаны на бо́льшей части западного фаса (за исключением прясла между башнями *23—24* и *24—1* (рис. 5)). В тех местах, где сырцовый кирпич не был заменен камнем, стены изнутри усилены сырцовой обкладкой. В это же время произошла замена сырца камнем в южном и северном фасах стен. Толщина стен везде оставалась той же, что и в эллинистическую эпоху, высота стен стала равна 6,05—8,20 *м*, а учитывая высоту цоколя,—7,45—9,50 *м*. Верхняя часть стен и башен восстанавливается с достаточной долей вероятности благодаря исследованиям стен и их завалов, а также благодаря ряду граффити, изображав-

ших стены и башни города. По внешнему краю стены шел бруствер с зубцами (общая высота 2,5 *м*).

Таким образом, решительных изменений в характере оборонительных сооружений в парфянское время не произошло, кроме смены материала. Весь план укреплений остался в своей основе селевкидским, скорее даже претерпев упрощения, поскольку при перестройке были заделаны некоторые вылазные калитки. Ничего специфически парфянского в характере укреплений нет. Это позволяет думать, что перестройка укреплений города проводилась хотя и при поддержке центрального правительства, но руками самих жителей, под руководством зодчего-грека. В составе жителей Дура-Европос людей с иранскими именами в этот период известно мало, в основном это были чиновники высших рангов. После перестройки в парфянское время укрепления Дура-Европос оставались типичными эллинистическими, где слились приемы чисто эллинские — умелое расположение укреплений с использованием естественного рельефа местности[3], типичная (по Филону Византийскому) конфигурация северной и южной стен (в виде «зубьев пилы») — с месопотамскими — прямая линия западной стены с равномерно распределенными башнями[4].

К концу парфянского периода в некоторых частях стены с внешней стороны ее у основания появляется небольшой подкос. Назначение его было двояким: с одной стороны, он предохранял основание стены от разрушения таранами, с другой — уменьшал мертвое пространство у оснований стен, увеличивая поражающую силу сбрасываемых со стен бревен и т. п. Точно такое же усиление мы имеем и у городской стены Мерва позднепарфянского времени. Но вряд ли это можно отнести за счет парфянских влияний — ведь еще в древних Сузах использовался этот конструктивный прием [29, стр. 226, рис. 122].

К сожалению, мы ничего не знаем об укреплениях по парфянской царской дороге, описываемой Исидором Харакским. Работы А. Пуадебара с известной долей вероятности позволили отождествить многие из пунктов, упоминаемых Исидором с современными развалинами [38], но до проведения здесь археологических работ каких-либо заключений, кроме того, что это была дорога и она защищалась крепостями, делать нельзя.

Наиболее интересными для нашей темы являются города, построенные на территории Месопотамии и прилежащих к ней районах в парфянскую эпоху (Хатра, Ктезифон, Такх-и-Сулейман). Лучше всего известны укрепления Хатры благодаря работам экспедиции В. Андрэ [39] и раскопкам Директората Древностей Ирака [40]. Общая планировка города приближается к кругу. Город окружен двумя стенами, расстояние между которыми приблизительно 400 *м*. Внешняя стена еще плохо изучена, можно только отметить, что она местами построена зигзагом в плане, согласно рекомендациям Филона Византийского. Основная стена построена из камня, фланкирована прямоугольными башнями. Система кладки очень напоминает кладку Дура-Европос (рис. 6). Местами основная стена усилена еще одной стеной с полуциркульными башнями. Все ворота Хатры защищены сложными предвратными лабиринтами (рис. 7).

Как нам кажется, в фортификации Хатры ярко заметно влияние местной месопотамской традиции, выразившееся в создании в угрожаемых местах двойной линии стен в ее тактическом варианте (расстояние между стенами не превышает 12—15 *м*). Заметно и воздействие восточноиранской (парфянской) традиции (создание двух стратегических линий стен и системы предвратных лабиринтов). Недаром даже в предвратных лабиринтах стен императорского Рима видят среднеазиатское влияние [41].

---

[3] Как, например, в Приене.

[4] Как, например, в Вавилоне.

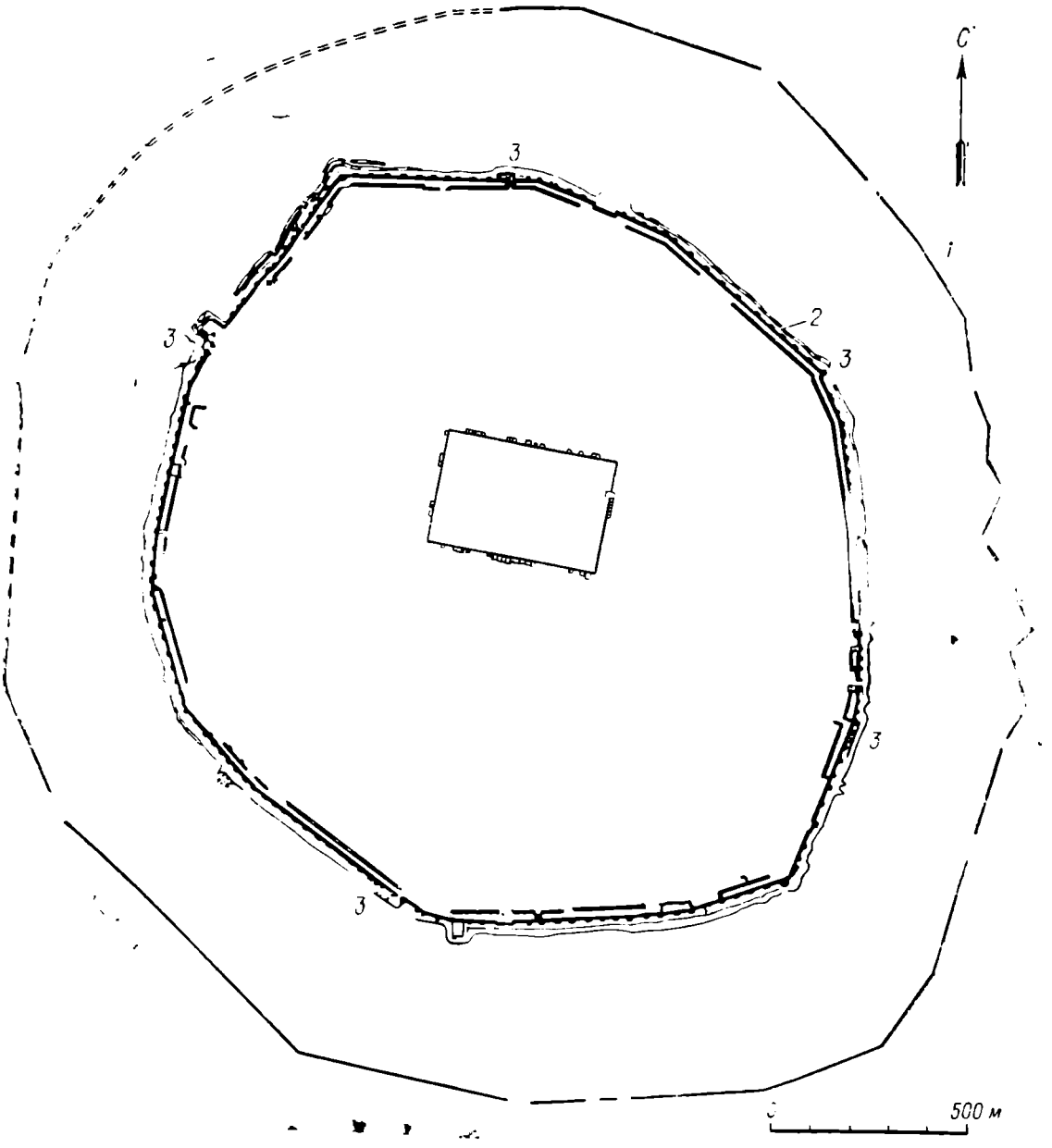


Рис. 6. План Хатры

1 — внешняя стена, *2* — основная стена, *3* — ворота

Укрепления Ктезифона, как и Хатры, охватывают городскую застройку по кругу. Хотя парфянское происхождение Ктезифона [22] несомненно, мы не может быть уверены в парфянской дате укреплений города. Вполне возможно, что дошедшие до нас укрепления города относятся к раннесасанидскому времени. Стены построены из сырцового кирпича, их толщина около 10 *м*, полукруглые башни, выступающие на 9,3 *м* за гладь стены, находятся на расстоянии одна от другой около 10 *м*. В верхней части стены имеется внутренний коридор, с внешней стороны от уровня пола коридора у стены крутой откос, сделанный из утрамбованной земли и сырцового кирпича (рис. 8) [42,43.] Нам представляется, что в своей основе эти укрепления парфянские. За это говорит и круглый план города, и частое расположение башен, столь типичное для коренных районов Парфии. Наличие полукруглых башен, может быть, объясняется более поздними (раннесасанидскими) перестройками, хотя это и не обязательно. Третьим, безусловно парфянскими городом в западных районах Пар-

фии является Фрааспа (Такх-и-Сулейман), расположенный в иранском Азербайджане к югу от Тавриза [44]. Город построен в конце II в. до н. э., на протяжении всей истории парфянского государства он был важным военным центром (именно под стенами этой крепости потерпел поражение Антоний). Общая протяженность стен Фрааспы 1120 *м*. По всему периметру стены расположено 37 башен, полукруглых в плане. Стена и башни сделаны из мелкого камня на растворе, причем башни почти целиком сплошные; фасовые стороны облицованы отесанным камнем. Способ их кладки очень напоминает хатрийский, хотя и несколько трубее. Ворота фланкируются мощными полукруглыми бастионами, верхние части проема ворот оформлены в виде полуциркульных арок. Толщина стен 3 *м*, высота около 13 *м*.

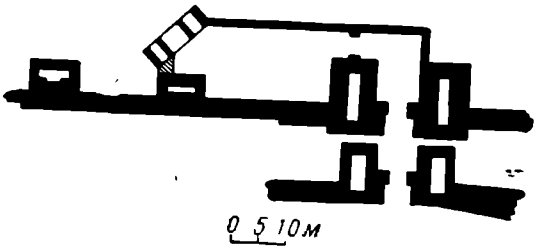


Рис. 7. Северные ворота Хатры

Очень важной особенностью этих трех городов, выстроенных парфянами на западных, завоеванных ими территориях, является общность их планов — все они круглые. Объяснение этого явления может быть самым различным, но вряд ли нас удовлетворит решение, предложенное Л. Оранжем, который видит во всех парфянских, сасанидских и аббасидских городах земное воплощение старой ближневосточной идеи «небесного города» [45, 46]. Нам представляется, что план круглого города имеет более «земное» происхождение. Мы знаем, что уже в допарфянское время существовал круглый город — столица одного из иранских племен — мидийцев — Экбатаны [28, 1, 98; 47; 48]. Древнейшие части ряда парфянских городов коренных земель Парфии также круглые в плане или напоминают приближающийся к кругу многоугольник (Эрк-Кала, Кырк-Тепе). Надо учитывать широкое распространение круглых в плане городищ у кочевников Средней Азии [49, 50]. В скифское время они встречаются и на юге Европейской части СССР, довольно широко распространены на севере Афганистана [51]. Очевидно, именно эта старая иранская идея фортификации нашла свое воплощение в парфянских городах (Харте, Ктезифоне, Фрааспе). Это тем более вероятно, если мы будем учитывать ту огромную роль, которую играли контингенты из воинов-кочевников во внутренней и внешней политике Парфии [52]. Надо особо учитывать к тому же, что эти города, особенно Ктезифон, строились, в первую очередь, как военные твердыни. Происхождение этой традиции, видимо, надо искать в приеме окружения лагеря кочевников кольцом телег, как, например, описание лагеря в Диодоровом рассказе о битве при Фате [53].

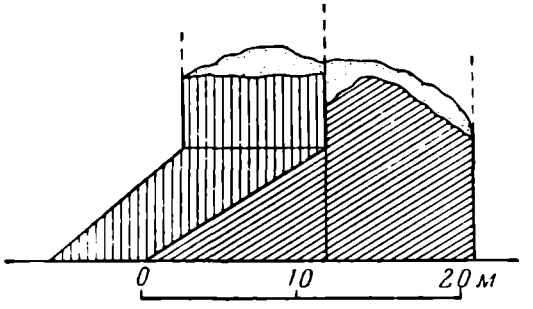


Рис. 8. Разрез стены и башни Ктесифона

Таким образом, можно констатировать, что если в укреплениях старых городов Месопотамии и греческих городов факт парфянского завоевания никакого отражения не нашел, то в новых городах, строившихся в парфянское время на завоеванных территориях, парфянское влияние было широким и многообразным. Оно проявлялось в общем плане укреплений, системе расположения стен и защиты ворот (Хатра), в способах строительства (Фрааспа) и размещения башен (Ктезифон).

Особый интерес для нас представляют города Индо-Парфии, но слабая изученность этого района не позволяет сделать никаких заключений о характере их укреплений. Укрепления единственного подвергавшегося раскопкам индо-парфянского города Сиркапа (Таксила) построены в греко-бактрийскую эпоху и выдержаны в значительной мере в греческих фортификационных традициях (неправильные контуры городских стен, стремление включить в линию обороны господствующие высоты и т. д.) [54]. Возможно, что парфянам принадлежит сложная пристройка у северных ворот, но утверждать это нельзя ввиду незначительности документации [55].

Хорошо заметна преемственность между парфянской системой фортификации и сасанидской как на востоке (в Хоросане), так и на западе. На востоке это отражается в плане укрепленного города, явно восходящего к планам парфянских городов типа Дэв-Кала, на западе — в широком распространении круглых в плане городов (Гур, Дерабжирд); заметно это и в ряде других фортификационных приемов (скосы в нижней части стен, широкое распространение круглых башен и т. д.).

Таким образом, можно считать установленным, что парфянская система фортификации, порожденная местными условиями и приспособленная к ним, испытавшая на себе как воздействие кочевников степей, так и фортификационных воззрений Месопотамии и Греции, оставалась в то же время глубоко самобытной. Одна из характерных черт ее — глубокая эшелонированность, отличающая ее, в частности, от фортификации Месопотамии, где линии обороны имеют не стратегическое решение, как в Парфии, а только тактическое. Примечательно, что последний пояс обороны — цитадель-арк (чаще круглая), является отражением и развитием кочевнического приема укрепления лагеря. В какой то степени он свидетельствует о событиях эпохи создания парфянского государства, когда ворвавшиеся в оазисы кочевники изгнали греков и установили свою власть, дав Парфии Аршакидскую династию. Хотя в Парфии продолжала сохраняться прямоугольная система укреплений, порожденная земледельческим бытом и знаниями геометрии, возможными только у земледельческих и оседлых народов (Месопотамия), однако в пограничных с пустынями крепостях эта система претерпевала большие изменения.

В отличие от Месопотамии, здесь центр обороны был перенесен на башни, что было оправдано спецификой борьбы с конными отрядами номадов, очевидно, не имевших в своем распоряжении осадных машин.

Необходимость размещения в крепостях гарнизонов, состоящих не только из пеших стрелков, но и из отрядов конницы, ведущей поиск на возможных путях появления кочевников, потребовала оставления значительной свободной площади внутри крепости для размещения лошадей и особенно фуража.

Все эти особенности резко отличают парфянскую систему от греческой, с ее полным использованием рельефа, делающим иногда ненужным даже сооружение башен.

В парфянских областях Переднего Востока заметна известная синкретизация культуры, нашедшая свое выражение, например, в системе укреплений Хатры, где сочетаются элементы парфянские, месопотамские, греческие, с явным преобладанием, однако, первых.

Парфянская система была достаточно гибкой, умела воспринимать чужие достижения и приспосабливаться к местному строительному материалу (сырец — в алювиальных равнинах, камень — в горах). Характерно, что в недрах парфянской системы совершенно самостоятельно происходит переход к более прогрессивной системе круглых башен (Фраспа, возможно Ктезифон). Несомненно ее сильнейшее воздействие на фортификационную систему Сасанидского Ирана и, может быть, Византии.

Фортификация не была изолированным феноменом. Процессы, происходившие в ней, нашли то или иное отражение и в детальных областях материальной культуры Парфии: архитектуре жилища, дворца, храма, градостроительстве. Как и в фортификации, в них очень ярко выделяются две основные области: восточная, где господствуют местные традиции ираноязычных народов, и западная, где скрещиваются местные семитские, греческие и иранские культурные традиции. Это глубокое различие во всех сферах культуры было одним из определяющих явлений в процессе развития парфянской культуры.

Литература

1. E. Herzfeld. Arhaeological History of Iran. London, 1935; его же. Iran in the Ancient East. London, 1940.
2. A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936, стр. 207.
3. М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951, стр. 27—28.
4. Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 30.
5. З. И. Усманова. О времени возникновения поселения на месте городища Эрк-Кала. ИАН ТуркмССР, серия обществ. наук, 4, 1960.
6. Е. А. Давидович. Исследование вала к юго-западу от Новой Нисы. Тр. ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 191 сл.
7. З. А. Альхамова. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва. Тр. ЮТАКЭ, II, стр. 405.
8. Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ, 1952, 2, стр. 217.
9. М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, 4, стр. 94.
10. М. И. Вязьмитина. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, II, рис. 1.
11. Д. Дурдыев. Кырк-Тепе. Тр. ИИАЭ, АН ТуркмССР, V, Ашхабад, 1959, стр. 130.
12. М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 4, стр. 99.
13. В. А. Левина. Стена и башня Старой Нисы. Тр. ЮТАКЭ, I, стр. 147 сл.
14. Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. ИАН ТуркмССР, 1952, 1, стр. 16.
15. Strabo, XI, 10.
16. С. Я. Вязигин. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Мергианы. Тр. ЮТАКЭ, I, стр. 268.
17. М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан). МИА, 37, 1954, стр. 259 сл.
18. Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. КСИИМК, 64, 1956, стр. 77 сл.
19. Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. Археологические работы в Таджикистане в 1954 г., 1956, стр. 77 сл.
20. R. Ghrishman. Begram. Le Cairo, 1946.
21. Jistin, XLII, 1, 3; XLII, 4, 2; Liv. 38, 17; Joseph. Jud. Ant. 18, 310; 18, 371; Curt. Ruf. V, I, 22.
22. Plin. Nat. Hist. VI, 26, 123; 30, 122.
23. B. Houssoulier. Inscriptions grecques de Babylone. «Klio», IX, 1909, стр. 352—353.
24. F. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallwitz. Das Babylon der Spätzeit. Berlin, 1957.
25. E. Frezouls. Recherches sur les théâtres de l'orient syrien. «Syria», XXXVI, ч. 3—4, 1959, стр. 212.
26. M. Maricq. Vologesias, l'emparium de Ctesiphon. «Syria», XXXVI, ч. 3—4. стр. 272—273.
27. F. Wetzel. Die Stadtmauern von Babylon. Leipzig, 1930, стр. 7.
28. Herod. I, 180.
29. M. Dieuelafoy. L'acropole de Suse, ч. 2, Paris, 1890.
30. D. von Berchem. Recherches sur la chronologie des enceintes de Syrie et de Mesopotamie. «Syria», XXXI, ч. 3—4, 1954, стр. 269.
31. F. Sarre, E. Herzfeld. Archäologische Reise im Euphrat-und-Tigris Gebiet, II, Berlin, 1920, стр. 46 сл., рис. 161.
32. O. Reuther. Die Ausgrabungen der Deutschen Ktesiphon-Expedition im Winter 1928/29, Wittenberg, 1929, стр. 6—9.
33. F. Cumont. Fouilles de Doura-Europas. Paris, 1926, стр. 22.
34. M. I. Rostovtzeff. Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938, стр. 17.
35. C. Hopkins. The Fortifications. The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of 5 season of work. New-Haven, 1934, стр. 1—11.
36. A. von Gerkan. The Fortifications. The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of 7—8 season of work. New-Haven, 1939, стр. 4—61.

37. Г. А. Кошеленко. Городской строй полисов Западной Парфии. ВДИ, 1960, 4, стр. 78.
38. A. Poidebard. La trace de Rome dans le désert de Syrie. Paris, 1936, стр. 89—90, табл. LXXV.
39. W. Andrae. Hatra, I—II, Leipzig, 1908—1912.
40. F. Safar. Hatra and the First Season of Excavations. «Sumer», VIII, 1, 1951, стр. 3—16.
41. I. A. Richmond. The City Wall of Imperial Rome. Oxford, 1930, стр. 105—106.
42. O. Reuther. Die Ausgrabungen des Deutschen Ktesiphon Expedition im Winter 1928/29, стр. 6—9.
43. O. Reuther. The German Excavations at Ctesiphon. «Antiquity», 1929, 3, 42.
44. A. U. Pope. The Institutes Survey of Persian Architecture. Preliminary Report on Takht-i-Sulayman. «Bull. Amer. Inst. Iranian Art and Archeology», V, 2, 1937, стр. 75.
45. K. A. C. Creswell. Fortification in Islam beroie a. d. 1250. PBA. London, 1952.
46. H. P. L'Orange. Studies on the Iconography of Cosmic Kingship in the Ancient World. Oslo, 1953, стр. 10—12.
47. E. N. Felandin, P. Coste. Voyage en Perse, табл. 31, SPA, I, стр. 441.
48. SPA, I, стр. 441.
49. С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. Тр. ХАЭЭ, 4, М., 1958, стр. 441.
50. С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Раппопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. Материалы ХАЭЭ, 4, М., 1960, стр. 23.
51. K. Fischer. Preliminary Notes on some Ancient Remains at Qunduz. «Afghanistan», XVI, 1, 1961, стр. 20.
52. Tacit. Ann. VI, 4, 4; Jos Ant. XVIII, 4, 4.
53. Diod. XX, 22.
54. См. план Таксилы в кн.: J. Marshall. A Guide to Taxila. Cambridge, 1960, рис. 15.
55. J. Marshall. Taxila. Cambridge, I, 1951, стр. 113—115, III, табл. 10, 11.

Б. А. ШРАМКО, Е. А. ЦЕПКИН

РЫБОЛОВСТВО У ЖИТЕЛЕЙ ДОНЕЦКОГО ГОРОДИЩА В VIII—XIII вв.

В 1955—1960 гг. археологическая экспедиция Харьковского университета производила раскопки Донецкого городища, расположенного на правом берегу р. Уды на окраине современного Харькова.

Попытки исследовать этот замечательный памятник предпринимались уже давно. Первые разведки здесь произвел еще в 1838—1839 гг. В. В. Пассек [1]. В 1902 г. на Донецком городище были произведены небольшие раскопки под руководством В. А. Городцова [2]. В 1929—1930 гг. А. С. Федоровский вскрыл несколько участков на территории посада (селища «А» и «Б»), примыкающей к детинцу Донецкого городища [3]. Результаты этих небольших раскопок не были в свое время полностью опубликованы, а почти вся документация и большинство археологических материалов погибли во время Великой Отечественной войны.

Во время раскопок 1955—1960 гг. на Донецком городище была вскрыта большая площадь. Полностью раскопана жилая часть детинца и начато исследование территории городского посада; собран большой вещественный материал, всесторонне характеризующий хозяйственную жизнь местного населения в VIII—XIII вв. Данная статья посвящена только одной отрасли хозяйства — местному рыболовному промыслу, вопросу, до настоящего времени совершенно неизученному.

Природные условия для развития рыболовства были здесь в древности весьма благоприятными. Донецкое городище занимает узкий треугольный мыс, отделенный от основного массива правого высокого берега р. Уды, помимо оврага, большим рвом и валом. Правый берег реки еще сравнительно недавно был покрыт лесами. На левом берегу раскинулись прекрасные пойменные луга и разбросаны многочисленные мелководные озера, в которых во время половодья из реки попадало много различной рыбы [1].

Донецкое городище — многослойный памятник. Раскопки последних лет показали, что первое поселение на этом месте возникло в конце бронзового века, а в скифское время (в V в. до н. э.) были построены уже первые укрепления. В слоях, относящихся к бронзовому веку и к скифскому времени, не обнаружено ни специальных рыболовческих орудий, ни костей рыб. Для скифского времени это нельзя считать случайностью, так как и на других селищах и городищах раннего железного века в бассейне Северского Донца следы рыболовства отсутствуют. По-видимому, в те времена местное население рыбу почти не ловило и в пищу не употребляло.

[1] В настоящее время вода в реке испорчена промышленными стоками, и рыба в ней перевелась.

Картина существенно изменяется с VIII в., когда на берегу р. Уды возникает раннеславянское городище роменской культуры. В жилищах, в хозяйственных ямах и просто в культурном слое начинают встречаться кости рыб, чешуя и различные орудия, связанные с рыболовством. Количество остатков съеденных рыб и рыболовных орудий особенно возрастает в слоях, относящихся к X—XIII вв., когда здесь существовал древнерусский город Донец, упоминаемый под 1185 г. в Ипатьевской летописи [4]. Увеличению рыбной пищи в рационе местного населения в этот период способствовала, по-видимому, и связанная с христианской религией необходимость соблюдать посты.

Найденные при раскопках Донецкого городища орудия рыболовного промысла стратиграфически и хронологически можно разделить на две группы: VIII—X и XI—XIII вв.

К первой относятся орудия, обнаруженные в жилищах, хозяйственных ямах или в нижней части роменского культурного слоя. Слой хорошо датируется не только вещами, но и монетами. К периоду расцвета раннеславянского поселения относится серебряная арабская монета, отчеканенная наместником Табаристана Омаром в 129 г. табаристанской эры, что соответствует 780 г. н. э. Время гибели этого поселка определяется серебряным подражанием куфическому диргему X в., найденному в слое пожарища [2].

Среди роменских орудий имеется один железный рыболовный крючок, игла для плетения сетей, костяные кочедыки, грузила, сделанные из рога оленя, и грузила из фаланг коровы.

Как видно, здесь преобладают находки, связанные с ловлей рыбы при помощи сетей. Массивная игла для плетения сетей (рис. 1, *3*) сделана из отростка оленьего рога, который тщательно обрезан и зашлифован. В тупом конце просверлено отверстие, и с двух сторон прорезаны желобки, облегчающие протаскивание веревки. Кроме такой усовершенствованной иглы, употреблялись и простые кочедыки, сделанные из мелких костей ног различных животных (рис. 1, *4—5*). Веревка, из которой плели сети, в данном случае просто привязывалась за шейку эпифиза. Острый конец костяного кочедыка иногда немного подрезался, а иногда оставался почти без всякой обработки, и только сильная залощенность поверхности свидетельствует об употреблении его в качестве орудия для плетения. Аналогичные кочедыки для плетения сетей известны по находкам на многих роменских поселениях.

В качестве грузил для сетей использовали либо просто первые фаланги коровы, в дистальном конце которых просверливалось отверстие (рис. 1, *6—7*), либо изделия из рога оленя. Роговых грузил найдено три. Одно имеет пирамидальную (рис. 1, *8*), а два других — цилиндрическую форму (рис. 1, *9—10*).

Железный крючок (рис. 1, *1*) был найден на полу роменского жилища «Б» на территории детинца Донецкого городища. Он выкован из железного прута четырехугольного сечения. Длина его 88 *мм*, наибольшая толщина 6 *мм*. В отличие от большинства других крючков Донецкого городища, этот крючок имеет небольшое и, насколько можно судить по обломку, сильно пригнутое к стержню жало, что вряд ли способствовало успешной подсечке рыбы. Вместо петли для привязывания к леске конец стержня заканчивается, как и у многих других древних и современных крючков, небольшим расширением или лопаточкой. Близких аналогий этому крючку в роменских комплексах мне неизвестно.

Стратиграфически к роменскому комплексу близок и массивный железный крючок, который найден на территории посада Донецкого городища в переходном смешанном слое, содержавшем как роменские остат-

[2] Первая монета определена нумизматом ГИМ С. А. Яниной, а вторая — заведующим нумизматическим отделом Эрмитажа А. А. Быковым.

ки, так и более поздние остатки древнерусской культуры X—XIII вв. Этот крючок (рис. 1, *2*) выкован из железного прута таким образом, что стержень с петлей сильно наклонен в сторону жала. Изгиб крючка имеет ромбическое сечение, а стержень в разрезе имеет вид прямоугольника. Жало снабжено небольшой бородкой. Длина крючка 70 *мм*, наибольшая толщина 7 *мм*.

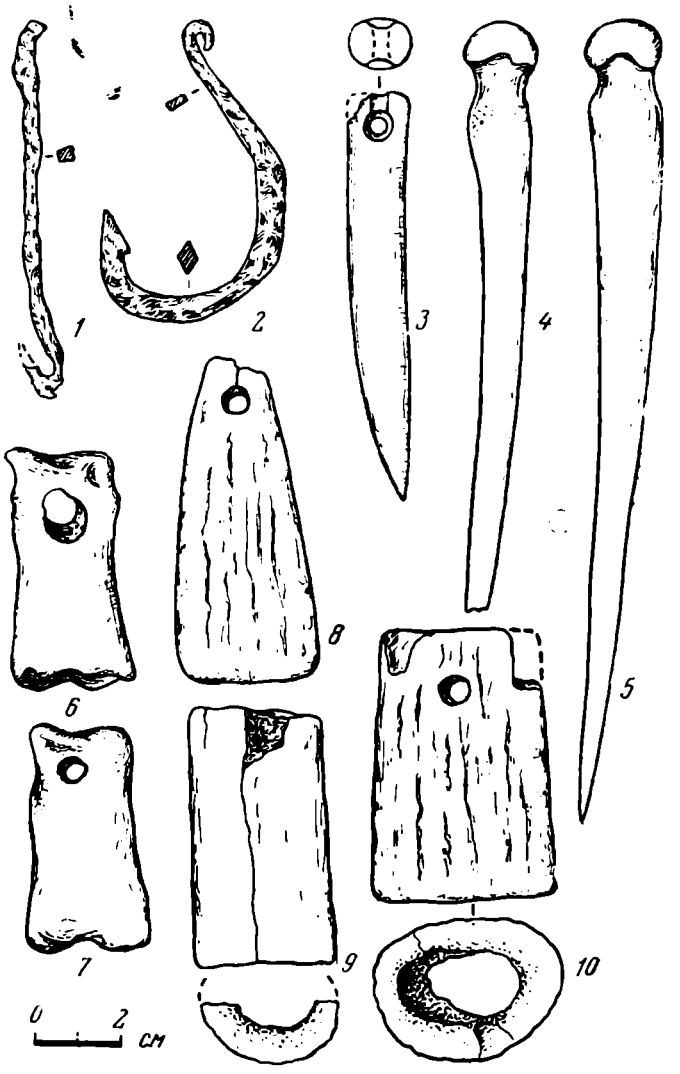


Рис. 1. Орудия рыболовства, найденные в слоях VIII—X вв. на Донецком городище

1—2 — железные крючки, *3* — игла из рога оленя, *4—5* — костяные кочедыки, *6—7* — грузила из фаланг коровы, *8—10* — грузила, сделанные из рога оленя (рисунок *8* уменьшен по сравнению с остальными в полтора раза)

Аналогичный крючок был найден на Кузнецовском городище роменской культуры [5]. Очень близки по форме изгиба и крючки Новотроицкого городища, у которых стержень также имеет наклон в сторону жала [6]. Такая особенность свидетельствует о том, что этот крючок относится скорее всего к раннему типу, так как для подавляющего большинства более поздних крючков X—XIII вв. характерен не наклонный, а прямой стержень.

Ко второй группе находок относятся рыболовные орудия, найденные в хозяйственных ямах и в верхней части культурного слоя городища, которые датируются X—XIII вв. Среди них 12 крючков, три зубца от острог, один костяной кочедык для плетения сетей и около двух десятков глиняных грузил и их обломков.

Подавляющее большинство рыболовных крючков имело большие размеры (длина от 56 до 125 *мм*) и предназначалось для промыслового лова крупных рыб. Однако в рассматриваемый период были, по-видимому, и рыболовы-любители. Только этим можно объяснить находку при раскопках на Донецком городище двух маленьких крючков, выкованных из прямоугольных в сечении железных прутиков таким образом, что прямой

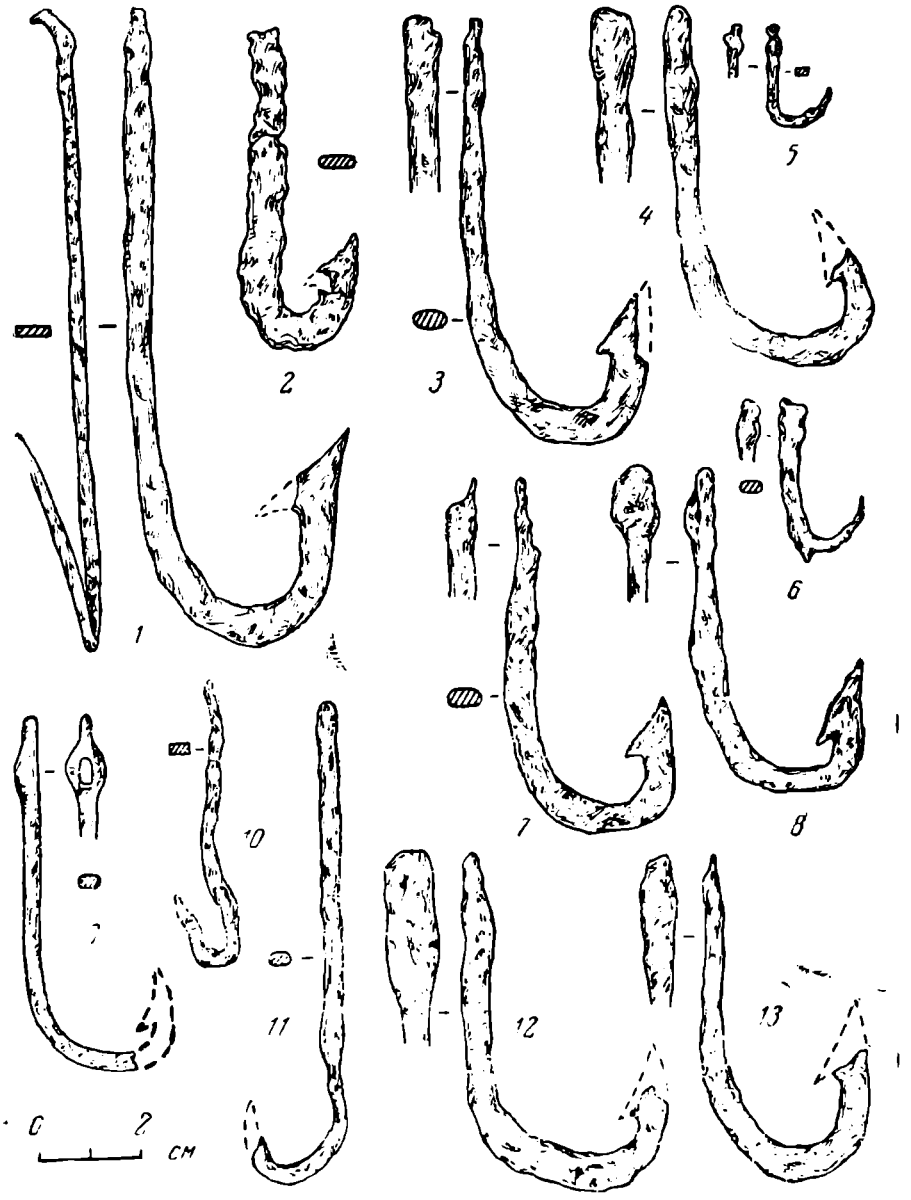


Рис. 2. Железные крючки разных типов, найденные в слоях X—XIII вв. на Донецком городище

стержень заканчивается лопаткой (рис. 2, *5—6*). Длина одного крючка 20 *мм*, а другого —31 *мм*. Такими крючками можно ловить на удочку, конечно, только небольшую рыбу, которая не могла иметь серьезного промыслового значения. Аналогичные крючки известны и по раскопкам в древнем Новгороде [7].

Все остальные крючки можно классифицировать следующим образом:

1. Тип. Два наиболее простых по устройству крючка, сделанных из квадратного или прямоугольного в сечении прута, один конец которого загнут и заострен. Другой конец прута оставлен прямым или слегка расплющивался. Жало этих крючков не имеет бородки (рис. 2, *10—11*).

2 т и п. Выкованные из прямоугольного или овального в сечении прута крючки с прямым стержнем, заканчивающимся лопаточкой. Противоположный конец крючка загнут и имеет заостренное жало с бородкой для лучшего удержания рыбы при подсечке (рис. 2, *2—4*, *7*, *8*, *12—13*). К этому типу относится большинство найденных на Донецком городище крючков, причем шесть из них были найдены в одной яме, а седьмой — отдельно.

3 т и п. Крючок (представленный пока одним экземпляром) выкован из прямоугольного в сечении прута. Стержень заканчивается лопаточкой, противоположный конец не только загнут вверх и снабжен жалом с бородкой, но и повернут в сторону (рис. 2, *1*).

4 т и п. Крючки из прямоугольного в сечении прута, на одном конце которого имеется петлевидное отверстие для привязывания лески (рис. 2, *9*; 3, *5*). Противоположный конец загнут и у одного экземпляра снабжен двумя бородками [3], а у другого, к сожалению, обломан.

5 т и п. Выкованный из овального сечения прута крючок с прямым стержнем, нижняя часть которого раздваивается, образуя два больших жала (рис. 3, *6*). Сохранность крючка плохая, но на конце одного жала заметен остаток бородки.

Железные рыболовные крючки этих типов известны по ряду древнерусских памятников [7—12] и не дают оригинальных форм, присущих только Донецкому городищу. Среди опубликованных материалов X—XIII вв. мне не известны лишь крючки третьего типа (с жалом, отогнутым в сторону), хотя современные рыболовы аналогичные крючки употребляют нередко [13]. Возможно, эти крючки просто трудно выявить в публикациях из-за недостаточно полного описания и вследствие того, что все крючки изображаются обычно лишь в одной проекции.

Некоторые типы крючков (третий и пятый), по-видимому, употреблялись с блесной для ловли хищной рыбы с приспособлением типа современной дорожки. В материалах из раскопок на Донецком городище пока нет вещей, которые можно было бы уверенно считать остатками блесен. Однако среди других древнерусских коллекций встречаются крючки с металлическими блеснами [11]. Кроме того, известно, что блесны не всегда делают из металла. В современной практике иногда используют для ловли рыбы блесны, сделанные из дерева или из ракушки [14]. Остатки таких блесен обнаружить в археологическом материале, конечно, трудно.

Все три зубца от острог найдены отдельно. Выкованы они из железного прута прямоугольного сечения (рис. 3, *1—3*), в нижней части имеют изгиб, который показывает, что данные находки принадлежат остаткам двух или трезубчатых острог, широко распространенных в древней Руси [7, 11, 15].

Костяной кочедык для плетения сетей, найденный в слое X—XIII вв., отличается от более ранних и по материалу и по форме (рис. 3, *4*). Он вырезан из плоской кости какого-то животного так, что напоминает небольшой слегка изогнутый кинжальчик.

Наконец, в большом количестве на Донецком городище обнаружены глиняные рыболовные грузила. Все они сделаны из той же хорошей гончарной глины, из которой вылеплены сосуды X—XIII вв., и сильно обожжены. Формы их разнообразны: цилиндрическая, бочковидная, грушевидная, почти шаровидная (рис. 3, *7—12*). Аналогичные изделия хорошо известны и по другим древнерусским памятникам. В качестве поплавков для сетей могли применяться толстые куски древесной коры или свертки бересты, которые неоднократно встречались в культурном слое Донецкого городища.

---

[3] Этот крючок, а также крючок якорного типа находятся в Харьковском историческом музее среди вещей, происхождение которых точно неизвестно. Предположительно их относят к материалам, добытым на Донецком городище во время раскопок А. С. Федоровского.

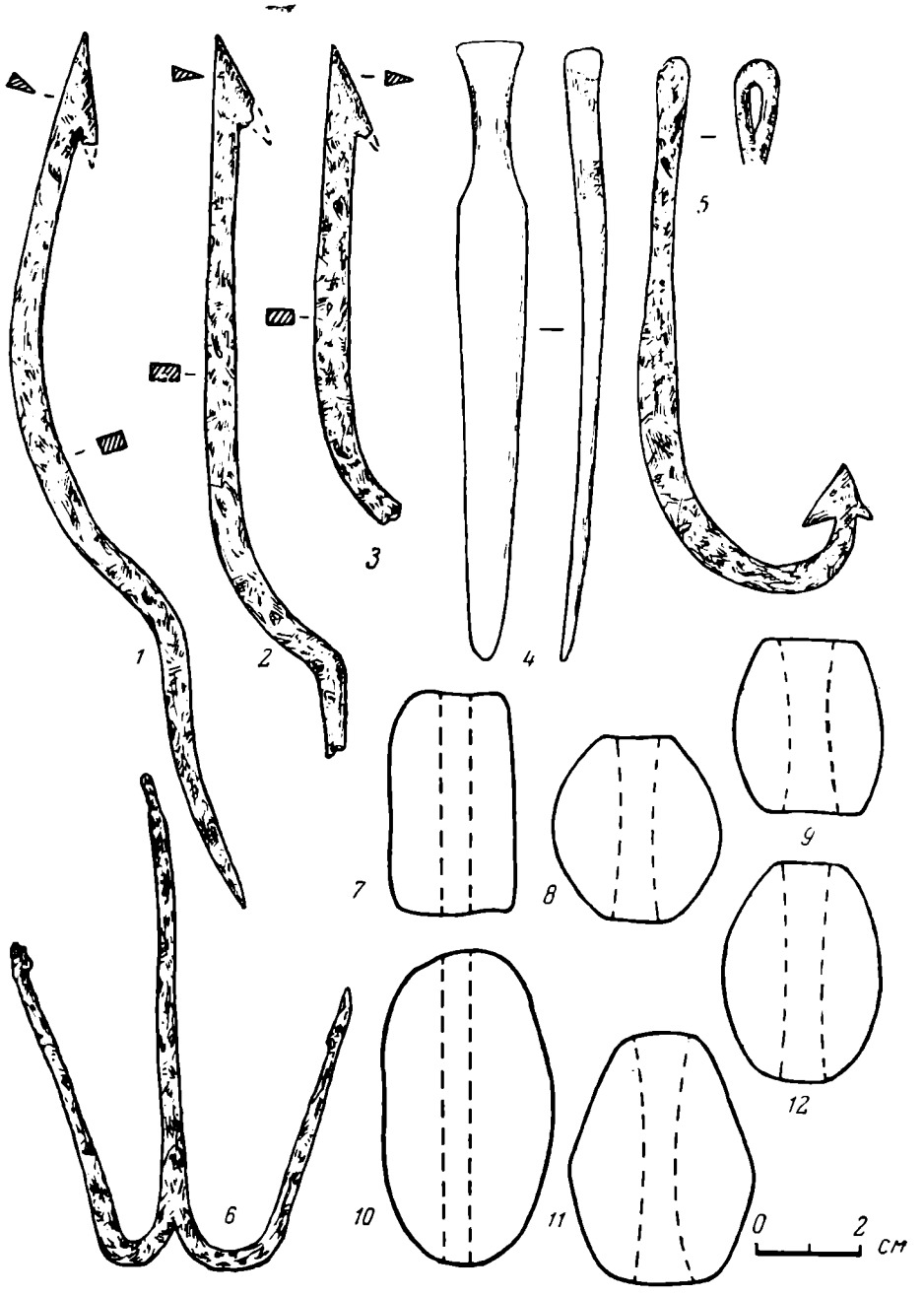


Рис. 3. Разные орудия рыболовства из находок на Донецком городище

1—3 — железные зубья острог, *4* — костяной кочедык, *5—6* — железные крючки (из коллекции Харьковского исторического музея), *7—12* — глиняные грузила

Для выяснения технологии производства железных орудий рыболовства два из них лучшей сохранности: крючок и острога были подвергнуты анализу в лаборатории при кафедре технологии металлов Харьковского автодорожного института.

Производившие анализ А. М. Петриченко, Л. А. Солнцев и Л. Д. Фомин пришли к выводу, что эти орудия изготовлены путем простой кузнечной ковки из мягкого кричного железа с небольшим содержанием углерода и микротвердостью 120—130 *кг/мм*^{2}.

Простота технологии изготовления орудий для рыбной ловли объясняется не тем, что местные жители не умели применять более сложные способы обработки металла. Наоборот, произведенный одновременно анализ микроструктуры и твердости других железных изделий Донецкого городища (ножи, зубила, долота, серп, кресала и пр.) показал, что

местные мастера в совершенстве владели весьма сложными приемами ковки, кузнечной сварки, цементации и термической обработки, известными в древней Руси. Следовательно, при изготовлении таких массовых вещей, как рыболовные крючки и остроги, считалось просто нецелесообразным употреблять сложные приемы обработки, которые значительно удорожали бы стоимость этих орудий. Кстати, кузнецы древнего Новгорода также делали рыболовные крючки из обычного кричного железа, только зуб крюка иногда цементировался [7]. Из двух гарпунов, найденных в новгородских курганах, один также оказался цельножелезным, а другой имел железную основу и наварное стальное лезвие [10].

Возможно, что среди других железных орудий для рыбной ловли, которые еще не подвергались специальному анализу, также окажутся образцы, при изготовлении которых применялась сварка или цементация, так как эти приемы были хорошо известны мастерам Донецкого городища [19].

Весьма большой интерес представляет остеологический материал Донецкого городища. Изучение остатков рыб из археологических памятников позволяет выяснить видовой состав промысловой ихтиофауны данного района и некоторые биологические показатели (размеры, возраст) добывавшихся в то время рыб.

В опубликованных работах дается лишь краткий перечень некоторых видов рыб. Так, В. А. Городцов сообщает о находках на Донецком городище одного вида осетровых, щуки, сома, леща и карпа [2]. А. С. Федоровский упоминает тех же рыб, кроме карпа, и добавляет еще один вид — чебака [3]. Каких-либо подробностей об этих находках ни В. А. Городцов, ни А. С. Федоровский не дают.

Для настоящей работы использована коллекция остатков рыб, собранная во время раскопок на Донецком городище в 1955—1959 гг. экспедицией Харьковского университета под руководством Б. А. Шрамко.

Коллекция содержит 429 костных остатков рыб. Из этого количества можно было определить с точностью до вида 143 кости, что составляет 33,3%. Остальная часть остатков была представлена обломками ребер и некоторых других частей скелета, которые можно было определить только как остатки рыбы вообще. Кроме костей, в коллекции имеется чешуя рыб.

Определение видовой принадлежности ископаемых остатков и восстановление размеров рыб производились по методике, описанной В. Д. Лебедевым [16]. Для осетра и сома вычислялась абсолютная длина тела (L), для всех остальных рыб — длина от вершины рыла до конца чешуйчатого покрова (l). Возраст рыб определялся по позвонкам, чешуе и поперечным шлифам колючих лучей грудного плавника.

Определимые остатки из слоев эпохи Киевской Руси (X—XIII вв.) принадлежат следующим видам рыб:

Семейство осетровых — Acipenseridae

Осетр — Acipenser guldenstadti Br. Осетру принадлежат два колючих луча грудного плавника dext, один экземпляр боковой жучки и обломок покровной кости. Размеры особей осетра, которым принадлежат эти остатки,—70 *см*, возраст 6 и 7 лет. По размерам осетр, найденный на Донецком городище, не превосходит современного.

Семейство щуковых — Esocidae

Щука — Esox lucius L. В коллекции находится чешуя и 34 кости этого вида: dentale sin 2 экз., dext 2 экз., articulare sin 1 экз., dext 1 экз., parasphenoideum 1 экз., palatinum sin 2 экз., ceratohyale sin 1 экз., hyomandibulare dext 2 экз., cleithrum sin 5 экз., dext 3 экз., позвонки 14 экз.

Размеры раб, восстановленные по 17 костям, не превышают размеров современных щук и составляют следующий ряд:

Длина рыб, *см*	20—25	—30	—35	—40	—45	—50	—55	—60	—65	M ± m
Количество экземпляров	1	—	4	5	3	—	1	1	2	42,04 ± 1,26

В промысловых уловах жителей Донецкого городища встречается щука возрастом от 4 до 10 лет. Количественно эти остатки распределяются следующим образом:

Возраст	4	5	6	7	8	9	10
Количество экземпляров	7	12	1	3	1	—	1

Семейство карповых — Cyprinidae

Плотва — Rutilus rutilus (L.). Плотве принадлежат девять остатков: глоточная кость sin 2 экз., dext 5 экз., operculum dext 1 экз., cleithrum sin 1 экз. Длина рыб равняется 12,6; 13,3; 15,2; 15,7; 19,0; 19,0; 25,3; 25,5; 27,7 *см*; а в среднем 19,2 *см*. Современная плотва по размерам значительно меньше. По данным Л. С. Берга [17], плотва из бассейна Нижнего Дона имеет средний размер 11,5 *см*.

Красноперка — Scardinius erythrophthalmus (L.). Этому виду принадлежит глоточная кость sin 1 экз., и cleithrum dext 1 экз. Длина рыб: 27,5 и 27,7 *см*. Современная краснопёрка имеет среднюю длину 20—25 *см*.

Лещ — Abramis brama (L.). В коллекции обнаружена чешуя и 13 костей этого вида: глоточная кость sin 1 экз., urohyale 2 экз., operculum sin 2 экз., praeoperculum sin 1 экз., interoperculum sin 1 экз., dext 2 экз., cleithrum sin 4 экз.

По 13 костям удалось восстановить размеры леща:

Длина рыб, *см*	26—28	—30	—32	—34	—36	—38	—40	—42	—44	—46	M±m
Количество экземпляров	1	—	—	—	—	4	2	2	2	1	38,8±0,8

Лещ из Донецкого городища имеет возраст от 10 до 15 лет:

Возраст	10	11	12	13	14	15
Количество экземпляров	5	3	7	9	3	2

Размеры и возраст современного леща значительно меньше. По данным Н. А. Дмитриева [18], азовский лещ имеет средние промысловые размеры 27—35 *см* и возраст 4—6 лет.

Синец — Abramis ballerus (L.). Синцу принадлежат шесть костей: urohyale 1 экз., hyomandibulare sin 1 экз., dext 1 экз., operculum sin 1 экз., cleithrum sin 2 экз. Размеры рыб: 23,4; 25,0; 25,0; 26,5 *см*, в среднем

25,0 *см*. Таким образом, синец из Донецкого городища по размерам не превосходит современного.

К а р а с ь — Carassius carassius (L.). Из семейства карповых карасю принадлежит наибольшее количество остатков. В коллекции обнаружено 32 кости этого вида: dentale sin 1 экз., dext 1 экз., urohyale 1 экз., orbitale sin 1 экз., hyomandibulare sin 1 экз., dext 1 экз., operculum sin 6 экз., dext 7 экз., interoperculum dext 1 экз., praeoperculum dext 1 экз., suboperculum sin 2 экз., cleithrum sin 3 экз., dext 4 экз., колючий луч спинного плавника 2 экз. По 21 кости были восстановлены размеры рыб:

Длина рыб, *см*	18—20	—22	—24	—26	—28	—30	— 32	— 34	—36	M±m 27,67±0,72
Количество экземпляров	1	1	1	1	7	3	3	1	1	

Следовательно, по размерам карась из Донецкого городища значительно превосходит современного. В бассейне р. Костромы (приток Волги) средний размер карася равен, по данным Л. С. Берга, 18,5 *см*.

С а з а н — Cyprinus carpio L. В коллекции обнаружен один обломок колючего луча спинного плавника, принадлежащий сазану длиной около 50 *см*.

С е м е й с т в о с о м о в ы х — Siluridae

С о м — Silurus glanis L. Сому принадлежат четыре остатка: колючий луч грудного плавника sin 2 экз., dext 1 экз., позвонок 1 экз. Размеры рыб 123, 129 и 157 *см*. Возраст 7 лет. Размеры сомов из Донецкого городища не превышают размеров современного сома.

С е м е й с т в о о к у н е в ы х — Percidae

О к у н ь — Perca fluviatilis L. Обнаружена чешуя и 20 костей этого вида: dentale dext 1 экз., articulare sin 1 экз., orbitale sin 1 экз., dext 1 экз., operculum sin 1 экз., dext 4 экз., praeoperculum dext 5 экз., parasphenoideum 2 экз., cleithrum sin 1 экз., тазовая кость dext 1 экз., колючие лучи спинного плавника 2 экз.

По 17 костям удалось восстановить размеры окуня:

Длина рыб, *см*	18—	20—	22—	24—	26—	28—	30—	32—34	M±m 27,95±0,58
Количество экземпляров	1	3	1	1	1	4	5	1	

В уловах жителей Донецкого городища встречается окунь возрастом от 4 до 9 лет:

Возраст	4	5	6	7	8	9
Количество экземпляров	3	9	8	6	6	3

Средний размер современного окуня в Псковском водоеме [14] равен 15,36 *см*, т. е. значительно меньше среднего размера окуня из Донецкого городища.

Р а з н ы е р ы б ы (Pisces species). В эту группу отнесены 286 обломков различных костей, которые из-за отсутствия характерных признаков

могли быть определены только до класса. Это, в основном, обломки ребер и лученосцы.

Остеологический материал для характеристики рыбной ловли в период существования раннеславянского поселения роменской культуры (VIII—X вв.) оказался значительно беднее. Определимые остатки, относящиеся к этому времени, принадлежат следующим видам рыб:

Семейство щуковых — Esocidae

Щука — Esox lucius L. Найдена чешуя и четыре кости этого вида: cleithrum sin 1 экз., dext 1 экз., позвонки 2 экз. Размеры рыб: 30 и 51 *см*. Возраст от 4 до 6 лет.

Семейство окуневых — Percidae

Окунь — Perca fluviatilis L. Окуню принадлежат чешуя и восемь костей: dentale sin 1 экз., operculum sin 1 экз., praeoperculum sin 1 экз., dext 3 экз., suboperculum dext 1 экз.; cleithrum sin 1 экз. Размеры рыб: 24,5; 28,5; 29,0; 30,0; 30,5 *см*, в среднем 28,5 *см*. Возраст окуня от 6 до 9 лет, в среднем 7 лет.

Таким образом, если для раннеславянской эпохи VIII—X вв. мы располагаем пока сравнительно небольшим материалом, характеризующим местное рыболовство, то для последующего периода X—XIII вв. можно достаточно уверенно сделать некоторые общие выводы.

Находки большого количества орудий для ловли рыбы при помощи сетей, неводов, острог и, по-видимому, блесен, а также остеологические остатки разнообразной ихтиофауны свидетельствуют о том, что рыболовство в хозяйстве жителей Донецкого городища играло существенную роль, будучи важным подсобным промыслом. Наряду с промысловым ловом рыбы население древнерусского города Донца занималось ловлей рыбы на удочку.

Судя по остаткам костей, в X—XIII вв. местные жители добывали 11 видов рыб. Соотношение этих видов в уловах видно на следующей таблице.

Виды рыбы	Абсолютное количество	%
Щука	24	22,5
Карась	23	21,5
Окунь	17	15,9
Лещ	13	12,5
Плотва	9	8,5
Синец	5	4,6
Линь	5	4,6
Осетр	4	3,7
Сом	4	3,7
Красноперка	2	1,9
Сазан	1	0,9

Приведенные данные показывают, что основу промысла составляли карась, щука, окунь и лещ. По размерам большинство видов рыб из раскопок на Донецком городище не превосходит современных видов. Однако следует отметить, что карась, плотва, лещ и окунь таких размеров в современном промысле встречаются сравнительно редко. Лещ и окунь в уловах того времени были значительно более старших возрастов, чем в современных уловах.

Наличие остатков карася и линя свидетельствует о том, что промысел производился в заливах, старицах и других придаточных водоемах.

Литература

1. В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русский исторический сборник, III, кн. 3, М., 1839, стр. 211—216.
2. В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII Археологического съезда. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 110—121.
3. О. Федоровский. Археологічні розкопи в околицях Харкова. ХРАМ, ч. 1, Київ, 1930, стр. 5—10.
4. ПСРЛ, II, ч. 3, СПб., 1843, стр. 134.
5. П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, МИА, 8, 1948, стр. 99, табл. XVII, *3*.
6. И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 25, рис. 11, *1—3*.
7. Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 76—78, 100, рис. 64, *7—8*.

8. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК. 15, 1905, стр. 69, рис. 144.
9. М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952, стр. 59, рис. 8.
10. Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, 32, М., 1953, стр. 102.
11. В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 32, 1956, стр. 117—119, рис. 4, *1—4, 5—8.*
12. М. Г. Рабинович. Крепость и город Тушков. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 277, рис. 15 и др.
13. Л. П. Сабанеев. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1959, стр. 577, рис. 205; стр. 643; рис. 254; стр. 645; рис. 257.
14. Г. Баликов. Блесны для ловли нахлыстом. Сб. «Рыболов-спортсмен», 14, 1960; С. Бушуев. Блесна из ракушки. Сб. «Рыболов-спортсмен», 14, 1960, стр. 169 сл.
15. Б. И. и В. И. Ханенко. ДП, V, 1902, табл. V, 76.
16. В. Д. Лебедев. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М., 1960.
17. Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. М., 1948—1949, ч. 1—3.
18. Н. А. Дмитриев. Лещ Азовского моря. Тр. Азово-Черноморской научно-промысловой экспедиции, 6, М., 1931.
19. Б. А. Шрамко, О. М. Петриченко, Л. О. Солнцев, Л. Д. Фоміи. Дослідження староруських залізних виробів Донецького городища. Нариси з історії техніки, вып. 7, Київ, 1961, стр. 74 и сл.

М. А. БУБНОВА

К ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Рудничный район Шельджи)

Наиболее интенсивная разработка свинцово-серебряных месторождений в Средней Азии относится к IX—X вв. В средневековых письменных источниках отмечен ряд центров добычи серебра. Одним из крупнейших был район Илака (современные Карамазарские горы). Наряду с ним довольно часто упоминается Шельджи, входивший в состав округи г. Тараза. Под этим названием у средневековых восточных авторов фигурируют не только горы и серебряные рудники, но также небольшой город и прилегающий к нему район с городами Сус, Куль и Текабкет [1] [1—3].

Разными исследователями неоднократно делались попытки связать область Шельджи с определенным районом, а города Шельджи, Сус, Куль и Текабкет отождествить с конкретными памятниками.

В. В. Бартольд [4—6], командированный в 1893 г. в Среднюю Азию для исследования памятников древности, посетил и долину Таласа. Он описал развалины городищ Садыр-Курган (1) [2] и Ак-Тепе I (56) у с. Орловки, расположенных в восточной части Таласской долины (рис. 1) (в настоящее время — территория Киргизской ССР). Правильно заключив, что г. Тараз находился на месте г. Аулие-Ата (современный г. Джамбул Казахской ССР), В. В. Бартольд высказал предположение, что г. Шельджи расположен южнее г. Тараза и соответствует развалинам древнего городища Садыр-Курган (1). Позже, возвращаясь к истории Таласской долины, он писал: «В Таласском Алатау, где был небольшой город Шельджи и несколько селений, были серебряные рудники, которые, по-видимому, могли выдержать соперничество с рудником в долине Ангрена... Какое значение придавали серебряным рудникам Таласского Алатау (до сих пор, насколько известно, вновь не найденным), видно из того, что в небольшом городе Шельджи было большое число иностранцев...» [6].

После В. В. Бартольда изучением древних памятников района занимался с 1896 г. В. А. Каллаур. Его исследования ограничились регистрацией, описанием и публикацией вновь открытых древних поселений. Так, кроме уже известного Садыр-Кургана (1), им опубликованы в протоколах Туркестанского кружка любителей археологии за 1896—1899 гг. краткие сведения о поселениях на р. Карабуре (21), Чалдывар (41), Ак-Тепе I (68) у г. Таласа и турткули в местности Айртам-ой (95), Кулан-сай и на р. Калбе (102).

---

[1] Данные о Шельджи имеются у Истхари, ибн-Хаукаля, Макдиси, Самани, Якута, Абу-л-Феды.

[2] Цифры в скобках соответствуют археологическим памятникам, обозначенным под этими же номерами на карте и в приложении с перечнем названий.

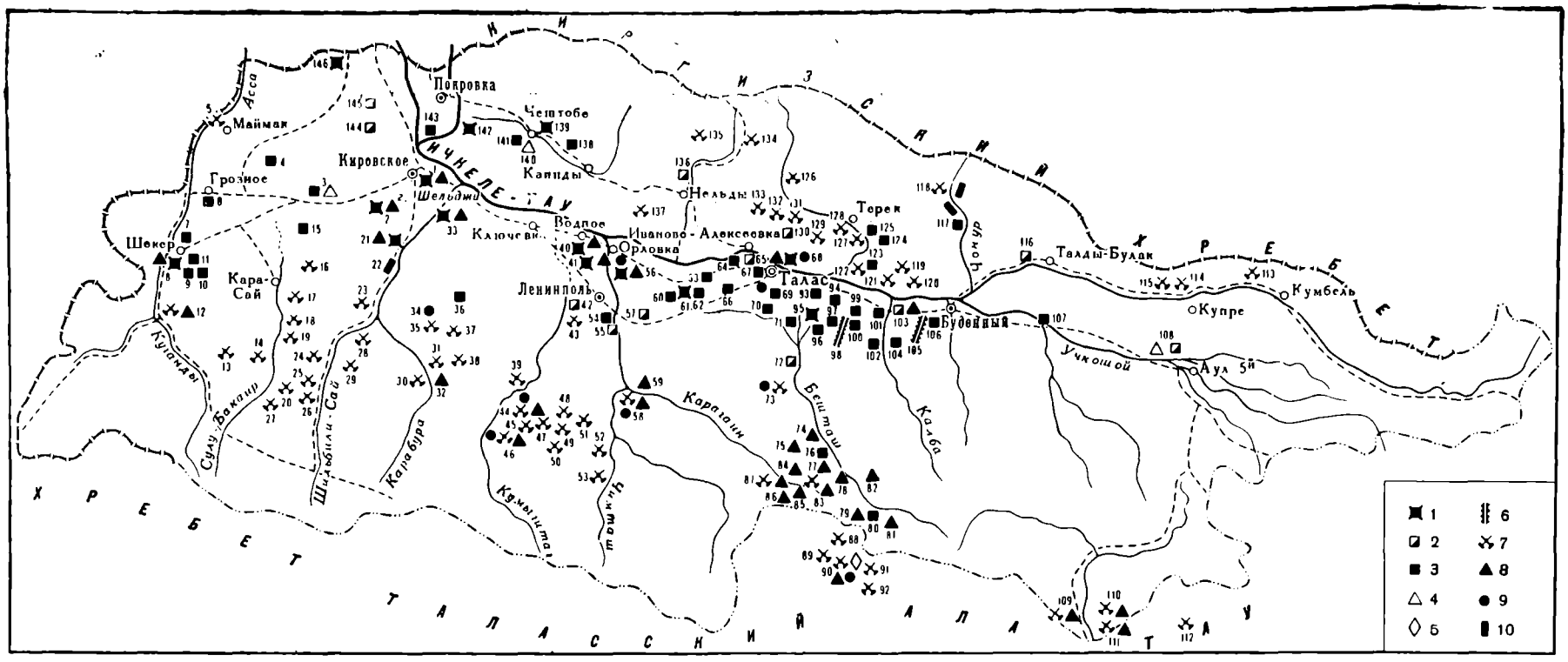


Рис. 1. Размещение поселений и древних выработок Шельджи IX—XII вв. 1 — городища, 2 — укрепленные поселения, 3 — турткули, 4 — тепе, 5 — рудничные поселения, 6—валы, 7 — древние выработки, 8 — шлаки, 9—плавильные печи, 10—разработки рассыпного золота.

1 — Садыр-Курган, *2* — Чимкентское, *3* — Турткуль и тепе (безымянные), *4*—Кара-Тепе, *5* — Асса, *6* — Грозное, *7* — Шекер, *8* — Шекер I. *9*—Шекер II, *10* — Ак-Мечеть *11*—Ак-Мечеть I, *12* — Кок-Сай, *13* — Бабакан, *14* — Куру-Бакаир, *15* — Ахчи, *16* — Ельчи, *17* — Узун-Валы, *18* — Каратаг, *19* — Ат-Джайляу, *20* — Туюктор, *21* — Карабура, *22* — Карабура I, *23* — Шильбили-Сай, *24* —Джол-Сай, *25* — Куру-Четинди, *26* — Талды-Булак, *27* — Май-Бель, *28* — Кой-Булак, *29* — Сагызкан, *30* — Дарбазакол, *31* — Тайты, *32* — Карабура, *33* — Бейшеке, *34* — Текели I. *35* —Текели, *36* —Сарымсак, *37* — Сарымсак I, *38* — Сарымсак II, *39* — Ширальджин, *39а* — Тюкту-Арча, *39б* — Тюкту-Арча I, *40* — Минг-Булак у с. Водное, *41* — Чалдывар, *42* — Кумуштаг, *43* — Кумуштаг I, *44* — Уч-Эмчек, *45* — Басат, *46* — Кичи-Конуртюбе, *47* — Чон-Конуртюбе, *48* — Ельчи I, *49* — Кызылбель, *50*—Ак-Таш, *51* — Калалы-Кепташ, *52* — Карагайлы, *53*—Чинмташское, *54* — Урмарал, *55* — Урмарал I, *56* — Ак-Тепе I у с. Орловки. *57* — Маданият, *58* — Каракоюн (Карагоин), *59*—Каракоюн I (Карагоин), *60* — Кен-Арал, *61*— Кен-Арал I, *62* — Кен-Арал II, *63* — Кен-Арал III, *64* — Талас, *65* — Талас I, *66* — Турткуль (безымянный), *67* — Иогансдорф, *68* — Ак-Пепе, *69* — Турткуль (безымянный), *70* — Эрагуль, *71* — Туйте-Арык, *72* — Бешташ, *73* — Тегерек, *74* — Каинды, *75* — Чон-Туякомур, *76* — Бешташ I, *77* — Каиндыколот, *78* — Карагайлы I, *79* — Терек-Туюктор, *80* — Бешташ II, *81* — Бешташ III, *82* — Чон-Тюбей, *83* — Каракоюн (Карагоин) II, *84* — Кыркель, *85* — Каракоюн III (Карагоин), *86* — Пепши, *87* — Сарыбий, *88* — Терек, *89* — Кен-Тор, *90* — Чат-Карагай, *91* — Кен-Шаныk, *92* — Курган, *93* — Коктокой, *94* — Кырказык, *95* — Каскан-Тюбе, *96* — Айртам-ой, *97* — Айртам-ой I, *98* — Вал к востоку от урочища Айртам-ой, *99* —Бельдурук, *100* — Бельдурук I, *101* — Калба, *102* — Калба I, *103* — Калба II, *104* — Калба III, *105* — Остатки длинной стены, *106* — Джаны-Кирман, *107* — Чон-Чичкан, *108* — Чон-Кокту, *109* — Кашкасай, *110* — Джалибек, *111* — Чон-Арык, *112* — Чичкан, *113* — Акташ I, *114* — Купре, *115* — Узун-Булак, *116* — Курган, *117* — Барколь, *118* — Чонур, *119* — Джангыз-Арча, *120* —Кара-Кыштоо, *121* — Кара-Кунгей, *122* — Кенкол, *123* — Кенкол I, *124* — Терскёл, *125* — Терскёл I, *126* — Бешкесу, *127* — Боорду, *128* — Ийри-Колот, *129* — Шаркратма, *130* — Кулан-Сай, *131* — Терек-Сай, *132* — Котур, *133* — Ключевое, *134* — Утрь (Отур), *135* — Ачук-Таш, *136* — Нельды, *137* — Ичкели-Тау, *138*—Каинды I, *139* — Чеш-Тепе, *140*—Чеш-Тепе I, *141* — Чон-Каинды, *142* — Покровское, *143* — Капкинское, *144* — Май-Бель I, *145* — Серафимовское, *146* — Джуван-Тепе

В 1923 г. восточную окраину Таласской долины посетил П. П. Иванов [7, 8]. Он опубликовал план одного из крупнейших поселений района — городища Ак-Тепе (68) и дал подробное описание его. Им впервые были опубликованы также краткие сведения о древних выработках в урочище Джангыз-Арча (119) и отмечено, что процветание г. Шельджи было целиком связано с существованием здесь серебряных рудников. П. П. Иванов высказал предположение, что Ак-Тепе (68) соответствует г. Шельджи; впоследствии это не подтвердилось.

В 1928 г. поездку в долину р. Талас совершил М. Е. Массон. К сожалению, ни в одной работе, где он впоследствии касается истории Таласской долины как крупного горно-металлургического центра X—XI вв. с солидной рудной базой, не приводится собранный им во время этой поездки фактический материал, за исключением краткой справки о горных инструментах из древней выработки и в урочище Джангыз-Арча [9, 10]. Однако необходимо отметить, что при разборе письменных источников им был сделан существенный вывод, подтвержденный исследованиями последних лет, о том, что «арабскими географами различались два понятия — город Шельдши и округ Шельджи, но никакого... рудника Шельджи не существовало» [11]. Это было особенно важно, так как большинство исследователей, особенно геологи, стремились найти именно рудник Шельджи. В 1953 г. была опубликована краткая справка еще об одной большой древней разведочной выработке на месторождении Бабакан [12].

Поселения долины М. Е. Массон отождествлял с городами письменных источников: Кунтумыш-Шельджи, Садыр-Курган (1) — Сус, Ак-Тепе I (56) — Куль и Ак-Тепе (68) — Текабкет,— которые он охарактеризовал как крупные металлургические центры. Сопоставление Кунтумыша и Садыр-Кургана не подтвердилось ни работами А. Н. Бернштама, ни последующими изысканиями.

В деле изучения поселений восточной окраины Таласской долины значительный шаг вперед был сделан А. Н. Бернштамом, который руководил работами Семиреченской археологической экспедиции (1936—1938 гг.). В результате работ экспедиции, главной задачей которой явилось изучение г. Тараза, был собран материал к археологической карте верхней части бассейна р. Талас.

На основании полученных данных А. Н. Бернштам дал следующую общую схему развития оседлых поселений Таласской долины. Все известные развалины городов и небольших поселений возникли в VI—VIII вв. на базе согдийских колоний. Максимальное заселение территории в X в., развитие земледельческой культуры и активное втягивание в городскую жизнь кочевого населения он объяснил следствием второй согдийской колонизации. В послемонгольский период в городах верхней части Таласской долины сравнительно интенсивная жизнь продолжалась во времена тимуридов, поддерживалась в XV в. и прекратилась не позже XVI в. [13—19].

А. Н. Бернштам отождествил перечисленные Макдиси города с поселениями городского типа в следующем порядке: Садыр-Курган (1) — Шельджи, Чалдывар (41) — Сус, Ак-Тепе I (56) — Куль и Ак-Тепе (68) — Текабкет. Полученные в последние годы новые материалы подтвердили правильность этих отождествлений. Однако при характеристике развития оседлых поселений Таласской долины А. Н. Бернштам допустил ряд неточностей в части датировок таких поселений, как Ак-Тепе I (56) и Ак-Тепе (68). Это было вызвано недостаточным знакомством с самими памятниками. Ему было известно 11 поселений (№ 1, 6, 8, 40, 41, 42, 56, 65, 67, 68, 139). Кроме основных раскопок на городище Садыр-Курган (1), небольшие шурфы были заложены только на трех поселениях (№ 41, 56 и 68) и, как правило, не были доведены до материка. Сведения же о древней горной промышленности были ограничены незначитель-

ными материалами, свидетельствующими о плавке железа на городище Садыр-Курган (1), что вызывает сомнения. Дело в том, что в районе до сих пор геологами не обнаружено ни одной древней выработки, пройденной с целью добычи железа. Наконец, поселения верхней части долины А. Н. Бернштам рассматривал лишь как округу г. Тараза, не связывая их развитие в IX—XII вв. с развернувшейся здесь добычей серебра.

Краткие сведения об отдельных древних выработках собраны автором преимущественно в специальной геологической литературе и не использовались ранее при изучении истории восточной окраины Таласской долины. Привести эту литературу в настоящей статье не представляется возможным.

Таким образом, до 1956 г. разными исследователями было зарегистрировано 16 поселений и 28 пунктов со следами древних выработок и плавки руды.

В результате четырех лет работы в составе Таласского отряда Киргизской археологической экспедиции 1956—1960 гг. (руководитель П. Н. Кожемяко) [3] и учета данных, имеющихся в фондах Геологического управления Киргизской, Узбекской и Казахской ССР, автором составлена карта археологических памятников района и получены материалы, которые восполняют определенные пробелы относительно истории Шельджи IX—XII вв. В частности, они позволяют поставить вопрос о зависимости развития оседлости в этом районе от разработки полезных ископаемых и связанной с ней металлургией, а также более конкретно определить границы средневековой области Шельджи.

В настоящее время зарегистрировано 70 древних поселений [4]. Прежде чем перейти к вопросам их датировки, необходимо остановиться на материалах, полученных при раскопках городища Ак-Тепе I (56). Стратиграфия, анализ строительной техники и керамики позволили довольно четко выделить четыре хронологических периода в истории развития данного поселения.

I. VII—VIII вв. Для керамики этого времени характерны лепные круглодонные шаровидные котлы (отличные от котлов, бытовавших в Шаше и Согде) и лепные крышки с примитивным врезным орнаментом. Кружки, часто встречавшиеся в Согде и Шаше, здесь найдены в незначительном количестве. Кувшины и горшки однообразны и редко орнаментированы врезным линейным или волнистым орнаментом. Редко применялось лощение поверхности.

II. IX—X вв. Продолжают бытовать прежние формы котлов. Крышки котлов отличаются от ранних богатым разнообразием врезного орнамента, а также наличием круглого штампа с геометрическим и растительным орнаментом. Кувшины и горшки характеризуются большим разнообразием профилировки горловин и орнаментацией штампом. Широко применяется лощение. Новыми формами, которые входят в быт, вероятно, не ранее конца X в., являются тагора, сделанные на гончарном круге с волнистым врезным орнаментом по широкой плоской закраине. Полива, как

---

[3] Автор участвовал в раскопках на городище Ак-Тепе (68) и Чимкентское (2) под руководством П. Н. Кожемяко, а также руководил раскопками на городище Ак-Тепе I (56), Бешташ (72) и обследовал со снятием глазомерных планов ряд поселений (№ 1—4, 7, 8, 15, 33—36, 40—42, 56, 64—72, 76, 94, 99—101, 106—138, 116, 117, 136, 138—142). Автором были открыты новые, ранее не известные поселения: № 4, 7, 15, 33, 36, 57, 64, 69—71, 76, 94, 107, 117, 138, 141. Был обследован также ряд древних выработок и мест переработки руды (35, 37, 73, 74, 77, 78, 82, 91, 92, 118). Сведения о местонахождении не известных автору поселений (№ 9—11, 21, 54, 55, 60—63, 94—98, 102—106, 108, 110, 116, 123—125, 136, 139, 144—146) и возможность ознакомиться с материалами раскопок, были любезно предоставлены П. Н. Кожемяко, за что автор приносит ему глубокую благодарность.

[4] Поселения № 144—146, находящиеся в настоящее время на территории Киргизской ССР, в IX—XII вв. входили непосредственно в округу г. Тараза, так как находились за пределами границ области Шельджи, как будет видно из дальнейшего.

правило, отсутствует; встречены только фрагменты ранней среднеазиатской поливной посуды IX—X вв. Встречаются следы металлургического производства в виде шлаков. Мелкую дробленую крошку шлаков добавляли в глиняное тесто для изготовления сковородок и тануров.

III. XI—XII вв. Приемы изготовления керамических изделий и формы резко отличаются от предыдущих. Круглодонные лепные котлы вытесняются плоскодонными, изготовленными на гончарном круге. Появляются крышки, изготовленные на гончарном круге (плоские, вогнутые, штампованные, с богатым орнаментом). Лепные крышки, продолжавшие бытовать в это время, украшаются только простым однообразным орнаментом. Горшки и кувшины разнообразны и по форме и по богатству орнамента. Заливка верхней части красным, коричневым и черным ангобом с потеками, обязательная для котлов, встречается и на остальной посуде. Поливная посуда многочисленна, хотя и не всегда хорошего качества. Среди нее встречаются образцы лимонно-желтой и оранжеватой поливы, что было в свое время отмечено и для Тараза А. Н. Бернштамом [15]. Это такого же типа полива, которую М. Е. Массон считает локальной особенностью шашско-ахангеранской керамики [20]. Однако такая полива характерна также для Таласской долины и для соседней Кетмень-Тюбинской, о чем автору любезно сообщил И. К. Кожембердиев. Все эти районы в средние века в большей или меньшей степени были связаны с добычей серебра. В связи с этим мы считаем, что полива желтых тонов имеет более широкий ареал распространения и является локальной особенностью районов, связанных с переработкой свинцово-серебряных руд, так как окись серебра в соединении со свинцом дает желтые и оранжевые оттенки [21].

IV. XIV в. В верхних слоях на территории рабада и в подъемном материале встречены единичные фрагменты посуды с синей поливой и черной подглазурной росписью.

При сопоставлении керамических материалов с остальных поселений, раскопанных П. Н. Кожемяко, с материалами с Ак-Тепе 1 (56) оказалось, что они, за незначительными исключениями, совершенно идентичны. Таким образом, хронологическую схему, разработанную для поселения Ак-Тепе I, можно принять как основу при датировке других поселений. Это обосновано не только количественным преимуществом керамики с Ак-Тепе I (58), но и большим разнообразием форм по сравнению с материалами остальных поселений.

В результате сопоставления материалов со всех поселений их можно разделить по времени возникновения на три группы.

1. В VII—VIII вв. возникли поселения Ак-Тепе I (56) и Садыр-Курган (1) (последнее подтверждено раскопками А. Н. Бернштама). К этому же времени П. Н. Кожемяко относит появление Ак-Тепе (68). Все эти поселения располагаются вдоль левого берега р. Талас, в районах наиболее удобных для земледелия.

2. В IX—X вв. возникает ряд новых поселений, в том числе и крупных «городского типа»: Чалдывар (41), Чеш-Тепе (139), возможно, Чимкентское (2), Карабура (21), Каскан-Тюбе (95), Покровское (142), Айртам-ой I (97). В это же время площадь ранее возникших поселений заметно увеличивается, начинается заселение территории рабада. В слоях этого времени на ряде поселений обнаружены следы металлургического производства в виде остатков печей и шлаков.

3. К XI в. следует отнести возникновение небольших поселений «городского типа», мелких укрепленных и неукрепленных поселений, таких как Шекер I (8), Бейшеке (33), Минг-Булак у с. Водное (40) [5], Бешташ (72), Айртам-ой (96) и др.

---

[5] Поселение было открыто А. Н. Бернштамом в 1939 г. и определено им как турткуль с укрепленным валом. При обследовании его автором в 1959 г. оказалось,

Среди поселений, существовавших в период IX—XII вв., можно выделить по топографическим данным и частично по культурным остаткам четыре типа.

1. Поселения городского типа. По планировке они подразделяются на две группы. К первой относятся те, которые возникли в VII—VIII вв. и в IX в. приобрели черты средневекового города со сложной планировкой. В их состав входит цитадель, шахристан, рабад и сложные системы укреплений. Они имеют мощные культурные слои IX—XI вв. Ко второй группе относятся те, которые появились в IX—XI вв. Для них характерна более упрощенная планировка и меньшие размеры; не на всех есть цитадель. Культурные слои IX—XI вв. на наиболее крупных поселениях достаточно мощные. Большинство из них расположено ближе к предгорьям. Общим для большинства этих поселений является наличие в слоях IX—XI вв. следов металлургического производства в виде шлаков и остатков печей. Особенно выделяются в этом отношении городища Чалдывар (41) и Ак-Тепе I (56), видимо, наиболее крупные металлургические центры.

2. Укрепленные поселения, возникшие в IX—XI вв. Как правило, они четырехугольные или прямоугольные в плане, небольших размеров, обнесены валом с башнями. Культурный слой незначительный (№ 42, 55, 57, 65, 72, 103, 108, 116, 130, 136). Большинство поселений располагается вблизи устьев больших ущелий, ведущих к основным месторождениям, разрабатывавшимся в древности (Сарымсакское, Текели, Кумыштаг, Урмарал, Бешташ, Кенкольское).

3. Мелкие селения типа турткулей, возникшие в IX—XI вв. Небольшие, прямоугольные или четырехугольные в плане, они имеют незначительный культурный слой. Керамика этих поселений грубая, однообразная, поливная встречается очень редко. Их окружает сильно оплывший, небольшой высоты наружный вал. Все они группируются вокруг крупных поселений и составляют их сельскую округу.

4. Небольшие поселки рудокопов. Для характеристики этого типа поселений в настоящее время слишком мало данных. В фондах Геологического управления Киргизской ССР хранится план древнего рудничного поселения, снятый геологом Ф. Г. Кравченко на месторождении Чат-Карагай (90). И. А. Чеканинский упоминает о большом поселении в районе месторождения Уч-Эмчек (44) [22]. Возможно, поселком рудокопов следует считать следы древних построек, остатки печей и шлаки, которые находятся в 4—5 *км* от месторождения Тюкту-Арча I (39б) [6]. Мелкие поселения типа турткулей имеются непосредственно и в самих ущельях Сарымсак (36), Бешташское (76, 80), Кенкольское (123, 124, 125), Чонурское (117). Однако являлись ли последние поселками рудокопов или выполняли функцию транзитно-перевалочных пунктов — без раскопок установить трудно.

Заметный упадок жизни на поселениях области Шельджи наблюдается к концу XII в., но с монгольским нашествием городская жизнь не прекратилась совершенно. Отдельные поселения были заселены и в XIII—XIV вв. Это было подтверждено еще раскопками А. Н. Бернштама на Са-

---

что это городище. Оно состоит из «шахристана», прямоугольного в плане (115 × × 105 *м*), без цитадели. Хорошо сохранившаяся стена с четкими контурами башен достигает в настоящее время 6—7 *м* высоты. Внутри остатки построек прослеживаются в виде бугров и впадин. Площадь за пределами центральной части была заселена в радиусе 500—800 *м*. Подъемный материал, собранный с большой площади, датируется XI—XII вв., что было подтверждено в 1960 г. и раскопками П. Н. Кожемяко. Возникновение поселения можно связать с ростом металлургического центра Сус — теперь городище Чалдывар (41), расположенного в 2 *км* южнее. Поселение Минг-Булак представляет своего рода небольшой город-крепость, где также отмечены следы металлургического производства.

[6] Сведения получены от геолога А. А. Конюк.

дыр-Кургане (1) и Ак-Тепе (68), а в последующие годы — П. Н. Кожемяко и автором.

Кроме поселений, в настоящее время известно 78 древних выработок и мест плавки руды [23, 24].

Б. А. Литвинским было высказано предположение о возможности добычи свинца в горах Таласского Алатау в эпоху бронзы [25]. Ранние материалы с самых древних выработок ограничиваются находками железного серповидного ножа вместе с керамикой ручной лепки, найденными на месторождении Узун-Валы (17) [26], и трехгранной железной стрелки III—V вв., обнаруженной геологами на месторождении Текели. Среди серебряных вещей, найденных в исследуемом районе, известны две серьги андроновского времени из могильника Таш-Тюбе II в бассейне р. Нельды [27][7] и украшения из Кенкольского могильника [28]. Однако установить, были ли они изготовлены из местного серебра, в настоящее время не представляется возможным.

Все эти данные не позволяют с уверенностью говорить о разработке свинцово-серебряных месторождений до IX в. Тем не менее она могла иметь место, хотя бы в незначительных масштабах и носить случайный характер. Вряд ли добыча руды и ее переработка до IX в. могла играть существенную роль в экономической жизни района. Основным занятием населения в то время было земледелие и скотоводство.

Иная картина наблюдается в IX и XI вв. В письменных источниках этого времени появляются сообщения о серебряных рудниках Шельджи (Истахри, Макдиси). Именно благодаря своим серебряным рудникам район становится известным далеко за пределами Таласской долины[8]. Археологические материалы подтверждают данные письменных источников. На ряде выработок: месторождения Текели (35), Сарымсак I (37), Уч-Эмчек (44), Тегерек (73), Кентор (89), Курган (92) и Кен-Шаныk (91) — обнаружен вещественный материал, относящийся к IX—XI вв.

Несомненно, основная масса древних выработок разрабатывалась именно в IX—XI вв., что не могло не отразиться на развитии поселений данного района. Быстрый рост городов и их сельской округи в это время целиком зависел от интенсивности разработки полезных ископаемых района. Следовательно, добыча свинцово-серебряных руд и их переработка с целью получения серебра заняли в это время существенное место в экономической жизни района.

Таким образом, густая сеть месторождений, разрабатывавшихся в основном в IX—XI вв., и как следствие этого быстрое заселение этой области позволяют определить более конкретно границы средневековой области Шельджи. Последняя занимала территорию, ограниченную в настоящее время с севера Киргизским хребтом (бывший Александровский), а с юга — горами Таласского Алатау. На востоке оба хребта, постепенно сближаясь, соединяются в районе перевала Аксу. На западе граница проходила по р. Куркурёусу и горам Акташ и Кызыладыр. У Макдиси читаем: «Серебряные рудники (есть) в Барване, Банджхире и Шельджи, а это горы, которые тянутся к Фергане» [2]. Под горами Шельджи арабские географы, видимо, понимали горы Таласского Алатау, так как это основной район концентрации древних выработок.

Сообщение района с г. Таразом осуществлялось через ущелье Большая Капка, разделяющее горы Ичкели-Тау и Акташ. Кроме этой основной магистрали, идущей вдоль левого берега р. Талас, сообщение было

---

[7] На стр. 97 [27] есть упоминание о бусах, сделанных из «белого блестящего металла (свинец?)...». Спектральным полуколичественным анализом, произведенным по просьбе автора, установлено, что бусы сделаны из сурьмы.

[8] М. Е. Массон предполагает, что серебряные рудники Таласской долины были известны в Средней Азии, в частности в Мавераннахре, уже в IX в. и считает, что одной из причин похода Исмаила Самани в долину Таласа было желание присоединить к своим владениям область, богатую серебром [29].

возможно по Каиндинскому ущелью и, вероятно, по правому берегу р. Асса, но последние были удобны не для всей области.

Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют выделить для области Шельджи X—XII вв. три микрорайона, каждый из которых имеет свою рудную базу и соответствующие ей производственные центры с сельской округой: 1) западный — с восточной границей по рекам Куркурёусу и Карабуре (памятники № 1—38); 2) бассейн рек Кумыштаг и Урмарал (памятники № 39—59); 3) центральный — включает территорию бассейна р. Нельды и р. Бешташ на западе и бассейны рек Кенкол и Калбы на востоке (памятники № 60—106, 119—137).

Необходимо отметить, что восточная часть области Шельджи — долины рек Каракол и Учкошой,— почти не имеющая площадей, удобных для земледелия, но зато богатая пастбищами, была основным скотоводческим районом. Это же относится в полной мере к Каиндинской долине.

В связи с упоминанием долины Каракол необходимо сказать несколько слов о добыче золота в этом районе, о чем раньше не было известно. В 1961 г. автору удалось собрать некоторые данные о древних разработках коренного и рассыпного золота в следующих пунктах: Асса (5), Чонур (118), Узун-Булак (115), Купре (114), Акташ (113). Рассыпное золото добывали, перемывая аллювиальные отложения рек Карабура и Чонур. По имеющимся материалам, бассейн р. Каракол — пока одно из основных мест сосредоточения древних разработок на коренное и рассыпное золото. Особенно выделялись размахом работ Чонурское (118) и Акташ I (113).

Вопрос о времени разработки золотых месторождений в верховьях р. Талас очень затруднен из-за отсутствия материалов с самих месторождений. На помощь пришли находки золотых изделий, результаты спектрального полуколичественного анализа которых даны в таблице.

Наименование	Pb	Sn	Cu	Ag	Bi	Ba	Sr	Ca	Al	Mg	Fe	Si	Au
Фольга из мог. Таш-Тюбе II андроновского времени	2	1	8	10	4	2	27	3	2	3	3	6	9—10
Украшение из слоя XI-XII вв. с. Ак-Тепе I у с. Орловки	3	—	7	10	4	—	—	—	—	2	4	4	9—10

Следует обратить внимание на присутствие серебра и висмута. Для коренного золота в верхней части Таласской долины по данным, сообщенным автору геологом Н. Павловым, характерно именно серебристо-висмутистое золото в ассоциации с халькопиритом. Наличие в первом случае большого числа примесей можно объяснить менее совершенной обработкой. Таким образом, следует заключить, что золото добывали в восточной окраине Таласской долины как в эпоху бронзы, так и в средневековье. Занимала ли добыча золота видное место в экономике области Шельджи, пока сказать трудно.

Возможно, что то преимущество, которое давала области Шельджи торговля серебром, о чем имеются прямые свидетельства письменных источников [2], ставило эту территорию в особое положение по отношению к остальной части Таласской долины и даже к г. Таразу, определяя ее известную автономность. Небезынтересно отметить, что в безымянном сочинении XII в. «Муджмиль-ат-таварих» упоминается царь Шельджи по имени Хилаш Эркен [19].

Центром области Шельджи являлся г. Текабкет. Макдиси называет его «большим городом» [2]. Как указывалось, этот город локализируется

на месте городища Ак-Тепе (68), центральный характер которого подтверждается площадью, занимаемой городищем (длина внешнего вала по периметру 10—12 *км*), сложностью его планировки, обилием поливной посуды в слоях X—XI вв. и т. д.

Большой спрос на серебро в XI—XII вв. определил интенсивную эксплуатацию рудников Шельджи, в результате чего легко доступные руды были выработаны за сравнительно короткий период. Большинство поселений прекратило свое существование в конце XII в., еще до монгольского нашествия. В письменных источниках, относящихся к XII в., уже говорится, что «Шельджи... селение в Таразе, похожее на город» [2]. По-видимому, это явилось следствием того, что значительное число выработок в это время было заброшено. В истории Средней Азии нам известны случаи, когда упадок городской жизни, ремесел, торговли (например в Бухарском оазисе [30]) не обязательно был следствием монгольского нашествия. И после нашествия монголов добыча серебра в Шельджи не прекратилась совершенно. На ряде месторождений (Сарымсак, Чонур) обнаружены ромбовидные железные стрелки монгольского времени, а Тараз в XIII—XIV вв. продолжал чеканить серебряную монету [31, 32].

Вещественный материал XIV в. на месторождениях пока не обнаружен, но, как было сказано выше, городская жизнь на ряде поселений продолжалась и в XIII—XIV вв. Возможно, что денежная реформа, связанная с именем Кепека, потомка Джагатая, осуществленная в первой четверти XIV в. и потребовавшая увеличения притока серебра в казну, сыграла известную роль в частичном «оживлении» городской жизни Таласской долины. Вероятно, и Тимур делал попытки продолжать эксплуатацию серебряных рудников [9].

Таким образом, имеющиеся в настоящее время данные позволяют сделать следующие выводы.

1. Первые поселения в районе Шельджи появились в VII в. (позже чем была освоена округа самого г. Тараза, что объясняется географической обособленностью района), вдоль левого берега р. Талас, на землях, удобных для земледелия. Добыча свинцово-серебряных руд, если она и производилась, носила случайный характер и велась в незначительных масштабах, поэтому не могла существенно влиять на экономическую жизнь района. Основным занятием населения было земледелие и скотоводство.

2. В IX—XI вв. число поселений резко возрастает, а ранее существовавшие разрастаются и приобретают облик средневекового города. Часть вновь возникших поселений приближена к рудной базе. Укрепленные селения возникают на путях к основным месторождениям. Все крупные поселения городского типа в большей или меньшей степени становятся центрами металлургического производства. Добыча серебра занимает ведущее место в экономической жизни района Шельджи в IX—XI вв. Вместе с тем население области занималось земледелием, скотоводством и различными ремеслами.

3. В XIII—XIV вв. разработка свинцово-серебряных руд производилась, но в ограниченных масштабах, и не носила систематического характера.

Литература

1. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 16.
2. С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 8, Алма-Ата, 1960, стр. 78—80, 82—83, 86—87, 90.

[9] А. Н. Бернштам объяснил частичное «оживление» городской жизни в этой части Таласской долины искусственными мерами, которые были приняты Тимуром для укрепления тыла и дороги в связи с походами в Китай [33, 34].

3. V. Minorsky. Hudud al'Alam. London, 1937, стр. 61, 119, 194, 358.
4. В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию. ЗВОРАО, 8, 1894, стр. 342—343.
5. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. ч. II, СПб., 1900, стр. 246.
6. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 69.
7. П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Л., 1932, стр. 19—20.
8. П. П. Иванов. К вопросу о древностях в верховьях Таласа. Сборник в честь академика С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, стр. 241—251.
9. М. Е. Массон. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Бюл. САРГРУ. Ташкент, № 2, 1930, стр. 44.
10. М. Е. Массон. Из результатов поездки в долину Таласа для выяснения истории горной промышленности. Бюл. САРГРУ, стр. 35—37.
11. М. Е. Массон. По поводу работы П. П. Иванова «К истории развития горного промысла в Средней Азии». «За недра Средней Азии». Ташкент, 1933, № 3, стр. 9.
12. Б. А. Литвинский, А. Исламов. О некоторых орудиях и приемах средневековых рудокопов Средней Азии. Изв. ООН АН ТаджССР, вып. 3, 1953, стр. 44.
13. А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Рукопись. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. № 62.
14. А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 1939, 4, стр. 178—179.
15. А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.
16. А. Н. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 110, 116—117.
17. А. Н. Бернштам. Мазар Манаса. Фрунзе, 1946, стр. 10—11.
18. А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949, стр. 375, 378, 383.
19. А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, стр. 76.
20. М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, стр. 49.
21. Э. К. Кверфельдт. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.
22. И. А. Чеканинский. Рукописные материалы. Рукописный фонд ООН АН КиргССР, инв. № 10, стр. 358—361.
23. М. А. Бубнова. Средневековые мастерские рабада (по материалам Орловского городища). Изв. АН КиргССР, сер. обществ. н., 1, вып. 1 (история), 1959, стр. 49—61.
24. М. А. Бубнова. Из истории металлургии серебра в Средней Азии. Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, вып. 1 (24), 1961, стр. 3—10.
25. Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Душанбе, 1954, стр. 23.
26. О. И. Исламов. Зарождение геологических знаний в Средней Азии. В кн.: Очерки по истории геологического изучения Средней Азии. Ташкент, 1956, стр. 16.
27. П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Изв. АН КиргССР, сер. обществ. н., 2. вып. 3, 1960, стр. 85.
28. А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 9, 25.
29. М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953, стр. 32.
30. В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша. Тр. ИИА АН УзбССР, вып. 8. Археологические исследования на городище Варахша. и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. Ташкент, 1956, стр. 12.
31. М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг. Отд. оттиск. Изв. Среднеазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 289.
32. М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 15.
33. А. Н. Бернштам. Прошлое района Алма-Ата. Алма-Ата, 1948, стр. 15.
34. А. Н. Бернштам. Историческая география Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Изв. БГО, 87, 1955, вып. 1, стр. 52.

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНОЙ ОРИЕНТИРОВКЕ ПОГРЕБЕННЫХ В СЛАВЯНСКИХ КУРГАНАХ XI—XIII вв.

В конце прошлого века В. И. Сизовым в южной части Смоленской земли были обнаружены курганные могильники, в которых наряду с обычной для славян западной ориентировкой умершего были встречены погребения с восточной ориентировкой [1]. Эти погребения были отнесены В. И. Сизовым предположительно к финским. В дальнейшем в связи с массовыми исследованиями славянских курганов значительно возросло и число погребений с восточной ориентировкой. Уже Л. Нидерле отмечал, что «хотя случаи обратной (восточной) ориентировки были редки, но в некоторых немногих областях они обычны» [2]. К числу таких «немногих областей» относится, прежде всего,— Посожье — территория летописных радимичей; верхнее течение рек Угры, Оки и Москвы — область вятичей, а также в некоторой степени и территория кривичей (верховья Волги, Псковская и Полоцкая области).

В. В. Седов, анализируя славянские курганы с восточной ориентировкой умершего и сравнивая их с латгальскими грунтовыми могильниками третьей четверти I тысячелетия, приходит к выводу, что «древнерусские курганы с восточной ориентировкой трупоположений и являются памятниками славянизированных балтов» [3]. Славянизация балтийского населения на территории распространения древнерусских курганов с восточной ориентировкой умершего происходила, по мнению автора, в IX—X вв. «Курганы с трупоположениями, ориентированными головой на восток,— пишет он,— известны только в тех областях Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья, где славяне появились позднее, по-видимому, только в IX—X вв. Поэтому славянизация балтийского населения затянулась в этих районах до XI—XII вв.» [4]

Основным аргументом для доказательства балтийской принадлежности курганов с восточной ориентировкой в древнерусских могильниках у В. В. Седова является сопоставление их, как упоминалось выше, с латгальскими грунтовыми могильниками и установление ряда аналогий в погребальном обряде и инвентаре тех и других. Поскольку статья В. В. Седова носит название «Следы восточно-балтийского погребального обряда в курганах древней Руси», я остановлюсь только на одном вопросе — можем ли мы считать восточную ориентировку умершего в

---

[1] В. И. Сизов. Отчет о состоянии и деятельности Московского археологического общества с 30 апреля 1885 г. по 14 марта 1886 г. Древности, XII, вып. 1, М., 1888, стр. 9.

[2] Л. Нидерле. Славянские древности. М..., 1956, стр. 220.

[3] В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, 2, стр. 120.

[4] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 120.

древнерусских курганах (особенно радимичей и вятичей, дающих наибольший процент этих погребений) следами восточно-балтийского погребального обряда.

Латгальские грунтовые могильники с восточной ориентировкой мужских погребений и западной — женских появились в третьей четверти I тысячелетия и исчезли в начале II тысячелетия. Погребения с восточной ориентировкой в древнерусских курганах известны нам с XI в. и доживают до XIII в. (т. е. почти до конца курганного способа захоронения). Таким образом, В. В. Седов сопоставляет и хронологически и территориально различные памятники. В этом, как мне представляется, состоит одна из ошибок автора.

На карте распространения погребений с восточной ориентировкой умершего [5] даны вместе и латгальские могильники и древнерусские курганы XI—XIII вв., что создает впечатление как бы преемственности погребального обряда. Но если разделить эту карту соответственно по векам на карты погребальных памятников середины и конца I тысячелетия и XI—XIII вв., мы увидим, что такое впечатление ошибочно.

В I тысячелетии н. э. на территории славян был повсеместно распространен обряд трупосожжения. И та территория, на которой в XI—XIII вв. мы встречаем курганы с восточной ориентировкой умершего, во второй половине I тысячелетия была занята погребальными памятниками, совершенно отличными от латгальских (рис. 1).

Не буду останавливаться на территории распространения длинных курганов, так как здесь, как отмечал и В. В. Седов, погребения с восточной ориентировкой почти не встречаются. Рассмотрим территорию летописных вятичей и радимичей. Погребальные памятники середины и конца I тысячелетия здесь немногочисленны, но все они содержат также остатки трупосожжений.

С. А. Изюмовой в Тульской обл., близ д. Западная, были исследованы курганы с обрядом погребений, очень близким к боршевским курганам (трупосожжение, пережженные кости помещены в ящике, поставленном в поле кургана). Датируются курганы VIII—X вв. [6]

В курганной группе у с. Полужье [7] Брянской обл. И. И. Ляпушкиным были раскопаны курганы, содержащие остатки трупосожжений, с керамикой роменско-боршевского типа. Т. Н. Никольская [8] на Верхней Оке близ с. Лебедка Орловской обл. обнаружила курганы с обрядом погребения, аналогичным боршевским курганам, датирующимся VIII—X вв.

На территории радимичей, где найдено наибольшее количество курганов с восточной ориентировкой умершего, погребальные памятники середины и конца I тысячелетия почти неизвестны. Большой интерес представляет курган, раскопанный В. И. Сизовым близ г. Кричева [9]. В кургане найдены пережженные кости, сложенные в деревянном ящике, расположенном в поле кургана. Никаких других погребальных памятников середины и второй половины I тысячелетия на этой территории пока не обнаружены. Таким образом, ни у радимичей, ни у вятичей погребальных памятников, аналогичных могильникам балтов, в этот период времени нет. Об их отсутствии у кривичей автор говорит сам.

Таким образом, памятники середины и конца I тысячелетия на территории, где позднее были найдены в русских курганах погребения с во-

---

[5] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 106, рис. 1.

[6] С. А. Изюмова. Доклад на секторе славянорусской археологии ИА АН СССР, май, 1962.

[7] И. И. Ляпушкин. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. КСИИМК, 74, 1959, стр. 84.

[8] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 84.

[9] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, 28, СПб., 1902, стр. 15.

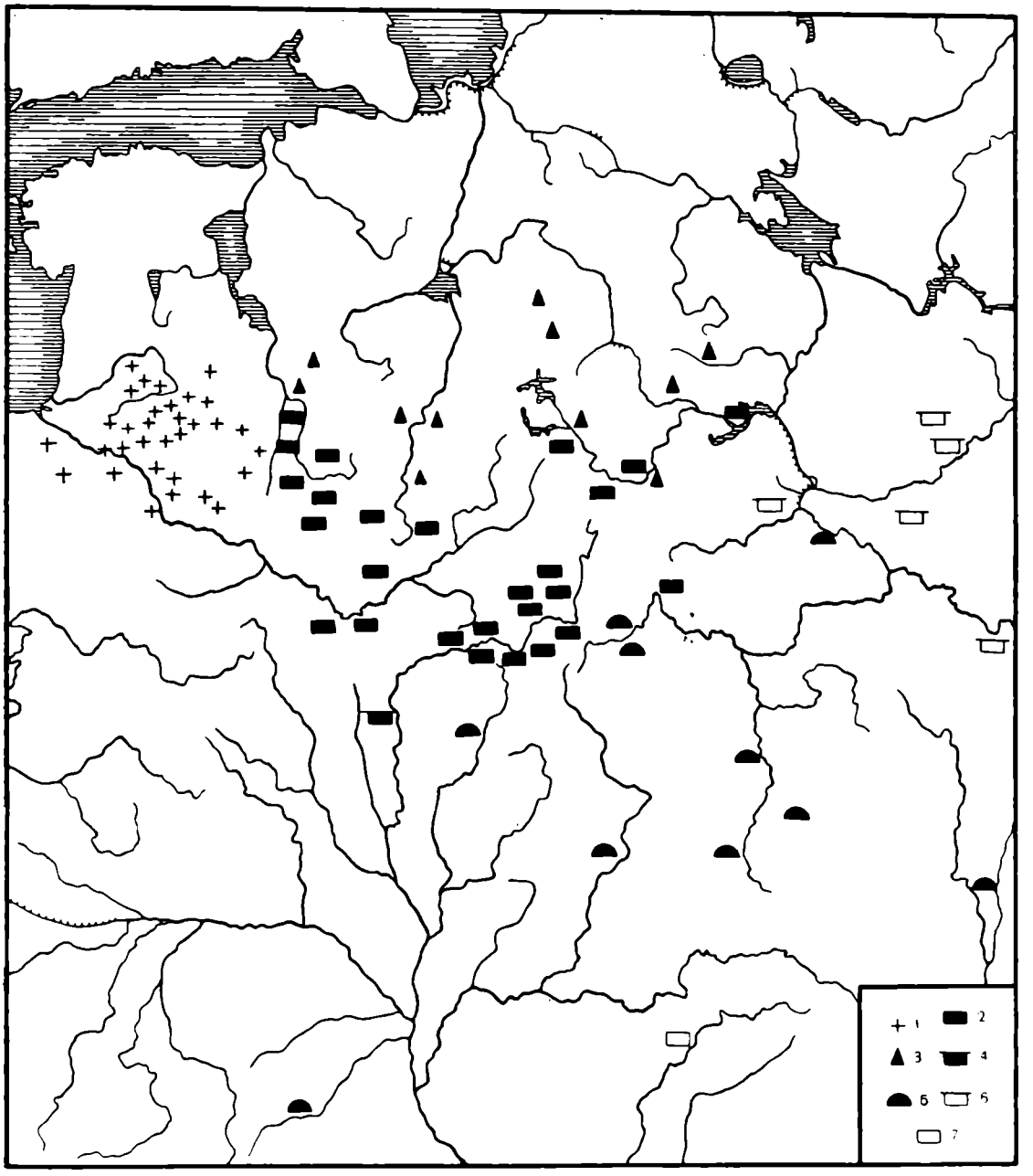


Рис. 1. Распространение погребений различных типов в I тысячелетии н. э.

1 — грунтовые могильники латгалов; *2* — длинные курганы; *3* — сопки; *4* — грунтовые могильники с трупосожжениями; *5* — курганы с трупосожжениями; *6* — грунтовые могильники финно-угров; *7* — погребение с восточной ориентировкой в с. Новотроицком

сточной ориентировкой умершего, резко отличаются от одновременных им латгальских погребальных памятников. Большинством исследователей описанные выше курганы с трупосожжениями относятся к раннеславянским памятникам.

Однако к востоку от вятичей, в среднем течение р. Оки и в Верхнем Поволжье мы встречаемся с памятниками, представляющими для нас особый интерес. Это рязанские могильники. Умершие здесь погребались в грунтовых могильниках с довольно богатым инвентарем. В большом числе случаев мужчины и женщины ориентированы здесь головой на восток и северо-восток. Так, в Кошибеевском могильнике [10] восточную ориентировку имеет 80% всех погребений; в том числе и женские погре-

[10] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, 1901, стр. 10.

бения (из 29 женских погребений — 24 ориентированы головой на восток). В Сергачском могильнике [11] из 5 вскрытых погребений, на восток ориентированы — 4; в Борковском и Кузьминском [12] могильниках, как отмечал А. А. Спицын, преобладающей являлась ориентировка умершего на СВ. Погребения с восточной ориентировкой умершего были встречены также в Холуйском могильнике [13] (р. Теза, Ивановская обл.), Хотимльском могильнике [14] (Ивановская обл.), в могильнике у с. Вакино [15] (р. Ока). Все эти памятники, одновременные могильникам балтов, принадлежат финно-угорским племенам. Таким образом (см. рис. 2), во второй половине I тысячелетия на западе, у одного из балтийских племен — латгалов и на востоке у финно-угров существовал обряд погребения умершего в грунтовой яме без курганной насыпи с восточной ориентировкой мужских захоронений у латгалов, мужских и женских — у финно-угров. И те и другие погребения характеризуются богатством погребального инвентаря. На территории летописных славян в этот период времени господствовал обряд трупосожжения.

В XI—XIII вв. с переходом славян от обряда кремации к трупоположению у них появляются курганы с восточной ориентировкой умершего. В то же самое время прекращают существование могильники с восточной ориентировкой мужских погребений у латгалов. Можно ли считать древнерусские курганы XI—XIII вв. с восточной ориентировкой умершего погребениями славянизированных балтов, если сами балты ни в I, ни во II тысячелетиях на этой территории не были встречены ни разу? Мне кажется, нет [16].

Весь погребальный обряд девнерусских курганов с восточной ориентировкой умершего резко отличается от латгальского погребального обряда.

Рассмотрим погребальные обряды тех и других. Для латгалов (а из всех балтийских племен только у них встречена восточная ориентировка) характерны бескурганные могильники. На восток ориентированы только мужские захоронения, в то время как все женские погребения постоянно имеют западную ориентировку. Как мужские, так и женские погребения характеризуются богатством погребального инвентаря. В мужских погребениях встречаются обычно предметы украшения и оружие. Одной из особенностей латгальских мужских погребений является также наличие совообразных фибул. Эти фибулы, обнаруженные главным образом на территории древних куршей и латгалов, имеют точную дату — VIII—IX вв. Женские погребения содержат различные украшения, в том числе венчик, состоящий из нескольких рядов спиральных бронзовых пронизок, снабженных иногда различными подвесками. Этот венчик является одной из характерных особенностей убора латгальской женщины. Следует также отметить, что латгальские погребения этого времени никогда не содержат керамику.

---

[11] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, 1901, стр. 24.
[12] Там же, стр. 25.
[13] Там же, стр. 43; 104—105.
[14] Б. Н. Граков. Краткий отчет об археологическом обследовании по р. Тезе. В кн. Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения (1926). Иваново-Вознесенск. 1921; Отчет А. Ф. Дубынина, архив ИА, 1945, ф. I, № 40.
[15] Раскопки П. П. Ефименко, Архив ИА, 1921, ф. № 29 (материалы не опубликованы); Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 126 сл.
[16] Интересно отметить, что И. И. Ляпушкиным при раскопках Ново-Троицкого городища был обнаружен ряд погребений-трупосожжений и в одном случае (детское погребение) — трупоположение. Умерший ориентирован головой на восток. Это самое раннее из всех известных до сих пор погребений с восточной ориентировкой на территории славян. (И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 123).

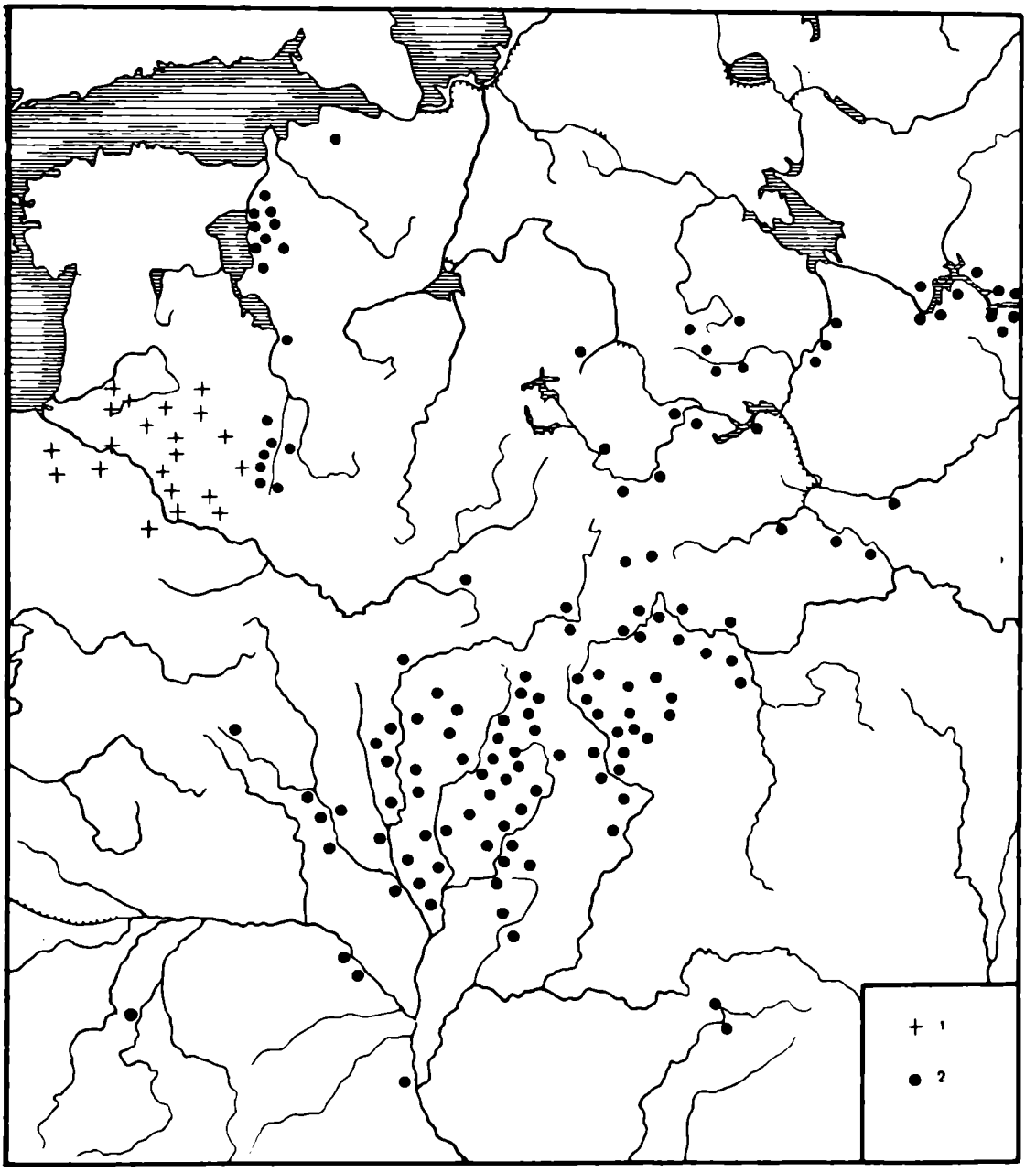


Рис. 2. Распространение погребений с восточной ориентировкой

1 — грунтовые могильники латгалов; *2* — курганные могильники

Обратимся теперь к погребальному обряду древнерусских курганов с восточной ориентировкой умершего, рассматривая его по отдельным районам.

В западных районах Полоцкой и юго-западных районах Псковской земель под обычной курганной насыпью встречены погребения с восточной ориентировкой умершего и с латгальским инвентарем.

В. В. Седов приводит в качестве примера курганный могильник у с. Залахтовье, расположенный на восточном берегу Чудского озера, погребения которого датируются XI—XIII вв. Здесь, судя по восточной ориентировке и типичному для латгалов погребальному инвентарю (браслеты, перстни, гривны, и даже остатки виллайне), мы встретились с памятником латгальского или одного из близких к латгалам восточнобалтийского племени, как это и отмечает В. В. Седов [17].

[17] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 108.

Второй областью массового распространения курганов с восточной ориентировкой умершего является Посожье. Эта область в I тысячелетии была отделена от латгалов, с которыми сопоставляет эти памятники В. В. Седов, территорией, где господствовали длинные курганы, а во II тысячелетии — широкой полосой кривичских погребений, у которых погребения с восточной ориентировкой почти не встречаются. Вот на этой области распространения курганов с восточной ориентировкой умершего я и намерена остановиться в настоящей статье. Имеют ли здесь курганы общие черты с могильниками балтов, как рассмотренные выше курганы Псковской и Полоцкой областей или нет? Заметим, прежде всего, что на восток здесь ориентированы не только мужские погребения, но и женские, причем в ряде курганных групп (Алешня [18], Кубарки [19], Хизово [20], Черемушки [21], Шустино [22], Бацкино [23]) на восток ориентированы только женские погребения, в то время как мужские погребения этих групп ориентированы головой на запад. Встречены также курганные группы, где на восток ориентированы и мужские и женские погребения, а иногда и детские. В курганной группе у с. Ляличи [24] на восток ориентированы совместное женское и детское погребения; в курганной группе Заужелье [25] только детское. Интересен курган у с. Шуя [26]. Здесь были погребены четверо: мужчина, женщина и двое детей. Первые двое ориентированы головой на запад, а два детских погребения, расположенные в ногах взрослых,— на восток.

В. В. Седов наличие в древнерусских курганах женских погребений с восточной ориентировкой объясняет тем, что «древние мифологические представления, связанные с противоположностью ориентировки мужских и женских захоронений, в XI—XII вв. стали забываться» [27]. Вряд ли это так. Погребальный ритуал, как известно, очень устойчив, да и сам автор восточную ориентировку мужских захоронений объясняет именно устойчивостью погребального обряда.

Основным районом распределения курганов, содержащих женские погребения, ориентированные головой на восток, является Верхнее Поволжье (рис. 3), откуда они узкой полосой тянутся через бассейн Оки на Днепр. На Правобережье Днепра они почти не встречаются. Днепр является здесь как бы рубежом. Аналогии этим погребениям мы находим в могильниках финно-угров, где, как уже отмечалось выше, головой на восток хоронили и мужчин и женщин. Вероятно, появление восточной ориентировки в славянских курганах можно объяснить связью с финно-угорскими племенами.

Второй особенностью погребального обряда латгалов является полное отсутствие керамики. Наличие или отсутствие керамики в славянских погребениях не может служить определяющим этническим признаком. Курганы с восточной ориентировкой умершего, как и другие древнерусские курганы, иногда содержат керамику, а иногда и нет.

---

[18] П. М. Еременко. Раскопки курганов в Брянском и Елецком уездах Орловской губернии. Тр. Орлов. Уч. Архив. комис., 1904—1905 гг. Орел, 1906, стр. 87.

[19] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы сэкцыі археолегіі, III, Менск, 1932, стр. 14.

[20] А. А. Спицын. Раскопки Черепанова близ Хизово Рогачевского уезда. ЗРАО, XII, вып. 1—2, новая серия, СПб., 1901, стр. 229.

[21] О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, 7, 1947, стр. 137.

[22] Раскопки Елизаровой. Архив ИА, 1933. № 108, лист 42—43.

[23] Раскопки Лосева. Архив ИА. 1915, № 238.

[24] П. М. Еременко. Радимические курганы. ЗРАО, VIII, вып. 1—2, СПб, 1896, стр. 84; Архив ИА № 50/1891, л. 20.

[25] Раскопки В. З. Завитневича. Архив ИА, № 69/1892.

[26] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1899, стр. 65.

[27] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 120.

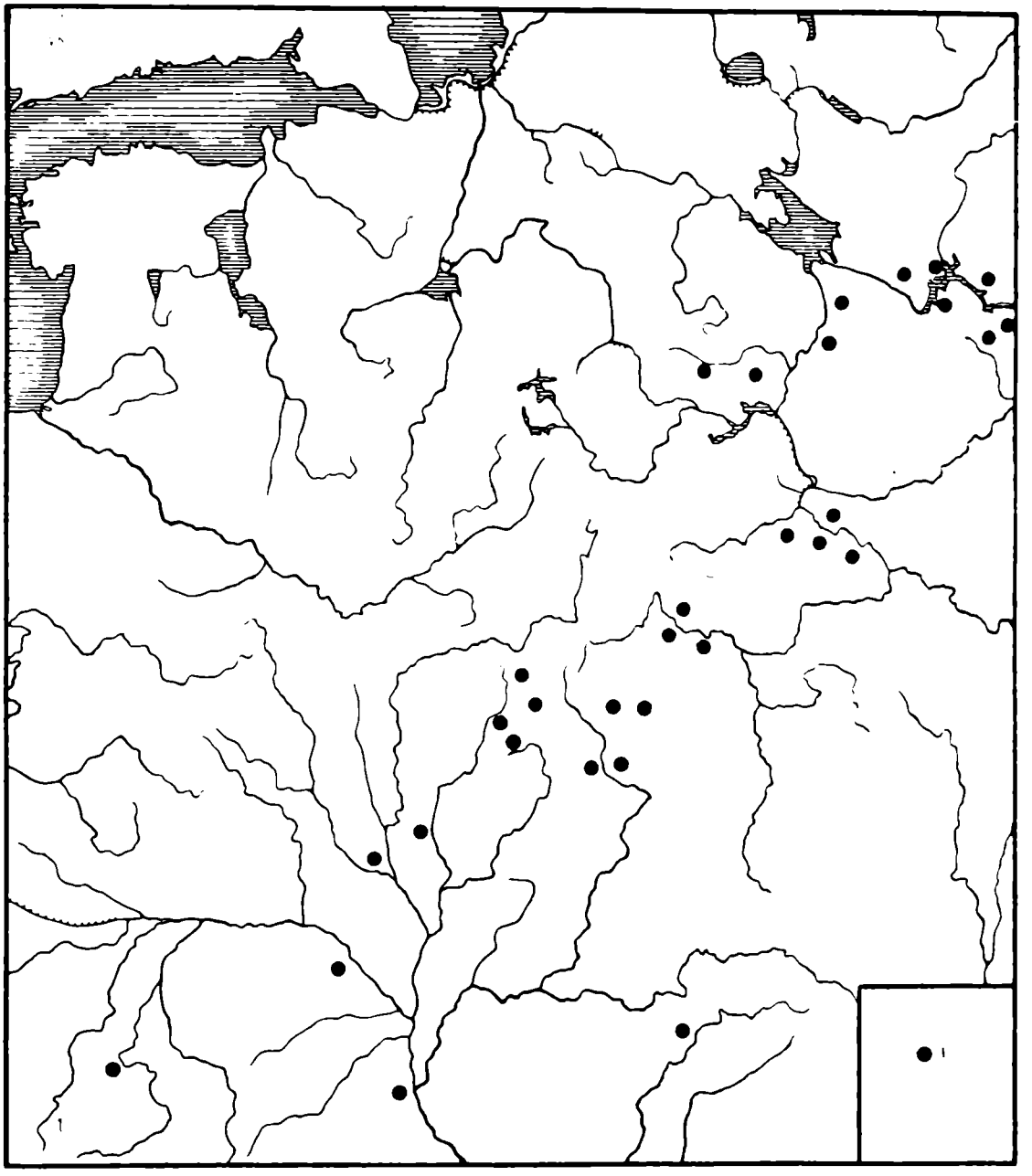


Рис. 3. Женские погребения с восточной ориентировкой

Приводимые В. В. Седовым данные о наличии керамики в погребениях с восточной ориентировкой умершего не всегда соответствуют действительности. Так, по мнению В. В. Седова [28], нет керамики в 19 курганах с восточной ориентировкой умершего в курганной группе у с. Колчино, нет ее и в курганных группах Курганье, Христовая, Войлово, Суборовка, Ивановская и ряде других.

На самом деле это не совсем так. В курганной группе у с. Колчино [29] керамика встречена в 9 погребениях из 19 (№№ 29, 35, 37, 44, 53, 57, 60, 64, 76). В курганной группе у с. Курганье [30] на восток ориентировано только 2 погребения — №№ 3, 10 и в обоих случаях в ногах умершего стоял горшок. Есть горшок и в погребении курганной группы у с. Хри-

[28] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 110.

[29] Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. 1903 г. М., 1903, стр. 17. В половине курганов с западной ориентировкой также нет керамики.

[30] Там же, стр. 49.

стовая[31]. Курганные группы Суборовка, Ивановская вряд ли могут служить хорошим примером, так как здесь на восток ориентировано только по одному погребению, а в остальных погребениях с западной ориентировкой керамика также не всегда встречается. Можно привести также примеры, когда в одной и той же курганной группе (например, у с. Синьгово[32]) керамика была встречена в погребении, ориентированном головой на восток, но ее нет в курганах с западной ориентировкой. Из 108 курганных групп, где встречены погребения с восточной ориентировкой) керамика встречена в 43 группах (рис. 4)[33]. Иногда вместо горшков в могилу ставились деревянные ведра (Ляличи, Поповки, Кострицкая слобода, Любоничи). Посуда ставилась в ногах умершего (Каменка, Колосы, Заужалье, Высокое и др.), у головы (Кулешовка); она встречается и в насыпи кургана (Хотимск).

В курганной группе у с. Деребуж[34] из 32 раскопанных курганов керамика была встречена всего в двух: в кургане № 9 — (мужское погребение, ориентированное головой на восток) и в кургане № 11 (женское погребение, ориентированное головой на запад). Таким образом, мы не можем говорить о полном отсутствии керамики в славянских курганах с восточной ориентировкой умершего, так же как и не можем считать отсутствие керамики в погребении с восточной ориентировкой достаточно характерным признаком латгальского погребального обряда.

Одной из особенностей древнерусских курганов XI—XII вв. является наличие в них пережитков обряда трупосожжения в виде небольших кострищ, пепла, вкрапления угля и др. признаков. Эти пережитки обряда кремации мы встречаем и в курганах с восточной ориентировкой умершего. Е. Р. Романовым близ с. Грязивец[35], Могилевской области было раскопано 4 кургана с погребениями на горизонте; умершие ориентированы головой на восток; вещей при них не было, лишь в одном кургане был найден раздавленный горшок. В четвертом кургане было обнаружено кострище из семи рядов сосновых плах штабельной конструкции высотой 0,7 *м* и на нем полуобоженный скелет умершего головой на восток. Такие курганы с неполным трупосожжением чаще всего встречаются у радимичей[36] и являются переходной ступенью от обряда кремации к обряду ингумации. Следует также отметить, что курганы с восточной ориентировкой умершего, содержащие остатки кострищ, уголь и т. д., встречены главным образом в Посожье, на территории летописных радимичей, дающих, как упоминалось выше, наибольший процент погребений с восточной ориентировкой.

Выше уже указывалось, что латгалы хоронили своих умерших в глубоких могильных ямах, без курганной насыпи. Все же погребения с восточной ориентировкой на территории древних славян имеют насыпь, обычную для того времени. Как правило, они совершались на горизонте или в насыпи кургана. Погребения в яме крайне немногочисленны и не характерны.

Перейдем теперь к рассмотрению погребального инвентаря. Мужские погребения латгалов, как уже отмечалось выше, сопровождались обычно оружием, богатым набором различных предметов украшения (топо-

---

[31] А. Н. Ляўданскі. Ук. соч., стр. 15 (группа № 29).

[32] Н. И. Булычев. Журнал раскопок..., стр. 50.

[33] Козаричи, Каменка, Колосы, Кулешовка, Мадора, Петуховка, Селище, Хотимск, Чаусы, Заужелье, Волосовичи, Любоничи, Пацева Слобода, Бочарово, Высокое, Деребуж, Кубарки, Паново, Пильня, Слобода, Ступенки (I—II), Сукромля, Христовая (№ 29), Шатуны, Васильевское, Колчино (II), Курганье, Погост, Синьгово, Трашковичи, Вщиж, Загорье, Ивановичи, Немиричи, Александровка, Дятлово, Колоколово, Шуи.

[34] А. Н. Ляўданскі. Ук. соч., стр. 11.

[35] Е. Р. Романов. Археологические раскопки в Могилевской губернии. Вильно. 1911, стр. 29—30.

[36] Б. А. Рыбакоў. Радзимичи. Працы, III, стр. 84.

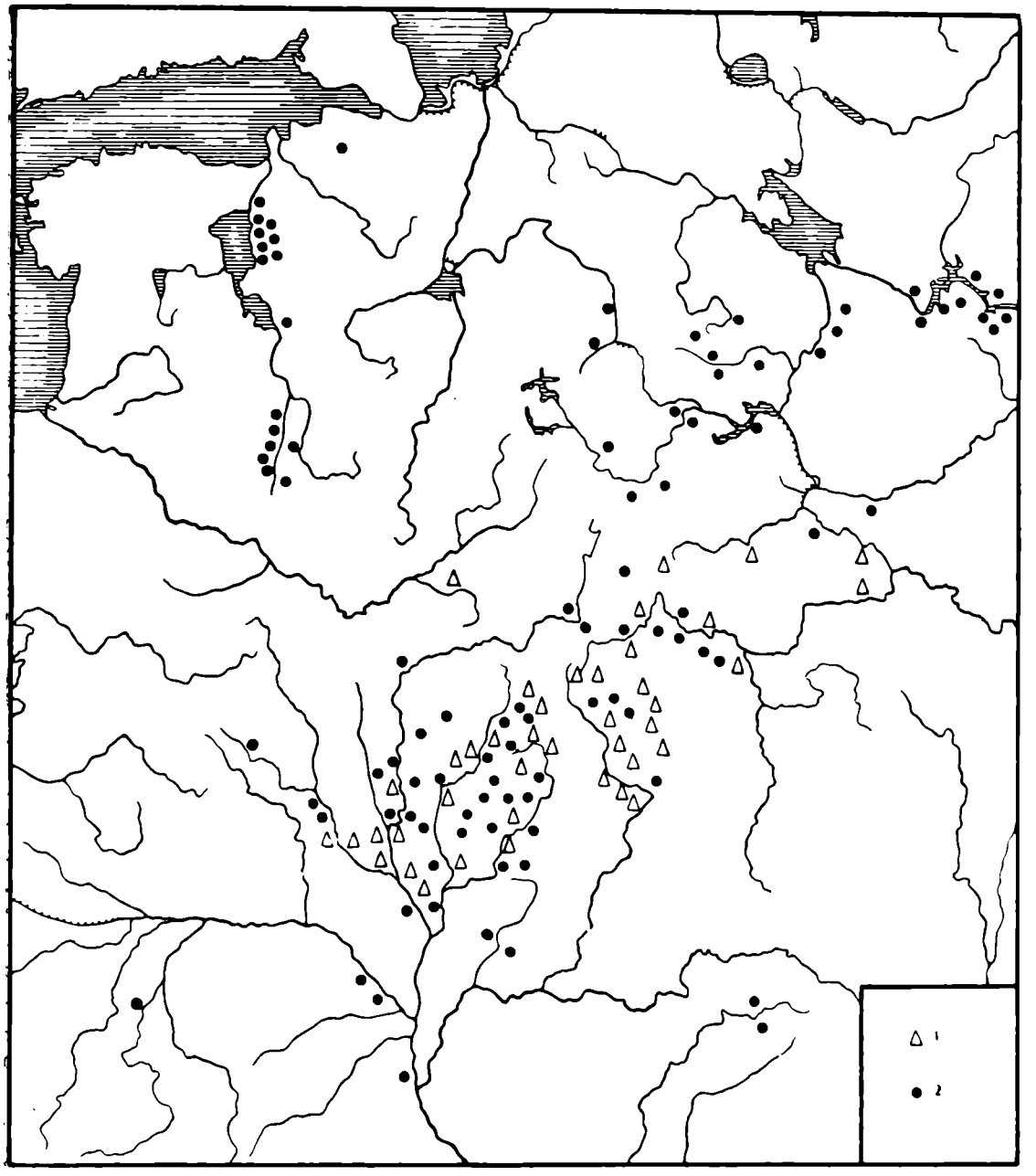


Рис. 4. Керамика в погребениях с восточной ориентировкой
1 — курганы, в которых найдена керамика; *2* — курганы без керамики

ры, копья, браслеты, перстни и др.). Для славянских племен (вятичей, радимичей) этот обычай не характерен.

Погребальный инвентарь древнерусских курганов с восточной ориентировкой умершего не находит себе аналогий в могильниках восточных балтов и, в частности, латгалов. Из 187 мужских погребений Приднепровья, ориентированных головой на восток, 142 не имели никаких вещей; в 15 погребениях найден только нож, в 2 — поясные пряжки. В остальных курганах был найден в различном сочетании обычный для славянских погребений инвентарь: нож, оселок, кремень, пряжка, остатки поясного набора. Погребения с оружием были встречены в двух курганных группах и в том и в другом случае на территории Кривичей: у с. Паново[37], Смоленской обл. в двух курганах найдено копье; у с. Трашко-

[37] А. А. Спицын. Отчет о раскопках Гатцука ЗОРСА, VII, вып. 1.

вичи [38], Калужской обл. найдено погребение воина с конем. При воине лежало копье и топор. Топор — предмет, столь характерный для латгальских погребений (как отмечал П. С. Рыков, обычай класть топор в могилу умершему существовал у латгал даже в христианское время), здесь почти не встречался. Он был найден только в курганной группе у с. Шатуны [39], Смоленской обл. Ни разу не были встречены в курганах с восточной ориентировкой и совообразные фибулы.

Анализ инвентаря женских погребений также не позволяет нам устанавливать аналогии с латгалами. Женские погребения латгалов имели западную ориентировку, таким образом отличить здесь латгальское погребение от славянского мы могли бы только по инвентарю. Однако погребений с типичным для латгалов набором украшений (спиральным венчиком, сактами, виллайнами) здесь не известно совершенно. Женские погребения этой территории имеют обычный для славянских племен набор украшений: височные кольца (браслетообразные, семилучевые, семилопастные), ожерелья с лунницами и крестиками, браслеты, перстни.

Ничем не отличаются по набору украшений от обычных славянских курганов и женские погребения, ориентированные головой за восток, которые В. В. Седов считает латгальскими или восточно-балтийскими.

В курганной группе у с. Пильня [40] Смоленской обл. женское погребение, ориентированное головой на восток, имело семилучевые височные кольца, бусы пастовые и стеклянные.

В курганной группе у с. Погост [41], Калужской области погребальный инвентарь состоял из проволочных височных колец, позолоченных бус, гривны, колец, горшков.

В курганной группе у с. Черемушки [42] мы встречаемся с семилопастными височными кольцами, хрустальными и сердоликовыми бусами, решетчатым перстнем. В курганной группе у с. Збуже [43] Ровенской обл. при женском погребении, ориентированном головой на северо-восток, найдены были S-видные височные кольца, бусы пастовые и стеклянные посеребренные.

Таким образом, независимо от того, как была похоронена умершая (головой на восток или на запад) в пределах территории данного племени (вятичей, кривичей, радимичей), в женских погребениях встречается набор украшений, характерный для того или иного славянского племени.

Погребения костромских курганов с известковым сводом, независимо от ориентировки, имеют типичный для кривичей набор украшений.

Отмечая, что женские погребения в курганных могильниках с восточной ориентировкой не содержат в своем большинстве типичных для славян височных колец, В. В. Седов приводит для сравнения радимичей [44]. Это не совсем верно. На территории радимичей исследовано более 200 курганных групп и только в 30 из них найдены семилучевые височные кольца. Около половины всех височных колец найдено именно в тех курганных группах (14), где обнаружены курганы с восточной ориентировкой умершего (Батуровка, Влазовичи, Казаричи, Коржевка, Попова

---

[38] Н. И. Булычев. Ук. соч., стр. 57.

[39] Н. И. Булычев. Раскопки по среднему течению р. Угры. Зап. МАИ, XXXI, М., 1913.

[40] А. Н. Лявданскі. Ук. соч., стр. 21—23.

[41] Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела.., стр. 4.

[42] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 137—139.

[43] Г. М. Власова. Древнерусский могильник в с. Збуже. КСИА, 11, 1961, стр. 91—93.

[44] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 108.

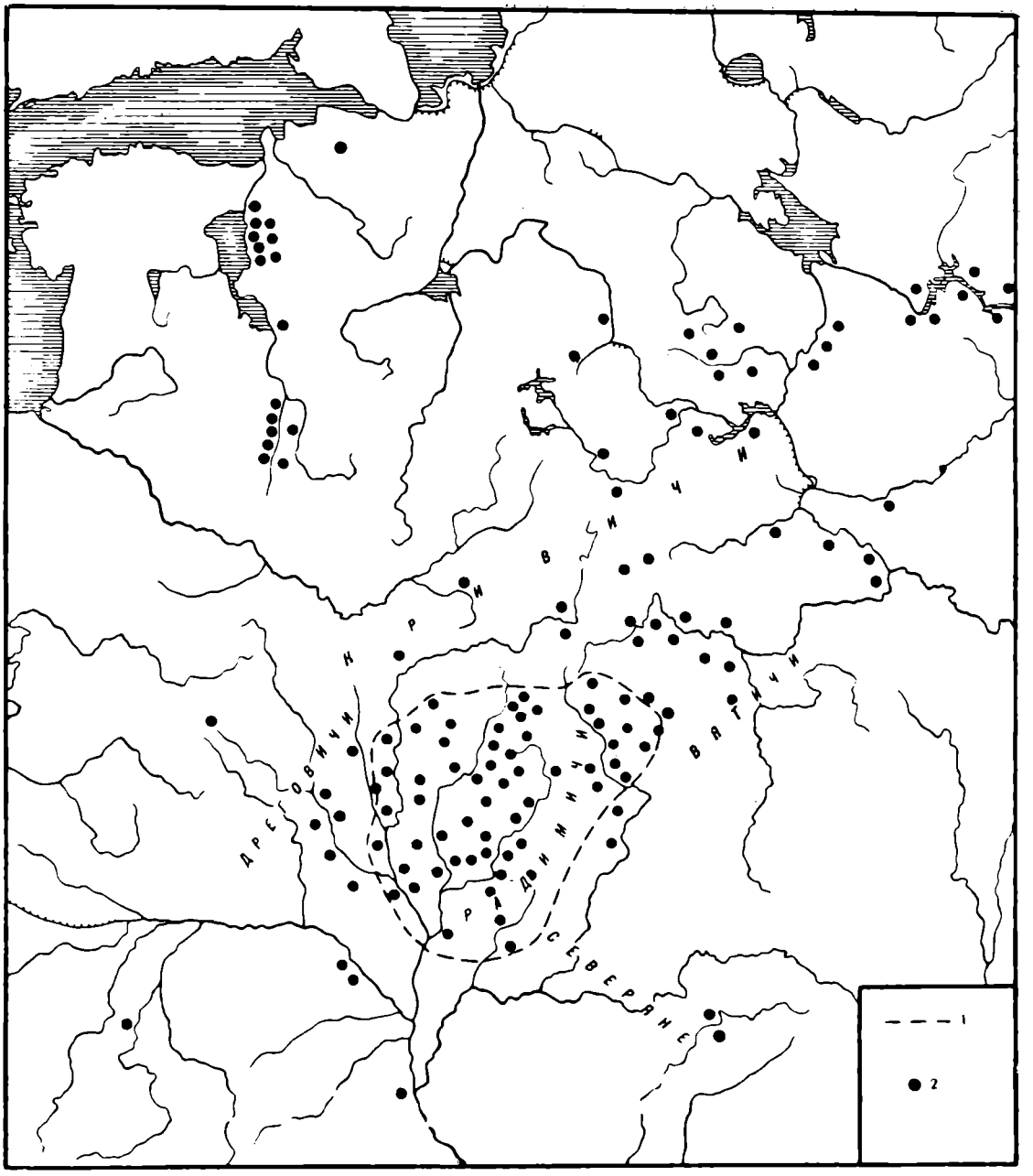


Рис. 5. Территория радимичей и ареал курганных погребений с восточной ориентировкой
1 — граница территории радимичей; *2* — курганы с восточной ориентировкой

Гора, ур. Боровичи, Поповка, Смяличи, Чертовичи, Деребуж, Кубарки, Пильня, Христовая № 28, Христовая № 29).

Наличие в древнерусских курганах браслетов с концами в виде головы змеи и пластинчатых гривен с розетками, которые характерны для Прибалтики, можно объяснить импортом. Число этих вещей крайне невелико. Браслеты были встречены в 3-х курганах, причем в погребениях, ориентированных головой на запад [45], а гривны найдены всего в шести случаях [46].

Таким образом, ни погребальный ритуал, ни погребальный инвентарь не позволяют нам связать древнерусские погребения XI—XIII вв. с восточной ориентировкой на территории Поднепровья с восточными балтами. А поэтому вряд ли мы здесь можем говорить о поздней (IX—X вв.) колонизации славянами этих земель. Против этого и данные, приводи-

[45] Б. А. Рыбакоў. Радзимичи, стр. 103.
[46] Там же, стр. 104.

мые самим В. В. Седовым. Курганные могильники Псковской и Полоцкой областей, расположенные на территории, уже занятой к XI в. кривичами, сохранили почти полностью черты латгальского погребального обряда.

Однако эти черты, как мы видели, совершенно отсутствуют в одновременных курганах Приднепровья. Следовательно, колонизация славянами этих земель произошла значительно раньше, чем предполагает В. В. Седов, по-видимому, где-то в середине I тысячелетия.

Наибольшее количество курганов с восточной ориентировкой умершего приходится на XI—XII вв., когда на смену старой языческой идеологии пришло христианство. Это время ломки старых обрядов и обычаев и становления новых. Наряду с погребениями головой на запад и восток именно на этот период падает наибольшее количество славянских курганов с южной и северной ориентировкой умершего; нередко в одной курганной группе встречается различная ориентировка. Так, в курганной группе Пацева Слобода (Минская губ.) [47] из 6 раскопанных курганов в двух умерший был положен головой на восток и в трех — на запад, север, юг (ориентировка шестого кургана — неизвестна), в д. Синьгово Калужской обл. мы встречаемся с аналогичным случаем. Из пяти раскопанных курганов в двух умерший был ориентирован головой на запад, а в трех остальных — на север, юг, восток. То же самое и в с. Забужье Ровенской области. Количество этих примеров можно увеличить. Вряд ли во всех случаях мы можем объяснять это разной этнической принадлежностью погребенных.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что курганы с восточной ориентировкой умершего встречены преимущественно на территории радимичей (левобережье Днепра и Посожье) и в меньшей степени у вятичей (рис. 5). Нам пока неизвестны ранние памятники радимичей. Но наличие на территории радимичей наибольшего количества курганов с восточной ориентировкой умершего, в том числе и курганов с женскими погребениями и неполным трупосожжением,— обычный характерный для славян инвентарь этих погребений — не позволяет нам отнести эти памятники к памятникам славянизированных балтов. Да и у самих восточных балтов в этот период времени еще не было единого погребального обряда (погребения с восточной ориентировкой характерны только для латгалов).

Поэтому весьма возможно, что здесь мы встречаемся с одной из особенностей погребального обряда радимичей.

Для окончательного решения вопроса о погребениях с восточной ориентировкой умершего на территории летописных славян, необходимо начать исследование ранних памятников (I тыс. н. э.) в Днепровском Левобережье.

---

[47] В. З. Завитневич. Архив ИА. № 69/1892, л. 29.

А. Ф. МЕДВЕДЕВ

О НОВГОРОДСКИХ ГРИВНАХ СЕРЕБРА

Многочисленные древнерусские клады, зарытые или спрятанные их владельцами при надвигавшейся опасности, являются важным источником для изучения социально-экономической и политической истории древней Руси. Для истории экономических и торговых связей между русскими княжествами в период феодальной раздробленности большое значение имеют находки платежных серебряных слитков, или, как их часто называют, денежных гривен.

Особый интерес исследователей древнерусской денежной системы уже давно привлекают так называемые новгородские «гривны серебра» в виде продолговатых палочек полукруглого или трапециевидного сечения. Новгородская гривна серебра имела устойчивый вес и являлась денежно-весовой единицей не только Новгорода, где она появилась вместе со сложившейся в X в. денежно-весовой системой [1], но и всей северной Руси. В безмонетный период (XII—XIV вв.) новгородские гривны серебра получают широкое обращение на всей территории древней Руси, проникая в зону обращения киевской гривны. Об этом наглядно свидетельствует топография кладов и отдельных находок новгородских гривен [2, 3].

Свое название эти гривны получили по месту их первой находки в Новгороде Великом, который, вероятно, был единым центром их производства [4]. В Новгороде, через который шла оживленная торговля Руси с Западной Европой, поступавшая с Запада серебряная монета с середины XI до конца XIV в. переливалась в палочкообразные слитки или гривны серебра весом в половину русского фунта (204,756 *г*). Вес огромного большинства новгородских гривен серебра из кладов домонгольского времени очень близок к этой норме.

Одним из древнейших кладов новгородских гривен и полугривен серебра, относящимся, по летописному сообщению 1547 г., ко времени постройки Софийского собора в Новгороде 1045—1050 гг., следует считать клад, открытый Иваном Грозным в стене названного собора. В новгородской IV летописи сообщается, что когда Иван Грозный велел «ломать стену», то «...просыпася велие сокровище, древние слитки в гривну и в полтину и в рубль, и насыпав возы, и посла к Москве (разрядка моя.— *А. М.*)» (ПСРЛ, IV, 342).

Есть еще более древнее сообщение о кладе в церкви Пятницы в Новгороде, где в 1524 г. было откопано «...сокровище от много лет сокровенно, ...а сокровенно сребра древних рублев (в данном случае гривен.— *А. М.*) Новгородских литых сто семьдесят, а полтин литых же 40 и четыре» (ПСРЛ, VI, 282). Но этот клад не может относиться к XI в. (церковь стоит с XII в.).

Новгород уже давно считался некоторыми нумизматами центром литья новгородских гривен серебра, но А. И. Черепнин и Н. П. Бауэр,

не сомневавшиеся в этом, не приводили аргументов в пользу своих убеждений. М. П. Сотникова в своем обстоятельном исследовании о новгородских платежных слитках приводит ряд доказательств и летописных свидетельств, подтверждающих эту точку зрения. Действительно, почти все упоминания о литье гривен серебра в древнерусских летописях относятся к Новгороду или связаны с Новгородом. Именно в новгородских летописях впервые упоминаются мастера-серебреники. В 1201 г. в битве с литовцами был убит новгородский серебреник-весец по имени Страшок. Это был мастер, взвешивавший серебро и, вероятно, переливавший его в платежные слитки. Подобная же трагическая участь в 1234 г. постигла другого новгородского мастера серебреника Нежилу (НЛ, 1950, 45, 73).

Древнейшее упоминание денежной гривны или так называемой гривны кун (куны — деньги) в Повести временных лет относится к 882 г. и связано также с Новгородом. В этом году киевский князь Олег обложил данью русские племена и мерю, Новгород должен был платить 300 гривен в год на содержание варяжской дружины Олега (ПВЛ, I, 1950, 20). Сумма этой дани киевским князьям ко времени княжения Ярослава Мудрого в Новгороде возросла до 2000 гривен. Это было излишним бременем для вольнолюбивого Новгорода, экономическое положение которого в начале XI в. позволяло ему стремиться к независимости от Киева. Поддержанный новгородцами, Ярослав в 1014 г. отказался платить эту дань своему отцу — киевскому князю Владимиру Святославичу (ПВЛ, I, стр. 88—89).

После смерти Владимира Ярослав, поддержанный новгородцами в борьбе со Святополком, разбивает войска Святополка под Киевом в 1016 г. и одаривает всех новгородцев и дружинников по 10 гривен, а смердов по гривне (НЛ, стр. 15).

Через два года новгородцы снова выступают вместе с Ярославом против Святополка, собирают деньги для найма дружины («Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старостъ по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен») (ПВЛ, I, стр. 96—97). Слово «скотъ» в данном случае равнозначно слову «деньги».

Гривна кун в конце XII и первой трети XIII в., в отличие от гривны серебра, называлась старой или ветхой гривной и по весу соответствовала одной четверти гривны серебра (51,19 *г*) [1].

Летописная денежная гривна серебра — это не только весовая единица, а прежде всего слиток серебра строго определенного веса (204,756 *г*). О гривнах как о слитках серебра и золота говорится в новгородских летописях и документах XIII и XIV вв. [5] (ПСРЛ, II, под 1288 г.).

Первое упоминание «гривны серебра» как наименования платежного серебряного слитка определенного веса относится к середине XI в. и связано опять-таки с Новгородом [6] (НЛ, стр. 481).

По-видимому, есть все основания считать Новгород единым центром изготовления платежных слитков серебра «новгородского» типа.

Не исключено, что и золотые гривны из древнерусских кладов, по форме аналогичные новгородским «гривнам серебра», изготовлялись также в Новгороде. Это тем более вероятно, что первое упоминание денежной «гривны золота» одновременно упоминанию «гривны серебра», относится к середине XI в. и связано также с Новгородом (НЛ, стр. 483).

«Гривна золота» многократно упоминается в древнерусских письменных источниках второй половины XI и XII в. Она чаще всего упоминалась как платежный слиток и иногда — как весовая единица для определения количества золота в различных вещах.

В Поучении Владимира Мономаха, включенном в Повесть временных лет под 1096 г., упоминаются 300 гривен золота как подарок опаль-

ного сына своему отцу. В 1097 г. как плата за военную помощь в княжеской усобице упоминаются 50 гривен золота.

В Патерике Киево-Печерского монастыря, в который включены события XI и XII вв., гривны золота упоминаются и во второй половине XI в., и под 1130 г., когда ростовский тысяцкий Георгий Симонович посылал в Киев 50 гривен золота и 500 гривен серебра в запечатанном сосуде, который благополучно прибыл на место назначения [7].

О гривнах золота и гривнах серебра много раз говорится в летописях, договорных и других документах XII в. В 1144 г. князь Владимирко дает Всеволоду за посредничество в заключении мира 1400 гривен серебра. В 1146 г. упоминаются 12 гривен золота и 200 гривен серебра в качестве откупа во время княжеских усобиц. В 1158 г. огромная сумма в 700 гривен серебра и 100 гривен золота упоминается как вклад в обитель на помин души (ПСРЛ, II, 316, 338, 492—493).

Гривны серебра в договоре Великого Новгорода с немецкими городами 1189—1199 гг. сопоставляются с гривнами старых кун по соотношению 1 : 4, что полностью соответствует нормам Русской Правды (Ярослава) [8, 9]. М. Н. Тихомиров обратил внимание на терминологическую близость этих двух юридических документов, составленных в Новгороде [10].

Полугривна золота упоминается в статье 17 Пространной Русской Правды, составление которой М. Н. Тихомировым относится к началу XIII в., а Н. П. Бауером на основании анализа денежных норм и терминологии — ко второй четверти XII в. Оба названных исследователя не сомневаются в новгородском происхождении Русской Правды в целом и приводят ряд убедительных аргументов.

Нельзя, однако, согласиться с мнением Н. П. Бауера, что гривна серебра была введена в обращение на Руси в период составления третьей редакции Русской Правды (Пространной), т. е. во второй четверти XII в.

«Гривна серебра», как и «гривна золота», была введена в обращение, судя по упомянутым письменным источникам и по наличию гривенных слитков в русских кладах, значительно раньше этого времени, около середины или в начале второй половины XI в. Да и сам Н. П. Бауер несколькими страницами раньше приводит факты, свидетельствующие о наличии в обращении в качестве платежных слитков золотых и серебряных гривен уже в XI в.

В договорной грамоте Смоленска с Ригой и готским берегом 1229 г. гривна серебра фигурирует как денежная единица, эквивалентная четырем гривнам кун [11], что также соответствует нормам Русской Правды.

Как весовая единица, но опять-таки применительно к золоту и серебру, «гривна серебра» и «гривна золота» многократно упоминается в летописях, договорных грамотах Новгорода и других документах XII в.

В грамоте Мстислава и его сына Всеволода Юрьеву монастырю, составленной в 1130 г., говорится, что Всеволод дал монастырю серебряное блюдо в 30 гривен серебра и велел бить в него, коли игумен обедает [8]. В Ипатьевской летописи под 1147 г. «гривна золота» упоминается как весовая единица при оценке золотого креста с цепью («а в нем гривна золота»). В той же летописи под 1155 г. говорится, что Андрей Боголюбский вковал в икону (т. е. израсходовал на оклад) 30 гривен золота.

Гривны серебра упоминаются многократно и в период после монгольского нашествия, что соответствовало периоду их обращения в качестве денежных платежных слитков. Но обращает на себя внимание тот факт, что первые упоминания денежной гривны или гривны кун, «гривны золота» и «гривны серебра» были зафиксированы только в летописях и юридических документах Новгорода Великого.

По-видимому, это не случайно. Новгород был с X в. одним из крупнейших политических и ремесленных центров древней Руси, где получила исключительное развитие не только экономика и культура, но и русская государственность, феодальный строй общества с его юридическими правовыми установлениями, зафиксированными в Русской Правде. Новгород был, по всей вероятности, и центром производства гривен серебра и золота.

В научной литературе долго держалось ошибочное утверждение И. И. Кауфмана, которое повторялось и А. А. Ильиным, будто бы новгородские гривны серебра появились только во втором десятилетии XIV в. под влиянием татарского нашествия. К 1921 г. А. А. Ильину были известны 69 кладов с новгородскими гривнами, из них 16 кладов были с монетами XIV в.

Это обстоятельство и послужило основанием для ошибочного вывода о начальной дате их появления, противоречившего известиям летописей и других письменных источников.

Письменные источники и археологические факты свидетельствуют о том, что новгородская форма денежной гривны (или летописной «гривны серебра» и «гривны золота») появилась за два столетия до монгольского нашествия и имела хождение, в отличие от киевской гривны, на всей территории древней Руси [5].

Самые древние из сохранившихся в русских кладах денежные гривны и полугривны золота в виде продолговатых слитков-палочек, как и древнейшие подобные им по форме и весу «новгородские» гривны серебра, относятся к середине или второй половине XI в.

Обрубок золотой гривны в виде палочки «с желобком внизу» (длиной 6,1, шириной 1,2, толщиной 1 *см* и весом 78,8 *г*) был найден в кладе у дер. Стражевич Могилевской губ. в 1903 г. [3]. По сообщению М. П. Сотниковой, этот обрубок гривны золота аналогичен по форме самым ранним новгородским гривнам серебра и составляет по длине лишь около двух пятых полного слитка. Это полностью согласуется и с весом типичных новгородских гривен золота и серебра. Если длина обрубка гривны золота составляет около двух пятых длины целой гривны, то вес целой гривны золота соответственно был около 197—200 *г*, а длина около 15 *см*.

Этот клад прекрасно датируется серединой или второй половиной XI в. В его состав входили 319 серебряных монет: 46 арабских диргемов 915—1014 гг., из коих многие с ушками или отверстиями для использования в качестве подвесок, и 273 западноевропейские монеты 936/76—1011/59 гг.

В том же кладе было два слитка в виде продолговатых палочек с расплющенными концами. Нет никакого сомнения, что это древнейшая форма новгородских гривен и полугривен серебра. Длина одного слитка 17,3, ширина 1,3 *см*, вес 202,75 *г*. Этот слиток расплющен путем проковки по всей длине, но на концах больше, чем в середине. По длине и весу слиток представляет собой типичную новгородскую «гривну серебра», тогда как другой подобный слиток длиной 13,9, шириной 1,3 *см* и весом 101,66 *г* — типичную новгородскую «полугривну серебра».

Что касается принципов датировки кладов по их монетному составу, то следует признать наиболее обоснованным и наиболее соответствующим историческим условиям принцип Р. Р. Фасмера, И. И. Толстого, Н. П. Бауера и В. Л. Янина датировать клады по младшим монетам в кладе с небольшой поправкой в зависимости от обстоятельств. Эта поправка не должна превышать четверти века, так как трудно представить, чтобы владелец собрания сокровищ в течение четверти века не пополнял бы его за счет новых монет или драгоценных предметов. Такие разрывы, как убедительно доказывает В. Л. Янин, могли быть как редчайшее исключение.

Несомненно, ко второй половине XI в. относится и клад, найденный в Киеве в 1899 г. в усадьбе Л. И. Бродского, в составе которого были два золотых слитка в виде палочек, совершенно подобных по форме и виду новгородским «гривнам серебра». Этот клад содержал 20 монет, из коих сохранилось 16 : 15 золотых монет византийских императоров 963/69—1057/59 гг. и один золотой арабский динар западного халифата (испанских мавров) 1033 г.

В. Б. Антонович, учитывая состав и хорошую сохранность монет, не бывших долго в употреблении, относил зарытие этого клада ко второй половине или к концу XI в. (возможно, к 1077 г., когда Киев был занят Болеславом II) [12]. По мнению других исследователей, клад был зарыт вскоре после 1059 г. [3].

Один из упомянутых золотых слитков этого клада, целый, имел длину 9,7, ширину 1,2 *см* и вес 95 *г*. Это типичная новгородская «полугривна золота». Другой слиток был точно такой же формы, но большего размера. Один конец его был обрублен немногим более чем на четверть своей первоначальной длины. Этот обрубленный слиток имел длину 10,2, ширину 1,5 *см* и вес 141 *г*. Полная длина этой новгородской гривны золота была около 14 *см*, а вес около 195 *г*.

Следует отметить, что золотые слитки гривенного веса в древнерусских кладах встречаются исключительно редко, всего их известно менее десятка и все они имеют форму, типичную для новгородских гривен.

Н. П. Бауер отмечал четверть века назад: «В отношении вещественных памятников золотого обращения мы не богаты. На основании кладов можно лишь констатировать, что в XI, XII и XIII вв. ходили подобно серебряным слиткам на юге Руси и золотые слитки продолговатой формы. Известны 6 находок золотых слитков. Из них 2 следует отнести к XI в., 1 к XII или XIII и 1 к XIII в.». Сам он видел лишь два слитка (из Киева) [5].

Золотых гривен киевского типа в виде ромбовидного шестиугольника вообще неизвестно.

Денежные гривны киевского типа появились значительно позже гривен новгородского типа, не ранее середины XII в.

В русских кладах, опубликованных Г. Ф. Корзухиной, гривны киевского типа были в 33 кладах, зарытых в последней четверти XII в. или во время монгольского нашествия. Из 33 только три клада найдены вдали от Киева, а 30 кладов с киевскими гривнами найдены или в самом Киеве (19), или поблизости. Все они были с типичными для XII и начала XIII в. золотыми и серебряными украшениями, и только в двух кладах с ними были, кроме таких украшений, золотые византийские монеты XII в. Монеты Алексея (1098—1118) и Иоанна (1118—1143) Комненов в Киевском кладе на ус. Гребеновского были с ушками и использовались до зарытия клада как подвески к ожерелью. Потому и клад следует датировать второй половиной XII в. или, еще вероятнее, 1240 г. Второй клад, с Девич-Горы, с золотой монетой Мануила Комнена (1143—1180), в котором было восемь гривен киевского типа и огромное количество типичнейших украшений XII и начала XIII в., был зарыт, несомненно, во время осады Девич-Горы татарами в 1240 г. Г. Ф. Корзухина на основании массового материала русских кладов датирует период обращения денежных гривен киевского типа последней третью XII в. и первой половиной XIII в. В. Л. Янин предлагает отнести дату появления гривен киевского типа ко второй половине XI в. на основании единственной находки подобного слитка при раскопках в Неревском конце Новгорода [13]. Новгородская стратиграфия Неревского раскопа позволяет с большой точностью датировать и слои и постройки. Датировка киевской гривны, найденной в Новгороде, очень важна для истории денежного обращения на Руси.

Серебряная гривна киевского типа была найдена в 1954 г. на VII раскопе при зачистке южной стенки 19 пласта, в квадрате 490, на расстоянии 10 *м* к востоку от мостовой Великой улицы [1]. Кв. 490 примыкает к южной стенке раскопа. Точная глубина находки в отчете не зафиксирована, и гривна могла быть срезана лопатой из вышележащего пласта. Начальник раскопа С. Н. Орлов говорит, что гривна найдена внутри сруба № 39, который был построен одновременно с рядом расположенным срубом № 38 после очень сильного пожара (они стоят на углистом слое).

В отчете за 1953 г. С. Н. Орлов относил постройку № 38 к 19 ярусу, а № 39 — к 20 ярусу; но в отчете за 1954 г. он отнес срубы № 38 и 39 к 21 ярусу на том основании, что они стоят на мощном слое пожара, который связывал со следами пожара на мостовой 22 яруса. По археологическим материалам мостовая 21 яруса относилась ко второй половине XI в., но по уточненной с помощью дендрохронологии датировке, ярус 21 относится к 1096—1116 гг. Кроме того, слой мощного пожара, о котором идет речь, на соседних раскопах был зафиксирован в 21 ярусе и прослеживался на Неревском раскопе и по Великой и по Козьмодемьянской улицам. В новгородских летописях во второй половине XI в. и первой половине XII в. зафиксирован единственный очень сильный пожар в этом районе — пожар 1111 г.

Следовательно, есть все основания считать, что автор отчета за 1953 г. правильно относил сруб № 39 к 20 ярусу и ошибочно отнес его к 21 ярусу в отчете за 1954 г. Ясно, что сруб не может относиться к 21 ярусу, так как был построен на мощном слое пожарища 21 яруса. Кроме того, сруб № 39 залегает в 20 пласте, а гривна найдена при зачистке южной стенки 19 пласта, следовательно, она могла залегать в слое, перекрывавшем этот сруб, и относиться к 19 ярусу.

На основании всех данных отчета, чертежей, дендрохронологии и летописных известий, серебряная гривна киевского типа из Новгорода никак не может быть отнесена ко второй половине XI в. и к началу XII в. (до пожара 1111 г.).

По всем данным она относится к 20 или 19 ярусам (1116—1161 гг.) и не может служить основанием для установления более ранней даты появления гривен киевского типа в денежном обращении Руси, чем середина XII в.

После монгольского нашествия на Киев в 1240 г. производство гривен-слитков киевского типа прекратилось. Следовательно, они были в обращении около 100 лет.

В одном из кладов в ограде Михайловского монастыря в Киеве, несомненно зарытых в 1240 г., вместе с двумя гривнами киевского типа и характерными для XII и начала XIII в. золотыми и серебряными украшениями были три обломка от двух золотых слитков классического новгородского типа в виде палочек полукруглого сечения [3].

В публикациях говорится, что все три обломка от одного слитка, но при внимательном их сопоставлении выяснилось, что это обломки двух разных слитков. К сожалению, не удалось взвесить обломки отдельно, общий их вес 180,6 *г*.

Длина одного из обломков, представляющего примерно половину классической новгородской гривны с сохранившимся закругленным концом, равна 7,7, а ширина 1,4 *см* (длина целой гривны была около 15 *см*, а вес около 200 *г*).

Вторая гривна представлена двумя обломками разной ширины (1,2 и 0,9 *см*), концы гривны обломаны. Общая длина этих обломков 8,9 *см*.

---

[1] Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1954 г., I, стр. 8, 23—24, 60, 167, 170; отчет за 1953 г., II, стр. 245. Архив ИА АН СССР, дд. №№ 993 и 860.

К домонгольскому времени относятся также «несколько золотых слитков (монетных гривен) и золотые серьги» из клада в г. Василькове на берегу р. Стугны, найденного в 1885 г. [2, 3].

Новгородские «гривны серебра», появившись в середине XI в., во второй половине этого столетия получают широкое распространение [1] в качестве платежных слитков при крупных торговых операциях. От XI в. сохранилось довольно много кладов с палочкообразными гривнами серебра новгородского типа и веса.

М. П. Сотникова, вслед за Н. П. Бауэром, делит все новгородские гривны серебра на две последовательные хронологические группы по их форме и особенностям. Более плоские и длинные (от 14 до 20 *см*) с желобком на верхней широкой стороне относятся к XII — XIII вв. Короткие слитки (от 10 до 14 *см*) с высокой, иногда выгнутой спинкой относятся к XIV—XV вв. На последних часто бывают продольные швы на боковых сторонах—результат метода «двухслойной» отливки, появившегося во второй половине XIV в. Эта закономерность статистически хорошо подтверждается материалом кладов и новыми находками новгородских гривен серебра, хотя есть и исключения.

Например, в кладе у дер. Стражевич Могилевской губ., найденном в 1898 г. и хорошо датирующемся второй половиной XI в. (в кладе было 207 серебряных монет: 48 арабских диргемов 916/17—995 гг. и 159 западноевропейских X и XI вв.), были два слитка серебра новгородского типа с расплющенными концами длиной 13,9 (ширина 1,3) и 12,2 (ширина 0,9—1,4) *см* (вес неизвестен), тогда как найденная при археологических раскопках в Новгороде в 1961 г. гривна серебра длиной 14,2 *см* (вес 186,49 *г*) датируется серединой XIV в.[2]. Подобные исключения могут быть, но они единичны и не противоречат установленной закономерности.

Действительно, все известные в настоящее время клады с новгородскими гривнами серебра, зарытые их владельцами до или во время монгольского нашествия, полностью подтверждают эту закономерность, отмеченную М. П. Сотниковой. Не исключено, что более длинные новгородские гривны серебра (14 — 20 *см*) наиболее характерны для периода до монгольского нашествия, т. е. для XI, XII и первых четырех десятилетий XIII в.

Помимо упомянутых двух кладов у дер. Стражевич, к XI в. относится еще ряд кладов. В киевском кладе 1787 г. на склоне Михайловской горы вместе с целым кувшином древних серебряных монет разной величины (вероятно, арабских диргемов и западноевропейских монет X—XI вв.) было «3 или 4 слитка серебра в виде палок сургуча», несколько золотых колец и перстней [3]. Слитки «в виде палок сургуча» — это типичные новгородские гривны.

Два серебряных слитка в виде палочек были в кладе из с. Великоселецкого Полтавской губ., найденном в 1903 г. вместе с золотыми кольцами и двумя золотыми византийскими монетами Василия II и Константина VIII (около 1025 г.) и Константина IX (1042—1054). Монеты хорошей сохранности, без дырок для подвешивания и, по-видимому, попали в клад во второй половине XI в.[3]. Форма этих двух слитков несколько

---

[2] Гривна найдена в слое пожарища 1340 или 1342 г. (ярус 9, пласт 16, кв. 2087). Датировка слоя археологическая и дендрохронологическая. Гривна имела восемь косых нарезок, что определяет, по мнению М. П. Сотниковой, вес угара — 26,63 *г*.

[3] В публикациях долго повторялась ошибка в наименовании императоров, хотя говорилось четко, что обе монеты XI в. В ОАК за 1903 г. сообщалось, что «две золотые византийские монеты XI в. (Василия II и Константина XI и Константина XII) без отверстий». Здесь явная путаница. Г. Ф. Корзухина исправила нумерацию Константинов на VIII и IX, что несомненно верно, но ошибочно их объединила как соправителей. Монеты могли быть: Василия II и Константина VIII и вторая — Константина IX (1042—1054). Первые два императора были родными братьями и могли быть соправителями около 1025 г.

отличается от классической новгородской гривны серебра небольшим расширением в середине и суженными концами, которые у одного из слитков слегка расплющены. Но длина и вес этих гривен не вызывают сомнений в их принадлежности к новгородскому типу. Длина одного из слитков 15,3, ширина 1,6 *см* (в середине до 2,4 *см*), а вес 198,09 *г*. Длина второго — 14,7, ширина на концах 1, в большей части длины, как и первого, 1,6 и лишь в середине 2,3 *см*, а вес 194,76 *г*.

Ко второй половине XI в. относится, несомненно, и клад из г. Полоцка, найденный в 1910 г. В нем были две серебряные гривны новгородского типа (в публикациях ошибочно говорится о четырех гривнах) и около 15 мелких обрубков от таких же слитков вместе с большим числом серебряных обрубков от пластин и слитков совсем не гривенного характера, среди которых есть заготовки пластинчатых браслетов с чеканным узором, проволока толстая для браслетов и т. п. В кладе были 142 целые западноевропейские серебряные монеты (от 936/973 до 1054/1076 гг.) и несколько фрагментов арабских диргемов [3].

Длина одного слитка 14,8, ширина 1,2 (до 1,9 в середине), толщина 1 *см*, вес 190,65 *г*. Концы его слегка расплющены, а середина расширена (в значительной мере за счет расплывшегося при отливке серебра). Нарезок, означающих долю угара серебра при отливке, как и на всех слитках XI в., нет.

Второй слиток, совершенно такой же формы и полукруглого сечения, с одного конца обрублен, и сохранившийся конец не расплющен. Длина обрубка 11,6, ширина 1,5 (в середине до 2 *см*), толщина 1,1 *см*, вес 173,75 *г*. Нарезок нет. Полная длина этого слитка легко восстанавливается и была около 15 *см*, а вес около 208 *г*.

Просмотр гривен из полоцкого клада в ГИМ убеждает, что они очень близки по форме и размеру гривнам из с. Великоселецкого и что почти для всех новгородских гривен серебра XI в. характерными признаками являются: расплющенность концов, а иногда и всей гривны, иногда небольшое расширение в середине за счет формы и небрежной отливки, а также длина более 14 *см*.

К самому концу XI или началу XII в. относится «слиток, напоминающий, по описанию, серебряную гривну» из Льговского клада Калужской области, найденного в 1946 г. с целым горшком западноевропейских монет середины и второй половины XI в.— от Бруно III (1038—1057) до Эгберта II (1068—1090) [14]. По всей вероятности, это была именно новгородская гривна серебра, так как гривны киевского типа появляются в обращении только с середины XII в.

К середине XI в. относится целый серебряный слиток в виде палочки треугольного сечения длиной 10,5, шириной 1,4 *см* и весом 139 *г*. из клада в с. Денис Переяславского у. Полтавской губ., где было 419 целых и около 5000 обрезков арабских и шесть или семь русских монет Владимира и Ярослава (самая поздняя 1025 г.) [3]. Форма его близка к новгородским, но вес совершенно не характерен. Возможно, что этот слиток не денежно-весового значения, а просто слиток сырьевого поделочного серебра.

К XII и первым четырем десятилетиям XIII в. (до монгольского нашествия) относится значительно большее число кладов с новгородскими гривнами серебра, чем к XI в. Во время монгольского нашествия было спрятано и зарыто огромное количество сокровищ, в том числе гривен, по всему пути опустошительного похода Батыя. Большинство владельцев кладов погибло в битвах или было угнано в плен.

Именно монгольским нашествием можно объяснить огромное число кладов с гривнами на юге Руси и в Рязанской земле и исключительно малое число кладов с гривнами домонгольскими на севере — в Новгородской земле и на Псковщине. Здесь не было надобности зарывать сокровища, так как монголы не подходили близко к этим городам. Эти

гривенные слитки не были изъяты из обращения, частично шли в уплату «ордынского выхода», частично переплавлялись в различные изделия, а позднее, когда началась чеканка серебряной монеты,— переделывались в монеты. На мой взгляд, только этим и можно объяснить малое количество кладов с новгородскими гривнами в самом Новгороде и на подвластных ему территориях. Подтверждением этому может служить значительное число кладов со слитками в Прибалтике, где была постоянная опасность от не в меру воинственных ливонских рыцарей и где борьба с немецкой агрессией не утихала в этот период.

Три гривны серебра классической новгородской формы (длиной 15,7; 16,1 и 17,9 *см;* шириной 1,6—1,8 *см)* в кладе, найденном в 1907 г. в ограде Михайловского монастыря в Киеве, были вместе с серебряными денежными гривнами киевского типа и золотыми ажурными трехбусинными серьгами, имевшими широкое распространение в XII и XIII вв., до монгольского нашествия. Клад, несомненно, был зарыт в 1240 г. Две гривны этого клада имели и вес новгородский (по 192,88 *г*), а третья была южного веса (128 *г*). Интересно, что в XII и начале XIII в. встречались изредка и гривны киевского типа (ромбовидные) новгородского веса (194—215 *г*) [3, 4].

Ко времени монгольского нашествия И. М. Самойловский относит и клад, найденный в Киеве в 1949 г., в составе которого вместе с тремя серебряными гривнами «в виде продолговатых брусочков» (новгородского типа) были денежные гривны киевского типа, золотые бусы, подвески, колты с перегородчатой эмалью и многолучевой каймой, типичные для XII и первой трети XIII в. Клад зарыт, по всей вероятности, в 1240 г. [15]. Новгородские гривны серебра из этого клада имели, соответственно, длину 14; 16,5; 17,5 *см,* ширину 1,5; 1,5; 1,7 *см* и вес 195; 206,77; 227,03 *г* (средний вес 209,6 *г*). И форма гривен и их вес не вызывают сомнений в их новгородском происхождении, как и домонгольская дата их отливки.

К этому же времени относятся и вещи клада близ с. Стариково Курской губ., в котором было пять новгородских гривен серебра (весом от 187,62 до 213,2 *г*) и две полугривны (весом 105,15 *г*) [3].

В Щигровском кладе Рязанской обл., найденном в 1952 г. в медном котелке, было три серебряных сосуда и 35 новгородских гривен [16, 17]. Длина всех гривен Щигровского клада от 14 до 15,6 *см* (лишь одна гривна имеет длину 13 *см*), ширина 1,5—1,8 *см,* вес от 189 до 212 *г*. Чаша и ковш из этого клада имеют очень характерный для XII в. растительный орнамент. Мотив этого орнамента пришел на Русь из Византии, где он известен с IX в. и был широко распространен в XI в. На Руси этот узор наиболее часто встречается в XII в. Точно такой же орнамент, как на ковше и чаше из Щигровского клада, имеется в Новгородском Юрьевском евангелии 1120—1128 гг. (лл. 1,71 об., 144) [18], в росписи Нередицкой церкви 1199 г. [19]. Элементы этого узора встречаются и в XIII в., но значительно реже, чем в XII в.

Изображения льва и грифона на днищах этих сосудов также наиболее характерны для XII и начала XIII в. и имеют многочисленные аналогии на памятниках домонгольского времени [4].

Наиболее близкой щигровской чаше А. Л. Монгайт считает чашу из Каменнобродского клада, зарытого также во время монгольского нашествия [3, 17]. Орнамент на ручке ковша из Щигровского клада и на Каменнобродской чаше одинаков и характерен для XII в. Точно таким же геометрическим узором был украшен боевой топорик, найденный в Новгороде в слое первой половины или середины XII в. [22] [5]. В том же Ка-

[4] На колтах из домонгольских кладов, на арке XII в. из Вщижа, в резьбе по камню на стенах церквей Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире, построенных во второй половине XII в. [20, 21].

[5] Ярус 19—20, пласт 17, кв. 1724; дата уточнена по дендрохронологии.

меннобродском кладе была шейная золотая гривна конца XI — начала XII в. с чеканным орнаментом, подобным узору по краю щигровских сосудов [3].

Несомненно, что Щигровский клад был зарыт в 1237 г.—во время монгольского нашествия, как и предполагал автор первой публикации этого клада В. С. Ерохин.

В кладе, найденном в Твери в 1906 г. и зарытом, несомненно, во время монгольского нашествия, было 10 новгородских гривен серебра вместе со 106 гривнами киевского типа, колтами и другими золотыми и серебряными украшениями, характерными для XII и начала XIII в. Пять из новгородских гривен были отлиты в одной литейной форме, все они имели длину 18,6 *см* с несколько расширенными и слегка скошенными концами [2]. Вес этих слитков от 184,88 до 203,11 *г* и один слиток весом 96,44 *г* (полугривна). На одном из слитков 14 тонких нарезок, обозначающих долю угара (потери веса сырья при отливке).

Несомненно, к 1237 г. относятся клады из разрушенной монголами Старой Рязани (1876 г.), из Переяславля Рязанского (1828 г.), из дер. Пустополки близ Старой Рязани (1888 г.) и из Щигров (1952 г.).

В Старой Рязани в 1876 г. было найдено 14 новгородских гривен серебра средним весом по 198,02 *г* [6].

Недалеко от Старой Рязани, напротив княжеского села Исад, на противоположном берегу Оки у дер. Пустополки в кладе было 12 типичных новгородских гривен серебра длиной, судя по пяти экземплярам из ГИМ, от 15,1 до 17,2, шириной 1,5, толщиной от 0,9 до 1,3 *см*. Вес всех гривен от 187,7 *г* (обрублен) до 225,26 *г*. Средний вес 205 *г*, т. е. точная весовая норма новгородской гривны. В сечении гривны трапециевидные и близкие к треугольнику, на семи из них было от двух до 11 нарезок и на двух буква К [2, 17].

Клад Переяславля Рязанского, найденный у Борисоглебской церкви в 1828 г. и состоявший из 199 новгородских гривен серебра, вероятно, тоже был зарыт в 1237 г., когда татары подступали к городу. Судя по длине (от 14,1 до 15,5, средняя длина 14,7 *см*) и весу (от 188,22 до 212,75 *г*), гривны этого клада, несомненно, относятся к домонгольскому времени, а их полное сходство по форме, весу, размерам, характеру и числу нарезок с гривнами серебра из Щигровского клада позволило М. П. Сотниковой сделать вывод, что и те и другие были отлиты в одной мастерской.

Совершенно аналогичны гривнам из последних двух кладов слитки серебра из нового клада в Городце на Волге [7].

Городецкий клад публикуется здесь впервые (рис. 1 и 2). Найден он был в 1952 г. Г. Г. Голубевым на Волжской улице г. Городца при рытье погреба под строившимся тогда домом № 1 А. На глубине около 1,5 *м* от современной поверхности, в черном слое земли (возможно, в землянке) находчик наткнулся лопатой на горшок, в котором лежало восемь однотипных по виду и размеру слитков серебра. Горшок разбился, а черепки от него были тут же выброшены.

Все сохранившиеся семь слитков имеют явные следы копоти. Следовательно, горшок с новгородскими гривнами серебра был в каком-то огне или в пожарище.

Летом 1960 г. во время археологических раскопок на Волжской улице в Городце, организованных Горьковским музеем и производившихся под руководством автора этого сообщения и научного сотрудника Горьковского музея В. Ф. Черникова, все сохранившиеся гривны клада Г. Г. Голубев передал в дар Городецкому музею. Оттуда две гривны (самая легкая и самая тяжелая), в свою очередь, были переданы Горь-

[6] Н. П. Бауер без оснований отнес слитки к XIV-XV вв.

[7] Городец на Волге основан во второй половине XII в. и в летописи впервые упоминается под 1172 г. Он расположен на левом берегу Волги, в 53 *км* выше г. Горького, районный центр Горьковской обл.

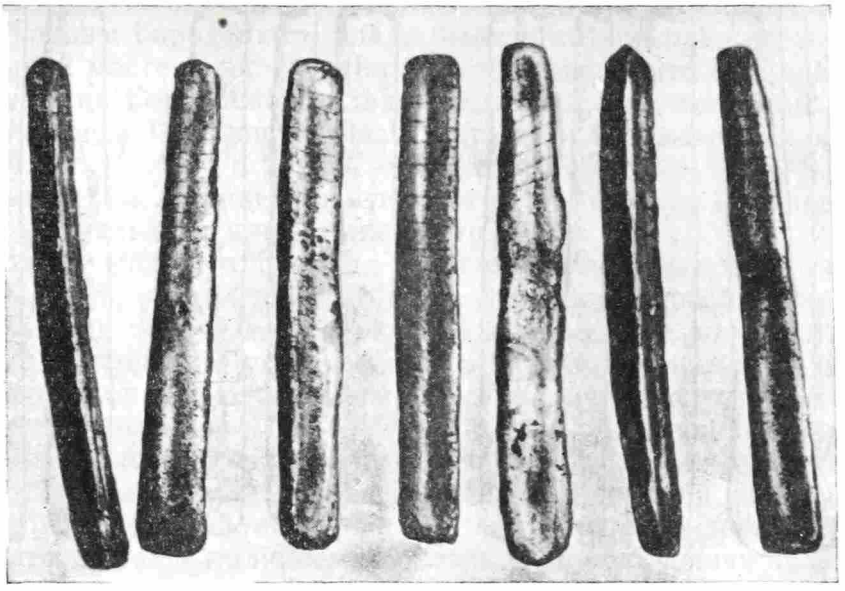


Рис. 1. Серебряные гривны из Городецкого клада, найденного в 1952 г.

ковскому музею-заповеднику. Мое заявление о необходимости хранения всего клада в одном музее было оставлено без внимания.

Средний вес гривен (203,57 *г*) почти точно соответствует весовой норме новгородской гривны серебра, известной уже по документам домонгольского времени. На пяти слитках было по семь тонких черточек-нарезок, на одном — шесть и на одном — 12. Сохранность слитков отличная, серебро белое, высокосортное, на слитках кое-где есть ноздреватость, образовавшаяся в процессе отливки. На верхней, наиболее широкой и плоской стороне слитков при остывании залитого в форму серебра образовались продольные желобки.

На всех слитках на плоской стороне после отливки были нанесены поперек слитка параллельные нарезки-черточки, обозначавшие определенную долю угара (потери) серебра при отливке [4]. Черточки нанесены острием вроде шила, как на широких концах слитков (№ 2—4 на таблице), так и на узких (№ 1,5—7). Кроме ряда параллельных поперечных нарезок на каждом слитке четко (на одном менее четко) видно по одной наклонной черточке.

Наклонная черточка на всех семи гривнах стоит у конца слитка и одним концом своим упирается в первую из нарезок ряда, образуя с ней подобие буквы У. По всей вероятности, она обозначает начало ряда, фиксирующего весовую долю угара, а сама по себе никакого другого значения не имеет.

№№ п/п	Место хранения	Размеры слитков, *см*			Число нарезок	Вес, *г*			Рисунок
		длина	ширина	толщина		слитка	угара	сырья	
1	Городецкий музей	15,2	1,8	1,2	7+1	207,67	34,61	242,28	2—1
2	Там же	14,2	1,7	1,1	7+1	201,02	33,5	234,52	2—2
3	Там же	14,3	1,6	1,2	7+1	198,48	33,08	231,56	2—3
4	Там же	14,7	1,7	1,2	7+1	202,30	33,71	236,01	2—4
5	Там же	15,1	1,5	1,3	7+1	202,30	33,71	236,01	2—5
6	Горьковский музей-заповедник	14,8	1,8	1,3	12+1	216,03	19,64	235,67	2—6
7	Там же	14,8	1,6	1,4	6+1	197,18	39,44	236,62	2—7
8	Утрачена после находки	14—15	—	—	—	около 200	—	—	—

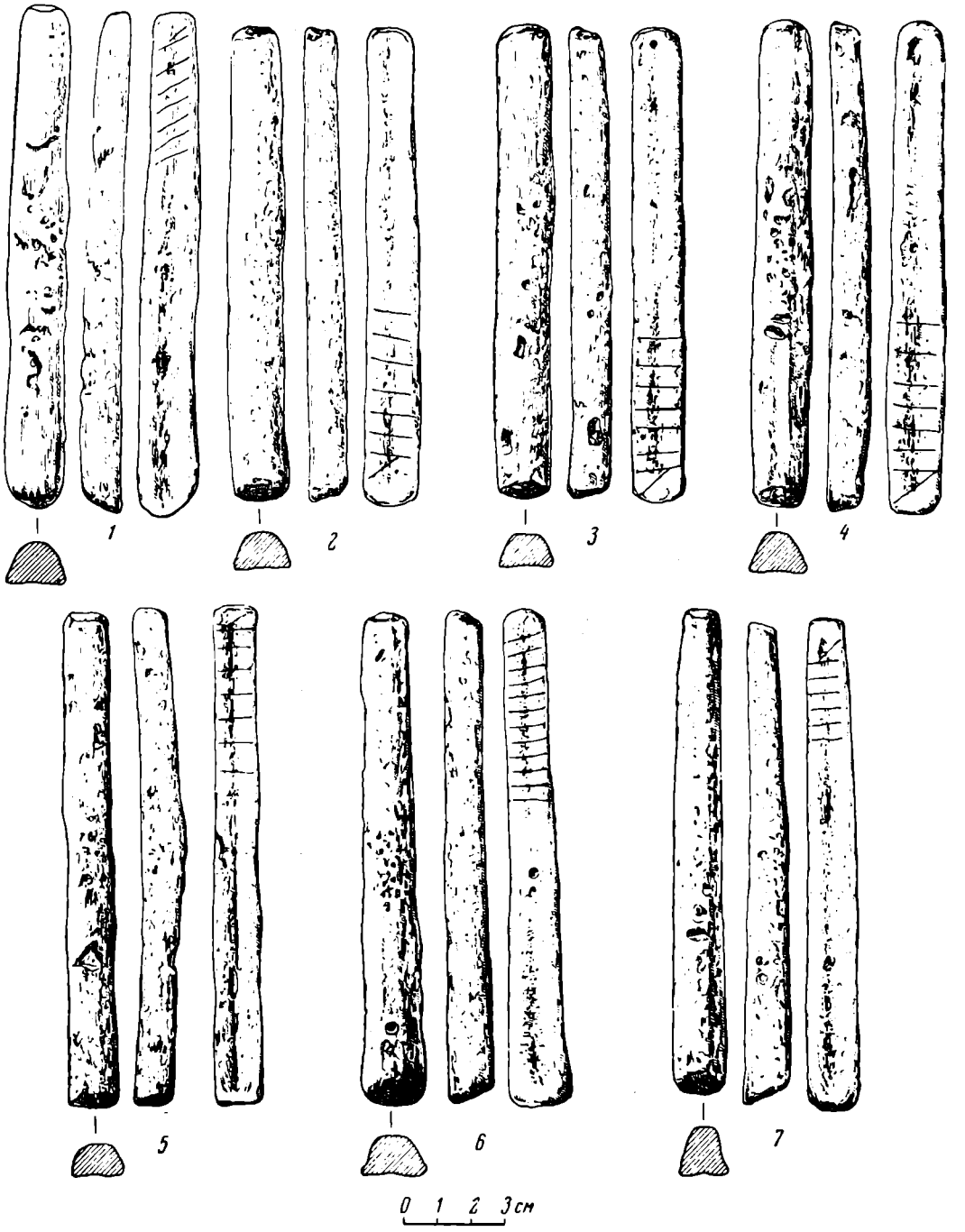


Рис. 2. Серебряные гривны из Городецкого клада, найденного в 1952 г. (виды снизу, сбоку, сверху и разрез)

На помещенной выше таблице приведены метрические данные всех новгородских гривен серебра Городецкого клада, в том числе вес угара и сырья до отливки, вычисленные на основании числа нарезок на слитках по методу И. Г. Спасского и М. П. Сотниковой.

Как видно из таблицы, вес исходного сырьевого серебра для каждой гривны брался удивительно близкий, почти одинаковый (средний вес сырья для всех семи сохранившихся гривен 236,09 *г*). Такую точность в отвесе сырья можно объяснить только тем, что их отливал один мастер, даже если и не в одной форме.

По длине и форме гривны из Городецкого клада удивительно сходны с гривнами из кладов Щигровского (1952 г.) и Переяславля Рязанского (1828 г.), отлитых, по мнению М. П. Сотниковой, в одной мастерской или одним мастером. По характеру и числу черточек, по весу слитка, угара

и сырья они также очень близки гривнам Щигровского клада[8]. Не исключено, что гривны Городецкого клада были отлиты в одно время с последними в одной мастерской. Это тем более вероятно, что есть все основания дату зарытия Городецкого клада связывать с монгольским нашествием 1238 г., когда Городец был взят татарами и сожжен до основания (ПСРЛ, т. 1, стр. 441; т. 20, 157—158; т. 23, 75; т. 24, 93; т. 25, 128; т. 26, 73). Львовская летопись отмечает, что и в 1239 г. Городец подвергался разрушительному нашествию татар.

При раскопках 1960 г. в Городце были открыты три домонгольских жилища — землянки, углубленные до 1,5 *м* от дневной поверхности. Они датируются XII или первой четвертью XIII в. и погибли во время сильного пожара, одновременно уничтожившего внутри детинца и на посаде все упомянутые жилища, отстоявшие друг от друга на сотни метров. Заполнение всех землянок — темно-серая и темно-коричневая земля с большой примесью угля, отчего она кажется черной.

На всех трех участках, где велись раскопки и были обнаружены жилища, четко прослеживались три слоя, отделявшиеся друг от друга как по цвету земли, так и наличием прослоек угля от больших пожарищ. Особенно толстая угольная прослойка (от 1 до 5 *см*) перекрывала самый нижний, древнейший слой Городца, к которому и относились упомянутые землянки с большим количеством разнообразных вещей несомненно домонгольского времени[9].

В слое пожарища, перекрывавшего землянку № 1 (в Советском переулке, раскоп I), был найден железный наконечник стрелы — срезень в виде удлиненной узкой лопаточки, имевший широкое распространение в Монголии и Сибири. Этот тип наконечников стрел, как и некоторые другие, появился на территории Руси только во время монгольского нашествия [23].

Древнейший слой (толщиной от 10 до 20 *см*) относится ко второй половине XII и первой половине XIII в. (до 1238 г.). Второй или средний слой (толщиной от 15 до 30 *см*) относится ко времени после монгольского разорения до 1408 г., когда Городец вновь был сожжен войсками хана Едигея. Верхний слой датируется временем с XV по XX в. включительно и не превышает 10—15 *см* толщины. Общая толщина культурного слоя в Городце на всех раскопанных участках — от 30 до 60 *см*.

Учитывая это обстоятельство и то, что горшок с новгородскими гривнами серебра был найден в слое черной земли на глубине 1,5 *м*, на посаде, на расстоянии 100 *м* от рва и вала детинца, где велись раскопки, мы пришли к убеждению, что клад был наспех зарыт в землянке, возможно даже в горшке был поставлен в печь или в припечную яму. Такая яма с толстым слоем золы и угля была слева от печи-каменки в землянке № 3 (раскоп II на той же Волжской улице, внутри Детинца). После захоронения клада жилище сгорело и обрушилось от пожара, по всей вероятности, во время монгольского нашествия в феврале 1238 г. Это подтверждают как будто все факты: и закопченность самих гривен и горшка, и форма слитков, и их архаические (домонгольские) размеры и вес.

К сожалению, уточнить обстоятельства находки Городецкого клада раскопками невозможно — над местом находки построен дом. Но и тех данных, которые имеются, достаточно для датировки Городецкого клада 1238 годом.

Весь рассмотренный в данной статье материал убедительно свидетельствует, что новгородская «гривна серебра» появилась и получила

---

[8] Ср. соответственно номера слитков из Городецкого клада со слитками из Щигров: № 1 с № 1 и 20, № 2 с № 29, № 3 с № 8, № 4 и 5 с № 11, 17 и 21, № 7 с № 10.

[9] См. отчет о раскопках в Городце на Волге за 1960 г. Архив ИА АН СССР, д. № 2359.

широкое распространение как платежный слиток уже в середине XI в., почти за два столетия до нашествия Батыя. Разумеется, точка зрения И. И. Кауфмана о появлении новгородских слитков серебра в начале XIV в. под влиянием монгольского нашествия археологическими материалами и письменными источниками полностью опровергается.

Рассмотренный материал и новый клад из Городца на Волге подтверждает выводы М. П. Сотниковой о едином центре производства новгородских гривен серебра, о назначении черточек-нарезок на слитках, наносившихся мастером-серебреником (ливцом) для фиксации доли угара серебра по отношению к весу сырья. Особенно убедительно это подтверждается кладом из Городца, где вес сырья до отливки для самых разновесных слитков был совершенно одинаков — около 236 *г*[10].

Подтверждается и уточняется вывод о том, что наиболее длинные и плоские слитки (от 14 до 20 *см*) относятся к более раннему времени, а именно: ко второй половине XI, XII и первой половине XIII в. (до монгольского нашествия 1237—1241 гг.). Гривны этого времени полновесны (около 204 *г*).

Дальнейшее детальное изучение размеров, веса и особенностей формы слитков, их сличение друг с другом позволит выяснить многие вопросы, связанные с производством и обращением этих слитков, и выявить признаки, характерные для «гривен серебра и золота» XI, XII и других веков. Эти признаки уже наметились.

Литература

1. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 44—48; 161—162.
2. А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. СПб., 1921, стр. 128.
3. Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954, стр. 85, 90, 91, 96, 97, 122, 123, 134—135, 141.
4. М. П. Сотникова. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. Тр. ГЭ, IV, 1961, стр. 79—91.
5. Н. П. Бауэр. Денежный счет Русской Правды. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.— Л., 1937, стр. 225, 239.
6. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, 1, СПб., 1893, стр. 590.
7. Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 36, 39, 190.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, стр. 55—56, 140—141.
9. М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 20, 23—24, 75, 91.
10. М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.— Л., 1941.
11. Памятники русского права. Вып. 2, М., 1953, стр. 58, 59, 62, 63.
12. В. Б. Антонович. Замечательный клад. «Киевская старина», 1899, октябрь, отд. II.
13. В. Л. Янин. Рец. на книгу Г. Ф. Корзухиной «Русские клады X—XIII вв.» СА, XXV, 1955, стр. 363.
14. Н. М. Маслов. Льговский клад. КСИИМК, 23, 1948, стр. 105—107.
15. І. М. Самойловський. Новий скарб часів Київської Русі. Археологія, VI, 1952, Київ.
16. В. С. Ерохин. Щигровский клад. КСИИМК, 53, 1954.
17. А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 303, 313—315, 316.
18. В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, табл. 120, *25*; 123, *20*; 124, *2*; 53; 54, *14, 17*.
19. А. Строков, В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, рис. 43.
20. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, рис. 54—56.
21. Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV вв., I, М., 1961, рис. 130, 148, 192.
22. В. П. Даркевич. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. СА, 1961, 4, рис. 3—7.
23. А. Ф. Медведєв. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, рис. 13, *32*, 15, *9*.

[10] Вес сырья для слитка № 6 (216,03 *г* с 12 нарезками) равнялся 235,67 *г*, а для слитка № 7 (197,18 *г* при шести нарезках) — 236,62 *г*.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

К ВОПРОСУ О ГОНЧАРНЫХ КЛЕЙМАХ

В результате археологических раскопок собраны значительные по объему коллекции восточнославянской круговой керамики XII—XIII вв. На днищах многих из найденных при раскопках сосудов были обнаружены новые типы и разновидности гончарных или керамических клейм. Выполненные обычно рельефом, они являются отпечатками знаков и рисунков, вырезанных на деревянных подставках, укреплявшихся на ручных гончарных кругах. При изготовлении сосудов на круге клейма эти отпечатывались на их днищах. Количество известных опубликованных в литературе гончарных клейм велико. Каждая новая публикация славянской керамики прибавляет к этому огромному каталогу клейм десятки, а порой и сотни новых экземпляров.

Еще больше клейм не опубликованных, хранящихся в коллекциях керамики. Эти гончарные клейма уже давно привлекали внимание археологов. Попыткам разгадать значение этих клейм и определить их принадлежность посвящена значительная по объему и разнородная по характеру литература. Одним из первых, обративших внимание на знаки на днищах сосудов, был К. П. Тышкевич, который, исследуя курганную керамику, высказал предположение о мифологическом, религиозном характере этих знаков. Он связывал их с погребальными обычаями славян того времени. Исходя из этого Тышкевич раскрывал значение, например такого широко распространенного у восточных славян XI—XIII вв. клейма, как «крест в круге», как «эмблемы ожидаемой в будущности более благополучной жизни, соединенной с вечностью по ту сторону могилы». Одновременно он указал на широкое распространение этих знаков [1,2].

В 1867 г. Н. А. Котляревский в специальной заметке, появившейся в том же томе «Древностей», в котором была опубликована одна из статей К. П. Тышкевича, касающаяся клейм, не согласился с его гипотезой о их назначении и высказал иное, более прозаическое мнение. Он предположил, «что при бедном состоянии хозяйства и простые горшки могли быть предметом спора и они составляли собственность, требовавшую юридической пометы», т. е. он высказал предположение, что знаки на днищах сосудов являются не просто языческими символами, как это утверждал К. П. Тышкевич, а юридическими категориями, знаками собственности. Н. А. Котляревский высказал сомнение в возможности определить, кому принадлежат эти меты вообще, а в особенности в то время, когда в быту могла быть лепная керамика. «Если же горшки изготовлены на гончарном круге,— писал он,— то знаки, на них изображенные,— нет сомнения — принадлежат уже к фабричным клеймам». Короче говоря, Н. А. Котляревский, с одной стороны, утверждал, что клейма на днищах горшков являются знаками собственности владельцев сосудов, а с другой, знаками гончаров, метивших таким образом

свою продукцию. Как К. П. Тышкевич в упомянутых выше работах, так и Н. А. Котляревский указывают многочисленные западные аналогии восточнославянской круговой керамике в отношении этих клейм и знаков [3].

И. А. Хойновский в одной из своих работ, вышедшей в 1892 г., писал, что он считает гончарные клейма «символическими знаками». Он связывал их с обычаем сжигать покойников и утверждал, что в тех местах, где этот обычай существовал, существовало и специальное производство сосудов с клеймами, которые употреблялись только для хранения пепла. В тех же местах, где такого обычая не было, при погребении ставили сосуды без клейм [4]. К. П. Тышкевича и И. А. Хойновского поддержал В. И. Сизов в работе, посвященной изучению Гнездовского курганного могильника [5]. В ней он настаивает на символическом, языческом значении этих знаков, ссылаясь при этом на сравнительно редкую встречаемость в публикуемом им материале клейменых сосудов (по его подсчетам около 15%). Не вдаваясь в детали вопроса о назначении этих знаков, Сизов весьма убедительно показал, что само начертание их имеет определенную связь с языческой символикой и в происхождении они определенно с ней связаны.

Через несколько лет после появления работы В. И. Сизова была опубликована статья А. С. Уварова, в которой он показал широкое распространение керамики с клеймами, указал широкие аналогии в западнославянской круговой керамике восточнославянским сосудам с клеймами [6]. Без особой аргументации Уваров согласился с мнением Н. А. Котляревского о том, что знаки, изображенные на днищах восточнославянских керамических сосудов XI—XIII вв., являются знаками гончаров, их клеймами. Той же точки зрения придерживалась и В. Е. Козловская в сравнительно небольшой работе, посвященной изучению клейменой восточнославянской керамики. Особых доказательств в пользу этого предположения она не привела [7]. Работа эта была написана по материалам Киевского исторического музея и направлена в опровержение соображений В. И. Сизова о древнерусских гончарных клеймах.

В ряде своих работ Б. А. Рыбаков поддержал это ставшее к тому времени общепринятым представление о значении гончарных клейм, как мет гончаров, свел воедино всю приводившуюся в его пользу аргументацию и одновременно сделал ряд очень важных новых наблюдений о распространении их, о встречаемости их в определенных комплексах, установил, что клейма не только бытуют, но и изменяются во времени [8—10]. На основании тщательного анализа серий клейм Б. А. Рыбаковым было прослежено усложнение рисунков некоторых гончарных клейм на одном поселении, в одном могильнике. Полагая, что клейма являются знаками мастеров, исследователь ставит вопрос о возможности на основании керамического материала проследить выделение нового поколения гончаров, которое принимало за основу клеймо старшего поколения, усложняя его добавлением в рисунке новых черточек, называемых «отпятнышами». Это позволило Б. А. Рыбакову выдвинуть тезис о возможности проследить наследственность в гончарном ремесле древней Руси на материале керамических клейм; этому тезису есть много и этнографических доказательств. При изучении курганной керамики Б. А. Рыбаковым было отмечено отсутствие тождественных клейм (т. е. клейм, являющихся отпечатками одного знака, вырезанного на подставке круга) в соседних курганных группах, что дало возможность говорить о малой продуктивности деревенских гончаров, круг заказчиков которых был, очевидно, ограничен односельчанами. Б. А. Рыбаков отмечает, что даже в пределах одной курганной группы ему не встретилось тождественных клейм, а имеющиеся в литературе на эту тему сведения при проверке по коллекциям оказались ошибочными.

Нахождение гончарных клейм с изображениями княжеских знаков позволило говорить о наличии гончаров, обслуживающих только княжеское хозяйство, гончаров, зависимых от князя, которые вынуждены были метить изготовляемую ими керамику не собственным клеймом, а клеймом-знаком князя. Находка на Вщижском городище в одном горне горшков с клеймами разного рисунка была истолкована как «сябринное» совместное владение одним горном несколькими гончарами, из которых каждый метил формованную им керамику собственным клеймом.

Большое число клейм разных рисунков, находимых на отдельных поселениях, позволило Б. А. Рыбакову говорить о многочисленности гончаров в городах при малой производительности каждого из них.

Представление о том, что гончарные клейма являются знаками гончаров, получило всеобщее признание, и, казалось бы, нет нужды еще раз возвращаться к этому как будто давно решенному вопросу. Однако новые материалы по древнерусскому керамическому производству X—XIII вв., собранные за последние годы, дали много новых фактов, которые необъяснимы, если по-прежнему придерживаться предположения о том, что клейма на гончарных сосудах являются знаками гончаров. Аналогичный материал был получен и при изучении западнославянской керамики, что дало возможность в 1952 г. чешскому археологу К. Черногорскому на основании данных этнографии и политэкономии предположить, что клейма на днищах сосудов являются знаками заказчиков, по их требованию поставленными на днищах заказываемых ими сосудов [11].

Среди полученных за последние годы материалов все больше обращает на себя внимание факт наличия на одном поселении большого числа различных керамических клейм. Так, при раскопках Старой Рязани за несколько лет работ было найдено около 180 различных гончарных клейм [12, 13]. Старая Рязань была крупнейшим древнерусским городом, поэтому можно предположить, что там в разное время работали 180 гончаров, из которых каждый имел свое клеймо. Однако весьма примечательно и то обстоятельство, что с каждым годом раскопок появлялись и новые клейма, не известные ранее.

Подобная картина наблюдается и на киевском керамическом материале того времени. В этом смысле особый интерес представляет коллекция керамических клейм, собранная на Вщижском городище. Здесь на небольшом памятнике в слоях XI—XIII вв. найдено около 320 обломков клейменых сосудов, которые составляют 200 различных рисунков клейм. На основании этих данных, следуя предположению о том, что гончарные клейма являются знаками мастеров, Б. А. Рыбаков вынужден был посчитать, что на этом памятнике одновременно работало не менее 15—20 гончаров [14]. При этом упускалось из виду, что количество клейменой посуды на Вщижском городище по подсчетам исследователей составляет не более 5% всей посуды, найденной на поселении [15]. Таким образом, если согласиться с тем, что клейменую посуду изготовляли одни гончары, а посуду без клейм — другие, то число гончаров окажется более чем значительное.

Если считать, что как клейменая, так и неклейменая посуда изготовлялась одними и теми же гончарами, то станут непонятными соображения, по которым часть посуды, выпускаемой одним гончаром, метилась им, а бóльшая часть ее не клеймилась совсем, хотя качество неклейменой посуды было одинаковым. В действительности же, судя по небольшим размерам Вщижского городища, на котором, включая посад, едва ли жило более 200 семей горожан, на нем могло быть (даже при малой продуктивности древнерусского гончара) гончаров более 2—3, но во всяком случае не более 5—6. Следует учесть при подсчете гончаров по клеймам и то обстоятельство, что большая часть клейменой посуды на

поселении относится ко второй половине XII—XIII вв., что особо осложняет вопрос об определении численности гончаров на поселении.

Можно было бы предположить, что Вщижское городище было своеобразным гончарным центром для целой округи, но такое предположение не подкрепляется материалом. В деревенских поселениях того времени окрест Вщижа жили свои собственные гончары, продукция которых существенно отличалась от продукции городских гончаров грубостью изделий, худшим обжигом, тяжеловесностью форм сосудов. Наличие собственных гончаров на городище, о чем свидетельствует находка там керамического горна, не дает возможности, с другой стороны, не говоря уже о различиях в продукции, высказывать предположение о привозе в город деревенской керамики.

Кроме большого числа различных типов керамических клейм на поселениях, следует отметить еще одно обстоятельство. Удалось проследить, что тождественные клейма, т. е. клейма, являющиеся отпечатками одного и того же знака, вырезанного на подставке ручного круга, не располагаются в беспорядке на площадке городища, а, как правило, связаны с определенными участками ее, с определенными жилыми комплексами на поселении. Так, на Старорязанском городище несколько идентичных клейм найдено на территории нескольких смежных раскопов и не встречены ни в одном из более удаленных раскопов. Тождественные клейма на Вщижском городище также располагаются кучно. Применительно к этому памятнику Б. А. Рыбаков высказывает предположение, что дворец вщижских князей следует искать неподалеку от раскопа, на котором (и в нем единственном) были найдены на днищах горшков три тождественных клейма с княжескими знаками.

На Липинском городище в Курской области несколько тождественных клейм было встречено в одном раскопе и два других тождественных клейма найдены в раскопе на селище, расположенном за валами городища. На городище Колодяжин клейма в виде княжеского знака (тоже тождественные) были найдены в одной из самых богатых и больших камер на поселении или в непосредственной близости от нее.

К вопросу о топографии гончарных клейм на поселении нельзя подходить с формальных позиций, как это сделано в статье Н. В. Тухтиной. Не следует забывать, что гончарные сосуды, найденные в разбитом состоянии (при условии, что они были разбиты до разгрома памятника врагами), для хозяев их не представляли никакой ценности и не коллекционировались ими даже при наличии клейм на их днищах на территории жилища, а обязательно выбрасывались за его пределы, что при небольших размерах памятника в значительной степени путает топографию размещения клейм на поселении. В применении к городищу Колодяжин и Райковецкому городищу, кроме того, до сих пор не установлено назначение клетей, вмонтированных в систему укреплений памятника. Как известно, ни в одной из них не найдено печей, и считать их жилищами по меньшей мере преждевременно. Однако определенное районирование типов клейм в более широких пределах на поселении хорошо прослеживается.

Если клейма на поселении связаны с определенными участками его площадки, с определенными жилыми комплексами, то, очевидно, для того чтобы получить полное представление о всем многообразии типов клейм на поселении, находящихся в его культурном слое, нужно исследовать его целиком. Каждый исследуемый участок площадки поселения дает новые типы клейм, которые, как правило, не встречаются в других частях городища.

Если вспомнить, что в большинстве исследованных поселений вскрыта незначительная часть их площади, то нетрудно себе представить то обилие новых клейм, которое будет отыскано при полном исследовании памятника. Что же касается Старорязанского городища, то на нем вскры-

та 1/160, а на Вщижском менее 1/10 части их площади. В применении к Вщижскому городищу, кроме того, не учитывается территория его посада, которая по площади примерно равна территории городища.

Можно было бы предположить, считая знаки на днищах горшков знаками гончаров, что такое размещение клейм на памятнике и связь их с определенными участками происходит оттого, что гончары обслуживали отдельные микрорайоны по соседству с их производством. Однако при этом нужно было бы согласиться с огромным числом гончаров, работавших одновременно на городище. С другой стороны, известно, что гончары, как правило, селились вместе в силу огнеопасности их производства обычно на краю поселения.

Нахождение на поселениях посуды с тождественными клеймами в одном районе, связь гончарных клейм с определенными жилыми комплексами, обилие различных типов клейм на отдельных сравнительно небольших поселениях в количествах, превышающих во много раз максимально возможное там число гончаров, сравнительная малочисленность клейм одного типа на поселении — все это не позволяет видеть в гончарных клеймах знаков, мет древнерусских гончаров.

Множественность видов гончарных клейм на поселениях может быть объяснена, если предположить, что клейма на днищах сосудов являются не знаками гончаров, а клеймами заказчиков, для которых эта посуда была изготовлена. Клеймо заказчика по его просьбе вырезалось гончаром на съемной подставке, которая укреплялась на круге при изготовлении заказа. Изображенное на подставке клеймо отпечатывали на днищах заказываемых сосудов. При изготовлении другого заказа укрепляли другую съемную подставку с вырезанным клеймом другого заказчика. Весьма часто встречаются днища горшков с клеймами, на которых отпечатываются разнообразные дефекты подставки, по преимуществу различные трещины в ней. Это говорит о том, что подставки с клеймами, использованные однажды при изготовлении заказа для одной семьи, не выбрасывались, а сохранялись и употреблялись для изготовления повторных заказов. Сырая подставка после изготовления заказа при хранении портилась и давала трещины, отпечатки которых мы видим на днищах сосудов, изготовленных при повторных заказах. На днищах горшков без клейм, изготовленных на подставках без клейма, трещин значительно меньше. Очевидно, в данном случае при порче подставка заменялась новой.

Подставки, на которых вырезывались клейма, имели значительные размеры, позволявшие изготовлять на них посуду с днищами разных диаметров. Существующее представление о том, что при изготовлении сосудов с днищами разных диаметров употреблялись и подставки разного диаметра, ошибочно. Имеются днища разных диаметров у горшков с тождественными клеймами. Нередко встречаются на днищах малых сосудов непропорционально большие клейма, рисунок которых располагается близко к краю днища.

В свете сказанного становится понятным и расположение отдельных типов тождественных клейм на ограниченной части площади поселения. Если гончарные клейма являются знаками заказчиков, знаками горожан, то обломки сосудов, на днищах которых изображены тождественные клейма, и должны располагаться в разных участках площадки городища или селища, на территории усадеб и в жилищах горожан или поблизости от них. Как сказано выше, здесь возможны и исключения. В том случае, если бы жители пользовались посудой, помеченной знаками-клеймами гончаров, тождественные клейма располагались бы равномерно по территории каждого поселения.

Приводившиеся в работах по древнерусскому гончарству этнографические примеры употребления керамических клейм не проливают достаточно света на такое значение их. Так, гончары Дмитровского у. Москов-

ской губ., изготовлявшие в свое время посуду с клеймами, считали их своего рода «баловством» [16, 17]. Здесь первоначальное значение клейм как знаков заказчиков было давно забыто. Более интересные наблюдения над клейменой посудой у мордвы были сравнительно недавно в полном виде опубликованы П. Д. Степановым [18]. Здесь архаического характера посуда, изготовляемая примитивными способами, делалась только на заказ, и клеймение сосудов проводилось совершенно сознательно. Мастерицы, лепившие глиняные горшки для своего употребления, метили эту посуду клеймом своего рода, посуду, изготовленную на заказ, метили клеймом заказчика, т. е. в обоих случаях посуда метилась знаками тех лиц, которые собирались ее использовать,— клеймами заказчиков.

Древнерусский гончар, изготовлявший посуду с клеймами, тоже работал на заказ, что было характерно для средневекового ремесленника. Это, очевидно, и явилось причиной того, что производственный процесс изготовления горшка на круге и был связан с нанесением клейма заказчика на дне сосуда. При работе на заказ гончар заранее знал своего заказчика и поэтому имел возможность поставить клеймо на сосуде в процессе его производства.

Размер заказа, выполняемого гончаром для одной семьи (а клейма на древней Руси, несомненно, носили характер семейных знаков), конечно, варьировал, но обычно бывал невелик. По счастливой случайности мы имеем возможность представить себе размеры заказов древнерусских гончаров. Особенно ценные материалы для этого дают находки сосудов в горне на Вщижском городище. В этом горне, погибшем, очевидно, при разгроме города татарами, были найдены две группы сосудов, расположенные в горне особняком и помеченные двумя разными клеймами [14]. Сосуды, помеченные одним клеймом, имели разные размеры, среди них были и большие. Другая группа сосудов, помеченная другим клеймом, состояла только из сосудов небольших. По-видимому, мы имеем дело здесь с двумя заказами, предназначенными для двух разных семей. Из них одна была семьей большей, другая меньшей.

На всех поселениях и в курганных могильниках наряду с клейменой посудой встречается, и в гораздо большем количестве, посуда без клейм — факт совершенно необъяснимый, если придерживаться представления, что клеймо на сосуде — знак мастера. Дело усугубляется тем, что неклейменые сосуды по технике изготовления, формам, орнаментировке, качеству обжига не отличаются от сосудов с клеймами и одновременны им. Если же мы согласимся с тем, что клейма являются знаками заказчиков, то наличие этой группы керамики становится сразу понятной. Это керамика, изготовленная не на заказ, а на «спрос», и по этой причине на днищах ее клейм нет. Она предназначена на обезличенного заказчика, на покупателя. У каждого древнерусского гончара был, очевидно, всегда запас такой керамики, который, по мере распродажи его, постепенно пополнялся. Среди керамического брака, происходящего из Вщижского горна, найдены обломки днищ без клейм. Это говорит о том, что в нем, наряду с клейменой керамикой, также изготовлялась и керамика неклейменая.

В связи с этим специально следует отметить, что в небольших городках и особенно в сельских поселениях с совершенно определенным и постоянным контингентом жителей, проживавших там длительное время, процент клейменой керамики всегда значительно выше, чем в таких крупных городах, как, например, Киев, Чернигов, Новгород. В последнем клейменая керамика встречается скорее как исключение. В большом городе, где ремесленник был более оторван от потребителя, количество посуды с клеймами, посуды, изготовленной на заказ, было меньше (в процентном отношении), чем в небольшом городке или в сельском поселении. Продукция городских гончаров таких городов, как Новгород и Киев, в подавляющем большинстве шла на рынок. Товарные и денежные отно-

шения здесь были развиты в большей степени, чем в мелких городах и сельских поселениях. Об этом говорит и отмеченный летописью случай привоза в Новгород горшков с его окраины из пригородного поселения [19].

Почти полное исчезновение клейменой посуды в XIV—XV вв. в городах дает возможность говорить, что городские гончары полностью переходят к работе на рынок. Сохраняющиеся кое-где клейма становятся декоративным элементом, теряют свой смысл. Находки в слоях XV—XVI вв. в Москве и других городах сосудов с клеймами, среди которых встречается только крест или крест в круге, говорят о том, что смысл постановки клейма был давно забыт.

Возвращаясь к Вщижскому городищу и керамическому горну из этого городища, следует остановиться на разборе предположения автора раскопок о том, что перед нами имеется случай совместного владения одним горном несколькими гончарами. Сведения об артельном владении несколькими гончарами одним горном, так называемое «сябринное» владение горном, почерпнуты из этнографической литературы. Такое совместное владение возникло в совершенно иных условиях, при иной, более развитой технике гончарного производства. Оно вызывалось к жизни необходимостью для обжига керамики применять крупные дорогостоящие горны. Такие горны давали возможность производить в них высококачественный обжиг, но, с другой стороны, требовали постоянного наблюдения за ними, ибо они не терпели перерывов в работе в течение длительного времени, так как горн требовал в этом случае постоянного ремонта. При высоких ценах на топливо, требовавшегося для этих горнов в большом количестве, предпочтительно было интенсивное использование горнов и организация для этого гончаров на артельных началах. Небольшой размер Вщижского горна свидетельствует о небольших затратах на его сооружение. Он изготовлен из глины, и стоимость его, по сравнению с более поздними кирпичными горнами, незначительна. Положение Вщижского городища на опушке Брянских лесов исключало и главную причину, вследствие которой кооперировались русские гончары XIX—XX вв.,— дороговизну топлива.

Б. А. Рыбаковым было проведено изучение курганной керамики с клеймами и установлено, что в соседних курганных группах не встречаются горшки с тождественными клеймами. Считая, что клейма являются знаками мастеров, Б. А. Рыбаков на основании этого пришел к выводу о том, что деревенские гончары, как правило, ограничивались в сбыте своей продукции рамками того поселения (курганной группы), в котором они проживали. Исходя из этого, мы должны были бы предположить, что клейма на днищах горшков в одной курганной группе не должны отличаться большим разнообразием. Ведь все население одного поселка, деревни должно было пользоваться продукцией весьма ограниченного количества гончаров. При этом находки тождественных клейм в одной группе должны были иметь широкое распространение.

Однако при рассмотрении клейменой курганной керамики представляется несколько иная картина. Как правило, в различных курганах одной группы встречаются и различные клейма, а клейма тождественные довольно редки. Маловероятным кажется и предположение о том, что деревенский гончар при сбыте своей керамики не выходил за рамки одного поселения, тем более, что как это установлено Б. А. Рыбаковым, ремесленники других специальностей обслуживали небольшой микрорайон, в котором было несколько поселений. Деревенские гончары обладали той же техникой гончарного производства, что и городские гончары, и потому производили примерно такое же количестно продукции, что и городские гончары. Отсутствие тождественных клейм на сосудах в соседних курганных группах как нельзя лучше подтверждает предположение о том, что клейма были знаками заказчиков.

Жители одного поселения погребались в определенной курганной группе и в качестве могильного инвентаря снабжались предпочтительно сосудами, помеченными своим семейным клеймом. При погребении родственников, происходящих из одной семьи, они снабжались посудой с тождественными клеймами. Такие случаи прослеживаются, например, на материалах Гнездовского курганного могильника [15]. Усложнение гончарных клейм, которое Б. А. Рыбаков весьма убедительно проследил на курганных материалах, говорит не о наследственности гончарного ремесла (что в данном случае не оспаривается), а дает возможность угадать среди погребенных ь группе представителей разных поколений одной семьи русских смердов.

Было также прослежено, что при наличии в одном кургане нескольких сосудов при одном погребении никогда не встречаются сосуды с разными клеймами. Или это сосуды без клейм, или один сосуд с клеймом, а другой без клейма. При вводных погребениях часто встречаются сосуды с другими клеймами. Крайне редко встречаются при одном погребенном сосуд с клеймом и обломки другого сосуда с клеймом иного типа. В этом случае не приходится сомневаться, что целый сосуд с клеймом относится к погребению, а обломки сосуда с клеймом другого рисунка использовались или для принесения огня для зажжения погребального костра или случайно попали в курган при его насыпке. Ведь трудно предположить, что в качестве погребального инвентаря усопшие могли иметь фрагменты разбитых сосудов даже с клеймами на них.

Клейма деревенских гончаров отличаются от клейм городских гончаров большей грубостью работы. Линии рисунка их толсты, рисунки клейм менее разнообразны. Небольшое число семей, проживавших в одном сельском поселении, территориальная разобщенность сельского населения — все это не стимулировало деревенских заказчиков к изощренности в разнообразии рисунков своих клейм.

Нахождение в курганах при одном погребении одновременно клейменой и неклейменой керамики, наличие значительного процента неклейменой керамики вообще говорит о том, что в хозяйстве многих семей употреблялась одновременно с клейменой керамика неклейменая, приобретенная у гончара, а не заказанная специально. Очевидно, при нужде в небольшом числе сосудов либо при нежелании делать специальный заказ и приобретались эти неклейменые сосуды. Значительный процент населения употреблял вообще сосуды без клейм. Не исключено, что в дальнейшем это может оказаться связанным с социальным положением их владельцев.

Керамические клейма на днищах сосудов имели рисунок, одинаковый с изображенным и на другом имуществе горожан или сельских жителей. Так, на Екимауцком городище в землянке кузнеца был найден горшок с клеймом в виде свастики и аналогичный знак обнаружен на пряслице, найденном в том же сооружении. Клейма на днищах сосудов в виде княжеских знаков подобны клеймам и на других предметах княжеского обихода: украшениях, оружии, одежде. Большая серия деревянных точеных чаш из раскопок в Новгороде в 1953—1958 гг. имеет на днищах знаки, вырезанные от руки, которые можно так же, как и клейма на днищах глиняных сосудов, считать знаками заказчиков.

Обычай метить свое имущество, особенно ту часть его, которая имеет стандартные формы и легко может быть спутана при совместном хранении или употреблении — горшки, пряслица — широко известен и по этнографическим материалам. До сих пор распространено клеймение скота.

Наиболее обстоятельно Б. А. Рыбаковым была изучена группа клейм в виде княжеских знаков, поставленных на вещах и гончарных изделиях. Количество находок горшков с клеймами этого типа постепенно увеличивается. Со времени опубликования этих знаков в статье Б. А. Рыба-

кова стали известны новые керамические клейма того же характера из Киева, Вышгорода, Галича, с о. Березани, Липинского городища, городища Колодяжин, Вщижа, Старой Рязани и других мест. Рассматривая горшки с княжескими знаками на днищах, Б. А. Рыбаков в этом случае (в противоречии с принятым им положением о том, что клейма на днищах сосудов являются метами гончаров) считает, что эти клейма являются клеймом князя, и делает вывод, что гончар, производивший посуду с княжеским знаком, являлся «частью всего княжеского хозяйства и, по-видимому, был холопом того князя, знаком которого он пользовался вместо своей личной тамги» [10].

Законно встает вопрос о том, снабжал ли своей продукцией такой гончар только хозяйство князя, либо и других покупателей. Если производство их было рассчитано на широкий рынок, то тогда горшки с подобными клеймами не представляли бы большой редкости и встречались хотя бы в курганных группах с погребениями рядового населения. Подобные случаи не отмечаются. Наличие же специального ремесленника-гончара, обслуживающего сравнительно скромное хозяйство, например Вщижского князя, представляется также совершенно нерентабельным при наличии в любом городе и любом сельском поселении обычных гончаров, которые на заказ или в виде подати могли всегда обеспечить княжеское хозяйство достаточным количеством «скудельных» сосудов. Ни письменные источники XI—XIII вв., ни более поздние письменные документы XIV—XV вв. не знают княжеских гончаров, хотя довольно хорошо знают княжеских ремесленников других специальностей.

По-видимому, в XI—XIII вв. древнерусские князья, как и другие горожане, вступают в отношения с древнерусскими гончарами как заказчики. Правда, эти заказчики могли быть несколько иного характера, т. е. такими, которые не платили за его выполнение. И в данном случае клейма в виде княжеских знаков являлись теми же знаками заказчиков.

Предложенная в данной статье гипотеза о назначении и характере древнерусских гончарных клейм XI—XIII вв. в качестве знаков заказчиков дает возможность понять и истолковать все наблюдаемые закономерности, выявленные в процессе изучения русских керамических клейм XI—XIII вв., и, в частности, те из них, которые необъяснимы, если клейма считать знаками-метами гончаров. Гипотеза объясняет причины, по которым на одном поселении встречается одновременно керамика с клеймами и без них, указывает, почему на отдельных небольших поселениях встречается множество клейм, которое во много раз превышает число бывших там гончаров, дает представление о том, почему эти клейма исчезают к XIV—XV вв. Эта гипотеза объясняет, почему гончарные клейма связаны с определенными участками площади памятника, с отдельными жилыми комплексами, говорит о том, почему на небольших поселениях клейменой керамики (в процентном выражении) больше, чем в городах с хорошо развитым внутренним рынком. Успешно объясняет гипотеза причины отсутствия тождественных клейм в соседних курганных группах, не прибегая к искусственному ограничению районов сбыта деревенских гончаров по сравнению с ремесленниками других специальностей, причины меньшего разнообразия клейм в деревенской керамике по сравнению с городской, наконец, причины разнообразия клейм даже в небольших курганных группах.

Наконец, эта гипотеза дает возможность увидеть за клеймами их владельцев — реальных исторических лиц, указать места размещения их на поселении, указывает на места погребения этих лиц в могильниках, проливает свет на родственные отношения погребенных в одном курганном могильнике, позволяет проследить выделение новых семей на поселении и указать места, которые ими были освоены.

Каковы причины появления в древней Руси гончарных клейм? Причины эти едины для появления всех знаков собственности: они связаны

с изменением социальной организации древнерусского общества, с переходом от родовой общины к общине соседской, с дроблением большой патриархальной семьи.

Автору может быть задан вопрос: не обременительно ли было каждому древнерусскому гончару XI—XIII вв. и особенно тем, которые работали на селе или в небольших городках, иметь набор подставок к ручному кругу по числу обслуживаемых им заказчиков?

Учитывая психологию мастеров и заказчиков того времени, следует полагать, что древнерусские горожане и смерды, очевидно, придавали большое значение этим знакам и гончары были вынуждены мириться с такими запросами заказчиков. В более позднее время имелись, правда, единичные случаи, когда гончары делали попытки отделить производственный процесс по изготовлению керамики от клеймения ее. Так, при раскопках А. Ф. Дубынина в Суздале в 1939 г. был найден горшок XIV—XV вв., на нижней части боковой стенки которого при помощи специального штампа оттиснуто по сырой глине большое клеймо в виде решетки. Наличие специальных клейм на днищах сосудов избавило владельцев русской керамики от необходимости постановки специальных мет на ней, как это наблюдается на привозных амфорах, поверхность которых нередко украшалась различными метами и буквами, а иногда и надписями. В дальнейшем с изменением характера приобретения сосудов потребителями, при переходе мастеров-гончаров от работы на заказ к работе на рынок клейма исчезают совсем. Это также связано и со снижением стоимости продукции гончаров.

Данная заметка не ставит своей целью исследовать вопрос о характере и происхождении начертаний, которые употреблялись в виде клейм. Это задача специального исследования. Дальнейшее накопление материала по древнерусским гончарным клеймам и углубленное изучение их даст, по нашему мнению, возможность хотя частично персонифицировать многие безымянные поколения обитателей древнерусских городов и сел XI—XIII вв. по их метам, надолго сохраненным в керамическом материале.

Литература

1. К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна, 1865.
2. К. П. Тышкевич. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина. Древности, т. I, вып. 2, М., 1867.
3. Н. А. Котляровский. Заметки к статье К. П. Тышкевича. Древности, т. I, вып. 2, М., 1867, стр. 247.
4. И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893.
5. В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, 28, СПб., 1902.
6. А. С. Уваров. Клейма на сосудах. Сборник мелких трудов, 2, М., 1910.
7. В. Е. Козловская. Таврований посуд словъянської доби. Наук. Зб. за 1926 р. АН УССР. Зап. Истор. секции, XXI, Харьків, 1927.
8. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948.
9. Б. А. Рыбаков. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. Уч. зап. МГУ, вып. 93, кн. I, 1946.
10. Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940.
11. K. Cernohorsky. Keramika a feudalismus. Čes. lib Ročnik, 40, 1953, № 1.
12. А. А. Мансуров. Старорязанские и Пронские гончарные клейма. СА, 8, 1946.
13. А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955.
14. Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь», М., 1953.
15. Н. В. Тухтина. Средневековые славянские гончарные клейма. Тр. ГИМ, 37, 1960.
16. Б. А. Куфтин, А. М. Россова. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов. «Московский краевед», 5, 1928.
17. М. В. Воеводский. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. СА, I, 1936.
18. П. Д. Степанов. Первобытное гончарство у мордвы. Зап. НИИ. МордАССР, 9, Саранск, 1947.
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

И. М. ЗАМОТОРИН

О ВОЗМОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ДАТИРОВОК ТЕРРИТОРИАЛЬНО УДАЛЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ МЕТОДОМ АНАЛИЗА ДРЕВЕСНЫХ СТВОЛОВ В УСЛОВИЯХ ГОРНОГО АЛТАЯ

На примере Пазырыкской группы курганов Горного Алтая [1] мы показали возможности относительной датировки археологических объектов. Все эти курганы расположены в одной и той же сравнительно небольшой долине. Положительные результаты исследования, естественно, поставили вопрос о возможности применения этого метода для установления относительной хронологии курганов, находящихся в удаленных одна от другой долинах Горного Алтая и в первую очередь Пазырыкских и Башадарско-Туэктинских (рис. 1). Так как колебания приростов у деревьев в основном определяются климатическими колебаниями, то установление относительных датировок в таких условиях на первый взгляд представляется мало вероятным. Обычно климатические условия по одну сторону горного хребта резко отличаются от климатических условий по другую его сторону.

Весьма существенное влияние на растительность оказывает высота над уровнем моря. В горах различают вертикальные зоны (высотную поясность), ярко выраженные и в Алтайско-Саянских горах. Большое значение имеет также и ориентация склонов гор по отношению к странам света.

Кроме различий макроклиматических, большую роль могут сыграть микроклиматические явления. Так, для Горного Алтая типичны местные горно-долинные ветры, иногда имеющие характер фенов.

Каковы же те предпосылки, которые позволяли надеяться на наличие закономерностей между колебаниями приростов деревьев, выросших у Пазырыка, Башадара и Туэкты?

Климат Горного Алтая континентальный и однородный. Ветры летом дуют с северо-запада и запада. В этом же направлении вытянута значительная часть хребтов Алтая, благодаря чему осадки сравнительно мало задерживаются горными хребтами.

При определении относительной хронологии сооружений методом анализа древесных стволов могут представиться два случая. Колебания приростов деревьев на бревнах одного сооружения совпадают за какой-то отрезок времени с колебаниями приростов деревьев на бревнах другого сооружения. Если при этом деревья для первого сооружения были срублены на определенное число лет раньше деревьев второго сооружения, то относительная датировка этих сооружений и определится данным числом лет.

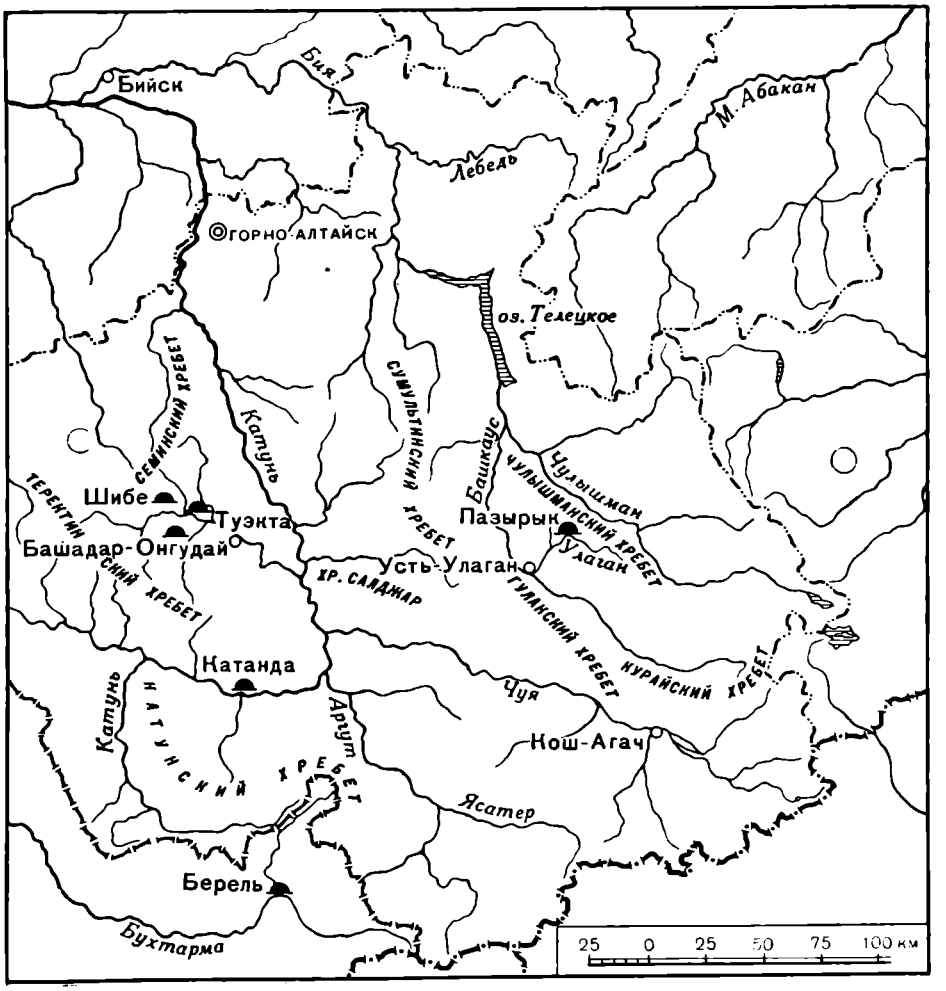


Рис. 1. Важнейшие раскопанные курганы Горного Алтая

Колебания приростов деревьев на бревнах одного сооружения не совпадают на сколько-нибудь значительном отрезке времени с колебаниями приростов деревьев на бревнах другого сооружения.

Для сооружений, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга, например для группы Пазырыкских курганов, несовпадение колебаний приростов может происходить по следующим причинам:

1. Колебания приростов деревьев, произрастающих в поймах рек, у ручьев, ключей, на болотах или в таких местах, где грунтовые воды близко подходят к поверхности, не регулируется количество выпадающих осадков. Такие деревья оказываются в исключительных условиях. В горной местности можно ожидать, что деревья, выросшие на северных склонах гор, будут иметь колебания приростов, не совпадающие с колебаниями приростов деревьев, выросших на южных склонах. Можно также предполагать, что деревья, выросшие у подножья горы, будут иметь колебания приростов, отличные от колебаний приростов деревьев, выросших на горной вершине. Кроме того, в жизни отдельных деревьев могли быть различные ненормальности, нашедшие свое отражение в колебаниях их приростов.

2. Одна постройка сооружена после другой через столь значительный промежуток времени, что не было такого отрезка времени, когда деревья из обоих сооружений росли в лесу одновременно.

Обработка большого числа образцов из разных частей Пазырыкских курганов позволила обнаружить все деревья, выросшие в исключительных условиях, отбросить их графики как негодные и выявить графики

колебаний приростов, характерных для каждого кургана. После этого несовпадение графиков, характерных для разных курганов, могло произойти только по второй причине, чего в действительности не оказалось.

При определении относительной датировки сооружений, территориально сильно удаленных, может явиться еще одна причина несовпадения колебаний приростов: деревья выросли в районах с различными колебаниями климата.

Запись колебаний климата в каждом районе, в каждой долине и их влияние на прирост леса производится самим лесом [2]. Поэтому поставив задачу дать относительную датировку территориально удаленных сооружений Пазырык — Башадар — Туэкта, пришлось начать с сравнения прироста деревьев, срубленных у этих сооружений. Попутно решался вопрос о влиянии на прирост различной ориентации склонов гор по отношению к странам света и положения деревьев на склоне. Деревья рубились автором этой статьи осенью 1958 г. Все срубленные деревья одной породы — лиственница сибирская (Larix sibirica). В горах Алтая эта порода является господствующей и служила основным строительным материалом для камер и накатов курганов.

В рассматриваемой части Горного Алтая лес растет только на северных, северо-восточных и северо-западных склонах гор. Южные склоны лесом не покрыты. У Пазырыкских курганов было взято пять образцов от деревьев частью на северном, частью на северо-восточном склоне. Почва свежая. Тип леса листвяг — брусничник. В покрове — брусника, мхи. Все образцы, взятые у Пазырыка, дали графики приростов, хорошо совпадающие между собой по конфигурации. Таким образом, различная ориентация склонов по отношению к странам света в данной части Горного Алтая, по-видимому, не может существенно влиять на колебания приростов деревьев.

У Туэктинского кургана было взято три образца. Деревья рубились на северном склоне, покрытом лесом от подножья до вершины, т. е. на сравнительно невысокой горе без ярко выраженной зональности. Одно дерево срублено в нижней части склона горы, примерно на высоте раскопанного кургана. Состав насаждения 6Л4Б+Е. Лес молодой, I—II класс возраста. Срубленное дерево представляет собой оставленный семенник хорошего роста и развития. Покров травяной. Почва черноземновидная. Второе дерево было срублено примерно на середине склона и представляет собой оставленный семенник хорошего роста и развития. Состав насаждения 4Б3 кедр 3Л I—II класс возраста. Третье дерево — семенник хорошего роста и развития — срублено недалеко от вершины горы. Состав насаждения 4Б2Л2Е2 кедр I—II класс возраста. Разница в высоте над уровнем моря первого и третьего деревьев 500—600 *м*. Общие подъемы и падения приростов у всех трех деревьев совпадают, хотя средний прирост дерева, выросшего в нижней части склона, был самым высоким. Года минимальных и максимальных приростов также совпадают, но в силу индивидуальных особенностей деревьев подъемы и падения прироста в эти годы происходят у всех трех деревьев с разной амплитудой колебания. Колебания приростов в годы, когда не было особенно резких климатических изменений, совпадают не всегда, и поэтому полное совпадение графиков по конфигурации для отдельных лет нарушается. Таким образом, положение дерева на склоне невысокой горы в условиях Горного Алтая существенно не влияет на колебания прироста, и деревья, взятые на разной высоте, вполне пригодны для анализа, так как общие подъемы и падения их приростов совпадают.

У Башадарского кургана было взято три образца от живых деревьев. Все три дерева срублены примерно на середине северного склона горы.

Сопоставление графиков колебаний приростов у деревьев, срубленных в районах Пазырыка, Туэкты и Башадара, показало, что годы максимальных и минимальных приростов деревьев для этих трех мест обыч-

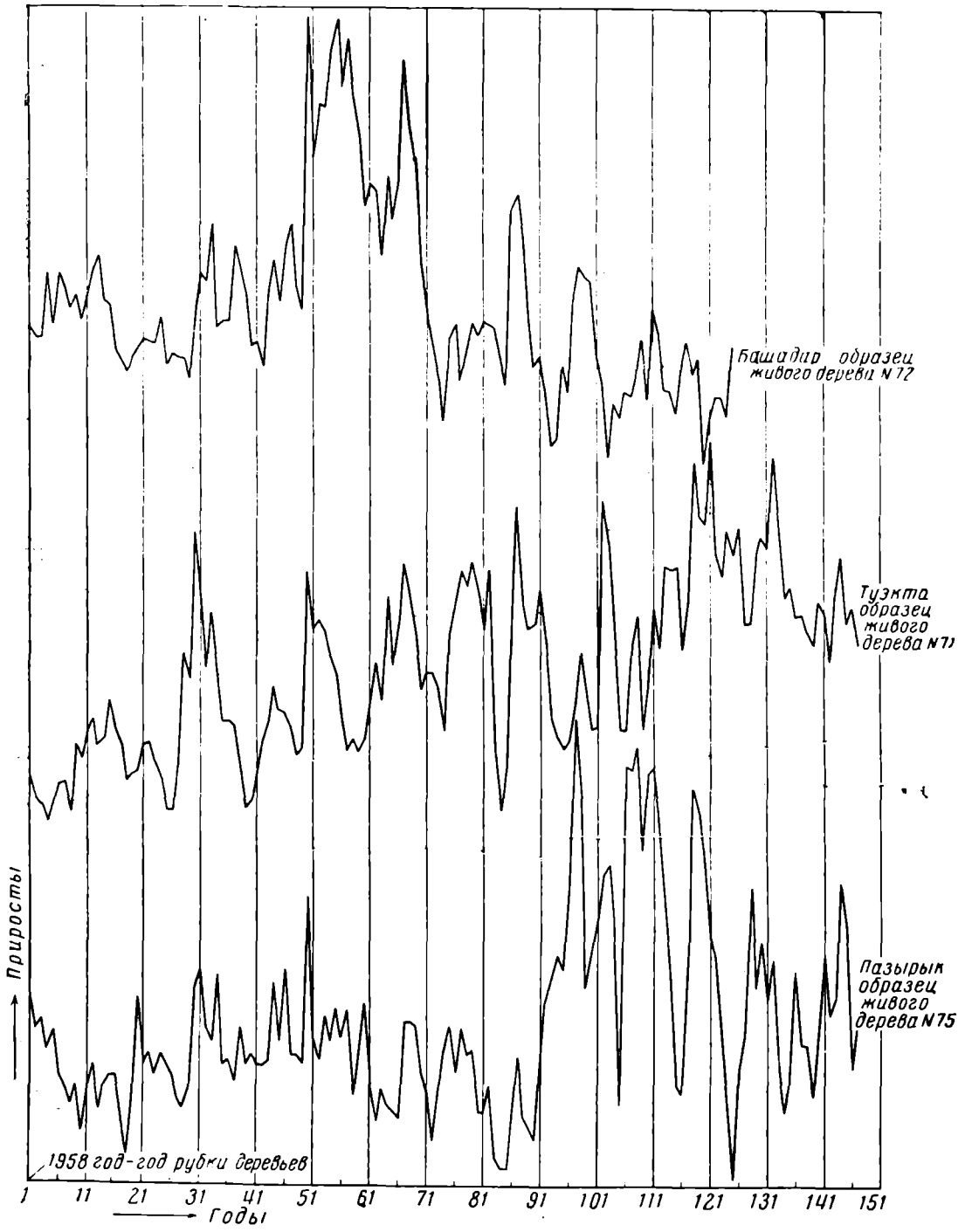


Рис. 2. Графики колебаний приростов трех деревьев, срубленных у Пазырыка, Башадара и Туэкты

но совпадают. Колебания приростов в годы, когда не было особенно резких климатических изменений, иногда не совпадают, и поэтому в отдельные годы полное совпадение графиков приростов для этих трех мест может нарушаться. Зато вполне можно рассчитывать на совпадение общих подъемов и падений приростов (рис. 2). Совпадение колебаний приростов деревьев, взятых у Пазырыка, Башадара и Туэкты, получилось немногим хуже, чем совпадение колебаний приростов трех деревьев, взятых на разной высоте у Туэктинского кургана.

При обработке образцов от бревен из Алтайских курганов довольно часто встречались образцы, колебания приростов которых совершенно не совпадали с колебаниями приростов других образцов из этого же курга-

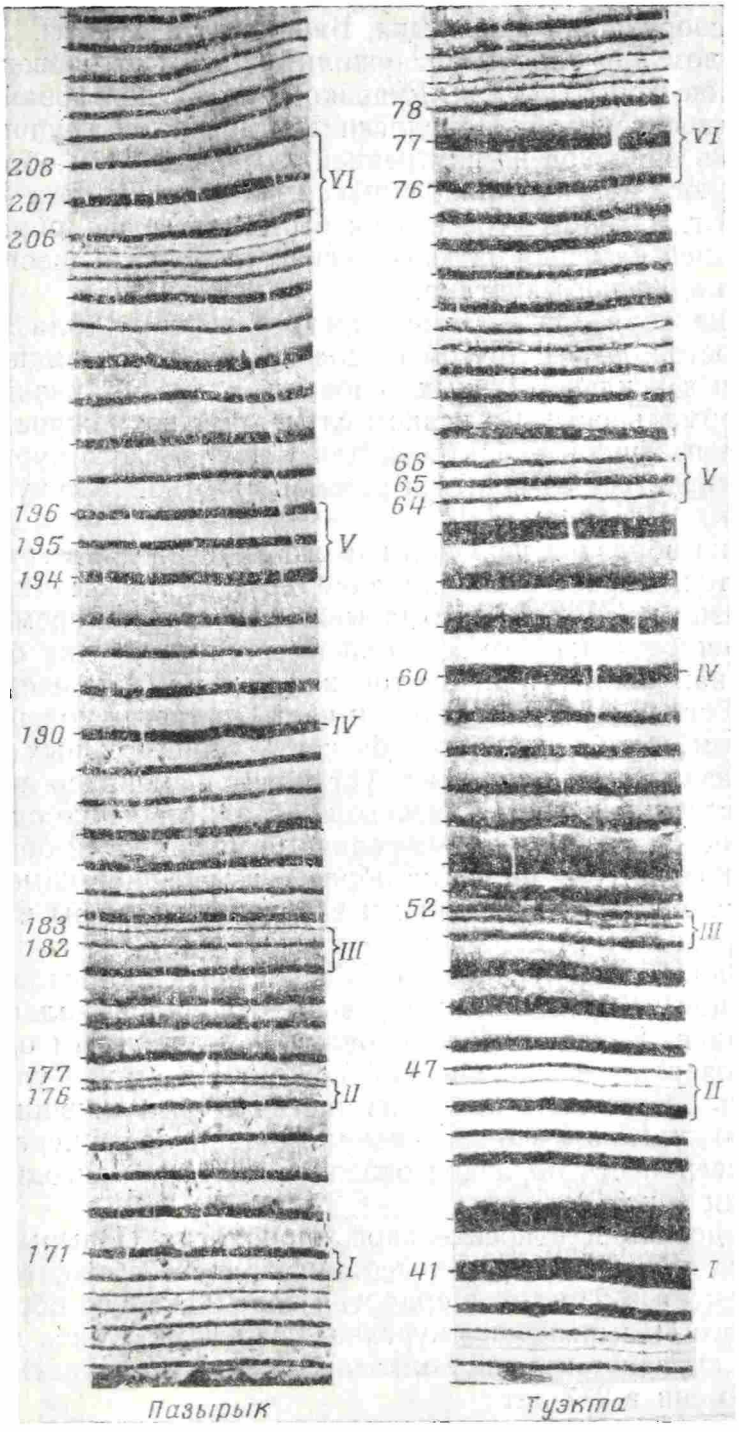


Рис. 3. Годичные кольца образца № 51 из второго Пазырыкского кургана и образца № 60 из Туэктинского кургана

на. Предполагалось, что такие образцы получены от деревьев, выросших в исключительных условиях. Решение вопроса, в каких случаях деревья Горного Алтая оказываются в исключительных условиях, требует дополнительного изучения.

Данное исследование в общем подтверждает, что тип леса, состав насаждения, бонитет и полнота существенно не влияют на колебания прироста насаждения [3, 4].

Убедившись, что в районах Пазырыка, Башадара и Туэкты климатические изменения в общем одинаково влияют на колебания прироста

леса, можно было приступить к обработке образцов из территориально удаленных сооружений Пазырыка, Башадара и Туэкты.

Материалом для работы послужили образцы от бревен из Пазырыкских курганов, добытые С. И. Руденко и уже использованные при установлении относительной хронологии Пазырыкской группы курганов, а также восемь образцов из внутренней камеры и один образец из наката Туэктинского кургана, находящиеся в Эрмитаже и в ЛОИА. Кроме того, в 1958 г. автором этой статьи были взяты два образца (столб и бревно внешней камеры) из Туэктинского кургана и шесть образцов из накатов Башадарского кургана.

Обработка образцов из Башадарского кургана дала графики колебаний приростов, друг с другом не совпадающие. Очевидно, эти деревья или выросли в исключительных условиях, или в их жизни были какие-нибудь ненормальности. Во всяком случае нет возможности установить, какой же из графиков характерен для Башадарского кургана. Поэтому пришлось отказаться от попытки установить относительную дату его сооружения.

Обработка образцов из Туэктинского кургана дала графики колебаний приростов, хорошо совпадающие друг с другом (кроме графика одного образца из наката) и охватывающие отрезок времени в 205 лет. Однако годичное кольцо года рубки имеется только на одном образце из внешней камеры кургана. Внутренняя камера была сделана из брусьев, при изготовлении которых кора и часть годичных колец, к ней прилегающих, были обрублены. У столба часть периферийных колец сгнила. Поэтому оказалось невозможным установить, рубились ли деревья, пошедшие на сооружение Туэктинского кургана, в течение одного года или ряда лет. Так как периферийные годичные кольца всех образцов близко подходят к кольцу года рубки на образце из внешней камеры, то можно лишь предположить, что внешняя и внутренняя камеры и столбы Туэктинского кургана были изготовлены в один год.

Поверхность всех образцов из Туэктинского и Башадарского курганов и образцов от срубленных деревьев отполировывалась на шлифовальном станке. Качество отполированной поверхности оказалось лучше, чем у поверхности, зачищенной ножом. На станке удалось хорошо отполировать поверхность образцов частично разложившихся (столб из Туэктинского кургана и все образцы из Башадарского кургана). Отполированная поверхность образцов оказалась вполне пригодной для фотографирования (рис. 3).

При установлении относительной хронологии Пазырыкской группы курганов был получен график колебаний приростов, охватывающий промежуток времени в 235 лет. Обработав дополнительно образец № 51 от столба второго Пазырыкского кургана, удалось получить для Пазырыкской группы курганов график колебаний приростов, охватывающий промежуток времени в 277 лет.

Сопоставляя графики колебаний приростов Пазырыкской группы и Туэктинского кургана, удалось найти положение, при котором графики хорошо совпали по конфигурации (рис. 4). На рис. 4 представлен график второго Пазырыкского кургана, составленный из графиков образцов № 20 и 51, и та часть графиков (до 99 года) двух образцов из Туэктинского кургана, которая совпала по конфигурации с графиком второго Пазырыка. Отсчет производился от года рубки; у образца № 60 кольцо года рубки отсутствует и отсчет производился от периферийного кольца. На рис. 4 видно, что Туэктинский курган был сооружен на 130 лет раньше второго Пазырыкского кургана. На рис. 3 представлены те годичные кольца образца № 51 из второго Пазырыкского кургана и образца № 60 из Туэктинского кургана, графики приростов которых хорошо совпадают по конфигурации. Наиболее характерные кольца пронумерованы. Номера колец те же, что и на рис. 4. Кроме

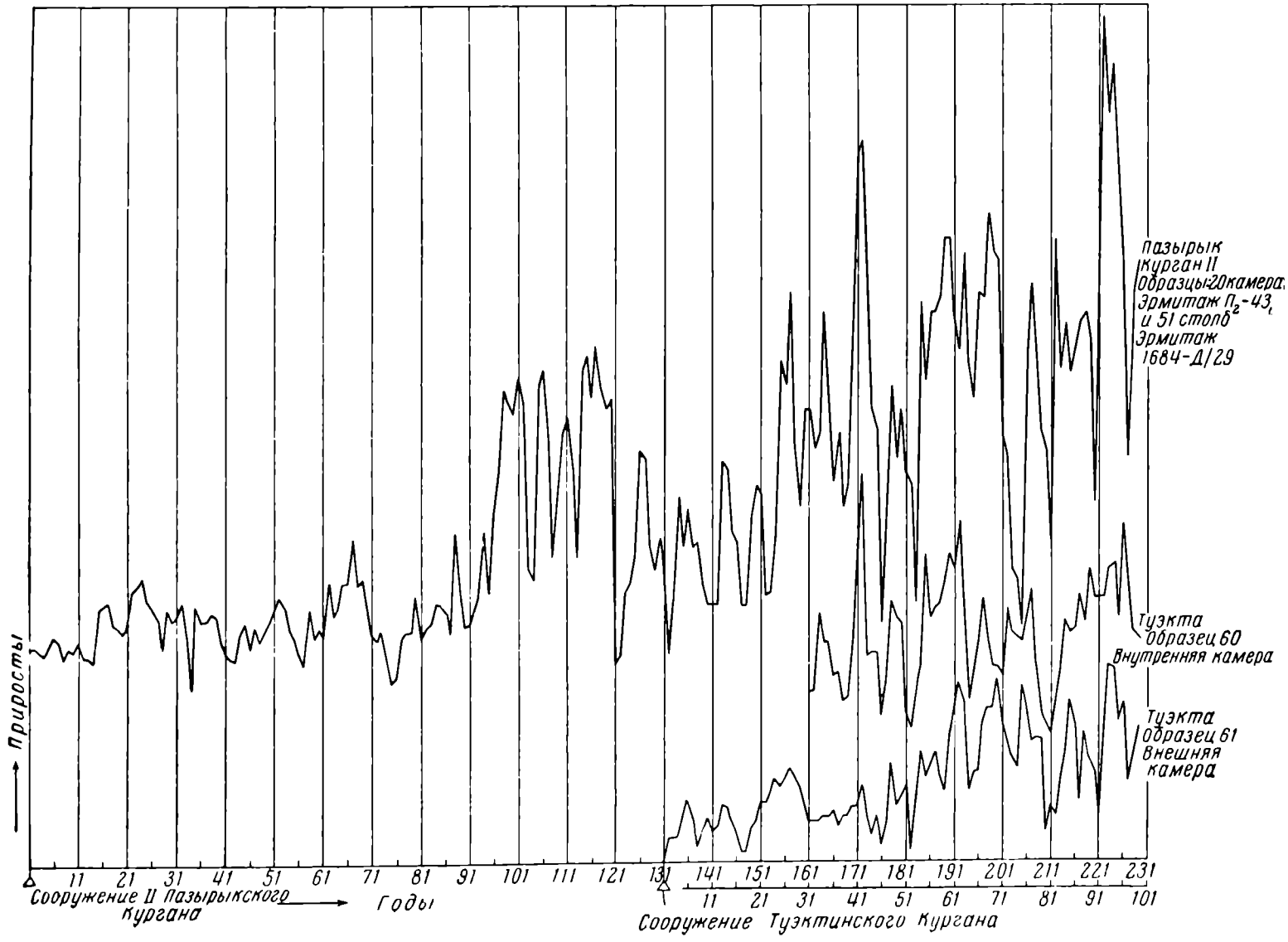


Рис. 4. Графики образцов из второго Пазырыкского и Туэктинского курганов, совпадающие по конфигурации

того, на обоих образцах римскими цифрами отмечены кольца или группы колец. Кольца или группы колец на обоих образцах, отмеченные одинаковыми римскими цифрами, образовались в одно время.

Значение установления относительной датировки Пазырыкских и Туэктинского курганов далеко выходит за рамки относительной хронологии только этих памятников. Увязка территориально удаленных сооружений методом анализа древесных стволов нередко наталкивается на большие трудности и поэтому почти не получила практического применения. Известны, например, работы А. Дугласа [6], давшего относительную датировку Ацтека и Пуебло-Бонито, расстояние между которыми всего 50 *миль* (около 80 *км*). Расстояние между Туэктой и Пазырыком по прямой составляет более 150 *км*. Кроме того, эти курганы разделены Сумульинским и Айгулакским горными хребтами, поднимающимися свыше 2000 *м* над уровнем моря. Ясно, что по дальности расстояния и по сложности горных условий установление относительной хронологии Туэкта-Пазырык представляет исключительный интерес. На карте Горного Алтая (рис. 1) хорошо видно, что расстояние между всеми остальными раскопанными курганами (кроме Берели) значительно меньше 150 *км* и, следовательно, в установлении их относительной датировки нет ничего невозможного. Нет ничего невозможного и в том, что удастся дать относительную датировку еще более удаленных сооружений, чем Туэкта-Пазырык.

Работа выполнялась в лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР по заданию и под руководством С. И. Руденко.

Литература

1. И. М. Замоторин. Относительная хронология Пазырыкских курганов. СА, 1959, 1.
2. Ф. Шведов. Дерево как летопись засух. «Метеорологический вестник», 1892, 5.
3. А. П. Тольский. К вопросу о выявлении колебаний климата по анализам хода роста деревьев. Тр. по с.-х. метеорологии, вып. XXIV, Л., 1936.
4. Л. А. Смирнов. О ежегодном высотном приросте в различных фитоценозах. Тр. Ботан. ин-та АН СССР. Сер. III, 1936.
5. P. Flury. Über den Einflus von Trokenperiode auf das Bestandeswachstum. Mitt. Schweiz. Centralanstalt forstl. Versuchsulesen, 1927, XVI, 2, Zürich.
6. A. E. Douglass. Some Aspects of the Use of the Annual Rings Trus in Climatie Studre. Seientifes Monthly, XV, 1, July, 1922.

Публикации

К. А. КАЧУРИС

О ПОЗДНЕЭЛЛАДСКИХ ЖЕНСКИХ ГЛИНЯНЫХ СТАТУЭТКАХ

1

Позднеэлладские терракоты являются одним из важнейших вещественных источников для изучения культуры микенского общества. Особенный интерес женские терракоты представляют для правильной интерпретации сложной проблемы религии позднемикенского общества.

В материковой Греции терракоты появляются вновь, после перерыва с XX по XV вв. до н. э., в последний период микенской эпохи — позднеэлладский III (XIV—XII вв. до н. э.) [1].

Подавляющее большинство позднеэлладских женских терракот относится, согласно новейшим археологическим данным, к этому периоду (1300—1200 гг. до н. э.), ко времени расцвета позднемикенских поселений.

В этой статье мы не будем подробно останавливаться на вопросе исчезновения и внезапного появления женских терракот. Предварительно отметим, что аналогичное по времени явление наблюдалось на Крите [2], в Фессалии [3], Македонии [4], Болгарии [5] и Румынии [6]. Мы думаем, что исчезновение женских терракот не связано с приходом в Грецию индоевропейцев (около 2000 г. до н. э), якобы не почитавших антропоморфные божества [7], а связано с ухудшением положения женщины

---

[1] Г. Е. Мυλωνᾶς. Ἡ Πρωτοελλαδικὴ καί Μεσοελλαδικὴ Ἐποχή. АЕ, 1937, часть I, стр. 42 — 46; 163; его же. См. сн. 7. Προϊστορική, Ἐλευσίς. 1932, стр. 129; его же. Μυκηναϊκά Εἰδώλεια. ΕΕΦΣΠΑ. Т. Е. 1954—1955, стр. 140, 151; его же. Ἡ ἀκρόπολις τῶν Μυκηνῶν. АЕ 1958, стр. 201—205; его же. Ancient Mycenae. Princeton, New Jersey, 1957, стр. 33; G. W. Blegen. Zigouris, a Prehistoric Settlement in the Valley of Cleonae. Cambridge, 1928, стр. 203—205; его же. Prosymna, the Helladic Settlement Preceding the Argive Heraeum. Cambridge, 1937, стр. 355—360; A. Wace. Chamber Tombs at Mucenae. «Archaeologia» 8 (2) 1932, стр.217; A. Furumark. The Mycenaean Pottery. Stockholm, 1941, стр. 86—99; V. Müller. Frühe Plastik in Griechenland und Vorderasien. Augsburg, 1920, стр. 55.

[2] S. Marinatos. Kreta und das Mycenische Hellas. München, 1960, стр. 20—25; Chr. Zervos. L'art de la Crète néolithique et minoenne. Paris, 1956, табл. 92—97.

[3] Χ. Τσούντας. Αἱ Προϊστορικαί ἀκροπόλεις τοῦ Διμηνίου καί Σέσκλου. Ἀθῆναι, 1908, стр. 282—286, 302.

[4] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 126. Г. Е. Мυλωνᾶς. Ἡ Νεολιθική Ἐποχή ἐν Ἑλλάδι. Ἀθῆναι, 1928, стр. 38—40 и 167.

[5] Н. Я. Мерперт. Отчет о научной командировке в Болгарию в 1961 г., стр. 29 (рукопись, Архив ИА АН СССР).

[6] Дж. Томсон. Исследование по истории древнегреческого общества. М., 1958, стр. 234.

[7] Г. Е. Мυλωνᾶς. Προϊστορική Ἐλευσίς, Ἐλευσινιακά. Ἀθῆναι, 1932, стр 163; его же; Οἱ προϊστορικοί κάτοικοι τῆς Ἑλλάδος καί τά ἱστορικά ἑλληνικά φύλα. АЕ, 1930, стр. 15; J. P. Harland. Prehistoric Aegina. Paris, 1925, стр. 111 — 112.

вследствие развития патриархата. Археологические данные не подтверждают изменения состава населения в Греции на грани III—II тыс. до н. э., а наоборот, свидетельствуют о единстве и последовательности культуры бронзового века. Аналогичную картину наблюдаем в синхронных памятниках Болгарии[8]. Недавно раскопанное Дипсийское поселение является классическим примером памятника, в котором непрерывно с неолита можно проследить развитие единой культуры без каких-либо изменений этнического состава и в котором наблюдается в эпоху бронзы исчезновение женских терракотовых статуэток.

Изучением религиозного содержания позднемикенских женских терракот занимались исключительно зарубежные ученые, проводившие раскопки на разных памятниках микенской эпохи[9]. Эти ученые при трактовке вопроса о культовом характере женских статуэток игнорируют социально-экономические условия эпохи и рассматривают статуэтки вне связи с памятниками материальной культуры и в отрыве от письменных источников (имеем в виду последнее открытие микенской линейной письменности B[10]).

С другой стороны, советские исследователи при изучении проблемы религии микенской эпохи не рассматривают микенскую терракоту[11], оставляя в стороне, таким образом, один из главных разделов вещественных памятников, тесно связанных с религиозными представлениями микенского общества.

Уже в конце XIX в. крупный исследователь микенской эпохи Х. Цундас выдвинул предположение о том, что женские терракотовые фигурки являются изображением Афродиты, Геры и, главным образом, богини матери-Земли. Подобную точку зрения повторяет Ш. Пикар. Дж. Томсон считает, что эти терракоты имеют отношение к богине Гере. В сущности, не расходится с этой трактовкой положение Шлимана о том, что женские терракоты есть головы коров, символизирующие «короволикую» Геру[12].

Х. Цундас, рассматривая вопрос происхождения позднемикенских терракот, выдвинул заманчивую точку зрения о том, что они являются продуктом возрождения неолитических традиций в материковой Греции[13]. Это положение без особых изменений мы находим и у Дж. Томсона.

Совершенно по-иному трактует вопрос о терракотовых статуэтках Бледжен. Он считает их погребальным инвентарем, характерным для детских погребений позднеэлладского III периода. Эта трактовка — односторонняя и необоснованная потому, что терракоты характерны не

---

[8] Н. Я. Мерперт. Ук. соч.

[9] Х. Τσούντας. Ἀνασκαφαὶ τάφων ἐν Μυκήναις. АЕ, 1888, стр. 167—171; его же. Μυκῆναι καὶ μυκηναῖος πολιτισμός. Ἀθήνησιν 1893, стр. 157—172; А. Δ. Κεραμόπουλλος. Θηβαϊκά, АΔ, 1917, стр. 99—209; Г. Е. Μυλωνᾶς. Μυκηναϊκὴ παιδικὴ ταφὴ Ἐλευσῖνος. АЕ, 1953—1954, часть 1, стр. 35—44; O. Froedin and A. W. Persson. Svenska Asine expeditionea. Results of the Swedish Excavations 1922—1930. Stockholm, 1938, стр. 308—310; A. W. Persson. Royal tombs at Dentra near Midea. Lund, 1931, стр. 89; его же. New tombs at Dentra near Midea. Lund, 1943, стр. 33; O. Broneer. A Mycenaean fountain on the Athenian acropolis. Hesperia. 8, 1939, стр. 407, рис. 89.

[10] Κ. Δ. Κτιστόπουλος. Ἡ μελέτη τῶν μυνωϊκῶν μειμένων. АЕ, 1953—1954, ч. I, 1955, стр. 50—58. M. Ventris, J. Chadwick. Evidence for Greek dialekt in the Mycenaean archives. JHS, 73, 1953, стр. 84—103.

[11] С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М., 1957, стр. 285—327; Лосев А. Ф. Олимпийская мифология в ее историческом развитии. Уч. зап. МГПИ, 1953, стр. 35; его же. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 64, 71—84.

[12] Ch. Picard. Oushabti Egéens. REA, 32,1930, стр. 97 сл. H. Schliemann. Mycènes. Paris, 1879, стр. 136—142.

[13] Х. Τσούντας. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλληνικῆς τέχνης. Ἀθῆναι, 1957, стр. 49—50.

только для детских погребений. Они встречаются и в погребениях взрослых [14], на территории поселений и городов [15] и в святилищах [16].

А. Перссон считает терракоты миниатюрными изображениями жен, наложниц и рабынь покойного и отождествляет их с ушебти египтян.

Не расходится с точкой зрения Перссона и трактовка Нильсона, считавшего, что женские терракотовые фигурки клались взамен роскошных предметов в могилы бедных с целью обслуживания покойника и обеспечения, таким образом, богатой загробной жизни [17].

Подобная трактовка нам кажется неубедительной. Погребальные обычаи материковой Греции позднемикенской эпохи существенно отличаются от египетских. Одной из характерных особенностей погребальных обрядов микенской эпохи являлось иное отношение к костякам предков и к их погребальному инвентарю. Как правило, кости скелета и погребальный инвентарь собирались в кучи по сторонам могилы, чтобы освободить место для захоронения нового покойника [18]. Этот обычай в материковой Греции имеет глубокую и длительную традицию. Раннеэлладские могилы в Агиос Космас и в Зигурия дают самые древние примеры такого обычая [19].

По мнению Нилссона и Перссона, греки имеют такие же представления о загробной жизни, какие были у древних египтян.

Но египтяне стремились сохранить тело (бальзамированием, герметичностью могил) как вместилище для души, потому что считали, что душа и после смерти должна пребывать вместе с телом в загробном царстве до дня всеобщего воскрешения [20].

А отношение греков к останкам своих предков приводит к заключению, что у них, в противоположность египтянам, существовало иное представление о загробной жизни. Жители материковой Греции (крестьяне, горожане) считали, по-видимому, что после разложения тела душа переходит навсегда в царство теней; у них совершенно отсутствуют представления о всеобщем воскрешении.

Г. Милонас считает женские терракоты погребальным инвентарем, характерным исключительно для детских погребений, и определяет их культовый характер, называя их «питательницами детей» (Κουροτρόφους), «божественными кормилицами» (Θείας τροφούς) и «молящей богиней» (εὐλογοῦσαν Θεάν). Эта точка зрения в основном правильна, но она односторонняя потому, что ограничивает роль терракот только как спутников детей в загробную жизнь.

Согласно мнению Маринатоса эти терракотовые статуэтки выражают различие религиозных воззрений «низов народа» и «правящих ойков» (домов), каждый из которых имел своего бога [21].

---

[14] Ἰω. Κανδάνης. Περὶ τῶν ἐν Ναυπλίᾳ παναρχαίων τάφων. Ἀθήναιον Η 1880, стр. 517, 520; Σ. Ἰακωβίδης. Ἀνασκαφαὶ Μυκηναϊκῶν τάφων Περατῆς. ΠΑΕ 1953, стр. 81—102; его же. ΠΑΕ 1954, стр. 89—103. ΠΑΕ 1955, стр. 100—108; Ἰω. Παπαδημητρίου. Μυκηναϊκοὶ τάφοι Ἁλυκῆς Γλυφάδας. ΠΑΕ 1954, стр. 72—78; его же. ΠΑΕ 1955, стр. 78—99.

[15] Γ. Ε. Μυλωνᾶς. Προϊστορικὴ Ἐλευσίς, стр.138—192; Κ. Κουρουνιώτης. Ἀνασκαφὴ Ἐλευσῖνος 1933. ΑΔ. 1931—1932, 14, Παράρτημα, стр. 3 сл; ΑΕ 1888, стр. 157—172; Ἰω. Παπαδημητρίου, Φ. Πέτσας. Ἀνασκαφαὶ ἐν Μυκήναις. ΠΑΕ 1950, стр. 213.

[16] R. Demangel. Fouilles de Delphes, II, 3. Le sanctuaire d'Athéna Pronaia (Marmaria), стр. 5—36; ΑΔ. 1931—1932, 14, Παράρτημα, стр. 1 сл.

[17] M.P. Nilsson. The Minoan-Mycenaean religion and its survival in Greek religion. Lund, 1927, стр. 307—308.

[18] O. Froedin and A.W. Persson. Asine, стр. 170, 357; G. E. Mylonas. Homeric and Mycenaean burial customs. AJA, 52, 1948, стр. 70.

[19] G.W. Blegen. Zycouries, стр. 43—55; G. E. Mylonas. Agios Kosmas. AJA, 38, 1934, стр. 268.

[20] Ю. П. Францев. У истоков религии и свободомыслия, М—Л., 1959, стр. 309, 527.

[21] Μαρινάτος. Γοργόνες καὶ Γοργόνεια. ΑΕ 1927—1928, стр. 20.

В принципе у нас нет возражений тому, что имелись определенные расхождения в аспекте восприятия божеств среди различных слоев общества. Маринатос при этом базируется на наблюдениях Цундаса, относящего вообще все могилы с терракотами к бедным слоям населения.

По сравнению со всеми другими мнениями, трактовка Цундасом женских терракот как атрибутов божеств (богини Матери-земли) бедных слоев населения нам кажется более близкой к истине. Заслуга Цундаса состоит в том, что несмотря на ограниченность материала и слабое изучение микенской культуры вообще, он сумел взглянуть на вопрос о культовом характере женских статуэток под углом зрения социальной принадлежности их к определенным слоям позднемикенского общества. Это наблюдение ценное, но нуждается в поправке. «Бедные» слои населения с нашей точки зрения это широкие массы свободного крестьянства и горожан, являвшихся главной силой позднемикенского общества. Их могилы характеризуются относительно богатым погребальным инвентарем (огромным количеством сосудов, обилием терракотовых статуэток) и связаны главным образом с земледельческими, сильно экономически развитыми поселениями и с поселениями вокруг крупных крепостей микенской эпохи. Гробницы этой эпохи (начиная с последней четверти XIII в. до н. э.) представляют собой семейные склепы. Особенно нужно подчеркнуть, что эти гробницы почти однородны, особо богатые могилы по инвентарю среди них не выделяются. По-видимому, перед нами склепы состоятельных семей свободных земледельцев, составляющих основной костяк земледельческой общины позднемикенского общества.

В позднемикенскую эпоху, согласно новейшим археологическим данным, наблюдаются экономически сильно развитые земледельческие поселения, особенно в Аттике. По сравнению с предыдущей эпохой, поселения позднеэлладского III периода характеризуются бо́льшими размерами, густотой застройки, мощным культурным слоем и большими размерами некрополей. Поэтому, учитывая все отмеченные обстоятельства, было бы правильным рассматривать позднеэлладские женские статуэтки как памятники искусства, отражающие определенную ступень развития идеологии позднемикенского общества и, более конкретно, идеологии свободных земледельцев и отчасти свободных горожан.

2

Микенские женские терракотовые лепные статуэтки (Εἰδώλεια) миниатюрны. Высота их варьирует от 9 до 13 *см*. Они сделаны из хорошо отмученной и обожженной глины и расписаны красной или черной (темнокоричневой) лакообразной краской. Красный цвет обозначает возобновление жизни, черный — смерть, и оба выражают магические ритуалы, имеющие свои корни еще в неолитической эпохе. Узор состоит из волнистых или вертикальных линий и покрывает почти всю поверхность фигурок.

Характерной чертой женских терракотовых статуэток является схематичность изображения, берущая начало с образцов женских статуэток эпохи неолита. Голова треугольная или круглая, иногда с венцом. Тулово плоское дисковидное или ромбовидное в виде доски с двумя выступами, обозначающими грудь. Руки-выступы подняты кверху или сложены на груди. Нижняя часть тулова — цилиндрическая подставка. Несмотря на схематичность, они по художественности не уступают другим синхронным изделиям микенской культуры. В данной эпохе наблюдается разнообразие композиций терракот и наличие в них реа-

листических деталей (рук, груди, глаз, венца, косы). Наоборот, неолитические и раннеэлладские терракоты характеризуются однотипностью композиции и строгой геометризацией.

Женские фигурки разнообразны по сюжетам и поддаются классификации по типам. Первая попытка классификации этих терракот сделана Цундасом. Он распределил их на три типа: 1 — крылатые, 2 — без рук, 3 — с руками на груди. Несколько экземпляров женских терракот Цундас не включил в свою классификацию.

Позднее Бледжен, Уэйс, Фурумарк, Мюллер выделили еще один, четвертый тип статуэток строго геометрических очертаний с руками, сложенными на груди.

И, наконец, пятый тип — фигура сидящей женщины на троне — был выделен Г. Е. Милонасом.

Новейшие раскопки в Элевсине[22] и других пунктах материковой Греции, особенно в Аттике, дают дополнительные и разнообразные образцы к серии позднемикенских женских терракот. Изучение накопленного материала позволяет нам пересмотреть и дополнить классификацию типов этих терракот.

При классификации терракот Бледжен, Уэйс, Фурумарк, Мюллер, Милонас главным образом обращают внимание на их форму. Такой подход односторонен. Показательным примером формального подхода к вопросу классификации женских терракот является абстрактная схема Фурумарка, согласно которой все терракоты подразделяются на три типа (Ф, Т, Ψ), сложные же композиции игнорируются совершенно. Шаблонное сопоставление схем терракот с очертанием греческих букв ФТΨ — это главный критерий Фурумарка при распределении на типы микенских женских статуэток, в то время как сущность изображения оставлена в стороне.

Результатом такой классификации является расчленение одного и того же сюжета на два различных типа (например, сюжет фигурки с руками на груди есть в двух типах — $Ф_2$ и $Т_2$), или соединение двух различных типов в одном (например, фигура без рук и фигура с руками на груди сливаются в одном типе Ф).

Таким образом, согласно схеме Фурумарка терракотовые статуэтки переходят в абстрактные понятия греческих букв Ф, Т, Ψ, превращаясь в знаки. Такая классификация терракот суживает их разнообразие, отрывает их от действительного образа и мешает вообще решению проблемы их культового назначения и их места в позднеэлладской эпохе.

Классификация Фурумарка пользуется всеобщим признанием среди исследователей, занимающихся вопросом позднемикенских терракот[23].

Исходя из высказанных соображений, я считаю, что пересмотр до сих пор господствующей классификации терракот необходим, поскольку классификация тесно связана с общим вопросом о культовом характере позднемикенской женской терракоты.

3

Женские позднеэлладские глиняные статуэтки по моей классификации составляют две основные группы (рис. 1):

А — (однофигурные) — наиболее простые по сюжету женские изображения.

В — (многофигурные) — терракоты со сложной композицией, состоящие из двух или из трех фигур.

---

[22] G. E. Mylonas. Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princeton, New Jersey, 1961, стр. 23—51.

[23] См. сноску 1, а также Н. Н. Британова. Мелкая пластика. Сб. «50 лет ГМИИ», М., 1961, стр. 86—87.

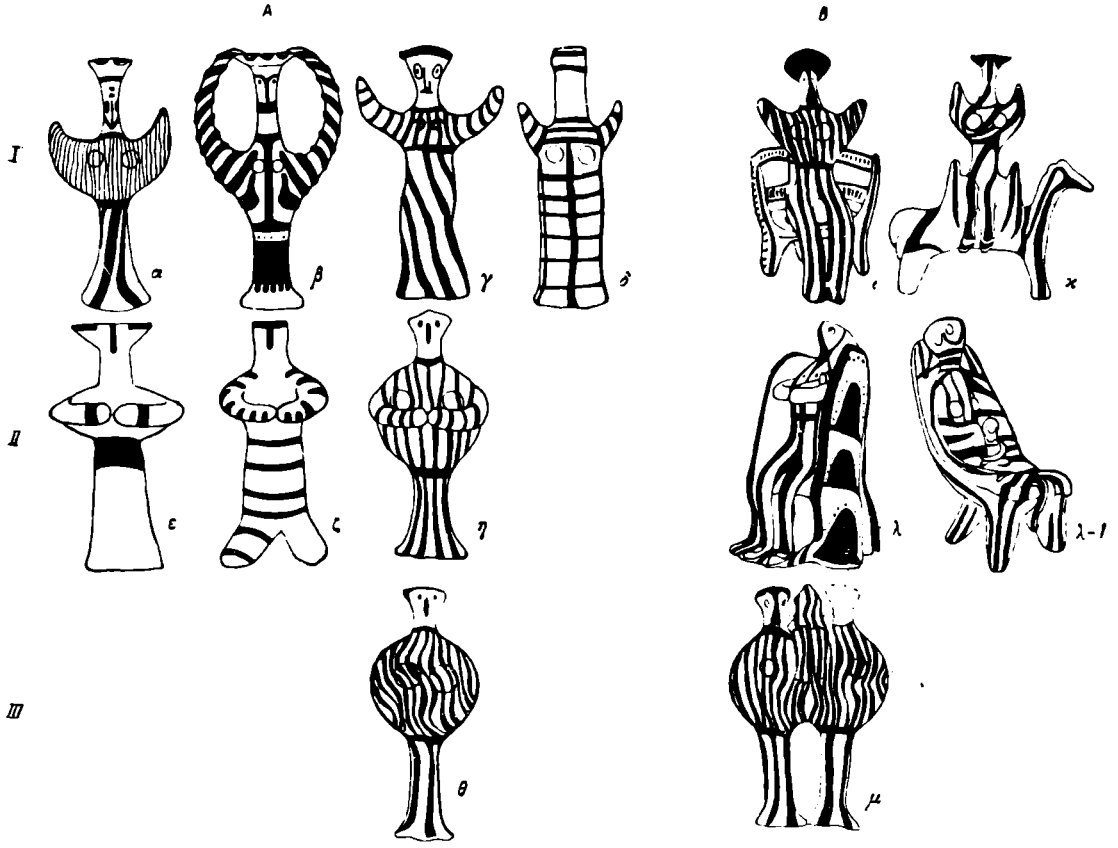


Рис. 1. Классификация женских терракотовых статуэток

Группу А я расчленяю на три категории с выделением типов внутри них.

I категория: статуэтки с поднятыми руками в позе моления, подразделяющиеся на четыре близких типа:

Тип α. Фигурки с руками, напоминающими крылья, так называемые крылатые. Их руки подняты кверху и изогнуты в виде дуги. На голове венец. Прическа — заплетенная коса, опускающаяся до бедер. Вместо ног — цилиндрическая подставка, плавно расширяющаяся книзу.

Тип α соответствует первому типу Цундаса, типу d Бледжена, типу C — Уэйса и типу Ψ Фурумарка.

Тип β. Фигурки с изогнутыми руками в виде дуги, соединенными у головы, так называемые θρηνωδοί (поющие скорбную песнь) [24]. В остальных деталях сходны с типом α.

Тип γ. Фигурки с распростертыми и слегка поднятыми вверх руками. Отличаются от типа α тем, что руки у них четко отделены от туловища. Туловище фигур переходит в подставку в виде цилиндра, слегка расширяющегося книзу (соответствует типу Ψ_2 по Фурумарку — первая и вторая фигуры).

---

[24] ПАЕ 1953. стр. 99; Α. Κ. Ὀρλάνδος. Τὸ ἔργον τῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας κατά τό 1960. Ἀθῆναι 1961, стр. 190—191, рис. 216, 217; Ε. Γαρίδη. Οἱ Μυκηναϊκοί τάφοι τῆς Περατῆς. Αὐγή, 5/VIII—1962, стр. 4. Поза τῶν θρηνωδῶν, сопровождающих умерших, известна на многих изображениях погребальных сосудов геометрического стиля. Подобные терракоты θρηνωδοί архаического времени опубликованы (D. Levi. Arkades. Annuario, X—XIII, 1927—1929, стр. 196, рис. 196, 227 a, b). Поэтому тип β представляет исключительный интерес как вещественное доказательство того, что уже в позднеэлладский период ритуал сопровождения умерших лицами, поющими скорбные песни, был частью погребального обычая и что этот обычай передается от позднебронзовой эпохи к раннежелезному веку и продолжает существовать в течение всей античной эпохи.

Все три типа (α, β, γ) украшены волнистыми линиями красного или черного (темно-коричневого) цвета.

Тип δ. Фигуры с маленькими руками, резко поднимающимися под острым углом кверху. Тулово и подставка составляют единый цилиндр. По росписи отличаются от предыдущих типов (α, β, γ): узор на них состоит из вертикальных и горизонтальных линий, образующих решетку; (Ψ_2 по Фурумарку — третья фигура).

II категория: статуэтки с руками, сложенными на груди. Эту категорию терракот можно также разделить на три типа: ε, ζ, η.

Тип ε. Фигуры строго геометрических очертаний с руками на груди. Голова в венце оформлена в виде треугольника. Ромбовидное туловище и цилиндрическая подставка сильно расширяются книзу. (Тип g по Бледжену, тип A по Уэйсу, типы T_1T_2 по Фурумарку).

Тип ζ. Фигуры со сложенными руками на груди, цилиндрическая подставка в конце разделена на два выступа, обозначающие ноги. Орнамент — вертикальные параллельные линии. По Фурумарку это тип T_2, а Цундасом не классифицирован.

Тип η. Фигуры с туловищем дисковидных очертаний и с руками, сложенными на груди. Цилиндрическая подставка заметно расширяется книзу. Голова без венца. Орнамент волнистый. Это третий тип Цундаса, тип a по Бледжену, тип Φ_2 по Фурумарку.

III категория: статуэтки без рук.

Тип θ. Фигурки с дисковидным очертанием тулова, без рук и венца. Цилиндрическая подставка расширяется плавно книзу. Прическа — заплетенная коса, спускающаяся до бедер. Второй тип Цундаса, b по Бледжену, B по Уэйсу, Φ_1 по Фурумарку.

Группа B, к ней относятся четыре типа: ι, κ, λ, μ.

Тип ι. Фигура крылатой женщины, сидящей на троне, молящая богиня (Εὐλογοῦσα Θεά).

Тип κ. Фигура крылатой женщины, сидящей на коне (Εὐλογοῦσα Θεά).

Тип λ. Фигура женщины, сидящей на троне с ребенком на руках (Θεά Γῆ-Κουροτρόφος, богиня матери-Земли).

Тип μ. Две фигуры женщин, соединенные плечами, и над ними сидящий ребенок (Θεῖαι τροφαί — божественные кормилицы) [25].

Согласно нашей классификации, женские терракотовые статуэтки позднеэлладского времени представлены двенадцатью типами. Разновидность типов, наблюдаемая именно в это время, не случайна. По-видимому, перед нами процесс дальнейшей дифференциации богини матери-Земли, которая до этого была представлена почти однотипными фигурами. В позднеэлладскую эпоху, вероятно, по мере углубления дифференциации и классовых противоречий в микенском обществе происходит аналогичный процесс в религиозных представлениях, и с этим может быть связано разнообразие типов женских терракот.

При решении вопроса о культовом характере позднемикенских терракот необходимо учитывать место и обстоятельство находок и характер эпохи, к которой они относятся. Думаем, что при поступлении нового материала из руин Элевсина можно будет почерпнуть данные о религиозном содержании женских терракот, так как Элевсин — это известный религиозный центр античной Греции. На территории Элевсина женские терракоты встречаются в детских и взрослых погребениях некрополя, расположенного в сторону Мегар, и в городе, в нижних позднеэлладских слоях, содержащих остатки построек поселений.

---

[25] G. E. Mylonas. Seated and multiple Mycenaean figurines in the National Museum of Athens, Greece. Сб. The Aegean and the Near East. New York, 1956, стр. 110—121, табл. XV, *7—9*. ПАЕ 1882, стр. 84 сл.; ПАЕ 1884, стр. 76; AZ 1882, стр. 266; AA 1933, стр. 303, рис. 4; Encyclopédie photographique de l'art. Le Musée du Louvre, II, стр. 165.

Уникальным памятником не только для некрополя Элевсина, а вообще для всех позднемикенских некрополей материковой Греции является детское погребение гробницы «Θλ — 4»[26]. Это детское погребение было отличной сохранности, оно относится к позднеэлладскому — III периоду и дает полный комплекс погребального инвентаря. При скелете найдены: сосуды, бусы, амулет-полумесяц из камня и три терракотовые статуэтки типа ϑ.

Детские погребения с женскими терракотами встречаются в обилии и многообразии в нишах гробниц Алики Глифады (Аттика, около Афин), они представляют собой богатые памятники земледельческого населения Аттики позднеэлладского периода.

В этих гробницах найдено до трех десятков терракотовых женских статуэток, служивших погребальным инвентарем главным образом детских погребений в нишах, вырытых по бокам дромосов гробниц. Кроме этого, терракоты встречались и в камерах гробниц среди скелетов взрослых покойников. Среди этих терракот фигурируют статуэтки типа: ϑ и α, которые в основном характерны для детских погребений. Параллельно встречаются и типы: ζ и λ. Таким образом, расширяется круг типов женских терракот, выступающих в качестве погребального инвентаря в могилах позднеэлладского — III периода.

Женские терракотовые статуэтки характерны не только для некрополя Элевсины и гробниц Алики Глифады. Они обнаружены почти во всех некрополях и гробницах материковой Греции и связаны главным образом с земледельческими поселениями. Многочисленные терракоты обнаружены в основном в гробницах поселений (Κωμῶν) вокруг Микен, в Фивах.

Так называемые «бедные» гробницы (по терминологии Цундаса) в поселениях вокруг Микен бедны только потому, что принадлежат земледельцам или горожанам.

«Бедные» гробницы поселений открывают очень интересную страницу социально-экономической истории позднемикенского общества. Выступает свободный слой земледельцев и горожан, живущих в поселениях и в комах (Κώμας) вокруг крупных центров-городов и держащихся крепко за традиции глубокой древности. Именно земледельцы и горожане являются создателями обряда, прямо связанного с земледелием, с производством. И тот факт, что в богатых гробницах почти нет терракот-символов плодородия и размножения, может быть и выражает именно существующие классовые противоречия между широкими массами микенского общества (свободных земледельцев и горожан) и деспотическими правящими ойками.

Являются ли рассматриваемые нами терракоты исключительно погребальным инвентарем детских погребений (и, следовательно, атрибутами детских божеств), как заключает Милонас? Думаем, что нет. И не только потому, что в некрополях женские терракотовые фигурки встречаются как в детских погребениях, так и в гробницах со скелетами взрослых, но особенно потому, что их находят и на территории городов, например, Элевсина.

Здесь при раскопках Д. Филиоса в нижних слоях телестериона в слое позднеэлладского периода среди остатков кострищ и стен в большом количестве найдены терракотовые статуэтки[27], «подобные микенским и тиринфским» (типы α, ϑ).

Позднее Куруниотисом в таком же слое у СЗ угла телестириона были обнаружены также несколько женских терракот позднемикенского вре-

---

[26] Γ. Ε. Μυλωνᾶς. Μυκηναϊκή παιδική ταφή Ἐλευσῖνος. ΑΕ 1953—1954, ч. I, стр. 35—44.

[27] Δ. Φίλιος. Ἔκθεσις περὶ τῶν ἐν Ἐλευσῖνι ἀνασκαφῶν. ΠΑΕ 1888, стр. 76.

мени [28]. Из группы терракот Д. Филиоса происходит уникальный экземпляр женской фигуры, сидящей на троне (тип λ). По-видимому находки женских терракотовых статуэток в нижних слоях телестериона определенно связаны с существовавшим на этом месте позднемикенским святилищем [29]. Подобные случаи находки женских терракот имеются в доме G — (святилище) Асины [30] в Месении, датируемом позднеэлладским III периодом.

В Микенах, при раскопках 1950—51 гг. на северном склоне города в комплексе домов керамического склада в помещениях А и Г найдены многочисленные терракоты (в помещении Г найдено более 100 антропоморфных и зооморфных терракотовых статуэток) [31]. Нет оснований считать это помещение священным. Перед нами вместе с товаром — сосудами — в складе существует и иной товар — терракота. И это закономерно потому, что они были популярными и пользовались большим спросом среди широких народных масс. В данном случае терракотовые статуэтки выступают вместе с посудой в качестве товара широкого потребления.

Таким образом, женские терракотовые статуэтки, с одной стороны, были широко распространены главным образом в земледельческих поселениях, а с другой стороны, выступают как погребальный инвентарь, как приношение в святилищах.

4

Для решения вопроса о культовом назначении женских глиняных статуэток позднеэлладского времени необходимо обратиться к памятникам линейного письма В и в первую очередь к тем памятникам, которые непосредственно связаны с местом находок терракот.

На большой амфоре (конца XIII в. до н. э.), найденной в Элевсине [32], есть надпись линейного письма В (рис. 2, 3), расшифрованная TAK/DONA TA TETAKA — «Я посвятил эту Тагону (= Деметре). Дворец (= царь)» [33]

Исходя из этого факта, оспаривать вывод о том, что Элевсин уже с позднемикенской эпохи выступает в качестве центра почитания культа богини матери-Земли под именем Деметры, не приходится. Наоборот, этот культ берет начало с микенской эпохи.

Попробуем найти эту богиню среди терракотовых изображений. Мы не будем далеки от действительности, если обратимся к миру терракот Элевсина. Уже с прошлого века при раскопках Д. Филиоса в нижних слоях города была обнаружена одна терракотовая статуэтка, изображающая сидящую на троне женщину. После этого она осталась забытой. Пришлось снова обратиться к ней в связи с последними открытиями гробниц в соседнем пункте Аттики у Алики Глифады, которые дали еще два экземпляра фигуры женщины, сидящей на троне с ребенком на руках (одна целая, вторая обломок — нижняя часть трона и фигуры).

Из Микен происходит подобная же терракота — женщина на троне с ребенком на коленях.

---

[28] K. Kourouniotes and G. Mylonas. Excavations at Eleusis. 1932. AJA, 1933, 37, 2, стр. 227.

[29] ΑΔ 1931—1932, стр. 2, сл.; AJA, 1933, v. 37, № 2, стр. 276 сл.

[30] Asine, стр. 74—104, 308, рис. 211—212.

[31] ПАЕ, 1950, стр. 199, 213, 214; ПАЕ 1951, стр. 195.

[32] Г. Е. Мυλωνᾶς. Ὁ ἐνεπίγραφος ἐτερόστομος ἀμφορεὺς τῆς Ἐλευσῖνος. АЕ 1936, стр. 61 — 100; A. Evans. The palace of Minos at Knossos. IV, 1935, стр. 742 — 744, рис. 724a, 727.

[33] Вл. Георгиев. История эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей. ВДИ, 1950, 4, стр. 56. Милонас интерпретировал: «Παι(δα) κυκαφονεδα», т. е., «ὦ παῖ» (Περσεφόνη), τόν κυκεῶνα τοῦτον (τόν ἐμπεριεχόμενον εἰς τό ἀγγεῖον) ἀφιερώνω, ἀνατίθημι ἢ δέχθητε (АЕ 1936, стр. 80).

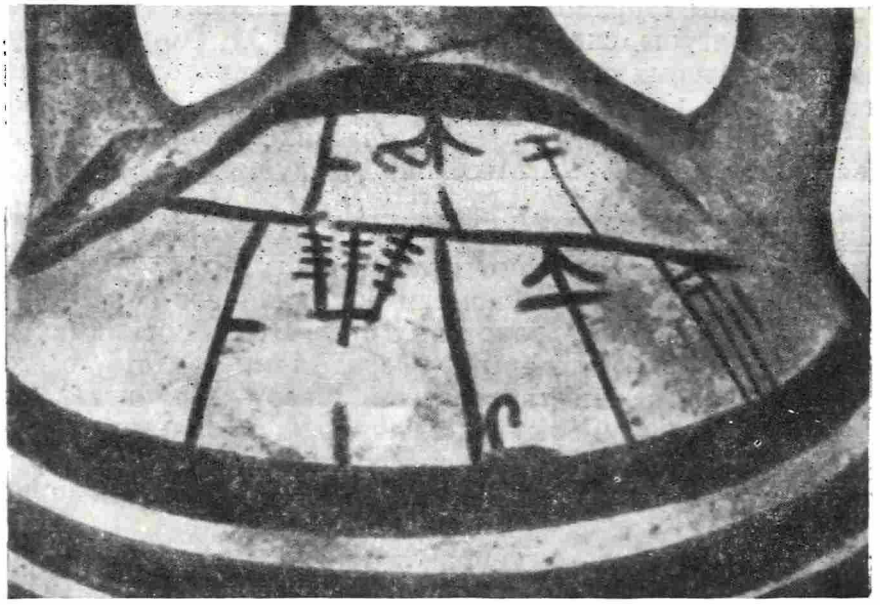


Рис. 2. Амфора с надписью линейного письма В

В гробницах Алики Глифады можно наблюдать явление параллельного существования в качестве погребального инвентаря, с одной стороны, терракот и с другой — ритуальных сосудов. В гробнице № 3 вместе с обломком фигуры сидящей на троне и с пятью женскими терракотовыми статуэтками типа α и θ найден сосуд-кружка (πρόχους) с расписным изображением какой-то «богини».

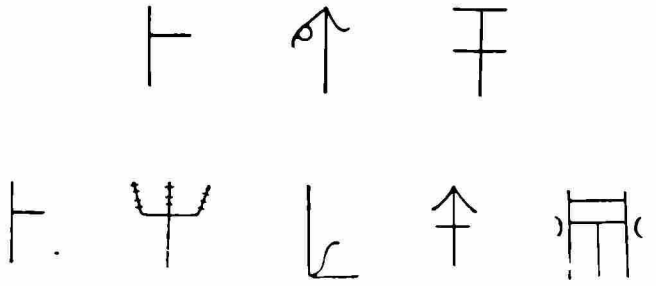


Рис. 3. Надпись на амфоре

Если же будем продолжать поиски изображений этой богини среди погребального инвентаря некрополя Элевсина, то в гробнице Нπ9, кроме двух терракотовых статуэток типа θ, обращает на себя внимание очень интересная форма для литья колец [34]. На лицевой стороне формы имеются два рельефных изображения — птицы и двух женщин, молящихся перед трехколонным маленьким храмом (рис. 4). Нет сомнения, что эти изображения являются ритуальными. Нам приходится только фиксировать закономерное совпадение сюжетов женских терракот («крылатых» в позе моления) с этими изображениями женщин на литейной форме.

Мы склонны считать, что тип «крылатых» терракот (α, γ) может быть отождествлен с богиней в позе моления, которая изображена на литейной форме. Поднятые руки справедливо принято считать как молитвенную позу, столь же характерную и для минийской богини матери-Земли.

[34] ПАЕ 1953, стр. 80 — 81, рис. 5, 6, 7.

«Крылатые» терракоты известны кроме гробниц и в святилищах, например в Асине [35]. Существует предположение, что этот тип принесен с Крита и развился от изображения минийской богини с руками в позе моления [36].

У нас нет серьезных оснований отрывать «крылатый» тип статуэток (α, γ) от общего комплекса терракот материковой Греции и переносить его на Крит, потому что примеры для сравнения можно привлечь из самой Греции и конкретно из Микен. Таким примером является новейшая находка каменной печати позднеэлладского III периода в Микенах [37] с изображением богини Природы (Θεάν Φύσιν) с поднятыми руками в позе моления и сидящей на мифическом животном — грифоне. И поэтому мы не можем согласиться с точкой зрения Нильсона, считавшего только минийские колоколообразные статуэтки изображениями божества, а микенские исключавшего из их числа только потому, что последние не разнообразны по типам.

Рис. 4. Форма для литья колец

«Крылатые» статуэтки, встречаемые и в гробницах и в святилищах материковой Греции,— несомненно культового характера и даже, может быть, являются вариантом изображения богини матери-Земли.

Известно из пилосско-микенских надписей линейного письма В, что многие олимпийские божества уже существовали в микенской Греции.

Рассматриваемые нами терракоты, изображающие исключительно женщин, характеризуют главным образом земледельческие крупные поселения и имеют широкое распространение по всей материковой Греции. Другими словами, они отражают религиозные представления широких масс микенского общества.

Возникает закономерный вопрос: существует ли связь и в какой форме между культовыми женскими терракотами (богини матери-Земли) и олимпийскими божествами, фигурирующими в надписях микенской эпохи?

Ответ на этот вопрос дают Гомеровский гимн, в котором упоминается божественная сила «Γαῖα Παμμήτηρ» (всеобщая мать, праматерь) [38], и сами надписи линейного письма В. Согласно микенским надписям, существовала и почиталась Мать всех богов — Γαῖα или Γῆ. Конечно, в микенских надписях встречаются многие имена богов олимпийского пантеона, но пока еще они не составляют единую семью, как впоследствии у Гомера. Кроме того, наибольшая часть почитавшихся богов — женского пола.

Исходя из этих данных, мы склонны считать, что позднемикенские глиняные женские статуэтки олицетворяют в большинстве случаев богиню матери-Земли. Γαῖα — это самый древний представитель греческого мира богов. В позднемикенской эпохе, по мере разложения родовых начал и усиления классовых противоречий, параллельно происходят значительные сдвиги в области идеологии, в области религиозных представлений и «Πάντες δέ θεῶν χατέουσ' ἄνθρωποι», т. е. «все люди ищут себе божество» [39].

---

[35] Asine, стр. 308 — 310, рис. 212.
[36] AE 1927 — 1928, стр. 20.
[37] ПАЕ 1954, стр. 265 — 267, рис. 14.
[38] Гомер. Гимн XXX, 1.
[39] Гомер. Одиссея. 3,48.

Это положение Гомера, как нам кажется, отражает религиозные представления позднемикенского общества. На богиню матери-Земли претендует консервативная земледельческая среда населения, сильно держащаяся за старые традиции. Параллельно появляются, группируются олимпийские божества. Создается впечатление, что многие из них (например Зевс) ответвляются от богини матери-Земли. Об этом свидетельствуют микенские надписи. Например, в надписи F 51 г 2[40] фигурируют вместе Ζεῦς и Γαῖα.

Олимпийские боги позднее, в окончательном их оформлении, становятся идеологией, отражающей классовую структуру рабовладельческого общества, с главной верховной фигурой мужского божества — Зевсом.

В течение позднеэлладского III периода богиня матери-Земли, воплощаемая женскими терракотами, выступает в лице главного божества среди широких крестьянских и отчасти городских масс.

В Аттике Γαῖα занимает особенно видное положение среди земледельческих поселений, об этом можно судить по многочисленным находкам ее изображений.

В Элевсине она выступает в конкретном виде Деметры (согласно упомянутой выше надписи), которая позднее становится главным божеством элевсинских мистерий. Даже можно предположить, что в позднеэлладскую эпоху именно и начинается в Элевсине круг мистерий, тесно связанный с земледелием. Заканчивая, нужно подчеркнуть, что при дальнейшей своей эволюции культ богини матери-Земли не исчезает. Наоборот, он существует как сильный пережиток прошлого на всем протяжении рабовладельческой эпохи в духе первоначального его характера — родоначальницы, главенствующей фигуры среди олимпийских богов[41]. Аттика является классическим примером этого пережитка, где согласно установившейся с древнейших времен религиозной норме было принято: «Τούς θύοντάς τινι θεῷ ταύτῃ προθύειν. При жертвоприношении любому богу сначала жертвуют ей (богине-матери)»[42].

---

[40] С. Я. Лурье. Ук. соч., стр. 286, 299.

[41] В недавно обнаруженном древнейшем папирусе религиозного характера в одной могиле середины IV в. до н. э. в местечке Дервени (Лагадас — Солоника) среди других имен богов читаются «. . . ΓΗ ΜΗΤΗΡ ΕΣΤΙΑ ΜΑΝΤΕΥΟΜΕΝ . . .» Ε. Γαρίδη, Ὁ Πάπυρος τοῦ Δερβενίου. Αὐγή 22 VII-1962, стр, 4.

[42] Σουίδας, слово Κουροτρόφος.

В. А. БАШИЛОВ

КУРГАНЫ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ У с. МАСТЮГИНО

Для погребального ритуала курганов скифского времени в бассейне Среднего Дона характерен обряд трупоположения. Он встречен во всех курганах группы «Частые курганы» около Воронежа, он же господствует и в курганном могильнике этого времени, находящемся в 60 *км* южнее, у с. Мастюгино. Но здесь оказались и пять трупосожжений, которые были раскопаны П. Д. Либеровым в 1958, 1960 и 1961 гг. [1].

Исследование курганов этого типа особенно важно потому, что это первые находки трупосожжений скифского времени в бассейне Среднего Дона.

Два кургана с таким погребальным обрядом имели насыпь незначительной высоты (кург. №№ 20/1 и 2/23), остальные представляли собой светлые пятна на пашне.

Курган № 38/31. Это самый простой из курганов с трупосожжениями. В нем на уровне древнего горизонта обнаружено кострище диаметром около 4 *м*, где и был, по-видимому, сожжен покойник. Ничего, кроме нескольких обломков кальцинированных костей, в кургане не найдено.

Курган № 24/8. Здесь была обнаружена могильная яма размером 3,5×3,5 *м* и глубиной около 1,2 *м* [1]. Стороны ее ориентированы почти по странам света, лишь с небольшим отклонением к СЗ и ЮВ. Яма была заполнена обожженной глиной, и грунт вокруг нее был сильно прожжен. Никаких следов погребения или вещей в кургане не найдено.

Курган № 3/15. Здесь была вскрыта яма размером 1,5×1,3 *м* и глубиной около 1,1 *м* (рис. 1). Яма ориентирована по длинной оси с ССЗ на ЮЮВ. Стенки и дно неровные. В северной части ямы находилось округлое углубление с отвесными западной и восточной стенками и пологими северной и южной. Заполнение ямы было мешаное, включающее серую и красную глину, перегной, уголь и мелкие кусочки кальцинированных костей. Грунт вокруг ямы также был сильно прожжен. По-видимому, в этом кургане покойник был сожжен на горизонте, а остатки сожжения сброшены в яму.

Курган № 20/1 (рис. 2). Здесь тоже была линза прожженного грунта вокруг могильной ямы. Дно ямы находилось ниже уровня линзы, на глубине около 2 *м*. Стенки вертикальные, ровные, сильно прокаленные. Яма была заполнена большими комками обожженной глины, на которых часто встречаются отпечатки дерева. Отпечаток большой деревянной плахи найден за пределами ямы. В слое пепла на дне ямы найдены мелкие обломки кальцинированных человеческих костей.

[1] Здесь и далее все отсчеты глубин даны от уровня древнего горизонта.

В этом кургане, по всей вероятности, находилось какое-то глинобитное сооружение на деревянной основе, возведенное на древнем горизонте над могильной ямой. Судя по прокаленности стенок ямы и почвы вокруг нее, огонь бушевал не только на поверхности, но и в самой яме; в ней же, по-видимому, и было произведено сожжение погребенного.

Следы глинобитных сооружений над могилой с трупосожжением встречены в кург. № 392 у с. Грушевки Чигиринского уезда и в кург. № 515 и 517 у м. Корсунь Каневского уезда [2, 3]. Они датируются раннескифским периодом, т. е. временем не позже конца VI в. до н. э. [4].

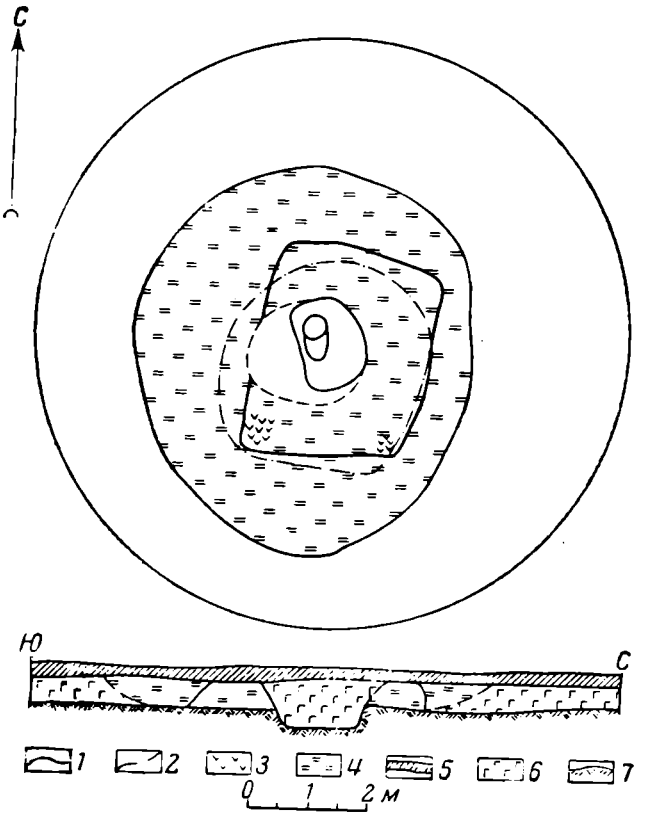


Рис. 1. Курган № 3/15. План и профиль

1 — пятно обожженной глины на глубине 0,2 *м*; *2* — пятно обожженной глины на глубине 0,7 *м*; *3* — угли; *4* — обожженная глина; *5* — пахотный слой; *6* — чернозем; *7* — материк

Курган № 2/23 (рис. 3). В толще насыпи попадались угли, куски дерева и обожженная земля. На древнем горизонте, под насыпью, обнаружилось круглое, диаметром около 8 *м* красное пятно кострища. Наибольшая прокаленность почвы наблюдалась в северной и центральной его части. По восточной и юго-восточной сторонам пятна прослежены тянущиеся цепочкой следы дерева. Внутри пятна кострища, несколько ближе к его северному краю, было вскрыто очень интересное погребальное сооружение: оно состояло из квадратной (3,6×3,2 *м*) площадки, ограниченной канавкой, и могильной ямы, к которой эта канавка примыкала. Окружающая площадку канавка шириной около 0,6 *м* и глубиной около 1 *м* примыкала к могильной яме с севера и с запада. С северной стороны могильной ямы она на протяжении 0,5 *м* узка (около 0,2 *м*) и неглубока (0,35 *м*). Канавка была заполнена мешаной землей с вкраплениями угля и обожженной глины.

Могильная яма неправильной формы находилась в юго-восточном углу площадки. Ее размеры 2,3×1,3 *м*, глубина около 1 *м*. Ориентирована она длинной осью с СЗ на ЮВ. Стенки ямы неровные, уступчатые. В центральной части ямы, ближе к западной стенке, на дне — углубление до 0,3 *м*. Оно сходно с углублением в могильной яме кург. № 3/15. Могильная яма была заполнена сильно перемешанной землей, в которой попадались угли, куски дерева, мелкие обломки кальцинированных костей и кусочки обожженной глины.

Выкид из канавки и могильной ямы располагался, судя по профилю (в плане его проследить не удалось), вокруг всего сооружения. Он прослежен тонкой полосой с севера и линзой с юга.

На дне канавки, на различном расстоянии друг от друга, находились 10 столбовых ям диаметром 0,35—0,5 *м*, глубиной 0,1—0,3 *м*. Только две из них были глубиной 0,05 и 0,07 *м*, и только в них замечены следы

дерева. Яма № 2 была расположена в упомянутом выше углублении на дне могильной ямы. Яма глубиной около 1 *м* была обнаружена в центре площадки. Заполнение всех ям одинаково с заполнением канавки.

В северной части площадки, на уровне древнего горизонта, найдено скопление человеческих костей со следами огня; на площадке же были найдены два бронзовых наконечника стрел. Над западным углом могиль-

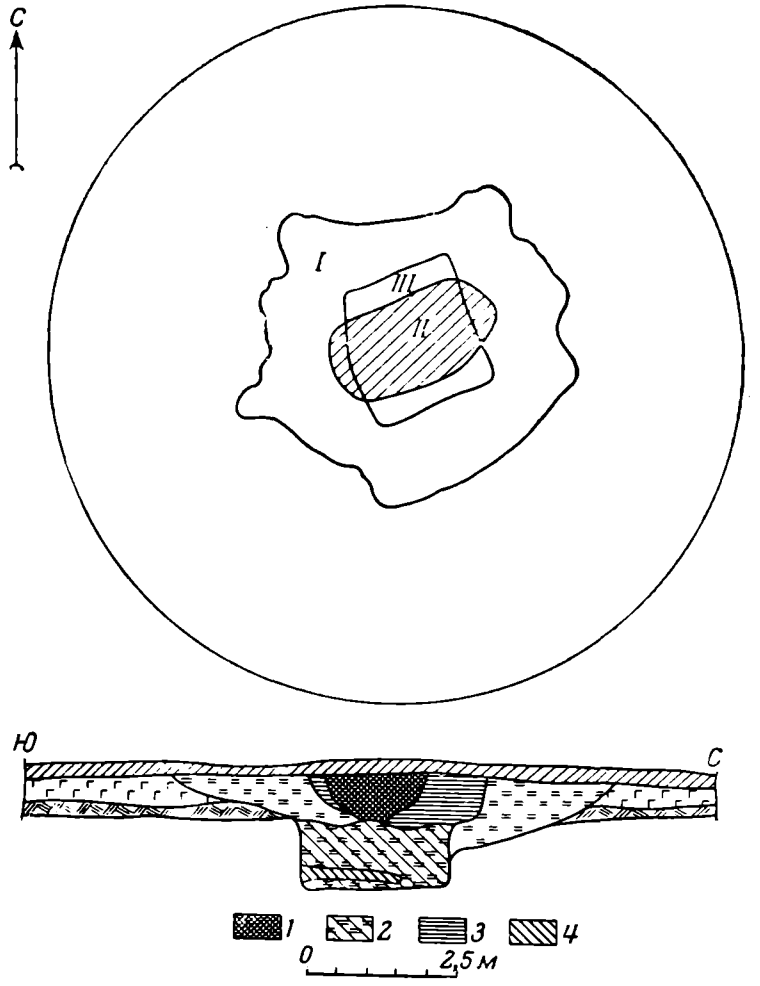


Рис. 2. Курган № 20/1. План и профиль

I — контуры пятна сильно обожженной глины; *II* — грабительская яма; *III* — могильная яма. *1* — грабительская яма; *2* — глина красно-кирпичного цвета; *3* — комки красной глины с черноземом; *4* — глина фиолетового цвета

ной ямы, также на уровне древнего горизонта, обнаружено несколько обломков кальцинированных костей, бронзовый наконечник стрелы и обломки железной втулки. В восточной части сооружения, у внешней границы канавки, несколько ниже уровня древнего горизонта, найден двудырчатый железный псалий. На этом же уровне обнаружена половина железных удил (рис. 4). В заполнении южной части канавки, у выхода ее в могильную яму, на различных глубинах найдены один железный и 18 бронзовых наконечников стрел и бронзовая ворворка, а в северо-восточном углу канавки, около ямы № 10 — обломки железной втулки. В яме № 1 на глубине около 0,5 *м* была обнаружена бронзовая бляха в зверином стиле (рис. 5).

Можно предполагать, что в кург. № 2/23 заключалось какое-то столбовое сооружение, вернее всего шатровой конструкции, в котором был сожжен покойник. Следующие наблюдения подтверждают наше предположение:

1. На юго-восточной границе кострища, т. е. в стороне, противоположной месту наибольшей интенсивности огня, сохранились следы дерева, расположенные по кругу.

2. Глубина ямы центрального столба (1 *м*) показывает, что на него приходилась основная нагрузка, в то время как столбы в канавке были углублены только на 0,1—0,3 *м* и служили подпорками для стропил

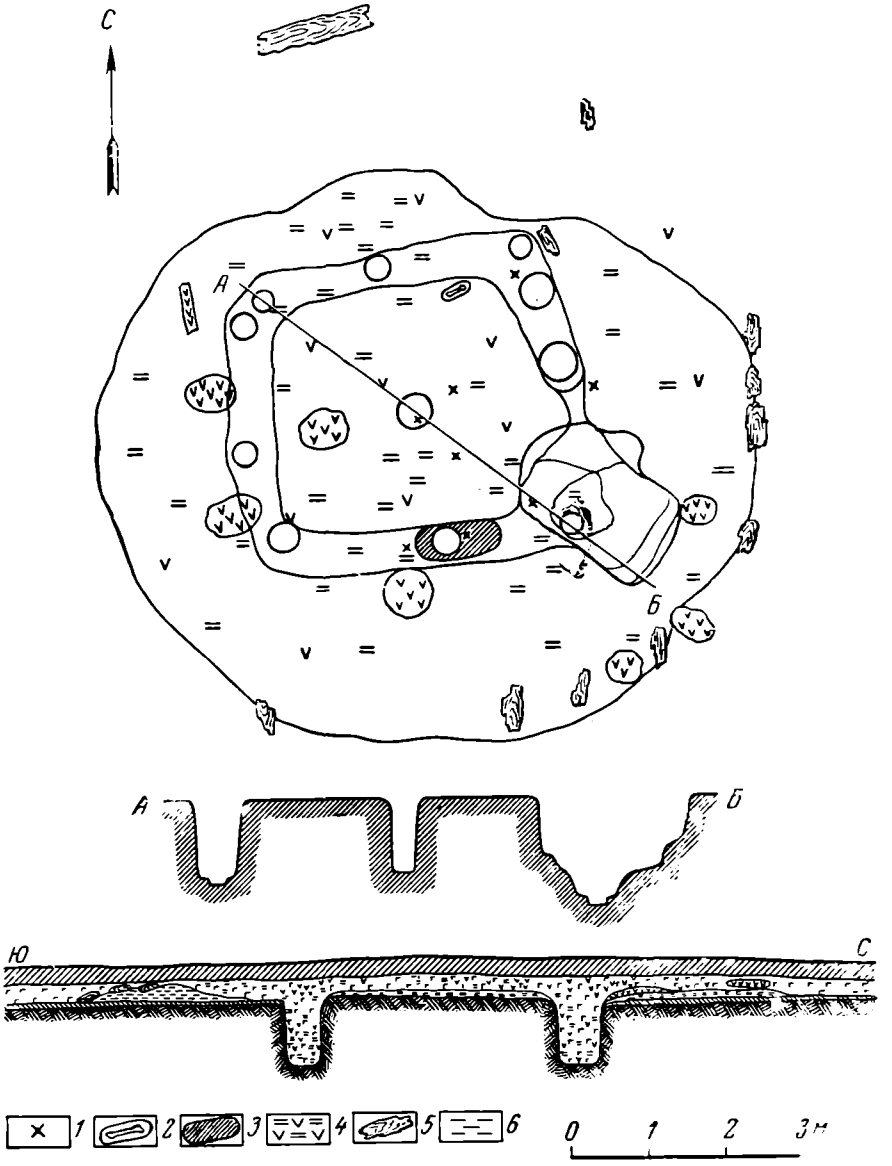


Рис. 3. Курган № 2/23. План кострища и профиль кургана

1 — находки; *2* — скопление человеческих костей; *3* — скопление наконечников стрел; *4* — обожженная глина и уголь; *5* — дерево; *6* — глина

шатра. То, что канавка и могильная яма, в которой тоже стоял столб, не были засыпаны, доказывается находкой в канавке большого числа вещей и сходным характером заполнения канавки и ямы.

3. Ни на одной из сторон четырехугольника, образованного канавкой, столбы не стоят в одну линию, как это должно было бы быть при наличии прямых стропил плоской крыши. Вход в погребальное сооружение находился, по-видимому, с восточной стороны, там, где канавка становится узкой и неглубокой. Тело покойного было помещено внутри шатра на площадке, а после сожжения остатки кострища сброшены в канавку и яму.

Интересна форма могильной ямы. Она своими неправильными очертаниями и неряшливо вырубленными в материке стенками очень напоминает яму кург. № 3/15. Сходство довершает углубление в северной части ямы, аналогичное углублению в яме кург. № 3/15.

Все сооружение совершенно оригинально. Аналогий ему не нашли. Правда, если обратимся к отчету А. А. Спицына о раскопках в Мастюгине в 1905 г., то найдем такое описание: «На материке обнаружилась

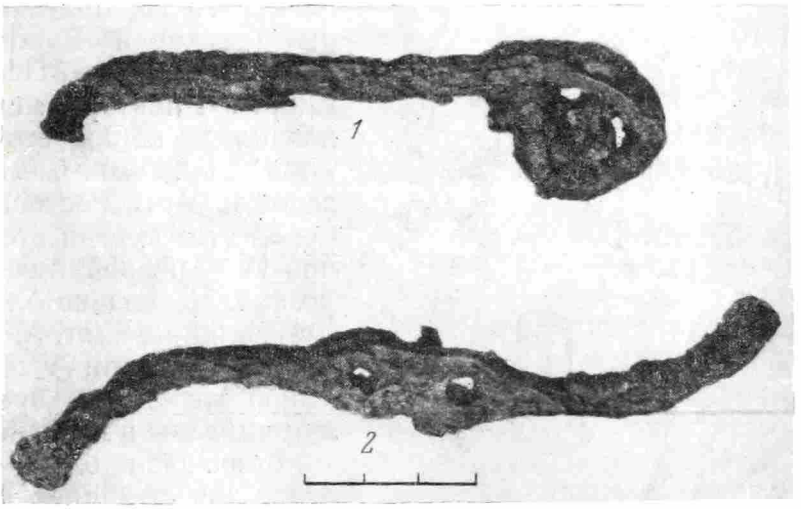


Рис. 4. Курган № 2/23

1 — обломок железных удил; *2* — железный псалий

площадка размером 5,7 × 4,45 *м*, расположенная длинником с С на Ю и обведенная канавкой. Два угла ее прямые и два тупые, так что она имела вид пятиугольника; в углах — по ямке для столбов и три такие же — посередине, все — в канавках» [5]. Здесь было обнаружено трупоположение на материке под деревянным сооружением на столбах, поставленных в канавку, похожим на сооружение в нашем кургане.

Таким образом, возможно предположение, что в кург. № 2/23 мы встретились с комбинацией элементов двух погребальных ритуалов: столбовым сооружением, связанным с обрядом трупоположения[2], и с трупосожжением, после которого остатки кострища были сброшены в яму.

В кургане найдено 22 бронзовых наконечника стрел, среди которых выделяется несколько типов, хорошо известных по работе П. Д. Рау [6]. Девять из наших наконечников близки к наконечнику типа 3D (табл. X по Рау) из Карагодеуашха. Еще шесть стрел очень похожи на него, но они не имеют выступающей втулки. Такие стрелы известны из уже раскопанных мастюгинских курганов (табл. XI, тип 1C по Рау). Три наконечника относятся к типам 1A, B, E (табл. XI по Рау) и один хотя и близок к типу 1D (пересекающей ложок поперечной полоской), но не имеет выступающей втулки.

Один наконечник с шипом из нашего комплекса совпадает с наконечниками стрел из раскопок В. А. Городцова у с. Осняги [7] (табл. X, тип 1H по Рау), датирующимися временем не позже первой половины IV в. до н. э.

Единственный железный наконечник стрелы с длинной втулкой и плоским треугольным пером близок к железным наконечникам стрел из других мастюгинских курганов (табл. XI, тип. 1G по Рау).

Весь комплекс стрел в целом может быть датирован IV в. до н. э. Этой датировке не противоречит и форма уздечного набора. Найденная

[2] Других шатровых сооружений в Мастюгине не встречено, но самый принцип столбовой конструкции с перекрытием обычен для мастюгинских могил с трупоположением.

в кургане половина удил сделана из железного стержня, загнутого на концах в кольца. Одно из них обломано, в уцелевшем сохранились остатки кольца второй половины удил.

Псалий из этого кургана — железный двудырчатый с плоским восьмеркообразным расширением в середине. Концы псалия загнуты и несколько утолщены. На перехвате «восьмерки» — остатки кольца удил.

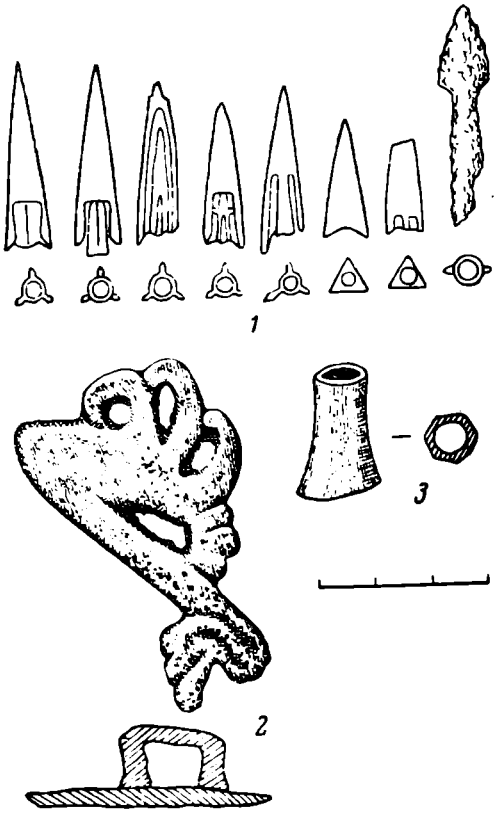


Рис. 5. Курган № 2/23

1 — наконечники стрел; *2* — бронзовая бляха; *3* — бронзовая ворворка

Такие же по форме железные псалии были найдены в кург. №№ 1 и 7 группы «Частые курганы» (раскопки Воронежской архивной комиссии). Псалий из кургана № 1 повторяет схему нашего псалия, но концы его заканчиваются шариками. С. Н. Замятнин, вслед за М. И. Ростовцевым, датировал этот курган второй половиной IV — первой половиной III в. до н. э. Несколько ближе к нашему псалий из кург. № 7, датирующегося началом V в. до н. э. [8]. Такой же формы бронзовые псалии найдены в кургане Солоха [9].

Бронзовая бляха в зверином стиле представляет собой очень стилизованное изображение задней ноги животного. Бедро оформлено в виде завитков, отдаленно напоминающих оленьи рога. Нижняя часть бляхи трактована как звериная лапа, также сильно стилизованная. Между бедром и лапой вставлена трехлепестковая пальметка. На обороте у бляхи — горизонтальное ушко. По общим очертаниям бляха эта близка к налобнику в виде задних ног лошади или оленя из кургана III, раскопанного В. В. Хвойко в урочище Галущино [10] [3]. Но если этот налобник выполнен в достаточной степени реалистично, в традициях классического звериного стиля, то мастюгинская бляха носит выраженный декоративный характер, свойственный поздним этапам развития стиля.

Трактовка звериной лапы близка к трактовке ее на бронзовых нащечниках из кург. № 2, раскопанного С. А. Мазараки в Волковцах. Этот курган по мечу и крестовидной бляхе, близкой к известной ольвийской, датируется началом V в. до н. э. Однако звериная лапа на нашей бляхе дана в более стилизованном и орнаментальном виде [9].

Дальнейшее развитие этого типа украшений можно видеть на примере бляхи с изображением задней части зверя, найденной в кург. № 66 Бобрицкого могильника [9]. Изображение лап на этой бляхе еще более стилизовано и вычурно. Она может быть датирована началом III в. до н. э. [11].

Бронзовая ворворка с семью гранями (рис. 5, *3*) найдена вместе со стрелами в канавке. Такого типа граненые ворворки были найдены в Старшей Могиле [12] и в погребении V в. до н. э. из раскопок И. А. Линниченко у с. Волковцы [13].

[3] М. И. Ростовцев не датирует этот налобник [11], но, судя по наличию в комплексе железных удил с бронзовыми псалиями, можно полагать, что он относится ко времени не позднее начала V в. до н. э.

Железная втулка была найдена в обломках в двух различных местах. Возможно, что она относится к одному копью.

В целом комплекс предметов из кург. № 2/23 можно датировать IV в. до н. э., но вряд ли самым началом или самым концом этого столетия.

Итак, мы рассмотрели пять курганов, выделяющихся из основной массы Мастюгинской курганной группы обрядом трупосожжения. Между ними есть сходство и в ориентировке могильной ямы, которая тяготеет к направлению ССЗ — ЮЮВ.

Четыре из этих курганов не имеют никакого погребального инвентаря и не могут быть датированы самостоятельно. Курган № 2/23 относится к IV в. до н. э., т. е. одновременен ранним курганам скифского времени в мастюгинской группе. К нему близок по форме погребальной ямы кург. № 3/15. Между ними есть близость и по обряду погребения. В обоих случаях — это сожжение с последующим сбрасыванием остатков кострища в яму.

Несколько отличается кург. № 20/1, где сожжение было произведено в яме, над которой, по-видимому, имелось какое-то глинобитное сооружение.

Близких аналогий для данной группы памятников в бассейне Среднего Дона нет ни в эту, ни в предшествующую эпоху. Правда, южнее, у с. Русская Тростянка Острогожского района, был раскопан в 1960 г. курган скифского времени с трупосожжением [4], но он имеет совершенно другой характер.

На Киевщине непосредственных аналогий нашим курганам тоже нет, но обряд сожжения с последующим сбрасыванием кострища в яму там широко известен. Встречены там же и остатки глинобитных сооружений в курганах с трупосожжением в яме. Эти сооружения относятся ко времени не позже конца VI в. до н. э. Говорить о непосредственной связи с ними мастюгинских трупосожжений пока нет оснований.

Из всего сказанного видно, что мы имеем дело с новым, впервые открытым в бассейне Среднего Дона погребальным обрядом. Тем не менее, курганы с трупосожжением, по-видимому, органично входят в общий культурный комплекс мастюгинских курганов скифского времени.

Литература

1. П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища. СА, 1960, 3.
2. А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 г. ИАК, 4, 1902, стр. 48.
3. А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1911 году. ИАК, 49, 1913, стр. 90—91.
4. А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, 65, 1918, стр. 107—108.
5. ОАК за 1905 г., стр. 82.
6. P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
7. В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. Тр. XIV АС, III, М., 1911, табл. III, *20, 22.*
8. С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, VIII, 1948, стр. 48—49.
9. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 127, рис. 206.
10. ДП, II, 1899, табл. XIX, № 320б; табл. XVI, № 316; табл. VII, № 59; III, 1900, табл. LVI.
11. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 477—478, 495.
12. В. А. Іллінська. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. Археологія, V, 1951, стр. 207, табл. V, *6, 12.*
13. В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы. КСИИМК, 54, 1954, стр. 35, рис. 13, *15, 16.*

[4] Материал не опубликован.

М. И. ВЯЗЬМИТИНА

РАННИЕ ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Среди многочисленных принадлежностей скифского конского убора, найденных в Среднем Приднепровье, особое внимание привлекают жаботинские костяные пластины и подвески с резными изображениями в зверином стиле.

Несмотря на то, что пластины, обнаруженные В. В. Хвойко 60 лет назад, принадлежат к наиболее ранним и уникальным памятникам скифского звериного стиля, они до сих пор надлежащим образом не описаны и полностью не опубликованы. Между тем пластины представляют исключительный интерес для характеристики раннего этапа этого стиля и дают ценный материал для выяснения вопроса о его происхождении.

Настоящая статья имеет своей целью, восполняя указанный пробел, затронуть следующие вопросы: датировку жаботинских пластин; основные особенности скифского звериного стиля на раннем его этапе; происхождение некоторых звериных образов (лось, олень, орел) и осмысление их; пути проникновения их в Среднее Приднепровье и место их производства.

Жаботинские пластины в комплексе с другим погребальным инвентарем были обнаружены в одном из шести курганов, раскопанных В. В. Хвойко в 1899 г. у с. Жаботин Черкасской области Каменского района.

К большому сожалению, В. В. Хвойко не оставил ясного описания обстоятельств находки интересующих нас памятников и ограничился лишь кратким упоминанием, что в «...кургане (№ 2) найдены были костяные резные пластинки, бляшки и привески, служившие украшением набора конской узды (№ 539—540), костяные скульптурные усики к удилам (№ 542, 543) и две пары бронзовых удил (№ 368—369)...». Воспроизведения последних он не дает, а лишь указывает, что они сходны «...по виду с изображенными во II выпуске издания под № 227—278»[1]. На стр. 3 Приложения, упоминая описанный выше памятник, В. В. Хвойко кратко характеризует его как выдающийся по композиции и по исполнению и обращает внимание на фигурный знак на одной из пластин, объясняемый им как возможную «...марку исполнителя самой работы» [1].

Большинство исследователей прошли мимо жаботинских находок и либо совсем не упомянули их в своих обзорах ранних скифских памятников, либо ограничились, как и В. В. Хвойко, их беглой характеристикой (М. И. Ростовцев, М. Эберт, К. Шефольд), либо одним их воспроизведением с краткой подтекстовкой (Э. Миннз) [2].

---

[1] При воспроизведении одного из костяных псалий издатель допустил ошибку, соединив на таблице два фрагмента, относящиеся к различным псалиям (№ 542).

М. И. Ростовцев отнес их к старшей группе курганов «несомненно архаических». Однако он не решился уточнить их датировку ввиду отсутствия при них греческой посуды, которая для данного исследователя была основным руководящим материалом [3]. Фигуры лосей на костяных подвесках М. И. Ростовцев считал фигурами горных козлов.

Ничего нового в понимание этих памятников не внесли в своих работах и М. Эберт [4] и К. Шефольд [5], которые также ограничились кратким упоминанием высказанной М. И. Ростовцевым мысли о близости их

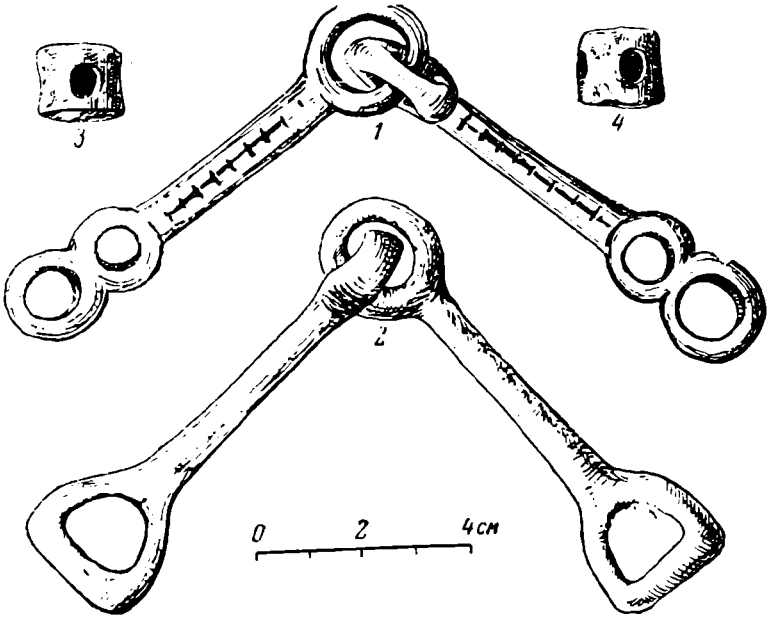


Рис. 1. Бронзовые удила (*1*, *2*), костяные колпачки *(3,4)*

к памятникам Келермеса. К. Шефольд видел в них даже примитивное подражание этим памятникам. Упомянутые исследователи датируют жаботинские находки VI—V вв. (Эберт) и V в. (Шефольд).

Очевидно, неполным знакомством с сопровождающим жаботинские пластины материалом или принятой на веру датировкой Эберта можно объяснить и датировку их V в., которую дает С. С. Черников, привлекая изображение лосей на жаботинских пластинках в качестве аналогий к наскальному рисунку коня в Тамураши II [6]. Вот то немногое, что нам известно по литературе о жаботинских пластинах.

Никто из перечисленных исследователей не обратил должного внимания на бронзовые двупетельчатые и стремячковидные удила, входившие в общий комплекс инвентаря, обнаруженного в кургане № 2. Между тем форма этих удил дает прочную основу для датировки нашего памятника (рис. 1, *1*, *2*).

Обе пары удил принадлежат к хорошо известному типу двупетельчатой и стремячковидной формы удил, датируемых VIII—VII в. до н. э. Центр производства и датировка этих удил выяснены вполне обстоятельно [7, 8]. Двупетельчатые удила несколько более ранние, но сосуществуют со стремячковидными.

Удила эти имели большое распространение в Правобережном Приднепровье, о чем можно судить по находкам в тясминской и каневской группах погребальных памятников[2]. В некоторых из курганов найдены

[2] Напомним находки двупетельчатых удил в таких ранних, близких к жаботинским, скифских курганах, как кург. № 375 у с. Константиновка, у с. Головятин, и стремячковидных удил в курганах: № 346 у с. Орловец, № 15 у с. Константиновка, № 183 (могильник В) у с. Тенетинка и № 38 у Гуляй-город.

изделия с изображениями в скифском зверином стиле[3], аналогичные жаботинским.

Удила из кургана № 2 в каталоге Киевского музея значатся как найденные в Пруссах. Хвойко же удил в Пруссах не упоминает. Для подкрепления датировки обратимся к анализу сохранившихся в наличии материалов, предпослав ему подробное их описание.

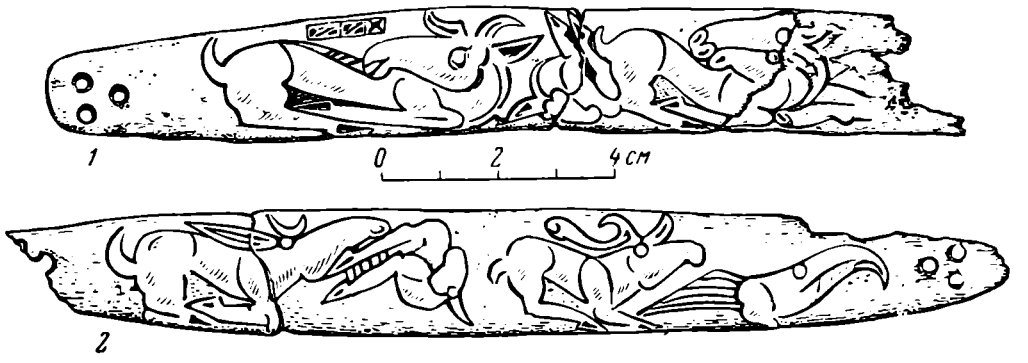


Рис. 2. Костяные пластины из кургана № 2 у с. Жаботин

Дошедший до нас комплекс находок составляет часть набора конской упряжи и состоит из двух бронзовых удил упомянутой формы (рис. 1, *1*, *2*) [4] и десяти костяных предметов: четырех пластин, двух подвесок, двух псалий и двух колпачков с четырьмя отверстиями для перекрещивающихся ремней (рис. 1, *3*, *4*).

Все костяные предметы сделаны из рога благородного оленя[5]. Они вырезаны ножом, затем подвергнуты шлифовке и отполированы. Круглые отверстия псалий просверлены, по-видимому, железным сверлом.

Пластины, сделанные из наружной части рога, имеют удлиненную форму и на концах по три небольших круглых отверстия, служивших для прикрепления пластин, по-видимому, к ремням.

На лицевой, слегка выпуклой стороне пластин рисунок выполнен техникой гравировки с применением плоско-рельефной резьбы, в некоторых частях, возможно, и инкрустации.

На длинных пластинах изображены натуралистические сцены из жизни лосей. На одной из них (рис. 2, *1*) мы видим четыре фигуры. На левой половине — лось, лежащий с подогнутыми, заходящими одна за другую ногами и повернутой назад головой. Над спиной лося в узкой рамке вписаны два парных углубленных треугольника, отделенные один от другого диагональной линией, и солярный знак в виде косого креста с кружком в центре. На правой половине изображена лосиха с двумя лосятами. один из них — в утробной позе, появляется на свет; другой — лежит рядом. Отметим прием изображения двух фигур путем наложения одной на другую: удваивается лишь рисунок головы, изображаемой одна в другой, контуры же туловища сливаются. На другой пластине изображены четыре фигуры, объединенные попарно (рис. 2, *2*). В левой половине — лежащая лосиха в уже описанной выше позе с загнутым кверху коротким хвостиком. У лосихи чрезмерно длинное ухо, над головой — полумесяц. Она облизывает новорожденного лосенка, изображенного вниз головой. В правой половине — лось с характерными рогами, обере-

[3] В кург. № 346 у Орловца вместе с простыми костяными псалиями в виде прямых пластин с копытом на конце найдена золотая бляшка в виде лежащего лося, аналогичная жаботинской. Такая же золотая бляшка найдена и в кург. № 524 у с. Жаботин. В кург. № 15 у с. Константиновка найдены обломки резной кости; в могильнике у с. Тенетинка — обломок костяной бараньей головки (псалий).

[4] Изображения удил даются соответственно указанным В. В. Хвойко №№ 277—278 в ДП.

[5] Определение сделано И. Г. Пидопличко.

гая новорожденного лосенка, прогоняет хищную птицу. Птица, напоминающая грифа, схематична, но выразительна; она как бы приготовилась к взлету, у нее очень длинная шея, крючковатый клюв, большой круглый глаз и короткое туловище с веерообразно раскрытым крылом; на месте лап — две косые черточки.

На коротких пластинах (рис. 3) мы видим тех же хищных птиц, что и на пластине с лосями. Птицы на обеих пластинах (по три на каждой)

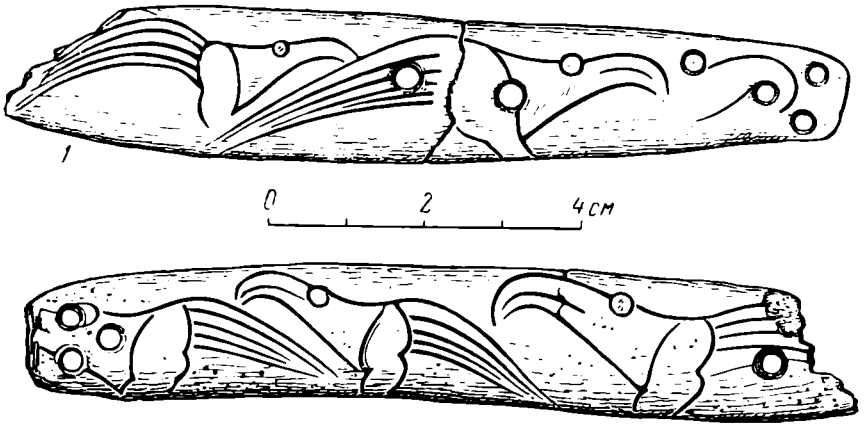


Рис. 3. Костяные пластины

изображены парящими одна за другой. У всех птиц, так же как у птицы на пластине с лосями, лапы изображены двумя косыми черточками, но крыло у них имеет сужающуюся к концу заостренную форму, что соответствует форме крыла в полете.

На одном из концов каждой пластины фигуры птиц даны неполностью. На одной пластине (рис. 3, *2*) у птицы не закончен контур головы, прорезанной тремя круглыми отверстиями. На другой пластине (рис. 3, *1* публикуется впервые) изображена лишь часть головы птицы с глазом и клювом, который своим изгибом обрамляет одно из отверстий пластины.

При переделке мастер, желая восстановить первоначальное количество фигур (которое, возможно, имело определенную символику), должен был довольствоваться минимумом свободного места на конце пластины и изобразил в одном случае полуфигуру, а в другом — лишь часть головы.

Совершенно очевидно, что первоначально обе пластины были гораздо длиннее. Возможно, что по длине они не отличались от пластин с лосями, но подверглись бóльшему износу и были даже поломаны, о чем говорят следы ремонта: два круглых отверстия посередине одной из пластин и обломы на их противоположных концах.

Изображения на пластинах связаны в многофигурные композиции, в которых отдельные фигуры либо даны в повторении одна за другой (три птицы), либо объединены между собой сюжетно в определенные группы (лоси на другой паре пластин обращены головами в противоположные друг другу стороны, как и птицы на обеих пластинах).

Фигуры даны в контурном силуэтном рисунке и трактованы обобщенно большими плоскостями без детализации отдельных частей. Четкость рисунка усиливается в некоторых местах при помощи плоско-рельефной резьбы: треугольными выемками подчеркнуты уши и копыта лосей, ноздри и рот лосей изображены или в виде рельефных овалов с выемками внутри [6], или одной треугольной выемкой. Глаза у лосей обозначены

[6] Этот прием наблюдается и на многочисленных костяных псалиях VI в. до н. э. Посулья и Тясмина в трактовке лошадиной и бараньей голов.

контурными кружками, иногда слегка выходящими за пределы головы; так же изображены глаза и у птиц. В одном случае (рис. 2, *1*) на спине у лося косыми черточками изображена шерсть.

В той же манере контурного силуэтного рисунка даны изображения лосихи с лосенком и на подвесках (рис. 4, *1*, *2*), у которых на обратной стороне имеется петля для проведения ремней (рис. 4, *3*). Фигура лосихи

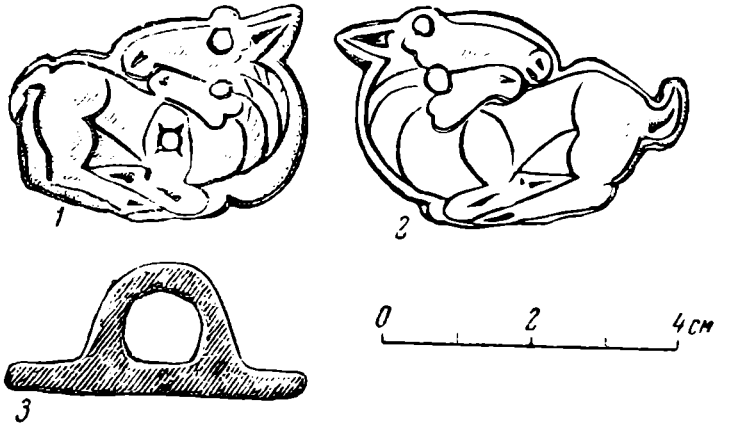


Рис. 4. Костяные подвески

здесь полностью повторяет подобное же изображение на правой половине длинной пластины (рис. 2). Здесь мы видим тот же прием передачи двух фигур. Уши, глаза, ноздри, рот и копыта лосих трактованы так же, как на описанных выше пластинах. На одной подвеске косыми черточками обозначены складки кожи на изгибе повернутой назад шеи лосихи и лосенка. В композиции фигур и повороте головы на обеих подвесках соблюден тот же принцип сходящегося (или расходящегося) движения.

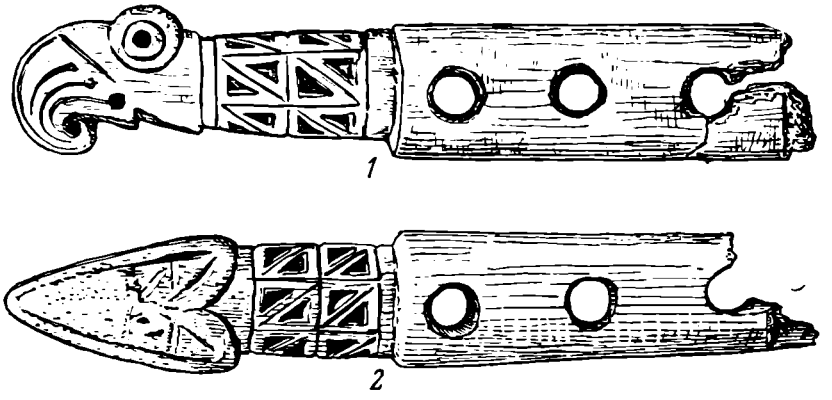


Рис. 5. Костяные псалии

На передней лопатке одной из лосих помещен солярный знак, повторяющий тот же символ, что и над лосем на большой пластинке.

Форма подвесок повторяет контуры тела изображенных на ней лосих, что создает впечатление большей рельефности фигур и является определенным переходом к объемной резьбе.

Изображения лосей на пластинах и на подвесках более реалистичны, чем изображения птиц.

Оба жаботинских псалия (рис. 5) представляют собой овальные в сечении стержни, заканчивающиеся на одном конце скульптурной головой орла, а на другом — лосиным копытом. В середине каждого псалия просверлены по три отверстия для прикрепления к удилам. Промежутки

между скульптурными концами и широкой средней частью заполнены узором из выемчатых треугольников, расположенных двумя параллельными рядами и разделенных между собой диагональной чертой.

Голова орла (рис. 5, *1*) трактована обобщенно: выделены лишь выступающий над контуром головы большой глаз с углубленным зрачком и загнутый крутой спиралью клюв с подчеркнутым надклювием.

Повторность на пластинах и подвесках отдельных мотивов и художественных приемов (лежащая лосиха с удвоенной головой, хищная птица, геометрический узор из треугольников) свидетельствует о том, что все описанные предметы конской упряжи были сделаны в едином стиле и объединены общностью выраженной в них идеи.

Уже на этих ранних памятниках скифского искусства можно наблюдать характерные особенности так называемого «скифского звериного стиля», его основные мотивы и символику, связь с определенным инвентарем, приемы композиции и способ трактовки отдельных изображений и их частей.

Мы встречаемся здесь с образами, получившими широкое распространение среди скифской звериной тематики: лосем (оленем) и круглоглазой птицей (орлом, грифоном).

Изображенный на пластинах и подвесках сюжет можно связать с выражением идеи плодородия и производительности природы и с солярным культом. Этот сюжет не имеет аналогий среди памятников скифского звериного стиля на территории УССР [7].

Обратим внимание на позу, в которой даны на пластинах лоси; она стала традиционной на скифских памятниках при изображении оленей и других животных из этого семейства. Эта поза с подогнутыми и заходящими одна за другую ногами подвергалась в научной литературе различного рода толкованиям, как изображение «летящего галопа» или «застывшего движения». В этой позе оленя И. И. Мещанинов, например, видел выражение бега солнца по небу. Однако анализ аналогичных изображений в микенском и переднеазиатском искусстве приводит к несколько иным выводам.

В позе с подогнутыми ногами на цилиндрических печатях сиро-хеттского или сиро-хурритского происхождения обычно изображались олени (горные козлы, косули) по обе стороны священного дерева, связанного с культом богини плодородия.

Наиболее ранняя из известных нам хурритских печатей с фигурами двух оленей, лежащих в той же позе по обе стороны священного дерева, датируется XIV в. до н. э. [11]. Два козла в аналогичной позе по обе стороны священного дерева типа веерообразной пальметы изображены и на печати из Лувра [12].

На другой сиро-хеттской печати, происходящей из могильника в Кумбулте и датируемой Н. Д. Флиттнер [13] X в. до н. э., в аналогичной позе по обе стороны священного дерева в виде пальметы изображены два оленя с ветвистыми рогами, помещенные в верхней части над другими животными. Этот мотив на той же печати повторяется дважды, по обе стороны центральной сцены, где изображена и сама крылатая богиня в рогатой тиаре, с двумя предстоящими, поддерживающая на поднятых вверх руках солнечный диск.

В той же позе по обе стороны священного дерева изображался олень и в микенском искусстве, как видим на золотой булавке из могилы II [14]. Обратим внимание на одну особенность этого изображения, которой нет

---

[7] Натуралистические изображения подобных сюжетов нам известны лишь на очень древних памятниках в Египте и Месопотамии; на барельефе из масштаба, относящемся к Древнему царству, где изображена производящая козочка [9], и на печати времени Джемдет Наср, где изображена в том же положении корова, на которую нападает лев [10].

на переднеазиатских памятниках: подогнутые ноги оленя заходят одна за другую — деталь, сделавшаяся типичной для изображений оленя на скифских памятниках.

Приведенные выше примеры художественных образов микенской, хурритской и хеттской культур можно дополнить и примерами других памятников раннемидийского царства. Можно вспомнить цилиндрическую печать с солярным знаком из некрополя у Тепе-Сиалк (X—VIII вв. до н. э.) с изображением оленя (или козла) с подогнутыми ногами и повернутой назад головой в окружении других животных [15] и печать из Тепе-Хийян X—VIII вв. до н. э. [16].

Таким образом, перечисленные аналогии говорят о том, что традиционная в скифском искусстве поза оленя имела своих предшественников среди микенского и переднеазиатского круга образов и была привнесена скифами из области, в которой соприкасались древние культуры эгейского, хетто-хурритского и мидийско-манейского мира.

Из последней области, т. е. из царства Манна, что особенно знаменательно, происходит и знаменитый клад, найденный в иранском Курдистане, возле города Саккыз. В состав этого клада входят золотые, серебряные, бронзовые и костяные предметы, принадлежащие к четырем категориям изделий: ассирийского, скифского, ассирийского с элементами скифского и местного происхождения, датируемые Гиршманом на основании фибулы VII в. до н. э. [17].

Среди вещей этого клада, содержавшего наиболее ранние образцы скифского звериного стиля из найденных до сих пор, большой интерес представляет золотая пластина с изображением козлов и оленя [18], совершенно идентичного скифским оленям на мельгуновских и келермесских ножнах и др. На других вещах из клада есть иные образцы скифского звериного пантеона: горный козел, лев, пантера, заяц и орел. Каково же смысловое содержание образа оленя? Как известно, олени считались в древнем мире священными животными великой богини[8]. В частности, они были постоянными спутниками богини Артемиды. Известны, например, изображения Артемиды Эфесской, обычным атрибутом которой, перешедшем потом в Грецию, был пятнистый олень [19].

В качестве посвященных богине животных они изображались по обе стороны священного дерева, символизирующего собой богиню, что установлено на ряде примеров и из крито-микенского искусства. Следовательно, изображения оленей в описанной позе можно рассматривать как посвященные богине жертвенные животные, а позу, в которой они изображены, как позу посвящения или жертвенную позу, связывающую оленя с культом великой богини, что подтвердил и анализ изображений на печати из Кумбулты.

Другим образом на жаботинских псалиях был орел, также распространенный на скифских памятниках. Не останавливаясь на древнейших прототипах этого образа, уводящих нас в глубокую древность, обратим внимание на пограничные столбы, так называемые кудурру каситского или вавилонского времени, где изображены символы различных богов в качестве апотропеев, сопровождаемых надписями, в которых перечисляются всякие проклятья по адресу возможных нарушителей охраняемых ими земельных участков. Среди изображений различных животных здесь мы видим и орла, обычно восседающего на троне-алтаре в качестве символа воинственного бога [4].

Вызывает интерес установившаяся традиция замены богов их атрибутами — посвященными им животными, которые наделялись магической силой, используемой владельцами для охраны своих земельных участков.

Ближайшие аналогии для орлиных головок, завершающих концы жаботинских псалий, мы находим на серебряной обшивке щита (?) из кла-

[8] Известна их связь и с хеттским богом-громовником, изображаемым стоящим на олене [4, 15].

да в Зивие [18, 20] и на резных пластинах из кости, найденных в Кармир-блуре [21], подтверждающих нашу дату, установленную на основании бронзовых удил кобанского типа — конец VII в. до н. э.

В обоих случаях мы видим сильно стилизованное изображение орлиной головы с выступающим над ее контуром характерным для скифских

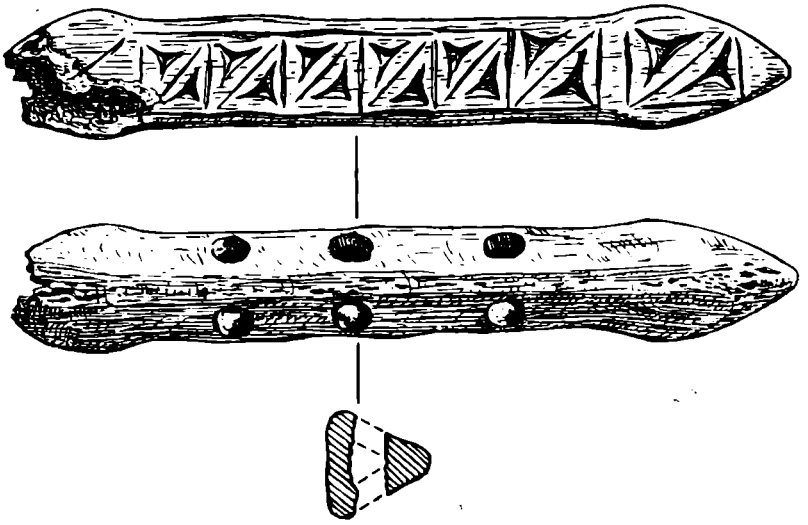


Рис. 6. Костяной псалий из поселения на Тарасовой горе у с. Жаботин

звериных изображений большим круглым глазом, загнутым клювом и подчеркнутым надклювием. Этот образ на блюде из Зивие как бы начинает собой серию скифских изображений: в виде самостоятельного мотива на отдельных бляшках, подвесках или в композициях, состоящих из цепочки этих голов, обрамляющих собой диск щита, боковые лопасти ножен, либо как составная часть сложных звериных образов (на сочленениях отдельных частей тела, на разветвлениях оленьих рогов и т. д.), усиливающая их магическую силу.

К этому мотиву близко стоит и костяная грифо-баранья головка из помещения № 4 Кармир-блура [9].

Любопытно отметить, что узор из выемчатых треугольников, разделенных диагональной линией, на жаботинских псалиях полностью повторяет узор на упомянутых выше кармирблурских пластинах VII в. до н. э. Этот же узор нанесен и на псалии, найденном при раскопках в Жаботине, на Тарасовой горе в 1953 г. (рис. 6). Псалий — оригинальной, треугольной в сечении формы, на концах вырезаны копыта [10].

С символическим изображением орла связывается представление о солнце. В Передней Азии он является атрибутом верховного бога, символом бога-громовника и бога плодородия. В Греции, как известно, орел — символ Зевса. В Ассирии орлиноголовые существа охраняют древо жизни. Это — гении-хранители символов плодородия.

---

[9] На одной из бронзовых чаш (происходящих из кладовой № 25), найденной в карасе № 4 с клинописной надписью с именем царя Аргишти (VIII в. до н. э.), имеется профильное изображение головы птицы, напоминающей изображения на колпачках для ремней [21]. Подобные головки с четырьмя отверстиями в нижней части, служащие колпачками для перекрещивающихся ремней, получили широкое распространение в кости и бронзе среди предметов скифской конской узды VI в. н. э. в лесостепном Приднепровье (кург. № 38 у Гуляй-города, фонды Киевск. муз. № 23441; курган у с. Поповки и курган у с. Мачуха и др.). Они известны и в Персеполе; есть колпачки со звериными головками и в Вавилоне и в Хамадане [16], что свидетельствует о широком распространении скифских вещей в азиатских странах.

[10] Хранится в фондах ИА УССР. Раскопки М. И. Вязьмитиной.

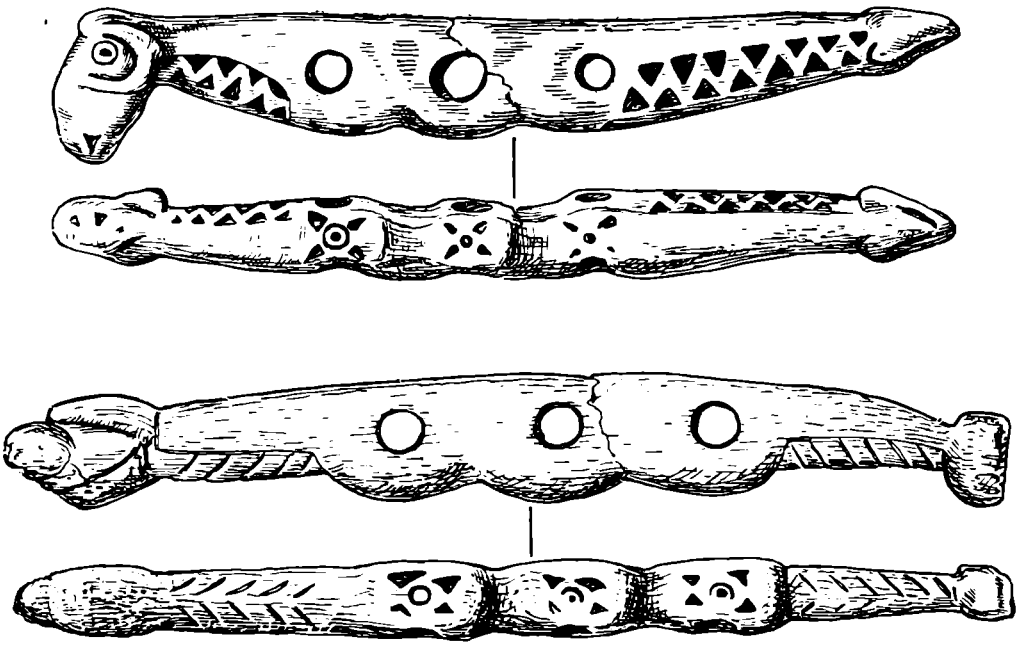


Рис. 7. Костяные псалии из курганов роменской группы Сумской обл.

Вкратце остановимся на изображении солярного знака на жаботинских пластинах (этот знак помещен над лежащим лосем и на лопатке удвоенной фигуры лосихи с лосенком). Наличие знака указывает на священный характер отмеченных им животных и на связь их с солярным культом. Культ этот имеет глубокую древность и был распространен на обширной территории (особенно в эпоху бронзы и железа). Солярными символами в различных комбинациях (то в виде колесика или концентрического круга, то в виде звезды или свастики, прямого или косого креста в круге или без него и т. д.) отмечен ряд предметов как культового, так и бытового назначения, на которые они перешли в качестве апотропеических знаков. Эти знаки соединяются с животными образами: водяных птиц, животных оленьей породы, львов, коней [11].

Особый интерес представляет сравнение наших пластин с хеттскими памятниками Сенджерли, где знаком косого креста помечены плечевые части скульптурных львов. Знак этот является там символом богини Иштар, атрибутом которой и посвященным ей животным был лев. Тот же знак мы видим и на плечах львов, поддерживающих трон со статуей Иштар в Эламе. В текстах нововавилонского царства сохранились свидетельства, что животные из стад этой богини отмечались звездой (знаком ее собственности) [12]. Если припомнить, что богиня Иштар принадлежала к кругу солярных богов (ее знаком в виде восьмилепестной розетки была звезда Венера) и в то же время была богиней плодородия и скотоводства, то невольно напрашивается мысль, не являлся ли и скифский олень в свою очередь священным животным какой-то из скифских богинь, которая может рассматриваться, как одно из многочисленных проявлений переднеазиатской великой богини — богини плодородия

[11] Примером этому могут служить греческие дипилонские, а позже и родосско-милетские вазы или гальштатские ситулы, а также наскальные изображения на нашем севере. Любопытные примеры того же характера дает резной камень из Камунты с изображением помещенного перед веткой дерева козла с подогнутыми ногами, над спиной которого находится лучистый солнечный диск [22], или бронзовая кобанская пряжка с изображением великой богини, помещенной в центре между двумя обращенными в разные стороны протомами оленей, на лопатках которых видны солярные знаки в виде концентрических кругов.

и владычицы зверей,— известной под разнообразными именами: Кибелы, Астарты, Артемиды Эфесской, Анахиты, Афродиты, Деметры и т. д., а позже и славянской богини Мокошь [12].

Эта связь изображений оленя с культом великой богини как бы подчеркивалась и его позой.

Если упомянутые выше урарто-манейские памятники убедительно подтверждают датировку жаботинских пластин (установленную выше на основании удил кобанского типа) концом VII в. до н. э., то перечисленные аналогии наводят на мысль, не являются ли изображения на жаботинских пластинах выражением каких-то мифологических образов, связанных с почитанием богини производительных сил природы и небесных светил. Возможно, в изображениях на жаботинских пластинах следует видеть уже переосмысление тотемного образа лося (оленя) и превращение его в мифологический образ, связанный с космическими представлениями.

Эти представления имели определенную связь и с погребальным ритуалом, так же как и идея производительности и плодородия. Большую роль, как известно, играл культ солнца в погребальных церемониях Египта, а также в эгейском мире, в Италии и Западной Европе в эпоху бронзы.

С культом солнца были связаны и изображения птиц (орел). Поэтому вполне закономерным представляется изображение на жаботинских пластинах вместе с лосями и птиц, имеющих также отношение к культу плодородия и к великой богине.

Жаботинские пластины не единственный памятник с солярными знаками, свидетельствующими о почитании обитателями Среднего Приднепровья небесных светил.

На ножнах Мельгуновского меча нанесены солярные знаки в виде восьмилепестковой розетки в круге над лежащими в жертвенной позе горными козлами и в виде косого креста на лопатках львов; на Келермесской секире также изображены косые кресты на лопатках двух горных козлов. Точечными же розетками помечены лопатки у всех животных на рукоятке секиры, где они расположены одно над другим.

Кроме этих импортных изделий, можно указать на ряд предметов (VII—VI в. до н. э.) с солярными знаками, происходящих из Тясмина и Посулья, как, например, глиняные лощеные черпаки конца VII в. [13] или черпаки и корчагообразные сосуды с буроватой и чернолощеной поверхностью из ранних слоев конца VII в. до н. э. с поселения на Тарасовой горе. Там наблюдаются прямые и косые кресты, четырехлепестные розетки, двойные спирали и кружки, часто выполненные штампом.

На Левобережье особенно были распространены солярные знаки в VI в. до н. э. на костяных псалиях местной работы, украшенных головками барана, коня и мула. Глазками и концентрическими кружками у них обычно покрыта лицевая сторона, а повторяющимися мотивами в схеме креста с кружком посередине [14] (рис. 7) либо простым косым крестом отмечена их узкая передняя сторона [15].

---

[12] Небезынтересно отметить, что пиктографическим знаком хеттской богини Рутас являлись рога оленя [12]. Широко известно, что символом Артемиды Эфесской, храм которой был сооружен в VIII в. до н. э., был пятнистый олень, перешедший в культ Артемиды греческой.

[13] Из курганов № 158 и 214 у с. Тенетинка.

[14] Псалии роменской группы с головками барана [1] (фонды КИМ № 12088 из раскопок Мазараки). На этом псалии на лицевой стороне есть резервный зигзаг, имеющий ряд аналогий на глиняных лощеных жаботинских сосудах [1], на бронзовой лирообразной бляшке из окрестностей Канева.

[15] На ряде костяных псалий с головками коней (мулов) и баранов из кургана у хут. Шумейко [1]; Волковцы (КИМ, № 12045, 17464); Малые Будки (КИМ, № 14546, 14547); Аксютинцы, кург. № 4 Стайкин Верх (ГИМ, № 76990); Пруссы (КИМ, № 10209, 12081, 12045, 12102) и др.

Указанные примеры свидетельствуют о существовании в VII—VI вв. до н. э. солярного культа и в лесостепной полосе Среднего Приднепровья. Ярким доказательством этого служат как найденные в свое время В. В. Хвойко на Пастырском и Матроненском городищах круглые глиняные жертвенники с врезанными на них концентрическими кругами и с остатками зерен (обломки таких же жертвенников имелись на Жаботинском поселении и Бельском городище [23, 24]), так и великолепный глиняный жертвенник с врезанным спиральным орнаментом, найденный в 1958 г. на Тарасовой горе.

Таким образом, наличие в лесостепной полосе Среднего Приднепровья солярного культа и культа богини плодородия, выражением которой является звериный образ, позволяет поставить вопрос, с какой же из трех скифских богинь, упомянутых Геродотом при его описании Скифии, можно было бы связать скифского оленя: с Табити, Апи и Аргимпасой [16]. С нашей точки зрения, по-видимому, все эти богини — проявление одной великой богини и различались лишь по своим функциям. Если Табити отождествлялась Геродотом с богиней очага, Апи — с богиней земли, то оленя в порядке предварительного предположения можно связать с Аргимпасой, сравниваемой Геродотом с Афродитой Уранией (небесной) [17]. Что же касается идентификации орла, то в виде того же предположения его можно связать с верховным богом Папаем.

В задачу данной статьи входил анализ образа лося (оленя) лишь на раннем этапе скифского звериного стиля, но попутно хотелось бы отметить, что безликий на этом этапе образ богини, владычицы зверей, в дальнейшем принял в местном искусстве антропоморфную форму. На бронзовых навершиях III в. до н. э. мы находим нашу богиню уже в образе женской крылатой фигуры, стоящей между протомами оленей [18].

Остается рассмотреть два последних вопроса: о путях проникновения образов скифского звериного стиля в Северное Причерноморье и о мастере, сделавшем жаботинские пластины.

Ввиду того что мы не знаем местных предшественников скифского звериного стиля на территории УССР в культуре более раннего периода, обратимся к непосредственным распространителям этого стиля — скифам и проследуем за ними по Кавказскому побережью Каспийского и Черного морей в области, соседствующие с древними царствами: Урарту, Манна, Ассирией и Мидией, где в VIII—VII вв. до н. э. происходили грозные события, связанные с передвижением северных народов, среди которых были киммерийцы и скифы. Как известно, скифы организовали там свое царство, которое ряд исследователей связывает с царством Манна [17, 18]; другие же связывают его с областью между Курой и Араксом к северу от Манна [20] (Сакасена), откуда производились набеги на ряд стран — Малую Азию, Сирию вплоть до Египта — то в союзе с Манна против Ассирии, то в союзе с Ассирией против Мидии, которой они, наконец, и завладели и господствовали там в течение 28 лет.

Пребывание скифов в Передней Азии в соседстве с упомянутыми культурными областями, с которыми они имели самые тесные связи, а с

---

[16] Изображения оленя в жертвенной позе появились на скифских памятниках в лесостепной полосе несколько позже (VI в.). На самых же ранних памятниках мы знаем только лося (Жаботин, Орловец).

[17] Следует учитывать, однако, что сообщения Геродота могут характеризовать уже более поздний этап развития мифологических представлений у скифов.

[18] Этот образ в Восточной Европе стал родоначальником ряда изображений на различных памятниках вплоть до вышитых полотенец XIX в. Отметим, что изображения великой богини, владычицы зверей, были известны и в раннем скифском искусстве VI в., как, например, на Келермесском зеркале и ритоне, где она изображена в окружении подвластных ей зверей, но образ ее, созданный греческим мастером, хорошо знакомым с антропоморфными изображениями богов, взят из восточногреческого искусства и не нашел еще отражения в раннескифском художественном творчестве.

некоторыми из них были родственны по происхождению и языку (Мидия), наложило свой отпечаток на художественную культуру и мифологию скифов. В последнюю проник ряд древневосточных элементов, принесенных скифами в степи Северного Причерноморья. Поэтому нас не должно удивлять наличие на ножнах скифских мечей (Мельгуновского и Келермесского) различных фантастических фигур из ассирийского, урартийского и сиро-хурритского круга образов. С последней областью связывается и распространение изображений фигуры оленя в жертвенной позе.

Кто же был мастером художественного оформления костяного набора конской узды из Жаботинского кургана № 2? Если сравнить звериные изображения на жаботинских пластинах с аналогичными изображениями на предметах вооружения из Мельгуновского и Келермесского курганов VI в. до н. э., являющихся несомненно импортными изделиями, выполненными мастером, хорошо усвоившим переднеазиатскую (в частности, ассирийскую) и скифскую звериную тематику с ее мифологическими образами и жившим где-то в области близкого соприкосновения этих культур (Урарту, Манна), то здесь мы заметим определенную разницу. Эта разница, несмотря на известную общность символики, сразу дает себя знать как в выборе сюжета, оформлении композиции, так и в трактовке звериных образов.

В то время как на мельгуновском и келермесских памятниках мы видим лишенные всякого реализма и перегруженные мелкой разделкой деталей полиморфные существа, замкнутые в застывшую композицию — в изображении лосей на жаботинских пластинах мастер обнаружил большую непосредственность восприятия и тонкую наблюдательность и знание природы. Несмотря на всю простоту средств выражения, он достиг большой жизненности и экспрессии в изображении звериных образов и наделил их определенным символическим содержанием, без излишней перегрузки деталями.

Все сказанное позволяет предполагать, что пластины были выполнены местным мастером, прекрасно знакомым с местной фауной. Лоси, водившиеся в основном в лесной полосе, издавна были объектом почитания и культа, нашедшим свое отражение как в северном эпосе, так и в каменных изделиях (фигурные молотки) и наскальных рисунках [25], а также в деревянных поделках, находимых в торфяниках на Урале [26].

Таким образом, если лось был взят мастером из местного круга образов, то поза, в которой он изображен на жаботинских пластинах, была позаимствована им из уже готового круга форм, принесенных в Северное Причерноморье скифами [19].

Изображения лося и оленя в виде отдельных мотивов и в сочетании с орлом [20] как выражение определенного мифологического мировоззрения, связанного с животными образами, нашли для себя благоприятную почву среди лесостепных племен Среднего Приднепровья. Ранние образы скифского звериного стиля на жаботинских памятниках отображают еще архаическую ступень мифологического мышления, но осложненного уже космическими символами (солярные знаки).

---

[19] В передаче образов и связанных с ними представлений известная доля участия принадлежит и Кавказу, где выше уже отмечалась находка сиро-хурритских печатей. Отметим также, что в грузинских песнях сохранился ряд имен вавилонских, хеттских, хурритских и халдских богов и мифических героев. В сохранившихся названиях источников и гор усматриваются древнейшие обозначения переднеазиатских богов [27].

[20] Эта биморфность образа нашла уже свое выражение в жаботинских костяных псалиях, один конец которого изображен в виде головы орла, а другой в виде лосиного копыта.

Литература

1. ДП, 1) III, Киев, 1900, табл. LXI и приложение, стр. 3, 6; 2) II, Киев, 1899, табл. XIV; 3) II, XXXII, *519;* 4) табл. L, *530;* 5) табл. XLIX, *529.*
2. E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, рис. 80.
3. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. П., 1925, стр. 479.
4. M. Ebert. Südrussland. RLV, XIII, Berlin, 1929, стр. 93, табл. 37D, *b — f;* RLV, VIII, табл. 41*b*; RLV, IV, табл. 206.
5. K. Schefold. Der skythische Tierstil im Südrussland. ESA, XII, 1938.
6. С. С. Черников. Наскальные изображения верховий Иртыша. СА, IX, 1947, стр. 278.
7. А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953.
8. Е. А. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, 68, 1958.
9. Encyclopédie photographique de l'Art, I, Paris, 1935—1936, табл. 27.
10. Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л., 1958, стр. 80.
11. L. Delaporte. Les Hittites. Paris, 1936, рис. 22.
12. G. Contenau. La civilisation des Hittites et des Hurrites de Mitanni. Paris, 1948, стр. 79, рис. 8; стр. 173.
13. Н. Д. Флиттнер. Сиро-хеттские памятники Эрмитажа. Тр. ВГЭ, I, Л., 1939, стр. 39.
14. G. Perrot, Ch. Chipiéz. Histoire de l'Art dans l'antiquité. VI, рис. 847. Paris, 1894.
15. G. Contenau. Manuel d'archéologie oriental. IV, рис. 1197.
16. E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. Oxford, 1941, рис. 278, 371, 374, 377.
17. R. Ghirshman. Notes Iraniennes IV. Le trésor de Sakkez, les origines de l'art Mède et les bronzes du Luristan. Artibus Asiae, XIII, 3, 1950.
18. Б. Б. Пиотровский. Скифы и древний Восток. СА, XIX, 1954, стр. 153, рис. 5; рис. 8.
19. K. Bernhardi. Kulturhistorischer Bilderatlas, I, Altertum, табл. XI, *9.*
20. М. И. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956.
21. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I, Ереван, 1950, рис. 64; II, 1952, рис. 27.
22. МАК, VIII, табл. CXXVII, *20* и CXXXIV, *4.*
23. М. Вязьмітіна, Є. Покровська. Поселення VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина. АП, VI, Київ, 1956, табл. I, *10—12.*
24. Тр. XIV АС, III, стр. 151, рис. 112.
25. А. Я. Брюсов. Карельские петроглифы. ВДИ, 1937, 1, стр. 196.
26. Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940.
27. А. С. Сванидзе. Названия древневосточных богов в грузинских песнях. ВДИ, 1937, 1.

М. М. ЛЕСНИЦКАЯ

ДВА РИМСКИХ ПОРТРЕТА III в. ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

В Античном отделе Государственного Эрмитажа хранятся два римских скульптурных портрета, мужской и женский, III в., отличающихся высоким мастерством исполнения.

Один из них известен как портрет Постума, императора Галлии (258—268 гг.), другой — как портрет Геренния Этрусциллы, жены императора Траяна Деция (249—251 гг.).

Указанные определения были предложены О. Ф. Вальдгауэром, который впервые дал научное освещение этих памятников. В своей книге «Римский портрет в собрании Эрмитажа», появившейся в 1923 г., О. Ф. Вальдгауэр отбросил существовавшие ранее иконографические определения, уточнил датировки портретов, наметил черты стилистической характеристики, впервые применил к ним углубленный художественный анализ.

Специально иконографическому вопросу посвящена статья О. Ф. Вальдгауэра на немецком языке «Postumus», написанная в 30-е годы [1]. В ней разбирается привлекаемый здесь портрет, в котором автор видел изображение императора Галлии Постума. Названные работы, созданные около тридцати лет назад, остаются единственными трудами, где разбираются эти два портрета, не считая кратких упоминаний в каталогах и брошюрах общего типа.

В последующее время, после смерти О. Ф. Вальдгауэра, появилось немало литературы, связанной с римской иконографией III в. [1, 2].

В наши дни новые работы заставляют пересмотреть принятые ранее иконографические определения, а тем самым и датировки памятников там, где это возможно.

Эрмитажный мужской портрет изображает человека средних лет, с густой шевелюрой, усами и бородой, для облика которого характерен проницательный взгляд, энергичный поворот головы вправо (рис. 1 и 2) [2]. Примечателен тип бороды: она захватывает значительную часть шеи и сливается на затылке с пышными локонами прически. Портрет отличается высоким мастерством исполнения. Кого он изображает?

---

[1] Статья была приготовлена к печати. Она приводится в списке работ О. Ф. Вальдгауэра в предисловии к «Этюдам по истории античного портрета» (Л., 1938, стр. 45), составленном А. А. Передольской. В настоящее время хранится в архиве Гос. Эрмитажа, д. № 53.

[2] Высота портрета (без подставки) 0,6 *м*, сохранность хорошая, реставрирован лишь кончик носа. Памятник поступил в музей в 1924 г. из г. Павловска. Там размещалась в основном коллекция античных произведений, купленная в конце XVIII в. у Лайд Брауна, собиравшего их в Италии. Более подробные сведения о происхождении портрета и его иконографическое определение см. в [3].

В свое время в нем видели портрет Клодия Альбина, политического деятеля, боровшегося за власть в конце II в. О. Ф. Вальдгауэр отклонил это мнение на основании того, что тип бороды на портрете из Эрмитажа характерен для более позднего времени. В упомянутой выше статье он назвал его портретом Постума.

Утверждение О. Ф. Вальдгауэра основывается на том сходстве, которое он видел между эрмитажным портретом и изображением императора Постума на его монетах. Правда О. Ф. Вальдгауэр отметил, что изображение последнего в три четверти (рис. 3) имеет широкие расплывчатые черты, которые отсутствуют в портрете из Эрмитажа. По мнению ученого, однако, это расхождение объясняется искажением, возникшим при чеканке головы в таком повороте. «Черты портрета на монетах искажены, однако в принципе те же самые»,— писал Вальдгауэр. Сходство он видел и в таких согласующихся, по его мнению, подробностях, как симметричное расположение локонов на лбу, затем форма усов, соединяющихся с бородой, в неглубоко лежащих глазах и сведенных бровях.

Рис. 3. Ауреус с портретом Постума, повернутого в 3/4 (Лондон)

Таким образом, О. Ф. Вальдгауэр предполагал, что иконографическое сходство, отмеченное им как в главных чертах, так и во второстепенных, позволяет утверждать, что портрет из Эрмитажа является изображением Постума.

Обширный нумизматический материал, связанный с Постумом и опубликованный за последние тридцать лет, дает разнообразные изображения императора. Как замечает Мэттенгли, их можно разделить на два иконографических типа. Первый по времени передает Постума с длинным овалом лица, почти с прямой линией профиля, с гладко причесанными волосами [2]. Указанный тип портрета резко отличается от изображений, появившихся позднее. Подобное обстоятельство Мэттенгли объясняет следующим: Постум, придя к власти, не был еще достаточно известен в стране, и поэтому в первых его изображениях на монетах видны черты, характерные для портретов его предшественников. И если мы, со своей стороны, допустим мысль, что в этот период существовали и скульптурные портреты Постума, то они, очевидно, по аналогии с изображением на монетах также представляли черты его лица идеализированными. Допустим далее, что портрет нашего собрания связан с этой категорией портретов Постума. Сравнение памятника с первым типом монет Постума опровергает такое предположение. На этих изображениях отсутствуют черты, характерные для нашего портрета: нос с горбинкой, резко выступающая вперед верхняя губа, своеобразный тип бороды и прически. Итак, мы полагаем, что первый тип изображений на монетах Постума не имеет черт сходства с портретом эрмитажного собрания.

Вторая серия изображений дает вполне определенный тип портрета с ярко выраженными индивидуальными особенностями [2] (рис. 3 и 4). Полное мясистое лицо, припухшие нижние веки и резкая, почти вертикально идущая линия верхних век, покатый лоб, толстые, словно надутые щеки, вздернутый широкий нос с западающей переносицей — таковы характерные черты в облике Постума. Даже если допустить мысль, что расплывающийся овал лица не типичен для Постума, а появился в

Рис. 1. Портрет неизвестного римлянина III в. н. э. (Ленинград, Эрмитаж)

Рис. 2. Портрет неизвестного римлянина III в. н. э.
(Ленинград, Эрмитаж)

результате искажения при чекане (хотя, как показывают многочисленные монеты, он отличался высоким качеством исполнения), то остаются другие черты, как, например, форма носа или характер век, которые никак не согласуются со скульптурным портретом. Нет сходства и в типе бороды. На монетах у Постума она нигде широко не захватывает шеи и не сливается внизу с локонами прически, как это можно видеть на рассматриваемом портрете. Что же касается отдельных деталей, на которые указывает А. Ф. Вальдгаэур, то они, как нам кажется, не подтверждают сходства. Так, расположение локонов на лбу, что особенно ясно видно при повороте в фас, совершенно различное: у Постума они полностью закрывают лоб на всех его изображениях, а в скульптурном портрете он открыт, да и форма локонов другая.

Рис. 4. Ауреус с профильным портретом Постума (Гота)

Приведенный анализ заставляет нас отказаться от определения портрета как изображения Постума.

Помимо нумизматического материала, сделанный вывод подтверждается и местом находки портрета, обнаруженного на территории самой Италии. Как известно, Постум вел непрерывные войны с Галлиеном, сына которого он убил, прежде чем узурпировать власть. Естественно, что при подобных обстоятельствах портреты Постума вряд ли были распространены на территории, подвластной Галлиену.

Подтверждением высказанного положения, на наш взгляд, служат материалы, опубликованные О. Доппельфельдом [1]. Автор сопоставляет портрет Постума, представленного на монетах, чеканившихся в Кельне, в повороте в три четверти с деталью известного неймагенского рельефа, связанного с кругом галло-романской культуры. О. Доппельфельд полагает, что наблюдаемое несомненное сходство объясняется влиянием местного искусства, проявившимся в портретах Постума. Это положение автора представляется нам вполне убедительным. Оно лишний раз свидетельствует о том, что портрет эрмитажного собрания, созданный всецело на основе традиций римской портретной пластики и не связанный непосредственно с провинциальным искусством, никакого отношения к личности Постума не имеет. Итак, отклонив определение, мы оставляем пока открытым вопрос об отождествлении этого портрета с каким-либо историческим лицом. В настоящее время можно только предположить, что вероятнее всего он является портретом придворного, связанного с кругом императора Галлиена. Что касается датировки портрета, то О. Ф. Вальдгауэр относил его к 50-м годам III в.

Сравнение этого портрета с изображением Галлиена позволяет точнее определить время его создания. Середина столетия дает портреты императора с коротко подстриженными волосами, с небольшой бородой, которая захватывает лишь незначительную часть шеи. Второй тип портретов Галлиена представляет его в более зрелом возрасте, с длинной прической и широкой бородой, аналогичными нашему портрету. Они датируются 60-ми годами III в. [4]. С этим временем, следовательно, можно связать и портрет неизвестного из собрания Эрмитажа.

От иконографического вопроса и датировки произведения перейдем к его стилистической характеристике. Рельефная отделка с использова-

нием бурава прически и бороды, в которых выделены отдельные прядки, полировка лица — эти черты прослеживаются в портретах Галлиена 60-х годов, в частности в изображении императора из музея Терм в Риме. Сравнение показывает, что наряду с общими приемами имеются и отдельные расхождения. Так, в эрмитажном портрете при исполнении прически значительно больше использован бурав, который, как известно, получил особенно широкое применение во времена Антонинов. Отсюда можно сделать вывод, что создатель эрмитажного портрета, работая в общем русле официальной портретной пластики, стремился полнее, чем это делали его современники, воспроизвести черты стиля времени Антонинов. Эта манера не была связана с сухим безжизненным подражанием. В портрете удивляет необычайная динамичность, внутренняя напряженность, которые создаются движением головы, взглядом скошенных глаз. Эти черты, так же как и другие ранее разобранные приемы, сближают эрмитажный портрет с современными ему многочисленными произведениями такого типа, как, например, портрет неизвестного римлянина из нью-карлсбергской глиптотеки [5].

Характеристика ведущего направления в портретной скульптуре, с которым связан портрет из Эрмитажа, будет сделана ниже.

Второй приводимый здесь портрет из Эрмитажа известен под именем Гереннии Этрусциллы, жены римского императора Траяна Деция (249—251 гг.) (рис. 5 и 6) [3].

Портрет изображает женщину средних лет с суровым, раздраженным выражением лица, в хитоне, спустившемся с правого плеча. Своеобразен тип прически: волосы, разделенные прямым пробором, лежащие тонкими волнистыми прядями, собраны на затылке и скручены жгутом, который поднимается к темени и, образуя здесь петлю, спускается к шее; прическу дополняют два крупных локона около уха и небольшая челка. Благодаря этой прическе довольно легко устанавливается датировка произведения. Впервые такой тип прически, при которой волосы укладывались жгутом на затылке, наблюдается в 40-х годах III в. на монетах Транквилины, супруги Гордиана III, находившегося у власти с 241 по 244 г. Эта мода прослеживается до середины 70-х годов III в., когда характер прически меняется.

Таким образом, судя по типу прически, портрет мог быть создан на протяжении 40—70-х годов III в.

Что касается иконографии, то впервые Г. Кизирицкий определил памятник как портрет Отацилии, жены императора Филиппа Аравитянина (244—249 гг.) [6]. Позднее О. Ф. Вальдгауэр предположил в нем портрет Гереннии Этрусциллы [7].

Несмотря на многие неясности и отклонения, возникающие при сравнении различных изображений Отацилии на монетах, можно сделать некоторый, правда, лишь общий вывод относительно внешности этой императрицы. Ее полное, несколько грузное лицо характеризуется крупными, тяжеловатыми, массивными чертами, которые не соответствуют тонкому заостренному профилю портрета из Эрмитажа. Любопытна и такая особенность в портретах Отацилии: жгут лежит у нее на затылке, лишь слегка касаясь темени, в то время как в портрете из эрмитажного собрания он полностью находится на темени.

Расхождение в портретном облике, а также разница в деталях прически свидетельствуют о том, что этот портрет не является изображением Отацилии.

Более близок последний по своему иконографическому типу к изображению на монетах Гереннии Этрусциллы, которые не являются од-

---

[3] Из коллекции Лайд Браун. Был приобретен в 1787 г. Высота всего портрета без подставки 0,57 *м*. Реставрированы кончик носа и половина нижней губы.

Рис. 5. Портрет римской императрицы III в. Юлии Корнелии Салонины (Ленинград, Эрмитаж)

Рис. 6. Портрет римской императрицы III в. Юлии Корнелии Салонины (Ленинград, Эрмитаж)

нородными. Одни из них близки к портретам Отацилии, другие имеют очень плохую чеканку и не могут быть использованы для определения. Остальные изображения приближаются к портрету из Эрмитажа лишь отдельными деталями, например удлиненным овалом лица (рис. 7). Однако сходство носит очень обобщенный характер, так что в целом, на наш взгляд, иконографический вопрос в отношении этого портрета также не был решен.

Рис. 7. Сестерций с изображением Этрусциллы (Париж)

Для дальнейшего выяснения его следует остановиться на инталье с изображением, которое представляет для нас очень большой интерес. Речь идет о небольшом сердолике, в широком овале которого вырезан погрудный женский портрет, заполняющий почти всю поверхность камня[4] (рис. 8). Первое, что бросается в глаза при сравнении изображения на инталье с потретом из Эрмитажа,— это общий поворот торса в три четверти, положение немного опущенной головы в профиль, та своеобразная поза, которая является очень яркой индивидуальностью нашего портрета; характер одежды, состоящей из хитона, спадающего с плеча, также тождествен. Аналогия довершается прической и, что особенно важно, общими портретными чертами: удлиненным овалом лица, слегка выпуклым узким лбом, заостренной формой носа, выступающим округлым подбородком.

Рис. 8. Римская портретная гемма III в. (Слепок. Ленинград, Эрмитаж)

Итак, на основании общего композиционного решения этих двух изображений, а также несомненного портретного сходства можно утверждать, что перед нами два портрета одного лица. Существование двух изображений той же персоны, переданных в разных материалах, тонкое мастерство исполнения, указывающее на руку выдающегося скульптора,— все это позволяет предполагать, что перед нами портрет знатной римлянки, вероятнее всего императрицы.

Нумизматический материал собрания Британского музея дает известное изображение на медальоне императрицы Корнелии Юлии Салонины, жены императора Галлиена (253—268 гг.) (рис. 9). Она представлена в виде Венеры Прародительницы (Venus Genetrix). Этот образ не случаен. Известно, что культ богини был учрежден Юлием Цезарем, выводившим свой род от Венеры, почитание которой в римской империи соединялось с императорским культом. В основу изображения положен мотив, идущий от статуи Афродиты, вы-

[4] В Эрмитаже имеется слепок с него размером 2,5 × 2 *см*. Инталья воспроизведена в работе А. Фуртвенглера [8], который определяет ее как произведение эпохи Антонинов.

полненной в конце V в. до н. э. и известной под названием «Афродита в садах» Алкамена.

Салонина представлена на медальоне в хитоне, который спускается с плеча, приоткрывая его почти так же, как на эрмитажном портрете, на котором открыто все плечо.

Сопоставление последнего с обликом Салонины, запечатленном на монетах, обнаруживает следующие черты сходства: невысокий лоб, заостренную форму носа, общий тип удлиненного овала лица (рис. 10).

Рис. 9. Медальон с изображением Салонины (Лондон)

Одной иконографической близости недостаточно для отождествления, тем более что в нумизматическом материале прослеживаются различные отклонения в потретном типе Салонины. Однако общий характер прически, которая полностью сохраняется лишь в портретах Салонины, в то время как у Этрусциллы она на многих монетах заменяется другой, затем, что особенно важно, близость мотива одежды в соединении с отмеченными чертами иконографического сходства — все подтверждает определение эрмитажного портрета как портрета римской императрицы Салонины. В этой связи интересно, что мотив спадающего с плеча хитона, как показывает нумизматический материал, не встречается ни у Отацилии, ни у Этрусциллы, а только у Салонины.

Очевидно, изображение Салонины подобным образом было официально принятым, узаконенным в искусстве типом портрета, если вспомнить, что оно встречается на медальоне, на гемме, в скульптурном памятнике.

Рис. 10. Денарий с изображением Салонины (Ленинград, Эрмитаж)

К этой группе официальных портретов императрицы принадлежал, вероятно, и портрет из собрания Эрмитажа, выполненный первоклассным скульптором своего времени [9] [5]. Это произведение представляет большой интерес и с точки зрения стилистического анализа. Тип его связан со статуей «Афродита в садах». В нашем портрете от этого классического образца сохраняется легкий наклон головы, разворот торса, при котором одно плечо приподнято, а также мотив спущенного хитона. Однако, использовав традиционную форму, мастер вкладывает в нее свое содержание. Привлекает внимание сложность композиции. Голова не только наклонена, но и резко повернута в профиль, при этом она еще слегка опущена вниз. Такое положение головы в сочетании с разворотом торса, данного не фронтально, а в легком повороте, полнее раскрывает психологическое содержание портрета, сложность его характера. Тончайшая моделировка мрамора воссоздает облик немолодой, стареющей женщины с властным выражением болезненного лица. Резцом отмечены морщины и складки кожи, которые достаточно наглядно говорят о том,

[5] К такому же выводу, по-видимому, пришел Ж. Бовини в статье, написанной в 1943 г. и отсутствующей в библиотеках СССР [10]. Нам она известна лишь по краткой ссылке, имеющейся в каталоге Феллети Май [11].

что мастер в своей работе придерживался реалистических традиций римской портретной пластики.

Своеобразие указанного реалистического направления особенно рельефно вырисовывается при сравнении с произведением, выполненным в иной, противоположной манере. В качестве примера можно привлечь поясной портрет неизвестной римлянки из Берлинского собрания который датируется серединой III в. [12]. Он представляет женщину с длинными распущенными волосами, свободно падающими на плечи и грудь, в хитоне, спадающем с левого плеча, в сторону которого слегка обращена и наклонена голова.

Сравнение с нашим памятником показывает, что оба произведения сближают общие композиционные технические приемы. Этим сходство и ограничивается, поскольку мастер берлинского портрета создал идеализированный образ, в котором индивидуальные черты лишь намечены, а психологическая характеристика опущена совсем.

Таким образом, эти два женских портрета, созданных в одну эпоху, представляют различные художественные течения в портретном искусстве того времени.

Вспомним, что же представляло собой главное реалистическое направление, с которым связаны мужской и женский портреты из собрания Эрмитажа.

50—60-е годы III в. в изобразительном искусстве характеризуются распространением стиля, который полностью вытесняет из официального искусства ранее господствующее течение. Для последнего характерен отказ от живописных эффектов при передаче прически (прядки которой обозначаются лишь резцом в мужских портретах), выделение отдельных частей лица, общее упрощение форм. Великолепным образцом этого стиля может служить портрет Филиппа Аравитянина из собрания Эрмитажа [7]. Стиль середины столетия восстанавливает рельефную передачу прически, тонкую моделировку лица, т. е. вновь происходит возвращение к традициям римского классицизма, опиравшегося на достижения греческой пластики.

Возрождение этих традиций соответствовало интересу, появившемуся при дворе Галлиена к Греции, к Афинам, почетным гражданином которых он был. Стиль классицизма поддерживался той частью римского общества, которая в борьбе с наступающей варваризацией страны пыталась воскресить и удержать античное наследие в культуре.

Великолепными образцами отмеченного художественного направления являются два разобранных выше портрета.

Литература

1. O. Doppelfeld. Von Postumus zu Konstantin. Wallraf Richartz Jahrbuch, XVIII, Köln, 1956, стр. 7—26.
2. H. Mattingly, E. A. Sydenham. The Roman Imperial Coinage, V, London, 1933; табл. XIII, № 68, 9—18.
3. Л. Стефани. Собрание древних памятников искусства в Павловске. СПб., 1872, стр. 41.
4. H. L'Orange. Studien zur Geschichte des spätantiken Porträt. Oslo, 1933, стр. 13.
5. H. Brunn, P. Arndt. Griechische und römische Porträts. München, 1891—1914, табл. 553.
6. Г. Кизирицкий. Музей древней скульптуры. СПб., 1896.
7. О. Ф. Вальдгауэр. Античная скульптура в Эрмитаже. Птг., 1923, стр. 101, 108.
8. A. Furtwängler. Die Antiken Gemmen. Leipzig, Berlin, табл. XLVIII, *28*.
9. М. М. Лесницкая. Римский портрет в собрании Эрмитажа. Л., 1960.
10. G. Bovini. Ritrattistica romana de Treboniano Gallo a Probo. Monumenti Antichi della Accademia dei Lincei, XXXIX, 1943.
11. B. M. Felletti May. Iconografia Romana Imperiale da Severe Alessandro a Aurelio Carino (222—285). Roma, 1958.
12. C. Blümel. Römische Bildnisse. Berlin, 1933, табл. 75—76.

М. А. ТИХАНОВА

РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ III—IV вв. у с. ЛЕПЕСОВКА в 1957—1959 гг.

Поселение культуры полей погребений у с. Лепесовка Белогорского района Хмельницкой области УССР расположено на левом высоком берегу старого русла р. Горыни (рис. 1), к востоку от современного села, по дороге в с. Ольшаницу. Поселение это больших размеров — общая площадь его достигает нескольких гектаров. Подъемный материал — обломки сосудов, куски обмазки, индивидуальные находки (например, пряслица) встречаются на пространстве в 375 *м* в длину, вдоль берега реки, и на 270 *м* в ширину, т. е. на площади более 9 *га*. Место, на котором находится поселение, справедливо носит у местных жителей название «круча», т. е. всхолмление, возвышенность. Она, действительно, повышается по направлению к югу и снижается в северном, западном и особенно в восточном направлениях, обрываясь на юге, у берега старого русла Горыни, за которым тянется болотистый луг. Поселение это относительно хорошей сохранности — явление для памятников данной культуры редкое: площадь его долгие годы служила местом выгона, а если распахивалась, то неглубоко (18—20 *см*). Вследствие этого культурный слой, жилые и хозяйственные сооружения, хотя и наземные, оставались в основном нетронутыми.

Памятник у с. Лепесовка был открыт в 1905 г. Я. В. Яроцким. Небольшими раскопками Я. В. Яроцкий обнаружил здесь «ульевидное погребальное сооружение», почему и определил его как «поле погребальных урн», т. е. могильник [1]. Однако вскрытое Я. В. Яроцким сооружение в действительности не погребальное. Это двухкамерная гончарная печь, вертикальной конструкции (внизу — топка, наверху — обжигательная камера), что было определено нами еще в 1941 г. [2]. Печь была заполнена гончарной посудой черняховского сблика. Характер этой керамики правильно определил в дополнении к статье Яроцкого А. А. Спицын, назвав ее керамикой ромашковского типа. Такие же две гончарные печи были открыты в 1961—1962 гг. на северной окраине поселения.

Как показали обследование и раскопки Днестровско-Волынской экспедиции, поселение у Лепесовки в основном однослойное[1]. Лишь местами на большой глубине (около 2 *м*) встречается трипольская керамика. Есть она и в культурном слое, где сочетается с единичными находками обломков керамики мегалитов[2], эпохи бронзы — тшинецкой и

[1] Дальнейшие исследования (1960—1962 гг.) внесли поправки: однослойным поселение является только в своей прибрежной части. Но протяженность его значительно больше — оно уходит далеко на запад, залегая под современным селом (Лепесовка II и III) [3].

[2] В Лепесовке, приблизительно в 350—400 *м* к северу от раскапываемого поселения тем же Я. В. Яроцким было вскрыто обнаруженное крестьянами мегалитическое погребение [1].

Рис. 1. План южной части поселения у с. Лепесовка

комаровской и эпохи раннего железа. Однако совокупность всех этих находок составляет менее 0,4% в общем керамическом комплексе поселения. Относительно больше (в среднем 2,5%) найдено поздней славянской керамики X—XI вв. Местами встречаются и более выразительные следы жизни на поселении этой поры — хозяйственные печи.

Культурный слой залегает здесь, как и на других синхронных поселениях Поднепровья, Поднестровья и Волыни, в пределах гумусного слоя, на очень небольшой глубине. Уже на первом штыке обильны находки керамики, встречаются изделия из металла, кости, стекла, глины (пряслица). На подошве первого и в пределах второго штыков прослеживаются развалы обожженной обмазки — остатки наземных сооружений. Насыщенность слоя (максимум в пределах 25—75 *см*) очень велика, но неравномерна. Она значительно больше в центре и в западной части поселения, меньше в восточной, почему раскопы и были заложены в центральной части и на западном его конце. За три года работ вскрыта площадь в 3500 $м^2$ двумя раскопами до глубины 75—100 *см*, т. е. до основания наземных сооружений, уровня дневной поверхности первой половины I тысячелетия н. э. Материковая глина лежит на глубине 1,4—1,45 *м*. Помимо раскопов, в первый же год работ (1957) было заложено 98 шурфов (метровых или 2 × 2 *м*) четырьмя параллельными линиями, отстоящими друг от друга на 20 *м*; шурфы закладывались в шахматном порядке.

Раскоп I (930 $м^2$) [4] — в центральной, самой высокой части поселения показал очень большую, но неравномерную насыщенность культурного слоя, в основном на втором штыке в пределах всего вскрытого пространства, за исключением самого ближайшего к берегу участка, крайне бедного керамикой, но давшего несколько замечательных находок: серебряную фибулу, пряслице и обломок сосуда с греческими буквами. Керамический материал в пределах всего раскопа чрезвычайно однороден: в нем резко преобладает гончарная керамика (лепной относительно немного) черняховского облика, главным образом столовая лощеная, сочетающаяся с кухонной. Керамика встречается не только в обломках, к к тому же очень крупных, но и в виде целых сосудов. Обращают внимание большие пифосообразные сосуды для хранения запасов (они почти совершенно отсутствуют на раскопе II).

Особый интерес представляет вскрытое в северной части раскопа I большое (15,5 × 8 *м*) прямоугольное в плане, наземное сооружение, вытянутое с запада на восток. От него сохранились: развал обожженной обмазки (куски обмазки с отпечатками деревянных конструкций с одной стороны и с заглаженной, как бы отполированной поверхностью — с другой), куски горелых (обугленных) бревен и плах, налегающих на обмазку и лежащих в продольном и поперечном направлении, скопления углей и золы. На «полу» в нескольких местах выступали скопления керамики — раздавленные и целые сосуды — горшки, миски и большой пифосообразный сосуд. В пределах сооружения — четыре очага. Очажки прослеживаются и за его пределами, к востоку от него, причем в каждом из них было обнаружено по нескольку (до десяти) глиняных «хлебцев». Обращает внимание также и то, что вне сооружения, но в непосредственной близости от него, к северу и востоку, имеются специально выложенные из глины площадки диаметрами 1 и 1,4 *м*, на которых в одном случае лежал большой раздавленный сосуд, в другом — обломки такого же сосуда. В пределах самого сооружения была вскрыта аналогичная «выкладка» из глины с камнем в центре, на которой также находился большой пифосообразный сосуд в обломках [3].

[3] Не исключено, разумеется, и другое предположение, что это могли быть очаги, вернее, если можно так выразиться, их «заготовки». Очаги с подом, выложенным обломками сосудов (а иногда и с камнем или жерновом в центре), известны на поселениях Западной Европы (Северная Германия — например, Тофтинг, Ходорф, Эйс-

Какова была конструкция этого наземного сооружения — установить трудно. Никаких следов углублений от столбов или канавок, в которые могли быть опущены опорные столбы стен или деревянный каркас, не обнаружено. Не прослеживалось и отчетливо выраженного, специально утрамбованного пола,— таковым служила та желтоглиняная «подмазка», которая «подслаивала» всю площадь сооружения. Несомненным остается то, что оно было деревоглинобитным и имело деревянное перекрытие, о чем говорят упомянутые выше горелые бревна (диаметр одного из них 30 *см*, длина 50 *см*; лежало на глубине 29 *см*). Погибло оно, без сомнения, в пожаре.

Несколько слов об очагах. Во-первых, это округлых очертаний небольшой очаг (печь?) диаметром 85 *см*, с основанием из крупного битого камня и покоробленным, как бы вспученным при пожаре подом. Очаг сопровождался примыкающей к нему с юга зольной ямой глубиной 38 *см*. Второй очаг из мелкого битого камня сильно разрушен, от него сохранилась лишь часть основания и кусок глинобитного пода. Третий диаметром 70 *см* также округлый в плане, глинобитный. В нем был обнаружен большой глиняный «хлебец». Самый большой — четвертый очаг (размерами 1,5 × 1,66 *м*, в плане приближающийся к овалу) в северной части сооружения. Он имел семь залегавших один над другим подов: первый (считая сверху, по мере раскрытия), третий, пятый, шестой и седьмой — из глины, второй и четвертый — из разбитых сосудов (большой миски-жбана [4], многоярусного сосуда и пифосообразного сосуда). Лежавшая на втором поду миска имеет желтые пятна — следы вторичного действия огня; находившиеся на четвертом поду сосуды следов такого вторичного «обжига» не имеют.

Под седьмым, нижним, подом, в глине, на глубине 26 *см* (считая от уровня верхнего, первого пода) лежали как бы замурованные две разбитые трехручные чаши на высокой подставке, с резным ажурным бордюром, двойными ручками с подвижными кольцами, украшенные богатым узором, исполненным лощением, по широкому верхнему краю («воротнику») сосуда. В одном случае узор этот разделен на 12 сегментов, в другом — на 9 [4, рис. 40, *1*, *2*]. Ритуальный характер этих чаш, равно как и самого очага (священное число семь!), вряд ли может вызвать сомнение. Очевидно, это жертвенник. Возможно, что и все сооружение в целом не место обитания, а святилище. Сопровождающие его очажки с «хлебцами» и симметрично расположенные «вымостки» с огромными сосудами [5, 6] [5] делают это предположение вполне вероятным [6].

На том же раскопе I, у самого берегового обрыва, были вскрыты еще два больших открытых очага. Один — очень больших размеров, с хорошо

варден), встречаются и в Польше (Пивоница под Калишем) и далеко на юге у нас — на поселении в Капустине на левом берегу Тилигульского лимана, в синхронных с Лепесовским поселениях, не говоря уже о том, что в пределах самого описываемого сооружения имеется такой же очаг (см. ниже). Но никаких следов обожженности глины на них не обнаружено, почему исключено одно — факт их «действования». Думается, что наше первое предположение более вероятно.

[4] Почти точная копия сосуда, ранее найденного на поду гончарной печи Я. В. Яроцким [1, рис. 5].

[5] Б. А. Рыбаков полагает, что «обе чаши из алтаря лепесовского святилища предназначались для новогодних гаданий; одна из них охватывала своими изображениями весь год с его солнечными фазами и важнейшими хозяйственными работами. Другая чаша (№ 1) могла применяться для гаданий о погоде — о дожде и вёдре, о внешних условиях хозяйствования». Не будучи согласной с предложенной Б. А. Рыбаковым интерпретацией лепесовских ритуальных сосудов, прежде всего как славянских, равно как и с истолкованием их назначения и орнаментации, не имею возможности в данной статье остановиться на этом вопросе сколько-нибудь подробно.

[6] Возможно, однако, что, сооружение это и не было святилищем, а, как и другие наземные сооружения аналогичного плана и ориентации, открытые в Лепесовке в последующие годы, являлось жилищем. Наличие в нем жертвенника не исключает такой возможности [7].

сохранившимся глинобитным подом (диаметром 1,5 *м*); второй — на расстоянии 20 *м* к западу от первого, сильно разрушен.

Раскоп II был заложен в 160 *м* к западу от раскопа I; общая площадь его, вскрытая за три года раскопок, составляет около 2500 $м^2$. В отличие от раскопа I максимальная насыщенность культурного слоя на раскопе II наблюдается на участках, наиболее близких к береговому обрыву; по мере удаления от берега она уменьшается. Отличен и керамический комплекс. На прибрежных участках резко преобладает,— не только на первых двух штыках, но и глубже — посуда гончарная, притом столовая, лощеная; на более удаленных — значительно возрастает процент лепной, пшеворской, керамики, при относительно равномерной насыщенности слоя индивидуальными находками, однородными на всей площади раскопа. К тому же, в пределах раскопа II выступают отчетливо выраженные следы жизни на поселении и в значительно более позднее время, а именно — врезавшиеся в толщу культурного слоя первой половины I тысячелетия глинобитные сводчатые печи начала II тысячелетия.

Отличия прослеживаются и в другом. В то время как на раскопе I вскрылось только одно сооружение с большим свободным от «застройки» участком перед ним,— вся площадь раскопа II густо застроена жилыми и хозяйственными сооружениями. Здесь отдельные очаги и печи, входящие в определенные комплексы, возможно и производственного назначения (встречается много кусков железного и стеклянного шлаков), хозяйственные ямы (2) и несколько жилых комплексов. На одном из них, открытом в 1958 г., но полностью доследованном в 1959 г., мы остановливаемся специально.

Это большое прямоугольное в плане двухчастное наземное строение (12,5 × 6 *м*) [7] с жилой восточной половиной и хлевом в западной (рис. 2). Оно являет собой типичный образец так называемого Stallhaus, т. е. жилища, совмещающего под одной крышей жилое помещение и хлев [8, 9]. В конструкции жилища не все ясно. Здесь, так же как и у сооружения в раскопе I, нет котлована (или канавки), в который могли быть опущены стены; не прослеживается и отчетливой столбовой конструкции. Имеются лишь две ямы внутри жилища: одна у восточной стены (глубина 28 *см*, диаметр 30 *см*), расположенная не на продольной оси, а несколько отступя от нее, вторая у западной стены, несколько отступя от последней, очень неглубокая (12 *см* при диаметре 22 *см*), видимо, от опорных столбов. На эти столбы могла опираться несущая балка двускатной кровли. Основание стен очень тонкое — 15—20 *см*. В хорошо сохранившейся южной стенке прослеживаются на равных расстояниях друг от друга (1 *м*) деревянные вертикальные стояки очень малого диаметра (2—2,5 *см*). В центре жилища, у его северной стенки, находилась неглубокая яма.

Назначение восточной части сооружения как жилого помещения не вызывает сомнения. Оно с глинобитным полом и очагом, около которого найдена костяная игла и два сосуда. Тут же был ткацкий станок, от которого осталось скопление грузил (грузила в основном пирамидальной формы, единично округлой и бубликовидной) и куски обугленных перекладин, лежащих под прямым углом. Грузила лежали в сплошном слое угля и золы толщиной 2—3 *см*. Близ грузил на полу лежал большой сильно обгорелый костяной гребень с обломанными зубьями. У южной стенки были найдены еще 18 грузил, лежавшие в два ряда. В юго-восточном углу и у восточной стенки находились разбитый жернов, праща, камни, раздавленные лепные сосуды и почти целая большая чернолоще-

---

[7] В указанной выше статье Э. А. Рикмана в описании данного комплекса допущены некоторые неточности: преувеличены размеры (13,5 × 7,5 *м*) жилища, равно как и ширина стен (30 *см*), очаг в жилище глинобитный, а не из камней [7, стр. 131].

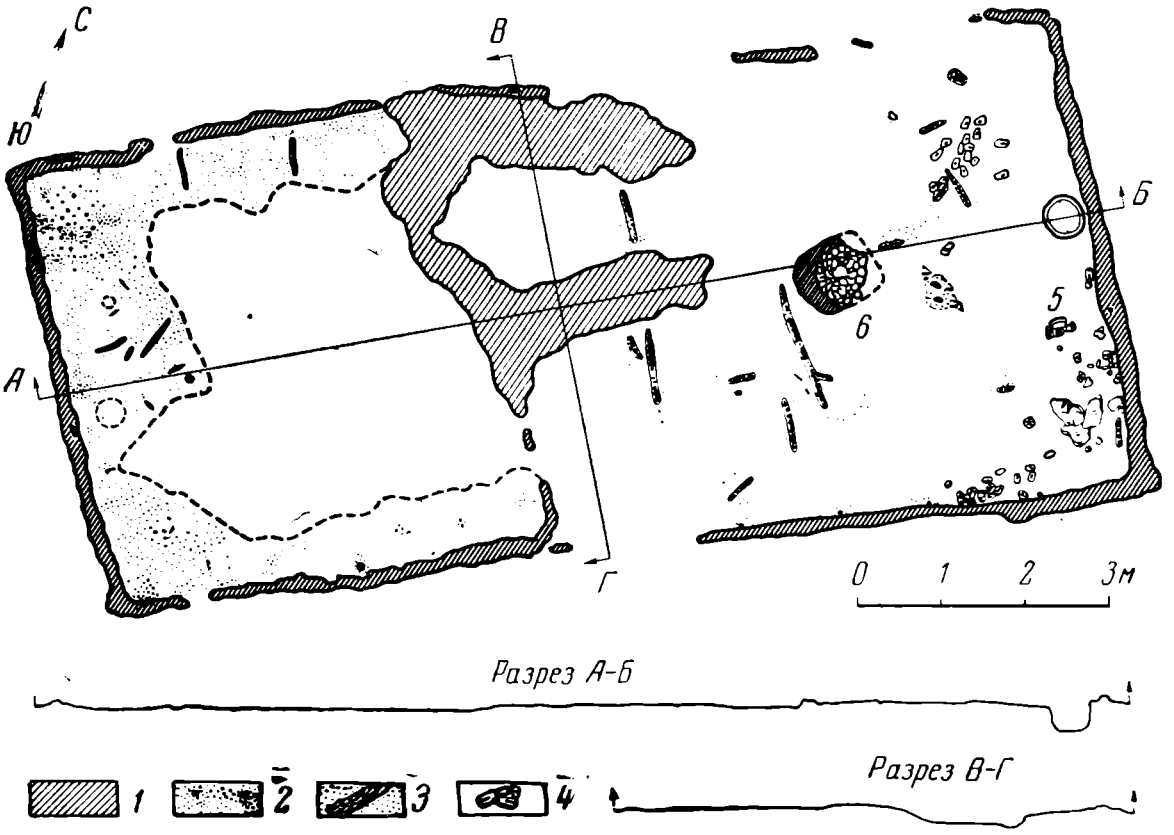


Рис. 2. Раскоп II. План жилища

1— обмазка обожженная; *2* — земля черная горелая; *3* — обугленное дерево; *4* — грузила; *5* — керамика; *6* — под печи

ная, но порозовевшая, как и другие сосуды, от пожара миска. В этой же части жилища были найдены два железных ножа и кабаний клык.

Не менее ясно назначение и западной половины сооружения. Пол здесь земляной. Его покрывает плотный сажистый слой, особенно отчетливо прослеживающийся вдоль стен. У северной стенки на равных расстояниях друг от друга лежит обугленное дерево (деревянные перекладины?). В северо-западном углу видны разбросанные зерна и их отпечатки, равно как и отпечатки соломы. Впечатление такое, как будто бы здесь был брошен сноп соломы и лежала травянистая подстилка, прослеженная и в других местах. Никаких находок в этой части постройки обнаружено не было. Есть все основания полагать, что здесь был хлев, разделенный на стойла (ср. деревянные перекладины у северной стенки). В момент гибели постройки при пожаре скота в хлеву, очевидно, не было.

С северной и северо-восточной сторон к жилищу примыкал большой двор (?). На его желтоглиняном «основании» было очень много костей животных, особенно много костей быка в крупных скоплениях, а также обломки посуды лепной и круговой. В самом жилище вся посуда (целые сосуды) лепная, в основном пшеворская, лишь один сосуд северного облика [8].

При раскопках поселения у с. Лепесовка найден чрезвычайно обильный и выразительный вещественный материал, богатейшая и разнообразнейшая лепная и круговая посуда (62371 обломок и несколько целых сосудов).

В керамическом комплексе поселения отчетливо преобладает круговая посуда — 83,61%, лепной же — 16,39%. В составе круговой значительно больше столовой (76,08%), причем первое место в ней занимает лощеная посуда (90,45%). Очень незначителен импорт — всего 0,21%.

[8] Ближайшими его аналогиями являются два сосуда из могильника в Дитиничах Вербского района Ровенской обл. [10].

Рис. 3. Гончарная посуда

Он представлен светлоглиняными и красноглиняными амфорами III—IV вв. Единичны обломки красноглиняных сосудов и найден всего один обломок донышка краснолакового кувшинчика. Среди круговой столовой посуды, наряду с широко и повсеместно распространенными формами — миски (рис. 3, *1—2*), в том числе и трехручные, кувшины (рис. 3, *3—5*), жбаны (рис. 4, *1*), а также часто встречающиеся на поселениях — кухонные горшки (рис. 4, *2*) и большие сосуды для хранения запасов (рис. 4, *3*). Есть редкие формы, а именно трехъярусный сосуд[9], уникальные трехручные чаши. К уникальным образцам принадлежат и большие открытые чаши с лощеным орнаментом (на дне изнутри) в виде креста с прямыми или расширяющимися концами (рис. 4, *4*) или с изображением дерева, также исполненным лощением. По сравнению с другими известными поселениями богато представлена в Лепесовке керамика с орнаментом, нанесенным штампом и зубчатым колесиком (рис. 4, *5*) (аналогии некоторым из них встречаются на Готланде).

Исключительно богат геометрический и растительный орнамент, исполненный лощением. Обращают на себя внимание и часто встречающиеся образцы брака производства — деформированные, вздутые обломки

[9] Аналогичные сосуды встречаются очень редко в богатых германских погребениях позднеримского времени, например в Леуна [11] и Хасслебен [12], а также в Градушвицах, в Силезии [13].

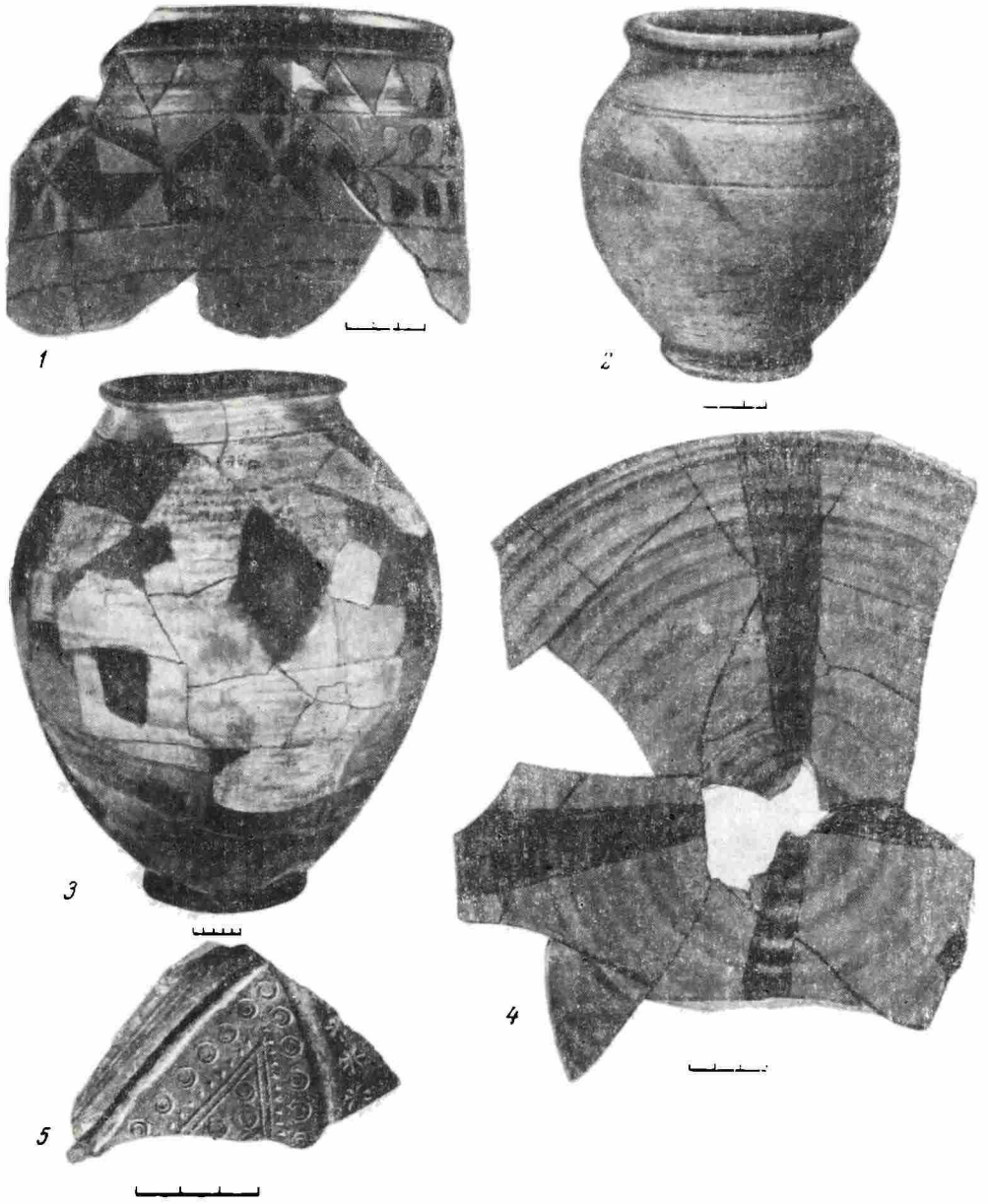


Рис. 4. Гончарная посуда

сосудов. Весь комплекс керамики, сделанной на круге, хорошо датируется III—IV вв.

Лепная посуда также многообразна и выразительна (рис. 5). Она представлена и чернолощеной столовой посудой и грубой кухонной. В первой группе — миски, близкие по формам к круговым и, возможно, их воспроизводящие, а также широко распространенные в пшеворской керамике сосуды на высокой ножке. Не менее типичны (в основном для IV в.) сосуды округлобокие и биконические с широким отворотом. Типична и их орнаментация — косые процарапанные линии, иногда образующие треугольники, глубокие врезы и каннелюры. В то же время полностью отсутствует характерный для более раннего времени (не позже II — начала III в.) меандр. Кухонная посуда, в том числе и «хроповатая», представлена в основном горшками различных размеров эсовидного и яйцевидного профиля и одноручными горшочками-кружками с большой петлеобразной ручкой, типичными для второй половины III—IV вв. Довольно многочисленна группа сосудов (горшков) с орнаментом ногтевым или нанесенным палочкой. Среди лепной керамики особого внимания заслуживает небольшой горшочек с характерным врезным

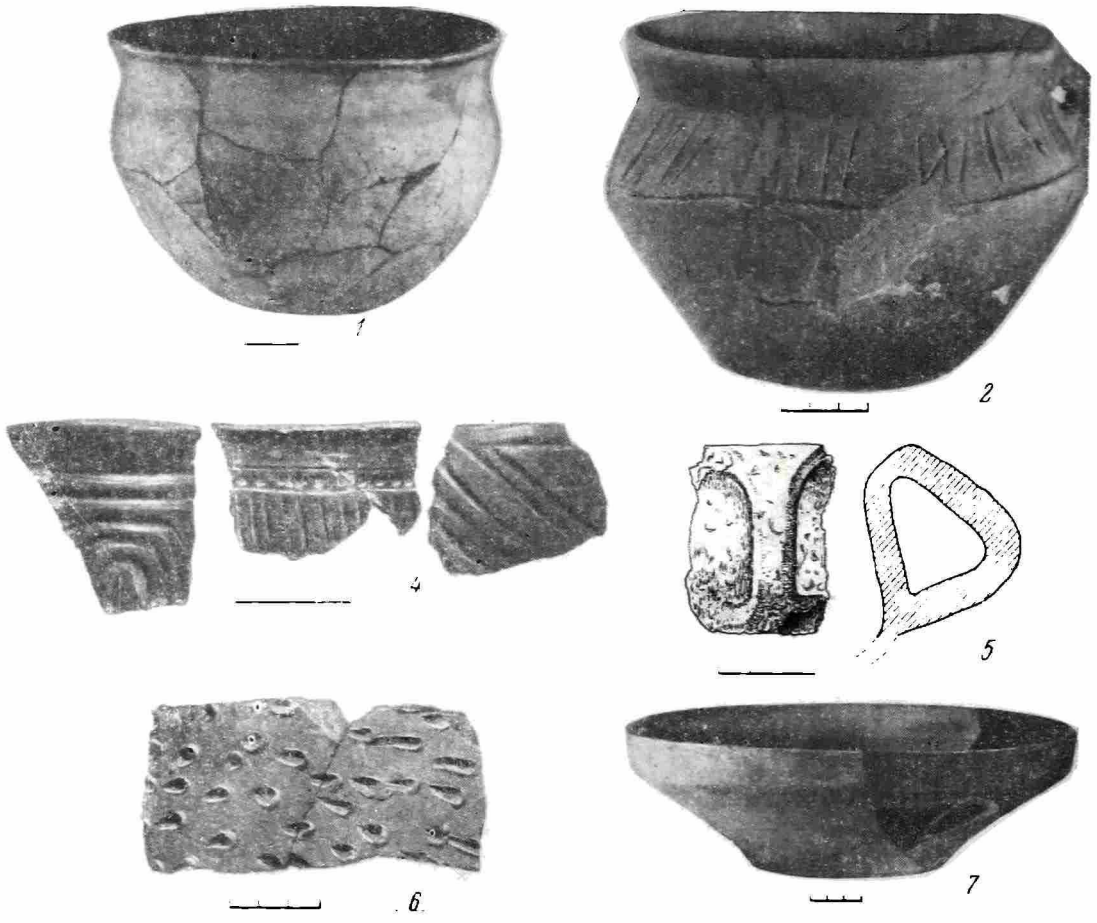


Рис. 5. Лепная посуда

1, 2, 7 — из жилища на раскопе II

орнаментом из переплетающихся многорядных линий. Аналогии известны в памятниках III — начала IV в. на поселениях квадов.

Сказанным, естественно, не исчерпывается характеристика лепной керамики поселения. Так же, как гончарная, она требует специального исследования, тем более пристального, что вопрос этот для территории Волыни совершенно не изучен, да и для ближайших, соседних к западу и северо-западу территорий, с которыми она имеет наибольшие аналогии, разработан далеко не полно.

Среди других изделий из глины, найденных на поселении, отметим грузила и пряслица. Грузила (249 экз.) встречаются и единично, и в скоплениях. В большинстве они пирамидальной формы, в том числе и с крестом наверху [14]; единично встречаются бубликовидные. Все грузила плохо обожжены, некоторые просто подсушены. Размеры их устойчивы — в среднем 11—15 *см* высоты, но есть и очень крупные — конусовидные. Характер обжига грузил, места находок и обнаружение их в одном случае вместе с обугленными деревянными частями ткацкого станка исключают их связь с рыболовством. Они были, несомненно, грузиками для натягивания основы на вертикальном ткацком станке, видимо, для изготовления грубых шерстяных тканей [15—18]. Обилие находок костей овец и коз, а также железного гребня для расчесывания шерсти, равно как и полное отсутствие костей рыб, косвенно это подтверждает.

Многочисленны и разнообразны пряслица (в том числе и богато орнаментированные) — биконические, в виде срезанного конуса и плоские, сделанные из стенок сосудов. Всего их найдено 119 (целых и обломков), а также два костяных.

Среди изделий из глины отметим еще три тигелька, одну льячку, одно сопло, две бусины, подвеску, глиняные «хлебцы».

Много изделий из металла. Среди железных, количество которых значительно больше обычного для поселений данной культуры первой половины I тысячелетия н. э., назовем прежде всего сельскохозяйственные орудия: коса-горбуша [10], сучкорез [11], серпы (10 экз. в обломках), оковка лопаты. Найдены также обломок плотничьего топора, долота, гвозди (единично), удила, наконечник копья. Много железных шлаков. На раскопе II они были сосредоточены в юго-западной части. Разумеется, из факта их наличия и даже значительного количества нельзя еще делать выводов о развитой металлургии. Весьма вероятно, что это кузнечные шлаки. Окончательное суждение будет возможно только после завершения их анализа.

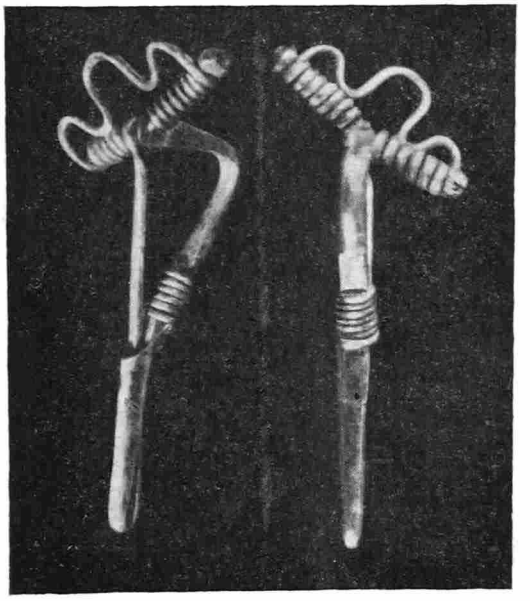


Рис. 6. Серебряная фибула из раскопа I

Найдены также четыре железные фибулы: три из них с обернутой ножкой, двухчастные, обычного типа, и одна выраженного северного облика. Большая серебряная фибула с фигурной тетивой (рис. 6) не имеет полной аналогии ни в одном из до сих пор известных памятников [12].

Среди изделий из бронзы назовем также в первую очередь фибулы (восемь целых и три обломка) обычные, с обернутой ножкой, но и среди фибул одна маленькая типично северная начала III в. В общем на нашем поселении найдено фибул относительно немного, на синхронных поселениях их, как правило, больше. Видимо, и в этом отношении волынские поселения, в частности Лепесовское, специфичны. Бронзовые изделия вообще немногочисленны: пять игл, шесть булавок (в том числе одна с граненой головкой), пинцет и браслет с заходящими концами. Малое количество мелких поделок — украшений из бронзы несколько удивляет, особенно потому, что здесь найдены тигельки и льячка, а также бронзовые стержни и трубочка.

Немногочисленны, но весьма характерны изделия из стекла: обломки шести сосудов, в том числе двух с шлифованными овалами — тонкостенной чаши и толстостенного кубка из зеленоватого стекла, небольшой обломочек бальзамария из лиловатого стекла, большая буса из зеленоватого стекла, маленькая буса с многоцветной инкрустацией и, наконец, пронизка — типичная поделка IV в. К числу выразительных находок относятся и два стеклянных жетона — шашки для игры, широко распространенной среди варварской знати данной поры, заимствованной ею от

[10] Аналогии известны, например, в синхронном поселении в бассейне Одера — Клистов [19] Тождественны и косы позднелатенских поселений, что вполне закономерно, например, в закарпатских — Галлиш-Ловачка и Брестов. Хранятся в Ужгородском краеведческом музее.

[11] Бытует до настоящего времени на территории Волыни, в частности в самой Лепесовке и ее окрестностях.

[12] Наиболее близки, хотя и не тождественны, две бронзовые фибулы из курганного могильника в м. Жива Вода, пов. Сувалки (Польша): фибула из трупоположения № 1 в кургане 14-м и фибула из трупоположения № 4 в кургане 15-м. Датируются они второй половиной III и IV в. н. э. [20].

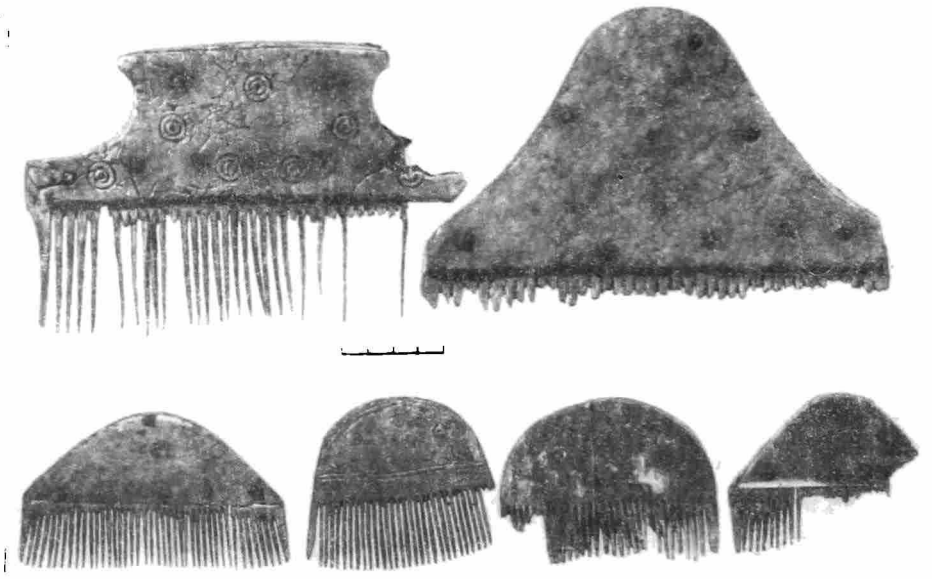


Рис. 7. Костяные гребни

римских солдат — так называемой duodecim scripta. Наряду со стеклянными в Лепесовке был найден один костяной жетон. В то время как стеклянные жетоны справедливо считаются изделиями римских провинциальных мастерских, костяные рассматриваются некоторыми исследователями как изделия севера (Скандинавия) [21].

Много найдено и других изделий из кости. В их числе гребни (рис. 7), трехчастные и одночастные, а также одна заготовка. Последняя особенно интересна тем, что она является «пробой» мастера: на ней пробовали нанести циркульный орнамент — кружки с точкой внутри. Об этом говорит и беспорядочное их размещение, и налегание одних кружков на другие, притом с обеих сторон (прямое свидетельство местного изготовления гребней).

Много костяных проколок (32) и «стилей» (30). Найдено также ножевидное изделие с залощенной от длительного пользования рукоятью (может быть, «нож» гончара). Попадаются лощила из ребер животных (крупного рогатого скота) и так называемые коньки, в том числе и один с насечкой. В них С. А. Семенов усматривает рашпили и правилки [22], но для Лепесовского поселения такое предположение исключается.

Часты находки каменных оселков (56), в том числе и с отверстием для подвешивания, а также жерновов (20 обл.). Встречаются каменные ядра (4) и два каменных грузила, одно из них с перехватом, видимо, от рыболовных сетей.

Все предметы, как и керамика, отчетливо датируются временем III—IV вв. Датировка поселения этим же временем была предложена нами уже после первого года раскопок, она полностью подтверждается данными и всех последующих лет.

Во время раскопок был собран обильный костный материал — пищевые отбросы. Все это почти исключительно кости домашних животных — быка, свиньи, овцы и козы, а также лошади; последней, однако, в значительно меньшем количестве. Общий процент домашних животных — 99,18 [13]. Костей диких животных ничтожно мало, притом они представлены такими (олень, лось, косуля), рога которых служили, очевидно, мате-

[13] Больший, чем в Ольвии и на ее периферии, где процент домашних животных колеблется между 90—98,5 [23]. Определение костей с поселения у с. Лепесовка производит В. И. Бибикова.

риалом для косторезов. Все сказанное позволяет говорить не только о скотоводстве, но и о животноводстве, видимо стойловом (ср. хлев и жилище на раскопе II). Наряду с животноводством население занималось и птицеводством, о чем свидетельствуют найденные кости кур и гусей. Небезынтересны и находки костей собак (в основном черепов), крупных, очевидно сторожевых. Встречались они, как правило, близ жилых комплексов.

Особого внимания заслуживают обнаруженные на поселении следы письменности — обломки глиняных сосудов с греческими буквами и монограммами. В настоящее время их насчитывается уже 10.

Наибольший интерес представляют найденные в 1957 г. два обломка. Первый с граффити на дне желтого сосуда с горизонтальным полосчатым лощением. Надпись хорошо читается как ιβολ т. е. δῶδεκα (или δεκαδύο)ὄλπαι — 12 сосудов для масла (рис. 8, *1*). Сделана она, очевидно, мастером-гончаром. Такого рода надписи хорошо известны именно в первые века нашей эры (как, впрочем, и раньше) в античном мире; встречаются они и в городах Северного Причерноморья. Сосуд этот не привозной, а сделан на месте, что подтверждается и его фактурой, и лощением.

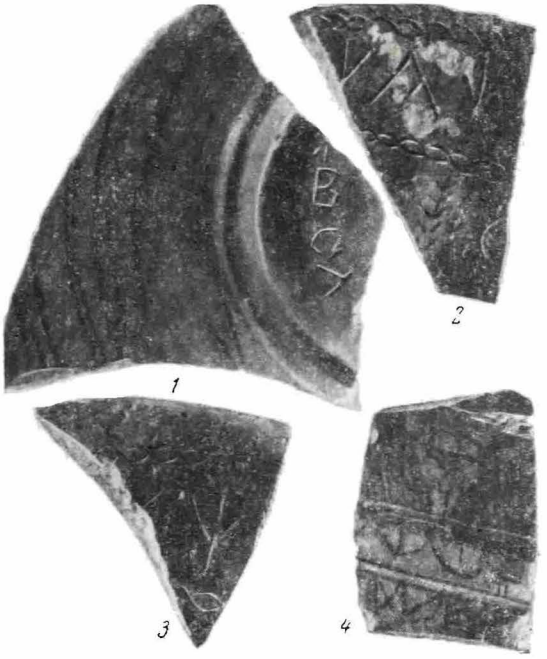


Рис. 8. Обломки сосудов с греческими надписями и буквами

Весьма интересен обломок темно-серого лощеного кувшина, украшенного врезанным орнаментом в виде плетенки и елочки, на котором сохранилась часть надписи — отдельные греческие буквы. Хорошо читаются ΑΥ (рис. 8, *2*). Обе буквы великолепных начертаний, с характерными для капитального письма апексами. Палеографически они типичны для III—IV вв. [14]. Слева от Α видна еще буква, частично оборванная (на изломе черепка); несомненно также греческое Υ. Кроме букв на обломке кувшина, сохранился край монограммы (?), но она не читается.

Второй обломок аналогичного кувшина (не исключено, что он принадлежит тому же сосуду) был найден недалеко от предыдущего, на нем сохранилась только буква Υ. Ниже, под плетенкой имеется как будто бы еще второй ряд буквенных знаков (рис. 8, *3*).

В связи с двумя последними фрагментами надписей, как будто не читаемыми, или, во всяком случае, мало понятными, вспоминается хранящийся в Ватиканском музее лекиф, найденный в древней гробнице и изданный еще в 1836 г. На его подставке был начертан греческий алфавит, выше, на тулове располагалась тринадцатистрочная надпись — силлабарий, в одной из строчек которого читается: ΥΙΥΑΥΥΥΕ [24, 25]. Известны и другие случаи находок таких силлабариев [25]. Весьма вероятно, что и на лепесовском сосуде, правда, значительно более позднем, мы встречаемся с силлабарием, т. е. начертанием наиболее употребительных греческих слогов; в нашем случае до нас дошел только «осколок» — сочетание согласной Υ с первой гласной греческого алфавита Α, за ко-

[14] И позднее, вплоть до времен Юстиниана I (527—565).

торой следует снова Ψ, очевидно, в сочетании со следующей гласной, и т. д., т. е. на сосуде начертан обрывок греческого букваря. Предположение это, разумеется, требует еще дополнительной проверки, но является, как нам кажется, наиболее правдоподобным.

На других обломках встречаются отдельные буквы или их сочетания MN, A ⅄, ^A, Λ и монограммы ⌖ рис. (8, *4*). Монограмма встречается дважды — на двух различных обломках, причем первый раз на серолощеном богато орнаментированном сосуде. Аналогичная монограмма известна среди находок в римском лагере в Хомбурге [26].

Принадлежность приведенных букв к греческому алфавиту сомнений не вызывает. Самый факт находки следов именно греческой письменности на гончарных сосудах местного производства (не забудем, что часть из них, во всяком случае, наносилась по сырому тесту до обжига) дает ключ к пониманию того, что же собственно представляло собой гончарное ремесло не только в Лепесовке, но и в других синхронных поселениях, где были открыты гончарные печи. Мастера-гончары были, очевидно, пришлые, видимо, из греческих городов черноморского юга,— вероятнее всего из Ольвии, а может быть и из Тиры.

Не меньший интерес вызывают и обломки сосудов со «знаками», сделанными также на гончарном круге, но воспроизводящими начертания, которые встречаются, хотя и редко, только на лепной керамике более западных областей, в основном на территории Восточной Германии. Всего в настоящее время в Лепесовке обнаружено восемь таких сосудов — в том числе один целый сосуд, «надпись» на котором, однако, сохранилась не полностью из-за того, что верх сосуда частично обломан. Но вопроса о сосудах «со знаками» мы пока касаться не будем — в нем еще слишком много неясного.

Литература

1. Я. В. Яроцкий. Некоторые памятники древности близ с. Лепесовки Кременецкого уезда. ИАК, 29, СПб., 1909.
2. М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА, 6, 1941, стр. 262—264.
3. М. А. Тиханова. Разведка в районе верхнего течения реки Горыни. КСИА АН СССР, 87, 1962.
4. М. А. Тиханова. Днестровско-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, 79, 1960.
5. B. Rybakov. Calendrier agraire et magique des anciens polianes. VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologues de l'URSS. Moscou, 1962.
6. Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, 4 стр. 84, сн. 18.
7. Э. А. Рикман. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, 3, стр. 131 и 134.
8. G. Behm. Das germanische Dorf auf dem Bärhorst bei Nauen. PZ. XXVIII—XXIX, 1937—1938, 1939.
9. G. Behm-Blancke. Germanische Dörfer in Brandenburg. AF, 3, тетр. 4/5, 1958.
10. М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровеньскої області. Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 3, Київ, 1961, рис. 6.
11. W. Schulz. Leuna. Ein germanisches Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin, 1953.
12. W. Schulz. Das Fürstengrab von Hassleben. Römisch-germanische Forschungen, 7, Berlin, 1933.
13. M. Jahn. Altschlesien, I, 1927, рис. VI.
14. B. Kostfzewski. Cmentarzysky z okresu rzymskiego w Czaczu i w Kokorzyne. Fontes archaeoligici Posnaniensis. Poznań, 1951, рис. 101, *3*.
15. В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях МИА, 25, 1952.
16. В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, стр. 143—144.
17. Н. А. Онайко. О фанагорийских грузилах. МИА, 57, 1956.
18. W. La Baume. Die Entwicklung des Textilhandwerks in Europa. Bonn, 1950, рис. 18.
19. K. H. Marschallek. Die ostgermanische Siedlung von Kliestow bei Frankfurt (Oder). PZ, 30/31, 1939/40, тетр. 1—2, рис. 29—30.

20. W. Ziemlińska-Odojowa. Badania wykopaliskowe w 1959 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejsce. Ziwa Woda, roy. Suwalki. Rocznik Białosticki, I, Białostok, 1961.
21. B. Stjernquist. Simris. On Cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age. AAL, серия III в 4°. Lund, 1955, табл. XXIII, *9*.
22. С. А. Семенов. Шліфувальні кістяні знаряддя з Ольвії. АП, VII, Київ, 1958.
23. В. І. Бібікова. Фауна Ольвії та її периферії за матеріалами розкопок. 1935—1948 рр. АП, VII, стр. 153.
24. R. Lepsius. Sur un vase de fabrication étrusque avec deux alphabets grecs et sur une inscription de la ville pélasgique d'Agilla. AJA, VIII, 1836, стр. 186, табл. B, *1*.
25. CIG, IV, № 8342, стр. 212—213; III, № 6183, стр. 874—875.
26. [Jacobi]. Die Ausgrabungen und Funde der Jahre 1929—33. Saalburg-Jahrbuch, VIII, 1934, табл. V, *30*.

С. Г. ХМЕЛЬНИЦКИЙ, Н. Н. НЕГМАТОВ

МИХРАБ В с. АШТ

Прекрасный памятник средневекового искусства Северного Таджикистана — резной глиняный михраб в с. Ашт[1] — был открыт Экспедицией археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала в 1939 г. Он впервые упомянут в отчете начальника Экспедиции М. Е. Массона [1]. Впоследствии памятнику была посвящена статья Г. А. Пугаченковой, давшей его архитектурную характеристику и примерную датировку. Статья была основана на рисунке, сделанном в 1939 г. арх. Зайнутдиновым [2]. В 1954 г. Аштский михраб был обследован Б. А. Литвинским [3], который отметил недостоверность графического материала, легшего в основу статьи Г. А. Пугаченковой. Действительно, в рисунке Зайнутдинова искажены пропорции михраба, примитивно и неверно воспроизведено его орнаментальное убранство и почему-то не изображена большая часть сохранившейся в архивольте надписи[2].

Летом 1961 г. Аштский михраб был обмерен и исследован нами совместно с археологом Е. Д. Салтовской.

В нынешнее время михраб включен в структуру мазара Аштсахоба, постройки недавнего прошлого, основная часть которой представляет собой обширный деревянный айван. Под его кровлей высится крупная сагона, окруженная вторым рядом деревянных столбов. Северный угол этой внутренней колоннады занимает вертикальный массив древней сырцовой кладки, покрытый слоями ремонтных обмазок,— остаток некогда существовавшего здесь монументального здания. На его северо-восточной грани и расположена небольшая ниша михраба, принадлежавшая этому зданию, следы которого, быть может, сохранились под землей во дворе мазара.

Прямоугольная в плане ниша михраба имеет ширину около 70 *см* и глубину около 30 *см* (рис. 1). На высоте 115 *см* от основания (оно расположено несколько ниже пола мазара) прямоугольная ниша венчается неглубокой конхой, имеющей в фасадной плоскости форму стрельчатой арки. Пролет арки составляет 63 *см,* ее криволинейное заполнение начинается от фасадной плоскости и нависает над внутренними углами нижней, прямоугольной части ниши. Торцовая стенка ниши была украшена второй, меньшей аркой, принадлежавшей, по существу, к орнаментальному убранству михраба, так как ее глубина не превышала толщины «облицовочного» слоя глины. Ныне от малой арки сохранилась лишь вершина стрельчатого завершения с остатками обрамляющих его полу-

[1] Старинное селение Ашт (Аштского р-на Ленинабадской обл.) лежит в южных предгорьях Кураминского хребта, на р. Аштсай, в 130 *км* к северо-востоко-востоку от Ленинабада.

[2] Недостатки рисунка не помешали Г. А. Пугаченковой правильно охарактеризовать художественные особенности памятника и определить его историческое значение.

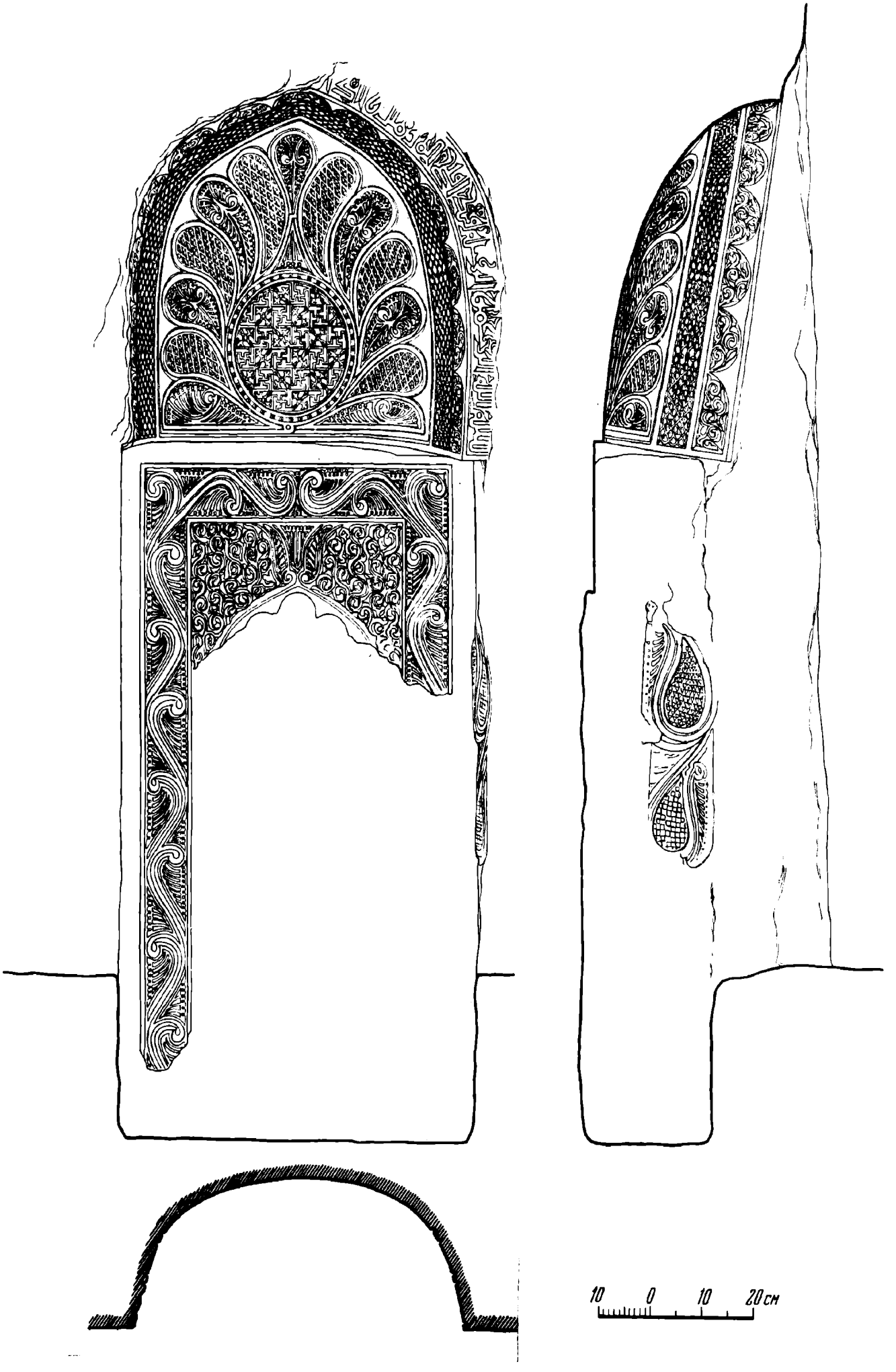


Рис. 1. Аштский михраб. Фасад, разрез и план по основанию арки. (Обмерный чертеж С. Хмельницкого)

круглых фестонов. Судя по рисунку Зайнутдинова, в 1939 г. сохранность малой арки была значительно лучшей: еще существовал весь ее стрельчатый контур, были целы все семь фестонов и резное орнаментальное заполнение, ныне совершенно утраченное. Все же по сохранившимся частям арочки ее первоначальную ширину можно определить в 30—32 *см.*

Такова несложная пространственная структура Аштского михраба в его нынешнем состоянии. Главную художественную ценность памятника составляет его богатейшее резное убранство, нанесенное на толстый слой светло-серого цвета глины. Глина совершенно однородна и в затвердевшем состоянии напоминает скульптурно обработанный, поблескивающий камень типа сланца. Резьба несомненно наносилась на глиняный слой тогда, когда он был еще пластичен, и выполнялась рукой мастера-виртуоза: в сложнейшем и ювелирно тонком орнаментальном убранстве не видно следов даже мелких исправлений.

Структура Аштского михраба вполне соответствует той широко распространенной композиционной идее, которая была воплощена в большинстве ранних михрабов Средней Азии и Хорасана — михрабов, состоящих из трех арочных ниш, «перспективно» вписанных одна в другую. Эта композиция, по убедительной гипотезе Г. И. Котова, является уплощенным символическим воспроизведением мечети, ее обращенной к кыбле проекцией, складывающейся из наружного и внутреннего порталов и собственно михраба [4]. По-видимому, первоначальная композиция Аштского михраба также была трехчленной: две ныне существующие арки вписывались в третью, большую арочную нишу. Об этом как будто говорят и миниатюрные размеры памятника, позволяющие видеть в нем не весь михраб, но лишь его внутреннюю, дошедшую до наших дней часть.

Декоративное убранство михраба, при всей его сложности, очень гармонично. Внутренняя фестончатая арочка окружена П-образным обрамлением, отвечающим конфигурации нижней прямоугольной части ниши. Эта прямоугольная рама украшена мотивом волнистой ленты с крутыми завитками, ритмично отходящими от нее в обе стороны, и промежуточными фигурами, имеющими форму «рогов изобилия». Лента и промежуточные фигуры покрыты глубокими прорезями, следующими их общему очертанию; промежутки у краев обрамления завершаются рядом остроконечных зубцов, разделенных круглыми выемками (рис. 2).

Поле тимпанов малой внутренней арочки сплошь покрыто спиральными завитками орнаментального мотива «ислими», расположенными вплотную один к другому. Глубокая резьба выполнена в свободной, живописной манере: мастерски выражен характер упругих, слегка угловатых побегов. На рисунке 1939 г. видно, что рельефное убранство тимпанов (изображенное здесь весьма условно) опускалось по обеим сторонам малой арки, заполняя узкие промежутки между ней и прямоугольным обрамлением, и, быть может, доходило до пола.

Очень интересен относительно крупный «замок», венчающий малую фестончатую арочку. Он как бы вырастает из вершины узкого рельефного архивольта и состоит из внутренней части, имеющей форму пышного бокала, украшенного продольными прорезями и зубчатым венчанием, и остроконечных боковых «крыльев». В своих общих контурах «замок» напоминает высокую, изысканно орнаментированную чашу с широким верхом и узким, скругленным основанием. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель справедливо видят в орнаментальном сюжете «замка» Аштского михраба традиционный для искусства Ближнего и Среднего Востока мотив «распахнутых крыльев» [2, 5].

Небольшой фрагмент резного убранства, не отмеченный на рисунке 1939 г., сохранился на правой щековой стенке михраба (рис. 3). Он состоит из двух миндалевидных фигур, расположенных вертикально одна над другой таким образом, что левая сторона нижней фигуры переходит в правую сторону верхней. Внутренние поверхности медальонов, слегка

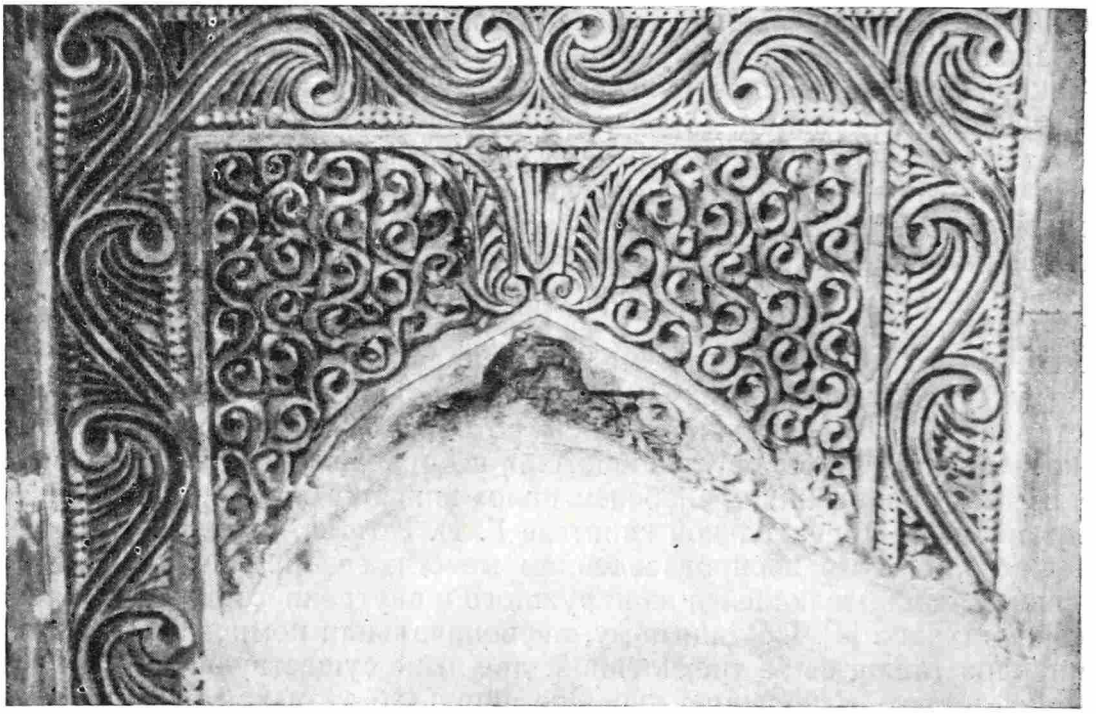


Рис 2 Остатки внутренней малой арки михраба

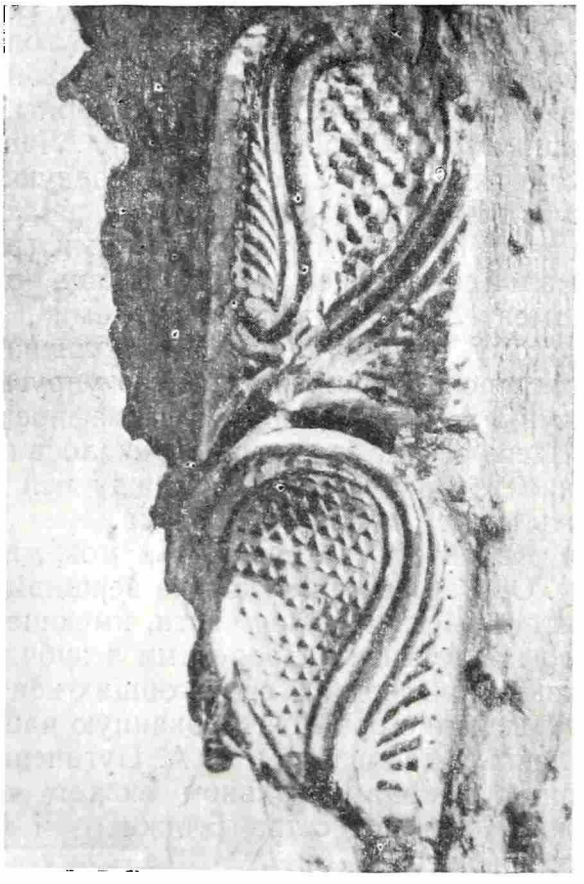


Рис. 3. Сохранившийся фрагмент убранства щековой стенки

выпуклые, покрыты тонкой порезкой: в нижней фигуре она представляет собой сетку выступающих и западающих квадратиков, чередующихся в шахматном порядке, в верхней — аналогичную сетку, но состоящую из треугольников, обращенных вершинами вниз. По сторонам этих фигур виден ограничивающий их вертикальный контур; участки между ним и медальонами украшены прорезями, совершенно подобными тем, что оформляют промежуточные элементы П-образного обрамления малой арки.

Этот незначительный по размерам фрагмент все же позволяет понять характер первоначального убранства щековых стен. Оно представляло собой вертикальную полосу шириной около 17 *см*, вдоль которой тянулась волнистая желобчатая лента с уже знакомыми нам завитками, здесь как бы разогнутыми и протянутыми дальше, вплоть до соприкосновения с их волнообразной основой. Последняя в результате оказалась украшенной не короткими завитками, но замкнутыми миндалевидными фигурами, получившими самостоятельное орнаментальное заполнение.

Чрезвычайно эффектно и изысканно декоративное убранство конхи большой арки (рис. 4). Композиционным центром здесь служит круглый медальон диаметром 26 *см*, расположенный у нижнего края конхи и оконтуренный цепочкой мелких кольцеобразных перлов (рис. 5). Поле медальона заполнено чередующимися в шахматном порядке сдвоенными трилистниками и меандрами, соединенными между собой и с внутренним контуром медальона. Размеры и расположение элементов узора в прямоугольной сетке столь мастерски согласованы с формой обрамляющего их круга, что сочетание этих, казалось бы, с трудом сочетаемых форм выглядит совершенно органичным.

Медальон, подобно чашечке цветка, обрамлен 13 миндалевидными лепестками, из которых два нижних, срезанных пополам, расположены горизонтально, верхний вертикален и перетянут посредине, а промежуточные отогнуты наружу и постепенно, снизу вверх, принимают все более вертикальное положение. Эти плавно изогнутые, искусно скомпанованные фигуры покрыты тонким узором двух чередующихся типов: четные украшены сеткой мелких выемчатых ромбов, нечетные — изображением стилизованного листа, орнаментальное поле которого делится пополам двумя крутыми завитками, напоминающими миниатюрные волюты.

Круглый медальон и окружающие его лепестки занимают бóльшую, среднюю часть вогнутой поверхности конхи и вписаны в контур стрельчатой арки. Это пышное заполнение окружено двойной рамой. Внешняя полоса, идущая по краю конхи, украшена полукружиями, обращенными выпуклой стороной наружу и заполненными орнаментом из спиральных завитков. Одиннадцать полных полукружий и две их половины в основании точно соответствуют количеству и расположению окружающих медальон «лепестков». Второй пояс расположен ближе к внутреннему заполнению конхи. Он украшен тончайшей ажурной плетенкой, состоящей из миниатюрных выемчатых ромбов. Чтобы избежать монотонности, мастер в восьми местах разорвал единообразную систему орнамента, соединив разрывы вставными Ф-образными элементами. Орнаментальные полосы оконтурены двойными прорезями, повторяющими очертание арки. В результате создается впечатление трех арок, вписанных одна в другую,— впечатление, точно уловленное Г. А. Пугаченковой при анализе ею рисунка 1939 г.

Архивольт большой арки михраба украшает резная арабская надпись, выполненная почерком куфи; сохранилась лишь ее правая половина, содержащая коранический текст — начало 23-й суры [3]. Начерта-

---

[3] Русский перевод: «1. Во имя Аллаха милостивого, милосердного. 2. Благоденствуют верующие. 3. Ко[торые в молитве своей смиренны]», Коран. XXIII. Часть текста, взятая в квадратные скобки, не сохранилась; она, очевидно, составляла левую

Рис. 4. Декоративное убранство большой арки

ние букв сравнительно простое, фон скупо украшен растительными мотивами, заполняющими излишки свободного пространства между буквами.

Несомненное своеобразие Аштского михраба определяется на первый взгляд необычной системой его убранства и формой конхи. Наблюдаемый здесь прием заполнения арки, скрывающий ее внутреннюю конструктивную поверхность — соффит, в среднеазиатской архитектуре исключительно редок [4]. Столь же уникальна система декоративного убранства конхи, пышного и торжественного, несмотря на скромные размеры. Между тем в самой композиционной системе убранства заключена

половину надписи. Приносим глубокую благодарность Ю. Н. Завадовскому, взявшему на себя труд прочтения и идентификации надписи.

[4] Единственная известная нам аналогия — арочное завершение окон куня-ургенчского мавзолея Текеша, чье вогнутое заполнение начинается непосредственно от внутренней поверхности стен барабана.

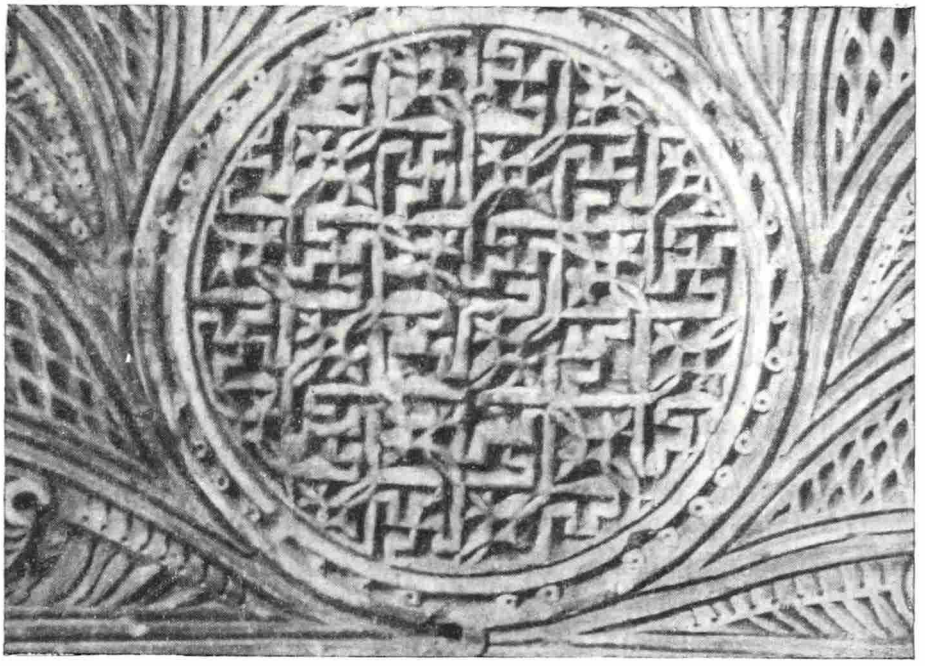


Рис. 5. Центральный медальон большой арки

внутренняя логика, позволяющая расшифровать ее ныне скрытый смысл и, в известной мере, определить место Аштского михраба в ряду близких ему памятников.

Видимо, создатели михраба стремились в условно-плоскостной трактовке воспроизвести те привычные для них объемные формы молитвенной арочной ниши, которые они по каким-то причинам не смогли или не захотели выполнить в натуре.

Выше отмечалась условно-плоскостная трактовка малой внутренней ниши, по существу необъемной, представляющей собой плоское декоративное панно с фестончатым арочным венчанием. Такое же фестончатое обрамление арки условно изображает система сомкнутых полукругов в наружном поясе убранства конхи. В основе этого графического мотива, безусловно, лежит объемная форма, известная по ряду среднеазиатских памятников X—XII вв., таких как михрабы в Мешеди Мисриане (мавзолея Шир-Қабир) и Искодаре, мечеть Деггарон в с. Хазара, мавзолей Санджара (арки галереи) и др. Наряду с этим в архитектуре Средней Азии и Ирана имело место и условное, графически-плоскостное воспроизведение фестончатого арочного обрамления, о чем свидетельствуют столь далекие территориально и хронологически памятники, как сасанидский дворец Таки Кесра в Ктесифоне (архивольт большой арки), михраб мечети Данданкана в Южном Туркменистане (XI в.) и мавзолей Шах-Фазиль в Киргизии (XIII—XIV вв.).

Характерно, что создатели Аштского михраба оставили без декоративной обработки поверхность изображенных фестонов, покрыв сплошным и мелким орнаментом полукруглые промежутки между ними, благодаря чему условно материальная форма зрительно отделилась от условно пространственного фона, не разрывая в то же время общей цельности графического узора.

Подобным образом расшифровывается смысл остальных элементов декорации михрабной конхи. По-видимому, внутренний орнаментальный обвод конхи должен рассматриваться как изображение отсутствующего здесь арочного соффита, который и в реальном воплощении располагается сразу за бахромой фестонов. Орнаментальный мотив резной ромбообразной плетенки встречается в некоторых ранних среднеазиатских па-

мятниках — таких, как мавзолей Араб-ата в с. Тим (X в.) и упомянутый михраб данданканской мечети — именно в качестве украшения внутренней поверхности арки.

Аналогия с данданканским михрабом особенно интересна, так как между этим памятником и рассматриваемым нами наблюдается ряд сходных черт [5].

Наконец, многолепестковая фигура в центральной части конхи Аштского михраба представляет собой, несомненно, плоское изображение объемной раковины, подобной той, что образует заполнение арки михраба в мервском мавзолее Мухаммеда ибн Зейда (начало XII в.). Аналогичные вогнутые, многолопастные раковины известны по ряду других среднеазиатских памятников X—XII вв., где они употреблялись в качестве заполнения арочных парусов [6]. Форма эта была употребительна и в архитектуре западных мусульманских стран (например, в багдадской мечети ал-Мансура и мечети в Кайруане [6]), где ее генезис может быть выведен из приемов эллинистического и римско-византийского зодчества. Для архитектуры же Средней Азии местные истоки означенной формы подтверждаются изображением на известном Аниковском блюде, где семилопастные вогнутые раковины украшают фасад крупного доарабского замка.

В многолопастном контуре конхи-раковины усматривается как будто один из источников зарождения фестончатой арки среднеазиатского и хорасанского зодчества. В убранстве Аштского михраба, где объемные формы трансформировались в плоскостной узор и стали равнозначны ему, эта связь ясно различима: контур центральной многолопастной фигуры представляет собой, по существу, подобие внутренней фестончатой арки с тем же количеством «фестонов», что и наружная.

Отмеченные параллели в массе своей относятся к X—XI вв., что само уже в известной мере указывает на время создания Аштского михраба. Уточнению датировки может содействовать рассмотрение отдельных элементов его декоративного убранства.

Круглый орнаментированный медальон представляет собой один из древнейших мотивов среднеазиатского изобразительного искусства; Г. А. Пугаченкова в упомянутой статье об Аштском михрабе отмечает его связь с солярной символикой среднеазиатского зороастризма. Употребление этого мотива в искусстве народов Средней Азии было чрезвычайно широким и долговечным.

Особенный интерес для нас представляет нередкое сочетание круглого медальона с аркой — сочетание, которое демонстрирует рассматриваемый нами памятник.

Ближайшая параллель представлена деревянным михрабом из Искодара; здесь в центре неглубокой конхи, оконтуренной сквозными фестонами, расположен орнаментированный диск [7]. Аналогичное убранство михраба данданканской мечети отличалось большим размером круглого медальона, распространенным на всю поверхность конхи. Композиционно близок указанным памятникам михраб медресе Низамийе (Хорасан, XII в.), в арку которого вписан круглый резной медальон [8]. Мотив вписанного в фестончатую арку орнаментированного диска украшает простенки подкупольного восьмигранника в интерьере мавзолея Шах-

---

[5] Сходство распространяется на такие детали, как условно-плоскостное изображение фестонов, сочетание прямоугольной ниши и криволинейного в плане заполнения арки и мотив «распахнутых крыльев», трактованный, правда, по-разному, в соответствии с его местом в общем композиционном замысле.

[6] Таковы южнотуркменские караван-сараи в Башане и Акча-Кала (XI—XII вв.) и мавзолей Текеша в Куня-Ургенче (XII в.). В последнем раковинообразную форму имеют тромпы второго яруса, образующие переход от восьмерика к подкупольному шестнадцатиграннику.

Фазиль. Он получил известное распространение и за пределами Средней Азии, в Иране и западномусульманских странах [7] [6, 9].

Наконец, мы находим этот древний мотив и среди элементов убранства стен самаркандских усадеб «курганча» XIX в. Фасад одной из них украшен плоской нишей, в которой легко усматривается упрощенное воспроизведение михраба. Ее остроугольное венчание, представляющее собой трансформированную стрельчатую арку, заключает в себе круглый резной медальон [10].

Последний пример свидетельствует о поразительной долговечности этого традиционного архитектурно-орнаментального мотива, зародившегося в глубокой древности и дожившего в произведениях народного зодчества до недавнего прошлого.

Орнаментальное заполнение круглого медальона Аштского михраба не находит в искусстве Средней Азии близких аналогий. Его отдельные элементы — мелкий меандровый узор — встречаются в убранстве искодарского и мешеди-мисрианского михрабов: они украшают трехчетвертные колонки михрабных ниш, причем в Мешеди-Мисриане слегка изогнутые меандры расположены в шахматном порядке, как и в Аште. Других параллелей этому мотиву в среднеазиатском искусстве нам найти не удалось. Зато они обнаруживаются, и в весьма близких формах, в архитектурном орнаменте сасанидского Ирана: хранящийся в Метрополитен-музее фрагмент резного ганча из Ктесифона (VI—VII вв.) демонстрирует меандры, расположенные в шахматном порядке и чередующиеся с трилистниками и шестилепестковыми розетками [9]. Близкую параллель интересующий нас мотив находит в резной ганчевой орнаментике сасанидского дворца в Кише: здесь сплошной узор, состоящий из чередующихся в шахматном порядке меандров и четырехлепестковых розеток, покрывал соффиты арок внутреннего айвана [9].

Однако сочетание миндалевидных фигур на боковых стенках михрабной ниши является вполне среднеазиатским мотивом, известным по оформлению соффитов внутренних арок тромпов и поперечных полуарок в бухарском мавзолее Саманидов. Рельефный узор из выступающих и западающих квадратов и треугольников, заполняющий эти фигуры в Аштском михрабе, также представляет собой местный орнаментальный мотив, засвидетельствованный еще на биянайманских оссуариях и, вероятно, имевший первоначально символический смысл. Один из хранящихся в Эрмитаже оссуариев изображает здание с колоннами, капители которых — конические, с небольшими завитками-волютами,— украшены последовательно чередующимися сетками рельефных квадратиков и треугольников [9].

Заполнение тимпанов малой арки Аштского михраба многократно повторенным спиральным побегом находит близкую и единственную для Средней Азии аналогию в Искодарском михрабе, где этот мотив играет ту же композиционную роль. В обоих случаях завитки орнамента, плотно пригнанные один к другому, равномерно заполняют поле тимпанов, мало считаясь с его контуром [8].

Сопоставление отмеченных аналогий и параллелей приводит к заключению, что временем создания Аштского михраба были X—XI вв. Такой датировке не противоречит и характер сравнительно строгого, почти не тронутого орнаментикой почерка куфической надписи. Нужно учесть также и архаичность самого материала — глины и насыщенность худо-

---

[7] См., например, убранство интерьера сельджукского мавзолея в Куме и порталь-ную арку каирской мечети ал-Акма (1125 г.) [9].

[8] В этом принципиальное отличие данного приема от орнаментального убранства майоликовых тимпанов XIV—XVI вв., где сложное растительное плетение, основанное на мотиве спирального побега, согласовано с конфигурацией тимпана и строится по диагональной оси симметрии.

жественного убранства михраба «языческой» символикой, связанной с зороастрийским олицетворением огня — солнцем.

Графический анализ арки михраба раскрывает способ ее геометрического построения. Воспроизведенный нами на рис. 6, он сводился к следующему. Из центра O мастер проводил окружность диаметром AB, равную ширине арочной ниши. Из точек C и $Д$, лежащих на серединах радиусов AO и OB, опускались перпендикуляры до пересечения с окружностью в точках C_1 и $Д_1$; дуга, заключенная между ними, равна шестой части окружности. Точки O, C_1, $Д_1$ и являются центрами построения арочной кривой: O — для нижних частей арки, C_1 и $Д_1$ — для венчания. Точками сопряжения кривых, проведенных из разных центров, являются E и F, лежащие на пересечении окружности с продолжением отрезков OC_1 и $OД_1$.

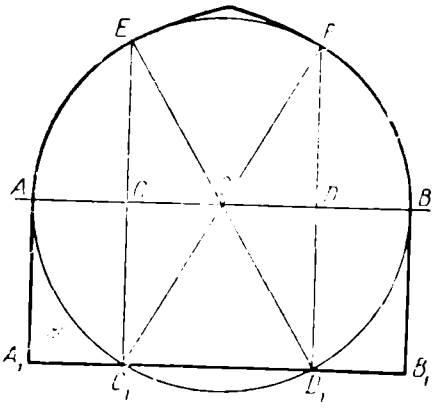


Рис. 6. Геометрическое построение арки Аштского михраба

Точки C_1 и $Д_1$, помимо своей функции центров построения, определяют также нижнюю границу арки, которая, таким образом, лежит значительно ниже пят. В натуре линия A_1B_1 соответствует основанию арочной конхи.

Этот способ построения описан самаркандским математиком XV в. Гияс-ад-дином Каши в его трактате «Ключ арифметики» [11]. Арка характерна плавным, почти циркульным контуром, лишь слегка заостренным вверху. Судя по тому, что в трактате Каши этот способ стоит на первом месте среди других приемов построения, арки подобного начертания были распространены достаточно широко. Оно выявлено нами в построении портальных арок мавзолеев Араб-ата в Тиме и Худай-Назар-овлия близ Мерва (XI—XII вв.) [12]. Этот способ был также использован для построения портальной арки главного здания мечети Биби-Ханым [13][9] — факт, говорящий как о долговечности приема, так и о поразительной широте его применения: от 63 *см* пролета миниатюрной михрабной арки до 17,5 *м* гигантского портала знаменитой тимуровской мечети [10].

Интересная особенность Аштского михраба — сочетание неглубокой конхи (вернее было бы назвать ее вогнутым щипцом) и прямоугольной в плане ниши, приводящее к значительному нависанию конхи над лежащими ниже углами. В среднеазиатской архитектуре этот неконструктивный, трудно объяснимый прием встречается с X в.: в верхней арочной галерее мавзолея Саманидов и портале мавзолея Араб-ата (правда, в последнем случае не боковые части щипца нависают над углами портальной ниши, а его середина западает за плоскость задней стены). Он известен и по ряду памятников XI—XII вв.: мечети Талхатан-баба (заполнение арок наружной аркатуры), мавзолеям Ходжа-Машад в Саёте (щипец центрального свода) и Худай-Назар-овлия (щипец портала), михрабу мечети в Данданкане и, наконец, мавзолею Текеша в Куня-Ургенче; здесь он использован для сочетания прямоугольных окон барабана с их внутренним арочным венчанием.

---

[9] Способ начертания этой арки, предложенный Ш. Е. Ратия на стр. 59 (рис. 50, *б*), лишен, видимо из-за опечатки, всякого смысла.

[10] Создатели михраба несколько отступили от геометрической точности построения, слегка выгнув наружу нижние прямолинейные части арочных кривых, соответствующие отрезкам AA_1 и BB_1. Этот прием, освобождающий контур арки от некоторой геометрической сухости, отмечен нами и в Искодарском михрабе.

Одновременно мотив вогнутого, нависающего у краев щипца нашел широкое распространение в зодчестве Ирана. Здесь первые примеры демонстрирует аббасидский Охейдир (аркады парадного двора) [14], затем большое купольное здание исфаханской джума-мечети (ниши тромпового пояса) и ряд великолепных ганчевых михрабов XI—XIII вв.— в Наине, Абаркухе, Бистаме, Дамгане, Наризе и др. [9].

Не вдаваясь здесь в специальное исследование смысла этого своеобразного приема, отметим лишь, что он находит объяснение в перенесении на портальные композиции (к которым, безусловно, относится михраб) формы характерных для Средней Азии и Ирана арочно-тромповых конструкций, переводящих квадратное основание здания в его купольное венчание. Для среднеазиатского арочного трompа с его вогнутым, конхообразным заполнением было очень характерно оформление внутренней поверхности либо полуаркой-контрфорсом, либо системой конструктивной елочной кладки. Оба приема имели несомненный утилитарный смысл, так как облегчали возведение кирпичной оболочки сложной кривизны, а первый к тому же создавал противодействие распору купола.

Характерно, что оба эти приема, возникшие как решение локальной конструктивной задачи, стали типичны для декоративного убранства портальных «вогнутых щипцов»: более или менее орнаментированные подобия контрфорсов-полуарок украшают миниатюрные конхи верхней галереи мавзолея Саманидов, портальные арки мечети Магоки Аттори и мавзолея Айша-биби, а «елочной» кладкой оформлены вогнутые щипцы арок мечети Талхатан-баба, мавзолеев Ходжа-Машад и Худай-Назаровлия. В Иране в отличие от Средней Азии «вогнутые щипцы» не воспроизводили, как правило, конструктивного заполнения тромпов (быть может, потому, что здесь оно не нашло достаточно художественного выражения), а получили пышное ганчевое убранство. Особенно характерны в этом отношении упомянутые иранские михрабы XI—XII вв. Не исключено, что наличие подобного «неконструктивного» убранства конхи в Аштском михрабе свидетельствует о некоторых связях его архитектурных форм с кругом явлений иранского искусства, хотя самые мотивы этого убранства имеют вполне самобытный характер.

Проблема генезиса мусульманского михраба в Средней Азии еще не решена окончательно. Г. А. Пугаченкова видит его местные истоки в ритуальных очагах-заслонках и нишках, связываемых с маздеистским и буддийским культами [2]. Эта гипотеза подтверждается находками культовых ниш-очажков в доарабском Пянджикенте: некоторые из них, судя по опубликованным материалам, представляют собой очевидный прототип ранней формы михраба [15]. В. А. Нильсен, отмечая композиционное сходство михрабов и монументальных среднеазиатских порталов-пештаков, делает вывод о влиянии крупного, издалека видимого михраба на слагающийся художественный образ пештака [16]. Эти версии, на наш взгляд, отражают лишь отдельные черты довольно сложного формообразующего процесса, который привел к созданию ряда устойчивых форм среднеазиатского монументального зодчества. Нам думается, что и михраб и пештак в их среднеазиатском варианте восходят к форме древнего сводчатого айвана, раскрытого в прямоугольный двор или зал и вместе с ним составлявшего специфический «дворово-айванный» комплекс. Этот планировочный прием, известный еще зодчеству Древнего Востока, получил в Средней Азии особенное распространение в VI—VIII вв. В его камерных вариантах двор заменялся залом, а обширный айван трансформировался в более или менее глубокую арочную нишу, где располагалось парадное место владетеля дома. Среднеазиатское, иранское и ближневосточное зодчество дает множество примеров этого композиционного приема: от гигантского тронного айвана Таки Кесра в Ктесифоне, крупных дворцовых комплексов Охейдира, Варахши и Термеза до камерных ансамблей Шахристана, Пянджикента, Кулаглы-

Тепе, Кафыр-Кала и др. [2, 12, 17, 18], в которых, при гораздо меньших размерах, налицо то же сочетание замкнутых пространств: прямоугольного, удлиненного зала и арочной ниши-айвана. Пример столь далеких один от другого памятников, как иранский Охейдир и таджикская Кафыр-Кала, показывает, что фасадные арки парадных айванов и ниш фланкировались, как правило, трехчетвертными декоративными колонками — точно так, как ранние пештаки и михрабы.

Общеизвестно, что культовая архитектура черпала свои формы из гражданского, народного зодчества. Поэтому естественно, что «тронная» ниша-лоджия, предназначенная возвеличивать общественную роль местного владыки (от сасанидского шахиншаха до главы семейной общины), могла при определенных условиях превратиться в культовую нишу, сохранив свои архитектурно-художественные особенности и лишь заменив реального носителя власти его сверхъестественным подобием.

Можно предположить, что такая ниша-лоджия, на первых порах неразрывно связанная с двором (залом), применялась в гражданском и культовом строительстве и соответственно существовала в монументальном и камерном вариантах, что именно она, в силу своей композиционной роли, явилась основным прототипом обеих наиболее распространенных портальных композиций средневекового зодчества Средней Азии — михраба и пештака. Это, конечно, не означает, что развитие данных архитектурных форм шло прямолинейно и лишь из одного источника; оно зависело от множества других факторов, которые предстоит объективно определить и изучить.

Аштский михраб — памятник исключительного художественного и исторического значения. Он воплотил в себе связь двух эпох развития культуры и искусства таджикского народа — согдийской и собственно таджикской — и отразил их несомненную преемственность. Как уникальное произведение древнего искусства он достоин того, чтобы быть сохраненным для потомства.

Литература

1. М. Е. Массон. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала. КСИИМК, IV, 1940.
2. Г. А. Пугаченкова. Резной михраб из Аштa. Сообщ. ТаджФАН СССР, XXV. 1950.
3. Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, XXVI, 1954.
4. Г. И. Котов. Михраб Мешед- и Мисриана. Иранское искусство и археология. III Международный конгресс. М.— Л., 1939.
5. Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961.
6. K. A. Creswell. Early Muslim Architecture. Oxford, 1932, II, рис. 26. 235.
7. А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, 15, 1950, табл. 19.
8. K. Herzfeld. Damascus. Ars Islamica, X, 1943, рис. 37, 39.
9. SPA, London — New York, 1938—1939, IV, табл. 353, 172 [E], рис. 391, 394, 399; I, стр. 606, рис. 181; стр. 874, рис. 305.
10. Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.— Л., 1939, рис. 128.
11. Л. Бретаницкий, Б. Розенфельд. Архитектурная глава трактата «Ключ арифметики» Гияс-ад-дина Каши. Искусство Азербайджана, V, Баку, 1956.
12. Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 313, 314.
13. Ш. Е. Ратия. Мечеть Биби-Ханым. М., 1950, стр. 69, рис. 59.
14. O. Reuther. Ocheïdir. Leipzig, 1912, табл. VII, VIII, XXV.
15. В. Л. Воронина. Городище древнего Пянджикента как источник для истории зодчества. «Архитектурное наследство», 8, 1957, стр. 120, рис. 4; стр. 137, рис. 21.
16. В. А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956.
17. Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 156, рис. 37, *1*.
18. Т. И. Зеймаль. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. CIII, вып. 5, 1959, стр. 86, рис. 1.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

ПАМЯТНИК МУСУЛЬМАНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТУВЕ

На территории Тувы имеется наиболее северный памятник мусульманского средневековья, представляющий интерес как бесспорное археологическое свидетельство проникновения сюда и проживания в долине р. Хемчика в течение некоторого времени небольшой группы мусульманского населения. Этим памятником является кладбище в урочище Саадак-Терек, расположенном на правом берегу Хемчика, в 15 *км* ниже устья р. Барлык [1], в степи к юго-западу от современного поселка Кызыл-Мажалык.

Впервые об этом кладбище сообщил С. Р. Минцлов (чиновник особых поручений, посланный в Туву Переселенческим управлением под видом археолога [1]), посетивший Туву летом 1914 г., дилетантски обследовавший некоторые археологические памятники этой области и даже производивший бессистемные их раскопки [2].

Так как в то время любые сведения об археологических памятниках Тувы были новостью для науки, то С. Р. Минцлов опубликовал о них специальную статью, в которой могилы из Саадак-Терека выделяются им как «четвертый тип погребений в Урянхае» [2]. Он писал, что «на урочище Саден-Терек, не доезжая верст четырех до р. Барлыка», им обнаружен на степи странный могильник, занимавший около одной десятины и состоявший из огороженных вертикально врытыми плитами оград без всяких насыпей: «Первое впечатление таково— будто на поле устроено множество открытых гробниц, готовых к принятию мертвых». Из краткого описания, не сопровождающегося какими-либо документальными данными, видно, что С. Р. Минцлов раскопал здесь несколько могил. Оказалось, что это были грунтовые ямы глубиной 1—1,4 *м*, в которых под западной стенкой сооружался подбой. В подбой на доске укладывали труп человека на правый бок, затем прикрывали подбой другой доской и засыпали яму, утрамбовывая землю. Сверху могилу обставляли плитами по стенкам ямы так, что получалась подпрямоугольная оградка.

Несколько раз встретились парные могилы или даже семейные оградки, где в ногах у взрослых оказались дополнительные погребения маленьких детей в мелких ямах. Никаких находок в этих могилах не найдено, за исключением кусочка бамбука, обнаруженного при одном из скелетов. Изложив эти данные, С. Р. Минцлов не сделал из них никаких выводов.

---

[1] По данным С. А. Теплоухова (1926 г.). Барлык втекает в Хемчик многими рукавами, особенно во время разливов, и потому за его главное русло принимают нередко разные протоки, смотря по времени года.

[2] Об «археологической» деятельности С. Р. Минцлова см.: А. В. Адрианов. Ученое хулиганство. Газ. «Сибирская жизнь» от 16 января 1916 г.

Второй раз кладбище в Саадак-Тереке было обследовано и подвергнуто раскопкам С. А. Теплоуховым, который, однако, не успел опубликовать никаких данных о чрезвычайно ценных и многочисленных материалах, собранных в Туве его экспедицией в полевые сезоны 1926, 1927 и 1929 гг. [3].

С. А. Теплоухов побывал на Хемчике в 1926 г., когда он совершил по Туве два больших разведочных маршрута с раскопками разновременных памятников. Один из этих маршрутов был пройден от Кызыла на

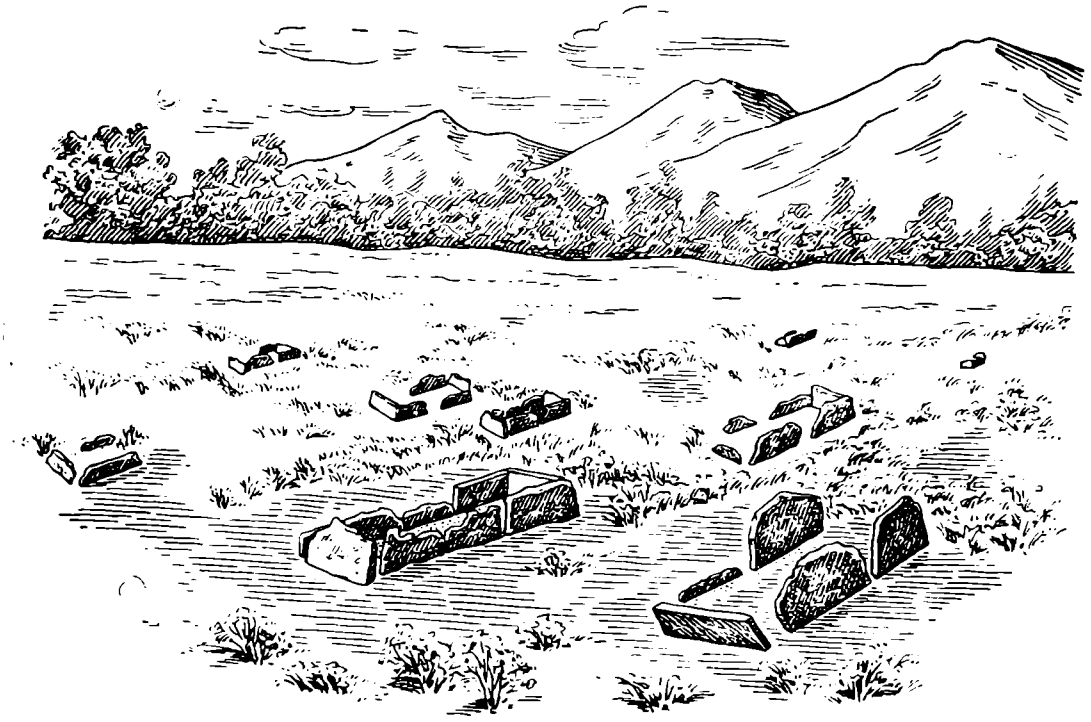


Рис. 1. Могильник в Саадак-Тереке (прорисовка фотографии)

Шагонар, Чаа-Холь, Чадан и по правому берегу Хемчика до устья р. Барлык, а затем обратно [3]. На Хемчике раскопки были произведены в степи Улуг-Хову, урочище Чер-Чарык, у скалы Бижиктиг-Хая (близ современного Кызыл-Мажалыка) и в Саадак-Тереке.

О раскопках С. А. Теплоуховым могильника в Саадак-Тереке (рис. 1) сохранились только краткие данные в его полевом дневнике за 1926 г., где имеются и набросанные от руки схемы с обмерами пяти погребений (рис. 2 и 3) [4]. Всего им было раскопано здесь восемь могил с каменными оградами, ориентированными на северо-запад — юго-восток. Ниже мы приводим данные С. А. Теплоухова о его раскопках. Плиты всех каменных оград выступали над уровнем современной почвы на 20—22—25 *см*.

Могила № 32. (рис. 2, *1*). Внутри оградки ровная земляная поверхность залегала несколько выше уровня окружающей почвы. Яма внутри оградки достигала глубины 1,5 *м*, где под юго-западной стенкой был обнаружен вытянутый с СЗ на ЮВ подбой, прикрытый широкой доской. В подбое на правом боку лежал в вытянутом положении скелет женщины теменем на северо-запад и лицом на юго-запад (так же были ориентированы скелеты во всех остальных могилах). На скелете сохранились незначительные следы бронзы. Размер ограды 2,34 × 1,1 *м*.

Могила № 33. В яме на глубине 1,15 *м* обнаружен деревянный гроб в виде ящика из досок, крышку которого составляли доски, приби-

[3] Отчет С. А. Теплоухова о раскопках в Туве в 1926, 1927 и 1929 гг. Рукопись (без названия) хранится в архиве МЭН СССР. В ней недостает стр. 37—49, на которых как раз были изложены данные о раскопках в Саадак-Тереке.

[4] Дневник С. А. Теплоухова № 3 по Туве за 1926 г. (тетрадь № 16).

тые поперек (рис. 3, *1*). Высота гроба 0,2 *м*. В нем вытянуто на спине лежал скелет женщины в возрасте около 25 лет, кисть левой руки положена на таз. При разборке гроба в стенках его углов были обнаружены железные гвозди (рис. 4). Размер ограды 2,75 × 1-0,8 *м*.

Могила № 34. Плиты оградки еще на 15—20 *см* были опущены в яму, которая затем сужалась, опускаясь на глубину 1,33 *м* от верхнего уровня ее засыпки, находящегося несколько выше окружающей

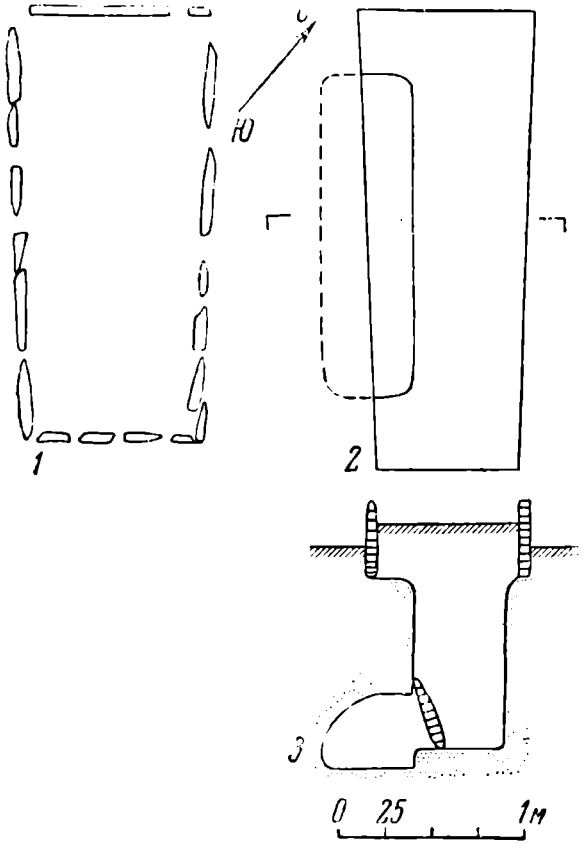


Рис. 2. Саадак-Терек

1 — план ограды могилы 32; *2,3* — план ямы и разрез могилы 34 (по схемам и обмерам С. А. Теплоухова)

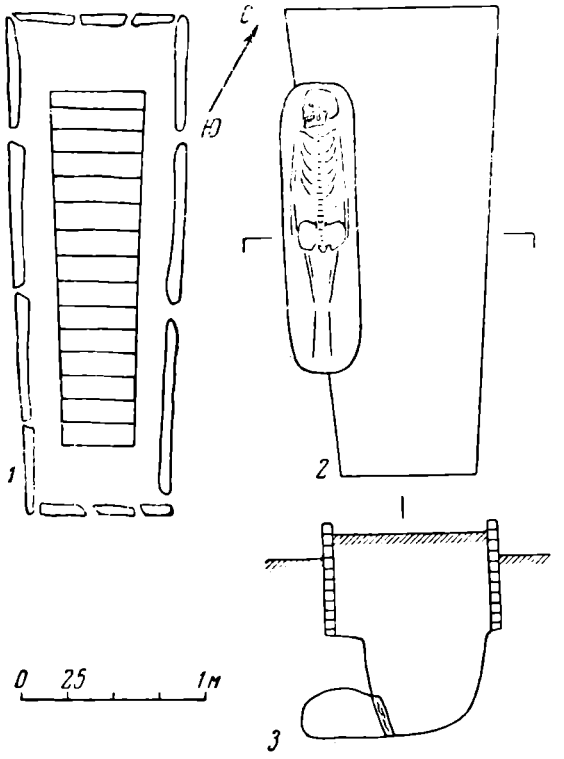


Рис. 3. Саадак-Терек

1 — план ограды и гроба в могиле 33; *2*, *3* — план и разрез ямы могилы 35 с погребением в подбое (по схемам и обмерам С. А. Теплоухова)

почвы (рис. 2, *2*, *3*). Здесь, в сделанном под юго-западной стенкой подбое (высота его 0,4, высота лаза 0,3 *м*), лежал скелет мужчины 30—40 лет вытянуто на спине. Лаз в подбой был закрыт прислоненными камнями высотой до 0,4 *м*. Размер ограды 2,5 × 0,97-0,77 *м*.

Могила № 35. Плиты еще на 40—42 *см* были заглублены в яму, которая на этой глубине сужалась на 20 *см* по ширине оградки. Дно ямы находилось на глубине 1,1 *м* от поверхности внутренней засыпки оградки и покато спускалось в подбой, сделанный под юго-западной стенкой и прикрытый доской (шириной 20 и толщиной 3 *см*). В подбое вытянуто на спине лежал скелет мужчины 30—40 лет (рис. 3, *2, 3*).

Могила № 36 имела оградку меньшего размера, длиной всего 0,65 и шириной 0,4 *м*. Каменные плитки этой оградки выступали над поверхностью почвы на 8 *см*. В яме этой оградки, на глубине 0,9 *м*, обнаружен плохо сохранившийся скелет небольшого ребенка.

Могила № 37. Длина оградки 0,97 *м*, ширина коротких сторон 0,72 и 0,55 *м*. Плитки выступали на 13 *см*. В яме оградки, на глубине 0,8 *м*, лежал скелет ребенка.

Могила № 38 несколько отличалась по устройству погребального сооружения и находилась к югу от основного кладбища. Это был невысокий округлый курганчик с насыпью из камней (диаметром 3,5 *м*),

в середине которой оказалась четырехугольная «рама» из положенных плашмя каменных плит. Она была вытянута с северо-запада на юго-восток на 2,5 *м* и имела ширину 2 *м*. В центре, на глубине 1,6 *м*, был обнаружен гроб из досок (длина 2, ширина 0,4—0,5 и высота 0,32 *м*). В нем вытянуто на спине лежал скелет мужчины длиной 1,72 *м*, кисть левой руки которого лежала на тазу.

Могила № 39 имела большую ограду из вертикально вкопанных каменных плит, длиной 3,05 *м* и шириной коротких стенок 1,45 и 1,56 *м*. Плиты ограды на 20 *см* были закопаны вдоль бортов внутренней ямы. С этой глубины открылась (вдоль северо-восточной стенки оградки) более узкая подпрямоугольная яма, вытянутая также с северо-запада на юго-восток. Ее длина 2,3, ширина 0,8 и 0,9 *м*. Дно ее находилось на глубине 1 *м*. Здесь, вдоль юго-западной стенки, во всю ее длину был вырыт более заглубленный подбой.

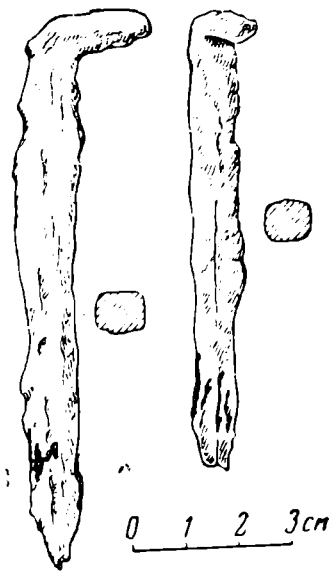


Рис. 4. Железные гвозди из могилы 33

В нем вытянуто лежал скелет мужчины. Некоторые его кости были найдены в беспорядке. Правая рука была, как обычно, вытянута, а кисть левой руки находилась на тазу. Лаз в подбой ничем не был закрыт, и только небольшие кусочки сгнившего дерева, попавшиеся во входной яме, позволяют считать, что здесь первоначально находилась доска, остатки которой были растащены грызунами, потревожившими, вероятно, и кости скелета.

Таким образом, выше изложены все имевшиеся в нашем распоряжении материалы о могильнике в Саадак-Тереке. Хотя в архивных материалах никаких заключений С. А. Теплоухова об этом памятнике мною не обнаружено, однако известно из экспозиции Этнографического музея в Ленинграде за 1930 г., что Теплоухов считал его мусульманским могильником предмонгольского времени (XII—XIII вв. [4, 5]). Что послужило основанием для такого определения, осталось неизвестным.

Как устройство погребальных сооружений, так и обряд погребения, зафиксированный в этом могильнике, безусловно являются мусульманскими. Общеизвестно, например, что у народов Средней Азии и Восточного Туркестана, исповедующих ислам, умерших обычно хоронят в подбоях, укладывая вытянуто головой на северо-запад или север, но лицо непременно должно быть повернуто на юго-запад, в сторону кыблы[5]. Иногда, впрочем, умерших хоронили и в простых ямах, изредка в деревянных гробах, но при том же положении тела и, согласно догме ислама, без всякого сопровождающего инвентаря и жертвенной пищи [6—9][6]. Сооружение оградок («мазаров») над могилами также обычно для мусульман. Совершенно аналогичные оградки из каменных плит на средневековых мусульманских кладбищах известны мне на Памире [10], в Казахстане и в Туркмении [11][7].

Что касается могилы № 38 могильника в Саадак-Тереке, то некоторое своеобразие устройства наземного погребального сооружения (наличие

---

[5] Кыбла — направление на Мекку (по-арабски).

[6] Уйгуры-мусульмане Синьцзяна хоронят умерших в подбое, головой на север [8]. Деревянный гроб, сбитый гвоздями, обнаружен в могиле Тимура (умер в 1405 г.) [9].

[7] Большое количество их зафиксировано Туркменской этнографической экспедицией МГУ в 1957—1959 гг. (сообщено С. П. Поляковым).

небольшого курганчика, устройство оградки из каменных плит, положенных плашмя) свидетельствует, вероятнее всего, лишь об этническом различии погребенного в ней мусульманина и мусульман, захороненных в оградках. Ведь общее положение скелета в могиле № 38 ничем не отличается от остальных погребений.

Такие погребения мусульман под небольшими каменными округлыми курганчиками мне приходилось раскапывать в 1948 г. в Центральном Казахстане [12]. Сохранившиеся черепа из погребений в Саадак-Тереке, определенных мною как мусульманские, были изучены антропологом В. П. Алексеевым; по его заключению, все погребенные в оградках относятся к европеоидной расе, за исключением мужчины из могилы № 38, который оказался монголоидом. Мне представляется вполне вероятным и предположение В. П. Алексеева о том, что «наличие особи монголоидной расы имеет своей причиной не контакт с местным населением, а переселение уже смешанной группы из Средней Азии» [13].

Появление в Туве в столь позднее время небольшой группы европеоидного в целом населения хорошо объясняется явно пришлым характером хемчикских мусульман. Сплошное обследование археологических памятников Тувы, проведенное за последние годы рядом экспедиций различных научных учреждений, с очевидностью показало, что мусульманский могильник в Саадак-Тереке является пока единственным, что небольшая группа мусульман с их своеобразной культурой была сравнительно изолированным «островком» в среде местного населения и что ислам не получил тогда распространения на Саяно-Алтайском нагорье.

Скорее всего, этот могильник был кладбищем торговой фактории мусульманских купцов, избравших долину Хемчика для своего поселения, которое играло роль перевалочного пункта [8]. Для этих целей именно долина Хемчика представляет наибольшие удобства, ибо в ней скрещиваются древние караванные пути в Северо-Западную Монголию, на Алтай и в Хакасско-Минусинскую котловину.

* * *

В какое же время проникли сюда мусульманские купцы? Из письменных источников известно, что в период древнехакасского государства, в которое входила и территория Тувы в IX—XII вв. [14] (после разгрома уйгурского каганата в 840 г. хакасами), особенно усилились торговые связи как с Восточным Туркестаном, так и с народами Средней Азии. Эти связи были в IX—XI вв. достаточно регулярными, если вспомнить сообщение китайской хроники Таншу [15] о получении хакасами шерстяных и шелковых тканей из Восточного Туркестана и Афганистана, а также о том, что из Средней Азии раз в три года направлялся в средневековую Хакасию караван из 20—24 верблюдов, груженных «узорчатыми шелковыми тканями». Мусульманские авторы X—XI вв. в своих географических сочинениях довольно подробно описывают пути этих торговых караванов вплоть до страны хакасов и вывозимые оттуда товары (мускус, меха и т. д. [14]).

Таким образом, ясно, что купцы-мусульмане в IX—XI вв. неоднократно посещали бассейн Верхнего Енисея, но их пребывание там было кратковременным и, главное, исходя из всех данных, число таких купцов, попадавших на Саяно-Алтайское нагорье с небольшими редкими караванами, было очень малым. Не было тогда никакой нужды сооружать на Енисее торговые фактории, ибо и хакасы в то время сами участвовали в перевозках товаров на юг.

[8] Группа мусульман жила здесь постоянно. Об этом свидетельствуют обнаруженные в Саадак-Тереке погребения женщин и детей. К сожалению, мои розыски остатков поселения, предпринятые в окружности Саадак-Терека в 1955 г., не увенчались успехом.

Иное положение складывается в XIII—XIV вв., т. е. после монгольского завоевания государства древних хакасов в 1207 г. В монгольском государстве среднеазиатские и уйгурские купцы держали почти всю торговлю в своих руках [16]. Уже ранние источники первой половины XIII в. свидетельствуют о том, что мусульманские купцы проживали в Монголии и занимались не только торговлей, но и ростовщичеством [17]. Г. Рубрук, посетивший монгольскую столицу Каракорум в 1254 г., свидетельствует, что в этом городе был специальный мусульманский квартал с базаром и даже две мечети [18]. Мусульмане жили и в захваченной монголами стране тангутов (Си Ся), где обращали в свою веру некоторых монголов и тоже имели мечети [19, 20]. В период монгольской династии Юань (1260—1368 гг.) выходцы из Средней Азии расселились даже по Северному Китаю. По сообщению известного историка начала XIV в. Рашид-ад-дина, при императоре Хубилае в одном из северокитайских городов большинство жителей составляли самаркандцы, которые «развели по обычаю Самарканда много садов» [19, стр. 176].

Из этих данных видно, что в эпоху монгольской империи мусульманские купцы, главным образом выходцы из Средней Азии, пользовались со стороны монголов покровительством и в благоприятных условиях широко развернули торгово-ростовщические операции не только в собственно Монголии, но и во всех покоренных монголами землях, создавая там свои поселения и фактории.

Именно в это время через Туву проходит новый торговый путь, соединяющий завоеванные монголами территории Алтая и Хакасско-Минусинской котловины с г. Каракорумом на р. Орхон. Об этом первым сообщает китайский мудрец Чан-чунь, побывавший на Орхоне в 1220 г. В своих записках он описывает (под именем Кянь кянь чжоу) территорию Тувы, заселенную китайскими колонистами и находящуюся от Орхона «на северо-запад за 1000 с лишком ли». Затем он указывает: «мука приходит сюда (на Орхон.— *Л. К.*) из-за северных гор, более чем за 2000 ли; торгующие варвары западных стран доставляют ее вьюками на верблюдах» [21].

Свидетельство Чан-чуня показывает, что в начале XIII в., еще при Чингис-хане, среднеазиатские купцы (их китайцы называли «варварами западных стран») скупали муку у хакасов-земледельцев в Хакасско-Минусинской котловине и через Саянский хребет и Туву доставляли ее караванным путем в Центральную Монголию. При таком пути именно на Хемчике нужен был перевалочный пункт, служивший одновременно торговой факторией для местного населения.

С весьма раннего времени главными путями, ведущими из Хакасско-Минусинской котловины в Туву, были караванные пути, сходящиеся в долине Хемчика: 1) зимний путь по льду Енисея; 2) Арбатская тропа (ныне действующая) — от Арбатов на Абакане по рекам Джебашу, Тебе и Тасле на Манчурек и Ак-Суг; 3) тропа вверх по р. Ане (правый приток Абакана) в долину Ак-Суга или же с Аны на оз. Кара-Холь и по реке Алаш на Хемчик [22][9].

Свидетельство китайца Чан-чуня о новом для начала XIII в. торговом пути из Хакасско-Минусинской котловины в Каракорум и даже далее до юаньской столицы Дайду (Пекин) подтверждается арабским географом Ал-Омари для первой половины XIV в., т. е. для периода монгольской династии Юань. В своей книге, ссылаясь на свидетельства купцов-мусульман, Ал-Омари сообщает, что есть земли «Сибирь и Ибирь, потом за ними земля Чулыман (бассейн р. Чулым.— *Л. К.*). Когда путешественник едет от Чулымана на восток, то он приезжает к городу Каракоруму, а далее в землю Хатайскую, в которой (находится) — Великий Кан» [23].

[9] Зимой 1218 г. по льду Енисея прошла сквозь Саяны карательная армия Джочи [19].

По сообщению Рашид ад-дина в конце XIII в. «во времена везирства (уйгура) Санке в столицу каана (императора Хубилая.— *Л.К.*) прибыло несколько купцов мусульман из областей Кури, Бурку и киргизов. Они преподнесли каану белоногого красноклювого кречета и белого орла». Это прямое свидетельство особенно авторитетного автора начала XIV в. о приходе в Дайду по описанному выше пути мусульманских купцов из «области киргизов» (т. е. хакасов) не оставляет сомнений, что они жили на Енисее. Подтверждается это и тем, что одного из них, неоднократно упоминаемого Рашид-ад-дином, звали Омар Киргизи, т. е. Омар «из Киргизии» (из средневековой Хакасии, в которую входила и Тува).

Совершенно такое же сообщение содержится в персидском сочинении начала XV в., известном под названием «Аноним Искандера»: «Во время его везирства (речь идет об уйгуре Санке.— *Л.К.*) к каану прибыла группа купцов-мусульман из областей Кури, Барку и Киргиз» [24].

Указание на прибытие купцов-мусульман из областей Кури и Барку (Прибайкалье и Забайкалье) свидетельствует, что в эпоху Юань и в тех областях имелись торговые фактории среднеазиатских купцов. Это сообщение источников также хорошо подтверждается археологическими раскопками поселения при устье р. Темник, левого притока Селенги, в Бурятии [10].

Все эти факты позволяют установить для XIII—XIV вв. большое значение постоянно действующего торгового пути из Хакасии, с берегов Чулыма и Енисея, через Туву в монгольскую столицу Каракорум на Орхоне, а после того, как в 1264 г. великий хан Хубилай перенес столицу, этот путь удлинился до Дайду (современный Пекин), просуществовав, очевидно, до падения монгольской династии Юань в Китае.

* * *

Приведенные выше данные исторических источников позволяют утверждать, что поселение мусульман в Туве могло существовать только в XIII—XIV вв., в монгольский период [11]. Именно к этому времени относится мусульманское кладбище в Саадак-Тереке, что подтверждают как типы погребальных сооружений, так и формы единственных найденных там предметов — железных гвоздей (рис. 4) [12].

Таким образом, этот могильник указывает и местоположение торговой фактории на Хемчике, которую еще предстоит разыскать. В связи с деятельностью среднеазиатских купцов, которые, судя по сведениям источников XIII—XIV вв., скупали у местного населения Саяно-Алтайского нагорья преимущественно меха ценных пушных зверей и лучших кречетов для распространенной тогда соколиной охоты [13], в Туву попадали некоторые предметы среднеазиатского и даже иранского происхождения. Это в первую очередь монеты, среди которых отметим редкую, найденную на р. Иджим, левом притоке Уса, крупную серебряную монету — медаль гулагидского чекана 1320 г. из города Иезда, подаренную Г. П. Сафьяновым в 1875 г. Минусинскому музею [14].

[10] Раскопки Г. П. Сосновского 1929 г. Материалы не опубликованы и хранятся в Гос. Эрмитаже, № 1357. Определение культурно-исторического характера и даты поселения принадлежит мне.

[11] Позже XIV в. о деятельности мусульманских купцов в Саяно-Алтае нет никаких данных вплоть до XVII в. Но мусульмане на кладбище XVII—XVIII вв. в Томске положены головой на запад и без оградок [25].

[12] Совершенно аналогичные гвозди встречены в Туве только в исследованных нами городах и погребениях монгольского периода XIII—XIV вв.

[13] См. о «дорогих мехах разного рода», вывозимых от «кыргызов» [18] и сообщение «Истории Вассафа» (начала XIV в.) о поднесенных в 1303 г. правившему в Иране Газан-хану «соколах дальнелетных и охотничьих, разных мехах — белок киргизских» и т. п. [23, II].

[14] Ныне хранится в Гос. Эрмитаже. Определение М. Е. Массона [11]. В архиве Минусинского музея (ед. хр. 57) хранится письмо П. Лерха с тождественным определением сделанным раньше М. Е. Массона.

Упомянем также найденные нами в слоях городища Оймак (XIII—XIV вв.) на Улуг-Хеме кости одной особи домашнего осла. Они могли принадлежать только ослу, пришедшему в Туву с юга летом с торговым караваном, так как местные зимние условия это теплолюбивое животное не может выдержать.

Таковы данные, связанные с одним из наиболее северных памятников мусульманского средневековья, позволяющие с большей определенностью оценить широкую торговую деятельность мусульманских купцов в Центральной Азии и Южной Сибири, их посредническую роль в торговле этих стран со Средней Азией, Ираном и Китаем в эпоху древнемонгольского государства.

Литература

1. С. Р. Минцлов. Секретное поручение (Путешествие в Урянхай). Рига, б/г.
2. С. Р. Минцлов. Памятники древности в Урянхайском крае. ЗВОРАО, 23, Птг., 1916.
3. Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г., II. Л., 1928, стр. 264—265; Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г., II. Л., 1930, стр. 14—16.
4. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 616.
5. Г. Ф. Дебец. К палеоантропологии Тувы. КСИЭ, X, 1950, стр. 97.
6. Изв. Уз. ФАН СССР, 1940, 12, стр. 71—72.
7. Тр. ИИАН Кирг. ССР, 1, Фрунзе, 1955, стр. 130 и 136.
8. Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ИОИАЭ при Казанск. ун-те, XII, 2, 1894, стр. 138.
9. М. М. Герасимов. Портрет Тамерлана. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 14—15.
10. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 году». V, 1959, стр. 181—182.
11. Материалы ЮТАКЕ, 1. Ашхабад, 1949, стр. 53 и 59; 43—44; 143, прим. 6.
12. Л. Р. Кызласов. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. ИАН КазССР, 108, вып. 3, Алма-Ата, 1951, стр. 63.
13. В. П. Алексеев. Черепа из мусульманских погребений в Туве. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, VIII, Кызыл, 1960, стр. 220—221.
14. Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ, VIII, Абакан, 1960.
15. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.— Л., 1950, стр. 352 и 355.
16. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 35, 44, 127.
17. Пэн Да-я, Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах. Пробл. востоковедения, 1960, 5, стр. 142—144 и примеч. 130, 142, 143.
18. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 165; 98.
19. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, II. М.— Л., 1960, стр. 208 и т. I, кн. 1, М.— Л., 1952, стр. 151.
20. Материалы по этнографии России, II. Птг., 1914, стр. 83, рис. 5.
21. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, IV. СПб., 1866, стр. 291—339.
22. Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, VIII, стр. 148.
23. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории «Золотой Орды», I, СПб., 1884, стр. 238; II, М.— Л., 1941, стр. 83.
24. «Аноним Искандера». Перевод в архиве ИИ АН КиргССР, № 1693.
25. Уч. зап. ТГПИ, XV, 1956, стр. 309.

И. И. ПЛЕШАНОВА

ПСКОВСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ПОЯСА

Керамические пояса-«летописи» являются своеобразным приемом декоративного убранства барабана храма, существовавшим в псковском зодчестве XVI столетия. «В декоративном отношении Псков в XVI в. развил свои обработки, введя в употребление в венчающих частях барабанов, рядом с обычными поясами из впадинок, пояса из поливных изразцов» [1].

Кроме своего декоративного назначения, керамические пояса, имея запись о постройке храма, в некоторой мере освещают вопрос о заказчиках каменного церковного строительства на территории Псковской земли в середине XVI в. Ленты-надписи интересны также как датированные памятники псковской эпиграфики.

Литература о псковских керамических поясах очень невелика и сводится к кратким упоминаниям о них [2, 3, 4]. Одна из надписей — «летопись» Дмитриевского собора в Гдове была издана П. П. Покрышкиным [5].

В 1494 г. псковские летописи сообщают о постройке церкви Георгия со Взвоза: «В лето 7002. Поставиша церковь каменоу на Оузвози святого Георгиа» [6, II]. Барабан главки Георгиевского со Взвоза храма имеет поясок из зеленых глазурованных гончарных плит (18×38 *см*), вмазанных в стену между аркатурным поясом и тройным пояском из квадратных и треугольных впадин (рис. 1, *1*).

Изображение на плите двухъярусное (рис. 2) [1]. В нижнем ряду расположены четыре витка орнамента, в которых помещены три птицы и два барса. В верхнем ярусе изображены: две человеческие фигурки, между ними бородатый «китоврас», размахивающий палицей или булавой, барс и древо с сидящими на нем птицами. Орнамент и фигурки заполняют всю поверхность плиты. Плиты имеют небольшой прогиб наружу. Рельеф невысокий, поверхность фигур животных проработана штампиком, круглым штампиком сделаны глаза.

Представляет интерес факт изображения кентавра на плите Георгиевской церкви. Тексты «Толковой Палеи», включающие повесть о Соломоне и Китоврасе, дошли до нас в псковских списках XV—XVI вв. [7]. Изображение кентавра на изразце церкви Георгия свидетельствует о том, что в Пскове конца XV в. бытовали литературные образы Палеи, вероятно, претворенные в народных сказаниях, что и нашло отражение в искусстве мастера-гончара. Бескрылый и бородатый, с обнаженной головой, георги-

[1] Прорись изразца выполнена в 1948 г. при обмере церкви Георгия со Взвоза студентами архитектурного факультета Института им. И. Е. Репина — А. Вехвиляйнен, Л. Вишняковой, И. Плешановой, А. Сень.

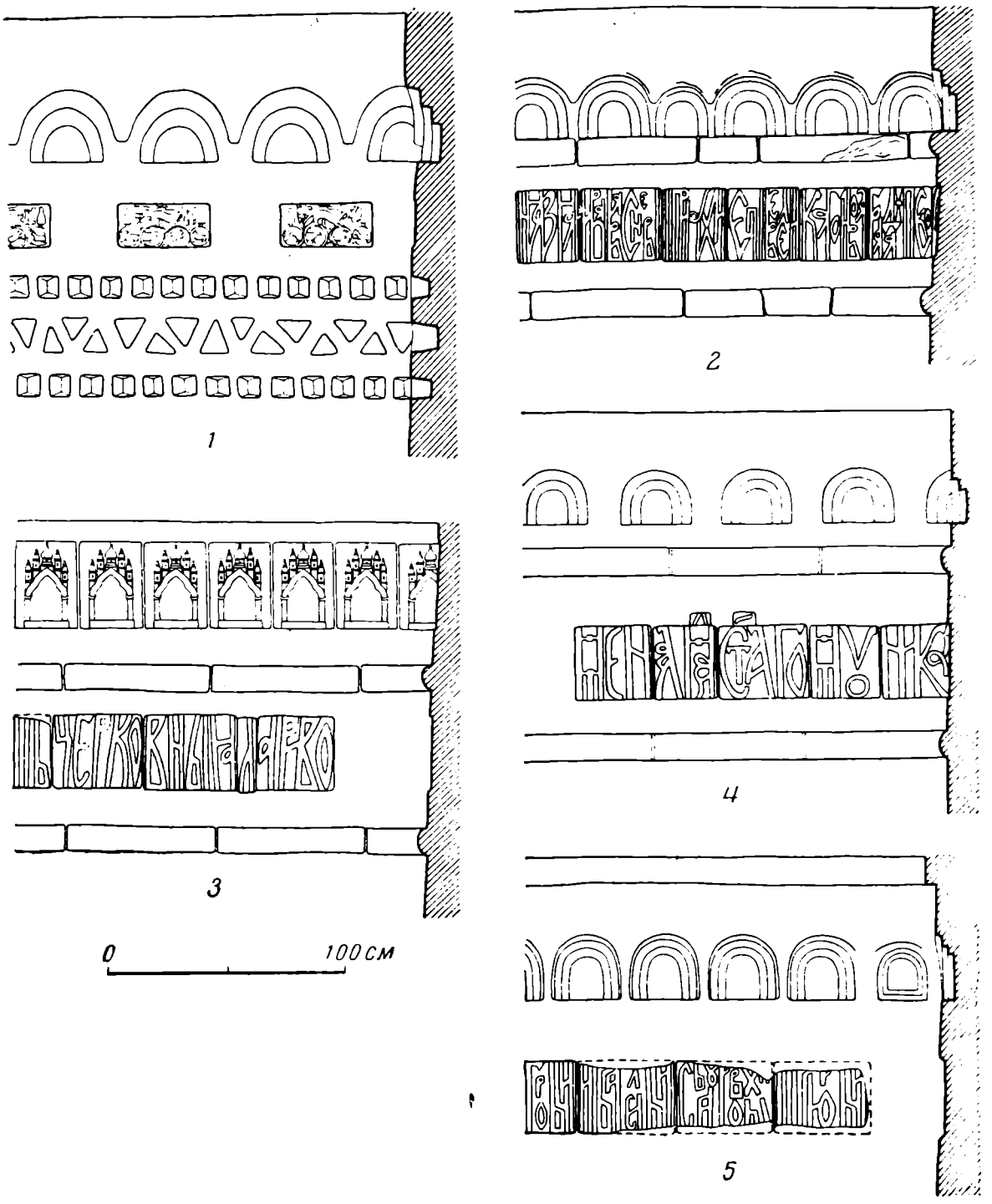


Рис. 1. Пояса псковских церквей

1 — церкви Георгия со Взвоза 1494 г., включающий ленту керамических глазурованных плит; *2* — церкви Благовещения в Псково-Печерском монастыре 1540 г.; *3* — Никольского собора в г. Острове 1543 г.; *4* — Дмитриевского собора в г. Гдове 1540 г.; *5* — Никольской церкви в погосте Виделебье 1551 или 1552 г.

евский кентавр отличается от других древнерусских изображений кентавров, обычно крылатых и увенчанных короной [8].

А. В. Филипповым были изданы находившиеся до войны в Псковском краеведческом музее поливные изразцы, найденные внутри церкви Георгия со Взвоза. На одном из них (обломок) изображены сидящий человек и овца, на другом — всадник. Автор отмечал, что очень архаичные по рисунку и лепке, но с тенденцией к реалистической трактовке, эти плиты, вероятно, современны постройке церкви. При этом он ошибочно полагал, что изразцы находились в пояске барабана церкви [9].

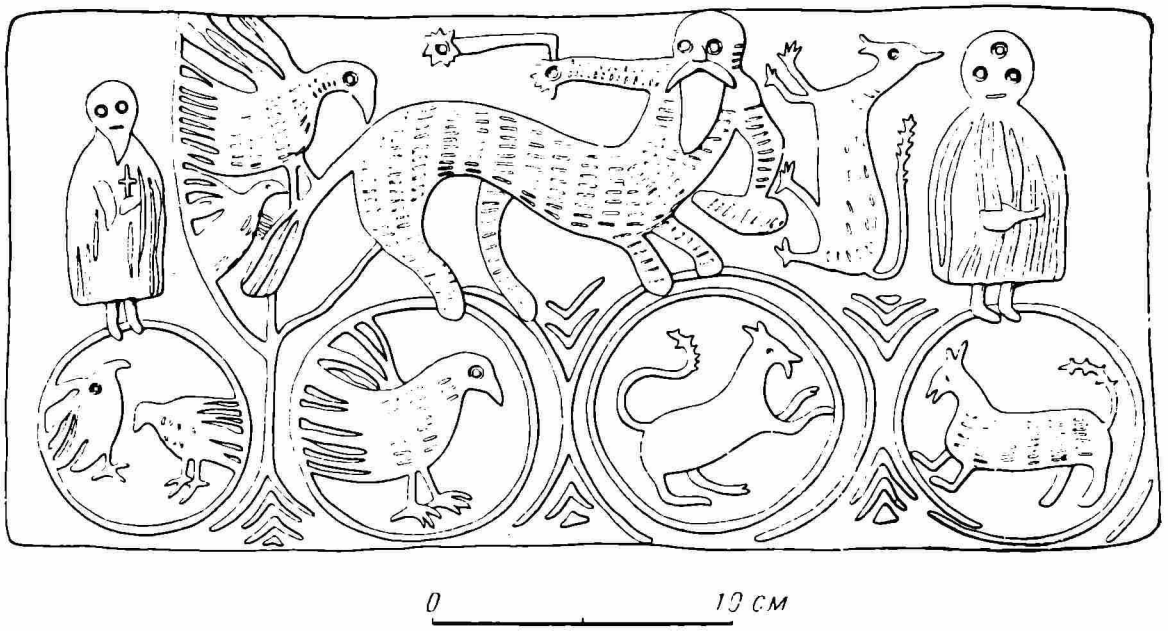


Рис. 2. Плита из пояса Георгиевской со Взвоза церкви

Плита Георгиевского храма была описана А. Березским, который сообщал, что между четырехугольными изразцами имелись и круглые, в его время уже отбитые [10]. Упоминает о круглых изразцах в поясе Георгиевского храма и М. В. Красовский [11], но, очевидно, повторяя А. Березского.

Размещение изразцовой ленты между пояском из впадин и аркатурным поясом свидетельствует об одновременности орнаментального и керамического поясов. В отличие от церкви Георгия, изразцовые пояса XVII в. на церквах Сергия с Залужья и Варлаама Хутынского помещены

Рис. 3. Пояс Благовещенской церкви в Псково-Печерском монастыре

выше аркатурного пояса, в надложенных рядах кладки. Очевидно, изразцовая лента Георгиевского со Взвоза храма представляет собой первый дошедший до нас псковский керамический пояс, сочетающийся с обычным орнаментальным поясом из квадратных и треугольных впадин.

Декоративный пояс барабана церкви Благовещения в Псково-Печерском монастыре целиком состоит из глазурованных керамических деталей и не имеет каменной орнаментации (рис. 3). Летописная запись о постройке этой небольшой трапезной церкви относится к 1540 г.: «В лето

7048... Того же лета свершена быша 4 церкви каменных: ...а четвертая в Печере Благовещение святеи богородицы с трапезою,...» [6, I]. Церковь была освящена 15 октября 1540 г. [12].

Пояс Благовещенской церкви состоит из выполненной на керамических плитах надписи, обрамленной двумя керамическими глазурованными валами, и аркатурного пояска из керамических же кокошников (рис. 1, *2*). Пояс сохранился достаточно хорошо, полностью сохранились плиты надписи. В настоящее время барабан закрашен до такой степени, что Г. Рабинович, обмерявший Благовещенскую церковь в 1953 г., не обнаружил керамического пояса, а предположил, что на месте надписи в древности существовал орнаментальный пояс, выполненный в кладке барабана [13].

Надпись прописана черной краской, но прорезанные на плитах первоначальные контуры букв почти везде хорошо прослеживаются. Текст следующий: «СЪВЕРШЕНА БЫС[Т]Ь Ц(Е)РКОВЬ... БЛ(А)ГОВЕЩЕНИЕ ПР[ЕСВЯ]ТЕИ Б(ОГОРОДИ)ЦЫ ЛЕ[ТА]: 7049 ПРИ ДЕРЖАВЕ Г[ОСУ]Д[А]РЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА В[А]СИ[ЛЬ]ЕВИ[ЧА] ПРИ А[Р]ХИЕПИ[СКОП]Е ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА И ПСКО[ВА] ВЛ[АДЫ]КИ МАКАРИИ ПРИ ИГУМЕ[НЕ] КОРНИ[Л]ЬИ М[И]Л[ОС]ТЫНЕЮ ВСЕ[ХЪ] ПРАВОС[Л]АВ[Н]Ы[ХЪ] ХР[ИС]ТЬЯНЪ» [2].

Таким образом, эта надпись — «летопись» церкви, указывающая год постройки, называющая имена великого князя и архиепископа, при которых произведена постройка, и игумена, очевидно, от лица всей монастырской братии выступавшего инициатором строительства, а также сообщающая, на какие средства выстроено здание. Иван Васильевич назван в надписи великим князем, а не царем, следовательно, надпись выполнена до 1547 г.— года венчания Грозного на царство, т. е. надпись одновременна постройке церкви. Период деятельности псково-печерского игумена Корнилия (с 1529 по 1570 г.) является временем наибольшего расцвета монастыря. При Корнилии пишется летопись [14], создается «Повесть о начале Печерского монастыря», ведется большое строительство.

Благовещенская церковь — один из памятников строительной деятельности Корнилия. Это небольшой двухэтажный храм, фасады которого не сохранили своего первоначального облика. Но в основе храм сохранился и полностью перестроен не был.

Надпись выполнена вязью. Применение вязи было вызвано необходимостью на небольшой ленте барабана поместить пространную надпись. Показатель вязи невелик. По транскрипции надпись сложна: в ней имеются многочисленные лигатуры, вертикальные сочетания букв, сокращения частей букв, подчинения одной буквы другой, соподчинения. Лигатуры, главным образом типа мачта + мачта, есть также совпадения в точке. Мачты букв вертикальны, нижние петли ломаные, но есть и округлое соединение полумачты с мачтой в буквах В, К, Л. Верхние петли небольшие, круглые. Буквы Е, С заострены вверху и внизу. Титла сохранились над словами «церковь», «Благовещение», «Богородицы» и над датой постройки. Они нанесены на небольшие плитки, помещенные между строкой и верхним из валов. Очевидно, надпись имела ряд выносных букв, выполненных на таких же плитках, но они или выпали, или покрыты штукатуркой. В целом строка исполнена умело и красиво, но снизу (с центральной площадки монастыря) она читается с большим трудом.

---

[2] Во всех приводимых текстах надписей титла опущены, вводимые при этом буквы стоят в круглых скобках. Там, где титла и надстрочные буквы утрачены, а также на месте утраченных, но очевидных частей надписей, вводимые буквы помещены в квадратные скобки. «Ять» заменено «е», «и десятиричное» — «и», сделаны разрывы между словами.

Лента надписи составлена из вмазанных в штукатурку барабана керамических плит шириной 30—32 и высотой 29—30 *см*. Плиты хорошо обожжены, имеют оранжево-красную поверхность. Контуры букв прорезаны по сырой глине, их поверхность покрыта темно-зеленой поливой. Кое-где можно обнаружить следы ангоба или кремово-белой глазури, покрывавшей поле между буквами. Таким образом, надпись была рассчитана на то, что зеленые поливные буквы будут читаться на белой поверхности барабана. Плитам придан небольшой прогиб наружу. Сверху и снизу надпись обрамляют керамические валы, составленные из покрытых зеленой глазурью полуцилиндрических деталей длиной 62 и диаметром 12 *см*. Как и плиты надписи, валы имеют прогиб, соответствующий окружности барабана. Непосредственно на верхний из валов опирается поясок глазурованных керамических двухуступчатых плиток-кокошников (30×23 *см*). Кокошники заменяют нишки аркатурного пояса, упрощая кладку, являясь как бы стандартной деталью, и в то же время создают нарядный цветной поясок. Керамические кокошники употреблялись во Пскове в XVI в. и известны на некоторых памятниках этого времени: на Покровской церкви погоста Знахлицы, на церкви Константина и Елены в Пскове[3] и других.

Рис. 4. Керамический пояс Никольского собора в г. Острове

Из дошедших до настоящего времени керамических поясов с надписями-«летописями» пояс Благовещенской церкви является самым ранним и лучше других сохранившимся. Этот редкий и интересный памятник архитектурной керамики и эпиграфики Пскова середины XVI в. нуждается в расчистке и реставрации.

На выстроенной одновременно с ц. Благовещения ц. Петра и Павла в Пскове вся штукатурка была заменена во второй половине XIX в. После снятия этой поздней штукатурки в 1961 г. на барабане главки церкви обнаружились следы керамического пояса и сохранившаяся часть глазурованных кокошников.

В 40-е годы XVI в. выполнен керамический пояс Никольского собора г. Острова — псковского пригорода на р. Великой (рис. 4). Постройка Никольского собора отмечена летописной записью: «В лето 7051 (1543)... Того же лета поставиша церковь святого Николы в Острове городке». Никольская церковь существовала и ранее: в 1502 году немцы «...плениша дом святого Николы...» [6, I].

Убранство барабана храма состоит из керамической ленты-надписи, двух зеленых глазурованных валов и венчающего барабан пояска керамических глазурованных плит (рис. 1, *3*). До наших дней дошли только фрагменты пояса Никольского собора в г. Острове; но и уцелевшие плиты слоятся и разрушаются. Особенно сильно подвержены разрушению валы. Как и на Благовещенской церкви в Печерах, керамический пояс Никольского собора покрывает толстый слой побелки, детали грубо прописаны черной краской. Часть побелки отвалилась, но значительная часть ее

[3] Архив ЛОИА, Дело Археологической комиссии 1910 г., Покровская церковь погоста Знахлицы; ф. 29, д. 160, л. 22, фотоархив, Q722, 1.

продолжает местами перекрывать надпись, закрывает валы и декоративные плиты.

Первое упоминание об изразцовой надписи Никольской церкви относится к 1840 году [15]. Сохранившиеся части надписи были впервые прочитаны и опубликованы Н. А. Пановым [2].

Никольский собор ориентирован алтарной частью в сторону р. Великой, то есть на север. Надпись начинается в юго-восточной части барабана плитой с буквами «сове». Текст следующий: «СОВЕ[РШЕНЪ БЫСТ]Ь ХРАМЪ СВЯТАГО [НИК]ОЛЫ ПРИ ВЕЛИКОМЪ КН[Я]ЗЕ ИВАНЕ ВАСИ[ЛЬ]ЕВИЧЕ... ЦЕРКОВНЫЯ ЛАРИВО... НЬТЕЕВЪ ДА МИХА... ИНЪ КЮРИЛА ГРИГОРЬЕВЪ... Ъ ИВАНЪ СЕС...». Настоящий текст — запись о постройке церкви, указывающая, при каком великом князе произведена постройка и какие лица имели отношение к строительству. Как и на поясе Благовещенской церкви, Иван Васильевич назван только великим князем, а не царем и самодержцем всея Руси, следовательно, и эта надпись выполнена до 1547 г., т. е., как и в предыдущем случае, она одновременна постройке церкви.

Часть надписи, предшествующая слову «церковные», разрушилась, от нее остались только фрагменты последних букв. Вероятнее всего, как было прочитано Н. А. Пановым, речь здесь идет о церковных старостах или о церковных приказчиках. Церковный староста — выборное лицо, на обязанности которого лежало заведывание церковным хозяйством. В XVI в. псковские церкви владели большим количеством земель. Церковные приказчики держали в своих руках земли и угодья, нанимая священников и дьячков, выплачивая им ругу, а также заботясь о состоянии и об украшении храма. Такое положение псковских церковных приказчиков подтверждается не только рядом челобитий и обличениями со стороны духовенства, но также и писцовыми книгами [16, 17]. Владение церковными землями создавало возможность скопления средств в руках приказчиков и позволяло им выступать в качестве заказчиков при строительстве церквей и литье колоколов. Так, в 1546 г. Псковская I-я летопись сообщает о постройке церкви Жен Мироносиц приказчиком Богданом Ковыриным совместно с другими лицами. И при ведении церковного хозяйства, и, вероятно, при организации строительства церковные старосты действовали не от своего имени, а выступали от лица всего прихода. В 1546 г. мастер Михайло Андреев сын лил колокол для церкви Козьмы и Демьяна с Примостья «повелениемъ рабъ божьих старос[тъ]... Василия Яковлева с(ы)на рыбника чюхна да Киприяна Нефедева сына иконного мастера и всех сусед Кузмодемьянского прихода...» [18]. Надписи на этом и других псковских колоколах называют старост церковных — торговцев, ремесленников, некоторых, вероятно «бо́льших», представителей прихода, а также и «всех сусед». Следовательно, отлиты названные колокола по коллективному заказу всего прихода и на средства прихода.

В надписи на барабане Никольской церкви в Острове перечислены «Лариво[нъ Лево]ньтеевъ да Миха[йла Кузм]инъ Кюрила Григорьевъ [сы]нъ Иван Сес...», то есть названы церковные старосты и представители прихода, способствовавшие строительству.

Почерк надписи можно охарактеризовать как полуустав с небольшим количеством лигатур. Лигатуры простые, мачтовые, например, «Миха[йла]» — ми; «[Кузм]инъ» — ин. Часть надписи («при великом князе Иване Васильевиче») выполнена с вертикальными сочетаниями, как бы в две строки. Для равномерного заполнения строки мастер использует наклон мачты. Вероятно, титла и выносные буквы были выполнены на отдельных плитках, до настоящего времени не сохранившихся.

Лента надписи составлена из плит, имеющих высоту 30, ширину 37 и толщину около 3 *см*. Поверхность плит красно-оранжевая, в изломе они темно-серые. Техника нанесения надписи такая же, как и на церкви

Благовещения в Печорах. Надпись обрамлена керамическими глазурованными валами. Длина отдельной детали — 62, диаметр — 12, толщина стенок 2,5-3 *см*. Валы имеют небольшой прогиб наружу.

Над верхним из валов расположен поясок декоративных плит, венчающий барабан и заменяющий аркатурный пояс. Плиты (36×25 и толщиной около 3 *см*) вмазаны вплотную друг к другу, образуя непрерывную ленту. В настоящее время сохранились лишь небольшие участки этой ленты, как и остальные части пояса, забеленные и прописанные черной краской

Плиты отформованы в двух разных формах. Плита первого типа (рис. 5) находилась в собрании Музея Псковского археологического общества и была издана А. В. Филипповым, который вслед за К. К. Романовым считал ее надгробием. (Один экземпляр плиты находится в собрании Отдела древнерусского искусства ГРМ.) Центральную ее часть занимает выполненное высоким рельефом изображение храма с луковичной главкой и четырьмя шатровыми башенками. Весь фон заполнен орнаментом. В «травные» витки с дубовыми листьями и желудями помещены фигурки животных и птиц. Среди них есть совершенно реальные петух, кабан, соколы, сидящие на главках башенок, а также драконы, грифоны и другие чудовища. В правом верхнем углу помещено изображение двуглавого орла — герб Московского государства, слева ему соответствует фигурка трехголового крылатого зверя. Плита отличается умелостью рисунка как центральной части композиции, так и орнамента, особенно — фигурок животных и птиц, при очень небольших размерах этих изображений.

Орнамент керамической плиты близок орнаментам, покрывавшим псковские колокола XVI — нач. XVII в. Для колоколов характерны многочисленные изображения зверей, птиц, иногда и людей. Эти фигурки, будучи введены в строку надписи, членят ее на отдельные слова, входят в пышные растительные орнаменты, часто же заключены в завитки, подобные завиткам керамической плиты [19].

В Пскове и на территории псковской земли в XVI—XVII вв. были в употреблении керамические, покрытые зеленой поливой, надгробные плиты, так называемые «керамиды» [9]. Плита с барабана собора в г. Острове является оттиском центральной части формы керамиды. Очевидно, плита специально предназначалась для декоративного использования, т. к. не имеет обычного для надгробия изображения голгофского креста. В пещерах Псково-Печерского монастыря имеется большое количество надгробий, являющихся оттиском той же формы, что и плита первого типа с барабана Никольского собора. Эти надгробия датированы концом 50-х — началом 80-х годов XVI в.

Орнамент второй плиты более скромен, хотя композиция с главкой и башенками над килевидной арочкой полностью повторяется (рис. 6). Повторяются и размеры, характер изображения деталей центральной части композиции. Плиту обрамляют справа и слева полосы геометрического орнамента. На свободном поле плиты, над главками башенок имеется вырезанная на форме и, следовательно, на плите обратная, подпись мастеров[4]. Справа — «Тимоха печникъ», слева — «плотникъ сей оброжець резалъ Давыдъ». Таким образом, плита была выполнена двумя мастерами — плотником Давыдом, вырезавшим «оброжец», и печником Тимохой, который, вероятно, обжигал и покрывал плиту глазурью.

Почерк подписи — полуустав, простой, с пропорциональными частями букв, отличается правильностью, а вся подпись — грамотностью. Как и в первом случае, настоящая плита является оттиском центральной части

---

[4] Подпись мастеров на плитах собора в Острове обнаружена Ю. П. Спегальским и передана автору настоящей статьи.

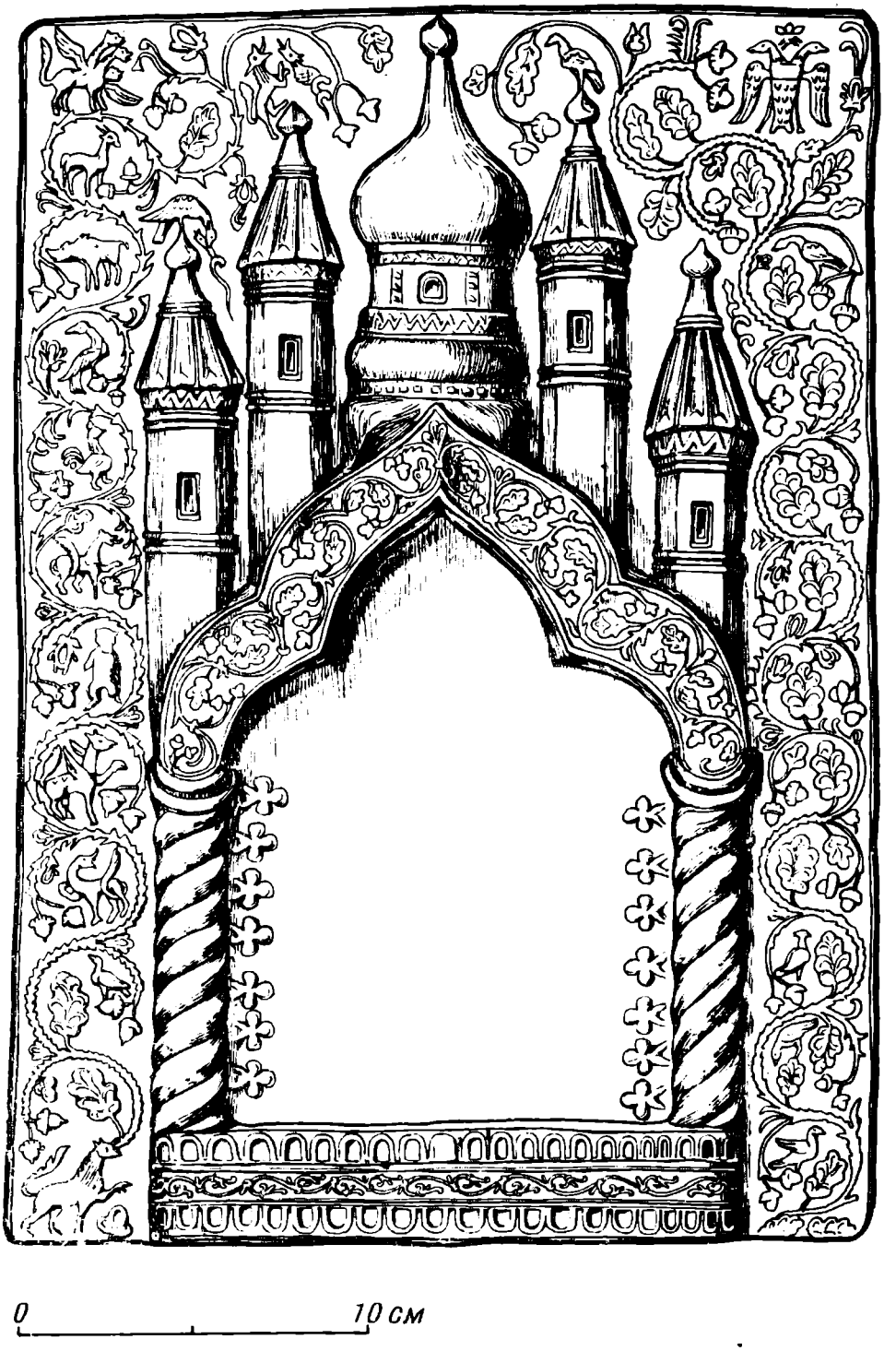


Рис. 5. Плита из пояса Никольского собора в г. Острове

формы керамиды, но среди сохранившихся плит Псково-Печерского монастыря есть только одно надгробие 1560 г., выполненное по этой форме [5].

Обе декоративные плиты пояса собора в г. Острове выполнены из красной глины и имеют одинаковые размеры. Поверхность в пролете килевидной арки как на той, так и на другой плите глазурью не покрыта (вероятно, она была покрыта ангобом). Названные надписью на форме

[5] Надгробие убитому псковскому городовому помещику Григорию Ширяеву сыну Ододурову (Дудорову). Текст надгробной надписи интересен сведениями об одном из сражений Ливонской войны. В третьей Псковской летописи, писанной в Печерском монастыре, имеется описание этой битвы, совпадающее с текстом надписи на керамиде.

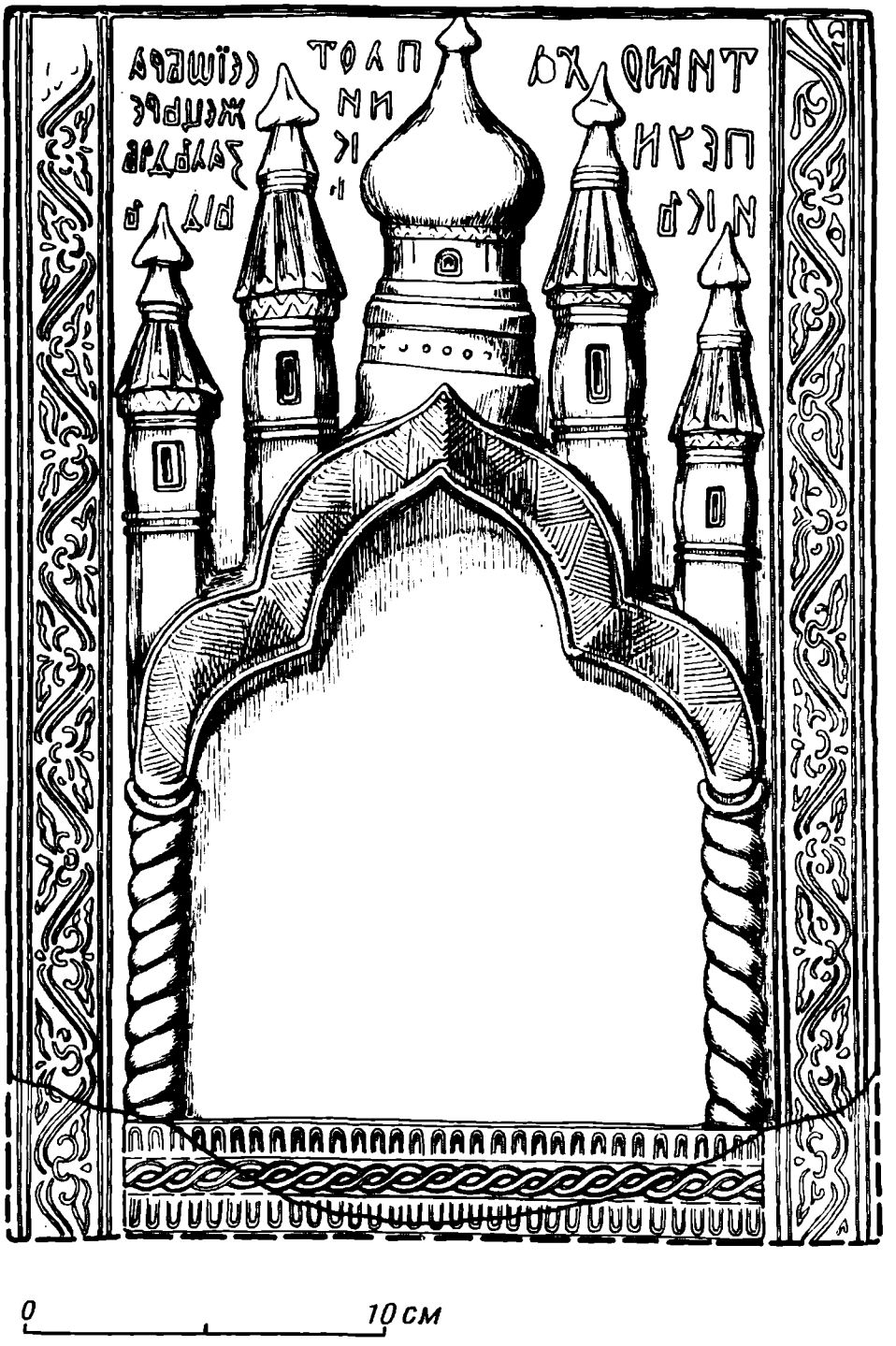


Рис. 6. Плита из пояса Никольского собора в г. Острове

мастера, очевидно, являются создателями всего керамического пояса Никольского собора в Острове, так как мало вероятно, что заказ мог выполняться не одной мастерской.

Никольский собор, построенный в 1543 г., относится к числу типичных псковских храмов и отличается от более ранних и одновременных памятников только керамическим убранством барабана.

В период Отечественной войны был разрушен один из лучших псковских памятников XVI столетия — Дмитриевский собор в Гдове, также имевший керамический пояс. Этот собор был обмерен М. В. Красовским и издан П. П. Покрышкиным. На основании поздней надписи под находившейся в Гдове иконой Троицы, П. П. Покрышкин датировал собор 1540 г. Надпись сообщала также о том, что собор был выстроен на земские сборы.

Пояс Дмитриевского собора состоял из керамической «летописи» с зелеными поливными буквами, обрамляющих ее глазурованных валов и включенных в аркатурный пояс зеленых же нишек-кокошников (рис. 1, *4*).

В связи с исследованием собора была выполнена копия надписи, прочитанная И. А. Шляпкиным. Текст следующий: «[П]ОСТАВЛЕНА БЫ[СТЬ] Ц[Е]РКО(ВЬ) СИЯ [КА]МЕНАЯ С(ВЯ)ТАГО МУ[ЧЕ]НИКА ДМИТРЕЯ ПРИ... КН[Я]З[Е]... И ИВАНОВ И ПРИ СТАРОСТА[ХЪ] ПЯНТЕЛЕИ СИФОНОВЕ СЫНЕ ЛЕБЬЗЕ И ПРИ ГРИ... И СУСЕ К С[ВЯ]ТОМУ ДМИТРЕЮ И ПРИХОДЯЩИ СОСЕ(ДЪ). К С(ВЯ)ТОМУ ДМИТРЕЮ». В примечании к надписи И. А. Шляпкин писал: «Надпись выщербилась и, может быть, отдельные части ее неверно были изображены на изразцах. Подозрительны чтения «Пянтелеи» вм. «Пантелеи», «Сифонове» вм. «Сафонове». Может быть и *«лебьзе»* вышло из *лебедеве* или *лебеде»* [5].

В гдовской надписи, как и на Никольском соборе в Острове, названы, вероятно, церковные старосты. Имя одного из них написано полностью — «Пантелеи Сифонове сыне Лебьзе». Очевидно, фамилия или прозвище этого старосты сохранилось до 80-х годов XVI столетия в названиях земельных участков Гдовского уезда. Псковские писцовые книги неоднократно упоминают «Лебзину пожню» (покос) [17]. Этот староста, владевший покосами близ Гдова, мог быть представителем гдовского посада. Интересна последняя двухстрочная плита надписи: «и приходящи сосе(д) к с(вя)тому Дмитрею». Плита прямо называет наряду со старостами, при которых была построена церковь, соседей, приходящих в данную церковь, т. е. население прихода.

По соотношениям высоты и ширины букв, почерк надписи Гдовского собора сходен с почерком надписи собора в Острове. Имеются вертикальные сочетания. Отличается надпись Дмитриевского собора большей сложностью, декоративностью и разнообразием букв. Буква«С» в надписи Дмитриевского собора написана без извивов, округло. Более округло написаны и части других букв, например, петли «В» и «Р». Мастер гдовской надписи чаще применяет лигатуру и подчинение одной буквы другой, в результате чего строка более орнаментальна. Титла и выносные буквы были выполнены отдельно на небольших плитках, ко времени обмера собора сохранилась только часть их.

Размеры плит и валов гдовского собора, судя по крокам обмеров и изданным чертежам[6], совпадают с размерами керамических деталей Никольского собора в г. Острове. Венчал барабан Дмитриевского собора аркатурный пояс с керамическими кокошниками, покрытыми зеленой поливой.

В 1925 г. Разрядом русского зодчества ГАИМК была обмерена Никольская церковь погоста Виделебье на р. Черёхе, сохранившая остатки еще одного керамического пояса. Тогда же была зарисована надпись на изразцовой ленте барабана церкви[7]. Копия надписи сделана, очевидно, снизу, т. к. не разделена на отдельные плиты, а дана сплошным текстом и не всегда передает графические особенности надписи.

Никольская церковь в Виделебьи сохранилась до настоящего времени (рис. 7). Изразцовое убранство ее главки состоит из ленты с надписью и аркатурного пояска с зелеными поливными кокошниками (рис. 1, *4*). Как и предыдущие пояса, пояс Никольской церкви сохранился не полностью, нет начала надписи и, вероятно, нет ее конца (разрыв по барабану равен 4 *м*, т. е., если надпись представляла собой замкнутый круг, недостает значительной ее части). Средняя часть текста нечитаема, так как плиты переставлены. Верхние и нижние края плит заштукатурены и забелены. Текст надписи следующий: «[НИ]КОЛЫ · В ВИДЕЛЕБЬИ · ПРИ ВЕЛ[И]КОМ · Ц[А]РИ · Г[ОСУ]Д[А]РИ КНЯЗИ · ВИЧИИ · ВСА

[6] Архив ЛО ИА, ф. 21, д. 74, л. 4.
[7] Архив ЛО ИА, ф. 29, д. 134, л. 6; д. 263, л. 18 и 1.

СИЛЬЕ ИВ[А]НЕ·ВЕЯ РО[У]СИ·ПРИ АРХИЕПИСКУПЕ·СЕРАПИОНЕ·ПРИ СТАРОСТАХЪ·КИРИЛЕ·И КОНОНЕ·ПРИ БОЯРЕХЪ·ТИМОКОВ[Е] СЕМЕНЕ И ГРИГОРЬИ И ВАСИЛЬИ САБУРОВЫХ[Ъ] И ПРИ ЮРЬИ...» При перестановке четырех плит в средней части получается следующее: «ИВ[А]НЕ ВАСИЛЬЕВИЧИ И ВСЕЯ РО[У]СИ».

На основании прочитанной части надписи К. К. Романовым было проведено исследование по определению даты постройки церкви. Установив годы пребывания на архиепископской кафедре Серапионов первого и второго и предположив, что названные надписью Семен, Василий, Григорий и Юрий все являются представителями рода Сабуровых, К. К. Романов пришел к выводу, что данная группа имен могла существовать как при первом Серапионе, так и при втором. На основании архитектурного анализа памятника К. К. Романов датировал его 50-ми годами XVI столетия [8].

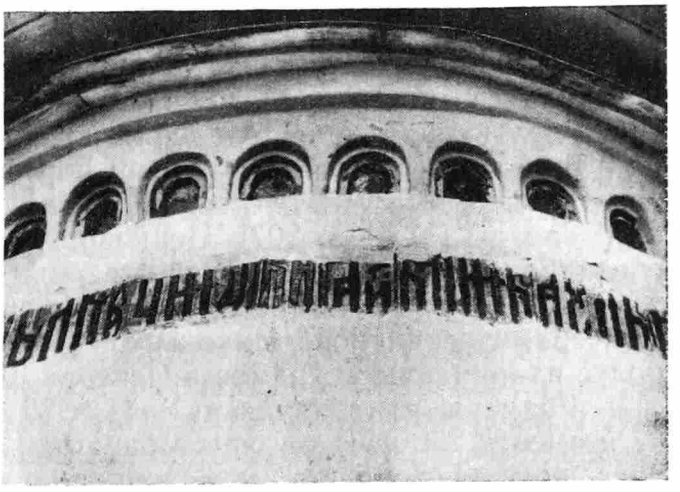


Рис. 7. Керамический пояс барабана Никольской церкви в Виделебьи

Псковские летописи сообщают о двух новгородских архиепископах, носивших имя Серапиона. Серапион первый был архиепископом с 1506 по 1509 г., т. е. в последний период псковской независимости. В Псковской третьей летописи отмечено пребывание в Новгороде второго архиепископа Серапиона: «Лета 7059-го (1551). Маия государь, царь, князь великий Иванъ Васильевич свел с Новагорода архиепископа Феодосия; да того же лета поставил на Великий Новъгород архиепископом сергеевского игумена Серапиона». «В лето 7061-го (1552)... Тоя же осени преставися архиепископъ Серапион; и поставлен бысть Пимин архиепископъ Новуграду, ноября». Надпись Никольского храма в Виделебьи сообщает о том, что построен храм при царе, государе, великом князе всея Руси Иване Васильевиче, т. е. надпись была выполнена после 1547 года — при втором архиепископе Серапионе в 1551—1552 годах. Церковь выстроена при старостах Кирилле и Кононе. Далее в надписи следует: «при боярех Тимоков[е] Семене». Тимоков Семен, очевидно, фамилия и имя одного лица. В родословных книгах такой фамилии нет [20], может быть, она искажена или должна была стоять на другом месте. Следующая часть — «и Григорьи и Васильи Сабуровых и при Юрьи». Имена Григория и Василия Сабуровых сохранились в Бархатной книге: «А у Юрьи Вислоухова дети: Степан бездетен, да Григорей, да Василей, да Богдан, на поместье во Пскове» [21].

Тысячная книга 1550 года также называет имена Григория и Василия Сабуровых. Среди псковских дворовых помещиков II статьи Мелетовской засады должны были получить подмосковные поместья «Григорей, да Василей, да Богдан Юрьевы дети Вислоухова Сабурова» [22]. Ко времени составления Тысячной книги Юрия Вислоухова Сабурова или не было в живых или он был стар и не служил, т. к. его нет в числе «лутчих слуг». Очевидно, последние слова надписи «и при Юрьи» относятся не к Юрию Вислоухову, и помещено это имя не по старшинству.

[8] Архив ЛО ИА, ф. 29, д. 263 и 264.

Надпись на барабане называет Сабуровых «боярами». В действительности, в 1550-х годах все братья Сабуровы — дети боярские. Отсутствующий в сохранившейся части надписи младший из трех братьев — Богдан Юрьевич Сабуров — получил боярство в 1571 году, в связи с выходом замуж его дочери Домны — Евдокии Богдановны за царевича Ивана [23].

В Мелетовскую засаду входило 6 губ, в том числе и Виделебская. Н. С. Суворов, рассматривавший вопросы псковского церковного землевладения в основном на материале писцовых книг XVI века, пришел к выводу, что деление засад на губы по существу является делением на приходы, причем погостская церковь данной губы всегда имела известное количество земли в этой губе [16]. Действительно, писцовые книги среди других земельных владений погостской церкви Николы Чудотворца в Виделебьи называют пустоши Гору и Фофаново в Виделебской губе Деманицкой засады и пустошь Камесницу в Виделебской губе Мелетовской засады [17, 173, 207]. Церковь Николая Чудотворца в Виделебьи очевидно, являлась приходской церковью Виделебской губы Деманицкой засады и Виделебской губы Мелетовской засады.

Керамический пояс Никольской церкви в Виделебьи отличается от более ранних поясов храмов в Печерах, Острове и Гдове отсутствием валов. Размеры плит надписи 39-41 × 30 *см*. Кокошники имеют ширину 27 и высоту 25 *см*. В той части барабана, где лента надписи не сохранилась, аркатурный пояс имеет нишки-кокошники с основанием 20 и высотой 22 *см*. Эти плиты меньших размеров не одновременны постройке храма, а появились на барабане в результате попытки восстановить утраченную часть пояса. Плиты надписи и кокошники выполнены из красной глины, хорошо обожжены и прекрасно сохранились. Техника выполнения надписи та же, что и на предыдущих керамических поясах.

Выполнена надпись вязью со значительным количеством мачтовых лигатур. Мачты и полумачты строго вертикальны. Местами отчетливо видны прочерченные вертикали, по которым прорисована вся буква. Рисунок букв — прямоугольный, с широкими мачтами. Извивы и украшения отсутствуют. Нижние петли букв ломаные, верхние — очень маленькие и круглы. Буквы Л, Б, Т имеют большие «навесы» и «крыши». В сохранившейся части надписи имеется несколько случаев ложного дробления мачтовых лигатур, т. е. расположения сокращенной мачты и полумачты в вертикальный ряд. Несмотря на прямоугольность и сухость рисунка отдельных букв, строка красива и орнаментальна, т. к. мастер употребляет большие и малые буквы, широкие и узкие, умело располагая их на поверхности плиты.

«Строительство каменных церквей вне Пскова идет иногда за общественный счет, что подтверждается летописями, например, по отношению к Новой Уситве (1481).

Только в XVI в., по присоединении псковской территории к Москве и переселении из Средней России новых хозяев с их иными тенденциями в хозяйственной жизни, мы наблюдаем на Псковской земле, с одной стороны, постройки частных заказчиков вне города (например, Виделебье, построенное около 1551 г. выходцами из Средней России помещиками Сабуровыми), а с другой стороны, развитие крупного каменного монастырского строительства — больших монастырей-вотчинников (Печерского, Спасо-Елизарова, Крыпецкого, Святогорского и др.)» [3].

Однако надпись на барабане Никольской погостской церкви в Виделебьи хотя и называет Сабуровых, но не дает оснований утверждать, что именно они являются создателями храма. В надписи не сказано, что храм строился повелением Сабуровых, а они перечислены среди лиц, при которых строился храм, т. е. Сабуровы могли быть перечислены среди других представителей прихода — помещиков Виделебской губы Мелетовской и Деманицкой засад. Вероятнее всего, названные храмы

(за исключением Благовещенской церкви в Печерском монастыре) строились населением приходов, т. е. они являются образцами продолжающегося псковского коллективного строительства.

В 1701 г. по приказанию Петра I были засыпаны и превращены в укрепления несколько церквей вдоль по берегу реки Псковы в центральной части Пскова. В 1899 г. при производстве земляных работ на берегу Псковы были обнаружены развалины церкви [24], определенные Ф. А. Ушаковым как остатки храма Рождества со Кстовы [25]. Церкви Рождества со Кстовы и Богоявления со Кстовы были разрушены одновременно при пожаре 1710 г. взрывом пороховой казны [18]. Они находились внутри стен Среднего города, как это видно по писцовым книгам [17]. Неизвестный храм помещался вне стен Среднего города, в той части Окольного города, которая называлась Бродами. Броды неоднократно упоминаются в летописях и писцовых книгах. В 1533 г. летописи сообщают о постройке монастырской церкви Пятницы в Бродах. Еще ранее, в 1444 г. в Бродах строится церковь Богоявления. «В лето 6952... Того лета поставиша две церкви на Завеличьи,. церковь Оуспениа святыа богородица, а дроугую церковь святое Богоявление против мелниць в Бродех» (Третья Псковская летопись) [6, II]. Или в Псковской первой летописи: «В лето 6952... Того же лета совершена бысть ина церковь въ Бродах святое Богоявление господа нашего Исуса христа, и освящена бысть месяца ноября в 1 день,...» [6, I].

На плане псковской крепости 1740 г. церкви по берегу Псковы изображены входящими в систему земляных укреплений и названы батареями. В частности, на месте интересующего нас памятника изображена трехабсидная засыпанная церковь, названная Богоявленской батареей. Следующая за ней вверх по течению Псковы — Пятницкая батарея и т. д. Внутри стен Среднего города показано также место, где находилась взорвавшаяся в 1710 г. Богоявленская церковь со Кстовы. Таким образом, обнаруженные в 1899 г. развалины церкви на углу Кожевенной и Казанской улиц являются остатками церкви Богоявления в Бродах, постройка которой, может быть, относится к 1444 г.

При раскопках церкви были найдены обломки гончарных плит с зелеными поливными буквами еще от одного керамического пояса. Часть этих находок хранилась до войны в Псковском краеведческом музее и была утрачена в период оккупации (в архиве К. К. Романова сохранились рисунки этих фрагментов [9] — рис. 8, *1*, *2*). Несколько небольших фрагментов плит в настоящее время находится в фонде Музея этнографии народов СССР (рис. 8, *3*). Размеры плиты, находившейся в Псковском музее, по сохранившейся стороне — 25, неполная высота — 36 *см*. На плите верхние части трех букв — С, Е и Я. Другой обломок из Псковского музея — верхняя часть плиты с четырьмя буквами. Техника нанесения надписи на гончарные плиты такая же, как и на предыдущих керамических поясах, поле хранит следы побелки. Поверхность плит красно-оранжевая, излом — темно-серый. Толщина плиты 3 *см*. На оборотной стороне одного обломка имеются следы сбитого выступа, очевидно, служившего для укрепления плиты в кладке барабана. Вероятно, плиты всех керамических поясов были укреплены при помощи зажатых в кладке отростков, т. к. ни на одном из поясов не было обнаружено гвоздевое крепление.

Сохранившиеся обломки пояса Богоявленской церкви свидетельствуют о том, что надпись была выполнена вязью. Рисунок букв близок надписи церкви в Виделебьи. Сходны качество обжига, сохранность и, вероятно, размеры плит этих двух церквей. В поясе Богоявленской церкви плиты поставлены вертикально, т. е. эта лента надписи была шире.

---

[9] Архив ЛО ИА, Р—1, д. 578, лл. 31—34.

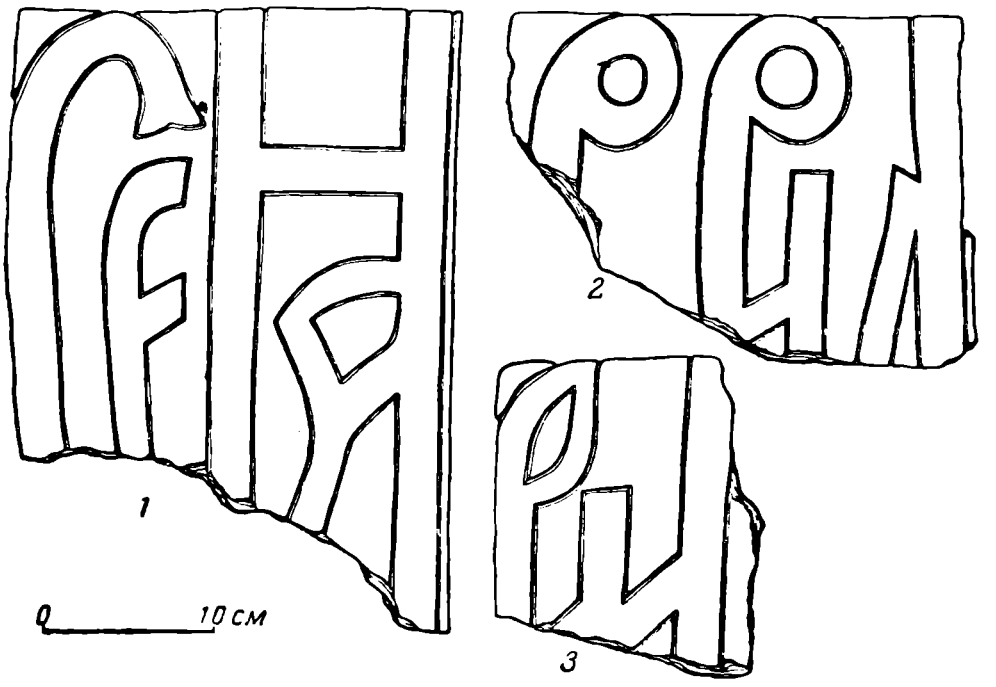


Рис. 8. Прориси обломков плит керамической надписи церкви Богоявления в Бродах

1, 2 — обломки керамических плит, находившиеся в Псковском музее; *3* — обломок плиты из собрания Музея этнографии народов СССР

Остатки керамического убранства церкви Богоявления в Бродах дают основание предположить, что выполнено оно в середине XVI в. Необходимость перестройки церкви или постройка ее заново могла быть результатом одного из пожаров Окольного города.

Церковь Богоявления стояла на территории Бродского ста в Петровском конце [17] — участке города, густо населенного ремесленниками — кожевниками и торговцами кожевенными изделиями. Соседняя церковь Пятницы была монастырской, Богоявленская же церковь могла быть приходской для этой части Окольного города.

Очевидно, в древности керамических поясов-«летописей» было значительно больше, т. к. многие памятники 40—50-х годов XVI в. не сохранили своих первоначальных перекрытий и барабанов. По-видимому, по мере проведения реставрационных работ в Пскове и на территории Псковской области будут обнаруживаться остатки керамических поясов и на сохранившихся памятниках этого времени.

В XVII столетии в Пскове поливные изразцы продолжают применяться для декорирования церковных барабанов.

Барабан Единоверческой церкви Николы орнаментирован пояском, состоящим из ленты керамических нишек-кокошников, обрамленной двумя полочками. Полочки выполнены из зеленого глазурованного кирпича. Убранство барабана сочеталось с зеленой поливной черепицей на главке церкви [26].

В результате ремонтов и перестроек в конце XVII в. на более ранних памятниках появляются ленты многоцветных печных изразцов. Таковы пояса церквей Сергия с Залужья, Михаила архангела, Варлаама Хутынского и другие. Главки некоторых из них (Сергия с Залужья, Михаила архангела) покрываются глазурованной черепицей. Вероятно, и в XVI в. главки церквей, имеющих керамические пояса, были покрыты черепицей с зеленой поливой.

Керамические ленты-надписи известны не только на псковских памятниках зодчества. В 1683 г. гончаром Петром Андреевым на соборе Василия Блаженного на 560 плитах с гвоздевым креплением была поставлена «летопись» о сооружении храма [27]. Сохранилась и изразцовая «летопись», идущая по фризу церкви Рождества в Ярославле, построен-

ной в 1644 г. на средства купцов Назаровых. Надпись цветная, с выпуклыми буквами [28].

Но близок по времени псковским только керамический пояс Борисоглебского собора в Старице, разобранного в 1803 году [29, 30, 31]. Эта изразчатая лента упоминается в писцовой книге города Старицы 1686 г. В 1765 г. на запрос Тверской Духовной Консистории о Старицком соборе была представлена следующая опись: «Внутри г. Старицы соборная церковь кирпичная, о пяти шатрах, на ней три главы и крышка деревянная... А по имеющейся во округ оных шатров надписи значит: начата оная церковь строиться от сотворения мира 7066 (1558) года, а совершена 7069 (1561) году, а кем построена, о том неизвестно, потому что оная надпись за древностью вывалилась и только одна оная летопись с полуденной стороны видна...» [31]. Неизвестно как была выполнена старицкая надпись, но, вероятно, она отличалась от псковских керамических поясов, т. к. была связана с шатровым храмом и сочеталась не с керамическими архитектурно-декоративными деталями, а с крупными рельефными изображениями Распятия и Нерукотворного Спаса. Рельефы были выполнены из светлой глины и покрыты прозрачными глазурями [31, 32].

В конце XV в. в московском зодчестве широко применялись облицовочные терракотовые рельефные плиты крупного размера. Эти плиты образовывали непрерывную орнаментальную ленту и чередовались с полосами кирпичной узорной кладки, образуя пояса на фасадах зданий, заполняя тимпаны закомар и поверхность щипцов [9, 33, 34]. На некоторых памятниках (Духовской церкви Троице-Сергиева монастыря, Рождественском соборе Ферапонтова монастыря, Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря) орнаментальные пояски, включающие терракотовые ленты, украшают верхние части барабанов. Покрытые побелкой терракоты имитировали белокаменную резьбу и существенно отличались от псковских поливных поясов-надписей XVI столетия. Отличны от псковских и поливные, снабженные румпой, фигурные вставки-инкрустации храма Василия Блаженного 1555—1556 гг.

Наличие изразцового пояска на барабане Георгиевской со Взвоза церкви свидетельствует о том, что еще в конце XV века, т. е. одновременно с московскими терракотами, в Пскове производились поливные рельефные плиты.

Особенно высокого развития гончарство достигает в середине XVI столетия, когда создаются керамические ленты-надписи, архитектурные керамические детали и, наконец, многочисленные керамиды.

Псковские пояса — самые ранние из известных керамических «летописей». Они связаны с типичными псковскими архитектурными памятниками, на которых заменяют орнаментальные пояса барабанов. Возникновение этого вида декоративного убранства храма через тридцать лет после присоединения Пскова к Москве свидетельствует о том, что псковская строительная традиция не только сохранилась, но и продолжала развиваться.

Литература

1. К. К. Романов. Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях. ИГАИМК, IV, Л., 1925, стр. 234.
2. Н. А. Панов. Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии. Остров, 1913, стр. 51—52.
3. К. К. Романов. Мелётово, как источник истории Псковской земли. ПИДО, М.—Л., 1934, № 9—10, стр. 156.
4. Ю. П. Спегальский. Памятники зодчества в Пскове. Сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.—Л., 1948, стр. 158.
5. П. П. Покрышкин. Церкви псковского типа XV—XVI стол. по восточному побережью Чудского озера и на р. Нарове. ИАК, 22, 1907, стр. 15—16, табл. I.
6. Псковские летописи: I, М.—Л., 1941; II, М., 1955.
7. А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв., Л., 1945, стр. 199.

8. А. П. Окладников. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. СА, XIII, 1950, стр. 139—172.
9. А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. I, М., 1938, стр. 25, рис. 10, 11, аннотации к рис. на стр. 56—57; стр. 18.
10. А. Березский. Историко-археологический очерк Псковоградского со Взвоза храма. Псков, 1887, стр. 14—15.
11. М. В. Красовский. Псков, Георгиевский со Взвоза храм. «Зодчий», СПб., 1905, № 46, стр. 491.
12. Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Остров, 1893, стр. 92.
13. Г. Рабинович. Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря. «Архитектурное наследство», 6, М., 1956, стр. 69.
14. А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания, ИЗ, 18, 1946, стр. 258.
15. Фитингоф. О древностях в г. Острове. «Псковские губернские ведомости», 1840, № 28, прибавление, стр. 176.
16. Н. С. Суворов. Псковское церковное землевладение в XVI—XVII вв. ЖМНП, СПб., 1905, декабрь, стр. 226—229; 249—252; 225.
17. МАМЮ, V, М., 1913, стр. 5, 7, 47; 227—234; 173—207; 15, 183; 20—21.
18. И. И. Васильев. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей СПб., 1898, стр. 61.
19. А. Н. Семенов. Новгородские и псковские литейщики XVI—XVII вв. Сборник новгородского общества любителей древности, IX, Новгород, 1928, стр. 52.
20. Л. М. Савёлов. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Острогожск, 1898.
21. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе 1) Родословную книгу, собранную и сочиненную в разряде при царе Феодоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной книги; 2) Роспись алфавитную тем фамилиям, от которых родословные росписи в Разряд поданы... Изд. Новикова, 1787, ч. I, стр. 241.
22. А. А. Зимин. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, стр. 99.
23. Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1841—1843, IX, стр. 184, прим. 354.
24. Археологическая хроника. АИЗ, М., 1899, № 6—7, стр. 205.
25. Путеводитель по музею псковского археологического общества. Псков, 1908, стр. 58—59.
26. А. Дмитриев. Некоторые древности Пскова. «Зодчий», СПб., 1897, 5, стр. 36
27. А. В. Филиппов, С. В. Филиппова, Ф. Г. Брик. Архитектурная терракота. М., 1941, стр. 162.
28 П. И. Козлов, А. И. Суслов, С. С. Чураков. Ярославль (путеводитель), Ярославль, 1956, стр. 102.
29. А. Мартынов. Собор в Старице. «Русская Старина», 1853, тетрадь 14, стр. 138—139.
30. Л. Даль. Борисоглебский собор в г. Старице. «Зодчий», СПб., 1878, 3, стр. 27.
31. А. Жизневский. Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 г., Тверь, 1888, стр. 6—7.
32. А. И. Некрасов. Отчет комплексной тверской экспедиции. Тр. ЭАМ, IV, М., 1928, стр. 10—11, 17—18.
33. П. П. Покрышкин, К. К. Романов. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. ИАК, 28, СПб., 1908, стр. 113—114, 129.
34. Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, I, в. 1, СПб., 1897, стр. 81, рис. XIV.

Заметки

А. Н. ПУЛЯНОС

НОВЫЕ НАХОДКИ ПАЛЕОЛИТА В ГРЕЦИИ

По поводу новых открытий древнекаменного века в Греции М. Соте́ писал: «После греческого чуда и чуда Крита, даст ли нам Греция еще чудо палеолита?» [1]. М. Соте́ ссылался при этом на первое открытие палеолитической стоянки около оз. Копаис (Грот Сейди) в центральной Греции, раскопанной в 1941 г. Стампфусом [2]. До этого времени в Греции были известны случайные находки ориньякской эпохи: кремневые резцы, найденные Брейлем в районе Пирея, а Обермайером около Салоник, а также фрагменты окаменевшего черепа времени палеолита из Южного Пелопоннеса (Скуфос, 1905) [3].

Археологи Греции, располагая скудными средствами, в последнее время открыли в Фессалии целый мир доисторической Греции, впервые освещающий эту страницу истории на Южных Балканах [4]. Немецкая экспедиция под руководством Вл. Милойчича в 1958 г. сделала в Фессалии открытия, имеющие первостепенное значение для периода палеолита [5].

Она нашла у селения Аргисса Магуло многочисленные каменные орудия и кости крупных животных, залегавших под очень толстым слоем песка. Вл. Милойчич так описывает эти находки: на 6—7 *м* глубины, ниже древней погребенной почвы, в стенах одного шахтового колодца найдены ископаемые кости и два отщепа сердолика. Форма отщепов, а также тип ретуши свидетельствуют, по мнению исследователя, что здесь мы имеем дело с изделиями, которые относятся ко времени бытования техники леваллуа, что позволяет отнести их к последнему межледниковому периоду или к началу вюрмского оледенения. Стратиграфические условия этих находок были следующие (сверху вниз): 1) светло-коричневая глина — 80 *см*, 2) светло-бежевый мергелевый слой морских отложений — 90 *см*, 3) мелкий песок — 15 *см*, 4) темно-коричневая глина (древняя погребенная почва?) — 170 *см*, 5) светло-серая мергелевая глина с прослойками песка и известняковыми конкрециями — 410 *см*. В нижнем метре этого последнего слоя были обнаружены кости животных и орудия. Ниже горизонта с находками прослежены слои мелкозернистого песка толщиной 270 *см* и галечно-щебенистый мощностью в 230 *см*. Положение ископаемых костей и двух орудий, равно как и двойные пласты темного гумуса и слоя мергеля, показывают, что имели место значительные изменения ландшафта.

Подобные же находки были сделаны и в 14 пунктах вдоль Пенея, вверх и вниз от Аргисса, причем в некоторых местах можно было видеть стратиграфически сходные напластования. «Около 250 предметов и от-

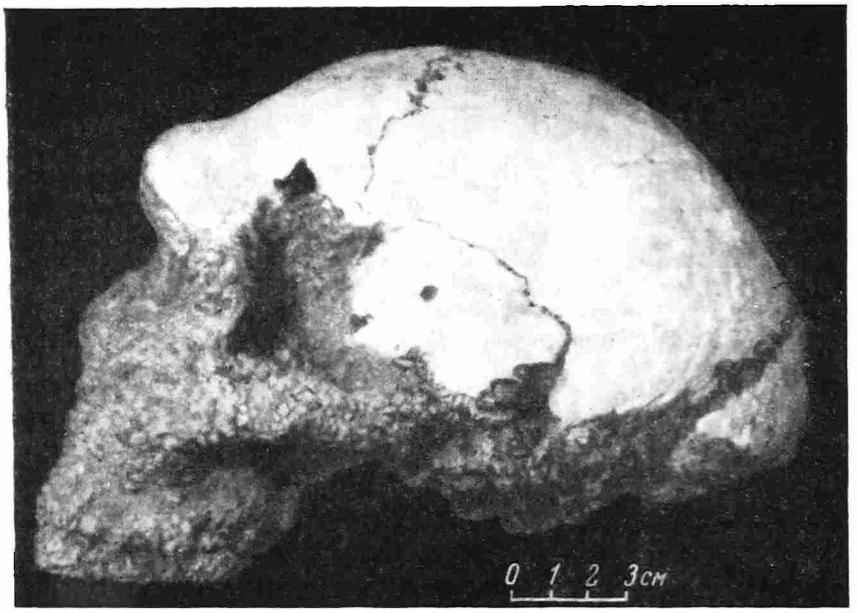


Рис. 1. Череп неандертальца из пещеры около Петралона

щепов из сердолика указывают в основном на производство, характерное для мустье-леваллуа, причем особенно выделяются прекрасные остроконечники и скребла» [5].

Упомянутые здесь открытия позволили признать впервые для Греции существование среднего палеолита. Они подняли также ряд проблем, которые здесь, конечно, не могут быть обсуждены и которые требуют тщательного предварительного изучения собранного материала, равно как и его пополнения. Но уже теперь ясно, что гипотеза, которая до сих пор отрицала заселение Греции в древнекаменном веке, дальше не может существовать. Мустьерская находка из окрестностей Аргиссы Магулы и позднепалеолитические материалы из грота Сейди в Беотии определенно говорят в пользу непрерывного обитания в Греции человека в древнекаменный век.

Недавно стало известно о важном антропологическом открытии: в пещере на полуострове Халкидики близ Салоник нашли остатки неандертальского человека, названного «человеком из Петралона» [6]. Остатки

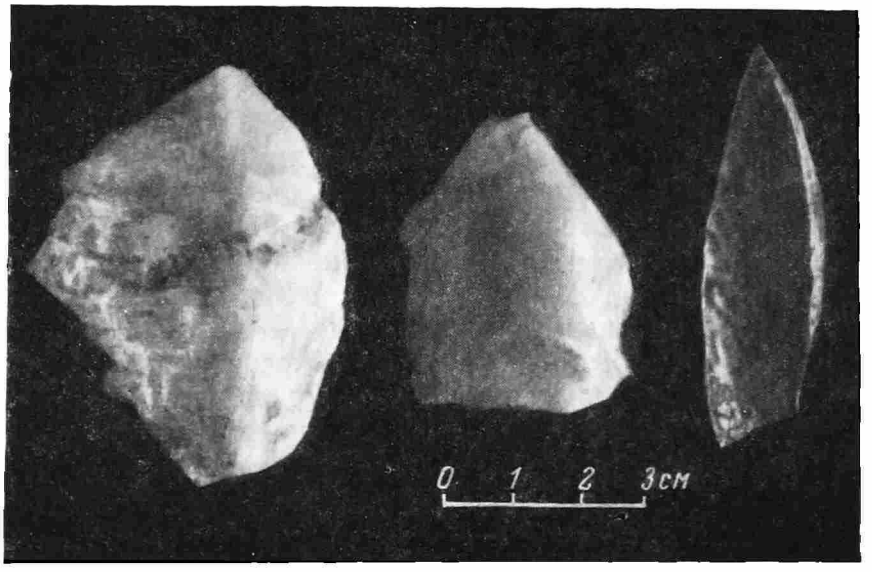


Рис. 2. Орудия из пещеры около Петралона

1, 2 — кремень; *3* — кость

человека найдены совместно с орудиями мустьерского времени и зубами носорога [1] (рис. 1). Это первое открытие неандертальца в Греции и оно подтверждает широкое распространение этого вида человека в Европе. Наконец, в 1961 г. орудия мустьерской эпохи были найдены в Хлемуци, в северо-западном Пелопоннесе (рис. 1, 2). К сожалению, об этом имеются пока только газетные сообщения.

Все эти остатки палеолитической эпохи показывают, что как Греция, так и Передняя Азия являются важными районами в расселении древнего человека. Для этого ареала палеоантропологические факты указывают на явное господство европеоидных форм с глубокой древности, «хотя вопрос о времени и исторических условиях распространения европеоидов пока не ясен» [7].

Упомянутые в заметке открытия являются одним из аргументов в пользу гипотезы, что Homo sapiens в юго-восточной Европе сформировался на месте, а не пришел сюда извне.

Литература

1. M. R. Sauter. Prehistoire de la Mediterannée. Paris, 1948, стр. 177—178.
2. R. Stamfuss. Die ersten altsteinzeitlichen Höhlenfunde in Griechenland. «Mannus», XXXIV, 1—2, 1942, стр. 132—147.
3. Ἰ. Γ. Κονμαρῆς. Ἡ παλαιολιθική Ἑλλάς. Βραδυνή, 14.I.1950, стр. 1—2.
4. Δ. Ρ. Θεοχάρης. Ἐκ τῆς προκεραμεικῆς Θεσσαλίας. Θεσσαλικά, Τ. Α., стр. 70—86, Βόλος, 1958.
5. V. Miločič. Ergebnisse der Deutschen Ausgrabungen in Thessalien (1953—1958). Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz. 6 Jahrgang, 1959, стр. 4—5.
6. А. Н. Пулянос. Открытие черепа палеолитического человека в Греции. Вопр. антропологии, вып. 8, 1961.
7. Г. Ф. Дебец. Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии. Тр. ИЭ АН СССР, 16, 1951, стр. 359—360.

[1] Приношу глубокую благодарность профессорам Салоникского университета докторам П. Коккоросу и А. Канеллису за любезно предоставленные нам фотографии находок из Петралон.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

БРОНЗОВЫЙ НАКОНЕЧНИК НОЖЕН ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В фондах Кабардино-Балкарского республиканского краеведческого музея хранятся интересные наборы оружия, украшений и посуды из случайных раскопок у с. Советского в довоенные годы и в 1948 г. Среди этих разновременных предметов, суммарно датирующихся VII—IV вв. до н. э., оказалась уникальная вещь, которая до сих пор не привлекла внимания археологов. Я имею в виду наконечник от ножен, украшенный в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 1) [1]. Он сделан из массивного листа бронзы и имеет вид ажурной несколько расширяющейся книзу бляхи (большой фрагмент верхней части наконечника не сохранился). Края его загнуты назад и снабжены выступами (их было четыре) для закрепления наконечника на ножнах меча.

Этот наконечник типологически близок наконечникам ножен Келермесского и Мельгуновского мечей начала VI в. до н. э. [1, 2]. Полное сходство по форме он имеет с медным наконечником ножен акинака из кургана VI—V вв. до н. э. у с. Урус-Мартан (Чечено-Ингушетия) [3]. Та же тенденция плавного расширения к концу (объясняемая, видимо, способом ношения оружия) прослеживается и у ножен меча скифского типа VI в. до н. э. из раскопок М. М. Трапша близ Сухуми [4]. Здесь необходимо отметить любопытный факт: все названные мечи с наконечни-

[1] Инв. № 712. Обстоятельства находки неизвестны. В коллекциях музея хранится еще один сильно фрагментированный наконечник ножен точно такой же формы, что и описываемый. Место его находки неизвестно.

ками ножен этой специфической формы происходят либо с территории Кавказа, либо из памятников, связь которых с закавказскими культурными очагами давно признана. Так, анализируя декорировку Келермесского и Мельгуновского мечей, Б. Б. Пиотровский приходит к выводу, что эти интереснейшие скифские памятники или делались скифами под влиянием образцов урартского искусства, или же изготовлялись для скифов в кавказских районах [5]. Это наблюдение дает право предположить, что расширяющиеся книзу наконечники ножен составляют кавказскую особенность в оружии скифского времени.

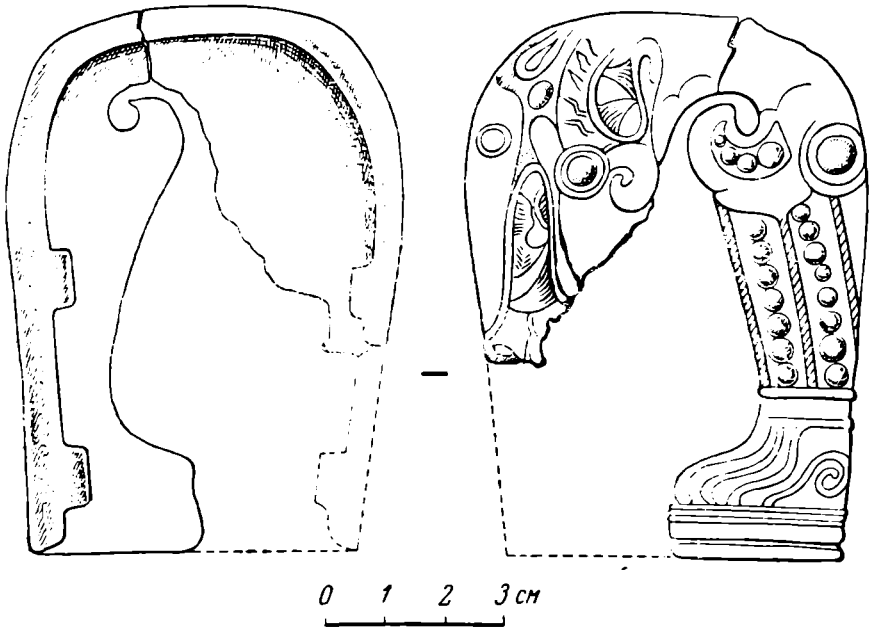


Рис. 1. Бронзовый наконечник ножен VI —V вв. до н. э.

Однако описываемый наконечник важен не только своеобразием формы. Большое значение имеет его декорировка. Контур наконечника образован фигурой стоящего зверя. Такое оформление наконечника ножен встречается у мечей VI—V вв. до н. э. (например, внешний треугольный контур наконечника меча из Старшой могилы образован туловищем пантеры, а урус-мартановского акинака — фигурой оленя). Этот прием декорировки присущ и древнейшим персидским мечам, откуда и ведет, вероятно, свое происхождение[2]. На нашем наконечнике изображено хищное животное. Оно стоит, выгнув спину и опустив голову. Зубастая пасть и огромная задняя лапа (передняя не сохранилась) с четырьмя длинными когтями подчеркивают облик хищника. Бедро и предплечье в соответствии с самым распространенным приемом скифо-сибирского звериного стиля украшены дополнительными изображениями грифоньих голов. Связь всего рисунка с архаическими образцами скифо-сибирского искусства несомненна.

Но, кажется, стилистические особенности изображения позволяют точнее определить круг памятников, к которым он тяготеет. Прежде всего это касается изображенного животного. Длинная, наклоненная вниз морда с зубастой пастью, огромные когтистые лапы особого типа, горбатая спина и короткий хвост не оставляют сомнений в том, что перед нами изображение медведя, животного, как известно, не популярного в зверином стиле собственно скифских племен Северного Причерноморья. Зато столь же бесспорно, что фигура медведя — едва ли не самый излюбленный мотив в искусстве населения лесостепного Подонья и Поволжья, а также в памятниках савроматской культуры Нижнего Поволжья и Приуралья [6—8]. Причем характерно, что именно в этом

[2] Сужу об этом по любезному сообщению Б. Н. Гракова.

локальном варианте скифо-сибирского звериного стиля медведь чаще всего изображается стоящим с опущенной вниз головой. Схема декорировки нашего наконечника перекликается, например, с изображением медведя на поясном крючке из савроматского погребения начала V в. до н. э. у с. Бажиган (Дагестанская АССР) [9], а способ передачи морды хищника аналогичен многочисленным памятникам звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Следовательно, есть все основания сближать наш наконечник с придонско-поволжско-приуральским кругом памятников.

В этой связи очень показательны, на наш взгляд, дополнительные изображения на плечевом и бедренном поясе медведя. Голова грифона на бедре медведя выполнена в традиционных нормах, свойственных в равной мере как собственно скифскому, так и савроматскому вариантам звериного стиля [10]: круглый выпуклый глаз, окаймленный двумя ободками; крыловидная восковица, покрывающая половину массивного изогнутого клюва; зубы переданы четырьмя рельефными точками посреди клюва.

Иначе изображена голова грифона на предплечье медведя. Известно, что памятники собственно скифские и близкие к ним дают массовые изображения грифонов с клювом, загнутым в спираль, и зубами, трактованными в виде различно оформленной узкой полосы на завитке клюва. Изображение же головы грифона на нашем наконечнике ближе стоит к изображению зубастой головы хищника, и клюв лишь очень слабо изогнут. Последние признаки более характерны для савроматских памятников. И действительно, очень близкие по виду изображения птичьей зубастой головы имеются на бронзовых литых бляшках из савроматского погребения V в. до н. э. в кургане у с. Молчановка в Нижнем Поволжье, а также на костяной бляшке из савроматского погребения конца V в. до н. э. у с. Бажиган [11]. Сходство отмечается не только в общей трактовке слабоизогнутого клюва, но и, что самое главное, в способе прорезного изображения пасти и двух зубов.

На основании всех приведенных аналогий возможная дата бронзового наконечника ножен из Кабардино-Балкарии определяется VI—V вв. до н. э. Одновременно сюжет декорировки (медведь) в сочетании со стилистическими приемами позволяет отнести его к предметам, выполненным в придонско-поволжском (савроматском) варианте скифо-сибирского стиля. Установление этого факта побуждает обратиться еще к одному вопросу.

Все возрастающее число находок скифского типа на Северном Кавказе (главным образом оружия, конской сбруи и образцов звериного стиля), появление здесь с VI в. до н. э. обряда вытянутого захоронения костяков с западной ориентировкой и пр. заставляют исследователей вновь и вновь возвращаться к проблеме взаимосвязей Кавказа с северными степными территориями в скифское время. В работах Е. И. Крупнова, Б. Б. Пиотровского, А. А. Иессена и др. получили довольно полное освещение вопросы взаимосвязей племен Северного Кавказа с населением собственно Скифии, выяснена историческая роль скифских племен на Северном Кавказе. Значительно меньше внимания было уделено савроматским племенам Нижнего Поволжья и Южного Приуралья с их материальной культурой, чрезвычайно близкой скифской степной культуре, и историческими судьбами, самым тесным образом связанными с территорией Предкавказья. И если удалось установить периодическое присутствие скифских племен на Северном Кавказе во время известных походов VII в. до н. э. [12], то савроматские племена на протяжении нескольких веков кочевали в непосредственной близости от этих мест [13]. Недавно были открыты савроматские погребения VI—IV вв. до н. э. в междуречье Кумы и Терека, т. е. прямо в степных районах Предкавказья [14]. Все это вызывает необходимость выделить на Северном Кавказе

памятники, проявляющие сходство с савроматской степной культурой, что, безусловно, расширит наши знания о путях проникновения на Северный Кавказ элементов степных культур и, следовательно, об исторических событиях в этих местах в VII—IV вв. до н. э.

Подобная работа уже сейчас не представляется бесперспективной. Урус-мартановская медная оправа акинака (VI—V вв. до н. э.), костяная зооморфная пластина из-под г. Малгобека (VI—V вв. до н. э.), наконечник ножен из могильника VI—V вв. до н. э. у г. Минеральные Воды, бронзовые гривны со звериными мордами на концах из памятников Северо-Восточного Кавказа VI—V вв. до н. э. [9, табл. XI, *4*; стр. 205; рис. 50, *3—4*] — вот, для примера, ряд изделий звериного стиля, ярко иллюстрирующих влияние именно савроматских образцов на изобразительное искусство местных племен. Бесспорно, что бронзовые подвески в виде кабаньих клыков появляются на Северном Кавказе[3] в подражание орнаментированным клыкам, широко известным в савроматских комплексах V в. до н. э. [6, 15, 16]. Больше того, в окрестностях Кисловодска найден один кабаний клык собственно савроматского вида [9, табл. XIV, *9*]. Присутствие на Северном Кавказе элементов придонско-поволжского варианта степной культуры подтверждается и находками здесь зооморфных поясных крючков типа, характерного для памятников лесостепного Подонья и Поволжья, а также керамикой савроматского облика, известной в могильниках Северо-Восточного Кавказа [9, стр. 237].

Наконец, обычай захоронения покойника в вытянутом положении головой на запад столь же характерен для савроматов [17], как и для скифов, и появление его в VI в. до н. э. в Предкавказских степях едва ли можно объяснять лишь скифским влиянием. Даже приведенных примеров достаточно для того, чтобы установить факт значительного проникновения савроматских культурных, а возможно, и этнических элементов в среду племен Северного Кавказа в VI—IV вв. до н. э., т. е. в период, предшествующий мощному сарматскому проникновению в этом направлении в III—II вв. до н. э.

Публикуемая в данной статье находка из Кабардино-Балкарии — еще одно подтверждение этого тезиса.

Литература

1. M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, табл. VIII, *2*.
2. Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31, 1911.
3. А. А. Спицын. Медная оправа кинжала из Терской области. ИАК, 4, 1902.
4. М. М. Трапш. Новая археологическая находка в Абхазии. КСИИМК, 53, 1954, стр. 139 сл.
5. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр. 252.
6. B. N. Grakov. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. ESA, III, Helsinki, 1928, стр. 43, рис. 26.
7. С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 38 сл.
8. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952.
9. Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, рис. 17.
10. С. И. Капошина. Памятники звериного стиля из Ольвии. КСИИМК, XXIV, 1950, стр. 42 сл.
11. И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, 55, 1954, стр. 87, рис. 33, *2*.
12. Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. Сб. ВССА. М., 1954, стр. 186 сл.
13. К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, 3, стр. 16.
14. Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, 2, стр. 168 сл.
15. P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 80—81, рис. 23, *c*.
16. В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 425.
17. Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 2, стр. 101.

[3] См., например, МАК, VIII, 1900, табл. XXI; еще одна подвеска была найдена Е. Г. Пчелиной в 1936 г. в святилище Реком. Хранится в Северо-Осетинском музее, инв. № 3614.

В. В. ВЕСЕЛОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ В КЕРЧИ

В Керчи, вблизи восточной стены стадиона «Авангард», при обследовании грунта, вывезенного с территории строящихся в городе домов, была обнаружена голова древней мраморной статуи.

Эта голова представляет собой скульптурный портрет пожилого человека (рис. 1) с морщинами на лбу, с двумя глубокими складками от

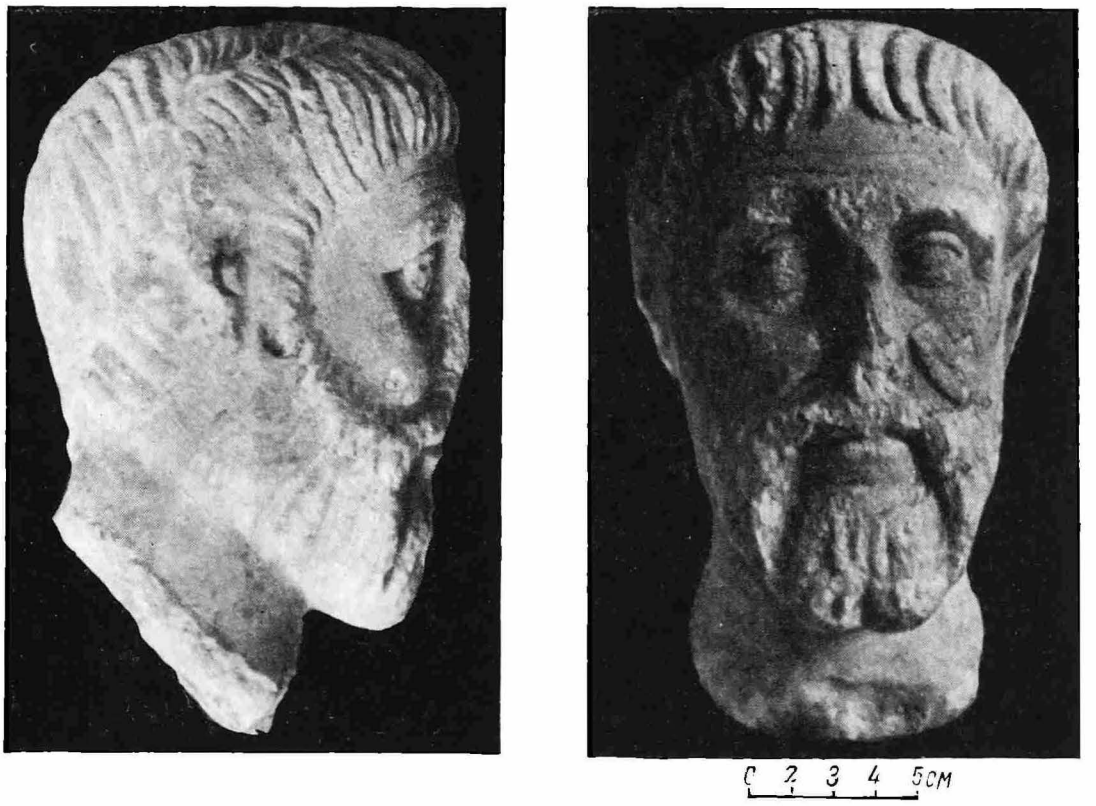


Рис. 1. Древний скульптурный портрет из Керчи

носа к углам рта. Волосы в виде прямых прядей частично закрывают лоб. Усы спускаются вниз и сливаются с небольшой бородой. Радужная оболочка и зрачки глаз не показаны. Правая бровь и нос сколоты, уши отбиты и стерты, особенно левое. Сильное повреждение поверхности головы позволяет предположить, что в древности отбитая от статуи голова была вторично использована как строительный материал. Голова имеет высоту от излома шеи со стороны лица до темени 349 *мм*. Скульптура сделана из желтовато-белого мрамора. Поверхность головы шероховатая, местами имеет незначительные выбоины и кое-где покрыта пятнами ржавчины (окись железа).

В грунте, вывезенном из котлованов строящихся в городе зданий, в радиусе 40—50 *м* вокруг места находки мраморной головы, было поднято значительное число предметов, относящихся в основном к IV—II вв. до н. э. Среди них было много боспорской черепицы с клеймами и несколько синопских соленов. Большинство клейм повторяет известные ранее типы, воспроизведенные уже в работе В. Ф. Гайдукевича [1]. Представляет интерес неизвестное ранее клеймо АΘН (Αθηνοδώρου). Кроме того, найдены пирамидальные грузила с прямоугольными основаниями.

На грани одного из них еще до обжига были вырезаны буквы ΣΙ, на другом — отпечаток геммы с изображением стоящей человеческой фигуры. Среди находок имеется несколько обломков чернолаковых и рельеф-

Рис. 2. Терракота из Керчи. Богиня Тиха

ных сосудов, светильников и терракот. Среди последних интересны: головка богини Тихи с башенной короной на голове (рис. 2), протома Кибелы и две женские головки. Кроме того, найдено много обломков амфор с клеймами родосских, синопских, гераклейских и других мастерских.

Литература

1. В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, 104, стр. 277, рис. 76, *б*; стр. 301, рис. 4, 7; стр. 303, рис. 17; стр. 305, рис. 34; стр. 307, рис. 52; стр. 309; рис. 56, 57, 59; стр. 313, рис. 82; стр. 314, рис. 88, 92.

Г. А. ЦВЕТАЕВА

КАМЕННЫЙ АКРОТЕРИЙ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ НИКИ

В 1958 г. во время раскопок загородного дома в окрестностях Аполлонии Иллирийской, в одной из стен постройки мною был найден известняковый рельеф с изображением Ники, поражающей быка (рис. 1). Рельеф был вторично использован как строительный материал. Высота его — 0,53 *м*, ширина 1,41 *м*, толщина 18,5 *см*. Ника представлена в тот момент, когда она, повергнув быка на землю, заносит над ним меч. Богиня изображена во весь рост, в длинной одежде. Правой, согнутой в колене, ногой она касается быка, удерживая его. Левая, обнаженная нога, выступающая из разреза хитона, отставлена в сторону. На ноге видна сандалия. Двойной хитон высоко подпоясан свернутым в жгут гиматием, конец которого развевается за спиной Ники. Руки обнажены

Рис. 1. Акротерий с изображением Ники, убивающей быка. Аполлония

до плеч, на каждой руке по два браслета: на запястье и на предплечье. Левой рукой Ника держит быка за рог, правой заносит короткий меч типа махайры. В позе богини-победительницы еще чувствуется то стремительное движение, которое сопровождало ее борьбу с быком и которое пытался передать мастер. Это подчеркивается развевающимся концом плаща и складками одежды. На рельефе представлена передняя часть поверженного быка с запрокинутой мордой, сильно подогнутой передней левой ногой и полусогнутой правой. Крылья Ники симметрично развернуты на две стороны и образуют как бы фон для всей группы, придавая всему рельефу компактность и законченность. Группа поставлена на пьедестал неодинаковой высоты: слева он имеет 0,11 *м* в высоту, справа 0,03 *м*. Рельеф сохранился не полностью — утрачены голова Ники, передняя часть морды быка, отколота верхняя часть правого крыла. Оборотная сторона — плоская.

Чувствуется рука хорошего местного мастера, но не первоклассного, так как пропорции в фигуре Ники не всегда правильны. Хорошо даны плечи и грудь Ники, но руки от локтя до кисти тяжелы и грубы и вообще несколько длинны. Хорошо моделирована левая нога, правая дана очень схематично. Выразительно переданы голова и шея быка, но ноги очень слабы, вялы и непропорционально малы. Таким образом, в рельефе есть некоторый схематизм.

Сюжет Ники, приносящей в жертву быка, был широко распространен в период классики, эллинизма и римской империи. В различных вариантах он воплощался в круглой скульптуре, рельефах, глиптике и монетах. Одно из классических воплощений этот сюжет получил во второй половине V в. до н. э., при Перикле, в рельефах балюстрады храма Ники Аптерос Афинского Акрополя. На южной стороне балюстрады храма изображены Ники, влекущие коров, и Ники, совершающие жертвоприношения [1—3]. Все фигуры исполнены в высоком рельефе. Жертвоприносящая Ника, по-видимому, левой рукой держит быка за рог или морду, правой рукой заносит нож. Коленом левой ноги она придавила быка, правая нога отставлена назад. Крылья Ники развернуты.

Ввиду плохой сохранности рельефов храма одним из важных источников для реконструкций являются изображения Ник на архаических монетах из Элиды, Киликии, Кизика и Сиракуз, относящиеся к периоду от 600 до 480 г. до н. э. [4, 5]. Крылья Ники на этих монетах всегда расправлены на обе стороны, одной рукой она держит быка за рог, другой заносит нож.

Помимо Ники на балюстраде храма, явившейся прототипом для дальнейших изображений, одновременно существовали и другие изображения жертвоприносящих Ник. Известно, что тот же сюжет был в работах мастера V в. до н. э. Микена и мастера IV в. до н. э. Менехмоса, последователя Лисиппа (Paus., XXXIV, 80), но наиболее совершенным творением была Ника акропольского храма. Ника на балюстраде храма одета строго. Позднее следует развитие образа и отступление от классического типа: обнажают грудь и ногу, хитон набрасывается только через плечо на спину и т. д. Но в некоторых произведениях IV в. до н. э., например в Пантикапейской мраморной группе, найденной в 1884 г. [1], и на некоторых геммах [6], Ника представлена в длинной закрытой одежде.

В эллинистических типах Ник существовало большое количество вариантов. Различные типы их получили отражение в терракотовых рельефах — плитках конца Римской республики [7]. Роден, сгруппировавший их по нескольким типам [8], пришел к выводу, что наиболее многочисленным является тот тип, на котором изображена Ника почти обнаженная. Одной рукой она держит быка за морду (рис. 2, *1*). На ногах богини сандалии, на руках, иногда, браслеты. Наименьшим числом экземпляров представлены те рельефы, на которых Ника изображена в позе, устремляющейся сзади на быка (рис. 2, *2*). Коленом правой ноги богиня касается быка, левая нога, обнаженная, отставлена назад. Крылья Ники, широко расправленные на обе стороны, занимают значительное место и придают особую красоту всей композиции. Следующий вариант (рис. 2, *3*) сходен со вторым, но постановка крыльев, детали одежды несколько изменены.

По аналогии и хронологически наш рельеф ближе всего к наиболее редкому второму типу терракотовых плиток (рис. 2, *2*). По заключению Родена, сюжет здесь восходит к древнейшей форме изображения Ники — на балюстраде [8]. Сходство, хотя и не тождество, с нашим рельефом — в позе Ники, ее одежде, расположении крыльев.

Тип обнаженной или полуобнаженной Ники получил большое распространение в римскую эпоху, особенно в период Августа,— в мраморе, в геммах, монетах [6—9], на рельефах времени Траяна: фризы из базилики Ульпия [10] и рельефы на арке в Беневенто [11] и др. Но от этих римских Ник и наша Ника уже далека.

Аполлонийский рельеф является работой местного мастера. За это говорит материал — известняк и манера изображения рельефа. Рельеф — произведение оригинальное. Тождественной аналогии ему нет. Иконографически он восходит к Нике на балюстраде афинского храма.

---

[1] Скульптура хранится в Керченском музее.

Рис. 2. Терракотовые плитки с изображением Ники Кампана

Она также изображена в строгом, закрывающем тело хитоне, она закалывает быка, но не бессильно опускает нож, как на поздних рельефах. Однако есть и ряд отступлений. Они заключаются в постановке фигуры Ники, которая стоит рядом с быком в резком и порывистом выпаде вперед. Есть отличия и в одежде — хитон высоко подпоясан свернутым в жгут плащом. Эти особенности связывают наш рельеф еще с каким-то другим, скорее эллинистическим кругом памятников. Изображение одежды Ники близко к хитону Артемиды, высоко подпоясанному плащом.

Возможно, что одним из образцов для мастера являлись и рельефы Пергамского алтаря. Есть много общего в порывистом движении Ники и постановке фигуры, в развевающемся конце плаща, высоко подпоясывающем хитон.

В такой же позе, как у Ники, или близкой к ней, стоят многие боги пергамских фризов: на восточной стороне — Амфитрита, на южной — Адрестея, на восточной — Лето, на северной — Диона, Партенос, Мойра. У многих хитон высоко подпоясан свернутым в жгут плащом; особенно близко к нашему рельефу изображение одежды Фойбы, матери Латоны. У богини ночи Никс, как и у Ники, браслеты на запястьях. Короткие перья на крыльях Ники переданы почти так же, как у гиганта Тития [12], длинные — как у другого гиганта [13]. Крылья у богов и гигантов развернуты, как и у Ники.

Совершенно специфическим является обилие браслетов у нашей Ники. Ни одна из Ник на известных нам изображениях не имеет такого количества браслетов. Встречаются изображения одного-двух браслетов. Бóльшее количество их характерно только для Афродиты. Кекуле отмечал, что в эллинистическое время изображения Ник очень похожи на изображения Афродиты [14].

Не только иконографически, но и по своим техническим приемам наш памятник также ближе всего стоит к эллинистическим рельефам. Ника выполнена в высоком рельефе, характерном для эпохи эллинизма. Фигура Ники настолько отделяется от фона, что создается впечатление круглой скульптуры, приставленной к стене. Крылья даны очень оригинально — они создают фон для Ники и завершают всю группу, придавая рельефу очертания акротерия. Мастер пользовался буравом. Им проработаны длинные и глубокие складки хитона Ники. Глубокие выемки в камне создают тот сильный свето-теневой эффект, к которому обычно стремились мастера эллинистической эпохи.

Отсутствие головы Ники сильно затрудняет датировку рельефа, но он был создан, по-видимому, под близким влиянием фризов Пергамского алтаря, и в нем отразилась техника эллинистического рельефа. Возможная дата рельефа — конец II — начало I в. до н. э. Он далек от приемов обработки римского рельефа и, главное,— от интерпретации Ники в памятниках Римской империи.

Наш рельеф с изображением Ники был акротерием, стоявшим на углу фронтона небольшого здания или большой стелы. Скошенное основание, на которое поставлена Ника, сравнивало слишком большой угол наклона фронтона и придавало рельефу более вертикальное положение. Аналогичным образом поставлены акротерии в виде сирен на стеле II в. до н. э. в Аполлонии [15].

Подобные фигурные акротерии со скошенными пьедесталами имеются на стелах, найденных в Румынии [16]. Корни этого приема уходят в эпоху классики, когда на углах фронтонов храмов Ники в Афинах, Эрехфейоне и др. фигуры богов ставились на наклонном основании, выравнивающем скос фронтона.

Рельефы с изображениями жертвоприносящей Ники были, вероятно, популярны в Аполлонии, и рассматриваемый рельеф не был единственным.

В Тиранском музее имеется еще один фрагментированный рельеф Ники, найденный в Аполлонии. Ника в более сочном исполнении дана на фоне развернутых крыльев. Она обращена влево, одета в высокоподпоясанный хитон. Материал — тот же местный известняк желтовато-серого цвета.

Значение рельефа-акротерия 1958 г. в том, что он принадлежит к немногочисленной категории памятников, которые восходят к древнейшему типу Ники на балюстраде храма Ники Аптерос.

Литература

1. R. Carpenter. The Skulpture of the Nike Temple Parapet. Cambridge, 1929, табл. XVII.
2. R. Haman. Geschichte der Kunst. Berlin, 1955, стр. 655, рис. 670.
3. А. М. Миронов. Изображения богини победы в греческой пластике. Казань, 1911, стр. 119 сл.
4. A. Bernet. Nike. PWRE, XVII, 1.
5. P. Gardner. The Types of Greek Coins. Cambridge, 1883, II, 19; VIII, 3.
6. H. B. Walters. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek. Etruscan and Roman in the British Museum, London, 1926, стр. 69, 568.
7. A. Furtwängler. Meisterwerke der griechischen Plastik, 1893, стр. 257.
8. Herm. Rohden. Die Antiken Terracotten. Berlin, 1911, кн. IV, 1, стр. 82.
9. E. Will. Le relief culturel greco-romain. Paris, 1955, стр. 171, рис. 25.
10. Goethert. Trajanische Friese. IDAI, 1936, 51, 1, стр. 171, рис. 1, 2.
11. S. Reinach. Repertoire de Reliefs Grecs et Romains, I, Paris, 1902—1912, стр. 61, No. 3.
12. Г. Д. Белов. Алтарь Зевса в Пергаме. Л., 1959, Альбом, табл. 23, 37, 58.
13. Beschreibung der Skulpturen aus Pergamon. Königliche Museen zu Berlin, 1895, стр. 35.
14. Kekule. Die Reliefs an d. Ballustrade der Athena-Nike. Stuttgart, 1881, стр. 14.
15. S. Praschniker, A. Schober. Archäologische Forschungen in Albanien und Montenegro. Wien, 1919, стр. 72, рис. 87.
16. G. Tocilescu. Monumentale epigrafice si sculpturali. Ale Mjseului național de antichităţi din Bucureşti. Bucureşti, 1902, стр. 301, N 33.

Я. А. ШЕР

ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ИЗВАЯНИИ ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Изваяние, о котором ниже пойдет речь, неоднократно публиковалось. Оно найдено около поселка Калининское Фрунзенской области, а хранится в музее г. Фрунзе [1—4]. Общий облик фигуры — несколько скованная поза человека, держащего в руке чашу,— позволил А. Н. Бернштаму с несомненностью отнести ее к кругу древнетюркских каменных изваяний. Однако ошибочно считая головной убор чалмой, он объяснил статую как изображение «язычника, для которого ислам еще религиозная мода, не вытравившая у него анимистических религиозных представлений», и датировал свою находку XI—XIV вв.

А. Н. Бернштам, впервые создавший научную археологическую периодизацию памятников Тянь-Шаня и Семиречья, специально не изучал древнетюркские изваяния и не обратил внимания на некоторые особенности этой статуи, которые заслуживают специального рассмотрения.

Статуя изображает мужчину (рис. 1). Лицо монголоидное, с мягкими утонченными чертами. Большие раскосые глаза слегка прикрыты веками. Высокие дугообразные надбровья соединяются у переносья. Нос прямой, рельефный (спинка носа повреждена). Рельефом показаны тонкие, свисающие усы и полные губы. Из-под подбородка на грудь спускается плавно оконтуренная борода. Головной убор цилиндрической формы с двумя жгутовидными валиками, обвивающими его снизу [1].

[1] По единодушному мнению специалистов, этот головной убор не является чалмой. За консультацию о характере этого головного убора приношу благодарность А. М. Беленицкому, Б. Я. Стависскому и О. Г. Большакову.

В ушах серьги с шаровидными подвесками. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью пиалу. Указательный палец вычурно изогнут. На запястье браслет с округлым расширением посредине. Левая рука свободно опущена вдоль туловища, кисть отбита.

Материалом послужил уплощенный блок из коричневого мелкозернистого гранита. Статуя почти объемная, сделана техникой мелких точечных ударов заостренным, очевидно металлическим, орудием. Затем ее поверхность подверглась шлифовке песком.

Рис. 1. Каменное изваяние

Кроме уже отмеченной плавности линий, что заметно и на других древнетюркских изваяниях из Чуйской долины [5], черты лица этой статуи отличаются своеобразной техникой изображения надбровий, определенной стилизацией разреза глаз с тяжелыми, приспущенными веками, рельефными пухлыми губами. В изображении лица тщательно соблюдены пропорции. Все эти стилистические приемы не характерны для древнетюркской скульптуры. Достаточно ознакомиться с публикациями многочисленных изваяний из Южной Сибири, Монголии, Семиречья, Тянь-Шаня и Восточной Европы, чтобы убедиться, что такая манера изображения лица не свойственна ни ранним (VII—IX вв.), ни поздним (X—XIII вв.) ее типам [5—10].

Близкие аналогии в стиле нашего изваяния обнаруживает буддийская скульптура раннего средневековья в северо-западном Китае и северной Индии, в частности некоторые образцы Гандхарской школы [2]. В самом деле, если сравнить голову изваяния из Чуйской долины с головами будд и бодистав из Пешавара, Лахора, северо-западного Китая [11—13], то разница, в основном, отнесется за счет головного убора, усов и бороды (рис. 2). Описание подобного головного убора есть в Таншу. Автором его, очевидно, был Сюань Цзан. «От города при реке Суйе до владения Гэшуанна (жители.— *Я. Ш.*) одеваются в суконное и меховое платье, а голову обвивают шелковой тканью» [14] [3]. Описывая свою встречу с тюркским ханом, Сюань Цзан отмечает, что голова хана была обвита шелковой лентой [16]. Некоторое сходство обнаруживается, например, с головным убором на штуковой головке из Варахши, датируемой VI—VIII вв. [17]. Правда, здесь в отличие от нашего один жгутовидный валик, но зато манера изображения лица, если учесть разницу между резьбой по штуку и ваянием, аналогична описанной выше. Такого же типа головной убор изображен на терракотовой статуэтке из Чуйской долины, относящейся также к VI—VIII вв. [18]. Чалмоподобные головные

---

[2] Следует отметить, что стилистически наше изваяние ближе к гандхарским памятникам, чем к китайским и восточнотуркестанским, где наблюдается несколько другая техника и трактовка бровей.

[3] Н. Я. Бичурин к этим словам Таншу сделал примечание, в котором описанный головной убор назвал чалмой. Но во время путешествия Сюан Цзана в Чуйской долине не могло быть мусульман и, следовательно, чалму не носили. Другие переводчики этого текста такого примечания не дают [15].

уборы (рис. 2, *3*) неоднократно встречаются в изобразительном искусстве раннего средневековья в Хотане [19] и Пакистане [12, рис. 436].

Усы и борода, по-видимому, являются этническим признаком. Буддийской скульптуре и живописи Гандхары свойственна иная трактовка усов и бороды. Зато в очень близкой манере эти черты лица изображаются в живописи Пянджикента и Восточного Туркестана [20, 21]. Любопытна трактовка кисти руки, особенно некоторая вычурность в изгибах пальцев. Подчеркнутое изящество в изображении пальцев рук, вероятно, уходит корнями в буддийскую скульптуру, где это имеет определенный смысл. Особенно широкое распространение этот изобразительный прием получил в стенных росписях Пянджикента и Балалык-Тепе (рис. 2, *4*—*8*). Своеобразие изображения рук уже отмечалось А. Н. Бернштамом, который объяснил это влиянием согдийской и восточно-туркестанской школ изобразительного искусства [1—4]. Против этого возразил Л. И. Альбаум: «После изучения живописи Балалык-Тепе и сравнения ее персонажей с балбалами можно говорить не о влиянии согдийской или восточно-туркестанской школ, а о том, что скульптор изображал в балбалах определенный народ, в характерной схематично - портретной позе» [22]. Л. И. Альбаум пользовался искаженными прорисовками каменных изваяний и ему трудно судить об их стилистических и иконографических особенностях. Сходство в трактовке рук несомненно является стилистическим элементом той или тех художественных школ, которые ближе всего были к согдийскому или тохарскому искусству. Не случайно этот изобразительный прием наблюдается только на среднеазиатских изваяниях и неизвестен в Южной Сибири и Восточной Европе. Представляется также вероятным, что особое изящество в изображении рук было обязательной иконографической нормой, подчеркивающей аристократизм нарисованных персонажей, принадлежность их к высшему сословию раннефеодального общества.

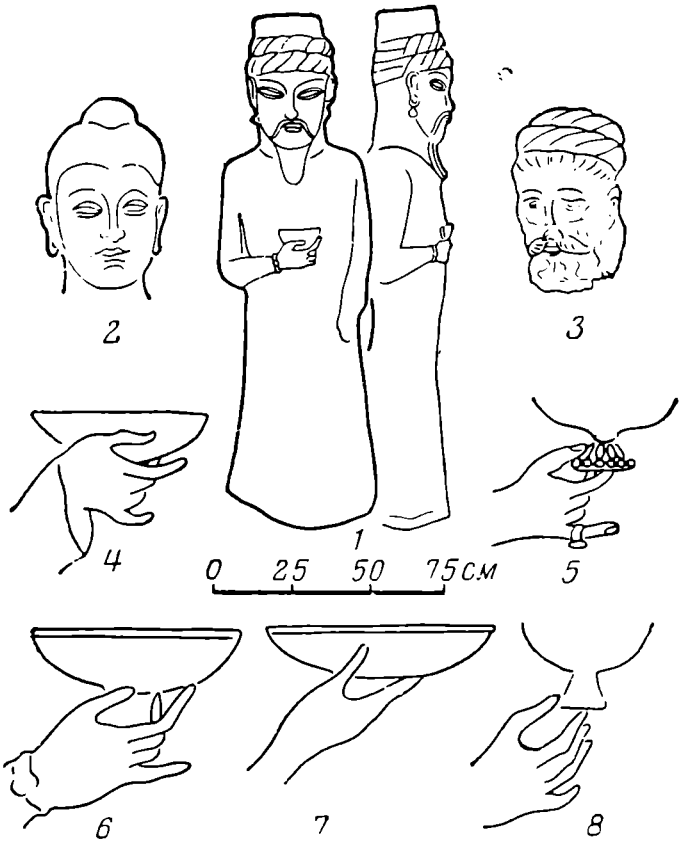


Рис. 2.

1 — каменное изваяние (прорисовка); *2* — голова будды (Лахор); *3* — голова аскета (Пешавар), *4*, *5*, *7* — изображения рук в живописи (Хотан, Балалык-Тепе, Пянджикент); *6*, *8* — изображения рук на каменных изваяниях (Чуйская долина и Восточный Казахстан)

При всех особенностях стиля описанной каменной фигуры техника ее все же значительно уступает высокохудожественной гандхарской скульптуре, что объясняется значительной разницей во времени. Несомненным представляется наличие определенной художественной традиции, проникшей в древнетюркскую скульптуру с юга и внесшей в нее новую струю.

Немногочисленные предметы, показанные на изваянии, своими аналогиями уводят нас к временам более древним, чем XI—XIV вв. Форма

браслета с округлым или ромбовидным расширением посредине широко представлена на изображениях VI—VIII вв. [20, 21, 23]. Серьги с шаровидными подвесками известны на каменных изваяниях VII—VIII вв. в Южной Сибири [6], на живописных портретах Пянджикента [20], на терракотах из Согда, изображающих тюрок (в коллекциях Эрмитажа), а также среди находок в кочевнических курганах [24, 25]. Чаши подобного типа бытуют продолжительное время. Для VI—VIII вв. они известны на памятниках изобразительного искусства Пянджикента, Хотана [20, 21] и в древнетюркских могилах Тянь-Шаня [26].

Таким образом, стилистические особенности и анализ реалий, изображенных на рассмотренном изваянии из Чуйской долины, позволяют не согласиться с датировкой, предложенной А. Н. Бернштамом, и отодвинуть ее к VII—VIII вв. В связи с новой датировкой не вызывает особых затруднений и объяснение художественных особенностей этой статуи.

Этнически неоднородное население Чуйской долины в VII—VIII вв. находилось под властью Западно-Тюркского каганата (580—704 гг.) и государства тюргешей (704—766 гг.). Столица каганата располагалась рядом, в долине Чон-Кемина [1—4]. Условия жизни благоприятствовали широким культурным связям кочевников и оседло-земледельческого населения, что, разумеется, не исключает возможности столкновений между ними. Широко известна культурно-историческая роль согдийской колонизации Семиречья. Поэтому вероятность проникновения в тюркскую среду согдийского искусства весьма значительна. Распространение буддизма в Чуйской долине засвидетельствовано как письменными, так и археологическими памятниками [1, 16, 27]. В городах и поселениях Чуйской долины было немало живописцев и скульпторов, воспитанных на лучших образцах согдийского и буддийского искусства. Они расписывали стены зданий на городище Красная Речка, храмов Ак-Бешима, лепили колоссальные статуи будд и бодисатв, обломки которых найдены в буддийских храмах. Вполне возможно, что один из этих мастеров изготовил по заказу богатого кочевника описанную здесь каменную фигуру. Ей была придана каноническая поза, присущая древнетюркским изваяниям, как это требовалось традицией; в то же время мастер воплотил в ней совсем не свойственный древнетюркской скульптуре художественный стиль. Получилась скульптура, которая несомненно принадлежит к определенной группе древнетюркских памятников по содержанию, но отражает художественные традиции Гандхары и Согда. Высказанный в свое время А. Н. Бернштамом тезис о синкретическом характере древнетюркского искусства [1—4] приобретает на этом факте яркое подтверждение.

Литература

1. А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе. 1941, стр. 62, табл. X, *13*; стр. 96 сл.
2. А.Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 14, 1950, табл. XCV, *260*.
3. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 146.
4. А. Н. Бернштам. История Киргизии. Фрунзе, 1957, стр. 25.
5. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. «Зап. АН по истор.-филол. отд.», сер. VIII, 1, 4, СПб., 1897, табл. VII, *1;* VIII—X.
6. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952.
7. А. Д. Грач. Каменные изваяния Западной Тувы. Сб. МАЭ, XVI, Л., 1955.
8. Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.), Вестн. МГУ, истор. науки, 1, 1960.
9. В. А. Казакевич. Намогильные статуи в Дариганге. Л., 1930.
10. С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958.
11. A. Foucher. L'art greko-bouddhique du Gandhâra, I, Paris, 1951.
12. Gandharan art in Pakistan. New York, 1957, рис. 208, 245, 436, 535.
13. O. Fischer. Chinesische Plastik. München, 1948, рис. 88, 89.

14. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II, М.—Л., 1950, стр. 300.
15. S. Beal Si-yu-ki Buddhist records of the Western world, I, London, 1884, стр. 27; St. Julien. Documents historiques sur les Tou-Kiue. J. Asiatique, сер. 6, III, 1864, стр. 324.
16. E. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (Türks) occidentaux. Сб. тр. Орхонской экспедиции, VI, СПб., 1903, стр. 192.
17. В. А. Шишкин. Варахша, СА, XXIII, 1955, стр. 124.
18. П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 35, табл. VI.
19. Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Хотанские древности. Л., 1960, табл. 8, *104*, *105*; 26, *951*.
20. Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, табл. XXXIII.
21. Y. Stein. Ancient Khotan, II, London, 1907, табл. LXIV.
22. Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 194.
23. И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 3.
24. G. Lasio. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des avars. AH, XXXIV, 1955, табл. II, *1*, *2*; IX, *3*; XIV, *1*; XXXV, *21*.
25. С. И. Руденко, А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, III, вып. 2, Л., 1927, рис. 5.
26. А. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. Тр. Ин-та языка и лит. и Ин-та истории АН КиргССР, вып. 5, Фрунзе, 1956, стр. 13; его же. Археологические работы в Тянь-Шане. Тр. Кирг. АЭЭ, II, М., 1959, стр. 115, рис. 118.
27. Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Кирг. АЭЭ, II, М., 1959; Л. П. Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

СТЕКЛЯННЫЙ РЕЗНОЙ БОКАЛ ИЗ НОВОГРУДКА

В 1960 г. при раскопках большого дома в окольном городе Новогрудка Гродненской области (БССР) были найдены обломки стеклянного бокала. Этот бокал изготовлен из толстого дымчатого стекла (толщина стенок 4 *мм*). Размеры его следующие: высота — 12 *см*, диаметр венчика — 15 *см*, диаметр дна — 9 *см*. Вогнутое в центре дно бокала имеет карнизик, разделенный одиночными и двойными фасетками. Наружные стенки бокала разделены на три неравные части, которые почти сплошь заполнены резным орнаментом. В самой широкой части вырезана фигура льва. Его слегка склоненная голова изображена фронтально, в то время как торс животного вырезан в профиль. Над фигурой льва имеется сегмент, в который вписан треугольник (рис. 1, *2*). На второй грани сохранились лапа, часть торса и крыла, что позволяет реконструировать фигуру грифона. Наконец, третья часть орнаментирована двумя полупальметками и стилизованным древом жизни. Все резные фигуры покрыты гравировкой в виде прямых или перекрещивающихся линий.

Дом, в котором были найдены обломки бокала, представлял собой срубную постройку с большим числом находок. Здесь найдены обломки характерных бороздчатых амфор, датирующихся XII—XIII вв. [1], стеклянные браслеты, бронзовая подкововидная пряжка с утолщенными концами, типичная для древностей XI—XII вв., и другие находки. Эти вещи позволяют отнести постройку ко второй половине XII в., так как под описываемым нами домом лежала еще одна постройка, которую можно датировать первой половиной XII в. Стеклянные сосуды, подобные новогрудскому бокалу, до сих пор среди древностей нашей страны не встречались. В то же время они хорошо известны в западноевропейских древностях, где носят специальное наименование Hedwigsglässer — «бокалы Ядвиги». Согласно легенде, канонизированная в 1267 г. Ядвига — жена герцога Силезии — пользовалась таким толстостенным резным бокалом [2].

В Польше, Германии, Голландии и Англии известно более 10 бокалов, относящихся к группе Hedwigsglässer. В Британском музее хранится бокал из Тюрингии. Размеры его весьма сходны с бокалом из Новогрудка. Наружные стенки бокала разделены на четыре части. На одной из них вырезана фигура льва в том же положении, как и фигура льва на новогрудском бокале; вторая часть изображает грифона, третья — орла с распростертыми крыльями, а в четвертой — две полупальметы и древо жизни [3]. Во Вроцлаве известен бокал из толстого коричневого стекла. Его размеры также сходны с размерами новогрудского бокала. Стенки сосуда орнаментированы резными фигурами, изображающими двух львов, между которыми стоит чаша. Над чашей вырезаны полумесяц и восьмиугольные звезды [2, 4—6]. Кроме того, толстостенные бокалы, на которых вырезаны фигуры львов в той же манере, что и на новогрудском бокале, а также изображены орлы, грифоны и пальметы, известны в соборах Кракова и Миндена (Германия) и музеях Амстердама и Нюрнберга [2, 5]. Упомянем также бокалы этого рода с резным геометрическим и стилизованным растительным орнаментом из Кобурга и соборов в Гальберштадте (Германия) и Нисы (Польша) [5, 6].

Как можно заметить, многие из этих бокалов принадлежат к числу церковных древностей. Сосуды этого рода из Миндена и Нюрнберга использовались в качестве дарохранительниц, бокал из Гальберштадта был обнаружен в алтаре собора, а кобургскому бокалу, которым как будто бы пользовался Мартин Лютер, приписывались исцеляющие свойства [5]. Толстостенные резные бокалы принадлежали к дорогим и хранившимся на протяжении столетий вещам. Многие из них имели медные, серебряные и позолоченные подставки, древнейшая из которых относится к XIII в. [6].

Бокалы группы Hedwigsglässer давно привлекали к себе внимание исследователей христианского искусства. Резные стеклянные бокалы использовались католической церковью в качестве ритуальных сосудов. Некоторые ученые считают их изделиями средневековых немецких мастеров [4].

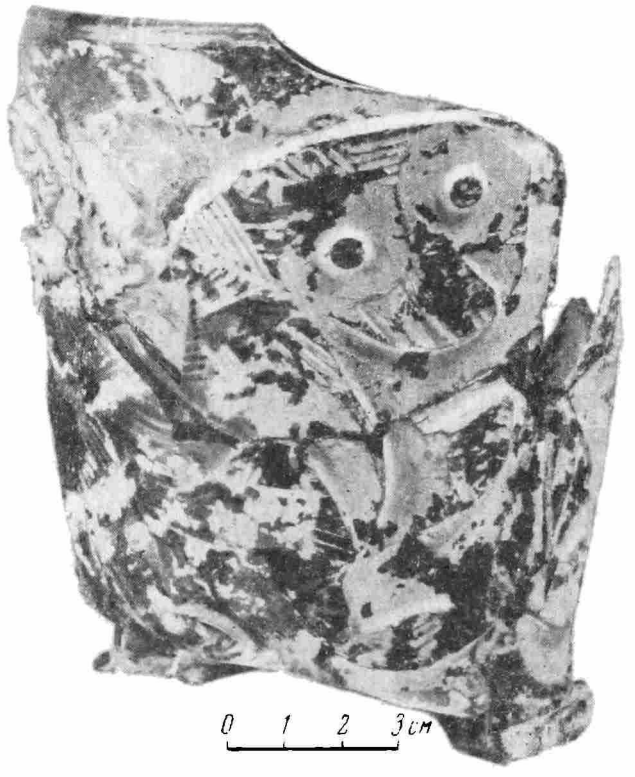


Рис. 1. Стеклянный резной бокал из Новогрудка

Однако уже в 80-х годах XIX в. исследователь силезского стекла Е. Чигак убедительно показывает, что эти изделия не могли быть изготовлены ни в немецких, ни в других западноевропейских мастерских, которые не владели техникой резьбы по стеклу. Автор отмечает, вместе с тем, что единственным местом, где могли быть изготовлены бокалы группы Hedwigsglässer, является Ближний Восток. Там хорошо известны сосуды из горного хрусталя с резным орнаментом, изображающим львов, орлов и других животных, а также разнообразные пальметы, стилистически весьма сходные с орнаментом

на бокалах из группы Hedwigsglässer. На некоторых из этих изделий вырезаны также имена халифов из династии фатимидов. Так, на сосуде из сокровища святого Марка в Венеции можно прочесть имя халифа Азиз-Билла (975—996), а в Нюрнбергском музее хранится сосуд из горного хрусталя, на котором написано имя халифа Эль-Захира (1021—1036) [2]. Точку зрения Е. Чигака в начале XX в. развил другой специалист по стеклу — Р. Шмидт [6]. После работ Е. Чигака и Р. Шмидта принадлежность бокалов группы Hedwigsglässer к изделиям Ближнего Востока прочно утвердилась в литературе, посвященной этим изделиям [7]. Отметим также, что химический анализ, проведенный в лаборатории ЛОИА, показал, что бокал из Новогрудка был изготовлен из натриево-кальциевого кремнеземного стекла. Стекло этого состава характерно для средиземноморских и, в частности, византийских изделий [8].

Рис. 2. Стеклянный резной бокал из Новогрудка (реконструкция Т. Е. Трошкиной)

В 1955 г. в американский музей стекла Cornings Museum поступила стеклянная чаша с резным орнаментом, найденная в Гургане (Иран). Эта чаша датируется IX в. [9]. Таким образом, древняя традиция резьбы отмечается на Ближнем Востоке не только на изделиях из горного хрусталя, но и из стекла. Находки восточных сосудов в Европе приводили исследователей к мысли о том, что резные толстостенные бокалы из группы Hedwigsglässer попали в Западную Европу в итоге крестовых походов.

Нам хотелось бы обратить внимание на границы распространения в Европе этих бокалов. Они найдены в Германии, юго-западной Польше и в Голландии (напомним, что бокал из Британского музея также найден в Германии). Таким образом, бокалы из группы Hedwigsglässer размещены на территории Средневековой Германской Империи. Вероятнее всего предположить, что эти стеклянные сосуды были привезены в Европу немецкими крестоносцами или торговцами, доставлявшими изделия Ближнего Востока.

Бокал из Новогрудка найден в жилом комплексе второй половины XII в. Это обстоятельство дает нам возможность отметить, что такие изделия бытовали в Европе уже в XII, а не в XIII в., как можно было установить по ранее имеющимся данным.

В итоге раскопок окольного города в Новогрудке, производящихся с 1957 г., найдено много стеклянных сосудов тонкой художественной работы, сделанных на Ближнем Востоке. Таковы красный бокал, расписанный золотом, и синий флакон с росписью из эмали и золота [10], а также обломки сосуда с арабской надписью. В 1961 г. при раскопках того же дома, где ранее был найден бокал типа Hedwigsglässer, встречены бутыль и чаша из тонкого белого стекла, расписанные красной эмалью и золотом, и мн. др.

Остается неясным, каким путем попал бокал в Новогрудок. Население города не принимало участия в крестовых походах. Можно предположить, что он был доставлен сюда торговцами. Однако этот вопрос следует решать с привлечением всех материалов о восточном стекле и других находок из Ближнего Востока, встречающихся в этом городе, что выходит за рамки настоящей заметки.

Литература

1. А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей (XI—XII вв.). ВВ, XIV, 1958, стр. 173.
2. E. Chihak. Schlesische Gläser. Breslau, 1891, стр. 186.
3. R. H. Pinder-Wilson. A Hedwig Glas for the British Museum. British Museum Quarterly, 1960, XXII, 12, стр. 43, табл. XVII.
4. E. Kalesse. Das Museum Schlesischer Altertümer. Z. bildende Kunst, 1883, стр. 294.
5. C. I. Lamm. Mittelalterische Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem nahen Osten. Berlin, 1930, стр. 172, 173.
6. R. Schmidt. Das Glas. Berlin, 1912.
7. E. Kühnel. Islamische Kleinkunst. Berlin, 1925, стр. 177.
8. М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 59—60.
9. A. von Saldern. An Islamic Carved Glas Cup in the Corning Meseum of Glas. Artibus Asiae, XVIII, 3/4, 1955, стр. 257.
10. Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. ВВ, XIX, 1961, стр. 166—171.

Т. И. МАКАРОВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЛИВНОЙ ПОСУДЫ НА РУСИ

Среди однородной поливной посуды древнерусских городов выделяется компактная группа, отличающаяся устойчивым единством признаков. Это — посуда с белым, реже розоватым, цветом глины в изломе. Самой характерной ее чертой является ярко-зеленая непрозрачная полива, лежащая на черепке плотным слоем; самый типичный орнамент — густая волна, проведенная пяти-шестирядной гребенкой; самая распространенная форма — горшок или кувшин с широким округлым валиком у шейки. Ряд стратиграфических наблюдений позволяет считать ее наиболее ранней группой русской поливной посуды и относить к рубежу X—XI вв. Единство признаков этой посуды может свидетельствовать о единой производственной базе, на которой оно сложилось. Настоящая заметка посвящена выявлению этой производственной базы.

Белоглиняная поливная керамика с ярко-зеленой поливой известна по находкам в Киеве, Чернигове, Любече, Вышгороде, Городске, в с. Волосском Днепропетровской области и других местах. Общее число находок ее в настоящее время не превышает 50 фрагментов.

Рассмотрим находки этой керамики в разных городах более подробно [1].

1. Обломок стенки сосуда со следами ручки с внешней зеленой поливой. По типу глины, а также по составу и внешнему виду поливы этот фрагмент принадлежит к типичным образцам посуды описываемой группы. Некоторое своеобразие его заключается в лучшем размешивании глины, чем у других образцов. Он найден вместе со стеклянным браком в горне № 1 во время раскопок В. А. Богусевича в Киевской лавре.

---

[1] Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность за предоставленные мне материалы Б. А. Рыбакову, В. О. Довженку, Р. И. Выезжеву, В. А. Богусевичу, А. Т. Брайчевской и В. И. Левицкой. Использованные материалы хранятся в ИА АН СССР в Москве и ИА АН УССР в Киеве, в Историческом музее в Киеве и Софийском государственном заповеднике.

2. Стенка сосуда светло-розовой глины с внешней плотной ярко-зеленой поливой. Орнамент нанесен по сырой глине многорядной гребенкой и, несколько ниже, плоской палочкой. Фрагмент найден М. К. Каргером при раскопках храма на Кудрявце в 1947 г. (двор Художественного института в Киеве). Обломки очень близких к нему сосудов обнаружены в ряде других мест: в Чернигове, Любече, Вышгороде, Городске и Мстиславле.

3. Стенка кувшина ярко-зеленой поливы с орнаментом, проведенным трехрядной гребенкой. Полосы волны чередуются с линейными полосами (рис. 1, *1*). Найдена в Чернигове.

4. Стенка кувшина с густой шестирядной волной, заключенной между двумя полосами, проведенными той же гребенкой. Полива ярко-зеленая, плотная. Найдена в Любече.

5. Стенка кувшина с пятирядной густой волной, проведенной гребенкой. Полива двусторонняя, ярко-зеленая (рис. 1, *2*). Найдена в Вышгороде.

6. Стенка кувшина с внешней зеленой поливой и с шестирядной волной, проведенной гребенкой (рис. 1, *3*). Найдена в Городске.

Все эти фрагменты весьма похожи по общему облику, а также деталями. По способу орнаментации, вытекающему из свойства самого теста, глина замешивалась довольно жидко, поэтому линии рисунка быстро заплывали, под кроющей поливой орнамент кажется едва углубленным, а поэтому иногда слабо заметным.

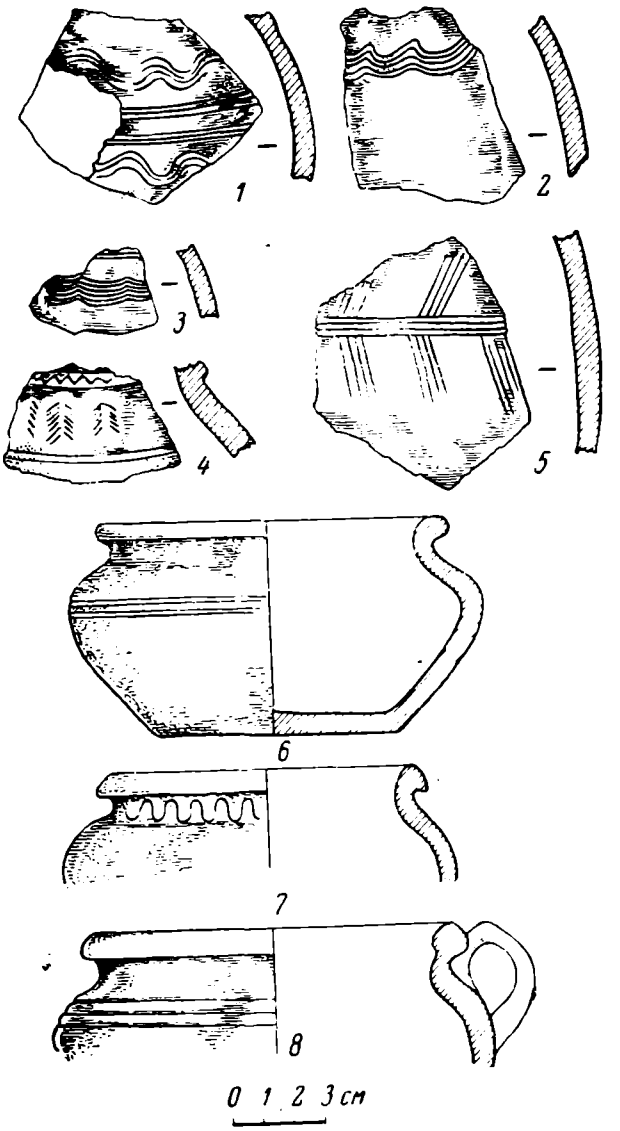


Рис. 1. Обломки сосудов белой глины с яркой зеленой поливой из Чернигова, Любеча Городска, Сокольцов на Буге и с. Волосского Днепропетровской области

Некоторое своеобразие составляет орнамент елочкой или точками на некоторых образцах, во всем остальном аналогичных описанным выше. Обломки подобных сосудов встречены в Городске и в с. Волосском Днепропетровской области.

7. Стенка кувшина, найденная в Городске, с валиком, орнаментированным ломаной линией и небрежным орнаментом в виде елочки. Полива плотная, непрозрачная, зеленая (рис. 1, *4*).

8. Обломок стенки сосуда из белой глины с орнаментом, проведенным гребенкой. Он состоит из четырехрядной ленты и идущих от нее вверх и вниз отростков (рис. 1, *5*).

Судя по профилю описанных фрагментов, все они принадлежат большим кувшинам. Некоторое представление об их форме дают единичные находки частей горла и ручек. Они позволяют восстановить очень близкие по типу сосуды, несмотря на географическую отдаленность пунктов, где образцы были найдены. Речь идет о находках в Любече. Городске.

9. Обломок кувшина с округлым валиком (шириной около 1 *см*) у горла. Полива плотная, яркая, с мелким цеком.

Следует отметить, что цек (сетка мелких трещин) на поливе этой группы встречается часто. Он является результатом различного коэффициента расширения черепка и поливы и никакого декоративного значения, конечно, не имеет.

Валик на кувшинах не имеет никакого практического назначения. Его нужно рассматривать как подражание в глине формам металлических кувшинов, где валик играет техническую роль, скрывая место соединения горла с туловом. У этих кувшинов имеются характерные по форме массивные граненые ручки; две найдены в Любече, одна — в Городске.

10. Обломок шестигранной ручки, покрытой плотной ярко-зеленой поливой. Фрагмент аналогичной ручки найден в Любече.

11. Обломок восьмигранной ручки с плотной ярко-зеленой поливой. Найден в Городске.

К описываемой группе посуды с зеленой поливой относятся горшки обычной формы с линейным или волнистым орнаментом. Они встречены в Киеве, Чернигове и Любече. Возможно, что часть трудно определимых обломков из других мест принадлежала тоже горшкам.

12. Днище миниатюрного горшочка с двусторонней плотной ярко-зеленой поливой. Найдено в Киеве на Кудрявце.

13. Горшочек (высота 7 *см*, диаметр 11,4 *см*) с двусторонней плотной ярко-зеленой поливой и с линейным орнаментом из Чернигова (рис. 1, *6*).

14. Горшочек (диаметр 12 *см*) с ручкой, с двусторонней плотной поливой и линейным орнаментом (рис. 1, *8*). В Любече найдены два таких сосуда.

Наконец, к этой же группе посуды следует отнести единичные находки сосудов, покрытых той же плотной непрозрачной зеленой поливой с надглазурной росписью поливой другого тона. Два таких фрагмента были найдены во время раскопок в Воинской Гребле в 1956—1957 гг.

15. Обломок стенки сосуда из белой глины с двусторонней глухой зеленой поливой с надглазурной росписью ярко-желтой поливой в виде небрежной зигзагообразной линии.

16. Обломок сосуда из белой глины с двусторонней непрозрачной зеленой поливой. На внутренней стороне — небрежная волнистая линия, проведенная желтой поливой. Оба фрагмента ничем не отличаются от описанной выше посуды, кроме наличия надглазурной росписи.

Петрографический анализ показал, что все они сделаны из глины одного сорта и по одному рецепту[2]. Это обстоятельство может указывать на общность производственной базы. Но где она могла сложиться в этот период? Известно, что в IX—X вв. белоглиняная посуда с зеленой поливой производилась в Византии. Известно также, что вся поливная посуда из белой глины, широко представленная в средневековых слоях Херсонеса, Тмутаракани и Саркела, привозилась из Византии. Не может ли быть византийской та немногочисленная группа поливной посуды древнерусских городов, которая сделана из белой глины и покрыта ярко-зеленой поливой? Одно чисто внешнее сравнение византийской и русской белоглиняной посуды с зеленой поливой позволяет ответить на этот вопрос отрицательно.

Византийские кувшины с зеленой поливой ничем не напоминают по форме кувшины, находимые в древнерусских городах (рис. 2, 3). Самый распространенный тип византийской посуды с зеленой поливой — большие открытые блюда со своеобразным венчиком — совсем не были известны на Руси. Совершенно не похожа на русскую непрозрачную поли-

---

[2] Исследования проводились в лаборатории ИА АН СССР петрографом О. Ю. Круг и на кафедре археологии МГУ Ю. Л. Щаповой.

ву жидкая пятнистая прозрачная полива византийской посуды. Однако те же петрографические и спектральные анализы показали, что русская поливная посуда с зеленой поливой близка, а в ряде случаев идентична византийской посуде из белой глины как по способу приготовления теста, так и по рецептуре поливы. Своеобразие русской поливы составляет только ее непрозрачность, что обусловливается повышенным содержанием окиси олова; византийская полива всегда прозрачна.

Чем же можно объяснить общность технологии при отсутствии каких-либо общих черт в облике выпускаемой продукции? Ее можно объяснить только общностью технологии разных отраслей стекольного производства, складывавшихся на Руси в этот период при непосредственном участии греческих мастеров. Еще Н. П. Кондаков предполагал, что создание мозаик для первых киевских храмов могло повести за собой привлечение к налаженному греками производству местных сил [1]. В наше время изучение конкретного материала дает все новые и новые подтверждения этой мысли.

Рис. 2. Кувшин белой глины с зеленой поливой из Византии. Найден в слое X в. в Тмутаракани

Возникновение при Ярославе смешанного византийско-русского производства мозаики убедительно доказывает на основании стилистического анализа мозаик Софии Киевской В. Н. Лазарев [2].

Применение спектрального анализа для исследования большого числа стеклянных изделий позволило Ю. Л. Щаповой вещественно уловить продукцию греко-киевской мастерской, работавшей в Киеве во времена Ярослава. Она также предполагает возможность обучения стеклоделию в смальтоварных мастерских Киева.

Процесс сложения русского стеклоделия, в котором заимствование готовых производственных норм шло рука об руку с поисками новых приемов, особенно хорошо отразился на той далеко не главной отрасли стекольного производства, каким было для древней Руси производство

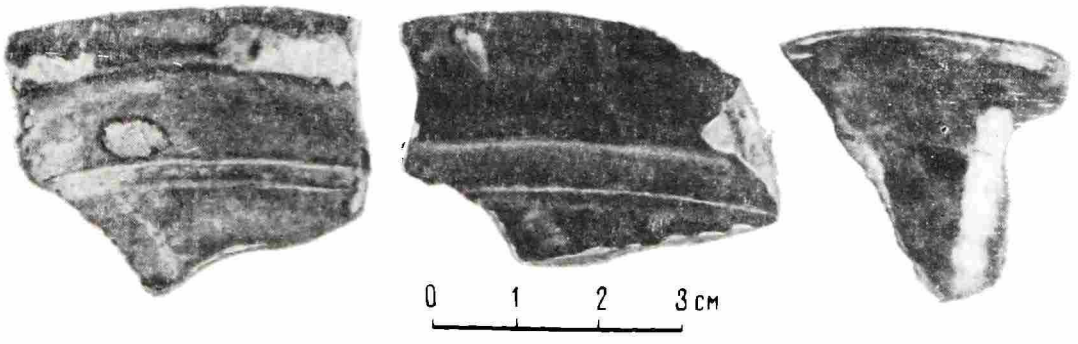


Рис. 3. Обломки блюда и кувшина белой глины с зеленой поливой из Византии. Найдены в слоях X в. в Тмутаракани

поливной посуды. Производство поливной посуды возникало далеко не во всех городах и было, вероятно, побочным. Во всяком случае, это относится к тому раннему периоду, о котором идет речь. Производству поливной посуды был близок по технологии процесс изготовления поливных плиток для полов. Плитки применялись уже в конце X в. в Десятинной церкви. Подражая смальте и заменяя ее, они и рецептурой более всего приближались к ней. Отсюда непрозрачный тон поливы, перешедший от смальты на плитку и потом на посуду. Важно отметить, что полива, покрывающая плитки и посуду, имеет один и тот же состав, а плитки и посуда Киева и Вышгорода приготовлены из одной и той же глины. Очень показательно и то, что единичные фрагменты из Воинской Гребли, украшенные росписью, аналогичны по технике и стилю росписи расписным поливным плиткам из Десятинной церкви и Софийского собора [3]. Все это вместе взятое указывает на тесную связь производства архитектурной и бытовой поливной керамики на Руси.

Попытка сблизить производство поливной керамики на Руси в X в. с эмальерным мастерством была сделана Б. А. Шелковниковым [4]. Расписные блюда, найденные в Тамани, Саркеле и Гнездове, на анализ которых он опирается, вероятно, еще не раз будут предметом исследования и спора, так как вопрос о полихромной расписной белоглиняной посуде относится к числу самых неизученных проблем художественной керамики средневековья. Отметим, однако, что истоки производства древнейшей поливной посуды на Руси надо искать не в совершенно самостоятельной и специфической отрасли ювелирного искусства — эмалях, а в наиболее близком к поливной посуде производстве архитектурной керамики. Описанные образцы посуды на белой глине с зеленой поливой без росписи и особенно с росписью — наглядное тому доказательство.

Суммируем выводы, которые позволяют нам сделать рассмотрение керамики этой группы:

1. Возникновение на Руси в конце X — начале XI в. поливной посуды связано с организацией мастерских по производству керамических украшений храмов.

2. По стилистическим особенностям производство поливной посуды было русским. Форма и орнаментация русских изделий не подражали византийским образцам.

3. К технологическому своеобразию русской поливной посуды следует отнести использование непрозрачной поливы и применение надглазурной росписи другого тона.

4. В технологии русской поливной посуды наблюдается воздействие греческого стеклоделия, что характерно для всего стекольного производства Руси.

5. Производство поливной посуды в конце X — начале XI в. на Руси не было рассчитано на широкий спрос. Оно возникало лишь в некоторых городах, а там, где возникало, было не самостоятельным, а побочным при производстве архитектурной керамики.

6. Смешанный греко-русский состав мастерских, производивших различные декоративные материалы для украшения храмов, очень наглядно виден на производимой этими мастерскими поливной посуде, русской по облику и греческой по рецептуре.

Литература

1. И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV, стр. 131.
2. В. П. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 156.
3. М. К. Каргер. Древний Киев. М.— Л., 1961, II, стр. 58, рис. 18.
4. Б. А. Шелковников. Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями. СА, XXII, 1955.

Я. Н. ЩАПОВ

КИРИК НОВГОРОДЕЦ О БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Открытие в Новгороде берестяных грамот археологической экспедицией под руководством А. В. Арциховского и последовавшие затем находки грамот в других городах — большой успех советской археологической науки. Исследователи получили новый вид исторических источников, вышедших из рук тех людей, которые меньше всего могли рассчитывать сохранить свои записи для истории, и относящихся ко времени, от которого меньше всего дошло до нас письменных памятников.

Новгородское открытие заставило пересмотреть наши представления об образованности населения в древней Руси, убедиться в распространении грамотности среди трудящегося населения (включая и женщин) в древнем Новгороде. Распространению грамотности и светской бытовой письменности в древнем Новгороде способствовало обилие дешевого писчего материала — бересты.

До 1951 г. историки только могли предполагать существование такого вида документов, как грамоты на бересте. Так, А. И. Соболевский считал вероятным, что «береста употреблялась в Московской Руси для черновиков и писем и в XV—XVI вв., но никаких следов ее употребления за это время у нас нет» [1]. Известны слова Иосифа Волоцкого о том, что в обители Сергия Радонежского «и самые книги не на хартиях писаху, но на берестех» [2] Однако эти книги на бересте до нас не дошли, а сохранившиеся берестяные книги XVII—XIX вв. писаны чернилами. Казалось бы, до нас не дошло свидетельств современников новгородских берестяных грамот об их существовании. Однако такие свидетельства, по нашему мнению, есть, и одному из них посвящено настоящее сообщение.

Ряд древнерусских рукописей XIII—XVI вв., главным образом новгородского происхождения, сохранил чрезвычайно интересную запись беседы новгородского священника середины XII в. Кирика с его непосредственным начальником главой новгородской церкви епископом Нифонтом. В древнерусской литературе, как и в литературе европейского средневековья вообще, были распространены такого рода беседы с вопросами относительно тех или иных сторон практической деятельности священника и ответами-разъяснениями авторитетного лица. «Вопрошание» Кирика и его коллег Саввы и Ильи выделяются из этого круга, может быть, только своим непосредственным характером, отражением сочной новгородской жизни XII в., что заставило первого публикатора этого памятника заменить ряд вопросов Кирика и ответов Нифонта многоточием [3]. Исследователи уже давно отметили, что Кирик — незаурядный поп. Он был монастырским библиотекарем и регентом хора, известны его математические и хронологические опыты, отразившиеся в летописных памятниках и в отдельном сочинении «Учение, им же ведати человеку число всех лет» [4]. «Вопрошание» показывает его ревностным служителем церкви, опекуном своей паствы, не утратившей еще многих языческих привычек, строго следящим за выполнением всех правил не только своими духовными детьми, но и самим собой.

Такая черта Кирика, как его казуистичность, внимание к мелочам христианского ритуала, объясняет многое в «Вопрошании»: вынесение на суд владыки большого числа казавшихся ему важными мелких вопросов, сам факт записи этой беседы с Нифонтом в качестве руководства для священника. Именно этой его черте обязаны мы и тем, что в «Вопрошании» оказался записанным его вопрос, представляющий для нас особый интерес.

Новгородская Синодальная кормчая 1280-х гг. сохранила текст такого вопроса Кирика: «Нѣсть ли въ томь грѣха, аже по грамотамъ ходити

ногами аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будуть знати?» [5, 6]. Наблюдательный Кирик счел нужным обратиться к владыке с таким вопросом, несомненно, под влиянием тех явлений, с которыми ему приходилось сталкиваться. Очевидно, он видел, как новгородцы, изрезав, «метали» на землю «грамоты», а затем ходили по ним.

Что это могли быть за «грамоты»? Есть все основания думать, что здесь Кирик имеет в виду не что иное, как ставшие нам теперь хорошо известными берестяные грамоты. Действительно, мы не можем понимать под этим термином какие-либо записи на бумаге (так как последняя появилась на Руси спустя 200 лет после Кирика) или на другом более древнем писчем материале средневековья — пергаменте. Пергамент был настолько дорогим материалом, что он не выбрасывался, но с его листов стирали старые строки и использовали этот пергамент для новых книг (палимпсесты). За все годы работы Новгородской археологической экспедиции ни разу не были найдены пергаментные документы, хотя кожа в новгородском культурном слое сохраняется хорошо.

Подтверждение того, что Кирик обратил внимание именно на берестяные грамоты, можно видеть и в самой его терминологии. Ведь здесь упомянуты не книги, не хартии, а просто грамоты. Так же называют себя и берестяные грамоты, и нужно подчеркнуть удачность такого названия для подобного вида письменных документов. Оно было закреплено и при первой их публикации.

В самих берестяных документах употребляются два общих термина для обозначения писем и письменных распоряжений на бересте —«берос-то» и «грамота» [1]: 123 (XI в.) [г]рамота; 109 (вторая половина XI в.). Грамота от Жизномира к Микуле; 397 (первая половина XIII в.) Къснятина грамота; 358 (середина или первая половина XIV в.) Пришли ко мни, грамоту с кимъ будешъ послалъ; 99 (XIV в.) А ни(ныне) посла еси цоловека да грамоту; 364 (первая половина XV или рубеж XIV—XV вв.) А грамота к тобе с моимъ детиною; 27 (XIV в.) Послал язо к тоби берос-то; 40 (XV в.) Кто придет з берестомъ. Как видно из этого перечня, термин «берос-то» является вторичным. Он возникает позднее (в XIV—XV вв.), очевидно, в связи с появлением нового писчего материала — бумаги, и употребляется для обозначения только берестяного документа в отличие от грамот на бумаге.

Любопытным подтверждением слов Кирика о том, что эти грамоты «изрезав» мечут и ходят по ним ногами, являются сами находки берестяных грамот. В большинстве случаев они сохранились в поврежденном, порванном виде, иногда в обрывках. Однако среди этой массы находок выделяется группа таких, которые оказались поврежденными не в результате пребывания в течение столетий в земле, среди строительного мусора, а намеренно порезаны или порваны на несколько частей. Мы насчитали не менее 14 грамот, которые были разрезаны поперек или вдоль № 18, 26, 36, 48, 50, 62, 83, 102, 123, 129, 151, 164, 166, 191. Куски некоторых из них были брошены в одно место и оказалось возможным их соединить. Адресаты, прежде чем выбросить письма, предусмотрительно уничтожали их. А если под руками не было ножа, то грамоту старались разорвать или, по крайней мере, вырвать имя адресата, как это сделано, например, с грамотой № 155.

Порезанные, порванные и даже целые грамоты действительно валялись под ногами прохожих и обращали на себя внимание. Из 194 грамот, изданных в настоящее время полностью и с указанием точного места находки, 51 грамота, т. е. свыше четверти, найдена на мостовых Великой,

---

[1] Дальнейшие ссылки на грамоты и цитаты из них даны с указанием их порядковых номеров в изданиях [7—11].

Холопьей или Кузьмодемьянской улиц или рядом с мостовыми. Нужно учитывать, что мостовые в Новгороде подметались и содержались в чистоте и многие остатки грамот были уничтожены вскоре после того, как попали на мостовую.

По приведенному выше тексту вопроса Кирика не ясно, что ему ответил Нифонт. Это заставило одного из издателей «Вопрошания» А. С. Павлова выделить из вопроса слова: «Аже кто изрезавъ помечеть, а слова будуть знати» и представить их в качестве ответа Нифонта. Однако трудно в настоящее время судить о первоначальном виде «Вопрошания» и отдельных его вопросов, так как весь памятник еще не изучен. Мы знаем уже несколько его вариантов. Один из них издан С. И. Смирновым и назван им «особой» редакцией. Он содержит интересующий нас вопрос с указанием, что Нифонт на него не ответил («Ти он помолче»), как не отвечал он на некоторые другие вопросы [12].

Однако при любом варианте ответа Нифонта сам вопрос Кирика о грамотах представляет больший интерес. Что же касается различных редакций «Вопрошания», то они нас могут сейчас интересовать только с одной стороны. Известно, что берестяные грамоты встречаются в новгородском культурном слое не выше 3-го яруса, т. е. не позже конца XV в. Является ли случайностью, что в переработках «Вопрошания», относящихся к концу XV—XVII в., вопроса Кирика о грамотах нет? Очевидно, отсутствие грамот в верхних ярусах объясняется не только плохой сохранностью дерева, но и тем, что к этому времени бумага в значительной степени вытеснила бересту. Тем самым отпала и необходимость в сохранении связанного с берестой вопроса: сырые куски бумаги на улицах Новгорода уже не вызывали недоумения — прочитать их было невозможно.

Естественно, что и перенесение «Вопрошания» из Новгорода в другие города, где берестяные грамоты не были в употреблении, могло привести к пропуску интересующей нас статьи при первой же переработке этого памятника [2].

Литература

1. А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2. СПб., 1908, стр. 43.
2. А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1951 г., М., 1953, стр. 6.
3. Памятники российской словесности XII в., изданные К. Ф. Калайдовичем, М., 1821.
4. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
5. Синодальное собрание, ГИМ, № 132, л. 527 об.
6. А. С. Павлов, Русская историческая библиотека, VI, СПб., 1908, стб. 40.
7. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1952 г.), М., 1954.
8. А. В. Арциховский, В. Н. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953—1954 и 1955 гг.), М., 1958.
9. А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, 2.
10. А. В. Арциховский. Новые новгородские грамоты. СА, 1960, 1, стр. 230—244.
11. А. В. Арциховский. Новые берестяные грамоты. СА, 1962, 2, стр. 184.
12. С. И. Смирнов. Древнерусский духовник. М., 1914. Материалы, № 1.
13. В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, I, СПб., 1906, стр. 187.

---

[2] А. С. Павлов предлагал сравнить содержание вопроса Кирика с 68-м правилом VI (Трулльского) собора. Это правило запрещает «раскаждати» (портить) и «расекати» (изрезывать) книги «ветъхааго и новааго завета и святых избрьныих наших проповедьник и учитель» [13]. Это сравнение показывает, что Кирик исходил из конкретной жизни Новгорода, а не канонического права.

Г. К. ВАГНЕР

БРОНЗОВЫЙ ВОДОЛЕЙ ИЗ ДРЕВНЕГО ГАЛИЧА

В 1958 г. на окраине с. Сапогов Галичского района Станиславской области, в урочище Викторовка был найден небольшой литой бронзовый водолей в виде весьма своеобразного «грифона» (рис. 1) [1].

Водолеи в виде грифонов, кентавров, драконов, сиринов и других фантастических существ, а также в виде конных рыцарей, человеческих голов, львов, туров были распространены в средние века как в гражданском, так и в церковном быту. Территория их находок распространяется от Кавказа до Норвегии и от Сибири до Франции. Водолеи небольшого размера Н. П. Кондаков считал церковными [1]. Они употреблялись священниками для омовения рук во время службы [2].

Водолеям посвящена значительная литература [3—9]. Датируются водолеи временем от XI в. и позже, большинство их относится к XII—XIII вв.

Вопрос о происхождении водолеев сложнее. Водолеи в виде конных рыцарей или человеческих голов в сочетании с фантастическими чудовищами, а также в виде львов, иногда с человеческими фигурами на них, Я. И. Смирнов считал, несомненно, западноевропейского происхождения. Водолеи в виде фантастических животных могут быть как западноевропейскими, так и восточными, поскольку образцами для них служили произведения восточного искусства. Я. И. Смирнов, однако, затруднялся в определении собственно восточных водолеев, так как не знал доказательств существования подобных предметов в восточном средневековом быту и их находок в России. «Но сомнение это может быть опровергнуто,— писал Я. И. Смирнов,— конечно, первой же находкой фигурного водолея, который окажется менее близким к западноевропейским, чем все описанные выше» [2].

Если бы мы продолжали вращаться в кругу тех памятников, которые были известны Я. И. Смирнову, то галичский водолей можно было бы признать именно за такую находку. Но со времени работы Я. И. Смирнова количество найденных водолеев значительно возросло и вопрос о них, естественно, усложнился.

Отметим пока, что галичская находка имеет очень мало общего с теми средневековыми водолеями, которые изображают грифонов. Подобные изделия известны как в Западной Европе [3], так и в Африке [10]. В средневековом Галиче образ грифона был хорошо известен. Его изображения встречаются на майоликовых плитках, найденных при археологических раскопках в старом Галиче [11—13]. Мотив грифона был также популярен и во владимиро-суздальском искусстве XII — начала XIII в. Однако галичский грифоноподобный водолей не может быть отождествлен ни с владимиро-суздальскими, ни даже с галичскими грифонами на майоликовых плитках. Все грифоны владимиро-суздальской фасадной пластики принадлежат к типу орлиноголового грифона в том его варианте, который сложился в средние века на северной периферии древневосточного и классического мира (Грузия, Болгария, частично Византия). К этому же типу принадлежат изображения грифонов на галичских поливных плитках, хотя галичские грифоны, в свою очередь, не тождественны владимиро-суздальским.

Галичский водолей нельзя назвать и львиноголовым грифоном. В древнерусском изобразительном искусстве они крайне редки. Кроме

---

[1] Водолей нашла ученица М. Д. Лепецкая. Высота водолея 10,5 *см*, вес 400 *г*. Сведениями о водолее, а также знакомством с самим памятником я обязан сотруднику Станиславского краеведческого музея П. И. Арсеничу, которому приношу здесь благодарность.

фрески на лестнице Киево-Софийского собора [14], можно указать на керамическую плитку из раскопок дворцовой церкви Боголюбова с изображением крылатого зверя кошачьей породы [15]. Галичский водолей очень похож на собако-птицу сэнмурва — популярный образ иранской мифологии. Для сэнмурва характерна собакоподобная голова с раскрытой пастью, две вытянутые вперед лапы, птичье туловище с загнутым всегда вверх птичьим хвостом [16]. Существует ряд водолеев XII в., вос-

Рис. 1. Бронзовый водолей из Галича

ходящих, несомненно, к художественному образу сэнмурва. Водолеи эти западноевропейского (лотарингского) изготовления, хотя, может быть, и не все. Отметим наиболее близкие к галичскому.

1. Водолей Лондонского музея Виктории и Альберта [3] не имеет характерных особенностей, но больше всего похож на собаку. Шея вытянута вверх, туловище птичье, крылья сложены, плечевая часть их представлена в виде круга с решеткой; две лапы похожи на львиные; вместо задних лап — спиралевидный растительный завиток; хвост трубкой загнут вверх, как у ритонов; растительный побег, ответвляясь от трубки, соединяется со спиной, образуя ручку.

2. Водолей Мюнхенского Национального музея [3] имеет высоту 14 *см*. Передняя часть головы не сохранилась, но по всему видно, что голова была собакоподобная. Шея вытянута вверх и спереди орнаментирована в виде полосы шерсти. Крылья изображены так же, как и у предшествующего водолея. Передние лапы отломаны, хвостового спиралевидного завитка не видно. Хвостовая трубка и ручка почти тождественны формам галичского водолея, они также орнаментированы рядом «пуговок». Тождествен и орнамент на плечевой круглой части крыльев. В каждой из клеточек решетки изображена звездочка из четырех перекрещивающихся линий с точкой в средокрестии и на концах лучей.

3. Водолей в Лувре [3] имеет высоту 25 *см*. Голова собакоподобная, на вытянутой вверх шее. Крылья, как у предшествующих водолеев, но хвост скорее змеиный. Загибаясь вверх и соединяясь с шеей, он образует кренделевидную ручку. Вместо хвостового упора-завитка здесь выпущен крыловидный отросток.

4. Особенно близок к галичскому водолей Баварского Национального музея, датируемый XII в. [17]. Отличие состоит лишь в деталях

хвоста и ручки, а также в том, что у баварского водолея лапы поставлены более вертикально и заканчиваются орлиными когтями, у галичского же водолея они явно деформированы и без когтей[2].

О. Фальке и Э. Мейер объединяют опубликованные ими водолеи в группу «драконовидных» и не преследуют, конечно, морфологической точности. В эту же группу зачислен водолей в виде типичного грифона. Наличие водолеев в виде грифонов лишний раз говорит в пользу того, что водолеи в виде сэнмурвов представляют не случайную, а вполне самостоятельную группу. Художественными прообразами подобных изделий могли быть предметы восточного искусства и не обязательно сасанидские, так как изображения сэнмурва на Востоке и в смежных странах встречаются сравнительно поздно [16, 18—20].

Особенностью европейских (в том числе и галичского) водолеев в виде сэнмурвов являются сложенные, а не поднятые вверх крылья. Но на изображениях сэнмурвов XII—XIII вв. встречается и такое положение крыльев. Трактовка плечевой части крыльев в виде правильного круга с «решетчатой» разделкой тоже характерна именно для изображений сэнмурва. Эта особенность сохраняется и в памятниках XI—XII вв. [21].

Историческое сложение образа сэнмурва шло таким же путем, как и сложение львиноголового грифона. Здесь были возможны сближения и переплетения. Галичский сэнмурв с его переходными признаками представляет иллюстрацию сказанного. В приспособлении образа сэнмурва к функции водолея можно видеть сохранение очень древнего мифологического пласта, когда сэнмурв — носитель доброго начала — был связан с благотворной стихией воды [16]. Сказанное, конечно, относится не к памятникам XI—XIII вв., а к их праобразам. Любопытно, что на одном из дагестанских водолеев в виде птицы изображен в небольшом кружке сэнмурв, правда, сильно стилизованный. Дагестан, как известно, был выдающимся центром производства бронзовых изделий, в художественном отношении близких иранским. Многие водолеи в виде животных и птиц сделаны в Дагестане [7].

Европейские водолеи в виде сэнмурвов тоже не могли быть чисто декоративными произведениями. Конечно, их мастера вряд ли имели какое-либо представление о сэнмурве, но они верили в силу традиции, согласно которой водолеи подобного типа считались, видимо, охранительными.

Для установления прообраза зооморфных водолеев большое значение имеют глиняные водолеи из Ани, на которые, как на недостающее звено между Востоком и Западом, указала в свое время К. В. Тревер [5]. Правда, с европейскими водолеями их связать трудно. Отмечу все же, что исследователи западноевропейских средневековых водолеев О. Фальке и Э. Майер, по-видимому, не считают все опубликованные ими водолеи в виде драконов по происхождению западными. В частности, незападным они считают неуклюжее изображение ног у некоторых водолеев. Этой же особенностью отличается и галичская находка. Вытянутые вперед лапы сэнмурва изображены так, что при установке водолея на плоскость они касаются ее только своими пятками. Однако сравнение галичского водолея с баварским позволяет почти с уверенностью утверждать, что оба они были отлиты в одной и той же форме. После отливки водолея Баварского Национального музея форма немного испортилась и некоторые ее детали исчезли или были изменены. Например, мелкие ямочки для пуговок на хвосте сэнмурва были заглажены и заменены более крупными, но следы от этих мелких ямочек хорошо видны на хвосте галичского водолея. Отсутствие у него уха и когтей на лапах тоже было результатом порчи формы.

---

[2] Благодарю В. П. Даркевича за указание на этот водолей.

Идея соединения функции водолея с образом сэнмурва, по-видимому, родилась где-то на Востоке и затем была передана на Запад. Для изучения путей передачи этой традиции очень интересна миниатюра из псалтыри Безансона XIII в. [3]. На ней изображен Пилат, умывающий руки из водолея — драконовидного (т. е. византийского типа) сэнмурва. Специальное изучение изобразительных источников и сюжетных прототипов безансонской псалтыри может дать много нового для освещения вопроса о происхождении водолеев в виде сэнмурва. В последнее время выясняется большое значение Придунайской области в качестве центра производства многих фигурных бронзовых водолеев [9]. Галицко-волынская земля очень близка к этому центру, да и в самом Галиче в XII в. было развито бронзолитейное ремесло. Следует учесть также очень тесные связи Галицко-Волынского княжества с Византией, бывшей активным передатчиком многих образов восточного искусства в Западную Европу. Нам кажется, что в широких границах Западного Причерноморья и следует ожидать в ближайшем будущем решения интересного вопроса о происхождении бронзовых водолеев в виде сэнмурвов.

Публикуемый водолей нужно рассматривать как элемент феодального быта древнего Галича. Выше уже упоминались майоликовые плитки с грифонами, украшавшие интерьер княжеского дворца или храма. В настоящее время мы не можем удовлетворяться старыми взглядами на подобные произведения, как на исключительно декоративные. Грифоновые сюжеты были тесно связаны с формированием феодальных эмблем [6]. С другой стороны, с изображением грифона еще в XII—XIII вв. ассоциировались различные охранительные функции, унаследованные от предшествующих христианству религий. Об этом говорят изображения грифонов на колтах, на змеевиках, крестильных купелях, хоросах, церковных вратах, алтарных преградах и т. д. Циклы грифоновых сюжетов на фасадах архитектурных памятников как бы объединяют эти представления [22]. Во всяком случае, в XII—XIII вв. грифоны никоим образом не были символами зла. Подобное истолкование они стали получать не ранее XIV—XV вв.

То же самое можно сказать и об изображениях сэнмурва. Их охранительное значение отмечено выше. Вместе с этим сэнмурв входил в эмблемы раннефеодальных государств Востока [24]. Поэтому интерес к подобному образу в сильных княжествах древней Руси далеко не случаен [3]. Малая вместимость галичского водолея отнюдь не мешает ему быть элементом не церковного, как считал Н. П. Кондаков, а светского княжеского быта. Князь мог при соответствующих церемониях омывать из особого водолея руки, как это изображено на упомянутой выше миниатюре безансонской псалтыри. Как бы то ни было, публикуемая находка еще раз свидетельствует об особом интересе к таким художественным образам, которые издревле входили в круг государственной эмблематики. Галицко-волынская художественная культура и здесь шла в ногу с владимиро-суздальской.

Литература

1. Н. Кондаков. Русские клады, I, СПб., 1896, стр. 120.
2. Я. И. Смирнов. О бронзовом водолее западноевропейской работы, найденном в Харьковской губернии, и о других подобных находках в пределах России. Харьков, 1902, стр. 3.
3. O. Falke, E. Mayer. Bronzegeräte des Mittelalters, I—II, Berlin, 1935.

[3] В отношении древней Руси XII в. можно говорить о формировании только феодальных эмблем, а не о гербах. В. А. Богусевич ошибочно считает возможным говорить о гербах [23]. Изображение зверя со змеиным хвостом на черниговской капители не было ни сэнмурвом, ни симарглом и никак не могло служить гербом черниговских князей. Эмблемой их был, вероятно, орел. [25]. Во владимиро-суздальском княжестве изображение льва также было только княжеской эмблемой, еще не превратившейся в герб.

4. И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V. СПб., 1897.
5. К. В. Тревер. Бронзовый водолей Киевского клада. ИРАИМК, IV, Л., 1925.
6. Н. П. Кондаков. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.
7. И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935.
8. Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.
9. Э. А. Лапковская. Водолей, найденный в Крыму, и круг родственных ему произведений. В кн.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
10. H. Glück, E. Diez. Die Kunst des Islam. Berlin, 1925, XXXI.
11. Я. Пастернак. Старий Галич. Краків — Львів, 1944, стр. 159, рис. 60.
12. В. К. Гончаров. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. В кн.: Археологічні пам'ятки УРСР, V, Київ, 1955, табл. II.
13. М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. КСИИМК, 81, 1960, стр. 64.
14. Древности Российского государства. Киевский Софийский собор. вып. 1—4, СПб., 1871—1887, табл. 55, *9*.
15. Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, рис. 60.
16. К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937, стр. 33 сл.
17. J. H. Hefner-Alteneck. Trachten, Kunstwerke und Geräthschaften von frühen Mittelalter, II, Frankfurt am Main, 1881, табл. 82.
18. Л. А. Мацулевич. Никорцминда и ее место в культуре Грузии. Сб. «Руставели». Тбилиси, 1938, стр. 55—56.
19. Н. Аладашвили. Рельефы Никорцминда. Тбилиси, 1957, табл. 22, 27, 31.
20. A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen. Berlin. I, 1930. табл. LXII, рис. *107, a*; LXVI, *114, a*; *d* и др.
21. Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас. СПб., 1909, табл. LXX, *126;* LXXII, ***128.***
22. Г. К. Вагнер. Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре. СА, 1962, 3.
23. В. А. Богусевич. Зображення Сімаргла в древньоруському мистецві. Археологія, XII, Київ, 1961, стр. 81—84.
24. К. В. Тревер. Серебряное навершие сасанидского штандарта, ТОВЭ, III, Л., 1940
25. Б. А. Рыбаков Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, стр. 50—51.

Критика и библиография

ЗАМЕТКИ О ЗАРУБЕЖНОЙ БИБЛИОГРАФИИ ПО АРХЕОЛОГИИ ЗА 1950—1960 гг.

Современный библиографический указатель является таким справочным пособием, без которого археолог в науке, словно в горах путник без карты. Сравнение с путником, рискующим заблудиться в горах, подходит сюда не только в переносном, но и в прямом смысле: поистине горы археологической литературы выросли за каких-нибудь полтора века существования археологии как науки. Только по археологии Болгарии накопилось (к 1956 г.) 6305 книг и статей; по некоторым отраслям археологии двух небольших областей центральной Германии (к 1954 г.) — 10606 работ; по археологии стран, расположенных в бассейне среднего Дуная (к 1 января 1954 г.) — 17497 работ! Только за 15 лет (1939—1953) вышло 2336 работ, посвященных археологии Швеции и исследованиям шведских археологов за границей. С каждым годом не только увеличивается общий объем накопившейся археологической литературы, но и возрастают темпы ее накопления — увеличивается количество книг и статей, выходящих за год. Это можно проследить по возрастанию ежегодного выпуска книг и статей, относящихся к археологии греко-римского мира, начиная с 1946 г. соответственно: 2801, 3736, 4767, 5440, 6351, 6872... Затем идет небольшое снижение, но в 1954 г.— 7944... Эти сведения взяты мной из библиографических указателей по археологии, вышедших в последние годы за рубежом [1].

Археологи с особенным интересом встречают появление каждого сводного библиографического указателя, в котором систематизирована археологическая литература многих лет. Этот интерес вполне понятен: подобрать нужную литературу по одному указателю гораздо проще и удобнее, чем том за томом листать библиографические ежегодники.

За истекшее десятилетие археологи получили несколько фундаментальных указателей этого типа: великолепный труд Я. Баннера и И. Якабфи по археологической библиографии бассейна Среднего Дуная [1], двухтомник К. Чекелли по археологической литературе о «варварском» окружении Рима [2], книгу С. Георгиевой и В. Велкова — библиографию по археологии Болгарии [3]. Опубликован также указатель литературы 1939—1948 гг. по археологии Швеции и исследованиям шведских археологов в других странах, составленный С. Янсоном и О. Весбергом [4]. В дальнейшем намечено дополнить его сводками за каждое последующее пятилетие, и уже вышло первое такое дополнение, составленное Х. Кальмером и В. Хольмквистом [5]. Кроме того, вышли в свет некоторые тома многотомных библиографических изданий в помощь археологу. Это «Чиконьяра» («Il Cicognara») [2] Ф. Боррони, отражающая литературу по классической археологии и итальянскому искусству (издание рассчитано на 4 тома, вышло 2) [6]; «Библиография по первобытной и ранней истории Центральной Германии» Г. Бирбаума и В. Шульца (вышли две книги В. Шульца и одна Г. Бирбаума, но материалы обоих авторов еще не исчерпаны, а следующие части подготавливаются

---

[1] Правда, некоторые из приведенных здесь цифр превышают количество описанных в указателе работ: одна и та же работа может быть упомянута в указателе несколько раз, под разными номерами. Зато, как правило, не все работы в указателях учтены, так что этой погрешностью можно пренебречь.

[2] Леопольд Чиконьяра (известный итальянский библиофил первой половины прошлого века) собрал богатую библиотеку по итальянскому искусству и древностям и издал ее каталог. Этот каталог стал классическим справочником по археологически-искусствоведческой литературе Италии, а имя Чиконьяра стало нарицательным.

к печати) [7]; библиографический указатель французских исторических и археологических изданий за 1910—1940 гг., составляемый Р. Гандильоном и редактируемый Ш. Самараном [8]; более узкий указатель Г. де Бара, представляющий собой реестр статей, опубликованных в Археологическом бюллетене Комитета исторических и научных работ (вышел второй том) [9].

Одновременно с этими фундаментальными библиографическими изданиями появлялись и библиографические работы относительно частного назначения, соответственно меньшего объема, по общим проблемам и по отдельным отраслям археологии Италии, Польши, Югославии и других стран, которые я не буду здесь рассматривать [10—17].

Ученые нуждаются в периодических библиографических изданиях, которые поставляли бы регулярную информацию о текущей литературе по специальности и накапливали ежегодные отложения поверх последней сводки. В дальнейшем эти отложения послужат хорошо отпрепарированными материалами для нового сводного обзора.

В истекшем десятилетии к старым изданиям этого типа прибавилось несколько новых. Из старых периодических обзоров этого типа, издание которых продолжается, большой интерес представляет немецкий ежегодник «Археологическая библиография». Он возник в 1889 г. как внутреннее приложение к ежегоднику немецкого Археологического института. С 1913 г. он стал издаваться как отдельное приложение к этому ежегоднику сначала под названием «Библиография к ежегоднику», а затем «Археологическая библиография. Приложение к ежегоднику». В этом издании систематизируется литература главным образом по археологии Греции, Италии, античных колоний в Северном Причерноморье и стран Ближнего Востока [18].

Аналогичное издание существует с 1910 г. во Франции. Это — ежегодный библиографический справочник по искусству и археологии, издаваемый Библиотекой искусства и археологии и, с недавних пор, Международным комитетом по истории искусства [19]. Справочник учитывает и кратко реферирует литературу по общим проблемам искусства и археологии и по материалам Древнего Востока, Эгейского мира, ранним культурам Евразии, античному миру и более поздним эпохам.

Продолжается основанное в 1926 г. издание голландского библиографического ежегодника по археологии Среднего Востока, Индии, Индонезии и смежных районов [20].

В послевоенное время основан замечательный по полноте и качеству обработки библиографического материала ежегодник «Археологическая летопись», издаваемый на английском языке Международной ассоциацией по кассической археологии во Флоренции. В этом издании широко отражена не только литература по классической археологии, но и литература по общим проблемам археологии и первобытной археологии Апеннинского полуострова и Балкан. В первом томе систематизирована литература за 1946 г. [21]. Основным языком в этом издании является английский, но аннотации даны на французском, немецком или итальянском языках.

С 1948 г. Х. Л. Мовиус стал ежегодно печатать на ротапринте краткие библиографические обзоры, посвященные главным образом палеолиту. Это издание прекратилось на восьмом номере за 1955 г. [22]. Его продолжением явились ежегодные сводки Международного объединения по доисторическим и протоисторическим наукам под эгидой ЮНЕСКО, редактируемые Р. Вофреем и издаваемые в Париже. Мне известно о первых четырех номерах этой серии [23].

С 1950 г. вместо «Археологического бюллетеня для Британских островов» стала выходить «Археологическая библиография для Великобритании и Ирландии», издаваемая ежегодно Советом британской археологии [24].

В последние годы в США и Западной Европе возникло несколько новых изданий этого типа. В первую очередь здесь должна быть названа задуманная с большим размахом публикация библиографических сводок текущей литературы на разных языках по археологии Старого Света («Council for Old World Archaeology» — COWA). Эти сводки печатаются под редакцией Л. Уорда отдельными сериями, каждая из которых посвящена определенному району Старого Света; районы пронумерованы (их более 20): 1 — Великобритания, 2 — Скандинавия, 3 — Западная Европа, 4 — Западное Средиземноморье, 5 — Центральная Европа, 6 — Балканы, 7 — Восточное Средиземноморье, 8 — Европейская часть СССР (ред. Павел Толстой), 15 — Западная Азия, 18 — Северная Азия, т. е. Сибирь, Казахстан и Средняя Азия (ред. Ч. С. Чард), и т. д. Пока в наши библиотеки поступили только первые выпуски. Они вышли в разное время и охватывают литературу каждый за несколько лет, но в сериях отражены разные годы: в одной — с 1953 по 1956, в другой — с 1956 по 1959 и т. п. Вторые выпуски появились лишь в некоторых сериях. Перечисленные в выпусках работы кратко реферированы [25]. Параллельно издаются обзоры деятельности археологических учреждений и обществ, занимающихся археологией различных районов Старого Света [26].

В Лондоне Международный институт консервации музейных экспонатов (International Institute for the Conservation — I. I. C.) начал с 1957 г. издавать рефераты литературы по археологической и музейной технологии. Здесь приводится литература по методам естественных и точных дисциплин, внедряемым в археологию (радиокарбонная датировка, металлографический анализ и т. д.) [27].

Из новых библиографических изданий по археологии и смежным дисциплинам наибольший интерес для советских археологов представляет пражская библиография по

славяноведению. Несколько лет назад чехи возобновили библиографическую традицию Нидерле, издававшего в свое время «Вестник славянских древностей» с библиографической информацией по славяноведению. Вначале это новое библиографическое предприятие осуществлялось через журнал «Slavia», где печатались ежегодные библиографические сводки с рефератами по славянской археологии; так вышли сводки за 1951, 1952 и 1953 гг. [28]. Сводка за 1954 г. уже вышла в качестве приложения к одному из исторических выпусков за 1958 г. «Библиографии славянской библиотеки» в Праге. Выпуски эти с 1956 г. появляются несколько раз в году то вместе, то чередуясь с библиографическими выпусками по лингвистике и литературоведению свавянского мира, и отражают литературу по истории, археологии и этнографии. Учитывается литература на разных языках, где бы она ни издавалась [29]. Пробел за 1955—1956 гг. заполнен сводкой А. Питеровой в сборнике «Происхождение и ранняя история славян» [39].

С 1956 г. в Бонне печатаются помесячные библиографические сводки по археологии первобытной, Древнего Востока, классической и христианской, а также по смежным наукам — филологии, антропологии, этнографии и т. п. [30].

В Испании с 1951 г. Д. Флетчер Вальс и Э. Пла Баллестер издают библиографический справочник по археологии Валенсии [31]. В США недавно стали выходить библиографические выпуски, реферирующие литературу по археологии Нового Света [40].

Археологическая литература частично представлена также в двух ежегодниках ЮНЕСКО — в «Международной библиографии по социальной и культурной антропологии (выходит с 1958 г.) [32] и в еще меньшей мере в «Международной библиографии по историческим наукам» (выходит с 1926 г., ныне в сфере влияния ЮНЕСКО) [33].

В мировой системе библиографической информации по археологии лишь подсобную роль играют периодические выпуски, в которых отражаются новые поступления археологической литературы в определенную крупную библиотеку. Такие выпуски издают Римско-Германская комиссия в Берлине [34] и Библиотека Национального института археологии и истории искусства в Модене [35]. Эти издания не обеспечивают достаточной информации: поступления в эти библиотеки не столь всеобъемлющи, чтобы составить для этого хорошую базу. Времена Чиконьяры миновали, теперь каталог одной специальной библиотеки, даже крупной — еще не справочник, требуемый учеными. Быть в курсе всего, что делается в мире по той или иной узкой отрасли науки,— вот что сегодня нужно читателю библиографических указателей. А это требует соединения усилий библиографов и библиотек разных стран.

* * *

Однако в самой постановке систематизации и упорядочения мировой археологической литературы нет ни единой системы, ни общего порядка, которые так необходимы в этом деле. Библиографы разных стран действуют несогласованно. Различны критерии отбора литературы; поэтому библиографические описания кое-где перекрывают друг друга, зато часть литературы остается пока неучтенной. Читателю предлагается пестрый ассортимент указателей с различной структурой, различными принципами систематизации материала.

Французский «Справочник» в значительной части дублирует берлинские издания — «Археологическую библиографию» и «Указатель», а теперь к ним присоединилась еще и боннская «Помесячная библиография» примерно с тем же содержанием. Моденский «Ежегодник» представляет собой ухудшенное подобие флорентийской «Летописи». Даже внутри одного издания (причем из числа лучших изданий этого типа) — внутри библиографии по археологии Центральной Германии Г. Бирбаума и В. Шульца между трудами двух авторов пролегла граница чуть ли не в ранге государственной: у каждого автора своя система расположения материала, свои приемы описания, своя манера оформления, а общая литература приведена дважды — и в труде Г. Бирбаума и в труде В. Шульца. Только и есть всей координации, что по территории Центральной Германии провели демаркационную линию, а дальше,— как в Аугсбургском трактате: cuius regio, eius religio.

Для всех очевидно, что принцип расположения материала в указателе должен быть подчинен одной задаче — обеспечить наибольшее удобство пользования указателем основной массе читателей-археологов. В конечном счете вспомогательные указатели (именной, предметный и проч.) позволяют подобрать нужную литературу при любом расположении материала в обзоре. Но весь вопрос в том, сколько на это надо затратить усилий и времени! Проще всего подобрать литературу тогда, когда само расположение материала в обзоре отвечает запросам читателя. А эти запросы хотя и различны у разных читателей, все же у основной массы схожи. С этой точки зрения далеко не все названные выше указатели заслуживают равной оценки.

Легче всего поступить так, как поступают составители берлинского указателя «Германия»: они бесхитростно перечисляют в алфавитном порядке все поступления в библиотеку Римско-Германской комиссии за год, переписывая при этом оглавления журналов. Легче для составителей — труднее для читателей: каждый из них вынужден прочесть весь указатель, чтобы выбрать нужные работы.

Шведские указатели построены на комбинации алфавитного списка работ (по фамилиям авторов) с поотраслевыми описаниями историографического характера (в аппарате — отсылки к основному списку). В таком указателе легче всего отыскать работы определенного автора, уточнить название и выходные данные известной работы. Но это ли самая частая библиографическая операция археолога-исследователя?

Французский указатель Р. Гандильона построен с явным описательно-краеведческим уклоном: литература сгруппирована по департаментам и узким географическим районам, в которых издавались описываемые работы. Поскольку это большей частью издания местных обществ любителей древностей, они описывают обычно памятники тех территорий, на которых издавались. Еще последовательнее этот принцип выдержан в старом французском указателе Р. Монтандона [36]: в нем представлены только работы по французской археологии, сгруппированные по узким районам, территории которых рассматриваются в работах. В этих громоздких справочниках легко подобрать литературу по археологическим памятникам определенного района, но неимоверно трудно ознакомиться с литературой по той или иной проблеме археологии. Такие справочники вполне устроят краеведов и тех, кто не верит в возможность выяснения закономерностей истории, тех, для кого общественная наука сводится к описательству.

Наибольшее удобство для археологов представляют указатели, в которых материал расположен как в предметно-систематическом каталоге — по отраслям и разделам, а внутри них — по проблемам, культурам, типам памятников и т. п. Именно таково большинство перечисленных выше указателей (в том числе и советские).

Весьма совершенный вариант этого типа указателей представляет собой берлинский ежегодник «Археологическая библиография». В этом указателе после подробного систематического обзора общих трудов по археологии, проблемных, методических, и историографических работ следует обзор частных исследований и публикаций, в котором археологическая литература просматривается дважды — каждый раз в новом порядке: сначала по территориям и эпохам, затем по типам памятников и находок. Внутри дробных рубрик расположение материала может быть предметно-систематическим (соответственно последовательности мест, занимаемых объектами статей в системе археологической классификации), или хронологическим (по годам опубликования работ), или алфавитным. Каждый из трех способов расположения обладает своими преимуществами и своими недостатками.

Первый способ (его применяют «Répertoire» и «Fasti archaeologici») выражает последовательное проведение общего принципа систематизации литературы, принятого в справочниках этого типа, но на практике представляет большие затруднения для составителей (ввиду разноплановости и многопредметности многих статей) и для читателей (ввиду необходимости каждый раз самостоятельно выявлять систему расположения материала внутри рубрики). Второй способ (он представлен в «Il Cicognara» Ф. Борромини и в московском указателе) дает возможность быстро ориентироваться в развитии взглядов и ходе накопления материалов по каждому вопросу. Зато третий способ (предпочитаемый COWA, немецкими изданиями и ленинградским указателем) позволяет легче отыскать статьи определенного автора в избранной рубрике, не прибегая к вспомогательным указателям.

Чем дробнее и короче рубрики и чем меньше в них отсылок к другим рубрикам, иначе говоря, чем меньше названий приходится просматривать для выяснения интересующего вопроса, чем меньше нужно листать справочник, тем он удобнее для читателя. Просмотр моденского ежегодника Д'Онофрио отнимает много времени — рубрики слишком велики. «Fasti» в этом отношении гораздо удобнее. Почти без отсылок построены московский и некоторые другие указатели — работы, учтенные в рубриках по разным периодам, затем повторяются в рубриках по разным проблемам и видам находок. Однако нередко этот критерий оценки входит в противоречие с другим — с критерием полноты информации.

Дело в том, что под напором могучего потока научной литературы даже самые дробные рубрики быстро раздуваются до таких размеров, что становятся трудно обозримыми. Продолжить членение материала, раздробить и эти рубрики? Но, как уже говорилось, есть какой-то почти неопределимый, хотя и улавливаемый составителями, предел в членении материалов, дальше которого дробление теряет смысл. К тому же за какой-то чертой рубрики становятся уже настолько дробными, что почти по каждому вопросу читателю все равно придется прочитывать несколько рубрик подряд.

Есть два возможных выхода из этого затруднения.

Один предпочитают издания с более подробными аннотациями, приближающимися по размеру к коротким рефератам («COWA bibliography», «Bibliografie Slovanské knihovny», «I. I. C. Abstracts»). Для этих изданий особенно опасно чрезмерное разрастание. Поэтому такие издания становятся на путь выборочного отражения литературы, так сказать, просеивания. Они учитывают только крупные работы, а из мелких — те, которые вносят что-либо новое, существенное, ценное (ведь, откровенно говоря, в археологии появляется немало работ, которые сводятся к «повторению пройденного», добавляют лишние однотипные доказательства к тому, что уже давно не нуждается в новых доказательствах). Однако на этом пути слишком вырастает роль субъективного фактора, в библиографии нежелательного. Чрезмерно повышается ответственность составителя, который в силу неизбежной ограниченности своих знаний (как бы они ни были велики) всегда рискует упустить что-то важное, отсеять что-то ценное и что другому исследователю, если не сейчас, то позже, оказалось бы очень полезным.

Поэтому значительный интерес представляет второй выход из затруднительного положения — прием, избранный В. Шульцем. Этот прием применим в справочниках, охватывающих всю литературу, накопившуюся по определенной теме за все время существования науки. В. Шульц разделил свою библиографию по археологии Саксонии-Ангальт и Тюрингии на две части. Старую литературу (до середины XIX в.), представляющую в основном лишь историографический интерес, он расположил в хронологиче-

ском порядке, снабдив именным, предметным и другими вспомогательными указателями. Новую же литературу расположил в предметно-систематическом порядке. Но само собой разумеется, во второй половине этого библиографического труда у Г. Бирбаума все иначе...

Еще более необходима международная координация в вопросах разграничения материалов между библиографическими изданиями разных стран. Это очень сложная задача. Для всякого археолога наиболее желанным представляется указатель, в котором была бы отражена вся литература, относящаяся к памятникам избранного района или круга культур и проблем, вне зависимости от того, где и на каких языках эти работы издавались. Продолжая сравнение, приведенное в начале заметок, можно сказать, что, имея в руках указатель книг и статей, изданных только в одной стране, археолог уподобится путнику, вынужденному пользоваться картой, не отражающей всю интересующую его местность. Путник быстро убедится в том, что его дорога, петляя по горам, то и дело выходит за края карты. Учитывая это обстоятельство, авторы почти всех перечисленных выше указателей стремятся отразить всю литературу по избранной тематике как отечественную, так и иностранную.

Более того, в определении самой территории, литература о которой должна быть охвачена указателем, также логично было бы не считаться с современными государственными границами, поскольку они не имеют отношения к расселению древних племен. Логично было бы для библиографического описания распределять литературу по культурно-географическим районам с не слишком четкими, непостоянными, отдельными для каждого периода территориальными границами. Справедливо пишут авторы венгерского указателя Я. Баннер и И. Якабфи: «Немыслимо проводить на научном уровне работу по археологии, не выходя за современные государственные границы» [1]. Чтобы быть последовательными, авторы венгерского указателя взяли за географическую основу не четко определенную территорию Венгерской Народной Республики, а бассейн среднего Дуная.

С другой стороны, древние племена далеко не всегда придерживались определенного географического, естественно ограниченного района. Колебания границ их расселения бывали порой очень уж часты и достигали большого размаха. Кроме того, в практике библиографов каждого государства иностранная литература по избранным темам пока что с трудом поддается достаточно полному учету — специальная литература одной страны не вся и недостаточно быстро поступает в библиотеки другой страны.

Регулярный, систематический обязательный учет всей литературы, выходящей в стране, и широкая информация о ней налажены в государственном масштабе наиболее полно и подробно в Советском Союзе. Любопытно, однако, что именно советская археологическая литература обычно представлена в иностранных библиографических указателях хуже всего. Даже скрупулезные «Fasti archaeologici» отражают советскую археологическую литературу по своей тематике весьма неполно. От внимания их составителей нередко ускользают специальные работы, появившиеся не в известных археологических журналах и сериях, а в общенаучных изданиях[3]. Французский «Répertoire» вообще регулярно расписывает только три советских издания: «Советскую археологию», «Вестник древней истории» и «Краткие сообщения Института археологии».

Невысок и технический уровень подачи русской литературы во многих зарубежных библиографических указателях. В ряде указателей принята скверная манера передачи русских текстов (названий статей) латинскими буквами, но даже при передаче их русским штрифтом слова порой исковерканы до неузнаваемости. Кто узнает, например, в абракадабре «резиыо» слово «резные», в выражении «Отдел Боітока» название «Отдел Востока», а в имени «Крулгикоба» фамилию И. Т. Кругликовой (см. «Fasti» VII, стр. 30; X, стр. 259; XI, стр. 69).

Авторы вышеназванного венгерского указателя честно пишут, что не ручаются за полноту иностранной доли собранного материала, так как выявляли его по не очень богатым поступлениям в венгерские библиотеки и главным образом по ссылкам в работах венгерских и других археологов [1]. Таким образом, вместо того, чтобы информировать археологов о неизвестной им иностранной литературе, библиографы вынуждены только обобщать сведения, собранные по крупице самими археологами. Правда, в приложении к данному конкретному случаю это замечание в значительной мере должно быть снято, поскольку один из авторов проф. Янош Баннер — старейший и опытнейший венгерский археолог, богатый личный опыт и эрудиция которого, естественно, должны были свести неизбежные пробелы к минимуму. Но ведь от этого не меняется принципиальная сторона дела.

Очевидно, что такие исключительно трудные библиографические предприятия осуществимы в близком приближении к идеалу лишь на базе предварительной систематизации литературы внутри государственно-национальных границ библиографами каждой страны, каждого народа, археологи которого принимали участие в изучении данной темы. Библиографам надлежит прежде всего упорядочить литературу, изданную в их собственной стране на языках ее народов. Вот почему в некоторых странах библиографы археологии занялись прежде всего и главным образом систематизацией всей отечественной литературы по археологии как по темам местной археологии, так и по темам археологии других стран.

---

[3] Надеемся, что это положение изменится, так как с XII тома в подборе материалов для этого издания принимают участие советские специалисты.

На этот путь встали библиографы Франции, его же предпочли и советские библиографы. В труде ленинградских библиографов [37] отечественная литература по темам археологии других стран выделена в особый раздел. У французов этой библиографии посвящено самостоятельное издание, которое в столь большой мере адресовано иностранным ученым, что и выходит (на наш взгляд это даже странно) на английском языке в серии библиографических публикаций французского посольства в США [38].

Конечно, такие труды являются ценным вкладом в мировую библиографию, ибо составляют незаменимую основу для тематических изысканий библиографов всех стран. но зато сами эти труды лишь в неполной мере удовлетворяют потребности археологов своей страны. Они должны быть срочно дополнены сводками иностранной литературы о данной стране, хотя бы несовершенными на первых порах.

Мне кажется, лучший, компромиссный выход из положения нашли шведы, указатели которых содержат всю шведскую и (какую можно было собрать) иностранную литературу по археологии Швеции, а также всю литературу об исследованиях шведских ученых по археологии других стран.

Л. С. Клейн

Литература

1. J. Banner, I. Jakabffy. A közép-Dunamedence régészeti bibliográfiája. A. legrégibb időktől a XI. szàzadig. Budapest, т. I—II, 1954, 1961. Русское название: Я. Банер — И. Якабфи. Археологическая библиография бассейна среднего Дуная, начиная с древнейших времен до XI в.
2. C. Cecchelli. Bibliografia del mondo «barbarico», 1—2, Roma, Ruffolo, 1954.
3. С. Георгиева, В. Велков. Библиография на Българската археология (1879—1955). София, Българската Академия на науките, 1957.
4. S. Janson, O. Vessberg. Swedish archaeological bibliography, 1939—1948. Uppsala, 1951.
5. Chr. Callmer, W. Holmqvist. Swedich archaeological bibliography, 1949—1953. Stockholm, 1956.
6. F. Borroni. «Il Cicognara». Bibliografia dell'archeologia classica e dell'arte italiana. Firenze (Biblioteka bibliografica italica, 6/7, 10). 1—2, 1954, 1955.
7. G. Bierbaum, W. Schulz. Bibliographie zur Vor — und Frühgeschichte Mitteldeutschlands. 1. W. Schulz. Sachsen Anhalt und Thüringen, fl. I. Von 16. Jahrhundert bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts (Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philosophisch-historische Klasse. 47, тетр. I), Berlin. 1955; ч. 2a. Allgemeines und Archäologie 1866—1953 (Abhandlungen.... 50, тетр. I), Berlin, 1959, 2. G. Bierbaum. Land Sachser, ч. 1, 2. Vom 16. Jahrhundert bis gegen Ende des 19. Jahrhunderts (Abhandlungen.., 48, тетр. 2) Berlin, 1957.
8. R. Gandilhon. Bibliographie générale des traveaux historiques et archéologiques publiés par les Societés savantes de la France... sous la direction de Ch. Samaran. Periode 1910—1940. Paris, I, 1944; II, 1950; III, вып. 1, 1951; вып. 2, 1952; вып. 3, 1953; IV, вып. 1, 1956.
9. G. De Bar. Tables générales des Bullétins du Comité des traveaux historiques et scientifiques. I. Bulletin archéologique, 2 (1916—1940). Paris, 1952.
10. K. Majewski, H. Bittner. Materiały do bibliografii archeologii śródziemnomorskiej w Polsce za lata 1800—1950 (Biblioteka archeologiczna, Warszawa — Wrocław, 1952.
11. Z. Z. Skulimowska, W. Ziermacki. Materialy do bibliografii archeologii śródziemnomorskiej w Polscie za lata 1800—1950, ч. II (Prace zakladu archeologii antycznej IHKM PAN, ч. 18). Warszawa, 1960.
12. H. Modrzewska. Materialy do bibliografii archeologicznej Mazowsza, ч. I. В кн.: Materiały wczesnośredniowieczne, III, 1951, Warszawa, 1953.
13. M. L. Pegna. Saggio di bibliografia etrusca (Biblioteka di bibliografia italiana. 22). Firenze, Olschki, 1953.
14. H. L. Movius, D. F. Jordan. A Bibliography of Early Man, Pleistocene Studies and Palaeolithic Archaeology in Southern, Equatorial and Eastern Africa. New York. Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1954.
15. R. J. Gettens, B. M. Usilton. Abstracts of Technical Studies in Art and Archaeology 1943—1952. Washington, 1955.
16. L. J. Łuka. Bibliografia archeologii polskiej za lata 1944—1954. IHKM PAN 1955 (литогр. изд.).
17. P. Gandel. Bibliographie der archäologischen Konservierungstechnik. Bergung-Restaurierung-Konservierung-Nachbildung-Materialkunde (Berliner Blätter für Vor- und Frühgeschichte. 8, 1959). Berlin, 1960.
18. Archäologische Bibliographie... (соответствующего года). Beilage zum Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
19. Répertoire d'art et d'archéologie. Dépouillement des périodiques français et étrangers Comité international d'histoire de l'art et Bibliothèque d'art et d'archéologie de l' Université de Paris). Paris.

20. Annual bibliography of Indian archaeology. Kern Institute, Leyden.
21. Fasti Archaeologici. Annual Bulletin of Classical Archaeology (The International Association for Classical Archaeology). Firenze.
22. H. L. Movius. Recent Publications Mainly in Old World Palaeolithic Archaeology and Palaeo-Anthropology. 1948—1955 (American School of Prehistoric Research Old World Bibliography, N 1—8).
23. Bibliographie annuelle de l'Âge de la Pierre Taillée (Paléolithique et Mésolithique). Publiée sous la direction de R. Vaufrey avec le concours de l'U.N.E.S.C.O. (Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques), N 1—4. Paris.
24. Archaeological bibliographiy for Great Britain and Ireland (Council for British Arcaeology). London.— Прежнее издание: Archaeological Bulletin for the British Isles.
25. COWA Bibliography. Current Publications in Old World Archaeology. Published by the Council for Old World Archaeology. Cambridge, Mass., U.S.A. Editor-in-chief — L. Ward.
26. COWA Survey. Current Works in Old World Archaeology. Published by the Council for Old World Archaeology. Cambridge ,Mass., U. S. A.
27. I. I. C. Abstracts: Abstracts of the Technical Literature on Archaeology and the Fine Arts, ed. by R. J. Gettens (The International Institute for the Conservation of Museum Objects). London.
28. За 1951 г.— «Slavia», XXI (1952—1955), № 4; за 1952 г.— XXIII (1954), № 2—3, за 1953 г.— XXIV (1955), № 4.
29. Bibliografie Slovanské knihovny. Praha, I, 1956.
30. Monatliche Bibliographie für die Fachgebiete Prähistorie, klassische, orientalistische, christliche Archäologie, Alte Geschichte, klassische, altorientalische Philologie, Antike Rechtsgeschichte, Anthropologie, Ethnologie, Folklore. Bonn.
31. D. Fletcher Valls, E. Pla Ballester. Repertorio de bibliografia arqueológica Valenciana (Instituto Alfonso el Magnánimo). Valencia.
32. International Bibliography of Social and Cultural Anthropology (International Social Science bibliographies, publ. by the International Commitee for Social Sciences Documentation in Co-operation with the International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences), ed. J. E. Middleton. University College, London.
33. International Bibliography of Historical Sciences (publ. by the International Commitee of Historical Sciences, Lausanne, with the Assistance of UNESCO), Paris.
34. Germania. Anzeiger der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.— Выходит с 1905 г. как внутреннее приложение к ежегодным отчетам этой комиссии, с 1917 г. выделилось в самостоятельное издание, где библиография занимает только часть площади, остальное — статьи.
35. Annuario bibliografico di archeologia... a cura di C. D'Onofrio (Publicazioni della Biblioteca dell'Institute Nazionale d'archeologia e storia dell'arte). Modena.
36. R. Montandon. Bibliographie générale des traveaux paléoethnologiques et archéologiques. (Epoques préhistorique, protohistorique et gallo-romaine). I—V, Paris, 1917—1938.
37. Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская, А. А. Любимова. Советская археологическая литература. Библиография 1941—1957. М.— Л., 1959.
38. Bibliography of French Archaeology 1945—1955 (French Bibliographical Digest). Washington.
39. Zpravorzdajstvi ze slovanské archeologie za léta 1955—1956. В кн.: Vznik a počatky Slovanu, III, Praha, 1960.
40. Abstracts of New World Archaeology, publ. by the Society for American archaeology, I — 1959 (1960).

М. Ю. Смішко. Карпатські кургани першої половини І тисячоліття нашої ери. Киев, 1960, 186 стр. XXI табл. +2 карты. Цена 1 р. 18 к.

Монография М. Ю. Смишко — результат многолетнего научного полевого и кабинетного труда автора. Он начал раскапывать курганные могильники с трупосожжением Северного Прикарпатья в 30-х годах. В послевоенные годы автор продолжил исследование этих памятников в Закарпатье (могильник у с. Иза). Добытые материалы позволили автору выделить своеобразную археологическую культуру, представленную подкурганными трупосожжениями первой половины I тысячелетия н. э., распространенную в северных и южных карпатских предгорьях. Материалы раскопок карпатских курганов были частично опубликованы М. Ю. Смишко в ряде статей [1—3]. В рецензируемой монографии автор завершил свои исследования, дав исчерпывающий анализ добытого материала. Археологические памятники Прикарпатья — части восточнославянских земель — представляют значительный интерес для изучения древней истории славян, особенно памятники I тысячелетия н. э.— времени формирования восточнославянских племен, образования у них классового общества и государства. Поэтому монография М. Ю. Смишко заслуживает большого внимания.

В предисловии автор справедливо отмечает, что, несмотря на нивелирование особенностей культуры отдельных племен, которая наступила в I тысячелетии н. э. под влиянием развития ремесел, торговых связей и значительного перемещения населения, «при помощи сравнительного анализа археологических данных» можно выявить определенные своеобразные черты материальной культуры отдельных групп населения, обитавшего на восточнославянских землях. «В результате такого анализа можно получить довольно точную этническую и племенную карту этой территории и проследить изменения, происшедшие в ней на протяжении упомянутого периода, и на этом основании восстановить историю восточнославянских земель накануне возникновения древнерусского государства. Поэтому на данном этапе научно-исследовательской работы археологов-славистов наиболее необходимым является всестороннее монографическое изучение различных территориально-культурных, а значит и этническо-племенных групп на древних славянских землях...» (стр. 3). В таком плане и была написана рецензируемая работа, посвященная всестороннему изучению группы карпатских могильников.

В разделе I «История исследований» собраны сведения об исследовании территории северного и южного Прикарпатья. Большинство известных здесь памятников конца I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. принадлежит к случайным находкам. Это были отдельные вещи, монеты IV—III вв. до н. э. и римские клады (монет и вещей), отдельные погребения, подчас разрушенные. Лучше исследовано было лишь поселение латенского времени у г. Мукачева на склонах горы Ловачка, где в начале XX в. были открыты жилые и хозяйственные сооружения, а также собрано огромное количество вещевого материала. На фоне малоизученности прикарпатских древностей курганы выступают как единственная группа археологических памятников, исследованная наиболее полно.

В археологической литературе, посвященной древностям Прикарпатья и представленной большей частью довоенными работами (Я. Янковича, В. Антоневича, Я. Пастернака и других авторов), высказывались самые разнообразные предположения о составе населения в конце I тысячелетия до н. э. и в начале I тысячелетия н. э. Отдельные исследователи писали о пребывании в Прикарпатье галлов, кельтов, гето-дакийских племен, вандалов, гепидов, готов. Как отмечает М. Ю. Смишко, в своих выводах эти исследователи по существу исходили из теоретического положения буржуазной археологии — объяснять новые явления в археологических культурах обязательно сменой населения на данной территории. Значительный интерес представляет вывод Л. Нидерле о проникновении во II—III вв. в Прикарпатье славян, основанный на анализе письменных источников. Автор монографии, начиная исследовать подкурганные трупосожжения Прикарпатья, рассматривал их как памятники дакийских племен [1]. Позже автор пришел к заключению, что древние племена, которым принадлежали открытые в северном и южном Прикарпатье курганы, были предками летописных хорватов [3].

Раздел II «Результаты раскопок подкурганных погребений карпатского типа» представляет собой изложения фактического материала, на котором построена монография. В нем описаны результаты раскопок более сотни курганов на 20 могильниках. Поскольку опубликована была лишь незначительная часть материалов, автором проделана большая работа по собиранию и изучению всех существующих архивных и вещевых материалов, которые хранятся в ряде музеев. В результате обработки этих материалов автор дал полное описание каждого из погребений и обнаруженных в нем вещей. Вызывает лишь удивление, почему в этот раздел не включен могильник Иза II. Материалы этого наиболее раннего прикарпатского могильника автор не раз упоминает в последующем изложении и даже привлекает для определения нижней даты всей культуры (стр. 126).

В разделе III «Погребения и погребальный ритуал» находим общую и исчерпывающую характеристику устройства могил и погребального обряда группы карпатских курганов. Карпатские курганы имеют куполообразную насыпь высотой около 1 *м* и 10—12 *м* в диаметре. Расположены они группами в количестве от одного до нескольких десятков курганов. Иногда места погребений окапывались канавками, а курганы имели каменные конструкции (каменная стенка, кромлех, куча камней поверх погребений). Сожжение умершего, по мнению автора, производилось на месте погребения. Исключение представляет лишь могильник Иза I, где в пяти курганах из 11 раскопанных, судя по отсутствию каких-либо следов обожженности почвы, сожжение происходило на стороне. Автор останавливается и на других предположениях, высказанных в литературе. Так, после раскопок в 1951 г. пяти курганов карпатского типа у с. Глыбока Б. А. Тимощук пришел к выводу, что сожжение умерших производилось в специальном деревянном сооружении [4]. Можно согласиться с М. Ю. Смишко, что у Б. А. Тимощука слишком мало данных для этого предположения. Тот факт, что в ряде карпатских курганов толщина прожженной почвы под кострищем достигала от 2 до 10 *см*, может свидетельствовать о том, что сожжение происходило на поверхности земли. Правда, в некоторых случаях остатки кострища были менее интенсивными. По мнению М. Ю. Смишко, степень сохранности кострища зависела от времени года, растительного покрова, структуры и влажности почвы.

Одной из особенностей похоронного обряда было разбивание во время сожжения глиняных сосудов и бросание их на костер. Сожженные остатки ссыпали в урну или в специально выкопанную ямку, или оставляли на поверхности, сгребая подчас в сторону. Соответственно этому автор выделяет три основных типа погребального обряда: в урнах, в ямках и на горизонте. В ряде курганов обнаружен похоронный обряд сме-

шанного типа, что позволило автору выделить дополнительно еще некоторые варианты основных типов погребений; был открыт также ряд кенотафов. В погребения иногда ставили сосуды, очевидно наполненные едой или напитками. После окончания кремации остатки костра присыпали курганной насыпью.

Большое внимание уделяет М. Ю. Смишко определению количества погребений под одной курганной насыпью. Автор считает, что «у носителей культуры карпатских курганов господствовал обычай хоронить останки одного покойника в отдельном кургане» (стр. 74). Это утверждение выглядит вполне убедительным в тех случаях, когда под курганом были обнаружены остатки костей лишь в одном месте (урне, ямке или на поверхности). Однако в ряде случаев остатки костей были открыты в нескольких местах. Считая, что вопрос о наличии коллективных погребений в карпатских курганах имеет серьезное значение, автор подробно рассматривает его и противоположное мнение Б. А. Тимощука. В четырех из пяти раскопанных Б. А. Тимощуком в 1951 г. курганов под насыпью были обнаружены следы двух-трех обожженных участков земли, на которых толстым слоем лежали пережженные доски. Б. А. Тимощук считает, что это остатки от нескольких трупосожжений на отдельных кострищах и, следовательно, в раскопанных курганах были коллективные погребения нескольких членов одной патриархальной семьи [4]. М. Ю. Смишко соглашается с Б. А. Тимощуком только в отношении кургана VI, где были погребены останки двух умерших; в других случаях, по мнению автора, каждое из пережженных мест занимало небольшую площадь, и потому его нельзя рассматривать как остаток отдельного костра. В кургане II площадь, где находился костер, впоследствии была разделена на две части углублением, в которое поместили сосуды с пищей.

Вообще при обряде трупосожжения нелегко установить количество умерших, сожженных на костре. Необходимо считаться с тем, что часть костей могла растеряться среди остатков костра. При этом количество сожженных костей не обязательно должно соответствовать количеству костров: несколько умерших могли быть сожжены и на одном костре.

При знакомстве с материалами карпатских курганов невольно возникают вопросы: чем объяснить, что под насыпью курганов находили несколько урн или ямок с остатками кремации? Почему остатки сожжения одного умершего делили на несколько частей? В разрешении этих вопросов полной ясности еще нет, и вывод М. Ю. Смишко о погребении под курганом только одного умершего неубедительный. Да и сам автор в некоторых случаях допускает наличие коллективных погребений (Глыбока, курган VI; Иза I, курганы VIII и IX). Вполне возможно, что количество коллективных погребений было бо́льшим, чем это предполагает автор монографии. Не совсем ясным остается также характер погребения в кургане VII у Марковцев. Зачем под насыпью кургана, кроме кострища и двух ямок, заполненных пережженными человеческими костями, была еще большая прямоугольная яма, в которой найдены целый сосуд, обломки других сосудов и фрагмент фибулы? Очевидно, что у населения Прикарпатья был сложный погребальный обряд, связанный со многими верованиями, которые для нас еще не ясны.

В разделе IV автор анализирует добытый материал. Наиболее многочисленными находками были глиняные сосуды. М. Ю. Смишко характеризует технологические особенности посуды, ее формы и орнамент. Автор провел тщательную типологическую классификацию добытой посуды, выделив ряд типов и подтипов сосудов в зависимости от их формы и размеров. Так, среди станковых горшков автор выделяет девять типов, а считая и подтипы — 17 вариантов. Станковые миски разделены на шесть типов (10 вариантов), кувшины — на шесть, кубки — на четыре типа. В группе лепных сосудов выделено шесть типов горшков, три типа кубков и некоторые другие разновидности. Отдельно выделены привозные сосуды, представленные несколькими амфорами. Описывая подробно каждый тип сосудов, автор приводит аналогии для каждого сосуда, известные на соседних территориях Центральной и Юго-Восточной Европы. Это позволяет автору с достаточными основаниями датировать отдельные типы сосудов и высказывать суждения об их происхождении.

В этом же разделе знакомимся с некоторыми интересными выводами, основанными на анализе керамического материала. Находя аналогии карпатским сосудам среди керамики соседних археологических культур, автор считает, что смешение разнородных элементов является характерной чертой карпатской керамики, которая отражает связи местного населения. Автор находит много близких черт у карпатской посуды с посудой дунайских провинциально-римских гончарных мастерских. К характерным провинциально-римским формам М. Ю. Смишко причисляет горшки с тремя ручками, двуручные кувшины, полусферические лейковидные мисочки и мисочки с цилиндрическими плечиками. В карпатской керамике автор находит также позднекельтские традиции (биконические горшки и вазы), дакийские (чаши на высокой ножке и пифосовидные сосуды) и влияние черняховской культуры (ребристые и трехручные миски).

Вместе с тем, М. Ю. Смишко подчеркивает своеобразие карпатского керамического комплекса в целом, который отличается от керамических комплексов соседних культур. Это своеобразие, в частности, выступает в группе лепных горшков, орнаментированных горизонтальными рубцами с косыми насечками или ямками, рельефными валиками и дужками, тоже с насечками. Лепные сосуды, а также ряд станковых не имеют аналогий на других территориях. Своеобразные особенности керамического материала являются, по мнению автора, одним из оснований для выделения карпатских курганов в отдельную территориально-культурную группу первой половины I тысячелетия н. э. С этим выводом можно полностью согласиться.

В этом же разделе М. Ю. Смишко касается важного вопроса о появлении гончарного круга у прикарпатского населения. Некоторые наиболее ранние погребения содержали исключительно лепные сосуды. Станковые сосуды найдены в двух курганах рубежа II и III вв. в могильнике Иза I, что позволяет автору относить появление гончарного круга в Прикарпатье к началу III в. Начиная с этого времени лепные сосуды и станковые сосуществуют. Гончарный круг, по мнению автора, был заимствован из дунайских римских провинций. Это предположение выглядит убедительным. В работах украинских археологов до этого времени совершенно не уделялось внимания вопросу о влиянии дунайских провинциально-римских гончарных мастерских на гончарное ремесло племен, обитавших на древнеславянских землях. М. Ю. Смишко первому среди украинских археологов удалось убедительно и на конкретном материале показать влияние ремесленных центров римского Подунавья на гончарное дело населения Прикарпатья.

Другие предметы погребального инвентаря после сожжения сохранились значительно хуже. В раскопанных могильниках найдено всего около пятидесяти предметов местного происхождения или привозных. К привозным вещам автор относит стеклянный кубок, украшенный эмалевыми нитями, серебряные пряжки, некоторые фибулы, гривну и бусы. По аналогиям автор датирует некоторые украшения, а вместе с тем и карпатские могильники, в целом в рамках III—VI вв. Важному вопросу хронологии карпатских могильников специально посвящен раздел V. В нем обосновываются датировки каждого отдельного могильника и даже каждого погребения. Для этих целей М. Ю. Смишко использовал сосуды, характерные для памятников этого времени на широких территориях Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Датировка эта общепринята и возражений не вызывает. Ряд погребений автор относит к несколько более позднему времени — IV или IV—V вв. К находкам, которые служат основаниями для датировки, он относит амфоры, своим общим обликом напоминающие позднеримские амфоры Северного Причерноморья и некоторые другие типы сосудов, а также удила центральноазиатского происхождения, появившиеся в Европе вместе с гуннами, обломок витой гривны, привозной стеклянный кубок, украшенный эмалью, некоторые типы пряжек.

Остановимся на определении нижней и верхней даты существования группы карпатских могильников. В установлении нижнего хронологического рубежа автор проявляет большую осторожность и колебания, что приводит к противоречиям в его суждениях. Он признает, что в некоторых карпатских погребениях содержится материал II в. н. э. (стр. 125) и даже рубежа нашей эры (стр. 131). Однако этот материал не датируется с такой точностью, как материал III—IV вв. Поэтому автор находит возможным отнести нижний хронологический рубеж культуры лишь к началу III в. н. э. (стр. 125).

Нам кажется, что в данном вопросе М. Ю. Смишко проявляет чрезмерную осторожность. Ряд данных явно указывает на существование карпатских курганов до III в. н. э. Так, одночастные фибулы с подвязным приемником известны в Северном Причерноморье и в Среднем Поднепровье в памятниках рубежа и начала нашей эры, а в Западной Европе они появляются во II в. н. э. Находки в некоторых погребениях только лепных керамических комплексов (Иза I, курган II и др) также могут свидетельствовать о времени более раннем, чем III в. н. э. В этом столетии на соседних с Прикарпатьем землях гончарный круг был уже широко распространен. И мало правдоподобно, чтобы в Прикарпатье, которое, как отмечает автор, имело тесные связи с римским Подунавьем, в это время существовала только лепная посуда. Непонятно также, почему автор оставил «за бортом» в своей монографии могильник Иза II. В разделе II, в котором дано описание всех могильников, Иза II совсем не фигурирует. На стр. 52 автор лишь упоминает этот могильник, относя его к рубежу нашей эры. На стр. 126, определяя нижний хронологический рубеж культуры, автор подробнее описывает этот могильник, отмечая, что памятник этот более ранний, чем могильник Иза I, и может быть отнесен к периоду между концом I тысячелетия до н. э. и I—II вв. н. э. Нам кажется, было бы более правильным включить могильник Иза II в группу карпатских курганов и отнести нижний хронологический рубеж этой культуры ко времени, более раннему, чем III в. н. э.

Самым поздним временем М. Ю. Смишко датирует могильник в Мишине (урочище «Подлипье» — V—VI вв.), в частности погребение II, которое он датирует даже VI в. н. э. Подобная датировка требует особо серьезной аргументации. Ведь до сегодняшнего дня остается неясным и дискуссионным вопрос о характере памятников VI в. в южной части восточнославянских земель. К тому же среди керамики карпатских курганов встречаются отдельные сосуды черняховского типа, установление поздней даты существования которых стоит особенно остро. Основанием для датировки VI в. кургана II могильника в Мишине является находка в нем бронзовой фибулы с изогнутой пятигранной дужкой и двумя ромбовидными щитками (верхним и нижним). Находки фибул близких типов в некоторых раннесредневековых западноевропейских комплексах действительно позволяют предположить, что погребение это относится к указанному автором времени. Кроме фибулы, в кургане были найдены: бронзовая прямоугольная пряжка с выступающими закругленными углами (форма ее доживает до аварского времени), железный браслет и глиняные сосуды, лепные и станковые, в том числе горшок удлиненных пропорций, одноручный кувшинчик, обломки большой трехручной миски черняховского типа. Менее обоснованной выглядит датировка могильника в Нижнем Струтине с III до начала VI в. (стр. 124), так как автор не указывает вещей начала VI в.

Следует отметить, что для установления поздней даты культуры карпатских курганов VI в. материалов еще мало. Основная масса погребений остается в рамках первых пяти веков нашей эры. Да и сам М. Ю. Смишко на стр. 126 отмечает, что «верхний хронологический рубеж карпатских курганов требует дальнейших коррективов». Несмотря на огромную работу, проделанную автором по установлению датировки найденных вещей, раздел «Хронология» все еще оставляет впечатление необходимости дальнейшей проверки как верхней, так и нижней даты культуры. Нужно надеяться, что будущие исследования и новый добытый материал позволят уточнить начало и конец существования карпатских могильников.

Последний раздел монографии носит название «Выводы и некоторые обобщения». М. Ю. Смишко считает, что карпатские курганы составляют отдельную территориально-хронологическую группу памятников. С этим утверждением можно полностью согласиться. В археологической литературе карпатские курганы иногда рассматривались как локальная группа черняховской культуры [5]. Однако эти памятники настолько своеобразны и своим погребальным ритуалом, и керамическим комплексом в целом, что есть все основания выделить их в особую археологическую культуру. В ней имеются лишь некоторые элементы, встречающиеся и в черняховской культуре, например отдельные типы сероглиняных станковых сосудов. Но эти же керамические типы имели очень широкое распространение в античных городах Северного Причерноморья и в крымских скифо-сарматских могильниках, а потому не могут иметь решающего значения при определении археологической культуры.

М. Ю. Смишко, установив, что обряд подкурганных трупосожжений распространяется между Карпатами, Днестром и верховьями Прута и Серета, а также в Семиградье и Верхней Силезии, поставил задачу объяснить происхождение этого обряда. Этому вопросу уделяли внимание также румынские и венгерские исследователи. Критически рассматривая высказанные ими взгляды, М. Ю. Смишко убедительно показывает, что на землях бывших римских провинций Дакии и Паннонии не известны памятники, которые можно было бы рассматривать как предшественников курганов с трупосожжениями. Наиболее ранние погребения этого типа, относящиеся к началу нашей эры, известны в Закарпатье и в Семиградье. В более древние времена на территории этой культуры аналогичный обряд известен лишь в Южном Прикарпатье в памятниках скифского времени так называемого куштановицкого типа, а на смежных территориях — в западноподольской скифской культуре Поднестровья. Таким образом, карпатские курганы представляют собой культуру с древними местными традициями.

Автор проследил существование обряда подкурганных трупосожжений и в последующее время как на территории Прикарпатья, так и смежных областях. Два могильника VII—IX вв. с таким же погребальным ритуалом, но уже со славянской керамикой известны в Закарпатье (Червеневе и Зняцеве). Славянские могильники VIII—X вв. с аналогичным обрядом открыты в Южной Моравии, Восточной Словакии, в некоторых районах Чехии и в южных районах Польши. Добавим к этому, что подкурганные трупосожжения являются характерным общеславянским погребальным ритуалом и известны не только у западных славян, но и у восточных, как в северных областях, так и в южных (дружинные погребения IX—X вв. Киева и Чернигова). Автор не вспоминает об этих погребениях, очевидно, вследствие их удаленности от Карпат. Тем не менее, подкурганные трупосожжения Прикарпатья с очень древней местной традицией представляют немалый интерес для изучения происхождения этого обряда у древних славян.

М. Ю. Смишко пытается характеризовать хозяйство местного населения и его социальные отношения с учетом природных условий карпатских предгорий и добытого археологического материала. Он считает, что основой хозяйства древнего населения этой области было скотоводство; земледелие имело второстепенное значение; были развиты и ремесла (гончарное, изготовление железных и бронзовых изделий), но автор не находит фактов, которые указывали бы на отделение ремесел в самостоятельную отрасль производства.

Нельзя полностью согласиться с характеристикой гончарного ремесла, данной автором. С одной стороны, он отмечает, что у населения не было условий для развитого внутреннего обмена, что гончарное дело было подсобным занятием общинников и не выходило за рамки домашнего промысла. С такими экономическими условиями обычно связываются в нашем представлении первые этапы гончарной техники, низкая ступень его развития, небольшой ассортимент форм и применение ручного круга легкого типа. Но, с другой стороны, автор отмечает, что карпатские станковые сосуды имели разнообразные и отработанные формы и были мастерски изготовлены на усовершенствованном круге тяжелого типа. Сосуды эти обжигались в специальных горнах (гончарный горн с сосудами карпатского типа был открыт в Голыни). Все эти черты керамики скорее могут быть связаны с работой гончаров-профессионалов, которые изготовляли продукцию для обмена, чем со скотоводами-общинниками, которые занимались изготовлением сосудов для себя.

Анализ археологического материала приводит автора к некоторым выводам о социальных отношениях в местном обществе. Существование на отдельных могильниках обособленных групп курганов автор рассматривает как пережиток старых родовых традиций — умершего родича хоронили на родовом кладбище. Незначительные различия в инвентаре погребений и расположение особо отмеченных курганов среди других погребений показывает, как считает автор, что имущественное и социальное расслоение не было еще глубоким.

В определении этнической принадлежности населения Прикарпатья М. Ю. Смишко опирается на исследование письменных источников, произведенных Л. Нидерле, считавшим, что к северо-востоку от Карпат в первые века нашей эры жило племя карпианов. Карпиды упоминаются среди племен Скифии в источниках IV в. до н. э. Это было древнее население Прикарпатья. Впоследствии под названием «карпов» оно упоминается в римских источниках в числе племен, которые вторгались в римские провинции — Дакию, Иллирию и Мезию. М. Ю. Смишко считает, что карпатские могильники с древними местными традициями, а также подкурганные трупосожжения Семиградья и Южной Польши принадлежали этому племени. Автор критически рассматривает интерпретацию этнической принадлежности семиградской группы курганов с трупосожжением на месте погребения типа Кашольц, данную румынскими исследователями (В. Пырван, К. Дайковичиу, М. Макря), которые причисляют эти курганы к дакийской группе памятников. Автор полагает, что семиградские курганы составляют особую группу памятников, которая отличается от дакийских бескурганных трупосожжений с урнами и аналогична по обряду карпатским курганам.

М. Ю. Смишко отмечает вслед за Ф. Брауном и Л. Нидерле связь между названиями «карпы», «Карпаты» и «хорваты». Карпы были, по мнению М. Ю. Смишко, предками славянского племени хорватов или, по крайней мере, частично ассимилированы славянами. Это предположение подтверждается совпадением территории карпов и хорватов IX—XI вв. и археологическими фактами, показывающими сходство погребального обряда курганов с трупосожжениями первой половины I тысячелетия н. э. и славянских могильников VII—VIII вв. Это позволило автору считать «носителей культуры карпатских курганов непосредственными предками восточной части летописных хорватов» (стр. 152).

Монография М. Ю. Смишко в целом заслуживает высокой оценки. Книга представляет собой полную и систематическую публикацию памятников, которые, таким образом, вводятся в научный оборот. Монография является несомненно значительным вкладом в изучение истории древних славян.

А. Т. Брайчевская

Литература

1. М. Ю. Смішко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. Археологія, II, Киев, 1948.
2. М. Ю. Смішко. Два курганні могильники в околицях села Ізи, Закарпатської області, АП, III, 1952.
3. М. Ю. Смішко. Ранньослов'янська культура Карпатського підгір'я, НЗІСН, I, Киев, 1953.
4. Б. А. Тимощук. Подкарпатские курганы III—V веков нашей эры. КСИИМК, 1953, 52, стр. 56.
5. М. Ю. Брайчевський. Стародавні східні слов'яни. В кн.: Нариси стародавньої історії Української РСР, Київ, 1957, стр. 326.

Хроника

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В 1960—1961 гг.

I. ГРЕЦИЯ

1. Афины и Аттика

Работы на Афинской агоре [1; 2] были сосредоточены в районе Южной Стои и Гелиеи; прослежено несколько строительных периодов существования этих зданий, начиная со второй четверти VI в. до н. э. и вплоть до разгрома Афин Суллой в 86 г. до н. э.

Из числа других археологических работ, проводящихся в Афинах, следует упомянуть раскопки близ входа на Акрополь, у подножья бастиона храма Ники Аптерос [1, стр. 607—611; 2]. Найденные здесь фрагменты терракотовых статуэток и обломки краснофигурных и чернолаковых ваз, на некоторых из которых есть графитти с посвящением Афродите, указывают на существование в этом месте святилища Афродиты.

В районе Академии Платона обнаружен ряд погребений геометрической и архаической эпохи [1; 2]. Интересно погребение ребенка в амфоре с изображением лошадиных голов, датирующейся около 600 г. до н. э.

В 10 *км* к северо-западу от Афин открыто изолированное здание классического времени, видимо, ферма. Прямоугольный в плане дом, размером 21 × 16 *м*, состоит из ряда помещений, расположенных по трем сторонам двора. Главный вход находится в юго-восточном углу. Дом был построен из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте, полы земляные, найдены остатки черепичной кровли. С востока к зданию примыкал открытый проход, огражденный стеной из камней. Фрагменты керамики датируют это здание второй половиной V в. до н. э.

Интересное открытие сделано в районе Кефисии в феврале 1961 г. [2; 3]. При постройке частного дома здесь было обнаружено несколько скульптур, в том числе портретный бюст Герода Аттика (рис. 1), а также бюст его друга Полидевка, и рука черного мрамора, возможно, принадлежавшая статуе другого его друга Мемнона. Предполагают, что здесь была вилла Герода Аттика.

В центральной части Аттики, в районе Меренда [1; 2; 3], обнаружен некрополь, расположенный с южной стороны древней дороги, ведущей из Афин в Сунион. Погребения датируются временем от геометрической до классической эпохи; среди могил найдено четыре ботроса, прямоугольные, выложенные камнем ямы, предназначавшиеся, очевидно, для жертвоприношений. Среди разнообразной керамики, происходящей из этого некрополя, отметим большую позднегеометрическую амфору с изображением шествия воинов на тулове и вазу интересной формы, с сеткой, вставленной в горло, датирующуюся VIII в. до н. э. (рис. 2).

В Бравроне [1; 2] Пападимитриу продолжал исследование святилища Артемиды. Открыты монументальные пропилеи, расположенные с восточной, обращенной к берегу стороны святилища. Дорога, шедшая от ворот, с севера была обрамлена портиком, крыша которого поддерживалась прямоугольными столбами; внутри портика найден ряд баз из пороса для вотивных рельефов или надписей. Доследовалась также открытая ранее стоя V в. до н. э.

На п-ове Корони, в заливе Порто-Рафти (восточное побережье Аттики), раскапывалось древнее укрепление [4]. Окруженный стенами акрополь расположен на наиболее высокой части полуострова; южнее, ближе к перешейку, соединяющему полуостров с материком, проходит вторая оборонительная стена, укрепленная девятью башнями. Стены сложены из небольших необработанных камней, так же как и дома, найденные на акрополе. Все находки датируются первой половиной III в. до н. э. Очевидно, это была опорная база флота Птоломея II во время Хремонидской войны, когда Птоломей был в союзе с Афинами.

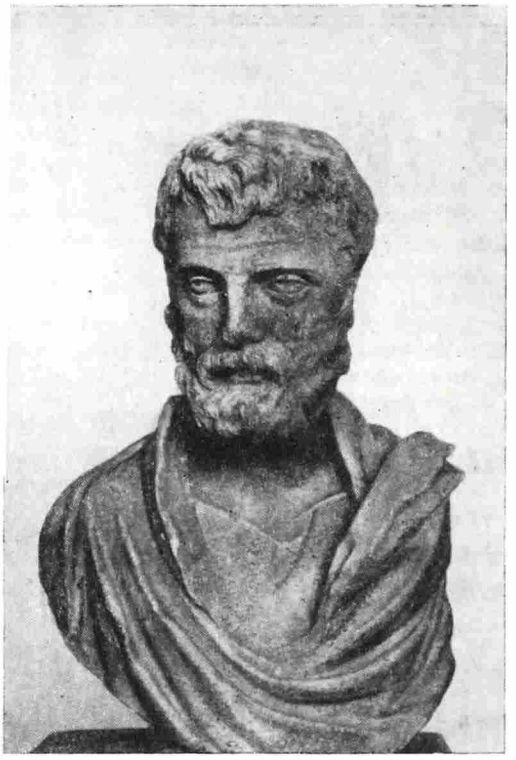


Рис. 1. Бюст Герода Аттика, найденный в Кефисии

Продолжаются раскопки позднемикенского некрополя в Перати [1; 2; 3], на северном берегу залива Порто-Рафти. Среди керамики преобладают вазы позднемикенского III С стиля. В могиле № 104 найден картуш из стеклянной пасты с именем египетского фараона Рамзеса II, что позволяет уточнить дату некрополя.

В Элевсине [2] завершены раскопки ворот в городской стене западнее Больших Пропилей. Ворота, фланкируемые большой прямоугольной башней, датируются временем Писистрата.

2. Пелопоннес

На Исфмийском перешейке продолжено исследование диолкоса [1, 2], дороги для перевозки через перешеек кораблей, открытой в 1956 г. Исследована вся западная часть дороги к югу от Коринфского канала; во многих местах на плитах вымостки вырезаны буквы, по форме своей относящиеся к началу VI в. до н. э. Близ западного конца диолкоса обнаружена вымостка более позднего времени, лежащая на 0,45—0,70 *м* выше первоначальной. Эта позднейшая вымостка относится, вероятно, ко времени Пелопоннесской войны, когда диолкос использовался для перевозки пелопоннесцами кораблей из Коринфского в Саронический залив, как об этом сообщает Фукидид (III, 15; VIII, 7).

Открыта и прослежена на $^2/_3$ ее длины оборонительная стена [5], пересекающая Исфм в самом узком его месте. Стена имеет два фаса, сложенных из больших известковых блоков; промежуток между ними заполнен бутом из булыжника. Верхняя часть стены, возможно, была сооружена из сырцовых кирпичей. Как предполагают, эта стена была построена в связи с нашествием галлов в 279 г. до н. э.

В Исфмийском святилище Посейдона основные работы в 1960 г. велись в районе театра [1, стр. 660—661]. Древнейшие найденные здесь строительные остатки восходят к IV в. до н. э. Часть проскениума и скены относятся к доримской эпохе. В I в. н. э. театр дважды перестраивался.

Разведочные траншеи, проложенные в 1960 и 1961 гг. в районе стадиона, расположенного в юго-восточном углу святилища, показали, что он по сохранности принадлежит к числу лучших сооружений такого рода в Греции.

В Коринфе [1; 2; 6; 7] в 1960—1961 гг. работы велись в основном в юго-западной части агоры. Вскрыты строительные остатки византийского времени — группы лавок, частные дома небольшого размера. На значительном протяжении прослежена мощеная дорога римского времени, проходящая через эту территорию в южном направлении. При раскопках найдена головка кариатиды римской работы по оригиналу V в. до н. э., служившая украшением фонтана. У подножья Акрокоринфа открыт небольшой некрополь IV в. до н. э. В 1961 г. на склонах Акрокоринфа обнаружены остатки святилища в виде двух фависс, заполненных вотивными терракотами и сосудами. Судя по находкам, святилище существовало в VI—II вв. до н. э. и затем, после некоторого перерыва, возродилось в римское время. Возможно, это святилище Деметры и Коры, находившееся, как упоминает Павсаний (II, 4, 7), на дороге к Акрокоринфу. Среди находок следует отметить две мраморные головы молодых девушек, вероятно, жриц богини, а также большую голову богини, может быть, от культовой статуи; все три головы относятся к римскому времени.

Рис. 2. Ваза геометрического стиля из некрополя в районе Меренда (Аттика)

К северу от Пропилей коринфской агоры, в районе так называемых «Бань Афродиты», исследовался источник IV в. до н. э., имевший ту же систему водосборных каналов, что и фонтан Пейрены.

В Микенах [1; 8] велись работы по исследованию домов микенского времени в пределах акрополя и вне его. Эти работы явились продолжением раскопок Уейса, прерванных его смертью. При доследовании дома Сфинксов в 1959 г. у его южной стороны была обнаружена могила геометрического времени, содержавшая большое число расписных ваз. Основные работы 1960 г. были сосредоточены в восточной части Дома Цитадели; здесь открыто длинное помещение, род коридора длиной 9,20 *м* и шириной 2,30 *м* с дверными проемами на обоих его концах (рис. 3). Западная стена этого помещения сложена из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте, восточная — из камней вперемежку с сырцовыми кирпичами. Под покрытым штуком полом вдоль западной стены проходит водосток. В нем был обнаружен большой свинцовый сосуд. Назначение этого помещения, погибшего от пожара, пока не выяснено. Благоустроенные дороги, покрытые штуком и укрепленные подпорными стенами, вели к дверям этого помещения.

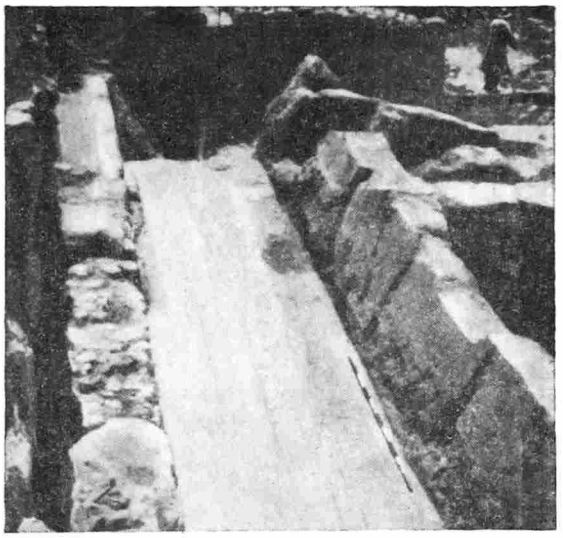


Рис. 3. Вид коридора в Доме Цитадели в Микенах

При разборке перекрывавших Дом Цитадели эллинистических остатков обнаружено несколько помещений с хорошо сохранившимися стенами из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте. В северной части дома найдена табличка с надписью линейным шрифтом Б. Это первая находка табличек с надписями в пределах Цитадели.

В Аргосе [1, стр. 675, 899—903] продолжается исследование некрополя, датируемого временем от геометрической до эллинистической эпохи. Коллекция геометрической аргосской керамики, собранная в местном музее, пополнилась рядом превосходных ваз, главным образом VIII в. до н. э. Найдены также хорошие образцы керамики V в. до н. э., в том числе пиксида, украшенная двумя скульптурными женскими протомами.

Чрезвычайно интересное открытие сделано в Дендре [1; 2], известном некрополе микенского времени. Из двух новых камерных гробниц (12 и 13), исследованных в 1960 г., одна (№ 12) дала ряд уникальных находок. Могила представляет собой прямоугольную камеру, в которую вел короткий ступенчатый дромос, похожий на шахту (длиной около 2 *м*). В камере находилось всего одно погребение. Судя по керамике, погребение датируется 1450—1400 гг. до н. э. В разрушенной грабителями северо-восточной части могилы найдены обломки бронзового гребня с золотыми зубьями, бронзовая ручка кубка типа Вафио с золотой инкрустацией и заклепки с золотыми голов-

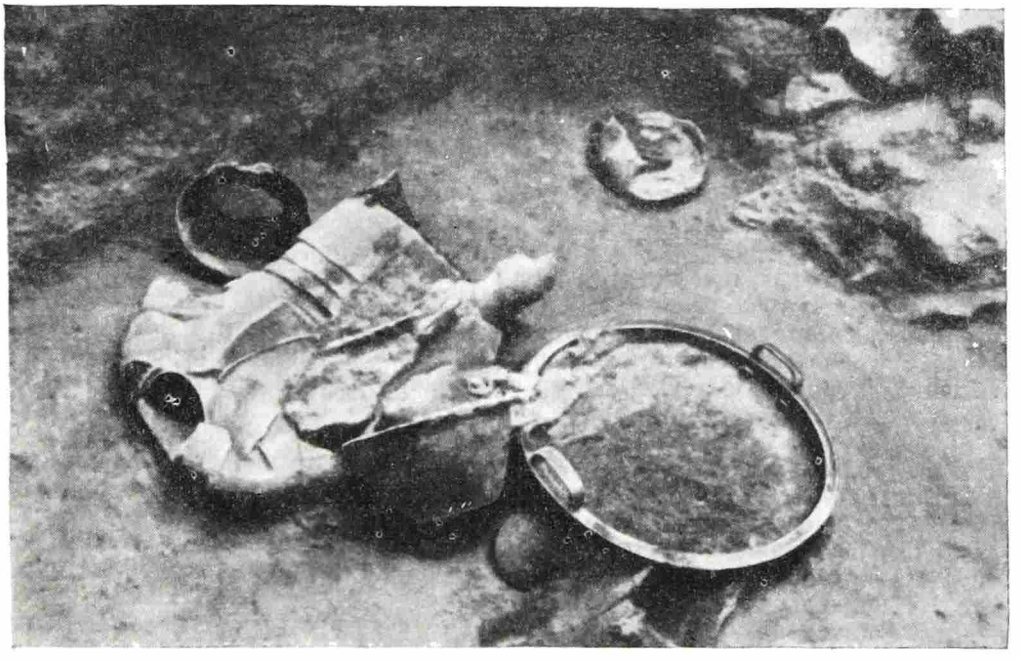


Рис. 4. Вид бронзовых изделий в микенской гробнице № 12 в Дендре

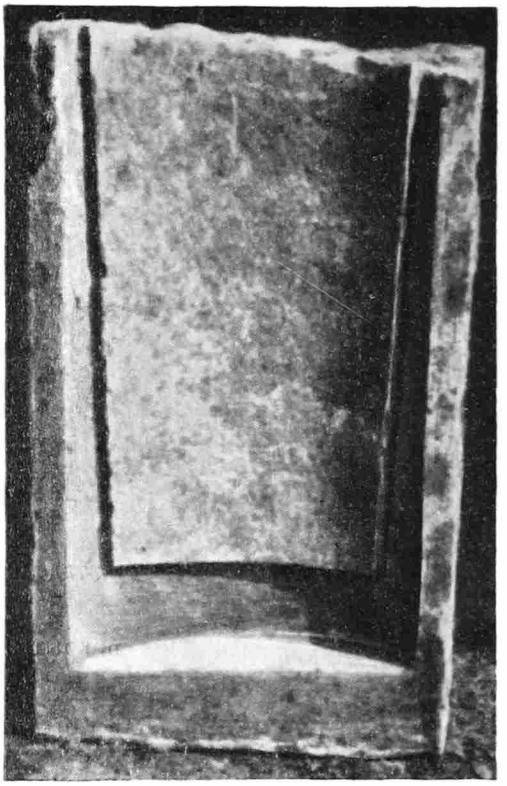


Рис. 5. Каменная стела с изображением эталона лаконской черепицы из Мессены

ками. В противоположной же части камеры обнаружен хорошо сохранившийся бронзовый панцирь и ряд других бронзовых предметов (рис. 4). Панцирь сделан из отдельных листов бронзы; плечи защищены выгнутыми наплечниками. Шейная часть панциря, по форме напоминающая усеченный конус, лежала отдельно. Нижняя часть панциря состояла из трех бронзовых полос. Памятник этот является совершенно уникальным. Он вполне соответствует описаниям панцирей у Гомера, а также их изображениям на табличках с линейным шрифтом Б. Рядом с панцирем лежали три бронзовые вазы. Самая большая из них, плоская двуручная чаша, была покрыта слоем перегнившего дерева и кожи, возможно, остатками щита. В чаше были найдены бронзовые нащечники и несколько кабаньих клыков, несомненно, принадлежавших шлему широко известного типа. Эта находка доказывает, что такой шлем мог соединяться с нащечниками, сделанными из бронзы. В погребении найдены также остатки колчана и круглое бронзовое зеркало.

В Спарте [1] начаты раскопки на акрополе древнего города, близ святилища Афины Халкиокеи. Раскопки в нижнем городе открыли под остатками византийских домов фундаменты небольших жилищ римской эпохи с мозаичными полами. Остатки классической эпохи здесь очень незначительны; к архаическому периоду относятся четыре ящичные могилы, расположенные близ плохо сохранившихся остатков жилищ, а также печь для обжига керамики.

В Амиклах [1; 2] продолжено исследование найденного близ церкви св. Параскевы вотивного комплекса, датирующегося временем от геометрической до классической эпохи. Многочисленные посвятительные надписи на фрагментах керамики подтверждают высказанное ранее предположение о том, что здесь находилось святилище Агамемнона и Александры-Кассандры, о котором упоминает Павсаний (III, 19, 5). Однако остатков самого святилища пока не обнаружено. Два больших терракотовых рельефа с изображением сидящего бородатого человека (возможно, Агамемнона?), найденные здесь, очень близки хорошо известным каменным спартанским рельефам.

На холме Агиос Стефанас [1; 2] исследовался некрополь III—II тысячелетий до н. э. Найдено более 20 погребений с трупоположениями. Погребальный инвентарь имеется не во всех могилах, поэтому не всегда можно определить их дату. Древнейшие погребения относятся к раннеэлладскому периоду. В одном из них найдены бронзовые щипцы, в другом — простой глиняный кубок на ножке. К среднеэлладской эпохе с уверенностью можно отнести лишь одно скорченное погребение с четырьмя глиняными вазами. Остальные погребения этого некрополя относятся к микенскому времени.

В Мессене [1; 2] были продолжены раскопки в районе агоры. Завершена расчистка монументальной лестницы, ведущей на верхнюю террасу. По сторонам ее расчищены стены двух крыльев здания, вероятно, Себастейона — места культа римских императоров (о нем упоминается в надписи, найденной в предшествующем сезоне у подножия лестницы). На верхней террасе открыта длинная стена здания, фасад которого был обращен к югу. Близ его юго-западного угла найдена in situ каменная стела с рельефно исполненным эталоном лаконской черепицы (рис. 5); это третий известный нам памятник такого рода. Другие два были найдены на Афинской агоре и в Ассосе.

В Пилосе [9] работы 1960 г. были сосредоточены в юго-западной части так называемого «Старого дворца». Под полом ряда помещений дворца прослеживаются остатки стен более раннего периода. Одна стена прослежена на 16 *м*. Вероятно, она являлась внешней стеной дворца микенского III А периода, предшествующего дворцу XIII в.

В процессе раскопок в юго-западной части дворца было найдено 30 обломков табличек с надписями линейным шрифтом Б, несколько глиняных печатей, фрагменты терракотовых фигурок людей и животных. Среди фрагментов расписной штукатурки можно различить изображения морских сцен, охоты, орнаментальных мотивов; прослеживаются два стиля исполнения, более ранний и более поздний, датирующийся концом микенского III В стиля.

При доследовании помещения, примыкающего с юга к так называемой дворцовой мастерской, в нем были обнаружены многочисленные кусочки слоновой кости, на некоторых из которых сохранились процарапанные узоры, а также около 500 бронзовых наконечников стрел.

В ряде пунктов близ Пилоса, в юго-западной Мессении [1; 2; 10] производились раскопки и разведочные работы. На некрополе Палайпилос открыты еще три толосные гробницы обычной формы — с коротким дромосом и круглой камерой с конусовидным куполом. Лишь одна из них была не поврежденной.

Богатым оказался погребальный инвентарь двух погребений в Кукунара, давших каждая около 30 расписных ваз позднемикенского I—III периодов, в том числе ряд первоклассных образцов так называемого «дворцового стиля». Близ селения Муриатада обнаружены остатки циклопических стен и построек типа мегарона. Поселение было разрушено пожаром в конце XIII в. до н. э. Оно индентифицируется с древней Амфигенеей. Здесь и в других местах открыты толосные гробницы. Один из наиболее значительных по размеру толосов находится близ Мойра. Размеры его дверного проема — 5 *м* высоты и 2,5 *м* ширины; камера, свод которой рухнул еще в древности, достигает 13 *м* в диаметре. Судя по керамике, этот толос следует датировать XVI в. до н. э. Интересно отметить, что на левом из каменных столбов, обрамляющих двери, вырезаны два знака, напоминающих критские изображения — ветвь и двулезвийный топор. Производивший здесь работы С. Маринатос видит в этом доказательство ранних связей района Пилоса с о. Критом. Вблизи этой гробницы обнаружены остатки поселения микенского времени.

В Олимпии [1; 2; 3] при реконструкции земляных трибун стадиона IV в. до н. э. открыто около 40 колодцев, вырытых для снабжения водой зрителей, собиравшихся на Олимпийские игры. Из этих колодцев происходит множество бронзовых предметов (шлемы, щиты, поножи), датирующихся VII—V вв. до н. э. На некоторых из них есть посвятительные надписи аргивян, мессенян и жителей других греческих и южноиталийских центров. Особенно интересен шлем, посвященный афинянами, являющийся военной добычей, взятой у персов, возможно, при Марафонской битве. Следует отметить также бронзовую табличку, на которой записан договор между жителями Сибариса и Σερδατος — очевидно, соседним с ним италийским племенем, не известным по другим источникам.

При раскопках стадиона обнаружены остатки упоминаемого Павсанием (VII, 20, 6) алтаря Деметры Хамины, находившегося против мест для судей. От него сохранилось лишь несколько поросовых блоков. В самых нижних слоях здесь найдены фрагменты керамики элладского времени. Значительные остатки поселения среднеэлладского и микенского времени были обнаружены в разведочных траншеях, на месте строительства Нового Музея Олимпии. Помимо фундаментов зданий и фрагментов керамики, здесь открыт и ряд микенских погребений.

В Фейе [1], близ залива Сант-Андре, проведены подводные исследования, обнаружившие на дне моря остатки зданий, многочисленные обломки архитектурных деталей и фрагменты керамики от архаического периода до римского времени.

3. Центральная и Северная Греция

В Авлиде [1; 2] работы велись к югу от храма Артемиды. Два из раскопанных здесь зданий являются керамическими мастерскими: в них найдены печи для обжига керамики, куча заготовленной глины, обломки черепицы и керамики, интересная форма терракотовой группы из трех фигур. Это открытие подтверждает высказывание Павсания (IX, 19, 8) о том, что основным занятием жителей Авлиды было гончарное ремесло.

В микенском поселении в Гла (Арне) [1; 2] раскопки велись на акрополе к югу от так называемого дворца, на территории агоры. Выяснено, что агора представляет собой почти правильный прямоугольник (рис. 6), обрамленный по сторонам длинными портиками и группами небольших зданий. Исследованы северные, западные и юго-восточные ворота городской оборонительной стены. При доследовании и уточнении плана самого дворца открыта развитая система расположенных под полами водостоков. Дворец имел два этажа. В нем найдена керамика конца позднемикенского III периода. Интересен обнаруженный во дворе, близ дворца высеченный из камня рог высотой 0,80 *м*, аналогичный найденному в Кносском дворце.

Продолжаются раскопки открытого в 1958 г. святилища близ с. Месопотамос [1; 2; 3] в Феспориде. Внутренняя часть святилища, где вопрошался знаменитый оракул мертвых, образована сложным комплексом помещений, окруженных массивной (толщиной более 3 *м*) стеной полигональной кладки, сохранившейся на высоту до 3,25 *м*. В центральное помещение, имеющее форму вытянутого прямоугольника, вел запутанный проход, получивший название лабиринта (рис. 7). Под этим помещением находилась подземная сводчатая крипта. Святилище погибло при пожаре, в котором сгорели заполнявшие его вотивные приношения. В боковых помещениях сохранились кучи обгоревшей пшеницы и ячменя, сосуды со следами меда, остатки железных орудий. Исследованные сооружения датируются эллинистическим временем.

Работы последних лет на о. Керкире [2; 3] позволили уточнить время основания коринфской колонии: самые ранние из найденных здесь фрагментов протокоринфских сосудов датируются второй половиной VIII в. до н. э. Очевидно, из всех дат основания Керкиры, упомянутых античными авторами, наиболее точна дата, приводимая Фукидидом и Страбоном — 734 г. до н. э. Наряду с импортной коринфской керамикой здесь уже с конца VIII в. появляется местная ее имитация. Аттический импорт отмечается лишь с середины VI в. до н. э.

После двухлетнего перерыва возобновлены раскопки в Иолке [1; 2]. Исследовались остатки дворца микенского времени. Открыта третья большая зала. Остатки красной

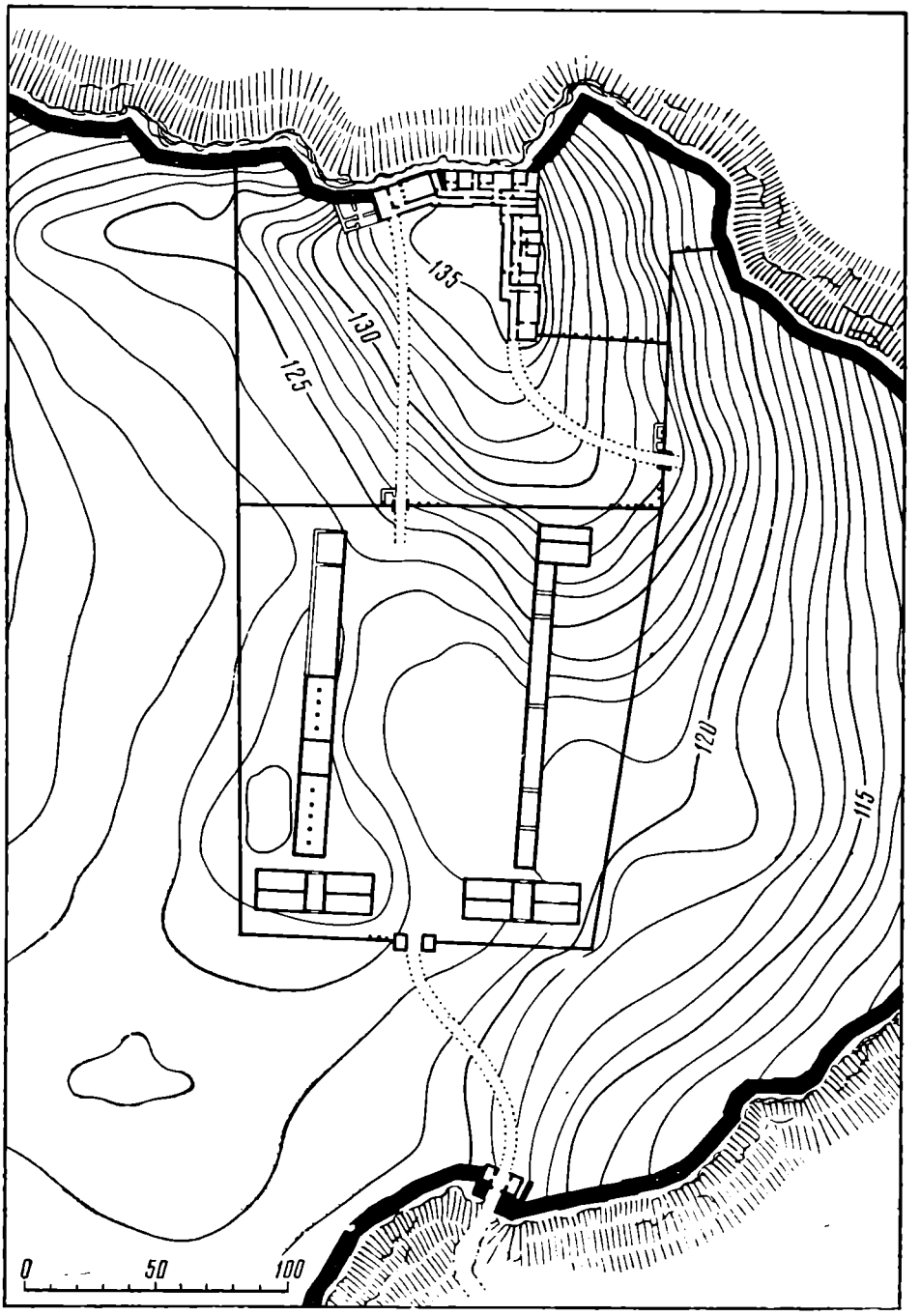


Рис. 6. План крепости в Гла (Арне)

и синей штукатурки доказывают, что стены дворца были покрыты росписью. Здание это погибло в большом пожаре около 1200 г. до н. э. Среди найденных в раскопе к югу от дворца обломков местной расписной микенской керамики особенно интересны фрагменты большого кратера с изображением процессии воинов. Здесь обнаружены остатки архитектурных сооружений, относящихся к микенской эпохе. Мощный слой пожарища всюду отделяет микенские слои от протогеометрических. Установлены четыре сменившие друг друга фазы существования жилых домов прямоугольной формы; наиболее поздний из них имел план типа мегарона. Близ этих домов обнаружено несколько детских погребений в каменных ящиках, содержавших значительное количество керамики. Протогеометрические вазы из Иолка имеют ясно выраженные черты сходства с местной позднемикенской керамикой и не носят следов аттического влияния. Протогеометрический период здесь датируется 1100—900 гг. до н. э.

Продолжалось исследование некрополя в Вержине [1; 2] (Македония). Среди открытых погребений, датирующихся около 1000 г. до н. э., особенно богатым является одно женское захоронение, давшее большое количество бронзовых украшений и янтарных бус. В мужских погребениях встречаются железные мечи и ножи, наконечники стрел и копий. Найдено большое число глиняных ваз. Из исследованных в 1960 г. тумулусов один (III) содержал 20 погребений раннего железного века с инвентарем, аналогичным найденному при предшествующих раскопках. Другие тумулусы датируются уже элли-

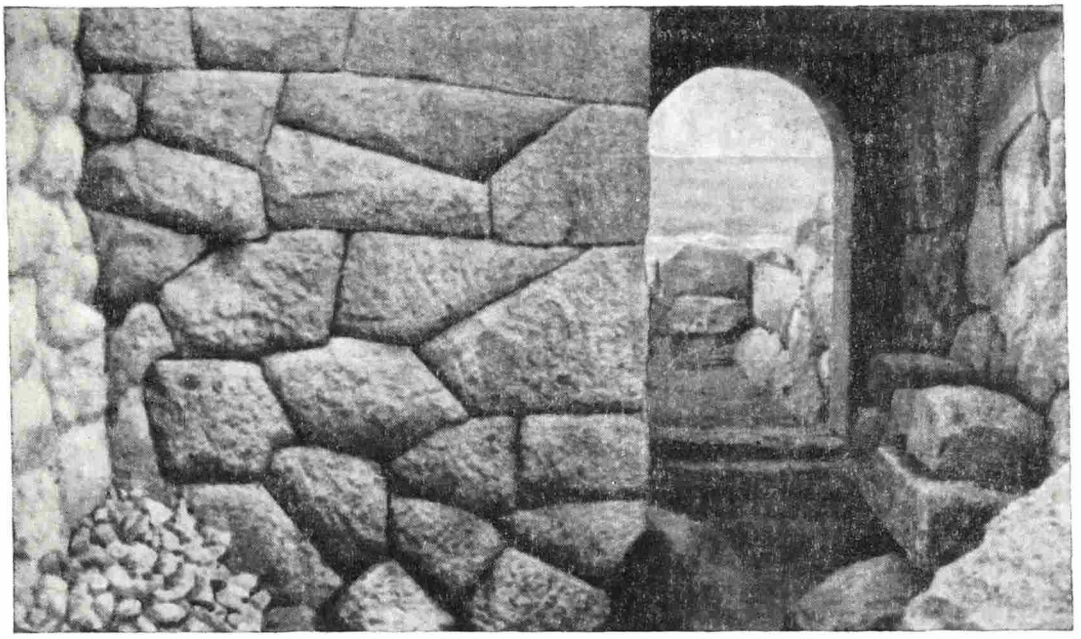


Рис. 7. Вид центрального помещения святилища в Месопотамос, со сводчатым проходом

нистическим периодом; в них обнаружены могилы, перекрытые черепицей, большей частью разграбленные.

В Верии [1; 2] открыты новые участки античных оборонительных стен, в том числе башня эллинистического времени полукруглой формы.

В Амфиполисе [1; 2] продолжаются раскопки эллинистического некрополя. В некоторых женских погребениях встречаются тонко исполненные золотые украшения — серьги, кольца, диадемы в виде венков из листьев. Интересная гробница была открыта в районе, называемом Кастас. Высеченные в мягкой скале стены камеры облицованы плитами известняка, пол покрыт мозаичной вымосткой. В полу были устроены две прямоугольные погребальные ямы, стенки которых расписаны по штукатурке. Другая гробница, перекрытая искусственно сооруженным тумулусом, открыта в 1,5 *км* к востоку от селения. Сложенная из больших блоков пороса, она представляет хороший образец камерных гробниц так называемого «македонского» типа. В этой гробнице найдено значительное количество погребального инвентаря, в том числе золотые украшения.

В Неаполисе [1] в 1960 г. и начале 1961 г. продолжались работы в святилище Парфенос. Открыт угол гранитной террасы архаической эпохи, близ которой обнаружено значительное количество остатков вотивных жертвоприношений, главным образом керамики (аттической чернофигурной, коринфской, лаконской, восточноионийской и островной) и терракотовых статуэток.

Краткая заметка [11] сообщает о случайном открытии близ Салоник: при дорожных работах были обнаружены могилы III в. до н. э. с богатым инвентарем, включающим терракоты, керамику, золотые изделия и другие предметы, в том числе большой бронзовый кратер, покрытый рельефными изображениями сатиров, танцоров и животных.

4. Острова Эгейского моря

На о. Кеос, близ церкви Агиа Ирини [1; 2; 12], произведены разведочные раскопки поселения эпохи бронзы. Открыты стены, сложенные из больших камней, местами сохранившиеся на высоту 2 *м*. В более глубоких слоях обнаружены остатки небольших домов среднеэлладского периода, сопровождавшиеся характерной серой минийской керамикой.

На о. Наксосе [1; 2] на холме Апломата открыт некрополь, датирующийся временем от протогеометрической до классической эпохи. Найдено большое количество местных протогеометрических и геометрических ваз и фрагментов. В местечке Камини, 0,5 *км* к востоку от холма Апломата, исследовались микенские камерные гробницы. Среди инвентаря следует отметить расписные сосуды микенского III С стиля, терракоты, бронзовый меч длиной 0,80 *м*, золотые украшения — бусы, кольца и т. д.

На о. Делосе, близ залива Фурни, французская экспедиция доследовала большой дом, открытый еще в 1935—1936 гг. [1; 2]. Дом, насчитывающий три этажа, был расположен террасами на склоне холма. Нижний этаж его занимали лавки. В верхних этажах находились перистиль и триклиниум, в котором сохранились мозаичные полы с геометрическими узорами. Здание было разрушено пожаром в I в. до н. э.

На о. Родосе [1] продолжались раскопки города того же имени. Открыт обширный подвал, где найдено около сотни остродонных амфор, стоящих длинными рядами в пе-

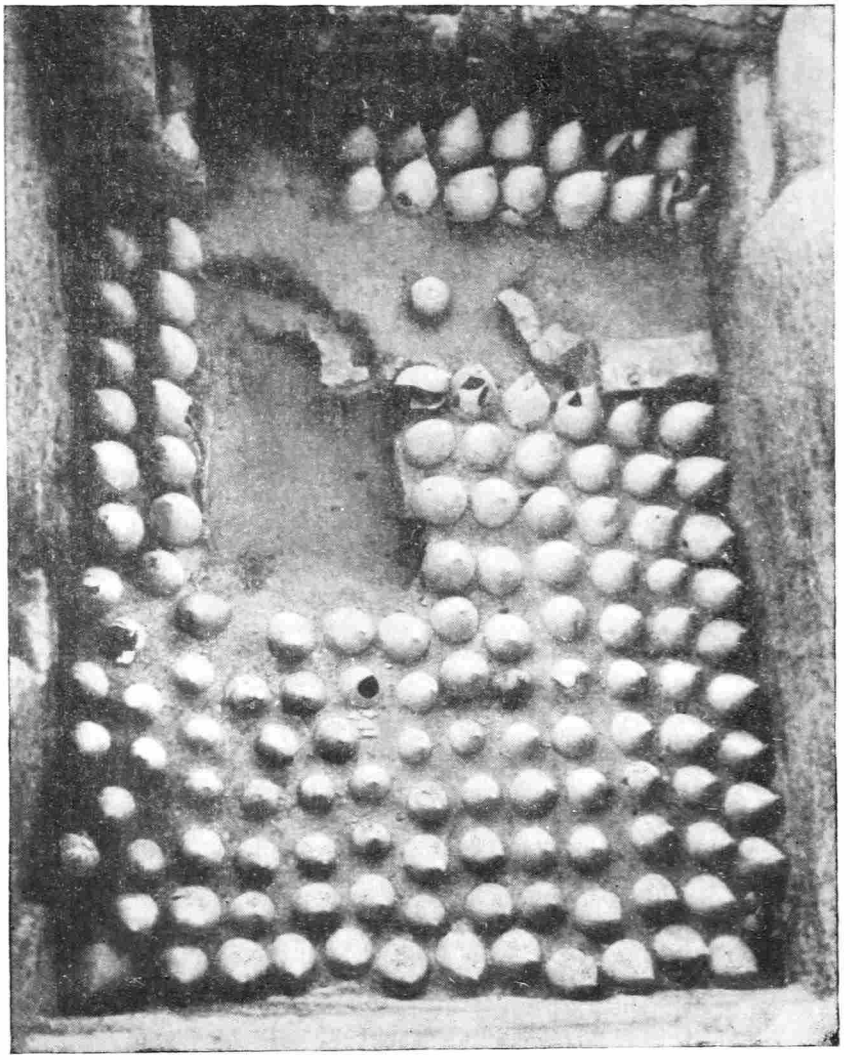


Рис. 8. Общий вид кладовой с амфорами на о. Родосе

ревернутом положении (рис. 8). Подвал этот был засыпан при землетрясении в III в до н. э.

На о. Фазосе [1; 2] продолжались раскопки Артемисиона. Удалось проследить на всем протяжении сильно разрушенную ограду священного участка. Найдены новые образцы восточноионийской керамики и большое количество терракот архаического, классического и эллинистического времени. Интересны найденные вне святилища остатки больших терракотовых скульптур архаического периода, изображающих Кор. В святилище Афины исследовались стены террас, а также фундаменты храма V в. до н. э. В районе между Артемисионом и святилищем Диониса прослежена мощеная дорога шириной более 4 *м*. В этом же районе начаты раскопки квартала жилых домов. Открыты остатки жилищ VII в. до н. э., построенных из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте. Удалось реставрировать найденную в одном из домов во фрагментах хиосскую остродонную амфору VII в. до н. э. с росписью на плечиках. В более глубоких слоях найдены остатки абсидального здания, сопровождаемые керамикой раннего железного века, находящей аналогии в керамике Македонии и Фракии. Зондажи, сделанные по правой стороне дороги, ведущей в Макри Амос, открыли некрополь, датирующийся IV в. до н. э. и эпохой эллинизма.

На о. Крите, в Туртуле [1; 2] на вершине горы пророка Ильи открыты остатки минойского загородного дома или фермы с многочисленными помещениями, коридорами, кладовыми, лестницами. Находки керамики датируют этот комплекс 1700—1500 гг. до н. э. Найден ряд пифосов, большое количество сосудов различной формы из глины и камня, бронзовые изделия; сохранялись небольшие фрагменты штукатурки со следами росписи. Другая большая минойская ферма, открытая на холме Кефали Лазана [1; 2], датируется временем, предшествующим землетрясению около 1600 г. до н. э.

Остатки сооружений раннего периода (до 2000 г. до н. э.) были обнаружены на холме Бубули Хондру и на других близлежащих возвышенностях. На вершине Рукуни Корфи исследовалось большое круглое в плане здание, очевидно, сторожевая башня позднеэллинистической эпохи. Она состоит из двух концентрических стен; в центре внутреннего помещения горел огонь.

Рис. 9. Двойная ваза с лилиями, ПМ I В периода, из раскопок в районе Кносского дворца

В Маллии [1; 2] продолжала работы французская археологическая экспедиция. Полностью расчищен большой западный двор дворца. Выявлены остатки более ранних сооружений, сопровождаемых керамикой стиля «Василики». Открыта система мощеных дорог, пересекающих западный двор, а также новые кладовые, расположенные к юго-западу от дворцового комплекса и относящиеся ко времени Первого дворца. При доследовании открытого ранее дома обнаружены остатки производства сосудов типа Ишамази, относящиеся к среднеминойскому I периоду. Продолжались раскопки так называемой гипостильной крипты, близ северо-западного входа во дворец. Этот комплекс состоит из пяти помещений общей площадью 21 × 5 *м*. В здании крипты найдено несколько ламп и ваз. В трех помещениях сохранились тщательно отделанные каменные базы колонн. Предполагают, что эта крипта является пристройкой, относящейся к Первому дворцу.

В Кноссе продолжалось изучение неолитических домов [1; 2; 13], начатое в 1957 г. Раскопан вплоть до материка большой участок в центральном дворе Кносского дворца. В 1959 г. исследовалась его юго-восточная часть, в 1960 г.— юго-западная. В верхних слоях обнаружены дома поздненеолитического периода прямоугольной формы, со стенами, сложенными из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте, с утрамбованными земляными полами. Под ними найдены многочисленные остатки домов более раннего времени, также построенных из сырцовых кирпичей, с очагами в виде простых углублений в полу. В северной части открыт большой дом средненеолитического времени, давший ряд хороших образцов керамики этого периода. Наиболее интересные открытия 1960 г. сделаны в ранненеолитическом слое, мощностью 4 *м* (общая толщина неолитических слоев в Кноссе равна 7 *м*). К последнему периоду ранненеолитической эпохи относятся небольшие, небрежно сложенные из сырца и камней помещения, имевшие, по-видимому, подсобное назначение.

Неожиданное открытие последнего сезона было сделано в нижней части ранненеолитического слоя. Здесь обнаружены остатки домов правильной прямоугольной формы, построенных не из сырцовых кирпичей, как все дома последующего времени, а из обожженных глиняных кирпичей, положенных вперемежку с камнями. Из таких же кирпичей были сложены очаги прямоугольной формы. Под полами этих жилищ обнаружено несколько детских погребений. Скелеты лежали в скорченном положении в небольших ямах, вырытых в мусорном слое, представляющем древнейшие остатки жизни человека в данном месте. В этом наиболее раннем пласте толщиной 30—40 *см* нет фрагментов сосудов, но в значительном количестве встречаются обломки каменных зернотерок и ступ и кости животных. На круглой площадке, окруженной отверстиями для крепления деревянных столбов, найдено обуглившееся зерно. На поверхности материкового слоя также видны многочисленные отверстия для деревянных столбов, указывающие на существование тут примитивных жилищ. Очевидно, все эти остатки характеризуют период первого поселения, основанного в районе Кносса пришедшими сюда выходцами из какого-то другого центра, возможно, малоазийского. На это указывают находки в этом слое костяных изделий — маленьких лопаточек, аналогичных найденным в Анатолии. Несомненно, извне были занесены сюда небольшие куски медных минералов.

Продолжались работы и в Кносском дворце [1; 2]. Завершено исследование святилища Кипсада к югу от дворца. Установлено, что храм построен в IV в. до н. э. К западу от него найден слой золы, содержавший большое количество терракот и других вотивных предметов, главным образом эллинистического времени. Выше этого слоя найдено много светильников I в. н. э. К римскому же времени относятся и небольшие печи, сделанные из глины, служившие, вероятно, для приготовления пищи во время празднеств в святилище. В IV в. н. э. этот участок был занят большим жилым зданием. Среди находок выделяется фибула из слоновой кости в виде птицы с двумя птенцами на спине.

Интересные стратиграфические результаты дали раскопки с северной стороны Царской дороги, начатые еще в 1957 г. В открытом здесь помещении найдены новые фрагменты статуэток из слоновой кости; предполагают, что здесь находилась мастерская по изготовлению изделий из слоновой кости. Это помещение было сооружено на руинах здания, разрушенного около середины XV в. до н. э. В последнем найдено большое количество керамики позднеминойского I B периода. Часть фрагментов открыта в 1959—1960 гг. на штуковом полу здания вместе с фрагментами изделий из слоновой кости, большая же часть происходит из маленького подвального помещения, раскопанного в 1961 г. [14]. Вазы эти упали откуда-то сверху при разрушении здания. Некоторые из них удалось восстановить. Особенно интересна ритуальная ваза, состоящая из двух соединенных между собой сосудов, украшенных изображениями лилий (рис. 9). Эта находка имеет большое значение, так как раньше керамика позднеминойского I B стиля встречалась лишь в поселениях вне Кносса, а в самом Кносском дворце почти полностью отсутствовала. Она подтверждает датировку Эвансом стиля ПМ I B 1500—1450 гг. и стиля ПМ II 1450—1400 гг. до н. э. В верхних слоях на этом участке было найдено несколько табличек с надписями линейным шрифтом Б. Вероятно, они относятся к той же группе, что и таблички, открытые еще А. Эвансом в так называемом Арсенале. К сожалению, они происходят из смешанного слоя, который не дает оснований для их точной датировки.

В Лебене [1; 2] продолжается исследование раннеминойских толосных гробниц. Открыто еще два толоса, давших керамику от раннеминойского II до среднеминойского I типа.

В Фесте [1; 2] ведутся раскопки многокомнатного дома геометрического периода, расположенного над юго-западной частью дворца. Под этим слоем открыты остатки сооружений, относящиеся к последней, третьей фазе Первого дворца. Разведочные раскопки были проведены также в минойском городе, расположенном на склоне холма, близ юго-восточного угла центрального двора. Этот город существовал уже во время постройки Первого дворца. Открыт ряд домов, давших интересные образцы керамики конца III тысячелетия до н. э. Полное отсутствие находок римского времени подтверждает свидетельство Страбона о том, что Фест был разрушен Гортиной во II в. до н. э.

II. МАЛАЯ АЗИЯ

В настоящее сообщение включены сведения о раскопках в античных центрах Малой Азии за 1959—1960 гг.

В Сиде (Памфилия) [15] продолжалось исследование театра. Найдены новые скульптуры и архитектурные фрагменты, украшавшие скену. Расчищена улица, на которую выходит фасад театра, частично восстановлены обрамлявшие ее колоннады коринфского ордера. Близ театра открыты фундаменты позднеэллинистического храма, типа псевдодиптера. Близ городских ворот позднего времени раскопаны три фонтана, один из которых был посвящен императором Веспасианом. В районе гавани исследуется большое здание бань II в. н. э.; открыто помещение с гипокаустами.

Начаты раскопки святилища на вершине горы в районе Пазарлика, западнее Мармариса [15; 16], посвященного культу Хемитеи. Руины храма были открыты здесь еще в 1860 г. Спаттом, который, однако, неправильно определил его, как храм Латоны. Найденные в процессе новых раскопок обломки керамики с посвящением богине и надпись на каменном блоке, включенном в стену здания, позволили правильно определить это святилище, пользовавшееся в древности большой славой, как об этом упоминает Диодор. Сохранилась монументальная платформа, размером около 54 × 30 *м*, со стенами полигональной кладки. На этой платформе находился гексастильный храм ионийского ордера. Он был построен из местного твердого известняка, а колонны и антаблемент сделаны из белого мрамора. Храм имел шесть колонн на коротких и 12 на длинных сторонах. Глубокий пронаос отделялся от целлы высоким и широким порогом, украшенным полосой лесбийского киматия. В пронаосе был устроен небольшой бассейн, очевидно, служивший культовым целям. Храм датируется второй половиной IV в. до н. э. Под полом его найдено много серебряных и медных родосских монет IV в. В более глубоких слоях прослежены следы здания предшествующего периода. Перед храмом находился обширный двор, у восточной стороны которого раскрыты два небольших однокомнатных здания, современных храму; в стене одного из них найдена упомянутая выше надпись с посвящением богине. Двор был обрамлен построенной из известняка декоративной оградой с эдикулами, напоминающей «Первый Помпеянский стиль». Расчищено начало дороги, связывавшей святилище с долиной и проходившей

близ расположенного у подножия возвышенности театра, рассчитанного на 5000 человек. На склонах вскрыты остатки жилых домов, в одном из которых под полом обнаружена яма, наполненная светильниками V в. до н. э. Расцвет святилища относится к IV в. до н. э.

В Милете [15, стр. 47, 48] работы велись в основном в двух пунктах. В районе восточнее храма Афины исследовались остатки архаических домов. Прослеживаемый по всей площади слой пожарища связывается с разрушением города персами в 494 г. до н. э. Открыто здание с двумя абсидальными помещениями, восходящее к 600 г. до н. э. Другое архаическое здание, мегаронного типа, с очагом в передней комнате, также использовалось в V в. до н. э. В IV в. до н. э. этот район был вторично разрушен и сожжен, очевидно, Александром Македонским. В западной части этого раскопа открыто подземное святилище, вероятно, героон, построенное из хорошо отесанных каменных блоков. Графитти на колоннах, вторично использованных в кладке стен в позднеантичное время, когда это сооружение было превращено в водохранилище, упоминают имя Ники. Следует думать, что эти надписи относятся к первоначальному святилищу. Задачей второго участка работ было исследование большой микенской стены, открытой юго-западнее храма Афины. Здесь представлены геометрический и архаический слои, но после персидского разгрома этот район был необитаем. Акрополь архаического города находился, очевидно, на том холме, где расположен театр.

В 1960 г. возобновлены работы шведской экспедиции в Лабранде [15, стр. 82] восточнее Милета. Получены новые данные для реконструкции храма, многочисленных стой и зданий, раскопанных ранее, открыты новые сооружения. Установлено, что большое здание близ Пропилей является частью римских терм времени Клавдия. Выявлено восемь строительных периодов, древнейший из которых восходит к эпохе архаики. В V в. до н. э. был сооружен первый храм, являвшийся небольшим зданием в антах. Основные памятники относятся к эпохе Мавсола, которая была здесь временем наиболее интенсивного строительства. В этот период было построено здание, открытое к северу от андрона B, а также большая гробница, найденная еще в XIX в., но теперь лишь тщательно изученная. На ее плоской крыше ранее был устроен героон дорического ордера. Большая часть этих сооружений погибла в пожаре в IV в. н. э.

В Панионионе [15, стр. 48] доследован некрополь VIII в. до н. э., открытый в 80-х годах прошлого столетия. Для могил использовались естественные углубления в скале, несколько расширенные и выровненные. На холме Микале, к юго-востоку от Паниониона, открыто укрепление эллинистического времени, со сторожевой башней, доминирующей над стенами цитадели.

Работы в Кларусе [15, стр. 48—49] были сосредоточены вокруг храма Аполлона. К югу от храма найдена голова куроса VI в. до н. э. Доследования, проведенные внутри подземного святилища, позволили установить два строительных периода. Мощный фундамент был сооружен тогда же, когда были воздвигнуты колоссальные статуи трех богов — Аполлона, Лето и Артемиды. Храм Аполлона построен в раннеэллинистическую эпоху. Ряд перестроек был произведен в нем в I в. н. э. Раскопки к северу от большого алтаря выявили второй алтарь, меньшего размера, очевидно, относившийся к храму Артемиды Кларии. Близ этого алтаря найдена статуя Коры, без головы, близкая по типу к известной статуэтке из Auxerre, находящейся в Лувре и датирующейся VII в. до н. э. На левой стороне статуи есть надпись: «Тимонакс, сын Теодора, посвятил меня Артемиде, будучи первым жрецом». Находка эта очень важна для истории святилища Кларуса. В том же районе найдено еще шесть алтарей, сложенных из грубого камня и снабженных надписями, датируемыми поздним временем. Один из них посвящен Посейдону, другой — богине Милета, Артемиде Пифии. Найден ряд надписей с обозначением городов, обращавшихся к оракулу святилища, а также декрет III в. до н. э. в честь военачальника Птоломея Эвергета.

В Эфесе [15, стр. 84—83; 17] австрийская экспедиция в 1960 г. продолжила раскопки предшествующих сезонов. На склоне холма против терм Схоластики и храма Адриана открыт жилой дом, насчитывавший несколько этажей. На уровне третьего этажа был устроен открытый перистильный дворик. Этот дом построен в эпоху Августа. Позже во дворе его был сооружен фонтан с бассейном, в котором найден женский портретный бюст работы около 220 г. н. э. Дом разрушен во второй половине IV в. н. э. Исследуется улица, идущая к югу от улицы Куретов вдоль террасы Домициана. Ряд сводчатых помещений раскопан по обе ее стороны. В одном из них открыта фреска III в. н. э., изображающая богиню Деметру, сидящую на троне. Материал из этих помещений относится в основном к эллинистическому периоду.

Ведутся работы по реставрации и восстановлению открытых ранее зданий святилища Гестии Булейи и базилики св. Иоанна.

Продолжаются раскопки в Сардах. Опубликованы предварительные отчеты о третьей (1960 г.) [15, стр. 18, 19] и четвертой (1961 г.) [20] раскопочных кампаниях. В районе «Дома бронз» обнаружена серия небольших помещений лидийского времени, служивших лавками. Открыты слои более ранних периодов, начиная с XIII в. до н. э. Происходящая отсюда керамика датируется от позднемикенской до лидийской эпохи. В эллинистический период здесь, видимо, существовала бронзолитейная мастерская. Последний период существования «Дома бронз» датируется, судя по найденным здесь монетам Юстиниана I, серединой VI в. н. э.

Начаты новые раскопки в двух пунктах на восточном берегу р. Пактола. На северном участке открыта римская вилла с мозаичными полами и здание бань с хорошо сохранившимися гипокаустами. Остатки сооружений лидийского периода дали большое

Рис. 10. Терракотовый рельеф с изображением бородатого лидийца, из Сард, VI в. до н. э.

количество фрагментов местной и привозной греческой керамики, а также расписных терракотовых рельефов. Среди последних особенно интересно найденное здесь в 1960 г. изображение бородатого лидийца (рис. 10), датирующееся временем до персидского разгрома 547 г. до н. э. В южном раскопе на берегу р. Пактола прослежено несколько слоев лидийского времени с строительными остатками геометрического и архаического периодов; наиболее глубокие слои здесь дали керамику эпохи бронзы.

Начаты работы на акрополе Сард, где открыты оборонительные сооружения эллинистического времени. На северной стороне акрополя обнаружен небольшой участок стен лидийского периода, сложенных из песчаника.

Продолжаются работы в большом комплексе гимнасия «Б». Расчищен малый, так называемый Мраморный двор, ведущий в центральное помещение здания «Б». Этот комплекс был построен во II в. н. э. и богато украшен в начале III в. как показывает найденная здесь посвятительная надпись в честь Юлии Домны, Каракаллы и Гетты, датирующаяся 211—212 гг. Открыт ряд капителей колонн с различными скульптурными изображениями, относящихся к колоннаде Мраморного двора. Насчитывается 12 различных типов колонн.

К югу от комплекса гимнасия открыт большой участок широкой улицы, мощенной мрамором и обрамленной колоннадами. Эта улица являлась главной магистралью города, пересекавшей его с востока на запад. К северной колоннаде примыкает ряд византийских лавок, открытых раскопками предшествующих лет. В колоннадах сохранились мозаичные полы. Улица датируется около 400 г. н. э. В византийскую эпоху она была перекрыта слоем щебня и цемента. Из этого слоя происходит мраморная голова «философа», принадлежавшая статуе, украшавшей колоннаду римской улицы; она является прекрасным образцом позднеримской портретной скульптуры.

Новые исследования фрагментов колоссальных статуй, лежавших близ храма Артемиды, показали, что один из них является частью статуи Зевса эллинистической эпохи. Эта статуя стояла в восточной целле храма, посвященной Зевсу. В римскую эпоху она была, видимо, заменена изображением императора Антонина Пия, к которому относятся другие фрагменты этих скульптур.

В Питане [15, стр. 51; 15, стр. 85] ведутся раскопки некрополя. Большинство могил датируется первой половиной VI в. до н. э. Тела умерших кремировались на некрополе, пепел хоронился в сосудах, которые закладывались каменными плитами или просто камнями. Эти погребения дали большое количество расписной греческой керамики различных школ — восточно-греческой, коринфской, аттической, хиосской и др.

В Дарданосе [15, стр. 51—52], в 6 *км* юго-западнее Канаккале, в конце 1959 г. случайно был открыт тумулус с монументальной гробницей, построенной из хорошо отесанных каменных блоков. Она состоит из крытого дромоса длиной 5,20 *м*, передней комнаты и погребальной камеры. Размеры камеры 3,23 × 3,65 *м*. Боковые стены ее в нижней своей части вертикальные на высоту 1,48 *м*, выше — наклонные, образуют двускатное перекрытие. Пол вымощен каменными плитами. Погребенные лежали на каменных скамьях. Инвентарь состоял из ваз, стеклянных сосудов, терракот, ювелирных изделий. Помимо трупоположений есть погребения с кремацией. Всего в этой гробнице обнаружено 25 погребений, датирующихся временем с конца IV по I в. до н. э.

Несколько тумулусов с богатыми погребениями было открыто в Бартине (древнем Парфениуме) [15, стр. 85], на южном побережье Черного моря. Происходящие из них золотые и серебряные изделия, как сообщают, напоминают аналогичные южнорусские находки.

Интересное открытие было сделано в море у побережья Турции, близ мыса Гелидония [21]. Здесь летом 1960 г. был исследован затонувший корабль. От него сохранилась лишь часть корпуса. По расположению лежавшего на морском дне груза удалось установить примерную длину корабля (8—9 *м*). Груз корабля состоял в основном из слитков меди, бо́льшая часть которых имеет форму бычьей шкуры (рис. 11). Есть слитки округлой или удлиненной формы. Вес их варьируется от 16 до 27 *кг*. На 27 слитках видны оттиски штампов мастерских, сделанные в еще мягком металле. Общий вес найденного металла достигает 1 *т*. Слитки предназначались для изготовления бронзы, на что указывает большое количество олова, найденное вместе с ними. Это наиболее древняя находка олова, предназначенного для индустриальных целей. Помимо медных слитков, обнаружено значительное количество различных бронзовых изделий: топоры,

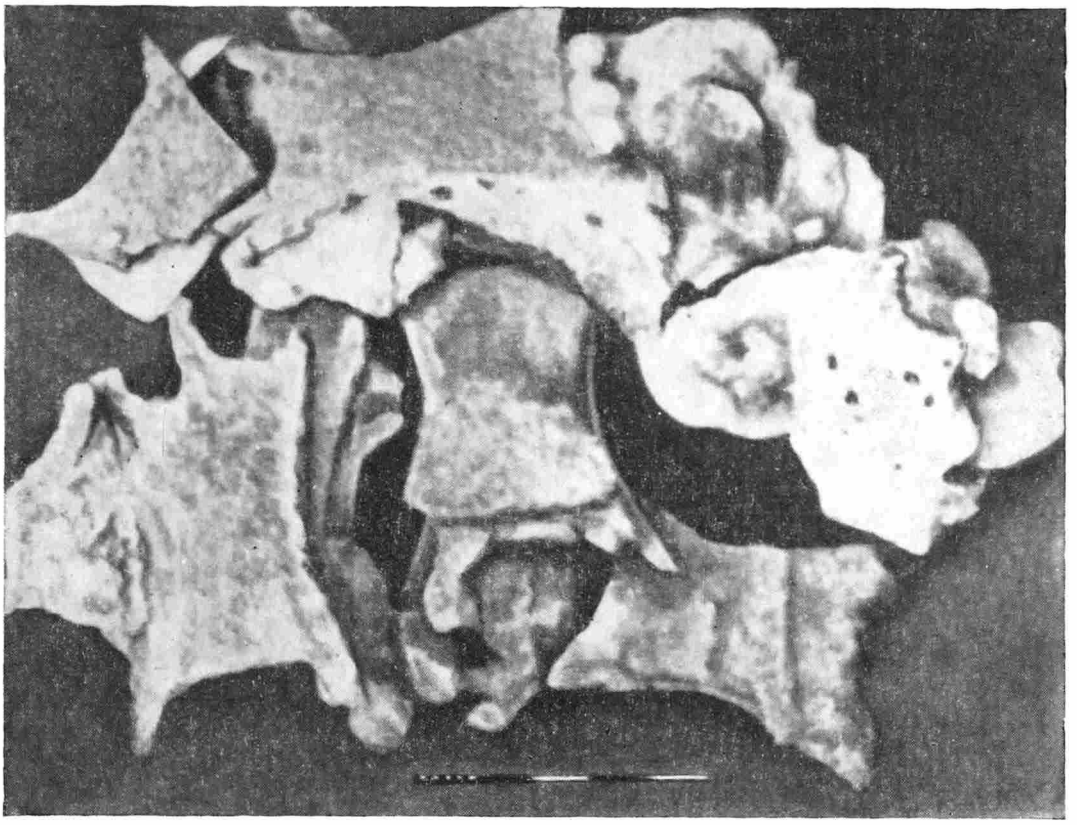


Рис. 11. Слитки меди в форме бычьих шкур — часть груза корабля XIII в. до н. э., затонувшего у мыса Гелидония

тесла, мотыги, ножи, наконечники копий и стрел, зеркала, сосуды и т. д. Найдены на корабле и другие вещи, в том числе пять египетских скарабеев, печать цилиндрической формы с изображением двух жрецов перед божеством, стеклянные бусы разных типов, каменные и глиняные чаши, каменное полированное навершие булавы, две серии небольших каменных гирь-разновесов. Довольно хорошо сохранились куски канатов, днища плетеных корзин. Найдены также остатки пищи, главным образом кости рыб, птиц и домашних животных. Дата гибели корабля — XIII в. до н. э. Установить его происхождение пока невозможно. Он мог быть как элладским, так и сирийским или кипрским. Несомненно лишь, что корабль вез груз меди с о. Кипра.

III. ОСТРОВ КИПР

В Энкоми [22] продолжались раскопки города микенского времени. Работы велись в жилом квартале XIV—XIII вв. до н. э. Найдено много оружия, инструментов, украшений и других предметов. Погребения, обнаруженные под домами, оказались ограбленными. В них найдены многочисленные цилиндрические печати сирийского происхождения с изображениями на религиозные темы. Начаты работы в обширном здании близ большой вымостки, открытой в 1959 г. Впервые найдены незначительные следы поселения, предшествующего городу микенской эпохи, датирующегося XVIII—XVII вв. до н. э.

Интересные работы ведутся в Саламине [22; 23], в античном театре, расположенном южнее раскопанного в предыдущие годы гимнасия. Открыты аудиториум, орхестра и часть скены театра. Орхестра имеет полукруглую форму, диаметр ее 27,5 *м*. Театр Саламина, следовательно, является одним из самых больших из известных нам античных театров. Места для зрителей были устроены на искусственной насыпи, поддерживавшейся извне монументальной подпорной стеной, сложенной из блоков песчаника. Скамьи были сделаны из белого песчаника и достигали высоты 0,40 *м*. Десять лестниц шириной 0,75 *м* разделяют аудиториум на девять секций. Сохранилось лишь восемь рядов скамей.

Узкий проход, под которым был проложен водосток, отделяет аудиториум от орхестры. Сохранилась ограда орхестры. Над первоначальной известковой вымосткой орхестры обнаружены остатки вымостки из плит цветного мрамора, образовывавших сложные узоры. В центре орхестры открыты углубления от находившегося здесь алтаря. С обеих сторон орхестры стоят две круглые базы из зеленого мрамора высотой 0,85 *м*. На одном из постаментов надпись эллинистического времени. На обоих постаментах есть по две латинские надписи. Первая посвящена Коммоду и датируется 189 г. н. э. Позже имя этого императора было тщательно стерто, очевидно, после его убийства.

Рис. 12. Роспись стены 2-го триклиния «Дома с триклиниями» в Помпеях: Гермес

Вторая надпись сообщает, что статуи, стоявшие на этих постаментах, посвящены цезарям Константину и Максенцию. Скена театра была богато украшена живописью и скульптурой. Фрески с изображением растений открыты в интерколюмниях фасада проскениума. В субструкциях скены найдено несколько мраморных статуй, стоявших в нишах и на фронтонах скены.

IV. ИТАЛИЯ

1. Центральная и Южная Италия

В Риме [24] ведутся археологические и реставрационные работы в различных частях города. На Палатине при реставрации дома республиканского времени, расположенного к югу от дома Ливии, обнаружено большое здание, ряд помещений которого украшен хорошо сохранившейся росписью, изображающей архитектурные пейзажи [25]. На римском Форуме, под вымосткой императорской эпохи в Базилике Юлиев открыты фундаменты большого общественного здания времени республики, являющегося, очевидно, Базиликой Семпрония. Под этим зданием обнаружены фундаменты жилого дома более раннего периода. Найдены два архаических антефикса с изображением голов сатира и богини типа Юноны Ланувии. Продолжается расчистка Золотого Дома Нерона. В районе Латеранской базилики найдены остатки сооружений эпохи Константина.

При прокладке дороги, которая должна соединить Рим с новым аэропортом в Фьюмичино, в районе Остии [26] открыт некрополь времени поздней республики и ранней империи; в погребениях найдены римские монеты и ювелирные изделия.

В Альба Фуценс [24, 27] в 1960 г. продолжалось исследование большого помещения близ здания терм. Оно было украшено росписью и имело тонко исполненную мозаичную вымостку. В нем была найдена статуя пирующего Геракла, изображенного сидящим с чашей в левой руке. Хорошо сохранилась бородатая голова героя, увенчанная лавровым венком. Размер ее — 46 *см*. Скульптура эта, сделанная в римское время, восходит к произведению Лисиппа.

В Помпеях продолжаются работы по расчистке города от масс земли, оставшихся от старых раскопок. В 1959—1960 гг. освобождены большие участки в районе храма Венеры, близ амфитеатра, у восточных секций городских стен. При раскопках 1961 г. был сделан ряд гипсовых отливок тел погибших при извержении жителей Помпей. В одной группе обнаружены три мужских, два женских и три детских тела; очевидно, они принадлежали двум семьям, погибшим при спасении бегством из города [28; 29]. Интересное открытие было сделано в связи со строительством автострады Помпеи — Салерно, в районе Muregina [30]. Здесь частично раскопано монументальное здание с большим перистильным двором в центре, Портик его опирался на столбы, украшенные пилястрами; низкая балюстрада, расположенная между столбами, отделяла портик от расположенного в центре двора сада. С севера и востока к перистилю примыкают помещения триклиниев — пять одинаковых по размерам и по убранству квадратных в плане комнат; в каждой из них вдоль стен стоят три ложа, а в центре находится небольшой мраморный столик. Полы триклиниев и портика украшены тонкой черно-белой

мозаикой. Стены, сохранившиеся на значительную высоту, украшены богатой росписью. Стилизованные архитектурные мотивы, соединенные с изображениями натюрмортов и растительными мотивами, обрамляют центральные панно, в которых помещены отдельные фигуры: летящие ники с различными атрибутами, гений времен года, менады. Имеются также изображения божеств и героев: Юпитер, Меркурий (рис. 12), Вакх, Ариадна, Диоскуры. По стилю росписи это здание должно датироваться годами, непосредственно предшествующими гибели Помпей. Общественный характер вновь открытого здания ясен, но более точно оно еще не определено; оно не имеет аналогий ни в Помпеях, ни в других римских городах. В одном из триклиниев был найден якорь. Эта находка позволяет предположить, что здание было связано с какой-нибудь компанией морской торговли.

Рис. 13. Сосуд типа импасто из некрополя VII в. до н. э. в Понтеканьяно

В Пестуме [24] завершается строительство нового здания музея, где предполагается сосредоточить материал, происходящий из самого города и его ближайших окрестностей. Будут выставлены различные вотивные комплексы из святилища, стенные росписи гробниц луканского периода и другие памятники.

Произведена реставрация оборонительных стен Пестума. Близ центра города раскапывается амфитеатр. Из четырех его входов северный и южный имели одноарочные проходы, а восточный и западный — трехарочные. Фундаменты амфитеатра были сооружены из камня и кирпича, стены — из квадратных блоков известняка. Снаружи стены были украшены аркадами, опирающимися на кирпичные столбы, перед которыми находились колонны; от последних сохранились лишь базы.

Интересные материалы дали раскопки ранее не исследовавшегося пункта Понтеканьяно, в 10 *км* юго-восточнее Салерно [24; 31; 32]. На одном из двух открытых здесь некрополей найдены погребения с кремацией времени Вилланова. Погребальные урны были перекрыты насыпями из крупной гальки. Особенно интересна одна урна биконической формы, с крышкой в виде шлема, покрытая гравированными или штампованными орнаментами, исполненными с большим мастерством. Другой некрополь в районе Piazza Sabbato содержал погребения VII—IV вв. до н. э.; здесь преобладает трупоположение. Могилы VII в. до н. э. представляют собой прямоугольные ямы, выложенные щебнем. В них найдено большое количество ваз буккеро и импасто, а также привозной греческой керамики, главным образом протокоринфской. Следует отметить интересную вазу типа импасто в форме «подставки для фруктов» (рис. 13). В могилах VII в. до н. э. найдены также бронзовые фибулы в виде фигурок лошадей и два финикийских скарабея из стеклянной пасты. Могилы IV в. до н. э. сложены из четырех плит известняка и перекрыты плоской плитой. Они близки луканским могилам из района Пестума; аналогичен и погребальный инвентарь, состоящий главным образом из краснофигурных ваз пестумского производства.

В Велии [24; 31; 32] продолжены раскопки городской стены, открыты башни и ворота. Полностью расчищено здание, примыкавшее к стене с внутренней ее стороны. Оно имело криптопортик, перекрытый цилиндрическим сводом, с оконными отверстиями и нишами по внутренней стене. Криптопортик с четырех сторон обрамляет террасу, на которую с восточной стороны ведет пандус. Эта терраса, возможно, была засажена деревьями, образуя род «висячего сада». Здесь найдено множество скульптур — статуи тогатусов, ряд голов, в том числе изображения юных Августа и Ливии, а также прекрасная голова Музы больше натуральной величины. Надписи на некоторых из скульптур упоминают имя Улиса, сына Аризона, медика из Велии. Первоначально было высказано предположение, что это здание являлось центром объединения медиков, но скорее следует видеть в нем часть Мусеума. На это указывает не только находка головы Музы, но и происходящая отсюда голова Менандра, являющаяся превосходной репликой известного портрета афинского поэта. Весь комплекс датируется I в. до н. э. В Велии открыт, кроме того, квартал жилых домов римского времени, перекрытых средневековыми сооружениями, и здание терм III в. н. э.

Завершены раскопки святилища Геры Лацинии близ Кротона [24; 31]. Исследованы два здания, расположенные близ ворот. Одно из них, с центральным двориком, окруженным рядом помещений, украшено снаружи большим портиком, опирающимся на каменные оштукатуренные колонны. Второе здание состоит из двух комнат, разделенных коридором. Из находок, происходящих отсюда, следует отметить бронзовую лампу эллинистической эпохи с выгравированным на ней посвящением Гере Лацинии.

В Локрах [24; 31] при реставрации квадратной башни в районе Марцана найдено много фрагментов архаических терракот и ваз. Раскопки некрополя дали значительное количество аттической и южноиталийской керамики. Изучение открытого в 1959 г. «городского архива», состоявшего из серии бронзовых табличек с греческими надписями,

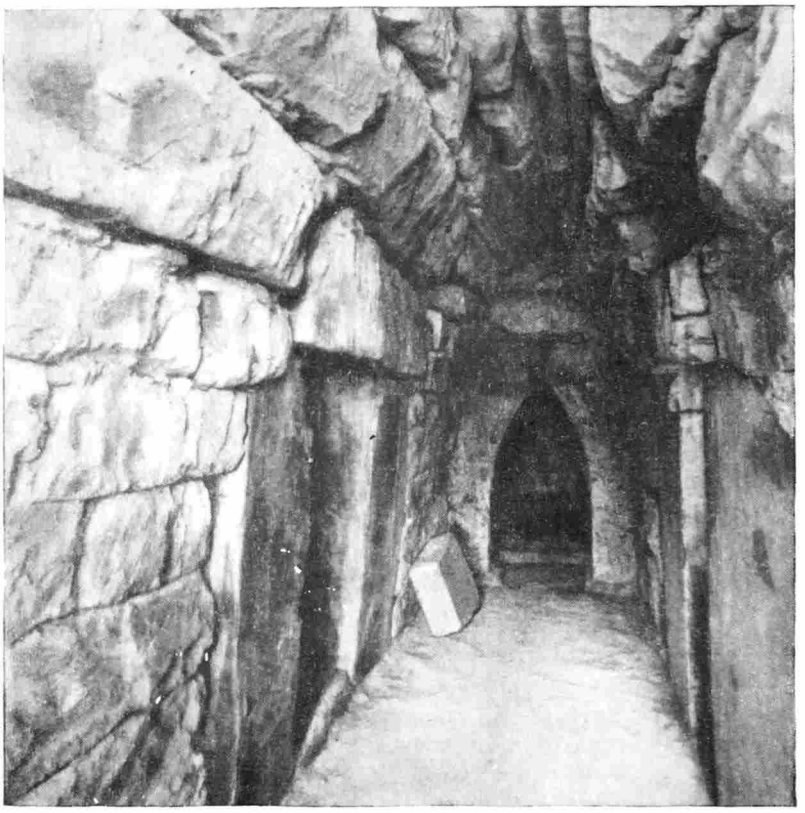


Рис. 14. Гробница «La Montagnola», Этрурия. Вид дромоса

установило, что на них записаны решения местной администрации о выдаче денежных сумм на расходы по работам на городской стене, по оплате контрактов и т. д. Эта находка, датирующаяся началом III в. до н. э., дает много важных сведений об экономике и общественной жизни города.

В Реджио ди Калабриа [24; 31] открыты фундаменты маленького архаического храма с целлой и пронаосом. Близ храма найдено много ваз и терракот середины VI в. до н. э., а также фрагменты антефиксов с горгонейонами.

В Таренте [24; 31; 33] ведутся работы на некрополе VII—II вв. до н. э. Наряду с высеченными в скале прямоугольными могильными ямами открыты могилы, сложенные из каменных блоков, а также гробницы с расписными стенами. Интересна находка двух каменных саркофагов, на внутренних сторонах которых сохранилась орнаментальная роспись. В одном из них найдены панафинейские амфоры конца VI в. до н. э. Из многочисленных колодцев, открытых в различных частях города, происходят комплексы терракотовых статуэток и рельефов, а также форм для их изготовления, датирующихся V—IV вв. до н. э.

В Каннах [24;31] раскапываются жилые районы города и городская стена; найдены остатки поселения IV в. до н. э. Установлено, что некрополь, ранее считавшийся местом погребения воинов, погибших в битве 216 г. до н. э., в действительности относится к средневековой эпохе.

В Гераклее Луканской [24; 31; 34] изучается город эллинистического времени. Открыты остатки жилищ, давших большое количество фрагментов ваз и терракот IV—III вв. до н. э. На акрополе выявлены следы укреплений, сложенных из больших каменных блоков, на некоторых из которых сохранились каменотесные знаки. Богатые находки керамики происходят из некрополя, где обнаружено большое количество погребений того же времени.

2. Северная Италия

Широко применяющийся при исследованиях некрополей Южной Этрурии метод инженера Леричи подробно описан в вышедшей в 1961 г. его книге [35]. При помощи этого метода была открыта в начале 1961 г. большая гробница в Черветри, на возвышенности Монте Абатоне [24]. Она состоит из трех помещений: большой прямоугольной центральной камеры с двумя каменными ложами по сторонам, из которой две двери в задней стене ведут в две маленькие комнаты. Такое расположение помещений напоминает план этрусского жилого дома. Среди погребального инвентаря выделяется глиняная жаровня, на которой сохранились следы растительной золы, чернофигурные вазы, сосуды типа буккеро и импасто.

Монументальная этрусская гробница, так называемая «La Montagnola», открыта в Квинто Фиорентино [24]. Она перекрыта большим земляным холмом. Открытый дро-

мос переходит в перекрытый ступенчатым сводом длинный коридор (рис. 14), ведущий к центральной, круглой в плане камере диаметром 5,30 *м*. Камера эта также перекрыта ложным ступенчатым куполом высотой 7,5 *м*. Квадратный столб, стоящий в центре помещения, поддерживает замковый камень купола. Перед главной камерой по обе стороны коридора расположены симметрично две боковые прямоугольные камеры одинакового размера. Гробница построена из больших, грубо отесанных блоков местного известняка, за исключением центрального столба в главной камере, сложенного из хорошо обработанных плит мелкозернистого известняка. На одной из дверных притолок боковой камеры вырезана этрусская надпись. Среди других графитти есть различные рисунки (лошадь, стилизованное дерево и др.) и отдельные буквы, напоминающие финикийские. Среди находок имеются фрагменты керамики, слоновой кости, бронзы, золота, часть страусиного яйца и раковина трикадны. Остальной инвентарь расхищен грабителями. Это сооружение датируется второй половиной VII в. до н. э.

3. Сицилия

В Катане [24; 31; 36] летом 1959 г. на акрополе греческого города открыт большой комплекс греческой керамики и терракотовых статуэток архаического периода. Керамика главным образом привозная; представлены все основные школы греческой вазописи VI в. до н. э. Впервые в Сицилии найдено довольно значительное количество хиосских сосудов. Лишь немногие фрагменты керамики датируются позднее VI в. до н. э.; терракотовые же статуэтки датируются от VI до IV вв. до н. э. Сюжеты их очень разнообразны. Имеются изображения на мифологические и на повседневные темы. Найдено большое количество глиняных масок, насчитывающих около 30 различных типов. Среди архаических статуэток преобладают изображения сидящей или стоящей задрапированной женской фигуры; последние по типу напоминают статуи акропольских Кор (рис. 15). В числе статуэток V и IV вв. до н. э. также много стоящих женских фигурок с факелом в одной и поросенком в другой руке. Такие изображения связаны с культом Деметры и Коры. Возможно, здесь было не известное еще нам святилище.

Рис. 15. Архаическая статуэтка Коры из вотивного комплекса, найденного в Катане

В Мегаре Гиблейской [24; 31] продолжаются работы на эллинистической агоре. Установлено, что она простиралась на юг на более значительное расстояние, чем предполагалось первоначально. Центральная часть ее занята большим комплексом терм, датирующимся началом III в. до н. э. Тем же периодом датируются и портики, обрамляющие агору с двух сторон,— западный, очень узкий, и северный, более глубокий. К востоку от здания терм начаты раскопки маленького святилища, квадратного в плане, со сторонами длиной 6 *м*. Внутри него найдено несколько прямоугольных и круглых баз, два прямоугольных терракотовых бассейна, ряд низких скамей. В центре стоит маленький каменный алтарик.

Во II—I вв. до н. э. эллинистическая агора прекратила свое существование. Территория ее была покрыта многочисленными небольшими по размерам жилыми домами и лавками. Под эллинистической агорой обнаружены следы агоры архаической эпохи. По северной стороне агоры раннего времени открыты фундаменты портика, а в западной ее части — два маленьких прямоугольных здания, назначение которых пока еще не установлено. Работы в Мегаре Гиблейской с 1949 по 1959 г. подытожены в большой статье Г. Валле и Ф. Вилара [37].

Интересные раскопки произведены в ряде пунктов в окрестностях Гелы [24; 31]. В Феудо Нобиле открыто большое здание IV в. до н. э. 18 его помещений располагаются вокруг центрального двора прямоугольной формы. Под этим зданием находятся остатки поселений VII в. до н. э. В Понте Оливо, к северу от Гелы, раскопано несколько погребений конца эпохи бронзы, давших ряд интересных расписных ваз.

В Манфрии, в 10 *км* западнее Гелы открыто поселение эпохи ранней бронзы (1800—1400 гг. до н. э.), состоящее из девяти хижин овальной формы. Наибольшая из хижин достигала в длину 10,3 *м*. В полах прослежены отверстия от столбов, поддерживавших эти сооружения (рис. 16). Местами на полах сохранились следы обмазки из мелового штука. Вокруг хижин обнаружены следы очагов, заполненные золой и содержащие много костей животных.

В Агригенте [31] продолжаются работы в районе храма Зевса Олимпийского. К югу от него открыты фундаменты портика и монументального фонтана, большой бассейн которого был заполнен обломками терракот и краснофигурных ваз второй половины IV в. до н. э., главным образом сицилийской работы.

В Селинунте [31] в последние годы изучалась планировка античного города IV—III вв. до н. э. Выявлены две главные городские магистрали, идущие с севера на юг и с востока на запад, а также ряд пересекавших их под прямым углом улиц. Образованные этой системой улиц кварталы жилых домов имели одинаковую ширину — 30 *м*.

В 1960 г. были продолжены раскопки некрополя Селинунта, расположенного к западу от Акрополя. Могилы разнообразных типов датируются VI—V вв. до н. э.

Раскопки в Моргантине [38] в 1960 г. велись в тех же пунктах, что и в предыдущие годы. На агоре завершены раскопки здания зернохранилища; в северной его части обнаружено четыре сообщающихся друг с другом помещения. Различаются два строительных периода — III и II вв. до н. э. Позже в ряде помещений этого здания были устроены печи для обжига керамики.

На западной стороне агоры полностью расчищена западная стоя, состоявшая из пяти лавок, каждая из которых имела два расположенных друг за другом маленьких помещения. Строительство этой стои не было завершено. Время ее сооружения — начало III в. до н. э.

На холме к западу от агоры обнаружены части городских улиц и домов, расположенных правильными кварталами. На пересечении двух улиц частично раскопано монументальное жилое здание с центральным двором, обрамленным с двух или трех сторон портиком. На двор выходит большая комната, стены которой были расписаны в инкрустационном стиле, а полы украшены мозаичными вымостками, от которых сохранились лишь орнаментальные бордюры. По сторонам этой комнаты расположены узкие проходы, в одном из них найдена цистерна. Другая цистерна, давшая большое количество фрагментов керамики начала IV в. до н. э., открыта в доме, расположенном к северу от исследованного в предыдущем сезоне Дома Ганимеда.

В Центральном районе Цитадели открыто здание вытянутой формы, состоящей из четырех квадратных помещений, каждое из которых имеет дверь с северной стороны. В одной из комнат найдены обломки ваз конца VI — начала V в. до н. э. Несмотря на то, что в последующее время этот участок подвергался значительным реконструкциям, здание это оставалось без изменений. Поэтому можно предположить, что оно имело какое-то культовое назначение, но точно его характер еще не определен. На Цитадели найдено много архитектурных терракот и фрагменты чернофигурной и краснофигурной керамики.

В Центральном районе Цитадели открыто здание вытянутой формы, состоящее из четырех квадратных помещений, каждое из которых имеет дверь с северной стороны, как жилого квартала рядом с базиликой найден ряд домов, в том числе дом с перистилем, окруженным дорической колоннадой, небольшой рынок, маленькое здание терм с мозаичными полами и хорошо сохранившимся гипостилем.

Интересные работы ведутся в финикийско-пунической колонии на западном побе-

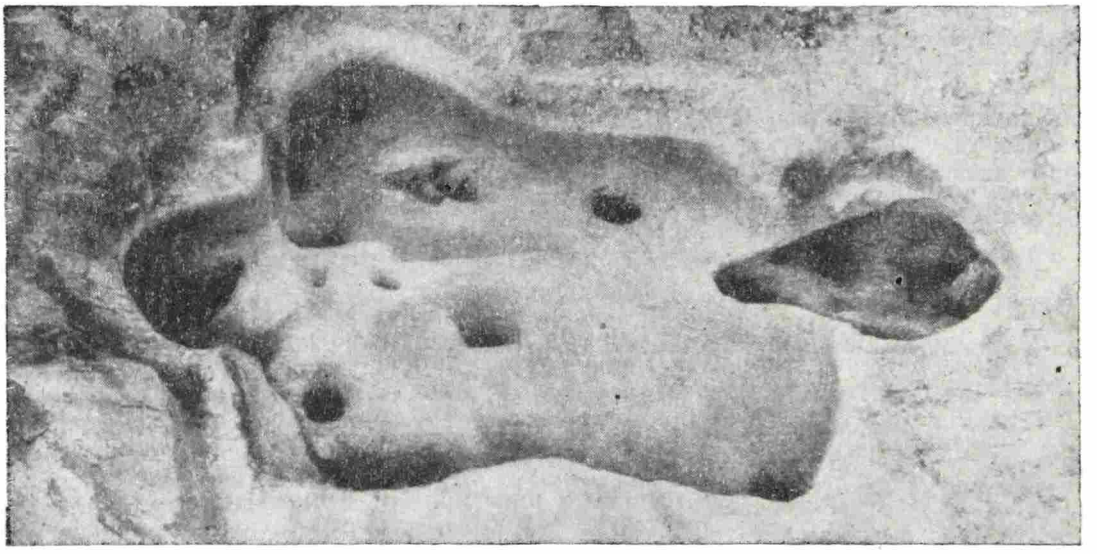


Рис. 16. Хижина эпохи ранней бронзы в Манфрии, близ Гелы

режье Сицилии, в Мотии [39], расположенной на маленьком полуострове, соединенном с сушей узким перешейком. Еще в конце прошлого века здесь были открыты оборонительные стены с башнями и воротами, остатки храма и частных домов, а также сообщающийся с морем бассейн, род внутреннего дока. Основные постройки города восходят к VI в. до н. э. Новые раскопки были сосредоточены на участке близ южных ворот, где исследовалось большое здание конца VII в. до н. э. с многочисленными комнатами, окружавшими мощеный двор. Стены здания, сложенные из мелких камней, были покрыты белой штукатуркой. Открыт новый участок некрополя, с погребениями в урнах. Мотия дает интересную картину смешения финикийской и греческой культуры. Если в архитектуре ее зданий ясно видны восточные черты, то среди находок преобладает греческая керамика; особенно хорошо представлены средне- и позднекоринфские вазы.

Продолжаются подводные исследования у побережья Италии [24]. Наиболее интересны работы в Байях. Здесь обнаружен участок римского города, с улицами, домами и портовыми сооружениями. Близ о. Джианнутри найден корабль [40], затонувший около 100 г. до н. э. Груз его состоит главным образом из большого количества сосудов различных форм.

Н. А. Сидорова

Литература

1. G. Daux. Chronique des fouilles et découverts archéogiques en Grèce en 1960. BCH, 1961, LXXXV, 2.
2. M. S. F. Hood. Archaeology in Greece, 1960—1961. Archaeological Reports for 1960—1961.
3. E. Vanderpool. News Letter from Greece, AJA, 1961, 65, 3.
4. J. K. McCredie, A. Steinberg. A. Ptolemaic Fort in Attica. AJA, 1961, 65, 2, стр. 191.
5. J. R. Wiseman. The University of Chicago Isthmian Excavations: Another Trans-Isthmian Wall. AJA, 1961, 65, 2.
6. H. S. Robinson. Excavations at Corinth, 1959—1960. AJA, 1961, 65, 2.
7. H. S. Robinson. Corinth Excavations, 1961. Archaeology, 1961, 14, 4.
8. J. Papademetriou, W. Taylor. The last days of Mycenae: Tablets and Houses Revealed in the Resumption of the late Professor Wace's Excavations. ILN, 1961, № 6373.
9. C. W. Blegen. The Palace of Nestor Excavations of 1960. AJA, 1961, 65, 2.
10. E. T. Vermeule. New Mycenaean Discoveries in Western Greece. AJA, 1961, 65, 2.
11. ILN, 1962, № 6381, стр. 130.
12. J. L. Caskey. Excavations at Agia Irini in Ceos. AJA, 1961, 65, 2.
13. J. Evans. The Nnossos before Minos: Neolithic Houses Blew the Palace Court, ILN, 1961, И 6362, № 6370.
14. S. Hood. Sir Arthur Evans Vindicated a Remarkable Discovery of Late Minoan I B Vases from Beside the Royal Road at Knossos. ILN, 1962, N 6394.
15. M. J. Mellink. Archaeology in Asia Minor. AJA, 1961, 65, 1; 1962, 66, 1, стр. 81.
16. J. M. Cook, W. H. Plommer. The Shrine of a Greek Demi-Goddes Revealed on the Coast of Asia Minor: the 2400 Year — Old Temple of Hemithea Near Pazarlik. ILN, 1961, N 6353.
17. Краткий итог работ предшествующего времени дан в статье A. Wotschitzky. Ephesus, Past, Present and Future of an Ancient Metropolis. Archaeology, 1961, 14, 3.
18. G. M. A. Hanfmann, A. H. Detweiler. From the Heights of Sardis Archaeology, 1961, 14, 1.
19. G. M. A. Hanfmann. Excavations at Sardis. AJA, 1961, 62, 2.
20. G. M. A. Hanfmann. Sardis — Lydian, Hellenistic and Byzantine. Excavations into 2000 years of the citv's History ILN, 1962, № 6401
21. G. F. Bass. The Cape Gelidonya Wreck: Preliminary Report. AJA, 1961, 65, 3; G. F. Bass, P. Throckmorton. Excavating a Bronze Age Shipwreck. Archaeology, 1961, 14, 2.
22. V. Karageorghis. Chronique des fouilles et decouvertes archeologiques a Chypre en 1960. BCH, 1961, 85, 1.
23. V. Karageorghis. The Discovery of the Greek Theatre of Cyprian Salamis Which May Well Prove One of the Largest Ancient Theatres, Ever Found. ILN, 1960, № 6303.
24. A. W. Van Buren. News Letter from Rome. AJA, 1961, 65, 4.
25. G. Carettoni. Due nuovi ambienti didinti sul Palatino. Boll. d'arte 46, 3.
26. ILN, 1961, № 6348.
27. F. de Fisscher, J. Merteus. Il colosso di Ercole scoperto ad Alba Fuceus. Boll. d'arte, 1960, 45, 4.
28. A. Maiuri. Pompei — sterro dei cumuli e isolamento della cinta murale contributo all'urbanistica della citta dissepolta. Boll. d'arte, 1960, 45, 1—2.
29. ILN, 1961, № 6353, стр. 746.
30. O. Elia. Il portico dei thiclini del Pagus Maritimus di Pompei. Boll. d'arte, 1961, 46, 3.
31. A. D. Trendall. Archaeology in South Italy and Sicily, 1958—1960, Archeological Reports for 1960—1961.

32. A. W. Van Buren. Recent Finds in Lucania, Archaeology, 1961, 14, 2.
33. F. G. Lo Porto. Recenti scoperte di tombe archaiche in Taranto. Boll. d'arte, 1961, 46, 3.
34. F. G. Lo Porto. Ricerche archeologiche in Heraclea di Lucania. Boll. d'arte, 1961, 46, 1—2.
35. C. M. Lerici. I nuovi metodi di prospezione archeologica alla scoperta delle cività sepolte. Lerici editore, Milan, 1961.
36. G. Rizza. Stipe Votiva di un Santuario di Demetra a Catania. Boll. d'arte, 1960, 45, 3.
37. G. Vallet, F. Villard. Les fouilles de Mégara Hublaea (1949—1959) Boll. d'arte, 1960, 45, 3.
38. R. Stillwell. Excavations at Morgantina (Serra Orlando), 1960, Preliminary Report, V, AJA, 1961, 65, 3.
39. B. S. J. Isserlin. The Phoenician Island City of Motya — first Discoveries in a New Series of Excavations. ILN, 1962, № 6396.
40. A. Complet Roman Gargo of Twenty Centuries Ago. ILN, 1962, N 6395.

СЕССИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МУЗЕЯ в 1960—1962 гг.

11—12 февраля 1963 г. в Государственном Историческом музее состоялась сессия Ученого Совета, посвященная итогам археологических работ музея в 1960—1962 гг. Во вступительном слове директор музея В. Г. Вержбицкий отметил, что за отчетный период музеем проведено 14 археологических экспедиций по исследованию памятников различных районов нашей страны. Работы велись в большинстве случаев совместно с Институтом археологии АН СССР, а также местными музеями и научно-исследовательскими учреждениями. Выступивший на открытии сессии академик Б. А. Рыбаков говорил о необходимости продолжения работ музея совместно с Институтом археологии и о желательности участия научных сотрудников музея в совместных публикациях археологического материала.

На первом заседании были прослушаны доклады, посвященные вопросам расселения племен эпохи неолита и бронзы в Волго-Окском районе. В. М. Раушенбах в докладе «Результаты археологических исследований многослойного памятника Николо-Перевоз в Московской области» рассказала о стоянке с пятью слоями: льяловским, волосовским, слоем, оставленным племенами, возможно, восточного происхождения, фатьяновским и дьяковским. Обращают на себя внимание открытые землянки, состоящие из нескольких жилых помещений, соединенных переходами. Раскопки дали большой вещевой материал и позволили автору решить ряд вопросов истории неолита и эпохи бронзы и говорить о более раннем заселении Волго-Окского бассейна.

В докладе И. К. Цветковой были подняты вопросы происхождения и расселения волосовских и рязанских племен в середине II тыс. до н. э. и их взаимоотношений с племенами поздняковской культуры на основании материалов, полученных при раскопках трех стоянок (Ибердус I, II, III), каждая из которых относится к одной из трех указанных культур. Работы ГИМ в Рязанской области велись совместно с Касимовским музеем. Оба доклада подверглись оживленному обсуждению, так же, как и доклад Т. Б. Поповой «Новые данные о поздняковской культуре», посвященный тем же проблемам истории племен Волго-Окского бассейна. На основании раскопок Коренецкого и Мало-Окуловского могильников автор прослеживает специфические черты племен поздняковской культуры в инвентаре и погребальном обряде, отмечая, что особую специфику представляет ритуальный костер со следами тризны около погребальной ямы. В докладе были затронуты интересные вопросы связи поздняковской, срубной, фатьяновской и средне-днепровской культур.

В докладе Э. А. Федоровой-Давыдовой были представлены результаты работ в Южном Приуралье, ведущиеся совместно с Институтом археологии АН СССР и Оренбургским краеведческим музеем. Исследованные здесь памятники позволили автору выделить черты срубной и андроновской культур в Оренбургских степях и пересмотреть прежнюю датировку алакульского этапа андроновской культуры (XV—XIII вв. до н. э.).

Совместно с Чувашским научно-исследовательским институтом и музеем работала Н. В. Трубникова в юго-западной Чувашии, где в 1962 г. ею были открыты городища и селище, оставленные племенами городецкой культуры. В ее докладе была дана характеристика городецких памятников Чувашии, поставлен вопрос о взаимосвязи их с племенами эпохи поздней бронзы. В результате раскопок открыта очень своеобразная система укрепления городища «Укся Сют».

Одно из заседаний сессии было посвящено результатам исследования памятников Таманского и Крымского полуостровов. Большой интерес вызвал доклад Н. П. Сорокиной «Некрополь Кеп». Работы на этом памятнике ведутся музеем в течение ряда лет совместно с Институтом археологии АН СССР. За три отчетных года здесь открыто 182 погребения с конца VI в. до н. э. по III в. н. э. Исследованный погребальный обряд

и инвентарь могильника позволил автору говорить о наличии жителей негреческого происхождения в Кепах.

Результатам исследования замечательного памятника крымских скифов — Неаполя Скифского был посвящен доклад И. В. Яценко. В 1960—1962 гг. ею велись раскопки монументального общественного здания, где были прослежены два строительных периода.

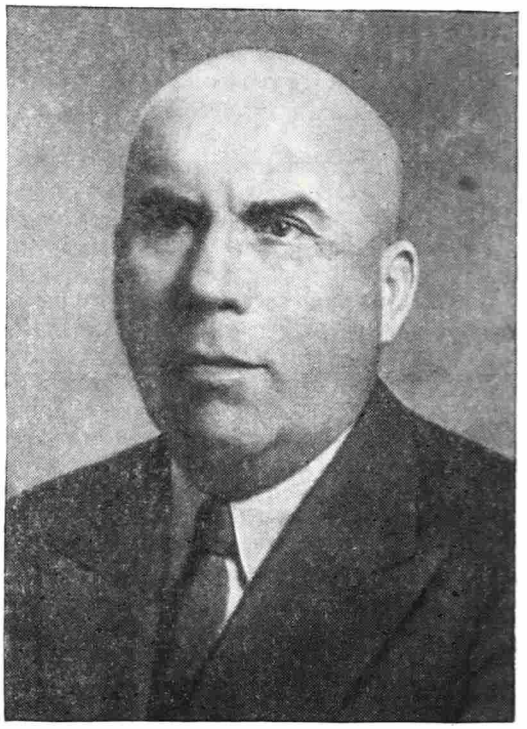
О совместных работах ГИМ и Бахчисарайского археологического музея было рассказано в докладе И. И. Гущиной «О некоторых могильниках юго-западного Крыма первых веков нашей эры». Раскопки могильников у с. Заветное Бахчисарайского района и Бельбек II Куйбышевского района дают все больше материала, свидетельствующего о проникновении в юго-западный Крым сарматского населения.

И, наконец, на последнем заседании были прослушаны и обсуждены доклады М. В. Фехнер «Ярославское Поволжье в X в. н. э.» и А. В. Успенской «Древнерусское поселение Беницы». В первом докладе был дан анализ материала из курганов у сс. Тимерево, Петровское и Михайловское Ярославской области. Работы здесь велись совместно с Ярославским музеем-заповедником. Из исследованного материала автором сделан ряд интересных выводов о принадлежности этих могильников сельскому населению и отмечена этническая смешанность населения Ярославского Поволжья в X—XI вв. С содокладом о фауне из курганных погребений Ярославской области выступила старший сотрудник Института информации АН СССР Е. Г. Андреева.

Интересные результаты раскопок древнерусского поселения Беницы содержались в докладе А. В. Успенской. На поселении были открыты наземные бревенчатые жилища с каменными и глинобитными печами разного времени. Раскопки установили, что расцвет жизни на поселении относится к XI—XII вв. н. э. Обнаруженный раскопками материал дает представление о занятиях и быте населения Бениц — одного из крупных населенных пунктов Смоленской земли.

Экспедиции музея дали большой материал, который послужит историческим источником для разработки различных проблем древней истории нашей страны. Новые памятники, включенные в коллекции музея, дополняют его фонды и могут быть широко использованы в экспозиции.

И. Гущина



ДИМИТР ЦОНЧЕВ

6 сентября 1962 г. в г. Пловдив (Болгария) скончался Димитр Цончев, старший научный сотрудник первой степени Пловдивского народного археологического музея.

Димитр Цончев родился 20 апреля 1898 г. в селе Руковци-Еленско. Начальное образование получил в г. Елена, затем окончил гимназию в г. Тырново и Софийский государственный университет. После окончания университета Димитр Цончев работал учителем в разных городах Болгарии. В 1934 г. он был назначен директором народной библиотеки и музея в г. Пловдив, которыми успешно руководил в течение многих лет. С 1955 г. и до конца своей жизни Димитр Цончев являлся научным сотрудником первой степени Пловдивского народного археологического музея.

Имя замечательного археолога Д. Цончева, ученика профессора Г. И. Кацарова, хорошо известно в научной среде как в Болгарии, так и за рубежом. Еще будучи учителем, Димитр Цончев проявил себя талантливым публицистом, пропагандирующим археологическую науку. В то время им были опубликованы первые научные работы — «Новый рельеф на Фракийском всаднике», «Античные вещи из Ловечко», «Вновь открытые древности, хранящиеся в Тырновском музее», «Новые раскопки в крепости Трапезица» и др. После вступления в должность директора народной библиотеки и музея в г. Пловдив Димитр Цончев все свои силы отдает научной деятельности. В печати появляются новые его статьи и публикации материалов. Важнейшая из статей — «Фракийское святилище у села Баткул» — была опубликована на французском и немецком языках. Особенно много сил отдал Димитр Цончев археологическому изучению Южной Болгарии.

Димитр Цончев является автором более 230 научных работ, многие из которых опубликованы за рубежом, главным образом в СССР, Франции, Бельгии, Польше, ГДР. В последние годы Д. Цончев весьма успешно занимался исследованиями фракийских святилищ у сел Варвара и Бесапара, крепости Цепина и территории водохранилища Батак.

Димитр Цончев был членом Союза научных работников Болгарии. Его работы по античной археологии отличаются тщательностью, обстоятельностью и обоснованностью выводов.

К. В. Генчев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖ — Антропологический журнал
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АИЗ — Археологические известия и заметки
АП — Археологічні пам'ятки Української РСР
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ДАК — Дела Археологической комиссии
ДИСИФ МГУ — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ
ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
Зап. НИИ Мордов. АССР — Записки Научно-исследовательского института Мордовской АССР
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАИ РАНИОН — Институт археологии и искусствознания РАНИОН
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЖ — Исторический журнал
ИЗ — Исторические записки
ИМ — Историк-марксист
ИОИАЭ — Известия Общества истории, археологии, этнографии
ИФ — Исторический факультет МГУ
КИМ — Киевский исторический музей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
КТ — Каогу Тунсинь
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
МЭН — Музей этнографии народов СССР
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский Институт языка, литературы, истории
НЛ — Новгородская летопись
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИДО — Сб.: Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПЛ — Псковские летописи
Працы БАН — Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай акадэмии навук
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САРГРУ — Среднеазиатское районное геолого-разведочное управление
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СЭ — Советская этнография
ТИИФ АН АзССР — Труды Института истории и философии АН АзССР
ТОУАК — Труды Орловской Ученой архивной комиссии
Тр. АС — Труды археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ИИАН Кирг. ССР — Труды Института истории АН Киргизской ССР
Тр. ИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории, археологии, этнографии АН Таджикской ССР
Тр. ИИНТ — Труды Института истории науки и техники
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии
Тр. Киргиз. АЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции

Тр.ОВГЭ — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа
Тр. ОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Тр. ЭАМ — Труды Этнографо-археологического музея МГУ
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ТСАРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Уч. зап. МГПИ — Ученые записки Московского государственного педагогического института
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ХАМ — Хроніка археології та мистецтва
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
AA — Archäologischer Anzeiger des Deutschen Archäologischen Instituts
AAL — Acta archaeologica Lundensia (Sweden)
AE — Ἀρχαιολογική Ἐφημερίς
AF — Ausgrabungen und Funde (Berlin)
AH — Archaeologia Hungarica
AIA — Annali dell'Instituto di corrispondenza archeologica
AS — Anatolian Studies
AZ — Archäologische Zeitung
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BMFEA — The Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities (Stockholm)
BMMA — The Bulletin of the Metropoliten Museum of Art (New Jork)
CIG — Corpus inscriptionum graecarum, ed. A. Boeck
ESA — Eurasia septentrionalic antiqua
GJ — The Geographical Journal (London)
IHKM PAN — Institut historii kultury materialnoj Polskiei Akademii nauk
ILN — The Illustrated London News
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
PBA — Proceedings of the Bribish Academia
PZ — Prähistorische Zeitschrift
QJGS — The Quarterly Journal of the Geological Society (London)
REA — Revue ds études anciennes
RL — W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie (Leipzig)
SMYA — Suomen muinais-muistoyhdistyksen aikakauskirja (Helsinki)
SPA — Survey of Persian Art
UNESCO — United Nations Educational, Scientific und Cultural Organization

ПОПРАВКА

В статье О. Н. Бадера «Палеолитические рисунки Каповой пещеры», помещенной в № 1, 1963 г., подпись под рис. 7 следует читать: рисунок мамонта с нанесенным на него изображением жилища.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Т. С. Пассек (Москва). Памяти Сергея Владимировича Киселева 3
И. И. Артеменко (Москва). Среднеднепровская культура 12
Е. Е. Кузьмина (Москва). Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов 38
В. Р. Букин (Ленинград). Возникновение садоводства 47
Г. А. Кошеленко (Москва). Парфянская фортификация 57
Б. А. Шрамко, Е. А. Цепкин (Харьков). Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII—XIII вв. 74
М. А. Бубнова (Душанбе). К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии 85
Г. Ф. Соловьева (Москва). К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI—XIII вв. 95
А. Ф. Медведев (Москва). О новгородских гривнах серебра 107
Р. Л. Розенфельдт (Москва). К вопросу о гончарных клеймах 121
И. М. Замоторин (Ленинград). О возможности установления относительных датировок территориально удаленных сооружений методом анализа древесных стволов в условиях Горного Алтая 131

Публикации

К. А. Качурис (Москва). О позднеэлладских женских глиняных статуэтках 139
В. А. Башилов (Москва). Курганы с трупосожжениями у с. Мастюгино 151
М. И. Вязьмитина (Киев). Ранние памятники скифского звериного стиля 158
М. М. Лесницкая (Ленинград). Два римских портрета III в. из собрания Эрмитажа 171
М. А. Тиханова (Ленинград). Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. 178
С. Г. Хмельницкий (Москва), **Н. Н. Негматов** (Душанбе). Михраб в с. Ашт 192
Л. Р. Кызласов (Москва). Памятник мусульманского средневековья в Туве 203
И. И. Плешанова (Ленинград). Псковские архитектурные керамические пояса 211

Заметки

А. Н. Пулянос (Москва). Новые находки палеолита в Греции 227
В. Б. Виноградов (Грозный). Бронзовый наконечник ножен из Кабардино-Балкарии 229
В. В. Веселов (Керчь). Новые находки в Керчи 233
Г. А. Цветаева (Москва). Каменный акротерий с изображением Ники 234
Я. А. Шер (Ленинград). Об одном древнетюркском изваянии из Чуйской долины 239
Ф. Д. Гуревич (Ленинград). Стеклянный резной бокал из Новогрудка . . 243
Т. И. Макарова (Москва). О происхождении поливной посуды на Руси . . 246
Я. Н. Щапов (Москва). Кирик новгородец о берестяных грамотах 251
Г. К. Вагнер (Москва). Бронзовый водолей из древнего Галича 254

Критика и библиография

Л. С. Клейн (Ленинград). Заметки о зарубежной библиографии по археологии за 1950—1960 гг. 259
А. Т. Брайчевская (Киев). М. В. Смішко. Карпатські кургани першої половини I тыс. н. е. 265

Хроника

Н. А. Сидорова (Москва). Археологические открытия в Средиземноморье в 1960—1961 гг. 271
Сессия Ученого Совета Государственного Исторического музея, посвященная итогам археологических исследований музея в 1960—1962 гг. 290
Димитр Цончев 292

SOMMAIRE

T. S. Passek (Moscou): A la mémoire de S. V. Kiselev 3
I. I. Artémenko (Moscou): La civilisation du Dniepr moyen 12
E. E. Kouzmina (Moscou): La plus ancienne figuration du chameau et le probléme de sa domestication 38
V. R. Boukine (Léningrad): L'origine de l'horticulture 47
G. A. Kochelenko (Moscou): L'art des fortifications chez les Parthes . . . 57
B. A. Chramko, E. A. Tsepkine (Kharkov): La pêche chez les habitants du gorodichtché de Donets du VIIIe au XIIIe siècles 74
N. A. Boubnova (Douchanbé): Sur l'histoire de l'industrie minière dans l'Asie Centrale au Moyen Age 85
G. F. Soloviéva (Moscou): Le probleme de l'orientation Est des inhumations dans les tumulus slaves 95
A. F. Medvedev (Moscou): Sur les «grivnas» d'argent novgorodiennes . . . 107
R. L. Rosenfeldt (Moscou): Sur la question des marques de potier 121
I. M. Zamotorine (Léningrad): Sur la possibilité de datation relative de bâtiments isolés dans l'éspace par la méthode dendrochronologique dans le haut Altaï 131

Publications

K. A. Katchouris (Moscou): Sur les figurines féminines d'argile de l'Hélladien récent 139
V. A. Bachilov (Moscou): Les tumulus à crémation près de Mastuguine . 151
M. I. Viasmitina (Kiev): Les premiers monuments de «style animal» scythe . 158
M. M. Lesnitskaia (Léningrad): Deux portraits romains de III siécle de la collection de l'Ermitage 171
M. A. Tikhanova (Léningrad): Fouilles d'un établissement des IIIe—IVe siècles prés du village Lepesovka en 1957—1959 178
S. G. Khmelnitski (Moscou), **N. N. Negmatov** (Douchanbé): Le michrab près du village Acht 192
L. R. Kyslasov (Moscou): Monument médiéval musulman à Touva . . . 203
I. I. Plechanova (Léningrad): Les ceintures de céramique dans l'architecture de Pskov 211

Notes

A. N. Poulanos (Moscou): Nouvelles trouvailles paléolithiques en Gréce . . 227
V. B. Vinogradov (Grozny): Bouterolle de bronze de Kabardino-Balcarie . . 229
V. V. Veselov (Kertch): Nouvelles trouvailles à Kertch 233
G. A. Tsvetaéva (Moscou): Acrotère de pierre à image de Nike 234
I. A. Cher (Léningrad): Sur une sculpture turque ancienne de la vallée de Tchoui 239
F. D. Gourévitch (Léningrad): Coupe en verre gravé de Novogroudok . . . 243
T. I. Makarova (Moscou): Sur l'origine de la céramique à glaçure en Russie 246
I. N. Chtchapov (Moscou): Au sujet des inscriptions sur écorce de bouleau dans un écrit de Kirik le Novgorodien 251
G. K. Vagner (Moscou): «Verseau» de bronze de l'ancien Galitch 254

Critique et bibliographie

L. S. Kleine (Léningrad): Notes sur la bibliographie étrangère 1950—1960 259
A. T. Braïtchevskaia (Kiev): M. V. Smichko. Les tumulus carpathiens du Ie millénaire av. n. ère 265

Chronique

N. A. Sidorova (Moscou): Les découverts archéologiques en Mediterranée en 1960—1961 271
Session du Museé historique d'Etat consacré à résultats des recherches archéologiques 1960—1962 292
Dimitre Tsontchev 292